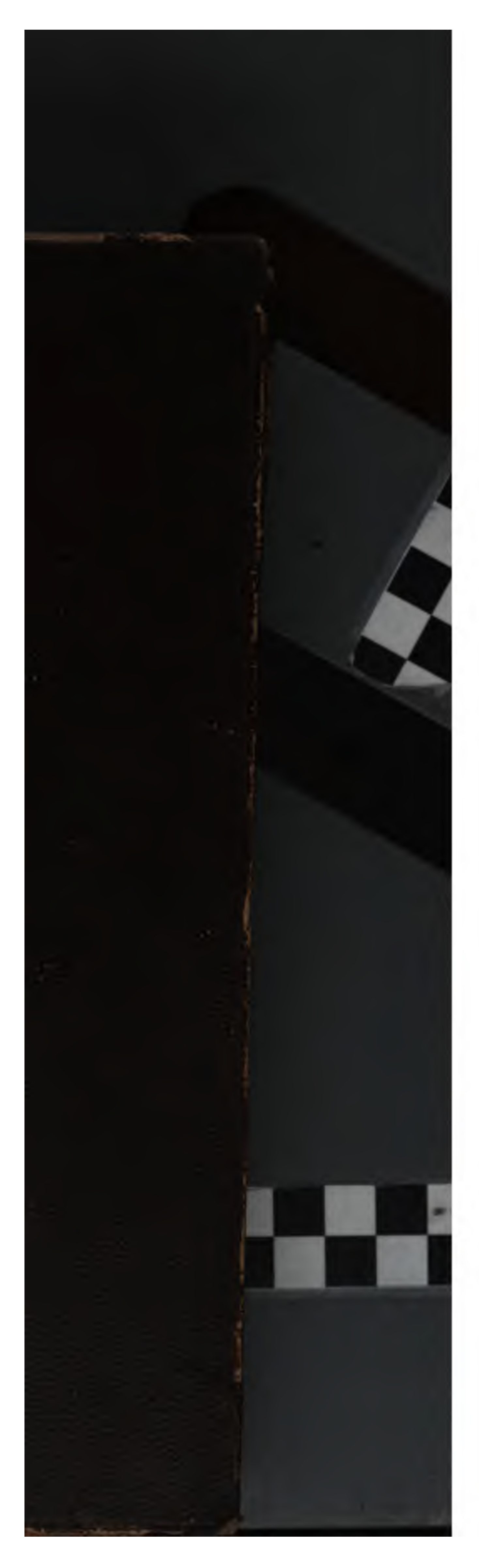

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

СОСТАВИЛЪ

А. Галаховъ.

ИЗДАНІЕ ДВАДЦАТОЕ, БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ II.

Рекомендована, какъ учебное пособіе, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для духовныхъ семинарій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Глазунова, Казанская улица, № 8.
1887.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЭПОСЪ.

I. Народный эпосъ.

Стр.

1. Иліада. *Гнѣдичъ*:
   а) Прощаніе Гектора съ Андромахой 3
   б) Единоборство Гектора и Ахиллеса 5
   в) Пріамъ въ ставкѣ Ахиллеса.... 15
2. Одиссея. *Жуковскій*:
   а) Навзикая.................... 17
   б) Пиръ у Алкиноя.............. 19
3. Наль и Дамаянти. *Жуковскій*:
   Повѣсть Змѣинаго Царя......... 23
4. Шахъ-Наме. *Жуковскій*:
   Второй бой Рустема и Зораба.... 28
5. Романсы о Сидѣ:
   а) Мщеніе Сида за безчестье отца. *Жуковскій*..................... 30
   б) Похороны Сида. *Н. Бергъ*..... 32
6. Любушинъ Судъ. *Егоже*. . . 33
7. Краледворская рукопись. *Его же*.
   Забой и Славой................ 35
8. Бановичъ Страхинья. *Его же*:
   Бой Бановича съ Аліемъ......... 37
9. Марко Кралевичъ. *Его же*:
   Марко убиваетъ Филиппа Мадьярина.......................... 39

Стр.

10. Русскій эпосъ (былины):
    А. Богатыри старшіе.
    а) Святогоръ.................. 40
    б) Волхъ Всеславьевичъ. 41
    в) Вольга Святославичъ......... 43
    В. Богатыри младшіе.
    а) Илья Муромецъ:
    аа) Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ 45
    бб) Бой Ильи Муромца съ Жидовиномъ 47
    вв) Илья Муромецъ и Поганый Идолище....................... 49
    б) Добрыня Никитичъ.......... 50
    в) Изъ былины: Алеша Поповичъ. 52
    г) Потокъ Михайло Ивановичъ... 54
    д) Изъ былины: Соловей Будиміровичъ...................... 56
    е) Василій Буслаевичъ.......... 58
    ж) Садко богатый гость......... 62
    з) Отъ чего перевелись витязи на Руси 64
    В. Историческія народныя пѣсни.
    а) Иванъ Грозный.............. 66
    б) Скопинъ-Шуйскій............ 67
    в) Ксенія Годунова............. 68
    г) Рожденіе Петра I........... —

II. Художественная героическая поэма.

11. Энеида (Виргилія). *І. Шершеневичъ*:
    Смерть Дидоны................. 69
12. Божественная комедія (Данте) *Д. Минъ*:
    а) Адъ........................ 73
    б) Графъ Уголино.... 75
13. Неистовый Орландъ (Аріоста). *С. Раичъ*:
    Бой Брадаманты съ Атлантомъ... 77
14. Освобожденный Іерусалимъ (Тассо). *С. Раичъ*:
    Очарованный лѣсъ.............. 81

15. Лувіада (Камоэнса):
Явленіе Адамастора ... 88
16. Потерянный Рай (Мильтона):
Сатана и его сообщники ... 89
17. Генріада (Вольтера):
Смерть Колиньи ... 93
18. Мессіада (Клопштока). *Жуковскій:*
Аббадона ... 94
19. Фритіофъ (Тегнера). *Я. Гротъ:*
а) Уставъ викинга ... 97
б) Искушеніе Фритіофа ... 98
20. Агасверъ. *Жуковскій:*
Разсказъ Вѣчнаго Жида ... 100
21. Полтава. *А. Пушкинъ:*
Полтавскій бой ... 102
22. Пери и Ангелъ. *Жуковскій* . 104
23. Шильонскій узникъ. *Жуковскій* ... 106
24. Наталья Долгорукая. *И. Козловъ* ... 109
25. Мцыри. *Лермонтовъ* ... 112

III. Ирои-комическій эпосъ.

26. Война мышей и лягушекъ. *Жуковскій* ... 116

IV. Животный эпосъ. Басня.

27. Рейнеке-Лисъ (Гете). *М. Достоевскій* ... 122
28. Русскія сказки о звѣряхъ:
а) Лиса и Заяцъ ... 128
б) Мужикъ, Медвѣдь и Лиса ... 129
в) Котъ, Пѣтухъ и Лиса ... 130
г) Лиса, Волкъ, Медвѣдь и Заяцъ 131
29. БогачъиБѣднякъ. *Хемницеръ*. 133
30. Метафизикъ ... —
31. Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ. *И. Дмитріевъ* ... 134
32. Чижъ и Зяблица ... 135
33. Слѣпецъ и Разслабленный . . —
34. Зеркало и Обезьяна. *И. Крыловъ* ... 136
35. Тришкинъ кафтанъ ... —
36. Любопытный ... 137
37. Гуси ... —
38. Котъ и Поваръ ... —
39. Слонъ и Моська ... 138
40. Лебедь, Щука и Ракъ ... —
41. Оселъ и Соловей ... —
42. Демьянова уха ... 139
43. Щука и Котъ ... —
44. Лжецъ ... 140
45. Лягушка и Волъ ... 141
46. Ларчикъ ... —
47. Мартышка и Очки ... —
48. Квартетъ ... 142
49. Волки и Овцы ... —
50. Пустынникъ и Медвѣдь . . 143
51. Два Мальчика ... 144
52. Вельможа ... —
53. Страсть къ стихотворству. *А. Измайловъ* ... —
54. Пьяница ... 145
55. Лгунъ ... 146

V. Сказка.

А. Русскія народныя сказки.

56. Двѣ доли ... 148
57. Хитрая наука ... 149
58. Царь Морской и Василиса Премудрая ... 151
59. Царевна-Лягушка ... 155
60. Морозко ... 158
61. Горшеня ... 159

В. Художественныя сказки.

62. Мудрецъ Керимъ. *Жуковскій*. 160
63. О рыбакѣ и рыбкѣ. *А. Пушкинъ* ... 163
64. Конекъ-Горбунокъ. *Ершовъ* . 165

VI. Романъ и повѣсть.

65. Евгеній Онѣгинъ. *А. Пушкинъ*:
а) Воспитаніе Онѣгина........ 170
б) Татьяна.................... 171
в) Гаданье и сонъ Татьяны.... —
66. Юрій Милославскій. *Загоскинъ*:
Козьма Мининъ.............. 174
67. Брынскій лѣсъ. *Его же*:
Разсказъ боярина Куродавлева. 179
68. Басурманъ. *Лажечниковъ*:
Дмитрій, внукъ Іоанна III..... 182
69. Мертвыя души. *Гоголь*:
Плюшкинъ..................... 186
70. Герой нашего времени. *Лермонтовъ*:
Знакомство съ Максимомъ Максимычемъ..................... 197
71. Ведуинъ. *Бенитцкій* 201
72. Капитанская дочка. *А. Пушкинъ*:
Встрѣча съ Екатериной II..... 202
73. Старосвѣтскіе помѣщики. *Гоголь*:
Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна..................... 205
74. Тарасъ Бульба. *Его же*.
а) Тарасъ Бульба............ 208
б) Осада...................... 209
75. Послѣдній квартетъ Бетховена. *Кн. В. Одоевскій*. 211
76. Что легко наживается, то еще легче проживается. *Даль*. . . 215
77. Тарантасъ. *Гр. Сологубъ*:
Нѣчто о Василіи Ивановичѣ. . . 217
78. Семейная хроника. *С. Аксаковъ*:
Добрый день Степана Михайловича Багрова. 222
79. *Обломовъ. И. Гончаровъ*:
Сонъ Обломова. 228
80. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. *И. Тургеневъ* 234
81. Рудинъ. *Его же*:
а) Разсказъ Лежнева........... 238
б) Рудинъ..................... 240
в) Эпилогъ.................... 242
82. Дворянское гнѣздо. *Его же*:
а) Университетскіе товарищи.. 244
б) Эпилогъ.................... 248
83. Отрочество. *Гр. Л. Толстой*:
Поѣздка на долгихъ.......... 251
84. Старая барыня. *Писемскій*:
Разсказъ дворецкаго........... 255
85. Сраженіе съ змѣемъ. *Жуковскій* 259

VII. Идиллія.

86. Идилліи Теокрита:
а) Рыбаки. *Л. Мей*........... 263
б) Сиракузянки. *Гнѣдичъ*...... 264
87. Титиръ и Мелибей (Виргилія). *Мерзляковъ* 267
88. Гезіодъ и Омиръ, соперники (Мильвуа). *Батюшковъ*. . . . 270
89. Путешественникъ и поселянка (Гете). *Жуковскій* 272
90. Утренняя звѣзда (Гебель). *Жуковскій* 274
91. Лѣтній вечеръ (Гебель). *Жуковскій* 275
92. Отставной солдатъ. *Дельвигъ*. 276
93. Червячекъ. *Кн. В. Одоевскій*. 277

VIII. Баллада.

94. Ивиковы журавли. *Жуковскій*. 280
95. Лѣсной царь (Гете). *Его же*. 282
96. Ночной смотръ (Зедлицъ). *Его же*. 283
97. Воздушный корабль (Зедлицъ). *Лермонтовъ* 283
98. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. *А. Пушкинъ* 284

99. Вѣсы: *Его же* 286
100. Торжество побѣдителей (Шиллеръ). *Жуковскій* . . . . . . —
101. Власъ. *Н. Некрасовъ*. 288
102. Василій Шибановъ. *Гр. А. Толстой* 289
103. Графъ Габсбургскій. *Жуковскій* 291

ЛИРИКА.

I. Ода.

104. Оды Горація:

а) Къ Меценату. *Фетъ*. 297
б) Къ Аполлону. . . . . —
в) Къ Деллію. 298
г) Къ Лицинію Муренѣ. . . . . —
д) Къ Меценату. 299
е) Къ Ключу Бандузію . . . . . —
ж) Къ Мельпоменѣ . . . . —
з) Эподъ 2. *Н. Бергъ* 300

105. Подражаніе Іову. *Ломоносовъ*. 301
106. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ. *Его же* . 302
107. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ. *Его же* . 303
108. На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы. *Его же*. . . . . —
109. Богъ. *Державинъ*. 306
110. На смерть кн. Мещерскаго. *Его же* 307
111. Изъ Водопада. *Его же* . . . 308
112. Фелица. *Его же* . . . . . . —
113. Видѣніе мурзы. *Его же* . . 311
114. На рожденіе порфиророднаго отрока. *Его же*. 313
115. Памятникъ. *Его же* 314
116. Лебедь. *Его же* . . . . . . —
117. Приглашеніе къ обѣду. *Его же* . . . . —
118. Размышленіе по случаю грома. *И. Дмитріевъ* 315
119. Пѣснь Моисея при прехожденіи Чермнаго моря. *Мерзляковъ* 316
120. На разрушеніе Вавилона. *Его же* 317
121. Надежда. *Батюшковъ* 318
122. Переходъ черезъ Рейнъ. *Его же* . . . . —
123. Памятникъ. *А. Пушкинъ*. . . 320
124. Клеветникамъ Россіи. *Его же*. —
125. Поэтъ. *Его же* 321
126. Пророкъ. *Его же* . . . . . . —
127. На смерть Гете. *Баратынскій* 322
128. Римъ. *Его же* . . . . —
129. Поэту. *Н. Языковъ* . . . . . —
130. Подражаніе псалму 136. *Его же* 323
131. Землетрясенье. *Его же* . . . —
132. Исканіе Бога. *Ѳ. Глинка* . . 324
133. Пророкъ. *Лермонтовъ* . . . . —
134. Споръ. *Его же* . . . . —
135. Границы человѣчества (Гете). *А. Струговщиковъ* 325
136. Подражаніе псалму XIV. *Н. Языковъ*. 326
137. Псаломъ Давида на единоборство съ Голіаѳомъ. *Мей* . . . —
138. Кремлевская заутреня на пасху. *А. Хомяковъ* 327
139 «Торжественъ, свѣтелъ и румянъ...» *А. Майковъ*. . . . . —
140. Чернь. *А. Пушкинъ* . . . . . —

II. Дума.

141. Туча. *А. Пушкинъ*. 328
142. Эхо. *Его же* . . . . —
143. «Не то, что мните вы, природа...» *Ѳ. Тютчевъ*. . . . —
144. Дума. *Лермонтовъ* 329
145. Молитва. *Его же*. . . . . . —
146. Вѣтка Палестины. *Его же* . 329
147. Послѣдняя борьба. *Кольцовъ* 330
148. Молитва. *Его же* . . . . . . —
149. Желаніе. *Хомяковъ* 331
150. Жизнь. *Клюшниковъ* . . . . . —
151. Нива. *А. Майковъ* . . . . . . —

III. Пѣсни.

А. Народныя пѣсни.

а) семейныя.

152. «А и горе, горе, гореваньице» 332
153. «Калину съ малиною вода поняла» . . . . —
154. «Ни въ умѣ было ни въ разумѣ». . . . . —
155. «Ахъ, кабы на цвѣты не морозы» 333
156. «Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка» . . . . —
157. «Выдала меня матушка далече замужъ». . . . . —
158. «Мимо моего садика». . . . —
159. «По рощицѣ Машенька гуляла». . . . . —
160. «Какъ жила-была вдовушка-вдова» 334
161. «Перекатно красно солнышко» —
162. «Цвѣла грушица во садику» —
163. «Не буйные вѣтры навѣяли» —
164. «Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго» 335
165. «Назарѣ Иванъ, сударь, Петровичъ» . . . . —
166. «Что во свѣтлой во свѣтлицѣ». 336
167. «Вы вставайте мои голубушки» . . . . —
168. «Какъ по морю—морю синему» . . . . —
169. «А мы просо сѣяли, сѣяли» 337
170. «Слава Богу на небѣ» . . . —
171. «Катилося зерно по бархату» —
172. «Идетъ кузнецъ изъ кузницы»
173. «Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася» 338
174. «Ахъ вы, горы, горы крутыя» —
175. «Ужъ какъ палъ туманъ». . —
176. «Не шуми, мати зеленая дубровушка» 339
177. «Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ». . . . . —

б) солдатскія.

178. «Какъ шли прошли солдаты» —
179. «Какъ по травонькѣ, по муравонькѣ 340
180. «Ахъ, ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ». . . . . —

в) шуточныя.

181. «Какъ во городѣ было во Суздалѣ» . . . . —
182. «Ходили дѣвушки по бережку» —

Б. Художественныя пѣсни.

183. Пѣсни Анакреона:
а) къ Лирѣ. *Мей*. 341
б) Эротъ. . . . . —
в) Веснѣ. . . . . —
г) Кузнечику 342
д) Умѣренность. . . . . —
184 Подражаніе Анакреону. *А. Майковъ*. . . . . —
185. Пѣснь Русскому Царю. *Жуковскій* . . . . —
186. Пѣснь бѣдняка. *Его же* . . 343

187. «Минувшихъднейочарованье» *Его же* 343
188. Пѣсня дѣвушекъ. *А. Пушкинъ*. . . . . —
189. Тоска въ одиночествѣ. *Мерзляковъ*. 344
190. Черкесская пѣсня. *А. Пушкинъ* —
191. «Я пережилъ свои желанья» *Его же* . . . . —
192. Пловецъ. *Н. Языковъ*. . . . 345
193. «Пѣла, пѣла пташечка». *Дельвигъ*. . . . . —
194. «Ахъ, ты ночь ли ноченька» *Его же*. . . . . —
195. «Море воетъ, море стонетъ». *Д. Давыдовъ* 346
196. «Сладко пѣлъ душа-соловушко». *Лажечниковъ*. . . . . . —
197. Казачья колыбельная пѣсня. *Лермонтовъ* . . . . —
198. Лѣсъ. *Кольцовъ* 347
199. «Сяду я за столъ». *Его же*. 348
200. «Что ты спишь, мужичекъ». *Его же* . . . . —
201. Пѣсня пахаря. *Его же* . . . 349
202. «По полю, полю чистому». *Цыгановъ*. 350
203. «Полетай, соловеюшко». *Его же* . . . . —

IV. Элегія.

204. Посланіе съ Понта (Овидія) *А. Майковъ*. 351
205. Тибуллова элегія. *Батюшковъ*. 352
206. «Опять ты здѣсь, мой благодатный геній» (Гете). *Жуковскій* 353
207. Теонъ и Эсхинъ. *Его же*. . 354
208. Жалоба Цереры (Шиллеръ). *Его же* 355
209. Тѣнь друга. *Батюшковъ* . . 357
210. «Смерть жатву жизни коситъ» *Кн. Вяземскій* 358
211. Опять на родинѣ. *А. Пушкинъ*. . . . . —
212. Слезы. *Кн. Вяземскій* . . . 359
213. 19 октября. *А. Пушкинъ*. . —
214. Воспоминаніе. *Его же* . . . 361
215. Осень. *Его же* . . . . —
216. «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье. *Его же* 362
217. Истина. *Баратынскій* . . . 362
218. Поэтъ и другъ. *Веневитиновъ* 363
219. Ангелъ. *Лермонтовъ* 364
220. Парусъ. *Его же* . . . . . . —
221. «Когда волнуется желтѣющая нива». *Его же*. . . . . . . —
222. «Выхожу одинъ я на дорогу» *Его же* 365
223. Осенній вечеръ. *Ѳ. Тютчевъ*. —
224. «Пошли Господь свою отраду.» *Его же* . . . . —
225. «Когда вечерняя спускается роса». *Хомяковъ*. . . . . . —
226. Къ дѣтямъ. *Его же* 366
227. Вечерній звонъ. *И. Козловъ*. —
228. «Внимая ужасамъ войны». *Н. Некрасовъ*. . . . . —
229. Дорога. *Полонскій* . . . . . —
230. Вырыта заступомъ яма глубокая. *Никитинъ* 367

V. Сатира и эпиграмма.

231. Сатира Горація противъ любостяжанія *М. Дмитріевъ* . . 367
232. Къ уму своему. *Кантемиръ*. 370
. Чужой толкъ. И. *Дмитріевъ*. 373
234. Посланіе къ И. Дмитріеву. *Кн. Вяземскій* 376
235. «Мнѣ лѣкарь говорилъ». *И. Дмитріевъ* 378

236. Сожалѣніе. *Его же* 378
237. Пятнадцатилѣтній стихотворецъ. *В. Пушкинъ* . . . . . —
238. Совѣтъ эпическому стихотворцу. *Батюшковъ* . . . . . —
239. Объясненное сомнѣніе. *Кн. Вяземскій*. 379
240. Исторія стихотворца. *А. Пушкинъ* 379
241. Пріятелямъ. *Его же*. . . . . —
242. Ex ungue leonem. *Его же* . —
243. «Нѣтъ, кажется, тебѣ не суждено». *Д. Давыдовъ*. . . . . —
244. «Остра твоя, конечно, шутка» *Его же* . . . . —

VI. Антологическія піесы, сонеты и другія стихотворенія.

245. Близость весны. *Жуковскій* . 380
246. «Въ обители ничтожества унылой.» *Батюшковъ* . . . . . . —
247. «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда». *А. Пушкинъ* . . . . —
248. Примѣты *Его же* . . . . . . —
249. Муза. *Его же* 381
250. Послѣдніе цвѣты. *Его же*. . —
251. Трудъ. *Его же* . . . . —
252. Горныя вершины. *Лермонтовъ* —
253. Призывъ. *А. Майковъ* . . . —
254. «Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты». *Его же*. . . 382
255. Сомнѣніе. *Его же*. . . . . . —
256. «Муза, богиня Олимпа». *Фетъ*. —
257. «Постой, здѣсь хорошо». *Его же* 383
258. Вечера и ночи. *Его же* . . . —
259. Посейдонъ. *Его же* 384
260. «Посмотри, какая мгла».. *Полонскій* 385
261. Вечеръ. *Его же*. . . . . . . —
262. Цвѣтокъ. *Бенедиктовъ*. . . . —
263. «Къ Тебѣ, о чистый Духъ». . *Веневитиновъ* . . . . —
264. Мадонна. *А. Пушкинъ*. . . . —
265. Ангелъ. *Его же*. 386
266. Ангелъ. *Полонскій* . . . . . —
267. Вечеръ. *И. Аксаковъ*. . . . . —
268. Утро. *Н. Языковъ* 387
269. «Въ часы забавъ иль праздной скуки». *А. Пушкинъ* . . —
270. Давидъ. *Хомяковъ*. . . . . . —
271. «Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ». *Фетъ*. . . . . —
272. Береза. *Его же* . . . . —
273. Дѣдушка. *Никитинъ* 388
274. Двѣ дороги. *И. Аксаковъ* . . —

ДРАМА.

I. Трагедія и Драма.

275. Эдипъ царь (Софокла). *О. Шестаковъ* 391
276. Эдипъ въ Колонѣ (Софокла). *Водовозовъ*. 402
277. Ифигенія въ Тавридѣ (Эврипида). *Мерзляковъ* 405
278. Гамлетъ (Шекспира). *Кронебергъ* и *Вронченко*. 415
279. Макбетъ (Шекспира). *Кронебергъ* и *Вронченко*. 424
280. Коріоланъ (Шекспира). *А. Дружининъ*. 432
281. Лиръ (Шекспира). *Дружининъ*. 439
282. Горацій (Корнеля). *П. Катенинъ*. 450
283. Орлеанская Дѣва (Шиллера). *Жуковскій* 455
284. Борисъ Годуновъ. *А. Пушкинъ* 461

II. Комедія.

285. Облака (Аристофана). *И. Муравьевъ-Апостолъ* 469
286. Недоросль. *Фонъ-Визинъ* . . 472
287. Горе отъ ума. *Грибоѣдовъ* . 481
288. Ревизоръ. *Гоголь* 493

ПРИМѢЧАНІЯ (стр. 499).

ЭПОСЪ.

I. НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

1. ИЛІАДА.

Прощаніе Гектора съ Андромахой.

… Гекторъ стремительно изъ дому вышелъ
Прежней дорогой назадъ, по красноустроеннымъ стогнамъ.
Онъ приближался уже, протекая обширную Трою,
Къ Скейскимъ воротамъ (чрезъ нихъ былъ выходъ изъ города въ поле);
Тамъ Андромаха супруга, бѣгущая въ встрѣчу, предстала,
Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетіона:
Сей Гетіонъ обиталъ при подошвахъ лѣсистаго Плака,
Въ Ѳивахъ Плакійскихъ, мужей киликіянъ властитель державный;
Онаго дочь сочеталась съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ.
Тамъ предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Гекторъ его называлъ Скамандріемъ; граждане Трои
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, взглянувши на сына безмолвный.
Подлѣ него Андромаха стояла, ліющая слезы;
Руку пожала ему и такія слова говорила:
«Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной матери! скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вмѣстѣ напавъ, умертвятъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
Лучше мнѣ въ землю сойти; никакой мнѣ не будетъ отрады,
Если, постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой
Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій
Въ день, какъ и градъ разорилъ киликійскихъ народовъ цвѣтущій,
Ѳивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
Но не смѣлъ обнажить: устрашался нечестія сердцемъ;
Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ,
Создалъ надъ прахомъ могилу, и окрестъ могилы той ульмы
Нимфы холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери.
Братья мои однородные—семь оставалось ихъ въ домѣ—
Всѣ и въ единый день преселились въ обитель Аида:
Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,
Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака царицу,
Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ съ другими добычами брани,
Но даровалъ ей свободу, принявъ неисчислимый выкупъ;

Феба жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ.
Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ, и любезная матерь,
Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный.
Сжалься-же ты надо мною и съ нами останься на башнѣ,
Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою.
Воинство наше поставь у смоковницы; тамъ наипаче
Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ.
Трижды туда приступая, на градъ покушались герои:
Оба Аяксы могучіе, Идоменей знаменитый;
Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ;
Вѣрно о томъ имъ сказалъ прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце».
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
Стыдъ мнѣ предъ каждымъ троянцемъ и длинноодежной троянкой,
Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
Храбро всегда, межъ троянами первыми, биться на битвахъ,
Доброй славы отцу и себѣ самому добывая.
Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью и сердцемъ,
Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое! какъ тебя аргивянинъ, мѣдью покрытый,
Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
И, невольница, въ Аргосѣ будешь ты ткать чужеземкѣ,
Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гиппѳрея,
Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
Льющую слезы—тебя кто-нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
Всѣхъ конеборцевъ троянъ, какъ сражалися вкругъ Иліона!
Скажетъ, и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства.
Но да погибну и буду засыпанъ я перстью земною
Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу!»
Рекъ—и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышноризной кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ и гребень увидѣвъ косматый,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы, не медля, снимаетъ божественный Гекторъ,
Наземь кладетъ его пышноблестящій и, на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и, поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:
«Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ,

Также и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно!
Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
Онъ и отца превосходитъ! и пусть онъ съ кровавой корыстью
Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!»
Рекъ—и супруги любезной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; его къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнялъ ее и, рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:
«Добрая! сердца себѣ не круши неумѣренной скорбью.
Противъ судьбы меня человѣкъ не пошлетъ къ Аидесу;
Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родился.
Шествуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами;
Тканьемъ, пряжей займися; приказывай женамъ домашнимъ
Дѣло свое исправлять; а война—мужей озаботитъ
Всѣхъ, наиболѣ-жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ».
Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли бронеблещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ; и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славнаго дома
Гектора мужегубителя; въ ономъ служительницъ многихъ,
Собранныхъ вмѣстѣ, нашла и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Всѣ, о живомъ еще Гекторѣ, плакали въ Гектора домѣ.
Нѣтъ, онѣ помышляли, ему изъ погибельной брани
Въ домъ не придти, не избѣгнуть отъ рукъ и свирѣпства данаевъ!

б) Единоборство Гектора и Ахиллеса.

Съ ужасомъ въ городъ вбѣжавъ, какъ олени младые, трояне
Потъ прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стѣнѣ на забрала склоняяся; но аргивяне
Подъ стѣну прямо неслися, щиты къ раменамъ преклонивши.
Гекторъ же въ оное время, какъ скованный гибельнымъ рокомъ,
Въ полѣ остался, одинъ передъ Троей и башнею Скейской.
Богъ Аполлонъ между тѣмъ провѣщалъ къ Пелеіону герою:
«Что ты меня, о Пелидъ, уповая на быстрыя ноги,
Смертный, преслѣдуешь бога безсмертнаго? Или доселѣ
Бога во мнѣ не узналъ, что безъ отдыха пышешь свирѣпствомъ?
Ты пренебрегъ и опасность троянъ, пораженныхъ тобою:
Скрылись они уже въ стѣны: а ты здѣсь по полю рыщешь.
Но отступи: не убьешь ты меня, не причастенъ я смерти.»
Вспыхнувши гнѣвомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Такъ обманулъ ты меня, о зловреднѣйшій между богами!
Въ поле отвлекъ отъ стѣны! Безъ сомнѣнія многимъ еще бы
Землю зубами глодать, до того какъ сокрылися въ Трою!
Славы прекрасной меня ты лишилъ; а сыновъ Иліона
Спасъ безъ труда, ни чьего не страшася отмщенія послѣ...
Я отомстилъ бы тебѣ, когда бъ то возможно мнѣ было!»
Такъ произнесъ онъ, и къ граду съ рѣшимостью гордой понесся
Бурный, какъ конь съ колесницей, всегда побѣдительный въ бѣгѣ,
Быстро несется къ метѣ, разстилаясь по чистому полю:
Такъ Ахиллесъ оборачивалъ быстро могучія ноги.

Первый, старецъ Пріамъ со стѣны Ахиллеса увидѣлъ,
Полемъ летящаго, словно звѣзда, окруженнаго блескомъ;
Словно звѣзда, что подъ осень съ лучами огнистыми всходитъ
И между звѣздъ неисчетныхъ горящая въ сумракахъ ночи
(Псомъ Оріона ее нарицаютъ сыны человѣковъ)
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ, но знаменьемъ грознымъ бываетъ;
Злыя она огневицы наноситъ смертнымъ несчастнымъ:
Такъ у героя бѣгущаго мѣдь вокругъ персей блистала.
Вскрикнулъ Пріамъ; сѣдую главу поражаетъ руками,
Къ небу длани подъемлетъ, и горестнымъ голосомъ вопитъ,
Слезно молящій любезнаго сына; но тотъ предъ вратами
Молча стоитъ, безпредѣльно пылая сразиться съ Пелидомъ.
Жалобно старецъ къ нему и слова простираетъ и руки:
«Гекторъ, возлюбленный сынъ мой! Не жди ты сего человѣка
Въ полѣ одинъ, безъ друзей, да своей не найдешь ты кончины,
Сыномъ Пелея сраженный: тебя онъ могучѣе въ битвахъ!
Лютый! когда бы онъ былъ и безсмертнымъ столько жъ любезенъ,
Сколько мнѣ: о, давно бъ уже трупъ его псы растерзали:
Тяжкая горесть моя у меня отступила бъ отъ сердца!
Сколько сыновъ у меня онъ младыхъ и могучихъ похитилъ,
Или убивъ, иль продавъ племенамъ острововъ отдаленныхъ!
Вотъ и теперь Ликаона нѣтъ, и нѣтъ Полидора;
Ихъ обоихъ я не вижу, въ толпахъ заключившихся въ стѣны,
Юношей милыхъ, рожденныхъ царицею женъ Лаоѳоей.
О! если живы они, но въ плѣну, изъ ахейскаго стана
Ихъ мы искупимъ и мѣдью и златомъ: обильно ихъ дома;
Много сокровищъ за дочерью выдалъ мнѣ Альтъ знаменитый.
Если жъ погибли они и уже въ Аидесовомъ домѣ,
Горе и мнѣ и матери, кои на скорбь ихъ родили!
Но народу троянскому горести менѣе будетъ,
Только бы ты не погибъ, Ахиллесомъ ужаснымъ сраженный.
Будь же ты съ нами, сынъ милый! Войди въ Иліонъ, да спасешь ты
Женъ и мужей иліонскихъ, да славы не даруешь громкой
Сыну Пелея, и жизни сладостной самъ не лишишься!
О! пожалѣй и о мнѣ ты, пока я дышу еще, бѣдномъ,
Старцѣ злосчастномъ, котораго Зевсъ предъ дверями могилы
Казнью ужасной казнитъ, принуждая всѣ бѣдствія видѣть:
Видѣть сыновъ убиваемыхъ, дщерей въ неволю влекомыхъ,
Домы Пергама громимые, самыхъ младенцевъ невинныхъ
Видѣть объ долъ разбиваемыхъ, въ сей разрушительной брани,
И невѣстокъ влачимыхъ руками свирѣпыхъ данаевъ!...
Самъ я послѣдній паду, и меня на порогѣ домашнемъ
Алчные псы растерзаютъ; когда смертоносною мѣдью
Кто-либо въ сердце умѣтитъ и душу изъ персей исторгнетъ,
Псы, что вскормилъ при моихъ я трапезахъ, привратные стражи,
Кровью упьются моей и, унылые сердцемъ, на прагѣ
Лягутъ при тѣлѣ моемъ искаженномъ. О, юношѣ славно,
Какъ ни лежитъ онъ упавшій въ бою и растерзанный мѣдью:
Все у него и у мертваго, что ни открыто, прекрасно!
Если жъ сѣдую браду и сѣдую главу человѣка,

Ежели стыдъ у старца убитаго псы оскверняютъ,
Участи болѣе горестной нѣтъ человѣкамъ несчастнымъ!»
Такъ вопіялъ, и свои серебристые волосы старецъ
Рвалъ на главѣ, но у Гектора сына души не подвигнулъ.
Матерь за нимъ, на другой сторонѣ, возопила рыдая;
Перси рукой обнаживъ, а другую на грудь указуя,
Сыну, ліющая слезы, крылатую рѣчь устремляла:
«Сынъ мой! почти хоть сіе; пожалѣй хоть матери бѣдной!
Если я дѣтскій твой плачъ утоляла отрадною грудью,
Вспомни объ ономъ, любезнѣйшій сынъ, и ужаснаго мужа,
Въ стѣны вошедъ, отражай; передъ нимъ ты не стой одинокій!
Если, неистовый, онъ одолѣетъ тебя, о мой Гекторъ,
Милую отрасль мою, ни я на одрѣ не оплачу,
Ни Андромаха супруга: далеко отъ насъ отъ обѣихъ,
Въ станѣ тебя мирмидонскомъ свирѣпые псы растерзаютъ!»
Такъ рыдая. они говорили къ любезному сыну;
Такъ умоляли, но Гектора въ персяхъ души не подвигли.
Онъ ожидалъ Ахиллеса великаго, несшагось прямо.
Словно какъ горный драконъ у пещеры ждетъ человѣка,
Травъ ядовитыхъ нажравшись и черной наполняся злобой,
Въ стороны страшно глядитъ, извиваяся вкругъ надъ пещерой:
Гекторъ таковъ, несмиримаго мужества полный, стоялъ тамъ,
Выпуклосвѣтлымъ щитомъ упершись въ основаніе башни;
Мрачно вздохнувъ наконецъ, говорилъ онъ въ душѣ возвышенной:
«Стыдъ мнѣ, когда я, какъ робкій, въ ворота и стѣны укроюсь!
Первый Полидамасъ на меня укоризны положитъ:
Полидамасъ мнѣ совѣтовалъ ввесть ополченія въ городъ,
Въ оную ночь роковую, какъ вновь Ахиллесъ ополчился.
Я не послушалъ, но вѣрно полезнѣе было бъ послушать!
Такъ, троянскій народъ погубилъ я моимъ безразсудствомъ.
О! стыжуся троянъ и троянокъ длинноодежныхъ!
Гражданинъ, самый послѣдній, можетъ сказать въ Иліонѣ:
Гекторъ народъ погубилъ, на свою понадѣявшись силу!
Такъ Иліоняне скажутъ. Стократъ благороднѣе будетъ
Противостать и, Пелеева сына убивъ, возвратиться,
Или въ сраженіи съ нимъ передъ Троею славно погибнуть!
Но... и почто же? Если оставлю щитъ свѣтлобляшный,
Шлемъ тяжелый сложу и, копье прислонивши къ твердынѣ,
Самъ я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
Если ему обѣщаю Елену и вмѣстѣ богатства
Всѣ совершенно, какія Парисъ въ корабляхъ глубодонныхъ
Съ нею привезъ въ Иліонъ (роковое раздора начало!),
Выдать Атридамъ и вмѣстѣ притомъ раздѣлить аргивянамъ
Всѣ остальныя богатства, какія лишь Троя вмѣщаетъ?
Если съ троянъ наконецъ я потребую клятвы старѣйшинъ:
Намъ ничего не скрывать, но представить всѣ для раздѣла
Наши богатства, какія лишь градъ заключаетъ любезный?...
Боги! какимъ предаюся я помысламъ? Нѣтъ, къ Ахиллесу
Я не пойду, какъ молитель! Не сжалится онъ надо мною,
Онъ не уважитъ меня, нападетъ и меня безъ оружія,

Нагло убьетъ онъ, какъ женщину, если доспѣхъ я оставлю.
Нѣтъ, теперь не година съ зеленаго дуба иль съ камня
Намъ съ нимъ бесѣдовать мирно, какъ юноша съ сельскою дѣвой:
Юноша, съ сельскою дѣвою свидясь, бесѣдуютъ мирно;
Намъ же къ сраженію лучше сойтись, и не медля увидимъ,
Славу кому между насъ даровать Олимпіецъ разсудитъ!»
Такъ размышляя, стоялъ; а къ нему Ахиллесъ приближался,
Грозенъ, какъ богъ Эніалій, сверкающій шлемомъ по сѣчѣ;
Ясень отцевъ пеліонскій на правомъ плечѣ колебалъ онъ
Страшный; вокругъ его мѣдь ослѣпительнымъ свѣтомъ сіяла,
Будто огонь распылавшійся, будто всходящее солнце.
Гекторъ увидѣлъ, и взялъ его страхъ: больше не могъ онъ
Тамъ оставаться, отъ Скейскихъ воротъ побѣжалъ устрашенный.
Бросился гнаться Пелидъ, уповая на быстрыя ноги.
Словно соколъ на горахъ, изъ пернатыхъ быстрѣйшая птица,
Вдругъ съ быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
Въ стороны вьется она, а соколъ надъ нею; и часто
Разомъ онъ крикнетъ и кинется, жадный добычу похитить:
Такъ онъ за Гекторомъ пламенный гнался; а трепетный Гекторъ
Вдоль подъ стѣной убѣгалъ и быстро оборачивалъ ноги.
Мимо холма и смоковницы, съ вѣтрами вѣчно шумящей,
Оба, вдали отъ стѣны, колесничной дорогою мчались;
Оба къ ключамъ свѣтлоструйнымъ примчалися, гдѣ съ быстротою
Два вытекаютъ источника быстропучиннаго Ксанѳа.
Теплой водою струится одинъ, и кругомъ непрестанно
Паръ отъ него подымается, словно какъ дымъ отъ огнища;
Но источникъ другой и средь лѣта студеный катится,
Хладный какъ градъ, какъ снѣгъ, какъ въ кристаллъ превращенная влага.
Тамъ близь ключей водоемы широкіе, оба изъ камней
Были красиво устроены; къ нимъ свои бѣлыя ризы
Жены троянъ и прекрасныя дщери ихъ мыть выходили
Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати ахейской.
Тамъ прористали они, и бѣгущій и быстро гонящій.
Сильный бѣжалъ впереди, но преслѣдовалъ много сильнѣйшій,
Бурно несясь; не о жертвѣ они, не о кожѣ воловой
Спорились бѣгомъ: обычная мзда то ногамъ бѣгоборцевъ;
Нѣтъ, объ жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И какъ на играхъ, умершему въ почесть, побѣдные кони
Окрестъ меты бѣговой съ быстротою чудесною скачутъ;
Славная ждетъ ихъ награда — младая жена иль треножникъ:
Такъ троекратно они предъ великою Троей кружились,
Быстро носящіесь. — Всѣ божества на героевъ смотрѣли;
Слово межъ оными началъ Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ:
«Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града,
Видятъ очи мои, и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце!
Гекторъ, мужъ благодушный, тельчія тучныя бедра
Мнѣ возжигалъ въ благовоніе часто на Идѣ холмистой,
Часто на выси пергамской: а днесь Ахиллесъ градоборецъ
Гектора около града преслѣдуетъ, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы и совѣтомъ сердецъ положите,

Гектора мы сохранимъ ли отъ смерти, или напослѣдокъ
Сыну Пелея дадимъ побѣдить знаменитаго мужа.»
Зевсу не медля рекла свѣтлоокая дѣва Паллада:
«Молніеносный отецъ, чернооблачный! что ты вѣщаешь?
Смертнаго мужа, издревле судьбѣ обреченнаго общей,
Хочешь ты, Зевсъ, разрѣшить совершенно отъ смерти печальной?
Волю твори, но не всѣ на нее согласимся мы боги!»
Ей не медля отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:
«Бодрствуй, Тритонія, милая дочь! Не съ намѣреньемъ въ сердцѣ
Я говорю, и съ тобою милостивъ быть я желаю.
Волю твори, и желаніе сердца не медля исполни.»
Рекъ—и возжегъ еще болѣ пылавшую сердцемъ Аѳину:
Бурно она понеслась, отъ Олимпа высокаго бросясь.
Гектора жъ, въ бѣгствѣ преслѣдуя, гналъ Ахиллесъ непрестанно.
Словно какъ песъ по горамъ молодаго гонитъ оленя,
Съ лога поднявъ, и несется за нимъ чрезъ кусты и овраги;
Даже и скрывшагося, если онъ въ страхѣ подъ кустъ припадаетъ,
Чуткій слѣдитъ и бѣжитъ безпрестанно, покуда не сыщетъ:
Такъ Пріамидъ отъ Пелида не могъ отъ быстраго скрыться.
Сколько онъ разъ ни пытался, у вратъ пробѣгая дарданскихъ,
Броситься прямо къ стѣнѣ, подъ высоковершинныя башни,
Гдѣ бы трояне его съ высоты защитили стрѣлами:
Столько разъ Ахиллесъ, упредивъ, отбивалъ Пріамида
Въ поле; а самъ непрестанно держался твердыни, летѣлъ онъ.
Словно во снѣ человѣкъ изловить человѣка не можетъ;
Сей убѣжать, а другой уловить напрягается тщетно:
Такъ и герои—ни сей не догонитъ, ни тотъ не уходитъ.
Какъ бы и могъ Пріамидъ избѣжать отъ судьбы и отъ смерти,
Если бъ ему, и въ послѣдній ужъ разъ, Аполлонъ не явился?
Онъ укрѣплялъ Пріамиду и силы и быстрыя ноги.
Войскамъ межъ тѣмъ помавалъ головою Пелидъ быстроногій,
Имъ запрещая бросать противъ Гектора горькія стрѣлы.
Славы бъ не отнялъ пронзившій, а онъ бы вторымъ не явился.
Но лишь въ четвертый разъ до Скамандра ключей прибѣжали,
Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающій долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
Взялъ по срединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій.
Тяжкій къ Аиду упалъ, Аполлонъ отъ него удалился.
Сыну жъ Пелея съ сіяющимъ взоромъ явилась Паллада;
Близко пришла и къ нему провѣщала крылатыя рѣчи:
«Нынѣ, надѣюсь, любимецъ боговъ, Ахиллесъ благородный,
Славу великую мы принесемъ на суда мирмидонянъ:
Гектора мы поразимъ, ненасытнаго боемъ героя.
Болѣе, мню я, отъ нашей руки не избыть Пріамиду,
Сколько ни будетъ о томъ Аполлонъ стрѣлометный трудиться,
Распростирающійся предъ могучимъ Отцемъ громовержцемъ.
Стань и вздохни, Пелеіонъ: Пріамида сведу я съ тобою,
И сама преклоню, да противу тебя онъ сразится.»
Такъ говорила; Пелидъ покорился и, радости полный,

Сталъ, опершись на сіяющій ясень свой мѣдноконечный.
Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла
И, уподобясь Дейфобу и видомъ и голосомъ звучнымъ,
Стала предъ нимъ и крылатыя рѣчи коварно вѣщала:
«Братъ мой почтенный! жестоко тебя Ахиллесъ утѣсняетъ,
Около града Пріамова бурнымъ преслѣдуя бѣгомъ.
Но остановимся здѣсь и могучаго встрѣтимъ безстрашно».
Ей отвѣтствовалъ сильный, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«О Деифобъ! и всегда ты, съ младенчества, былъ мнѣ любезенъ
Болѣе всѣхъ моихъ братьевъ, Пріама сыновъ и Гекубы;
Нынѣ жъ и прежняго болѣе долженъ тебя почитать я:
Ради меня ты отважился, видя единаго въ полѣ,
Выдти изъ стѣнъ, тогда какъ другіе въ стѣнахъ остаются.»
Вновь говорила ему свѣтлоокая дочь Громовержца:
«Гекторъ, меня умоляли отецъ и почтенная мать,
Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
Съ ними остаться: такимъ они всѣ преисполнены страхомъ.
Но по тебѣ сокрушалось тоскою глубокою сердце.
Станемъ надежно теперь и сразимся мы пламенно: копій
Не къ чему болѣ щадить; и увидимъ теперь, Ахиллесъ ли
Насъ обоихъ умертвитъ и кровавыя наши корысти
Къ чернымъ судамъ повлечетъ, иль копьемъ онъ твоимъ укротится!»
Такъ вѣщая, коварно впередъ выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные другъ противъ друга;
Первый къ Пелиду воскликнулъ шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Сынъ Пелеевъ, тебя убѣгать не намѣренъ я болѣ!
Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ, не дерзая
Встрѣтить тебя нападавшаго; нынѣ же сердце велитъ мнѣ
Стать и сразиться съ тобою: убью, или буду убитъ я!
Прежде жъ боговъ мы возьмемъ во свидѣтельство; лучшіе будутъ
Боги свидѣтели клятвъ и хранители нашихъ условій:
Тѣла тебѣ я не буду безчестить, когда громовержецъ
Даруетъ мнѣ устоять и оружіемъ духъ твой исторгнуть:
Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесъ, совлеку я;
Тѣло жъ отдамъ мирмидонцамъ; и ты договоръ сей исполни.»
Грозно взглянулъ на него и вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Гекторъ, врагъ ненавистный, не мнѣ предлагай договоры!
Нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца;
Вѣчно враждебны они, злоумышленны другъ противъ друга:
Такъ и межъ насъ невозможна любовь; никакихъ договоровъ
Быть между нами не можетъ, покоілѣ одинъ, распростертый,
Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты долженъ
Быть копьеборцемъ отличнымъ и воиномъ неустрашимымъ!
Бѣгства тебѣ уже нѣтъ; подъ моимъ копьемъ Тритогена
Скоро тебя укротитъ; и заплатишь ты разомъ за горе
Друговъ моихъ, которыхъ избилъ ты, свирѣпствуя мѣдью!»
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, послалъ длиннотѣнную пику.
Въ пору завидѣвъ ее, избѣжалъ шлемоблещущій Гекторъ;

Быстро приникъ онъ къ землѣ, и надъ нимъ пролетѣвшая пика
Въ землю вонзилась; но, вырвавъ ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
Гекторъ же громко воскликнулъ къ Пелееву славному сыну:
«Празденъ ударъ! и нимало, Пелидъ, безсмертнымъ подобный,
Доли моей не узналъ ты отъ Зевса, хотя возвѣщалъ мнѣ;
Но говорливъ и коваренъ рѣчами ты былъ предо мною
Съ цѣлью, чтобъ я, оробѣвъ, потерялъ и отважность и силу.
Нѣтъ, не бѣжать я намѣренъ: копье не въ хребетъ мнѣ вонзишь ты;
Прямо лицемъ на тебя устремленному, грудь прободи мнѣ,
Ежели богъ то судилъ! Но копья и сего берегися
Мѣднаго! Если бы острое въ тѣло ты все его принялъ!
Легче была бы кровавая брань для сыновъ Иліона,
Еслибъ тебя сокрушилъ я, тебя, ихъ лютѣйшую гибель!»
Рекъ онъ и, мощно сотрясши копье длиннотѣнное, ринулъ—
И не прокинулъ: въ средину щита поразилъ Ахиллеса;
Но далеко оружіе щитъ отразилъ. Огорчился
Гекторъ, узрѣвъ, что копье безполезно изъ рукъ излетѣло;
Сталъ и очи потупилъ: копья не имѣлъ онъ другаго.
Голосомъ звучнымъ на помощь онъ брата зоветъ Деифоба,
Требуетъ новаго дротика остраго: нѣтъ Деифоба.
Гекторъ постигъ то своею душею, и такъ говорилъ онъ:
«Горе! къ смерти меня всемогущіе боги призвали!
Я помышлялъ, что со мною мой братъ Деифобъ нестрашимый;
Онъ же въ стѣнахъ Иліонскихъ: меня обольстила Паллада.
Возлѣ меня—лишь смерть! и уже не избыть мнѣ ужасной!
Нѣтъ избавленія! Такъ безъ сомнѣнія боги судили,
Зевсъ и отъ Зевса родившійся Фебъ: милосердые прежде
Часто меня избавляли; судьба наконецъ постигаетъ!
Но не безъ дѣла погибну, во прахъ я паду не безъ славы;
Нѣчто великое сдѣлаю, что и потомки услышатъ!»
Такъ произнесъ и исторгъ изъ влагалища ножъ изощренный,
Съ лѣваго боку висящій, ножъ и огромный и тяжкій;
Съ мѣста, напрягшись, бросился, словно орелъ небопарный,
Если онъ вдругъ изъ-за облаковъ сизыхъ на стонъ упадаетъ,
Нѣжнаго агнца иль зайца пугливаго жадный похитить:
Гекторъ таковъ устремился, махая ножемъ смертоноснымъ.
Прянулъ и быстрый Пелидъ, и наполнился духъ его гнѣва
Бурнаго; передъ грудью уставилъ свой щитъ велелѣпный,
Дивно украшенный; шлемъ на главѣ его четверобляшный,
Зыблется свѣтлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокого гребня.
Но какъ звѣзда межъ звѣздами въ сумракѣ ночи сіяетъ,
Гесперъ, который на небѣ прекраснѣе всѣхъ и свѣтлѣе:
Такъ у Пелида сверкало копье изощренное, коимъ
Въ правой рукѣ потрясалъ онъ, на Гектора жизнь умышляя,
Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
Но у героя все тѣло доспѣхъ покрывалъ мѣднокованный,
Пышный, который похитилъ онъ, мощь одолѣвши Патрокла.
Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ, гортань,

Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душѣ неизбѣжна:
Тамъ налетѣвши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида;
Прямо сквозь бѣлую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не разсѣкъ сокрушительный ясень
Вовсе, чтобъ могъ, умирающій, нѣсколько словъ онъ промолвить;
Грянулся въ прахъ онъ, и громко вскричалъ Ахиллесъ торжествуя:
«Гекторъ, Патрокла убилъ ты и думалъ живымъ оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я отъ битвъ удалялся,
Врагъ безразсудный! но мститель его, несравненно сильнѣйшій
Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
Я, и колѣна тебѣ сокрушившій! Тебя для позора
Птицы и псы разорвутъ, а его погребутъ аргивяне.»
Дышащій томно, ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю,
О! не давай ты меня на терзаніе псамъ мирмидонскимъ;
Мѣди, цѣннаго злата, сколько желаешь ты, требуй;
Вышлютъ тебѣ искупленье отецъ и почтенная матерь;
Тѣло лишь въ домъ возврати, чтобъ трояне меня и троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили».
Мрачно смотря на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
«Тщетно ты, песъ, обнимаешь мнѣ ноги и молишь родными!
Самъ я, коль слушалъ бы гнѣва, тебя растерзалъ бы на части,
Тѣло сырое твое пожиралъ бы я: то ты мнѣ сдѣлалъ!
Нѣтъ, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонитъ
Псовъ пожирающихъ! Если и въ десять, и въ двадцать кратъ имъ
Пышныхъ даровъ привезутъ, и столько жъ еще обѣщаютъ;
Если тебя самого прикажетъ на золото взвѣсить
Царь Иліона Пріамъ, и тогда—на одрѣ погребальномъ
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачетъ рожденья;
Птицы твой трупъ и псы мирмидонскіе весь растерзаютъ!»
Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Зналъ я тебя, предчувствовалъ я, что моимъ ты моленьемъ
Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловержецъ,
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ воротахъ тебя ниспровергнутъ!»
Такъ говорящаго Гектора мрачная смерть осѣняетъ:
Тихо душа изъ устъ излетѣвши, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость.
Но къ нему и къ умершему сынъ быстроногій Пелеевъ
Крикнулъ еще: «Умирай! а мою неизбѣжную смерть я
Встрѣчу, когда ни пошлетъ Громовержецъ и вѣчные боги!»
Такъ произнесъ и изъ мертваго вырвалъ убійственный ясень,
Въ сторону бросилъ его и доспѣхъ совлекалъ съ Дарданида,
Кровью облитый. Сбѣжались другіе ахейскіе мужи;
Всѣ, изумляясь, смотрѣли на ростъ и на образъ чудесный
Гектора, и, приближаяся, каждый пронзалъ его пикой.
Такъ говорили иные, одинъ на другаго взглянувши:
«О! несравненно теперь къ осязанію мягче сей Гекторъ,
Нежели былъ, какъ бросалъ на суда пожирающій пламень!»

Такъ не одинъ говорилъ и копьмъ прободалъ приближаясь.
Но его между тѣмъ обнаживъ, Ахиллесъ быстроногій
Сталъ средь ахеянъ и къ нимъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
«Други, герои ахейцы, безстрашные слуги Арея!
Мужа сего побѣдить наконецъ даровали мнѣ боги,
Зла сотворившаго болѣе, нежели всѣ илiонцы.
Нынѣ съ оружiемъ мы покусимся на градъ крѣпкостѣнный;
Гражданъ троянскихъ извѣдаемъ помыслы: какъ полагаютъ,
Бросить ли замокъ высокiй, сраженному сыну Прiама;
Или держаться дерзаютъ, когда и вождя ихъ не стало?
Но какимъ помышленiямъ сердце мое предается!
Мертвый лежитъ у судовъ, не оплаканный, не погребенный,
Другъ мой Патроклъ! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если жъ умершiе смертные память теряютъ въ Аидѣ,
Буду я помнить и тамъ моего благороднаго друга!
Нынѣ побѣдный пеанъ воспойте, ахейскiе мужи;
Мы же пойдемъ, волоча и его къ кораблямъ быстролетнымъ.
Добыли свѣтлой мы славы! поверженъ божественный Гекторъ!
Гекторъ, котораго Трои сыны величали какъ бога!»
Рекъ—и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Самъ на обѣихъ ногахъ прокололъ ему жилы сухiя,
Сзади отъ пятъ и до глезнъ, и, продѣвши ремни, къ колесницѣ
Тѣло его привязалъ, а главу волочиться оставилъ;
Сталъ въ колесницу и, пышный доспѣхъ возвращенный поднявши,
Коней бичемъ поразилъ: полетѣли послушные кони.
Прахъ отъ влекомаго вьется столпомъ; по землѣ растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Прiамида по праху
Бьется, прекрасная прежде, а нынѣ врагамъ Олимпiецъ
Далъ опозорить ее на родимой землѣ Илiонской!
Вся голова почернѣла подъ перстью.— Мать увидала,
Рветъ сѣдые власы, дорогое съ себя покрывало
Мечетъ далеко и горестный вопль подымаетъ о сынѣ.
Горько рыдалъ и отецъ престарѣлый: кругомъ же граждане
Подняли плачъ; раздавалися вопли по цѣлому граду.
Было подобно, какъ будто отъ края до края высокiй
Весь Илiонъ отъ своихъ основанiй въ огнѣ разсыпался!
Мужи держали съ трудомъ изступленнаго горестью старца,
Рвавшагось въ поле вратами Дарданскими выдти изъ града.
Онъ умолялъ ихъ тоскующiй, онъ разстилался по праху,
Онъ говорилъ, называя по имени каждаго мужа:
«Други, пустите меня одного, не заботясь пустите
Выдти изъ града! Одинъ я пойду къ кораблямъ мирмидонскимъ:
Буду молить я губителя, мрачнаго сердцемъ злодѣя:
Можетъ быть, лѣта почтитъ онъ; надъ старостью, можетъ быть, дряхлой
Сжалится! онъ человѣкъ, отца онъ такогожъ имѣетъ,
Старца Пелея, который его породилъ и взлелѣялъ
Къ горю троянъ и стократъ къ жесточайшему горю Прiама!
Сколько сыновъ у меня онъ похитилъ во цвѣтѣ ихъ жизни!
Но обо всѣхъ сокрушаюсь я менѣе, чѣмъ объ единомъ!

Горесть о немъ неутѣшная скоро сведетъ меня къ гробу,
Горесть о Гекторѣ! О, хоть на сихъ бы рукахъ онъ скончался!
Мы бы душу насытили плачемъ надъ нимъ и рыданьемъ,
Я, безотрадный отецъ, и его злополучная матерь!»
Такъ говорилъ онъ, рыдая, и съ старцемъ стенали трояне.
Но межъ троянокъ Гекуба плачевнѣйшій вопль подымаетъ:
«Сынъ мой, мнѣ злополучной почто еще жить для страданій,
Все потерявшей съ тобою! Моею и дни ты и ночи
Славою былъ въ Иліонѣ, всеобщей надеждою въ царствѣ
Женъ и мужей иліонскихъ! Тебя, какъ хранителя бога,
Всюду встрѣчали они; величайшею былъ ты ихъ славой
Въ жизни своей; и тебя, намъ безцѣннаго, смерть обымаетъ!»
Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
Въ домѣ объ Гекторѣ; вѣстникъ еще не являлся къ ней вѣрный
Вѣсть объявить, что супругъ за вратами въ полѣ остался.
Ткала одежду она въ отдаленнѣйшемъ теремѣ дома,
Яркую ткань и цвѣтные по ней разсыпала узоры.
Прежде жъ дала повелѣнье прислужницамъ пышноволосымъ
Огнь развести подъ великимъ треногомъ, да будетъ готова
Гектору теплая ванна, какъ съ боя онъ въ домъ возвратится:
Бѣдная! думъ не имѣла, что Гекторъ далеко отъ дома
Палъ подъ рукой Ахиллеса, смиренъ свѣтлоокой Аѳиной.
Вдругъ Андромаха услышала крики и вопли на башнѣ,
Вздрогнула вся и челнокъ изъ руки на помостъ уронила;
Встала и къ двумъ говорила прислужницамъ пышноволосымъ:
«Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось.
Слышу почтенной свекрови я крикъ; подымается сердце;
Бьется, какъ вырваться хочетъ; колѣна мои цѣпенѣютъ!
Близкая вѣрно бѣда Дарданида сынамъ угрожаетъ....
О! удалися отъ слуха подобная вѣсть! Не отъ страха
Я трепещу... Не безстрашнаго ль Гектора богу подобный
Въ полѣ, отрѣзавъ отъ стѣнъ, Ахиллесъ одинокаго гонитъ!
Боги! ужъ не смиряетъ ли храбрость его роковую,
Коей онъ дышитъ! Въ толпѣ никогда не останется Гекторъ;
Первый впередъ полетитъ, никому не уступитъ въ геройствѣ!»
Такъ произнесши, изъ терема бросилась, будто Менада,
Съ сильно трепещущимъ сердцемъ, а обѣ прислужницы слѣдомъ;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонмъ пролетѣвши народный,
Стала, со стѣнъ оглянулась кругомъ и его увидала
Тѣло, влачимое въ прахѣ: безжалостно бурные кони
Полемъ его волокли къ кораблямъ быстролетнымъ ахеянъ.
Темная ночь Андромахины ясныя очи покрыла;
Навзничь упала она, и, казалося, духъ испустила.
Спала съ нее и далеко разсыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сѣть и прекрасно плетеныя тесмы;
Спалъ и покровъ, блистательный даръ золотой Афродиты,
Данный въ день оный царевнѣ, какъ Гекторъ ее мѣднолатный
Изъ дому взялъ Гетіона, отдавши несмѣтное вѣно.
Вкругъ Андромахи невѣстки ея и золовки, толпяся,
Блѣдную долго держали, казалось, убитую скорбью.

Въ чувство пришедши она и дыханіе въ персяхъ собравши,
Горько навзрыдъ зарыдала и такъ среди женъ говорила:
«Гекторъ, о горе мнѣ бѣдной! Мы съ одинакою долей
Оба родилися: ты въ Иліонѣ, въ Пріамовомъ домѣ;
Я злополучная въ Ѳивахъ, при скатахъ лѣсистаго Плака,
Въ домѣ царя Гетіона; меня возрастилъ онъ отъ дѣтства
Смертный—несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
Ты, о супругъ мой, въ Аидовы домы, въ подземныя бездны
Сходишь на-вѣкъ и меня въ неутѣшной тоскѣ покидаешь
Въ домѣ вдовой; а сынъ, злополучными нами рожденный,
Бѣдный и сирый младенецъ! Увы, ни ему ты не будешь
Въ жизни отрадою, Гекторъ: ты палъ! ни тебѣ онъ не будетъ!
Ежели онъ и спасется въ гибельной брани ахейской,
Трудъ безпрерывный его, безконечное горе въ грядущемъ
Ждутъ безпокровнаго: чуждый захватитъ сиротскія нивы.
Съ днемъ сиротства сирота и товарищей дѣтства теряетъ;
Бродитъ одинъ, съ головою поникло́й, съ заплаканнымъ взоромъ.
Въ нуждѣ приходитъ ли онъ къ отцовымъ друзьямъ и, просящій,
То одного, то другаго смиренно касается ризы:
Сжалясь, иной сиротливому чашу едва наклоняетъ,
Только уста омочаетъ, и неба въ устахъ не омочитъ.
Чаще жъ его отъ трапезы счастливецъ семейственный гонитъ,
И толкая рукой и обидной преслѣдуя рѣчью:
Прочь ты исчезни! не твой здѣсь отецъ пируетъ съ друзьями!
Плачущій къ матери, къ бѣдной вдовицѣ дитя возвратится,
Астіанаксъ мой, который всегда у отца на колѣнахъ
Мозгомъ лишь агнцевъ питался и тукомъ овецъ среброрунныхъ;
Если же сонъ обнималъ утомленнаго играми дѣтства,
Сладостно спалъ онъ на ложѣ, при лонѣ кормилицы нѣжномъ,
Въ мягкой постелѣ своей, удовольствіемъ сердца блистая.
Что же теперь испытаетъ, лишенный родителя, бѣдный
Астіанаксъ нашъ? котораго такъ называютъ трояне:
Ибо одинъ защищалъ ты врата и троянскія стѣны,
Гекторъ; а нынѣ, у вражьихъ судовъ, далеко отъ родимыхъ
Черви тебя пожираютъ, раздраннаго псами, нагаго!
Нагъ ты лежишь! а тебѣ одѣянія сколько въ чертогахъ,
Ризъ и прекрасныхъ и тонкихъ, сотканныхъ руками троянокъ!
Всѣ ихъ теперь я, несчастная, въ огненный пламень повергну!
Сдѣлалъ ты ихъ безполезными; въ нихъ и лежать ты не будешь!
Въ сонмѣ троянъ и троянокъ сожгу ихъ, тебѣ я во славу!»
Такъ говорила, рыдая,—и съ нею стенали троянки.

в) Пріамъ въ ставкѣ Ахиллеса.

.... Пріамъ, съ колесницы стремительно прянувъ на землю,
Тамъ оставляетъ Идея, дабы онъ стоялъ, охраняя
Коней и месковъ; а самъ устремляется прямо въ обитель,
Гдѣ Ахиллесъ находился божественный. Тамъ Пеліона
Старецъ увидѣлъ; друзья въ отдаленьѣ сидѣли: но двое,
Отрасль Арея Алкимъ и смиритель коней Автомедонъ,
Близко стоя, служили; недавно онъ вечерю кончилъ,

Пищи вкусивъ и питья, и предъ нимъ еще столъ оставался.
Старецъ, никѣмъ не примѣченный, входитъ въ покой и, Пелиду
Въ ноги упавъ, обнимаетъ колѣна и руки цѣлуетъ,
Страшныя руки, дѣтей у него погубившія многихъ!
Такъ если мужъ, преступленіемъ тяжкимъ покрытый въ отчизнѣ,
Мужа убившій, бѣжитъ и къ другому народу приходитъ,
Къ сильному въ домъ—съ изумленіемъ всѣ на пришельца взираютъ:
Такъ изумился Пелидъ, боговиднаго старца увидѣвъ;
Такъ изумилися всѣ и одинъ на другаго смотрѣли.
Старецъ-же рѣчи такія вѣщалъ, умоляя героя:
«Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
Старца такого-жъ, какъ я, на порогѣ старости скорбной!
Можетъ быть, въ самый сей мигъ, и его, окруживши сосѣды,
Ратью тѣснятъ, и некому старца отъ горя избавить.
Но по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты и зная и слыша,
Сердце тобой веселитъ и вседневною льстится надеждой
Милаго сына узрѣть, возвратившагось въ домъ изъ-подъ Трои.
Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ браноносныхъ
Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати ахейской;
Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой;
Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;
Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ и гражданъ:
Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагось храбро,
Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ мирмидонскимъ;
Выкупить тѣло его приношу драгоцѣнный я выкупъ.
Храбрый! почти ты боговъ, надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жалокъ!
Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!»
Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
За руку старца онъ взялъ, отъ себя отклонилъ его тихо;
Оба они вспоминая: Пріамъ знаменитаго сына,
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакалъ, и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
Но когда насладился Пелидъ благородный слезами,
И желаніе плакать отъ сердца его отступило,—
Быстро возсталъ онъ и за руку старца простертаго поднялъ,
Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой;
Началъ къ нему говорить, устремляя крылатыя рѣчи:
«Ахъ, злополучный, много ты горестей сердцемъ извѣдалъ!
Какъ ты рѣшился, одинъ при судахъ мирмидонскихъ, явиться
Мужу предъ очи, который сыновъ у тебя знаменитыхъ
Многихъ повергнулъ? Въ груди твоей, старецъ, желѣзное сердце!
Но успокойся, возсядь, Дарданіонъ; и какъ мы ни грустны,
Скроемъ въ сердца и заставимъ безмолвствовать горести наши.
Сердцу крушительный плачъ ни къ чему человѣку не служитъ:
Боги судили всесильные намъ, человѣкамъ несчастнымъ,

Жить на землѣ въ огорченіяхъ: боги одни безпечальны.
Двѣ глубокія урны стоятъ передъ прагомъ Зевеса,
Полны даровъ: счастливыхъ одна и несчастныхъ другая.
Смертный, которому ихъ посылаетъ, смѣсивъ, Громовержецъ,
Въ жизни своей перемѣнно и горесть находитъ и радость;
Тотъ-же, кому онъ несчастныхъ пошлетъ, поношенію преданъ;
Нужда, грызущая сердце, вездѣ по землѣ его гонитъ;
Бродитъ несчастный, отринутъ безсмертными, смертными презрѣнъ.
Такъ и Пелея—дарами осыпали свѣтлыми боги
Съ юности нѣжной: украшенный выше сыновъ земнородныхъ
Счастьемъ, богатствомъ, владыка могучій мужей мирмидонскихъ,
Смертный, супругой богиню пріялъ отъ руки онъ безсмертныхъ.
Богъ и ему ниспослалъ злополучіе: онъ не имѣетъ
Въ домѣ своемъ поколѣнія, сына, наслѣдника царства.
Сынъ у Пелея одинъ, кратковѣчный; но я и донынѣ
Старца его не покою, а здѣсь, отъ отчизны далеко,
Здѣсь я въ Троадѣ сижу и тебя и твоихъ огорчаю.
Самъ ты, о старецъ, мы слышали, здѣсь благоденствовалъ прежде.
Сколько народовъ вмѣщали обитель Макарова, Лезбосъ,
Фригія, край плодоносный, а здѣсь Геллеспонтъ безконечный!
Ты среди всѣхъ, говорятъ, и богатствомъ блисталъ и сынами.
Но какъ бѣду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убійство.
Будь терпѣливъ и печалью себя не круши безпрерывной;
Ты ничего не успѣешь, о сынѣ печаляся: плачемъ
Мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!

Гнѣдичъ.

---

2. ОДИССЕЯ.

а) Навзикая.

....Аѳина той порой низлетѣла
Въ пышно-устроенный городъ любезныхъ богамъ феакіянъ,
Жившихъ издавна въ широкополянной землѣ Иперейской,
Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Циклопами, дикимъ и буйнымъ народомъ,
Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ ихъ превышая,—
Но напослѣдокъ божественный вождь Навзитой поселилъ ихъ
Въ Схеріи, тучной землѣ, далекó отъ людей промышленныхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ жилища,
Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой онъ въ обитель Аида;
Властвовалъ царь Алкиной, многоуміемъ богу подобный.
Въ домъ Алкиноя вступила богиня Аѳина-Паллада;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
Въ тайную дѣвичью спальню проникла она, гдѣ покойно,
Станомъ и видомъ богинѣ подобясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезнаго Зевсу царя, Навзикая.
Подлѣ порога дверей съ двухъ сторонъ двѣ служанки, Харитамъ
Юнымъ подобныя, спали, и нáкрѣпко заперты были
Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воздушной стопою приблизясь,
Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня Аѳина,
Образъ пріявшая дѣвы младой, мореходца Диманта

Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней однолѣтней.
Въ видѣ такомъ подошедъ къ Навзикаѣ, богиня сказала:
Видно тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ, а скоро наступитъ
Брачный твой день; ты должна и себѣ приготовить заранѣ
Платья, и тѣмъ, кто тебя поведетъ къ жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаемъ;
Мать и отецъ веселятся, любуются нами. Проснись же,
Встань, Навзикая, и нá рѣку мыть соберитеся всѣ вы
Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею дѣвой;
Много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода
Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты родилася.
Встань и явися немедля къ отцу многославному съ просьбой:
Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно
Взять всѣ повязки, покровы и разныя платья, чтобъ также
Ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла; то тебѣ неприлично—
Путь къ водоемамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно долгъ.
Такъ ей сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь полетѣла
Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,
Гдѣ не подъемлетъ мятелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ;
Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ.
Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аѳина.

Эосъ тогда златотронная, вставъ, разбудила младую,
Свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь,
Тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца о видѣньи
Чудномъ своемъ извѣстить, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица
Близь очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ,
Нити пурпурныя тонко суча, а въ дверяхъ отворенныхъ
Встрѣтился ей и отецъ: на совѣтъ онъ владыкъ многоумныхъ
Шелъ, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей феакійскихъ.
Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала:
Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней уклавъ всѣ богатыя платья, которыхъ
Много скопилось нечистыхъ, отправилась на рѣку мыть ихъ.
Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высокомъ совѣтѣ почетныхъ
Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ;
Два ужъ женаты, другіе три-юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ;
Въ платьяхъ, мытьемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы
Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ.
Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей:
Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же;
Дамъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую,
Быстроколесную: будетъ при ней для поклажи и коробъ.
Кончивъ, рабамъ повелѣніе далъ онъ. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,

Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали.
Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ уклавъ ихъ, царевна
Все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ.
Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ,
Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ
Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна
Стала, принявъ отъ царицы фіалъ золотой съ благовоннымъ
Масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабынь натереть имъ.
Бичь и блестящія возжи взяла Навзикая и звучно
Муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали проворной
Рысью, везя нелѣниво и грузъ и царевну. За нею
Слѣдомъ пошли молодыя подруги ея и служанки.
Къ устью рѣки многоводной достигли онѣ напослѣдокъ.
Были устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ обильно
Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая.
Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ
Муловъ и ихъ по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потомъ съ колесницы
Сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоемы ногами
Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ другомъ.
Начали платья они полоскать и потомъ, до-чиста ихъ
Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ
На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.
Кончивъ, онѣ искупалися въ рѣкѣ и, натершись елеемъ,
Весело сѣли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдъ свой,
Влажныя платья оставивъ сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна
Вызвала въ мячъ ихъ играть, головныя сложивъ покрывала:
Пѣсню же стала сама бѣлорукая пѣть Навзикая.
Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгетъ и крутой Эвримантъ обѣгаетъ,
Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ;
Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
Бѣгаютъ нимфы полей — и любуется ими Латона;
Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны онѣ, распознать въ ней богиню Олимпа.
Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмевала царевна.

б) Пиръ у Алкиноя.

Отведши
Легкій корабль на открытое взморье, они а) собралися
Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
Всѣ переходы палатъ, и дворы, и притворы, и залы народомъ
Сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы.
Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь
Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать:
Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
Тою порой съ знаменитымъ пѣвцемъ Понтоной возвратился;
Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на немъ онъ

а) Гости.

Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему — чтобъ ее могъ найти онъ—
Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
Какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ ахеянъ:
Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
Въ храмѣ Пиѳійскомъ оракулъ, когда черезъ каменный прагъ онъ
Бога спросить перешелъ—а случилось то въ самомъ началѣ
Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на троянъ и данаевъ.
Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Голову ею облекъ и лице благородное скрылъ въ ней.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать феакійцамъ. Когда же,
Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ,
Слезы отерши, онъ мантію снялъ съ головы и, наполнивъ
Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ.
Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему феакіянъ,
Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично;
Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся.
Были другими его не замѣчены слезы, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близь Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ феакійскихъ;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;
Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость
Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ
Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ
Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ.
Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.
Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить феакійцы.
На площадь всѣ собрались; толпой многочисленно-шумной
Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою
Вышли изъ сонма его: Акроней, Окіалъ съ Элатреемъ,
Навтій, Примней, Анхіалъ, Эретмей съ Анабазіоменомъ;
Съ ними явились Понтей, Прорей и Ѳоонъ съ Амфіаломъ,
Сыномъ Политія, внукомъ Тектона; присталъ напослѣдокъ
Къ нимъ и младой Эвріалъ Навболидъ, равносильный Арею:

Всѣхъ феакіянъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ,
Если бъ его самаго не затмилъ Лаодáмъ безпорочный.
Къ нимъ подошли наконецъ Лаодáмъ, Галіóнтъ съ богоравнымъ
Клитонеономъ—три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись
Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще; всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный: какую по свѣжему полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, на столько оставивъ
Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.
Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу:
Всѣхъ Эвріалъ одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ.
Въ прыганьи былъ Анхіалъ побѣдителемъ. Тяжкаго диска
Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ
Боѣ взялъ верхъ Лаодáмъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный.
Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ
Сынъ: не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ
Играхъ способенъ себя отличить. Онъ не низкаго роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, онъ мышцами крѣпокъ; годами
Также не старъ, но превратности жизни его изнурили.
Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй моря:
Крѣпость и самаго бодраго мужа оно сокрушаетъ.
Умнымъ—сказалъ, отвѣчая на то Эвріалъ Лаодáму—
Кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный.
Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.
Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратяся къ царю Одиссею:
Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ
Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ— но вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—
Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой
Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы; яви же
Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы.
Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный
Съ берега сдвинутъ и наши готовы къ отплытію люди.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Другъ, не обидѣть ли хочешь меня своимъ предложеньемъ?
Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно
Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ перенесъ я;
Нынѣ жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами,
Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться.
Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой:
Странникъ, я вижу, что ты не подобишься людямъ, искуснымъ
Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно
Ты изъ числа промышленныхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:

Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ
Вдругъ и плѣнительный образъ, и умъ, и могущество слова;
Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ—
Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся
Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ
Или съ привѣтливой кротостью; онъ украшенье собраній;
Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.
Тотъ же, напротивъ, безсмертнымъ подобенъ лица красотою,
Прелести жъ бѣдное слово его никакой не имѣетъ.
Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы
Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго смысла.
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею
Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты вѣдать,
Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ то время, когда мнѣ
Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно;
Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей испорчены силы;
Видѣлъ немало я браней и долго среди бѣдоносныхъ
Странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный
Силъ; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ.
Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ и, мантіи съ плечъ не сложивши,
Камень схватилъ—онъ огромный, плотнѣй и тяжеле всѣхъ дисковъ,
Брошенныхъ прежде людьми феакійскими, былъ; и съ размаха
Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетѣлъ, и подъ нимъ до земли головами
Весполюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы
Всѣ наклонились; а онъ далекó черезъ всѣ перемчался
Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѳина, подъ видомъ
Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:
Странникъ, твой знакъ и слѣпой различитъ безъ ошибки, ощупавъ
Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо
Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ: ни одинъ здѣсь
Камня ни далѣ, ни также далеко, какъ ты, неспособенъ
Бросить. Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи
Былъ судія, съ обновленной душой онъ сказалъ предстоявшимъ:
Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я, и стольже далеко, быть можетъ и далѣ.
Пусть всѣ другіе, кого побуждаетъ отважное сердце,
Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю;
Съ каждымъ сразиться готовъ я,—съ однимъ не могу Лаодамомъ:
Гость я его—подыму ли на друга любящаго руку?
Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей различать неспособенъ,
Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозяиномъ выйти
Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно себѣ самому повредитъ онъ.
Но межъ другими никто для меня не презрителенъ, съ каждымъ
Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, испытать съ нимъ.
Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ.
Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю свободно;

Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника въ тѣсномъ
Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много
Было и меткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлилъ.
Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда побѣждаемъ
Въ Троѣ, когда мы, ахейцы, тамъ, споря, изъ лука стрѣляли.
Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый
Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ;
Я не дерзнулъ бы однако бороться съ героями древнихъ
Лѣтъ, ни съ Ираклонъ, ни съ Эвритомъ, меткимъ стрѣлкомъ эхалійскимъ:
Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не страшились;
Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона
Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застрѣленъ.
Далѣ копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлою;
Можетъ случиться однако, что кто изъ людей феакійскихъ
Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
Всѣ истощилъ, на вѣрномъ плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены члены.
Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.

---

3. НАЛЬ И ДАМАЯНТИ.

ПОВѢСТЬ ЗМѢИНАГО ЦАРЯ.

Наль, столь жестоко покинувъ свою Дамаянти, прискорбенъ,
Сумраченъ, шелъ по пустынѣ, и, самъ пустыня, съ собою
Въ горѣ разстаться желалъ. Когда раскаленное солнце
Зноемъ пронзало его, онъ ему говорилъ: не за то-ли
Солнце, такъ жжешь ты жестоко меня, что я Дамаянти
Бросилъ? Онъ горько плакалъ, когда на похищенный лоскутъ
Платья ея глаза обращалъ. Изнуряемый жаждой,
Разъ подошелъ онъ къ ручью; но, въ водахъ увидя свой образъ,
Съ ужасомъ кинулся прочь. О еслибъ я могъ разлучиться
Съ этимъ лицемъ, чтобъ быть и себѣ и другимъ незнакомымъ!
Онъ воскликнулъ и въ лѣсъ побѣжалъ; и вдругъ тамъ увидѣлъ
Пламя—не пламя въ лѣсу, а въ пламени лѣсъ, и оттуда
Жалобный голосъ къ нему вопіялъ: «Придешь-ли, придешь-ли
Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль благодатный?
Будь мой спаситель и будешь мною спасенъ».—Изумленный
Наль вопросилъ: откуда твой голосъ? чего ты желаешь?
Гдѣ ты и кто ты?—«Я здѣсь, въ огнѣ, благородный, могучій
Наль. Ты будешь-ли столько безстрашенъ, чтобъ твердой ногою
Въ пламя вступить и дойти до меня?»—Ничего не страшусь я,
Кромѣ себя самого съ той минуты, когда я невѣренъ
Сталъ моей Дамаянти. Съ сими словами онъ прямо
Въ пламя пошелъ: оно подымалось, лилось изъ глубокихъ
Трещинъ земли, выростая въ видѣ вѣтвистыхъ деревьевъ,
Коихъ огнистые сучья сплетались, и черно-багровый
Дымъ вѣнчалъ ихъ вершины. Въ семъ огненномъ лѣсѣ
Наль очутился одинъ: со всѣхъ сторонъ устремлялись
Жаркія вѣтви на встрѣчу ему, и всюду, гдѣ шелъ онъ,
Частой травой изъ земли пробивалося острое пламя.
Вдругъ онъ увидѣлъ въ самомъ пылу, на огромномъ горячемъ

Камнѣ, змѣю: склубяся, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она подъ своей чешуей раскаленной.
Голову, свѣтлой короной вѣнчанную, тяжко поднявши,
Такъ простонало чудовище: «Я Керкота, змѣиный
Царь; мнѣ подвластны всѣ змѣи земные; смиренный пустынникъ,
Старецъ Нерада проклялъ меня и обрекъ на такую
Муку за то, что его я хотѣлъ обмануть. Ты, разсказъ мой
Слушая, стой здѣсь покойно: стой покойно подъ страшнымъ
Пламенемъ, жарко объявшимъ тебя, чтобъ оно затушило
Бурю души, чтобъ душей овладѣвшій Кали былъ наказанъ,
Чтобъ наконецъ ты, очищенный, снова нашелъ, что утратилъ.
Слушай же повѣсть мою», продолжалъ, задыхаясь отъ жару,
Царь змѣиный, и Наль, терпѣливо снося нестерпимый
Пламень, внимательно слушалъ. «Нерада, смиренный пустынникъ,
Чудный садъ насадилъ вкругъ кельи своей, и въ саду томъ
Были всѣ земныя деревья и травы, и было
Много тамъ свѣтлыхъ ручьевъ, и сѣней прохладно-тѣнистыхъ;
Въ этотъ садъ пригласилъ онъ всѣхъ незловредныхъ животныхъ:
Всѣхъ ходящихъ, летающихъ, скачущихъ, плавать иль ползать
Созданныхъ; всѣхъ—же зловредныхъ, терзающихъ зубомъ, когтями
Рвущихъ иль жаломъ пронзающихъ проклялъ и входъ запретилъ имъ
Въ садъ свой. Изъ змѣй, мнѣ подвластныхъ, въ него проникать онъ дозволилъ
Только однимъ не имѣющимъ жала, безвредно по травкѣ
Вьющимся, росу сбирая съ цвѣтовъ, иль изъ ягодъ сосущимъ
Сокъ благовонный. Изъ этихъ красивыхъ, незлобно-веселыхъ
Змѣекъ одна, любопытно-отважная, рѣзвая змѣйка,
Разъ, безъ всякаго умысла злаго, въ саду по деревьямъ
Ползала, ярко блестя чешуею на солнцѣ; вдругъ видитъ
Домикъ воздушный, сплетенный изъ тонкихъ былинокъ и моха:
Онъ на вѣтви висѣлъ и качался, какъ люлька; то было
Гнѣздышко маленькой птички; самойже крылатой хозяйки
Не было въ немъ: она улетѣла за пищей; яички,
Легкимъ покрытыя пухомъ, лежали въ гнѣздѣ. Перегнувши
Тонкую шейку свою черезъ вѣтку, въ гнѣздо опустила
Голову змѣйка и видитъ яйцо лазурнаго цвѣта;
Каплей росы оно показалось, и змѣйкѣ напиться
Вдругъ захотѣлось; лизнула яйцо—яйцо раскололось.
Въ эту минуту птичка въ гнѣздо прилетѣла; увидя,
Что̀ тамъ надѣлала змѣйка, бросилась съ жалобнымъ крикомъ
Прямо къ Нерадѣ она. Нерада во гнѣвѣ ужасенъ.
Тутъ-же погибла бы змѣйка, когда-бъ не успѣла проворно
Изъ саду скрыться. Она спаслася ко мнѣ. Но блаженный
Старецъ потребовалъ строго, чтобъ я преступницу выдалъ.
Я не посмѣлъ отказать; я спросилъ: «чего ты желаешь?
Какъ повелишь ее мнѣ казнить? я царь; самому мнѣ
Должно виновныхъ наказывать подданныхъ».—Видѣть хочу я
Завтра-жъ ее на заборѣ сада висящею, строго
Мнѣ отвѣчалъ Нерада; потомъ, по прошествіи трехъ дней,
Самъ я ее передъ всѣми сожгу, чтобъ впередъ опасался
Кто-бы то ни было садъ мой тревожить зломышленнымъ дѣломъ.

Былъ мнѣ прискорбенъ такой приговоръ: какъ родную, любилъ я
Эту милую змѣйку; поспѣшнѣй другихъ и вѣрнѣе
Вѣсти она приносила ко мнѣ. Предо мной извиваясь
Въ страхѣ, съ молитвой она ко мнѣ подымала головку.
Я ей сказалъ: проворнѣй вылѣзь изъ кожи. Не нужно
Было того повторять: въ минуту въ новой одеждѣ
Змѣйка явилась моя, на землѣ предо мною оставивъ
Старую. Тотчасъ, двухъ сильныхъ удавовъ призвавъ, я велѣлъ имъ
Кожу пустую съ приличнымъ обрядомъ повѣсить на тынѣ
Сада. Когда черезъ три дня онъ сниметъ ее, то, конечно,
Станетъ думать, что солнце ее изсушило,—такъ мыслилъ
Я, уповая, что мой удастся обманъ. И доволенъ
Былъ Нерада моимъ послушаньемъ, увидя на тынѣ
Кожу висящую; вѣтеръ ее колыхалъ. Какъ живая,
Молвилъ Нерада, она гибка и вертлява; но краски
Кожи потускли: блѣдная смерть ее обхватила.—
Тѣмъ бы и кончилось все, когда бъ на бѣду не пропѣла
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственнымъ мщеньемъ себя ей хотѣлось потѣшить; къ висящей
Кожѣ она подлетѣла, чтобъ оба глаза у мертвой
Выклевать—что же? Ихъ нѣтъ; сквозь пустыя скважины также
Видитъ она, что внутренность кожи пуста. И къ Нерадѣ
Тотчасъ она полетѣла. Тебя обманули: змѣиный
Царь не змѣйку, а змѣйкину кожу повѣсилъ, пропѣла
Птичка. Страшно Нерада разгнѣвался; вдругъ онъ явился
Здѣсь, гдѣ тогда я на этомъ камнѣ лежалъ и на солнцѣ
Грѣлся одинъ; при мнѣ ни ужа, ни змѣи, ни дракона,
Стражей моихъ, тогда не случилось: я спалъ. На громовый
Голосъ Нерады проснувшись, хотѣлъ я вскочить, но могучимъ
Взоромъ его обезсиленъ, не могъ шевельнуться. Предатель,
Старецъ сказалъ мнѣ, меня обмануть тебѣ удалося:
Призракъ за сущность я принялъ; змѣиную кожу пустую
Вмѣсто змѣя я предалъ огню, и виновную спасъ ты.
Самъ за нее наказанье прими. Не сойдешь ты отнынѣ
Съ этого камня, но будешь здѣсь не на солнечномъ свѣтѣ
Грѣться: я пламя иное зажгу вкругъ тебя; не сгарая
Будешь горѣть въ немъ, шипя и свистя отъ тоски, и мѣняя
Кожу за кожей въ напрасной надеждѣ, что жаръ утолится.
Кончатся-жъ муки твои лишь тогда, какъ къ тебѣ издалека
Нѣкто придетъ, самому себѣ ненавистный и образъ
Свой утратить желающій. Если его изъ средины
Пламени ты позовешь, и онъ безстрашной стопою
Въ пламень войдетъ, чтобъ избавить себя отъ мученій, сильнѣе
Муки твоей его раздирающихъ; если достанетъ
Твердости въ немъ, чтобъ среди нестерпимаго жара спокойно
Выслушать повѣсть твою,—тогда ты спасенъ, прекратится
Въ ту-же минуту твое наказанье, и самъ, по исходѣ
Года со днемъ, онъ все возвратитъ, о чемъ сокрушается сердцемъ.
Но чтобы въ страданьѣ своемъ ты могъ къ себѣ издалека
Звать своего искупителя, имя я его открою;

Онъ называется Налемъ. Съ сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдругъ услышалъ я шорохъ и трескъ: озираюсь,—
Всюду изъ трещинъ земли, какъ острыя иглы, выходитъ
Пламя, все гуще и гуще растетъ, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; прикованной къ камню,
Чувствую я, какъ все подо мною, какъ все надо мною,
Камень, на коемъ лежалъ я, воздухъ, коимъ дышалъ я,
Мало по малу въ пронзительный жаръ обращалось. Сначала
Было то пламя какъ тонкая, гибкая травка; слилося
Скоро оно въ кустарникъ густой; напослѣдокъ воздвиглось
Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое древо было
Все изъ огня; языками горящими листья шумѣли;
Вѣтви со всѣхъ сторонъ вилися какъ молніи; въ вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дымъ громовою
Тучей надъ ними клубился. Теперь на себѣ испыталъ ты,
Наль безстрашный, муку мою. Напрасно я жался:
Пламень вытягивалъ тѣло мое до тѣхъ поръ, покуда
Кожа на немъ не лопалась; снова потомъ на минуту
Я сжимался, чтобъ снова вытерпѣть то же мученье.
Цѣлыхъ семь лѣтъ протекло съ той поры, какъ лежу я на этомъ
Камнѣ въ огнѣ; а времени медленный ходъ замѣчалъ я,
Каждый часъ повторяя однажды: *придешь-ли, придешь-ли*
Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль благодатный?
Вотъ наконецъ и пришелъ ты. Но знай, что здѣсь о тебѣ я
Частые слухи имѣлъ: мнѣ подвластные змѣи, которымъ
Всѣ на землѣ дороги извѣстны, ко мнѣ ежедневно
Змѣекъ-гонцевъ присылали, и каждая, вѣрно исполнивъ
Долгъ свой и вѣсть передавъ мнѣ, въ огнѣ предо мной умирала.
Видишь, какъ много лежитъ здѣсь кожъ ихъ истлѣвшихъ. Отъ нихъ-то
Могъ я провѣдать о томъ, какъ ты любилъ Дамаянти;
Какъ цари и царевичи созваны были въ Видарбу;
Какъ мой гонитель Нерада, пресытясь земными плодами,
Садъ небесный боговъ посѣтилъ; какъ тамъ онъ посѣялъ
Сладостныхъ словъ сѣмена, отъ которыхъ мгновенно желанье
Выросло въ сердцѣ боговъ на землю сойти; какъ богами
Былъ ты посланъ въ Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,
Также и то, что тебѣ самому доселѣ неизвѣстно:
Какъ закрался Кали въ твое непорочное сердце.
Свѣдавъ, что царство свое ты утратилъ, что вмѣстѣ съ супругой
Бродишь нагой по горамъ и степямъ, что ее наконецъ ты
Самъ покинулъ, я былъ утѣшенъ надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылося. Благословляю,
Наль, и тебя и приходъ твой: уже мучительный пламень,
Жегшій донынѣ меня, уступаетъ сходящей отъ неба
Сладостной свѣжести. Наль, не страшись, приступи и, на палецъ
Взявши меня, изъ пламени выдь».— Керкота умолкнулъ,
Свился проворно легкимъ кольцомъ и повиснулъ на пальцѣ
Наля; и съ нимъ побѣжалъ изъ пламени царь; и при каждомъ
Шагѣ его оно слабѣло и гасло, и скоро

Все исчезло, какъ будто его никогда не бывало.
Свѣжій почувствовавъ воздухъ, трепетомъ сладкимъ спасенья
Весь проникнутый, быстро отвившись отъ Налева пальца,
Змѣй безконечной, чешуйчатой лентою вдругъ растянулся;
Съ радостнымъ свистомъ поползъ къ тому онъ ручью, гдѣ, увидѣвъ
Образъ свой, Наль самого себя испугался; глубоко
Всунулъ голову въ воду и съ жадностью долгую жажду
Послѣ столь долгаго жара сталъ утолять: истощились
Воды ручья, а змѣй по прежнему сдѣлался полонъ.
Силы свои возвративъ, онъ, блестя чешуею на солнцѣ,
Налю сказалъ: подойди; передъ нашей разлукой ты долженъ
Зубы мои перечесть; въ такомъ долголѣтнемъ отъ муки
Скрежетѣ, много зубовъ я могъ потерять иль испортить.
Наль подошелъ; передъ нимъ оскалились зубы; считать онъ
Началъ: первой, другой, четвертый.— Ошибся, ошибся,
Съ гнѣвомъ царь-змѣй зашипѣлъ: ты не назвалъ третьяго зуба.
Съ этимъ словомъ кольнулъ онъ третьимъ, неназваннымъ зубомъ
Наля въ палецъ, и тутъ же почувствовалъ Наль, что съ собою
Онъ какъ будто разстался: сперва свой собственный образъ
Въ зеркально-свѣтломъ щитѣ, на царевой шеѣ висѣвшемъ,
Онъ увидѣлъ; потомъ тотъ образъ мало по малу
Началъ блѣднѣть и скоро пропалъ; и мало по малу
Мѣсто его заступилъ другой некрасивый; и Налю
Стало ясно, что это былъ образъ его же, и болѣ
Не былъ онъ страшенъ себѣ самому въ такомъ превращеньѣ;
Видишь, Керкота сказалъ, что желанье твое совершилось:
Ты превращенъ, ты разстался съ собой и отнынѣ никѣмъ ты,
Даже своею женою, не можешь быть узнанъ. Простимся:
Въ путь свой съ богами иди и не мысли, чтобъ могъ быть опасенъ
Ядъ мой тебѣ! не въ твое онъ чистое сердце проникнулъ,
Нѣтъ! а въ того, кто сердцемъ твоимъ обладаетъ: отнынѣ
Будетъ онъ жить тамъ и мучиться.
Ты жъ, превращенный, съ надеждой
Путь продолжай; ищи въ чужихъ странахъ пропитанья:
Но не забудь о стихійныхъ дарахъ, отъ боговъ полученныхъ
Въ брачный день; они для тебя не потеряны: помни,
Наль, объ этомъ; и также твое искусство конями
Править тебѣ сохранилось. Въ царство Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; тамъ увидишь царя Ритуперна;
Нѣтъ на землѣ никого, кто съ нимъ-бы сравнился въ искусствѣ
Счета и такъ-бы въ кости игралъ. Я Вагука, правитель
Коней, скажи ты ему про себя; и если онъ спроситъ,
Много-ли можешь въ день проскакать,— сто миль, отвѣчай ты.
Онъ твоему научиться искусству захочетъ: за это
Самъ научитъ тебя искусству считать; безъ него ты
Въ кости все царство свое проигралъ.
И какъ скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, слѣда не оставивъ:
Въ ту-же минуту, когда и жену и дѣтей отыскавши,
Прежній свой видъ возвратить ты захочешь, лишь только объ этомъ
Часѣ вспомни и въ этотъ щитокъ поглядись: кто владѣетъ
Этимъ щиткомъ, того на землѣ всѣ змѣи боятся.

Такъ говоря, Керкота одну изъ зеркально-свѣтлыхъ,
Шею его украшавшихъ чешуекъ снялъ и, подавши
Налю, промолвилъ: носи ее на груди; въ роковое
Время эта чешуйка тебѣ пригодится. Потомъ онъ
Скрылся, а Наль остался въ лѣсу одинъ, превращенный.

Жуковскій.

---

4. ШАХЪ—НАМЕ.

ВТОРОЙ БОЙ РУСТЕМА И ЗОРАБА.

Когда сошлись соперники на мѣстѣ,
Назначенномъ для поединка,
Двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями боя,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Блестящіе полки Ирана
Построились передъ шатрами;
А Баруманъ Туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
Къ сопернику приблизившись, Зорабъ
Его спросилъ, привѣтно улыбнувшись:
«Покойно ль спалъ ты эту ночь
И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старецъ многосильный;
Прекрасенъ этотъ день—таковъ ли будетъ
Прекрасенъ вечеръ, мы не знаемъ.
Но посмотри, какъ утро молодое
Вершины горъ озолотило!
Цвѣты всѣ утреннимъ виномъ
Напоены, и утренняя свѣжесть
На паству манитъ пастуховъ;
Невидимо подъ вѣтвями деревъ
И видимо въ лазури неба
Поютъ проснувшіяся птицы;
Ручьи, сіяя, льются;
На солнцѣ блещутъ берега;
Трава росой сверкаетъ....
Приличенъ ли такой всемірный праздникъ
Кровавому убійству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще намъ уступить? Послушай, другъ,
Сойди съ дракона своего
На этотъ свѣжій дернъ; заключимъ
Въ виду обѣихъ нашихъ ратей
Здѣсь перемиріе, забудемъ
На этотъ день и мщеніе и злобу:
Пусть будетъ поле крови
Для насъ палатой пировою.
Я знакъ подамъ, и передъ нами
Вино заблещетъ въ кубкахъ,
И пиръ устроится роскошный,
И звонко заиграютъ струны,
И дружно мы отпразднуемъ съ тобою
День возрожденія прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Желѣзный шлемъ ты снимешь съ головы,
А я вѣнкомъ живыхъ цвѣтовъ украшу
Твои мнѣ милыя сѣдины;
И, сидя за виномъ, мы будемъ
Бесѣдовать радушно о войнѣ,
О бранныхъ подвигахъ, и всѣмъ, что знаю,
Я подѣлюсь съ тобой отъ сердца;
А ты свою откроешь мнѣ породу
И славное свое ты скажешь имя.
О, не упорствуй, другъ! скажи,
Скажи его: мы не должны
Такъ чужды быть другъ другу; насъ
Съ тобой вчера побратовала битва».

Такъ съ откровенностью младенца
Рустему говорилъ Зорабъ:
Ему во грудь изъ водъ, изъ глубины
Небесъ, изъ зелени полей
Проникнулъ тайный голосъ
Природы; на щекахъ его
Горѣло жаркое желанье.
Такъ раскрывается младая
Распуколка отъ теплаго весны
Дыханія; но если на нее
Дохнетъ морозомъ бурный сѣверъ,
Она сжимается и увядаетъ:
Такъ отъ морозныхъ словъ Рустема
Увяла вдругъ въ душѣ Зораба
Едва зацвѣтшая надежда.
«Дитя мое», сказалъ Рустемъ, «не для того

Сюда пришли мы, чтобъ, роскошно
На луговомъ коврѣ покоясь,
Бесѣдовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрокъ,
То я ужъ не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушакъ стянулъ я туго
И здѣсь давно я жду, чтобъ боевую
Съ тобой начать работу, чтобъ нарвать
Съ тобой тѣхъ розъ, какія только въ нашемъ
Саду родятся. Свѣжесть утра
Для ратнаго благопріятна дѣла:
Она моимъ состарѣвшимся членамъ
Живую крѣпость придаетъ.
И такъ, пока не наступилъ
Палящій зной, начнемъ
Свой мужественный споръ. Я не слыхалъ,
Чтобъ для однихъ разсказовъ о бояхъ
Соперники на мѣстѣ боя,
Вооруженные, сходились;
Я бьюся дѣломъ, не словами.
По имени жъ себя не прежде назову,
Какъ положивъ тебя въ крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила».

Зорабъ, воспламененный гнѣвомъ,
Воскликнулъ: «будь по-твоему, упрямый
Старикъ! своей судьбы никто
Не избѣжитъ, и мы увидимъ скоро,
Кто здѣсь, кого принесть ей въ жертву долженъ.
На землю спрянулъ онъ съ коня,
И громко зазвучало
Его оружіе. Рустемъ
Сошелъ поспѣшно съ Грома; тяжкій
Звукъ отъ меча его раздался,
И изъ ноженъ до половины
Онъ выпрыгнулъ. Въ молчаньѣ оба
Къ бѣжавшему вблизи потоку
Они пошли съ конями. У воды
Росло тамъ дерево; къ нему
Они коней ретивыхъ привязали,
И тамъ Рустемовъ Громъ
Оставленъ былъ съ конемъ Зораба.
Привѣтливо они другъ друга
Обфыркали и, ознакомясь,
Между собой нѣмую завели
Бесѣду; какъ друзья давнишніе, они
Подножную траву щипали вмѣстѣ,
И головы протягивали дружно,
И шеями другъ друга обнимали,
Какъ будто угадавъ,
Какое близкое родство межъ ними было.
А между тѣмъ отецъ и сынъ
На мѣсто боя грозно шли,
Другъ другу смерть въ душѣ готовя.

Они плотнѣй стянули кушаки,
И рукава до самыхъ плечъ
Могучихъ засучили;
Ужасно ихъ наморщилися лица
И загорѣлися глаза.
И, разомъ бросясь другъ на друга,
Какъ разозлившіеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тѣла вдругъ слились въ одно,
Вокругъ котораго четыре
Желѣзныя руки, какъ змѣи,
Въ него вдавясь, переплетались.
Какъ будто сплавленные, крѣпко
Они другъ друга, грудь на грудь,
Тѣснили, перли, гнули, жали—
Напрасно: камень и желѣзо
Могли бы руки ихъ расплюснуть,
Но пошатнуть не могъ ни сына
Отецъ, ни сынъ отца; дыханье
Спиралось въ ихъ груди, глаза ихъ, кровью
Налитые, какъ уголья горѣли;
Ихъ ноги были врыты въ землю—
Но ни одинъ не могъ другаго
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть съ мѣста;
Напрасны были ихъ порывы,
Напрасны были ихъ напоры,
Напрасно было ихъ боренье,
Ихъ трепетанье, ихъ кипѣнье:
Неодолимъ, неколебимъ
Остался каждый. Наконецъ,
Отбросивъ тщетную борьбу,
Они рѣшились испытать,
Кому кого удастся
Поднять съ земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разомъ отскочили
Отецъ и сынъ и, разомъ снова
Сбѣжавшися, какъ крючья, руки

За кушаки засунули другъ другу,
И вдругъ Рустемъ тряхнулъ Зораба
Такъ сильно, что съ земли
Взорвалъ его на воздухъ; какъ свинецъ,
Всей тяжестью Зорабъ на грудь отца
Обрушился и повалилъ
Его на землю подъ себя.
Не зная самъ, какъ могъ онъ очутиться
На немъ, его къ землѣ онъ придавилъ
Колѣномъ, выхватилъ кинжалъ
И былъ готовъ пронзить имъ грудь
Подъ нимъ лежавшаго Рустема.

Рустемъ, увидя надъ собою
Желѣзо, возопилъ: «остановись!
Что хочешь дѣлать? Если ты
Породой знаменитъ, не осрамляй
Ни самаго себя, ни предковъ
Постыднымъ дѣломъ: межъ суровыхъ
Родяся турковъ, ты не знаешь
Обычаевъ Ирана; знай же,
Что здѣсь никто, кому въ борьбѣ
Соперника удастся одолѣть,
Его не умерщвляетъ, но ему
Даетъ съ собою испытать
Въ другой разъ силу; если жъ и тогда
Онъ побѣдитъ, то властенъ онъ
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таковъ святой иранскій нашъ обычай,
И стыдъ тому, кѣмъ будетъ онъ нару-
шенъ!»
Такъ говорилъ Рустемъ, прибѣгнувъ
(Чтобъ отъ себя погибель отвратить)
Къ обману. — «Я», отвѣтствовалъ Зо-
рабъ,
«Не слыхивалъ, чтобъ гдѣ такой обычай
Водился; но скажи мнѣ, соблюдалъ ли
Его Рустемъ?»—На это возразилъ
Рустемъ: «какое дѣло намъ
До твоего Рустема? Если жъ
Ты хочешь знать, то и Рустемъ
Обычаю Ирана былъ покоренъ».
При этомъ словѣ опустилъ
Зорабъ кинжалъ и руку подалъ
Лежачему, чтобъ онъ съ земли поднялся.
Легко повѣрилъ онъ: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, какъ младенецъ, былъ онъ
Великодушенъ, какъ герой;
А темная рука судьбы
Его къ погибели стремила неизбѣжно.
Обманомъ спасшійся Рустемъ
Негодовалъ, что для спасенья
Былъ принужденъ обманъ употребить;
Поднявшися съ земли, онъ отряхнулся
И противъ воли покраснѣлъ,
Взглянувъ на сына; а Зорабъ
Ему сказалъ съ усмѣшкой: «отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здѣсь буду, и тогда,
Какъ слѣдуетъ, начатое мы кончимъ»
Сѣвъ на коня, онъ поскакалъ
Въ ту сторону, гдѣ по горѣ
Туранское стояло строемъ войско;
Вдругъ передъ нимъ вскочила антилопа,
И весело за нею онъ погнался,
Забывъ о близкомъ часѣ роковомъ.

Жуковскій.

---

5. РОМАНСЫ О СИДѢ.

а) Сидъ мститъ за безчестіе отца.

Мраченъ, грустенъ Донъ-Діего.....
Что сравнить съ его печалью?
День и ночь онъ помышляетъ
О безчестіи своемъ.
Посрамленъ на-вѣки древній,
Знаменитый домъ Ленесовъ;
Не равнялись ни Инигп,
Ни Аварки славой съ нимъ;
И болѣзнью и лѣтами
Изнуренный старецъ видитъ
Близкій гробъ передъ собою;
Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
Торжествующій, гуляетъ,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напослѣдокъ, свергнувъ бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своихъ созвалъ онъ
И, ни слова не сказавши,
Повелѣлъ связать имъ крѣпко
Благородныя ихъ руки.
И, трепещущіе, робко
Вопрошаютъ сыновья:
«Что ты дѣлаешь, родитель?

Умертвить ли насъ замыслилъ?»
Нѣтъ душѣ его надежды!
Но когда онъ обратился
Къ сыну младшему Родригу,
Въ немъ она опять воскресла;
Засверкавъ очами тигра,
Возопилъ младой Родриго:
«Развяжи, отецъ, мнѣ руки!
Развяжи! когда бъ ты не былъ
Мой отецъ, я не словами
Далъ тебѣ бъ тогда управу;
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнулъ;
Мнѣ мечемъ или кинжаломъ
Были пальцы бы мои!»—
Сынъ души моей, Родриго!
Скорбь твоя—мнѣ исцѣленье;
Грозный гнѣвъ твой—мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь ее—
И Родригу разсказалъ онъ
Про свою тогда обиду
И его благословилъ.

Удаляется Родриго,
Полонъ гнѣва, полонъ думы
О врагѣ своемъ могучемъ,
О младыхъ своихъ лѣтахъ.
Знаетъ онъ, что въ Астуріи
Донъ-Гормасъ богатъ друзьями,
Что въ совѣтѣ королевскомъ
И въ сраженьѣ первый онъ.
Но того онъ не страшится:
Сынъ Гидальга благородный,
Онъ, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И въ душѣ своей онъ молитъ
Отъ небесъ—одной управы,
Отъ земли—простора битвѣ,
А отъ чести—подкрѣпленья
Молодой своей рукѣ.
Со стѣны онъ мечъ снимаетъ,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауромъ печальнымъ
По давнишнемъ господинѣ.
«Знаю, добрый мечъ», сказалъ онъ,
«Что тебѣ еще постыдно
Быть въ рукѣ незнаменитой;
Но когда я поклянулся
Не нанесть тебѣ обиды,
Ни на шагъ въ минуту боя
Не попятиться... пойдемъ!

Тамъ на площади дворцовой
Сидъ увидѣлъ Донъ-Гормаса,
Одного безъ провожатыхъ,
И вступилъ съ нимъ въ разговоръ:
«Донъ-Гормасъ, отвѣтствуй, зналъ ли
Ты о сынѣ Донъ-Діега,
Оскорбивъ рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Зналъ ли ты, что Донъ-Діего
Есть потомокъ Лайна Кальва,
Что нѣтъ крови благороднѣй,
Нѣтъ щита его честнѣй?
Зналъ ли, что пока дышу я,
Не дерзнетъ никто изъ смертныхъ—
Развѣ Богъ одинъ Всевышній—
Сдѣлать то безъ наказанья,
Что дерзнулъ съ нимъ сдѣлать ты?»
Самъ едва ли ты, младенецъ
(Отвѣчалъ Гормасъ надменно),
Знаешь жизни половину.—
«Знаю твердо! половина
Жизни: почесть благороднымъ
Воздавать, какъ то прилично;
А другая половина:
Быть грозою горделивыхъ
И послѣдней каплей крови
Омывать обиду чести.»—
Чтожъ? Чего, младенецъ, хочешь?—
«Головы твоей хочу я.»—
Хочешь розогъ, дерзкій мальчикъ?
Погоди, тебя накажутъ,
Какъ проказливаго пажа.—
Боже праведный, какъ вспыхнулъ
При такомъ отвѣтѣ Сидъ!

Слезы льются, тихо льются
По ланитамъ Донъ-Діега:
За столомъ своимъ семейнымъ
Онъ сидитъ, все позабывъ:
О стыдѣ своемъ онъ мыслитъ,
О младыхъ лѣтахъ Родрига,
О ужасномъ поединкѣ,
О могуществѣ врага.

Оживительная радость
Убѣгаетъ посрамленныхъ;
Вслѣдъ за нею убѣгаютъ
И довѣренность съ надеждой:
Но цвѣтущія, младыя
Сестры чести, вмѣстѣ съ нею
Возвращаются онѣ.
И, въ унылость погруженный,
Донъ-Діего не примѣтилъ
Подходящаго Родрига.
Онъ, съ мечемъ своимъ подъ мышкой,
Приложивъ ко груди руки,
Долго, долго весь пронзенный
Состраданіемъ глубоко,
На отца глядѣлъ въ молчаньѣ;
Вдругъ подходитъ, и схвативши
Руку старца: ѣшь, родитель!
Говоритъ, придвинувъ пищу.
Но сильнѣе плачетъ старецъ. —
Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
Мнѣ даешь такой совѣтъ?—
«Я, родитель! смѣло можешь
Ты поднять свое святое,
Благородное лице».—
Спасена ли наша слава?—
«Мой родитель, онъ убитъ».
Сядь же, сынъ мой Донъ-Родриго,
Сядь за столъ со мною рядомъ!
Кто съ соперникомъ подобнымъ
Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
Дома нашего главой.—
Со слезами Донъ-Родриго,
Преклонивъ свои колѣна,
Лобызаетъ руки старца;
Со слезами Донъ-Діего,
Умиленный, лобызаетъ
Сына въ очи и уста.

Жуковскій.

б) Похороны Сида.

Умеръ добрый Сидъ-Родриго,
Что Вибаромъ назывался;
И слуга его Гиль-Діазъ
Все, что надобно, исполнилъ,
По приказу господина:
Умастилъ мастями тѣло
И къ стѣнѣ поставилъ прямо.
Ликъ покойнаго былъ свѣтелъ,
И румянецъ алый ярко
Въ немъ игралъ какъ у живаго,
И глаза его глядѣли.
Чтобъ держалось тѣло прямо,
Хитрость выдумалъ Гиль-Діазъ:
Посадилъ въ сѣдло Родрига,
Доску за-спину, другую
Передъ грудью, такъ что обѣ
На бокахъ онѣ сходились
И подъ мышки подпирали,
Та, что сзади, подлиннѣе,
Чтобы голову держала,
А другая покороче,
Къ бородѣ, и тѣло прямо
Отъ того у Сида стало.
Такъ прошло двѣнадцать сутокъ
Съ той поры, какъ Сидъ скончался.
Стали ратники сбираться
На войну противъ Букара
И его орды нечистой.
Только полночь наступила,
Тѣло Сида на Бабьеку
Посадили и ремнями
Привязали, чтобъ не падалъ.
Какъ живой въ сѣдлѣ сидѣлъ онъ!
Были поножи изъ ткани
Черной съ бѣлымъ, чтобъ казалось,
Что въ желѣзо онъ обулся.
Платье праздничное было;
Въ руки дали щитъ огромный,
Изукрашенный гербами;
А шеломъ былъ сшитъ изъ кожи
И расписанъ такъ искусно,
Что, казалось, былъ желѣзный.
Въ руку правую вложили
Мечъ Тизонъ, какъ бы рукою
Онъ держалъ его. Епископъ,
Славный Донъ-Іеронимо,
Ѣхалъ справа, а Гиль-Діазъ
Ѣхалъ слѣва и Бабьеку
Подъ узцы держалъ рукою.
Впереди Бермудезъ Педро
Несъ распущенное знамя;
За Бермудезомъ въ порядкѣ
Шло четыреста Гидальговъ,
И обозъ большой и вьюки,
Окруженные войсками.
За войсками тѣло Сида;

Сто хранителей могучихъ
Шло во слѣдъ за честнымъ тѣломъ,
А за ними и Химена
Шла со всей своею свитой,
Съ шестью стами Кабальеро,
Что приставлены къ ней были
Охранять ея особу.
Идутъ молча, въ тихомъ строѣ,
Что, казалось, только двадцать
Изъ Валенціи ихъ вышло.
Заблистало въ небѣ утро,
А Альваръ-Фаньезъ ударилъ
Первый противъ сильныхъ мавровъ,
И увидѣлъ предъ собою
Молодую мавритянку,
Что была искусна въ битвѣ
И въ стрѣляніи изъ лука
И хитро копьемъ владѣла;
Имя было ей Эстрелья;
Какъ начальникъ, предъ своими
На конѣ она скакала,
И за нею сто наѣздницъ,
И могучихъ и отважныхъ.
Сидовы на нихъ помчались
И на землю всѣхъ повергли.
Видѣлъ то король Букаръ
И съ другими королями
Удивлялся онъ, откуда
Столько воинства явилось,
Что, казалось, подходило
Тысячъ семьдесятъ. Всѣ были
Въ бѣлоснѣжныхъ свѣтлыхъ платьяхъ,
И одинъ, который ужасъ
Наводилъ на всѣхъ въ бою,—
На конѣ красивомъ ѣхалъ,
Рослый и широкоплечій;
Красный крестъ блисталъ на персяхъ,
А въ рукѣ держалъ онъ знамя
И огромный мечъ, которымъ
Какъ огнемъ разилъ враговъ.
Побѣжало войско мавровъ,
Сида страшнаго увидѣвъ.
И Букаръ, не дожидаясь
Нападенья, бросилъ поле
И пустился прямо къ морю,
Гдѣ ладьи у нихъ стояли.
Люди Сидовы за ними—
И разили ихъ мечами.
Ни одинъ живой изъ мавровъ
Не остался: всѣ погибли
Отъ меча, или потопли;
Десять тысячъ ихъ потопло:
Такъ они спѣшили къ морю!
Королей погибло двадцать,
Лишь одинъ король Букаръ
Спасся бѣгствомъ. Люди Сида
Захватили лагерь мавровъ
И нашли тамъ много злата;
Неимущій сталъ имущимъ;
А потомъ пошли въ Кастилью,
Какъ велѣлъ имъ добрый Сидъ,
Въ Храмъ Апостола Святаго,
Что Карденскимъ назывался,
И оставили тамъ тѣло
Сида Діазъ-де-Вибара,
Что Испанію прославилъ.

Н. Бергъ.

---

6. ЛЮБУШИНЪ СУДЪ.

Гой, Влетава, что ты волны мутишь?
Сребропѣнныя что мутишь волны?
Подняла-ль тебя, Влетава, буря,
Разогнавъ съ небесъ широкихъ тучу,
Оросивши главы горъ зеленыхъ,
Разметавши глину золотую?
Какъ Влетавѣ не мутиться нынѣ!
Разлучились два родные брата,
Разлучились и враждуютъ крѣпко
Межъ собой за отчее наслѣдье.
Лютый Хрудошъ отъ кривой Отавы,
Отъ кривой Отавы златоносной,
И Стяглавъ съ рѣки Радбузы хладной,
Оба братья, Кленовичи оба,
Оба родомъ отъ стараго Тетвы,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный,
Черезъ три рѣки съ полками Чеха.
Прилетѣла сизая косатка,
Отъ кривой Отавы прилетѣла,
На окошкѣ сѣла на широкомъ,
Въ золотомъ Любуши стольномъ градѣ,
Стольномъ градѣ, святомъ Вышеградѣ;
Зароптала, заплакала горько.
Какъ сестра косатки той родная
Эти рѣчи въ домѣ услыхала—
Позвала княжну Любушу въ городъ

Учинить великую расправу,
Звать на судъ ея обоихъ братьевъ
И рѣшить ихъ дѣло по закону.
Шлетъ пословъ княжна изъ Вышеграда
Святослава кликать отъ Любицы,
Отъ Любицы бѣлой и дубравной;
Лютобора витязя, что правилъ
На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
Гдѣ Орлицу пьетъ синяя Лаба;
Ратибора съ Керконошъ высокихъ,
Гдѣ дракона ярый Трутъ осилилъ;
Радована съ Каменнаго моста,
Ярожира отъ вершинъ ручьистыхъ,
Стрезибора отъ Сазавы злачной,
Саморода со Мжи среброносной,
Кметовъ, Леховъ и Владыкъ великихъ,
И Стяглава и Хрудоша братьевъ,
Что за отчину враждуютъ крѣпко.
Какъ собрались Лехи и Владыки
Въ Вышеградѣ у княжны Любуши,
Всякій сталъ по сану и по роду;
Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
На престолѣ отчемъ, въ славномъ сеймѣ.
Вышли двѣ разумныя дѣвицы
Съ мудрыми судейскими рѣчами:
У одной въ рукахъ скрижали правды,
У другой же мечъ, каратель кривды;
Передъ ними пламень правдовѣстникъ,
А за ними воды очищенья.
Начала княжна такое слово
Съ золотаго отчаго престола:
«Гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
Разрѣшите братьевъ, что враждуютъ
Межъ собой за отчее наслѣдье.
Вы скажите намъ святую правду
Отъ боговъ всевѣдцевъ присносущихъ:
Вмѣстѣ-ль станутъ безъ раздѣла править,
Иль на части ровныя раскинутъ?
Гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
Приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
Коли вамъ по разуму придется;
А не то законъ поставьте новый,
Да разсудитъ разлученныхъ братьевъ.»
Поклонились Лехи и Владыки,
И пошли про это разговоры,
Разговоры тихіе межъ ними,
Въ похвалу рѣчей княжны Любуши.
Лютоборъ, что проживалъ далече
На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
Всталъ и началъ къ ней такое слово:
«О княжна ты наша въ Вышеградѣ
На златомъ отеческомъ престолѣ!
Мы твое рѣшенье разсудили;
Прикажи узнать народный голосъ.»
И тогда собрали по наказу
Дѣвы-судьи голоса народа
И, въ сосудъ священный положивши,
Лехамъ дали прокричать на вѣчѣ.
Радованъ отъ Каменнаго моста
Голоса народа перечислилъ
И ко всѣмъ сказалъ рѣшенье сейма:
«Сыновья враждующіе Клена,
Братья родомъ отъ стараго Тетвы,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный
Черезъ три рѣки съ полками Чеха!
Ваше дѣло такъ рѣшилось нынѣ:
Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла!»
Всталъ тутъ Хрудошъ отъ кривой Отавы,
Закипѣла желчь въ его утробѣ,
Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затрясся
И, махнувъ могучею рукою,
Заревѣлъ къ народу ярымъ туромъ:
«Горе, горе молодымъ птенятамъ,
Коль ехидна въ ихъ гнѣздо вотрется;
Горе мужу, если онъ попуститъ
Управлять собой женѣ строптивой!
Мужу должно обладать мужами,
Первородному идетъ наслѣдье!»
Поднялась Любуша на престолѣ,
Молвя: Кметы, Лехи и Владыки!
Мой позоръ свершился передъ вами—
Такъ творите-жъ нынѣ судъ и правду
Межъ собою сами по закону:
Править вами не хочу я болѣ!
Изберите мужа, да пріиметъ
Власть надъ вами онъ рукой желѣзной,
А рукѣ моей, дѣвичьей,
Управлять мужами не подъ-силу!»
Ратиборъ, что съ Керконошъ высокихъ,
Всталъ и началъ къ вѣчу: «непохвально
Судъ и правду намъ искать у нѣмцевъ.
По святымъ у насъ законамъ правда:

Принесли ту правду наши предки
Черезъ три рѣки на нашу землю».
Н. Бергъ.

---

7. КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ

ЗАБОЙ И СЛАВОЙ.

Поднимается скала надъ лѣсомъ;
На скалѣ стоитъ Забой могучій
И во всѣ концы кидаетъ взгляды.
Возмутился духъ печалью,
И Забой заплакалъ, что твой голубь.
Тамъ сидѣлъ онъ долго, смутенъ сердцемъ;
Вдругъ вскочилъ и побѣжалъ оленемъ
Черезъ боръ широкій и пустынный.
Побывалъ у каждаго онъ мужа,
Къ сильному отъ сильнаго онъ мчался,
Рѣчь держалъ короткую со всякимъ;
Преклонялъ чело передъ богами,
И къ другимъ оттуда онъ пускался.
Минулъ день, за нимъ другой проходитъ:
Въ третій день блеснулъ на небѣ мѣсяцъ,
Собрался мужи въ лѣсъ дремучій;
Тѣхъ мужей ведетъ Забой въ долину,
Что лежала межъ лѣсовъ глубоко.
Самъ онъ сталъ среди ложбины низкой;
Въ варито рукою ударяетъ:
«Мужи, съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
Мужи искренніе взоромъ!
Вамъ пою въ глубокой я долинѣ,
Отъ глубокаго пою вамъ сердца,
Что печалью возмутилось!
Нашъ отецъ ушелъ къ отцамъ
И дѣтей покинулъ малыхъ,
И подругъ своихъ покинулъ,
Не сказавши никому:
Братъ! поди, поговори ты съ ними,
Какъ отецъ съ родимою семьею!
И пришелъ чужой въ предѣлы наши;
Зашумѣлъ на насъ чужой рѣчью;
И какъ тамъ живутъ съ утра до ночи,
Такъ и нашимъ женамъ и ребятамъ
Жить велѣлъ, и каждому онъ мужу
По одной велѣлъ держать подругѣ
На пути съ весны и до Мораны.
Ясныхъ кречетовъ изъ бору выгналъ,
И боговъ, что боги на чужбинѣ,
Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ
И святыя сожигать имъ жертвы;
А своимъ никто не смѣй молиться
И въ потемкахъ приносить имъ пищу.
Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу—
Онъ посѣкъ священныя деревья
И боговъ кумиры ниспровергнулъ».
— Ты, Забой, поешь отъ сердца сердцу,
Пѣсню горя, какъ Люміръ, что двигалъ
Вышеградъ и всѣ его предѣлы
Пѣснями да крѣпкими словами;
Такъ и ты меня и братьевъ тронулъ;
Добраго пѣвца и боги любятъ!
Пой, отъ нихъ поешь ты пѣсни,
Что мутятъ все наше сердце
Противъ недруга лихаго!—
Посмотрѣлъ Забой, какъ у Славоя
Разгорѣлись, раскалились очи—
И запѣлъ онъ пѣсню снова,
Чтобъ сердца расшевелились:
Жило-было двое братьевъ.
Какъ ужъ стали голосами
На мужей они похожи,
Всякій день ходили въ рощу,
И къ мечу, къ копью и млату
Пріучали тамъ десницу;
Прятали въ густомъ лѣсу оружье
И съ веселымъ сердцемъ возвращались.
А какъ стали руки братьевъ крѣпки,
Выходили братья въ бой кровавый.
Втапоры братишки ихъ другіе
Подростали, и во слѣдъ за тѣми
На враговъ летѣли, словно буря:
И отчизна ихъ цвѣла въ покоѣ!»
Всѣ къ Забою, къ молодцу прыгнули
И пѣвца въ объятьяхъ сжали крѣпкихъ,
Клали руки сильныя на перси
И умно-разумно говорили.
До разсвѣту было ужъ недолго.
Выходили изъ долины мужи,
Выходили розно, темнымъ лѣсомъ.
И по всѣмъ дорогамъ разбрелися.
День проходитъ и другой проходитъ:
А на третій день, какъ ночь настала,

Въ темный лѣсъ пошелъ Забой—
И за нимъ пошли дружины;
Въ темный лѣсъ пошелъ Славой —
И за нимъ пошли дружины.
Всякъ покоренъ воеводѣ;
Королю же всякъ тамъ недругъ,
Всякъ его сгубить замыслилъ.
«Гой еси ты, братъ Славой!
Къ голубой ступай вершинѣ,
Что надъ всѣмъ поднялась краемъ:
Тамъ сбираться надо будетъ.
На востокъ отъ той вершины,
Видишь, лѣсъ идетъ дремучій,—
Тамъ рукой ударимъ въ руку!
Пробирайся-жъ ты лисицей;
Я туда-жъ приду съ полками».
— Гой еси ты, братъ Забой!
Для чего оружье наше
Оставлять въ покоѣ долго?
Чтобы грянуть намъ отсюда?—
«Ты послушай, братъ Славой:
Коль известь ты хочешь змѣя,
Наступи ему на горло—
Горло вражье на вершинѣ!»
По лѣсу разбились мужи,
И на-право и на-лѣво:
Эти идутъ, слушая Забоя,
Тѣ, по слову храбраго Славоя,
Темнымъ лѣсомъ, къ синей той вершинѣ.
Въ пятый разъ восходитъ солнце красно.
Тутъ вожди другъ другу руку
Подаютъ и лисьимъ окомъ
Съ той вершины озираютъ
Королевскія дружины.
«Насъ однимъ разбить ударомъ
Хочетъ Людекъ: вишь полки сбираетъ!
Эй ты, Людекъ! ты теперь холопомъ
Надъ холопами у нихъ поставленъ!
Палачу ты своему скажи-ка,
Что его приказы—дымъ для нашихъ!»
Разъярился Людекъ;
Войско быстро онъ сзываетъ,
Много свѣту было въ небѣ:
Красно солнце тамъ играло,
И играло красно солнце
На дружинахъ королевскихъ.
Всѣ онѣ въ походъ готовы
И поднять готовы руку,
Коли вождь прикажетъ Людекъ.
«Гой ты, братъ Славой!
Ты зайди лисицей сзади;
Я жъ ударю имъ на встрѣчу!»
И пошелъ Забой, какъ туча съ градомъ,
И Славой пошелъ, какъ туча съ градомъ,
Этотъ съ боку, тотъ ударилъ прямо.
«Братъ! вонъ эти лиходѣи,
Что боговъ и насъ низвергли.
Порубили рощи наши,
Ясныхъ кречетовъ прогнали.
Намъ пошлютъ побѣду боги!»
Разозлился Людекъ, заметался:
Онъ изъ полчищъ на Забоя вышелъ;
И Забой, сверкая взоромъ, встрѣтилъ
Людека. Что дубъ схватился съ дубомъ
Средь лѣсовъ: такъ Людекъ на Забоя
Налетѣлъ среди обѣихъ ратей.
Людекъ поднялъ тяжкій мечъ
И пробилъ въ щитѣ три кожи;
Тутъ Забой пускаетъ молотъ—
Людекъ въ сторону отпрянулъ:
Угодилъ тяжелый молотъ,
Угодилъ онъ въ дубъ высокій—
Дубъ на воиновъ свалился,
И къ отцамъ пошло ихъ тридцать.
Разъярился Людекъ: «Звѣрь ты дикій,
Злющая ты гадина, ехидна!,
Ну-ка, выйди на мечахъ со мною!»
И махнулъ Забой мечемъ:
Отлетѣлъ у супостата
Отъ щита большой осколокъ.
Людекъ самъ ударъ заноситъ—
Да скользнулъ булатъ по кожѣ,
Что была по-сверхъ щита Забоя.
Распалились оба воеводы,
Сыпали тяжелые удары
И забрызгали другъ друга кровью;
Всѣ въ крови и воины ихъ были,
Что вокругъ вождей рубились крѣпко.
На полуднѣ стало солнце
И пошло ужъ къ вечеру съ полудня:
Но вожди безъ умолку все бились.
Здѣсь кипѣла яростная сѣча,
Да и тамъ Славой сражался ладно.
«Ахъ, ты врагъ безъ угомону!
Чтобы взялъ тебя нечистый!
Что ты кровь-то нашу точишь?»
И Забой свой молотъ поднялъ:

Да отпрыгнулъ Людекъ!
Поднялъ тотъ свой молотъ снова
И пустилъ имъ въ супостата;
Молотъ свистнулъ — вражій щитъ разбился,
И разбились Людековы перси,
А душа изъ тѣла полетѣла;
Молотъ выпугнулъ оттуда душу
И пронесся въ войско на пять саженъ.
Страхъ напалъ на вражьи рати,
Вырывая вопль изъ ихъ гортани.
У Забоя-жъ люди веселились,
И въ очахъ у нихъ играла радость.
«Братья! боги дали намъ побѣду!
Раздѣлитесь, братья, на двѣ части —
И въ походъ на-право и на-лѣво!
Изо всѣхъ долинъ коней сгоняйте:
Пусть заржутъ они въ дубравахъ этихъ!
— Братъ Забой! удалый левъ!
Бей враговъ ты безъ пощады!—
Щитъ Забой на землю бросилъ,
Въ руку взялъ тяжелый молотъ,
А въ другую мечь булатный—
И дорогу межъ врагами
Проложилъ себѣ онъ разомъ.
Зашумѣли, дрогнули дружины!
Тутъ погналъ ихъ съ тылу Трясъ могучій,
И они со страху завопили.
«Кони ржутъ въ густомъ лѣсу.
На коней и за врагами!
Черезъ весь ихъ край гоните!
Быстры кони, мчитесь, мчитесь
По пятамъ злодѣевъ нашихъ!»
И отряды на коней вскочили;
Скокъ-по-скокъ погнали за врагами,
Сыпля за ударами удары.
Проскакали горы, лѣсъ, равнины—
Справа, слѣва все назадъ бѣжало.
Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
За волнами волны катитъ:
Воины спрыгнули въ рѣку
И враговъ передъ собой погнали.
Тутъ чужихъ топили наши волны,
А своихъ на берегъ выносили.
Все леталъ надъ тѣми надъ полями
На широкихъ крыльяхъ лютый коршунъ
И гонялъ онъ малыхъ пташекъ...
А дружины смѣлыя Забоя
По полямъ, разсыпавшись, бѣжали
За врагами, ихъ разили всюду
И топтали ярыми конями.
Ночью гнали, какъ свѣтилъ имъ мѣсяцъ;
Гнали днемъ, когда свѣтило солнце.
Тамъ опять скакали ночью,
Тамъ зарей на утрѣ сѣромъ.
Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
За волнами волны катитъ:
Воины спрыгнули въ рѣку
И враговъ передъ собой погнали.
Тутъ чужихъ топили волны,
А своихъ на берегъ выносили.
«Ну, къ сѣдымъ туда вершинамъ:
Тамъ конецъ кровавой мести».
— Ты послушай, братъ Забой:
До горы ужъ не далеко,
И враговъ не много стало,
Да и тѣ о жизни молятъ!—
«Такъ назадъ веди дружины;
Я-жъ пойду и доконаю
Всѣхъ послѣднихъ королевцевъ.»
Въ томъ краю прошли метели;
Въ томъ краю прошли дружины,
Въ томъ краю, на-право и на-лѣво;
Тамъ и сямъ дружины видны,
Крики радостные слышны.
«Братъ, ужъ вотъ она, вершина,
Гдѣ намъ боги шлютъ побѣду!
Тамъ изъ тѣлъ выходятъ души
И порхаютъ по деревьямъ.
Звѣрь и птицы ихъ боятся,
Не боятся только совы.
Погребать пойдемъ убитыхъ,
Да боговъ своихъ покормимъ,
Принесемъ большія жертвы
Имъ, спасителямъ народа;
Возгласимъ и честь и славу,
И положимъ все предъ ними,
Что у недруговъ отбили!

Н. Бергъ.

---

8. БАНОВИЧЪ СТРАХИНЬЯ.

Какъ услышалъ турокъ эти рѣчи,
Онъ тряхнулъ, вскочилъ на легки ноги,
Подпоясалъ златолитый поясъ,
За поясъ заткнулъ кинжалъ булатный,
У бедра повѣсилъ саблю востру,

На коня на вороного глянулъ,
На коня онъ глянулъ—Банъ нагрянулъ,
Не кивнулъ онъ туркѣ головою,
Не назвалъ селяма по-турецки,
А сказалъ ему, собакѣ, прямо:
Вотъ ты гдѣ, проклятый бусурманинъ,
Вотъ ты гдѣ, лихой царевъ ослушникъ!
Ты скажи мнѣ, чьи дворы разграбилъ?
Чьихъ прогналъ ты вѣрныхъ домочадцевъ?
Чью, скажи, теперь ты любу любишь?
Выходи со мной на поединокъ!—
Изготовился турчинъ на битву,
Прыгнулъ разъ и до коня допрыгнулъ,
Прыгъ еще и на коня онъ вспрыгнулъ,
Подобралъ ременные поводья;
Банъ не ждетъ, помчался на турчина
И пустилъ въ него копьемъ булатнымъ.
Тутъ бойцы удалые слетѣлись,
Но руками размахнулъ Алія
И поймалъ Бановичеву пику,
И кричитъ онъ громко Страхинь-бану:
У, ты гяуръ, Страхинь-банъ проклятый!
Вотъ ты что придумалъ и затѣялъ:
Да не съ бабой это Шумадійской,
Что наскачешь, крикомъ озадачишь,
А могучій это Влахъ-Алія,
Что не любитъ и султана слушать,
Помыкаетъ онъ и визирями,
Словно мухами да комарами:
Вотъ ты съ кѣмъ затѣялъ поединокъ!—
Такъ сказалъ и самъ пускаетъ пику,
Просадить хотѣлъ Страхинью сразу,
Но Господь помогъ тутъ Страхинь-бану,
Да и конь былъ у него смышленый:
Онъ припалъ, какъ загудѣла пика,
И она надъ Баномъ просвистѣла
И ударилась въ холодный камень,
На три иверня разбившись разомъ
У руки и гдѣ насаженъ яблокъ.
Какъ не стало копьевъ, ухватили
Палицы они и шестоперы;
Размахнулся турокъ Влахъ-Алія
И ударилъ Страхинь-бана въ темя;
Страхинь-банъ погнулся, покачнулся,
Вѣрному коню упалъ на шею,
Но Господь опять помогъ Страхиньѣ,
Да и конь былъ у него смышленный,
Конь такой, какого не видали
Съ той поры ни сербы и ни турки:
Онъ взмахнулъ и передомъ, и задомъ,
И въ сѣдлѣ Страхиньича поправилъ.
Тутъ ужъ Банъ ударилъ Влахъ-Алію,
Изъ сѣдла не могъ турчина выбить,
Но коня всадилъ онъ по колѣни
Въ землю всѣми четырьмя ногами.
Шестоперы также изломали
И повыбили изъ нихъ всѣ перья;
Тутъ за сабли вострыя схватились,
И давай опять рубиться-биться!
А была у Страхинь-бана сабля:
Трое саблю вострую ковали,
А другіе трое помогали,
Съ воскресенья вплоть до воскресенья
Выковали саблю изъ булата.
Рукоять изъ серебра и злата:
На великомъ брусѣ, на точилѣ,
Страхинь-бану саблю наточили.
Замахнулся турокъ, но Страхинья
Подскочилъ, на саблю саблю принялъ,
На полу разсѣкъ у турка саблю,
И взыгралъ, возрадовался духомъ,
Кинулся смѣлѣй на Влахъ-Алію,
Налеталъ оттуда и отсюда,
Чтобы съ плечъ башку снести у турка
Или руки у него поранить.
Лихъ боецъ съ лихимъ бойцемъ сошелся:
Наступаетъ сильный Банъ на турка,
Только турокъ Бану не дается.
Половинкой сабли турокъ бьется,
Онъ обертываетъ саблей шею,
Заслоняетъ грудь и руки ею,
И Страхиньи саблю отбиваетъ,
Только иверни летятъ да брызги!
Другъ у друга сабли изрубили,
Изрубили вплоть по рукояти,
Въ сторону отбросили обломки,
Соскочили съ коней и схватились
Другъ за друга сильными руками,
И какъ два великіе дракона
По горѣ по Го́лечу носились,
Цѣлый день носились до полудня,
Ажно пѣна-потъ прошибъ турчина:
Бѣлая какъ снѣгъ бѣжала пѣна,
А у Бана бѣлая да съ кровью;
Окровавилъ онъ свою рубашку—
Окровавилъ золотыя чизмы;
Тяжко-тяжко стало Страхинь-бану,

Онъ взглянулъ на любу и воскликнулъ:
Богъ убей тебя, змѣя не-люба!
И какого тамъ рожна ты смотришь?
Подняла-бы ты обломокъ сабли
И ударила-бъ меня иль турка,
И ударила-бъ кого не жалко! —
Но турчинъ Алія къ ней взмолился:
Ахъ душа, Страхиньина ты люба,
Не моги, смотри, меня ударить,
Не моги меня, ударь Страхинью!
Ужъ не быть тебѣ его женою,
И тебя онъ больше не полюбитъ,
А корить и днемъ и ночью станетъ;
. . . .
Мнѣ-же будешь ты мила во-вѣки,
Мы уѣдемъ въ Едренетъ съ тобою,
Дамъ тебѣ я пятьдесятъ невольницъ,
Чтобъ тебя за рукава держали
И кормили сахаромъ да медомъ;
Золотомъ тебя всее осыплю
Съ головы до муравы зеленой.
Ну, ударь, душа, Страхинью-бана!—
Женщину легко подбить на злое:
Подбѣжала люба Страхинь-бана,
Сабельный обломокъ ухватила,
Обернула шелковымъ убрусомъ,
Чтобы руку бѣлу не поранить,
Не хотѣла турка Влахъ-Алію,
А накинулась змѣя на мужа,
Господина своего Страхинью,
И ударила его осколкомъ
Прямо въ лобъ, по золотой челенкѣ
И по бѣлому его кауку,
И челенку свѣтлую разсѣкла,
И каукъ ему разсѣкла бѣлый:
Кровь пробилась алою струею,
Стали очи заливать Страхиньѣ:
Видитъ Банъ погибель неминучу,
Но подумалъ онъ и догадался,
Вспомнилъ онъ лихаго Карамана,
Что привыченъ былъ ко всякой травлѣ,
Да какъ крикнетъ богатырскимъ горломъ:
Вѣрный песъ на крикъ его примчался,
Ухватилъ измѣнницу за горло,
А вѣдь женщины куда пугливы:
Бросила она обломокъ сабли,
Взвизгнула и за уши схватила,
За уши схватила Карамана,
И скатилась кубаремъ въ долинѣ;
А турчину стало жалко любы:
Онъ глядитъ во слѣдъ, что̀ будетъ съ нею.
Тутъ Страхинья въ пору догадался,
Молодецкое взыграло сердце,
Изловчился, наскочилъ на турка
И ударилъ басурмана объ земь.
Страхинь-банъ оружія не ищетъ:
Онъ насѣлъ на турка Влахъ-Алію
И заѣлъ его до смерти зубомъ!

Н. Бергъ.

---

9. МАРКО КРАЛЕВИЧЪ.

Сѣлъ Краль-Марко, сѣлъ за ужинъ
Вмѣстѣ съ матерью своею,
И подъ усъ себѣ смѣется.
Мать сказала Кралю-Марку:
Что ты, Марко, все смѣешься?
На смѣхъ старость подымаешь?
Иль смѣшенъ тебѣ мой ужинъ?
Иль вино мое не сладко?—
Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
Я смѣюся не на ужинъ,
А смѣюся на мадяра,
На мадярина Филиппа:
Часто, мелко мнѣ онъ пишетъ,
Мелко пишетъ, въ гости проситъ,
Погулять, повеселиться
И борьбою побороться!—
Отвѣчаетъ мать Краль-Марку:
Охъ, не ѣзди, сынъ мой милый,
Охъ, не ѣзди къ злымъ мадярамъ!
Погубилъ Филиппъ мадяринъ
Сорокъ молодцевъ болгарскихъ
И увезъ ихъ женъ съ собою!—
Только Марко не послушалъ,
Не послушалъ этой рѣчи,
Всталъ, собрался и поѣхалъ.
Какъ пріѣхалъ онъ къ мадярамъ,
Видитъ: рѣчка протекаетъ
Передъ хатами мадяровъ,
Подлѣ рѣчки сорокъ плѣнницъ
Полотно стираютъ бѣло,
А съ высокаго забора
Смотрятъ, воткнуты на копья,
Удалы башки болгаровъ,
Что мужей тѣхъ горькихъ плѣнницъ.
Опросилъ тѣхъ плѣнницъ Марко:

Гдѣ у васъ Филиппъ мадяринъ?
А онѣ ему сказали:
Что тебѣ Филиппъ мадяринъ?
Проѣзжай ты лучше мимо!
Погубилъ Филиппъ мадяринъ
Сорокъ молодцевъ болгарскихъ.
Видишь головы на копьяхъ?
Это головы болгаровъ,
Что мужей-ли нашихъ милыхъ.
Видишь этотъ бѣлый камень?
Онъ его одной рукою
Поднимаетъ и бросаетъ!—
Марко тронулъ тихо лошадь,
Поднялъ съ земли бѣлый камень
И его далеко бросилъ.
Ѣдетъ Марко, ѣдетъ Марко
Прямо къ терему Филиппа,
Видитъ: заперты ворота;
Марко толкъ ногой въ ворота—
И ворота отворились.
Онъ во дворъ широкій ѣдетъ
И мадярина онъ кличетъ,
Но выходитъ не мадяринъ,
А пригожая мадярка.
Гдѣ Филиппъ? спросилъ Краль-Марко.
А мадярка отвѣчаетъ:
Пьетъ вино въ сухихъ подвалахъ!
Марко слѣзъ съ коня лихаго
И съ руки у той мадярки
Снялъ запястья золотыя
И за пазуху засунулъ.
На коня садится Марко
И поѣхалъ и поѣхалъ
Онъ къ мадярину Филиппу.
Какъ Филиппъ увидѣлъ Марка,
Налилъ чарку, подалъ Марку,—
Марко выпилъ чарку разомъ
И мигнулъ, чтобы онъ налилъ,
Да не въ ту-бы налилъ чарку,
А ужь въ Маркову ендовку:
Девять мѣръ была ендовка.
Налилъ тотъ ендовку Марку,
Марко взялъ ее и подалъ
Самому тому Филиппу,
Но не могъ Филиппъ мадяринъ
Одолѣть и половины.
Наливаетъ Марко снова
И мадяркины запястья
Изъ-за пазухи вынаетъ
И кладетъ передъ Филиппомъ:
Какъ увидѣлъ ихъ мадяринъ,
Какъ сказалъ ему Краль-Марко,
Чтобы выкупилъ запястья,—
Булаву мадяринъ вынулъ
И на бой зоветъ Краль-Марка;
А Краль-Марко отвѣчаетъ:
Погоди, Филиппъ мадяринъ!
Дай допить! Не жаль ендовки,
Жаль вина недопитова! —
Какъ махнетъ ендовкой Марко,
Да какъ хлопнетъ онъ Филиппа,
Ажно вбилъ въ сырую землю!
Самъ давай хватать мадярокъ,
Нахваталъ ихъ цѣлыхъ сорокъ
И въ Болгарію поѣхалъ.
Подъѣзжаетъ Марко къ дому,
Пыль клубится по дорогѣ;
Мать его дворомъ проходитъ,
Мать проходитъ, слезы ронитъ,
Говоритъ своей невѣсткѣ:
Полонилъ Филиппъ мадяринъ,
Полонилъ онъ Краля-Марка,
Посмотри, сюда онъ ѣдетъ,
Полонитъ и насъ съ тобою!
Не былъ то Филиппъ мадяринъ,
А удалый былъ Краль-Марко,
Велъ мадярокъ полоненныхъ,
Велъ мадярокъ цѣлыхъ сорокъ.

Н. Бергъ.

---

10. РУССКІЙ ЭПОСЪ (БЫЛИНЫ).

А. БОГАТЫРИ СТАРШІЕ.

а) Святогоръ.

Снарядился Святогоръ во въ чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи

На маленькую сумочку переметную;
Береть погонялку, пощупаеть сумочку: она не скрянется,
Двинеть перстомъ ее—не сворохнется,
Хватить съ коня рукою—не подымется.
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакаго чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»
Слѣзаеть Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣно Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и кончаніе.

Тяги-то земли онъ нашелъ, прибавила разскащица, а Богъ его и попуталъ за похвальбу.

б) ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ.

По саду, саду по зеленому ходила, гуляла,
Молода княжна Марѳа Всеславьевна;
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя—
Обвивается лютый змѣй около чебота зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьютъ по бѣлу стегну.
А втапоры княгиня понось понесла,
А понось понесла и дитя родила.
А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А синее море сколебалося
Для ради рожденья богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Волхъ въ полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марѳа Всеславьевна!
А не пеленай во пеленку червчатую,
А не поясн во поясья шелковыя,—
Пеленай меня, матушка,
Въ крѣпки латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А вѣсомъ та палица въ триста пудъ».
А будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться,
А грамота Волху въ наукъ пошла:
Посадила его ужъ перомъ писать,
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры научился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ:
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибиралъ въ три года,
Онъ набралъ дружины себѣ семь тысячей;
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву:
Индѣйскій царь наряжается,
А хвалится похваляется,
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Со всею дружиною хораброю
Ко славному царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ;
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ;
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,

Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы любимый кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ.
Волхъ поилъ, кормилъ дружину хоробрую,
Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцовъ—
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ.
А поилъ-кормилъ дружинушку хорабрую,
А всѣ у него были явства перемѣнныя,
Перемѣнныя явства сахарныя.
А сталъ онъ Волхъ вражбу чинить;
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много не мало васъ семь тысячей,
А и есть ли, братцы, у васъ таковъ человѣкъ,
Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
Про царя Салтыка Ставрульевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы:
«Нѣтъ у насъ такого молодца,
Опричь тебя Волха Всеславьевича.»
А тутъ таковой Всеславьевичъ
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ-золотые рога,
Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому,
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ не могли найти;
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко царству Индѣйскому—
И будетъ онъ во царствѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ на палаты царскія,
Ко тому царю Индѣйскому,
И на то окошечко косящатое.—
А и буйные вѣтры по насту тянутъ,
Царь со царицею въ разговоры говоритъ.
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, властный Индѣйскій царь,
Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
Про то не знаешь, не вѣдаешь,
А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А и въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Тебѣ царю сопротивничекъ.»
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Сидючи на окошкѣ косящатомъ,
Онъ тѣ-то-де рѣчи повыслушалъ.
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луговъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ;
У того ружья вѣдь у огненнаго
Кременья и шомполы повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хорабрыя;
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ:
«Гой еси вы, дружина хорабрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому».
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной:
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Ворота у города желѣзные,
Крюки, засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзано,
А и только въ вырѣзу мурашу пройти;
И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися.
Говорятъ таково слово:
«Потерять будетъ головки напрасныя,
А и какъ намъ будетъ стѣна пройти».
Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ,
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мурашками,
Прошли они стѣну бѣлокаменну
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ
Въ славномъ царствѣ Индійскінмъ;

Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдаетъ:
«Гой еси вы, дружина хорабрая!
Ходите по царству Индѣйскому,
Рубите стараго, малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только вы по выбору,
Не много не мало семь тысячей
Душечки красныя дѣвицы».
А и ходитъ его дружина по царству Индѣйскому,
А и рубитъ стараго, малаго,
А и только оставляютъ по выбору
Душечки красныя дѣвицы;
А самъ онъ Волхъ во палаты пошелъ
Во тѣ во палаты царскія,
Ко тому царю ко Индѣйскому:
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки, пробои по булату злачены.
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичъ:
«Хотя нога изломить, а двери выставить».
Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатные,
Онъ беретъ царя за бѣлы руки,
А славнаго царя Индѣйскаго
Салтыка Ставрульевича,
Говоритъ тутъ Волхъ таково слово:
«А и васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ».
Ухватя его ударилъ о кирпищатый полъ,
Расшибъ его въ крохи....
И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та его дружина хорабрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася,
А и молодой Волхъ тутъ царемъ насѣлъ,
А то стали люди посадскіе;
Онъ злата, серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

в) Вольга Святославичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинушку хорабрую,
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ—Гурчевцомъ,
Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третіимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Со своею дружинушкой хораброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ поле ратая:
Оретъ въ поле ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья:
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ:
Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ.
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,

Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
—Подитко, Вольга Святославговичъ,
Со своею со дружинушкой хораброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовати!
Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хораброю?—
«Ай же ты, ратаю ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Къ первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому городу Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу».
Говорилъ оратай таковы слова:
—Ай же, Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городни, третьеводни,
На своей кобылѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики всѣ разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныихъ:
А былъ я съ шалыгой подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
—Ай же, Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не для-ради мужика деревенщины.
Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути
И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?—
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хорабрыя
Пять молодцовъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хорабрая,
Пять молодцовъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хорабрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой,
Къ этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и подскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была,—
За эту кобылку пятьсотъ бы дали».
Говоритъ оратай таковы слова:
—Глупый Вольга Святославговичъ!

Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отчеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
—Ай же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»—

Б. БОГАТЫРИ МЛАДШІЕ.

А) ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

аа) Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ.

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Корочаева,
Какъ была-те поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ
Ко стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія;
И залегъ ее, дорогу, Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью,
А и только его Илью видѣли.
Прощался съ отцемъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ —
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскія,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскіихъ,
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
И наѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу коннаго
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія:
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился
И падалъ вѣдь на кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли ты крику звѣринаго,
А звѣринаго крику туринаго!»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника:
И попалъ Соловья да въ правый глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ сѣдѣльныя,
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе—
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзный тынъ,
А на всякой тычинѣ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія.
Наводила трубками нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,

И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
«А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
А девять сыновъ, ясны соколы!
Вы подите въ подвалы глубокіе,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее на широкій дворъ,
И встрѣчайте удала добраго молодца:
А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
Отца-то вашего въ торокахъ везетъ».
А и тутъ ее девять сыновъ закорился,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
«Гой еси ты, удалой добрый молодецъ!
Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
Отпусти соловья разбойника,
Не вози Соловья во Кіевъ градъ».
А его-то дѣти, Соловьевы,
Неучливо они поговариваютъ,
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ,
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Побѣжалъ Илья какъ соколъ летитъ.
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ,
Среди двора княженецкаго,
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ четыре стороны.
У великаго князя у Владиміра,
У него князя почестной пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина въ полтора ведра:
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь:
«Ты скажись, молодцемъ, какъ именемъ зовутъ,
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати».
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А ты ласковый стольный Владиміръ князь!
А меня зовутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ;
И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
Изъ стольнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Корачаева.—
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
«А ласково солнце, Владиміръ князь,
Въ очахъ дѣтина завирается.
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
Залегла та дорога тридцать лѣтъ,
Отъ того Соловья разбойника».
Говоритъ Илья Муромецъ:
—Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь,
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ къ тебѣ.—
И втапоры Илья Муромецъ
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили туто князи, бояра,
Всѣ русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
Святогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залѣшана,
А еще два брата Хапиловы,
Только было у князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкій дворъ,
Къ тому Соловью разбойнику,
Онъ Соловья сталъ уговаривать:

— Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ!
Посвисти, Соловей, по соловьиному,
Пошипи, змѣй, по змѣиному,
Зрявкай, звѣрь, по туриному,
И потѣшь Князя Владиміра.
Засвисталъ Соловей по соловьиному:
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному;
Онъ втретье зрявкаетъ по туриному:
А и князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе.
И накурилъ онъ бѣды несносныя:
Гостины кони со двора разбѣжалися,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна».

66) Борьба Ильи Муромца съ Жидовиномъ.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицарскіихъ
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ,
Есаулъ Алеша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ:
Гриша Боярскій въ тѣ-поръ кравчимъ жилъ,
Алеша Поповичъ ѣздилъ за охотою,
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлялъ гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископоть великую,
Ископоть велика—полъ-печи.
Учалъ онъ ископоть досматривать:
«Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
Изъ этой изъ земли изъ Жидовскія
Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь,
На эти степи Цицарскія».
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
Мы что на заставушкѣ устояли?
Что на заставушкѣ углядѣли?
Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!»
Собиралися они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, положили;
У Васьки полы долгія:
По землѣ ходитъ Васька—заплетается:
Погинетъ Васька по-напрасному».
Положилися на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, удумали;
Гришка рода боярскаго:
Боярскіе роды хвастливые;
На бою-дракѣ призахвастается,
Погинетъ Гришка по напрасному».
Положилися на Алешу на Поповича:
Алешѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настичь нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, положили;
Алешенька рода поповскаго:
Поповскіе глаза завидущіе,
Поповскія руки загребущія:
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много злата, серебра,—
Злату Алеша позавидуетъ,

Погнѣветъ Алеша по напрасному».
Положилися на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика въ чистомъ полѣ,
По плечъ отсѣчь буйну голову.
Привести на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня.
Уздаетъ въ уздечку тесмяную.
Сѣдлалъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую.—
Она свѣсомъ за палица девяносто пудъ.
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину:
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
Атаману Ильѣ Муромцу небьешь челомъ?
Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
На всю нашу братію наборную?»
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня.
Попущалъ на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣна палъ.
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу взмолился
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
Подъ Добрыней конь посправился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братіею со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
«Какъ выѣхалъ на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Кричалъ громкимъ зычнымъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь?
Атаману Ильѣ Муромцу небьешь челомъ?
Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
На всю нашу братью на приборную?»
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на меня, добра молодца:
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подо мною конь на колѣнца палъ.
Тутъ я Господу Богу взмолился:
Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!
Подо мною тутъ конь посправился.
Уѣхалъ я отъ нахвальщика
И пріѣхалъ сюда, на заставу богатырскую».
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Больше не кѣмъ замѣнитися,
Видно ѣхать атаману самому!»
Походитъ Илья на конюшій дворъ.
Имаетъ Илья добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную.
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское.
Въ торока вяжетъ палицу боевую.—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ,
На бедры беретъ саблю вострую.
На руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго.
Увидѣлъ на полѣ чернизину:
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Вскричалъ зычнымъ,громкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?
Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
На всю нашу братью наборную?»
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился,
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впервые палками ударились—
У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились—
Востры сабли приломилися,
Другъ дружку не ранили;

Вострыми копьями кололись—
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою,—
Поскользитъ у Илейка ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынимаетъ кинжалище булатное,
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
—Старый ты старикъ, старый, матерый!
Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
Будто не кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При той путѣ при дороженькѣ;
Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
Тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ.—
Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
Да неладно у Святыхъ Отцевъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано;
Написано было у Святыхъ Отцевъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ во чистомъ полѣ убитому;
А теперь Илья подъ богатыремъ!»
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго;
Палъ нахвальщина на сыру землю,
Въ сыру землю ушелъ до-поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спрашивать—
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своею братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
«Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
Экаго чуда не наѣзживалъ!»

вв) Илья Муромецъ и Поганое Идолище.

Пріѣзжалъ Идолище поганое во стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою со страхомъ съ великимъ,
Къ тому князю ко Владиміру,
И остановился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко Князю ко Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки сопротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
«Ты, Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка съ силушкой великою,
Чтобы могъ онъ со Идолищемъ поправиться».
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся;
На бою-ка мнѣ смерть не написана,
Поѣду я въ раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганаго».
Обулъ Илья лапотки шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ онъ шляпу земли греческой
И пошелъ онъ къ Идолищу къ поганому,
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатныя
И не взялъ онъ съ собою сабли вострыя.
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
«Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,
Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,
И съ чимъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться?»
На тую пору на то времячко
Идетъ ему въ стрѣчу каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюху девяносто пудъ.
Говоритъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,
Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому».

Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище,
Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
Мнѣ на бою смерть вѣдь не написана,—
Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется».
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище,—заворыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.

И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Къ этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.
Говоритъ ему Идолище поганое:
—Ай же ты, калика перехожая,
Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?—
Говоритъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я.»
Говоритъ ему Идолище поганое:
—По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?—
Говоритъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
По стольку пьетъ Илья, какъ и я.»
Говоритъ ему Идолище поганое:
—Экой вашъ богатырь Илья!
Я вотъ по семи ведръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю.—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
У его была корова ѣдучая:
Она много пила-ѣла и лопнула».
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воиную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце:
Схватилъ съ головушки шляпу богатырскую земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
Тутъ ему Идолищу славу поютъ.

б) Добрыня Никитичъ.

Не бѣла береза ко землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются,—
Сынъ ко матери приклоняется,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ:
«Ой ты гой еси, матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна!
Не прошу ни золота, ни серебра,
Только дай ты мнѣ великое благословеніе:
По чисту полю мнѣ поѣздити,
Свово добра коня поназдити,
Могучи плеча порасправити,
Всѣхъ силушекъ проповѣдати,
Поискать себѣ сопротивничка».
Тутъ возговоритъ родна матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна:
—Ой ты гой еси, родно дитятко,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ!
То-то молодо, то-то зелено!
Ты за что скоро принимаешься?—
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ:
«Ой ты гой еси, родна матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна!
Тебѣ меня дома не выучить:
Еще жилъ-былъ родной батюшка,
Свѣтъ сударь Микита Романовичъ,
Жимши-бымши, самъ состарѣлся,
Состаримши, переставился!»
Даетъ ему тутъ великое благословеньице
По чисту полю казакомъ гулять.
Онъ и палъ ей во рѣзвы ноги:
«Ой ты гой еси, родная матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна!
Ты не жди домой со ряду шесть лѣтъ,
А еще не жди со ряду пять лѣтъ,
Ты еще не жди ровно круглый годъ,—
Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ;
На тринадцатомъ году домой приду».
Молодой женѣ сталъ наказывать:
«Ой ты гой еси, молода жена,
Молода Памельфа Тимоѳеевна!
Ты не жди домой со ряду шесть лѣтъ,
А еще не жди со ряду пять лѣтъ,
Ты еще не жди ровно круглый годъ,—
Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ;

На тринадцатомъ году хоть за мужъ поди,
Хоть за князя иль за барина,
Али за гостя за торговаго,
Иль за мурзыньку за татарина;
Не ходи за Алешу за Поповича,
За бабьяго пересмѣшничка,
За судейскаго перелестничка»
Еще минуло со ряду шесть лѣтъ,
Еще минуло ровно три года,
Еще минуло ровно круглый годъ,—
То дѣлу стало девять лѣтъ.
На десятыимъ году за мужъ пошла,
А его слова не послушала:
Пошла не за князя, не за барина,
Не за гостя не за торговаго,
Не за мурзыньку не за татарина,
Пошла за Алешу за Поповича,
За бабьяго пересмѣшничка,
За судейскаго перелестничка.
Тутъ возговоритъ ему добрый конь:
—Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ!
Ничего не знаешь и не вѣдаешь:
Молодая жена твоя за мужъ пошла,—
А твово слова не послушала:
Не за князя, не за барина,
И не за гостя за торговаго,
Не за мурзыньку не за татарина,
Пошла за Алешу за Поповича,
За бабьяго пересмѣшничка,
За судейскаго перелестничка.—
Слѣзалъ тутъ добрый молодецъ
Съ своего добра коня,
Онъ и палъ коню въ рѣзвы ноги,
Во правую, во переднюю:
«Ой ты гой еси, конь добра лошадь!
Переставь домой черезъ три часа,
Черезъ три часа, черезъ битые,
Черезъ битые со минутою!»
Тутъ возговоритъ конь, добра лошадь:
—Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ!
Переставилъ бы я черезъ три часа,
Черезъ три часа, безъ минуточки:
Накладывай сѣделичко черкасское,
Подтягивай подпруженьки шелковыя,
Подвязывай стременники серебряныя,
Самъ ты вяжись крѣпко накрѣпко.—

Пріѣхалъ онъ къ широку двору,
Онъ и пнулъ столпы своихъ чоботомъ:
Столбики пошатнулися,
Воротечки растворилися,
Онъ пускалъ коня не привязана,
Никому коня не приказывалъ,
Самъ вошелъ въ палаты бѣлокаменны.
Во палатушкахъ родна матушка,
Молодая княгиня Тимоѳеевна.
Чудну образу помоляется,
Своей матушкѣ поклоняется:
«Ой ты гой еси, родна матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна!
Еще гдѣ моя молода жена?»
Тутъ его матушка не узнала:
—Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
Мое чадо было не эдако;
На моемъ чадѣ платье латынское,
На тебѣ платье богатырское.—
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ:
«Ой ты гой еси, родна матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна!
Износилъ я платье латынское,
Надѣвалъ платье богатырское».
—На моемъ чадѣ есть примѣточка:
На лѣвой ногѣ была родинка.—
Онъ скидалъ тутъ скоро сафьянъ сапогъ,
Показалъ ей свою примѣточку.
Матушка тутъ его узнала:
—Ой ты гой еси, родно дитятко,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ!
Молода жена твоя за мужъ пошла,
А твово слова не послушала,
Не за князя, не за барина,
Не за гостя за торговаго,
Не за мурзыньку за татарина,
Пошла за Алешу за Поповича,
За бабьяго пересмѣшничка,
За судейскаго перелестничка.—
«Ой ты гой еси, родна матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна!
Еще гдѣ мои звончаты гусли?»
—Звончаты гусли на полочкѣ:
У нихъ полочка запылилася,
А струночки перержавѣли.—
«Я пойду къ Алешѣ на почестной пиръ».
Тутъ возговоритъ родна матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна:

—Ой ты гой еси, родно дитятко,
Молодой Добрыня сынъ Никитьевичъ!
Гдѣ тебѣ съ Алешенькой тягатися?
У нихъ тысяцкій Володиміръ князь,
А дружкою Илья Муромецъ.—
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ:
«Ой ты гой еси, родная матушка,
Молода княгиня Тимоѳеевна!
Я пойду на пиръ потихохоньку,
Потихохоньку, посмирнехоньку».
Самъ приходитъ онъ на почестный пиръ,
Чудну образу помоляется,
На всѣ стороны поклоняется:
«Здравствуй, Владиміръ князь,
Со своимъ со княземъ новобрашнымъ,
Со княгинею новобрашною!
Еще здравствуй, Илья Муромецъ,
Со своимъ княземъ новобрашнымъ,
Со княгинею новобрашною!
Прикажи мнѣ, сударь, при мѣстѣ быть»,
—Садись, добрый молодецъ,
Середи избы на скамеечку.—
Наливали ему зелена вина,
Зелена вина полсема ведра;
Принимаетъ онъ,молодецъ,одной рукой,
Выпиваетъ онъ за единый духъ.
И тутъ молодецъ не похмѣлился,
А возговоритъ своимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси, Володиміръ князь,
Володиміръ князь, Илья Муромецъ!
Прикажи, сударь, поиграть въ звончаты гусли.
—Ты поиграй, поиграй,добрый молодецъ,
Во свои-то звончаты гусли!—
Онъ и сталъ наигрышки наигрывать:
«Охъ вы гусли, мои гуслицы,
Гусли мои звончатые!
Вы лежали со ряду шесть лѣтъ,
А еще лежали ровно три года,
А еще лежали ровно круглый годъ,
На десятомъ году играть стали!»
А друго наигрышекъ сталъ наигрывать:
«Гдѣ это видано, еще гдѣ это слыхано,
Отъ жива мужа за мужъ идти?...»
Молодая его жена догадалася,
Встаетъ съ мѣста съ княженецкаго,
Наливаетъ чару зелена вина,
Зелена вина полпята ведра,
Подноситъ она доброму молодцу.
Принимаетъ онъ во одну руку,
Выпиваетъ за единый духъ;
Самъ беретъ ее за праву руку;
«Ой ты гой еси, Володиміръ князь,
Илья Муромецъ!
Кланяюсь я къ себѣ на почестный пиръ:
У меня дѣло не пасеное,
Зелено вино не куреное,
И пойлице не вареное.»

в) Изъ былины: Алеша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Чтопоимени Алешенька Поповичъ младъ
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское:
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали.
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскучаго.—
Только въ чистомъ полѣ наѣхали—
Лежатъ три дороги широкія:
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ камень,
А на камени подпись подписана.
Взговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичъ!
Въ грамотѣ поученый человѣкъ—
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано».
И скочилъ Екимъ съ добра коня,
Посмотрѣлъ на каменю подписи,
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
«А и братецъ, Алеша Поповичъ младъ,
Которой дорогой изволишь ѣхать?»
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
«Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру».
Втапоры поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву;
Не доѣхавши они до Сафатъ рѣки,

Становилися на лугахъ на зеленыихъ—
Надо Алешѣ покормить добрыхъ коней—
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ со добры кони
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ, опочивъ держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней.
А сводилъ ихъ поить на Сафатъ на рѣку;
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлать добрыхъ коней.
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются онп ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго;
Говоритъ таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежъ глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ».
Привязался Алеша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, калика перехожая!
Дай мнѣ платье каличее,
Возьми мое богатырское,
Лапотки свои семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочинскую, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу чебурацкаго».
Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу
Не отказываючи; а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается—
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятьдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафатъ рѣку.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ — младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говоритъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ — младъ:
«Гой еси, калика перехожая!
А и гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ».
Говоритъ тутъ Алеша каликою:
«А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Поѣзжай поближе ко мнѣ,
Не слышу я, что ты говоришь».
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову—
И упалъ Тугаринъ на сыру землю:
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолился Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой еси ты калика перехожая!
Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
Только ты Алеша Поповичъ младъ,
Семъ побратуемся съ тобой».
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ;

Садился на его добра коня
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичъ
И калика перехожая,
Испужалися его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову,—
И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ,
Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросилъ назадъ себя,
Показалося ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ—
И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка черкесскаго,
И упалъ онъ на сыру землю.
Втапоры Екимъ Ивановичъ
Скочилъ съ добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ пороть груди бѣлыя—
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
«По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
Что убилъ своего братца родимаго».
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и междусобою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
Клали въ чемоданъ къ себѣ;
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.

г) ПОТОКЪ МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ
На три братца названые,
Свѣтло-русскіе могучіе богатыри:
А на перваго братца названаго,
Свѣто-русскаго могучаго богатыря,
На Потока Михайла Ивановича;
На другаго братца названаго
На молода Добрыню Никитича;
На третьяго братца названаго,
Что на молода Алешу Поповича.
Что взговоритъ тутъ Владиміръ князь:
«А и ты, гой еси, Потокъ Михайло Ивановичъ!
Сослужи мнѣ службу заочную,
Съѣзди ты ко морю синему,
На теплы, тихи заводи,
Настрѣляй мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ
Къ моему столу княженецкому:
До люби я молодца пожалую».
Потокъ Михайло Ивановичъ
Не пьетъ онъ молодецъ ни пива, не вина,
Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ.—
А скоро-де садился на добра коня,
И только его увидѣли,
Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ, —
Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.
Онъ будетъ у моря синяго;
По его по щаски великія
Привалила птица къ круту берегу;
Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ малыхъ уточекъ.
Хочетъ ѣхать отъ моря синяго—
Посмотрѣть на тихія заводи
И увидѣлъ бѣлую лебедушку:
Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.
Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей:
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену стрѣлу—
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
«А и ты, Потокъ Михайло Ивановичъ!
Не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую,
Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ».
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей,

А и Потокъ Михайло Ивановичъ
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки
И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Втапоры больно его уговаривала:
«А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ!
Хотя ты на мнѣ и женишься,
И кто изъ насъ прежде умретъ,
Второму за нимъ живому во гробъ идти».
Втапоры потокъ Михайло Ивановичъ
Садился на своего добра коня,
Говорилъ таково слово:
«А и ты, гой еси, Авдотья Лиховидьевна!
Будемъ въ городѣ Кіевѣ,
Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколъ,
И ты втапоры будь готовая,
Приходи къ церкви соборныя,
Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое».
И скоро онъ поѣхалъ къ городу Кіеву отъ моря синяго;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Кіевъ градъ
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.
Потокъ Михайло Ивановичъ
Нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Перво его въ свой домъ ускорить могла,
И сидитъ она подъ окошечкомъ косящатымъ,
Сама усмѣхается;
А Потокъ Михайло Ивановичъ
Ѣдетъ, самъ дивуется:
А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,
А она перво меня въ домѣ появилася.
И пріѣхалъ онъ на княженецкій дворъ,
Приворотники доложили стольникамъ,
А стольники князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Потокъ Михайло Ивановичъ.
И велѣлъ ему князь ко крылечку ѣхать,—
Скоро Потокъ скочилъ со добра коня,
Поставилъ ко крылечку красному,
Походитъ во гридню свѣтлую,
Онъ молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны:
«Здравствуй ты, ласковой сударь, Владиміръ князь!
Куда ты меня посылалъ, то сослужилъ,
Настрѣлялъ я гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
И самъ сговорилъ себѣ красну дѣвицу,
Авдотьюшку Лиховидьевну,
Къ вечернѣ быть въ соборѣ
И съ ней обрученье принять.
Гой еси, ласковый сударь, Владиміръ князь!
Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой
На три брата названые,
А нынѣ для меня одного
Доспѣй свадебной пиръ веселой,
Для Потока Михайлы Ивановича».
А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ въ колоколъ ударили,
Потокъ Михайло Ивановичъ къ вечернѣ пошелъ,
Съдругу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна
Скоро втапоры наряжалася и убиралася,
Убравши къ вечернѣ пошла,
Ту вечерню отслушали.
А и Потокъ Михайло Ивановичъ
Соборнымъ попамъ поклоняется,
Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученье принять;
Эти попы соборные
Тому они дѣлу радошны,
Скоро обрученье сдѣлали,
Тутъ обвѣнчали ихъ и привели къ присягѣ такой:
Кто перво умретъ,
Второму за нимъ живому въ гробъ идти.
И походитъ онъ Потокъ Михайло Ивановичъ
Изъ церкви вонъ со своей молодою женою,
Съ Авдотьюшкой Лиховидьевной,
На тотъ широкой дворъ ко князю Владиміру,
Приходитъ во свѣтлы гридни.
И тутъ имъ князь сталъ веселъ, радошенъ,
Сажалъ ихъ за убраны столы,
Втапоры для Потока Михайлы Ивановича столъ пошелъ:
Повара были догадливы,
Носили яства сахарныя

И питья медвяныя.—
А и тутъ пили, ѣли, прохлаждалися,
Передъ князем похвалялися.
И не мало время замѣшкавши,
День къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
Потокъ Михайло Ивановичъ
Спать въ подклѣть убирается:
Свели его во гридню спальную,
Всѣ тутъ князи и бояра разъѣхалися,
Разъѣхались и пѣшкомъ разбрелись.
А у Потока Михайлы Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Лиховидьевной
Не много житья было—полтора года.
Захворала Авдотьюшка Лиховидьевна,
Съ вечера она расхворается,
Ко полуночи разболѣлася,
Ко утру и преставилася.
Мудрости искала надъ мужемъ своимъ,
Надъ молодымъ Потокомъ Михайлою Ивановичемъ.
Рано зазвонили къ заутрени,
Онъ пошелъ Потокъ соборнымъ попамъ вѣсть подавать,
Что умерла его молода жена;
Приказали ему попы соборные
Тотчасъ на саняхъ привезти
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тѣло на паперти;
А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати саженъ.—
Сбиралися тутъ попы со дьяконами
И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
Погребали тѣло Авдотьино.
И тутъ Потокъ Михайло Ивановичъ
Съ конемъ и сбруею ратною
Опустился въ тоежъ могилу глубокую,
И заворочали потолокомъ дубовымъ,
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилою поставили деревянный крестъ,—
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ Потокъ Михайло Ивановичъ
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи,
И для страху добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная,
Собиралися къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламемъ огненнымъ;
А Потомъ Михайло Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И сѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Училъ тѣло Авдотьино мазати.
Втапоры она еретница
Изъ мертвыхъ пробуждалася,
И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколъ,
И услышалъ трапезникъ,
Бѣжитъ тутъ къ могилѣ Авдотьиной,
Ажно тутъ веревка изъ могилы къ колоколу торгается;
И собираются тутъ православный народъ,
Всѣ тому дивуются,
А Потокъ Михайло Ивановичъ
Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ;
И разрывали тое могилу наскоро,
Опускали лѣстницы долгія,
Вынимали Потока и съ добрымъ конемъ
И со его молодой женой,
И объявили князю Владиміру
И тѣмъ попамъ соборнымъ.
Поновили ихъ святой водой,
Приказали имъ жить по старому.
И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Тогда попы церковные,
По прежнему ихъ обѣщанію.
Его Потока похоронили,
Аегомолоду жену Авдотью Лиховидьевну
Съ нимъ же живуюзарыли во сыру землю:
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.
То старина, то и дѣянье.

д) изъ былины: соловей будимировичъ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли.

Глубоки омуты Днѣпровскіе.
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя вѣдь заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода соловья, сына Будимiровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменью, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было соколѣ кораблѣ,
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимiровичъ;
Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?»
Отвѣчають гости корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будимiровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторыя сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будимiровича;
На златѣ, на серебрѣ—не погнѣваться».
Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили.
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ,
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру,
Идетъ во гридню во свѣтлую;
Какъ бы на пяту двери отворялися,
Идетъ во гридню Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимiровичъ,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на-особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую,
Недорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимiровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковой Владиміръ князь:
«Гой еси ты, богатой гость,
Соловей, сынъ Будимiровичъ,
Займуй дворы княженецкіе,
Займуй ты боярскіе,
Займуй дворы и дворянскіе».
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будимiровичъ:
«Не надо мнѣ дворы княженецкіе,

И не надо дворы боярскіе,
И не надо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханыя и неораныя,
У своей, осударь, княженецкой племянницы,
У молоды Запавы Путятишной,
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Построить мнѣ Соловью снаряденъ дворъ».
Говорилъ сударь, ласковый Владиміръ князь:
«На то тебѣ съ княгинею подумаю»;
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханыя и неораныя.
Походилъ Соловей на своей червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
«Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ».
Съ вечера, позднимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
Работала его дружина хорабрая;
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря,—
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,—
Ото сна-то Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой, вѣдь хорошій, во зеленый садъ;
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя сѣнныя дѣвушки!
Подтет-ко, посмотритет-ко,
Что мнѣ за чудо показалося,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?»
Отвѣчають нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки:
«Матушка, Запава Путятишна!
Изволь-ка сама посмотрѣть:
Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло».
Скоро-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,—
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей,—
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ, во зеленый садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ—
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ—
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту,—
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря—
И вся красота поднебесная.

в) Василій Буслаевичъ.

Жилъ Буслаюшка—не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ.
Сталъ Васинька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ, рука прочь,
За ногу возьметъ, нога прочь;
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
И говорятъ мужики новогородскіе;
«Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!

Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова».

Идетъ Василій въ широкія улочки,
Не веселъ домой идетъ, не радошенъ
И стрѣчаетъ его жаланная матушка,
Честная вдова Авдотья Васильевна:
—Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ,
Что идешь не веселъ, не радошенъ!
Кто же ти на улушкѣ приобидѣлъ?—
«А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ:
Я кого возьму за руку, рука прочь,
За ногу кого возьму, нога прочь,
А котораго ударю по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
А говорили мужики новогородскіе,
Что мнѣ съ эстой удачей молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова».
И говоритъ мать таковы слова:
—Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
Прибирай-ка себѣ дружину хоробрую,
Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ.—

И налилъ Василій чашу зелена вина,
Мѣрой чашу полтора ведра;
Ставилъ чашу середи двора
И самъ ко чашѣ приговаривалъ:
«Кто эту чашу приметъ одной рукой
И выпьетъ чашу за единъ духъ,
Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!»
И садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые ярлыки;
Въ ярлыкахъ Васинька прописывалъ:
«Зоветъ-жалуетъ на почестенъ пиръ»;
Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.
И пошли мужики новогородскіе
Изъ тоя изъ церкви изъ соборныя,
Стали стрѣлочки похаживать,
Господа стали стрѣлочки посматривать:
«Зоветъ-жалуетъ Василій на почестенъ пиръ».
И собиралися мужики новогородскіе увалами,
Увалами собиралися, перевалами,
И пошли къ Василью на почестенъ пиръ.
И будутъ у Василья на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
Мы теперь стали на твоемъ дворѣ,
Всю мы у тя ѣству выѣдимъ,
И всё напиточки у тя выпьемъ,
Цвѣтно платьице повыносимъ,
Красно золото повытащимъ».
Этыя рѣчи ему не слюбилися.
Выскочилъ Василій на широкій дворъ,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ
И зачалъ Василій по двору похаживати,
И зачалъ онъ вязомъ помахивати:
Куда махнетъ—туды улочка,
Перемахнетъ—переулочекъ;
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ перевалами,
Набило мужиковъ какъ погодою.
И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ
Ко Васильюшкѣ на широкій дворъ.
Идетъ-то Новоторжанинъ
Ко той ко чары зелена вина,
И бралъ-то чару одной рукой,
Выпилъ эту чару за единый духъ.
Какъ выскочилъ Василій со новыхъ сѣней,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ,
Какъ ударилъ Костю-то по горбу:
Стоитъ-то Костя—не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
«Ай же ты, Костя Новоторжанинъ!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди въ мои палаты бѣлокаменны».
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,
Идетъ-то Потанюшка Хроменькій
Ко Василію на широкій дворъ,
Ко той ко чары зелена вина,
Бралъ тое чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій со новыхъ сѣней.
Хваталъ Василій черленый вязъ,
Ударитъ Потанюшку похромымъ ногамъ:
Стоитъ Потанюшка—не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
«Ай-же, Потанюшка Хроменькій!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди въ мои палаты бѣлокаменны».
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,

А детин[illegible] Кост[illegible] [illegible]
Да тот да [illegible] [illegible]
Взял его [illegible] [illegible]
И кинулъ [illegible] [illegible]
[illegible]
[illegible] въ палаты бѣлокаменны
Пить [illegible]
[illegible]
А бояться [illegible] въ Новѣградѣ [illegible]
И бралъ Василий три дружины въ Новѣградѣ

И заводила [illegible] новгородская почестенъ пиръ
На многихъ князей за бояръ
На сильныхъ могучихъ богатырей.
А [illegible] Василья не почествовали.
Говоритъ матери таковы слова:
«Ай же ты, государыня матушка,
Честна Авдотья Васильевна!
Я пойду [illegible] на почестенъ пиръ».
Воговоритъ Авдотья Васильевна:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
Званому гостю мѣсто есть,
А незваному гостю мѣста нѣтъ».—
Отъ Василий матери не слушался.
А бралъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестенъ пиръ.
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ.
У дверей не спрашивалъ придверниковъ.
Прямо шелъ во грядню столовую:
Отъ лѣвой ногой во грядню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголъ,
И тронулся на лавочку къ пестно-углу,
И потянулъ Василий правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ,
Другие гости перепалися,
Отъ страху по домамъ разбѣжалися.
И зателъ Василий за дубовый столъ
Со своей дружиною хороброю.
Опять всѣ на пиръ собиралися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвасталися.
Возговоритъ Костя Новоторжанинъ:
—А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати

[illegible] съ [illegible] [illegible]
[illegible]
Сталъ тутъ же Костя похвастати:
Ударитъ [illegible] о великъ закладъ
Отрубить головы [illegible] за Новгородъ.
Окромѣ [illegible]—
Спаса Преображения,
Матушки Пресвятой Богородицы,
Да еще монастыря [illegible] —
Ударили они о великъ закладъ.
И напили напилися,
И руки приложили,
И головы приложили:
Идти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ.
Хоть свалятъ Василья до мосту,—
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова.
Хоть свалятъ Василья у мосту,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова.
Хоть свалятъ Василья посередь моста,
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйна голова.
А ужъ какъ пройдетъ третью заставу,
Тожно больше дѣлать нечего.
И пошелъ Василий со пира домой.
Не веселъ идетъ домой, не радошенъ.
И стрѣчаетъ его желанна матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
—Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
Что идешь не веселъ, не радошенъ?—
Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
«Я ударилъ съ мужиками о великъ закладъ—
Идти съ утра на Волховъ мостъ:
Хоть свалятъ меня до моста,
Хоть свалятъ меня у моста,
Хоть свалятъ меня посередь моста,
Вести меня на казень на смертную,
Отрубить мнѣ буйна голова.
А ужъ какъ пройду третью заставу,
Тожно больше дѣлать нечего».
Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ клѣточку желѣзную,
Подперла двери желѣзныя
Тѣмъ ли вязомъ черленымъ,
И налила чашу красна золота,

Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла въ даровья князю новгородскому,
Чтобы простилъ сына любимаго.
Говоритъ князь новгородскій:
«Тожно прощу, когда голову срублю!»
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась, пошла, запечалилась,
Разсѣяла красно золото, и чисто серебро,
И скатенъ жемчугъ по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
—Не дорого мнѣ ни злато, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ,
А дорога мнѣ буйная головушка
Своего сына любимаго,
Молода Васильюшка Буслаева.—

И спитъ Василій не пробудится.
Какъ собиралисъ мужики увалами,
Увалами собирались, перевалами,
Съ тыма шалыгамы подорожныма,
Кричатъ оны во всю голову:
«Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ,
Рушай-ка завѣты великіе!
И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
И убилъ-то онъ силы за другое сто,
Убилъ-то онъ силы за третье сто,
Убилъ-то онъ до пяти сотъ.
На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій
И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.
И мыла служанка, Васильевна портомойница,
Платьица на рѣкѣ на Волховѣ,
И стало у дѣвушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать,
Убило силы-то за цѣло сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то до пяти сотъ.
И прискочила ко клѣточкѣ желѣзныя,
Сама говоритъ таковы слова:
Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
Ты спишь, Василій, не пробудишься,
А твоя дружина хоробрая
Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ.—

Со сна Василій пробуждается,
А самъ говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, любезная моя служаночка!
Отопри-ка двери желѣзныя».
Какъ отперла ему двери желѣзныя,
Хваталъ Василій свой черленый вязъ
И пришелъ къ мосту ко Волховскому,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай же, любезна моя дружина хоробрая,
Поди-тко теперь опочивъ держать,
А я теперь стану съ ребятами поигрывать».
И зачалъ Василій по мосту похаживать,
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ—туды улица,
Перемахнетъ—переулочекъ,
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ перевалами,
Набило мужиковъ какъ погодою.
И встрѣчу идетъ крестовый братъ,
Во рукахъ несетъ шалыгу девяностапудъ,
А самъ говоритъ таковы слова:
—Ай же ты, мой крестовой брателко,
Молодой курень, не попархивай,
На своего крестоваго брата не наскакивай!
Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ,
И нынь-то я надъ тобой буду большій братъ.—
Говоритъ Василій таковы слова:
«Ай же ты мой крестовый брателко!
Тебя ли чортъ несетъ на встрѣчу мнѣ?
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головамы, братецъ, играемся».
И ладитъ крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья въ буйну голову,
Василій хватилъ шалыгу правой рукой,
И билъ-то брателка лѣвой рукой,
И пиналъ-то онъ лѣвой ногой:
Давно у брата и души нѣтъ;
И самъ говорилъ таковы слова:
«Нѣтъ на друга на стараго,
На того ли на брата крестова го,
Какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ».

И [illegible] Василій [illegible]
И на встрѣчу Василью Буслаевичу
Идетъ крестовый батюшка Старчище Пилигримище:
На буйной головушкѣ колоколъ [illegible]
Во правой рукѣ [illegible]
Говоритъ Старчище Пилигримище:
—Ай же ты, мое чадо крестное,
Молодой крестникъ, [illegible]
На своего крестоваго батюшку не наскакивай!—
И возговоритъ Василій Буслаевичъ:
«Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя ли чортъ несетъ во той поры
На своего на любимаго крестничка?
А у насъ-то дѣла [illegible]
Голыми, батюшка, играемся».
И хлынулъ шалыгу девяноста пудъ,
Какъ хлеснулъ своего батюшка въ буйну голову,
Такъ развалился колоколъ на ножевыя черенья:
Стоитъ крестный не скренется.
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлястнулъ-то крестнаго батюшка
Въ буйну голову промежъ ясны очи:
И выскочили ясни очи, какъ пивни чаши,
И напустился тутъ Василій на домы на каменные.

Ай же ты, Авдотья Васильевна!
Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмена.
Выходила Авдотья Васильевна со новыхъ сѣней,
Закликала своего чада милаго.

ж) САДКО БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

Какъ по морю, морю синему,
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей единъ соколъ корабль
Самого Садки, гостя богатаго.
А всѣ корабли что соколы летятъ,
Соколъ корабль на морѣ стоитъ;
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
[illegible]
[illegible]
[illegible]
И бросайте ихъ на сине море.—
Садко кинулъ жеребій перо.
И на немъ-то [illegible]
А и самъ Садко приговариваетъ:
«А ярыжки, люди вы наемные!
А слушай рѣчи праведныя:
А бросимъ мы ихъ на сине море.—
Которые бы поверху плывутъ.
А и тѣ бы [illegible]
Что которые-то во море тонутъ,
А мы тѣхъ спихнемъ во сине море».
А всѣ жеребья по верху плывутъ.
Кабы ярыжки говорятъ по заводамъ:
Единъ жеребій во морѣ тонетъ,
Во морѣ тонетъ хмѣлево перо
Самого Садки, гостя богатаго.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
А вы рѣжьте жеребья вѣтляные,
А пишите всякъ себѣ на имена,
А и самъ къ нимъ приговаривай:
А которы жеребья во морѣ тонутъ,
А и то бы душеньки правыя».
А и Садко покинулъ жеребій булатной,
Синяго булату вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ.
И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ,
Единъ жеребій по верху плыветъ,
Самого Садки, гостя богатаго.
Говоритъ тутъ Садко купецъ, богатой гость:
Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
Я Садъ-Садко знаю, вѣдаю,
Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
Тому Царю заморскому
Не платилъ я дани, пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлѣбъ съ солью не опускивалъ,
По меня Садку смерть пришла.
И вы купцы, гости богатые,
А вы цѣловальники любимые,

А и всѣ прикащики хорошіе,
Принесите шубу соболиную».
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со тѣми дороги, вальящаты.
И спущали сходню вѣдь серебряну,
Подъ краснымъ золотомъ;
Походилъ Садко купецъ богатый гость,
Спущался онъ на сине море,
Садился на шахматницу золоту;
А и ярыжки, люди наемные
А наемные люди, подначальные
Утащили сходню серебряну,
И серебряну подъ краснымъ золотомъ,
Ее на соколъ корабль—
А Садко остался на синемъ морѣ,
А соколъ корабль по морю пошелъ.
И всѣ корабли какъ соколы летятъ,
А единъ корабль по морю бѣжитъ,
Какъ бѣлъ кречетъ,
Самого Садки, гостя богатаго.
Отца матери молитвы великія,
Самого Садки, гостя богатаго,—
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, гостя богатаго.
Не видалъ Садко купецъ, богатой гость,
Ни горы, ни берегу.
Понесло его Садку къ берегу,
Онъ и самъ Садко туто дивуется.
Выходитъ Садко на круты берега,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
А избу великую во все дерево,
Нашелъ онъ двери—и въ избу вошелъ.
И лежитъ на лавкѣ Царь морской:
«А и гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ:
И ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ;
Поиграй Садко въ гусли звончаты».
И сталъ Садко царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты,
А и Царь морской зачалъ скакать, зачалъ плясать—
И того Садку гостя богатаго
Напоилъ питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалился Садко, и пьянъ онъ сталъ,
И уснулъ Садко купецъ, богатый гость.
И во снѣ пришелъ святитель Николай къ нему,
Говоритъ ему таковы рѣчи:
«Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость!
А рви ты свои струны золоты,
И бросай ты гусли звончаты,
Расплясался у тебя Царь морской,
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя
Того народа православнаго»
А и тутъ Садко купецъ, богатой гость,
Изорвалъ онъ струны золоты,
И бросаетъ гусли звончаты;
Пересталъ Царь морской скакать и плясать:
Утихло море синее
Утихли рѣки быстрыя.
А поутру сталъ туто Царь морской,
Онъ сталъ Садку уговаривать—
А и хочетъ Царь Садку женить,
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Никола ему во снѣ наказывалъ:
«Гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А станетъ тебя женить Царь морской,
Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ;
Не бери ты изъ нихъ хорошую, бѣлыя, румяныя,
Возьми ты дѣвушку поваренную;
Поваренную, что котора хуже всѣхъ».
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Онъ думался—не продумался
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
А и туто Царь морской
Положилъ Садку на подклѣтѣ спать.—
. . . .
Отъ сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ рѣкѣ.
И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ.
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго,
Перекрестился крестомъ своимъ.

И глядѣлъ Садко на Волхъ рѣкѣ.—
Отъ того синя моря Хвалынскаго,
По славной матушкѣ Волхъ рѣкѣ,
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей.
Единъ корабль самого Садки, гостя богатаго.
И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатой гость,
Цѣловальниковъ любимыхъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
И вышли цѣловальники на крутъ берегъ;
И тутъ Садко поклоняется:
«Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
И прикащики хорошіе!»
И тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ
Казны своей сорокъ тысячей—
По три дни не осматривали.

з) отъ чего перевелись витязи на святой руси.

Выѣзжали на Сафатъ-рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Годено Блудовичъ,
Да Василій Казиміровичъ,
Да Василій Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.

Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Нову-городу;
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву;
А что третія дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому,—
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлъ-полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чиступолю:
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую травку пощипываютъ.
Золотой уздечкой побрякиваютъ:
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.
Было такъ. на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу:
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣлъ-полотнянъ шатеръ;
Во томъ ли шатрѣ залегъ Татарченокъ,
Злой Татаринъ, басурманченокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельцо черкасское,
Бралъ копейцо урзамецкое,
Бралъ чингалище булатное,
И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Выскоки мечетъ по сѣнной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Выходи-ка, Татарченокъ:
Злой Татаринъ, басурманченокъ!
Станемъ мы съ тобой честный бой держать».
Втапоры выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садился на добра коня.
Не два вѣтра на полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,
Слеталися, сходилися два удалые витязя.
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней

И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка;
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только невеселъ,
Потупилъ очи во сыру землю,
Знать тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня:
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлися мечи булатные;
Что не крась во поляхъ закраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
У того ли шатра спитъ Добрыня молодецъ:
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша звучнымъ голосомъ:
«Вылѣзай-ка ты, Татаринъ злой,
На честный бой, на побраночку!»
Отвѣчаетъ ему Татарченокъ:
—Охъ вы гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
Что не стать тебѣ со мной бой держать!—
Возговоритъ на то Алеша Поповичъ младъ:
«Не хвались на пиръ идучи,
А хвались съ пиру идучи!»

Втапоры выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слеталися два удалые витязя;
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные;
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша Татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ пороть ему бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ ни взялся черный воронъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Ты послушай меня, чернаго ворона:
Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей.
А слетаю я на сине море,
Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
Вспрыснешь Добрыню живой водой,—
Тутъ и очнется добрый молодецъ».
Втапоры Алеша ворона послушался,
И леталъ воронъ на сине море,
Приносилъ мертвой и живой воды;
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой:
Сросталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой:
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна,
Отпускали они Татарина.
Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ—чрезъ Сафатъ-рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы добру молодцу не объѣхать,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ;
«Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
Удалые братья названые!»

Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.

И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!»
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу нездѣшнюю,—
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
—А давайте съ вами, витязи, бой держать!
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить;
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ о окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

ИСТОРИЧЕСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

а) Иванъ Грозный.

Въ старые годы прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ;
Автапоры у царя былъ почестный столъ,
Почестный столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей, про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ сибирскіихъ.
А и столъ былъ во полустолѣ,
А и пиръ былъ во полупирѣ,
Гости царскіе навеселѣ,—
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своей силою,
Богатый хвалится своимъ богатствомъ.
Не золотая трубонька вострубивала,
Не серебряна сиполица возъигрывала—
Возговорилъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ:
—«Ужъ какъ я ли могу похвалитися,
Что и взялъ я Казанское царство,
Рязань городъ, славну Астрахань:
Ужъ и я ли вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новгорода».
Какъ возговоритъ младой- царевичъ:
—«Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
Что и взялъ ты царство Казанское,
Рязань городъ, еще Астрахань;

Ужъ ты вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новгорода,—
Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ
Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
Онъ и ѣстъ съ тобою съ одного блюда,
Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное».—
Какъ и тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,
Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
—«А и кто есть у меня слуги вѣрные?
Берите царевича за бѣлы руки,
Ведите царевича за Москву рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой».—
Какъ тутъ всѣ князья, бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися,—
Остался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ.
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки
И ведетъ его за Москву-рѣку
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой.
Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ;
Онъ садится на добра коня,
На добра коня неѣзжаннаго;
И онъ скачетъ за матушку за Москву-рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной,
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Ой, народъ православный, разступися.
Люди добрые, сторонитеся,
Давайте мнѣ, боярину, дорогу!»
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой,—
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича,
Онъ беретъ его за бѣлы руки,
Приводитъ его на царскій дворъ.
А тутъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ взрадовался,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,
А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать?
А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
Ты бери у меня что вздумаешь:
Съ конюшни ли что ни лучшаго коня,
Съ царскихъ плечъ моихъ шубу кунію,
Золотой ли казны сколько надобно».—
Какъ возговоритъ честный бояринъ,
Что честный Никита свѣтъ Романычъ:
«Ой ты гой еси, государь Иванъ Васильевичъ!
Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
Не хочу я твоей золотой казны;
Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
Повели мнѣ его, сударь, казнити».—

в) Скопинъ-Шуйскій.

У насъ было въ каменной Москвѣ,
У князя было Воротынскаго,
Было пированье великое:
Крестили дитя княженецкое.
Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кумою была дочь Скурлатова.
Много было тутъ князей, бояръ,
Князей, бояръ, гостей званыихъ;
Они ѣли, пили, прохлажалися,
Напилися гости до-пьяна,
Выходили на красенъ крылецъ—
И учали они хвастатися:
Сильный хвастается силою,
Богатый богатствомъ;
Одинъ скажетъ: «у меня много чиста серебра»,
Другой скажетъ: «у меня больше крас на золота».—
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ
Онъ и не пилъ зелена вина,
Не пригубливалъ пива крѣпкаго.
Только пилъ одни меды сладкіе,

А и съ меду князь захмѣлѣлъ,
Во хмѣлю онъ похвалятьcя сталъ:
«Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались.—
Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?—
А ужъ я ли могу похвалитися:
Я очистилъ царство Московское,
Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру христіанскую.—
И за то мнѣ слава до-вѣку».
И то слово куме не полюбилося,—
То слово крестовой не показалося.
Втапоры она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена вина,
Подсыпала въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому.
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
Думалъ князь—она выпила,
А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
Поднесла куму крестовому.
Отъ меду князь не отказывается—
Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго;
Какъ его тутъ рѣзвы ноженки подломилися,
Его бѣлыя рученьки опустилися,
Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
Подхватили подъ бѣлы руки,
Увозили князя къ себѣ домой.—
Какъ встрѣчала его матушка:
—«Дитя ты мое, чадо милое,
Сколько ты по пирамъ ни ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ».—
—«Охъ ты гой еси, матушка моя родимая,
Сколько я по пирамъ ни ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова».—

в) Ксенія Годунова.

Сплачется младая птичка,
Бѣлая пелепелка:
«Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыя дѣти побити,
Меня пелепелку поимати».
Сплачется на Москвѣ царевна:
«Охте мнѣ молоды горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ.
Ино Гриша Отрепьевъ разстрига.
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Чернеческій чинъ наложити.
Ино мнѣ постритчися не хочетъ.
Чернеческаго чину не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцевъ посмотрити.
Ино, охъ милые наши переходы.
А кому будетъ по васъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?»

г) Рожденіе Петра I.

Ужъ какъ свѣтелъ радошенъ въ Москвѣ
Ласковый царь Алексѣй, сударь Михайловичъ:
Народилъ ему Господь сына-царевича,
Что царевича—Петра Алексѣевича.
Какъ всѣ-то русскіе плотнички,
Что плотнички сами мастеры,
Они ночку не спали—колыбель-люльку дѣлали,
А нянюшки, матушки, сѣнны дѣвушки,
Онѣ ночку не спали—шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ;
А втапоры затюремнички они всѣ распущались,
Царскіе погребы они всѣ растворялись;
У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
Всѣ дворяне ко ласковому соѣзжалися,
Весь народъ божій на пиру,—пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются;
Въ весельи не видали какъ и дни прошли:
Все для младшаго царевича — Петра Алексѣевича
Перваго императора по землѣ.

II. ИСКУССТВЕННАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

II. ЭНЕИДА.

СМЕРТЬ ДИДОНЫ.

Полночь была. Ужъ все погрузилось въ забвенье и нѣгу,—
Сладкую нѣгу покоя, когда и сердитое море
Дремлетъ во снѣ, не шелохнется лѣсъ, а ночныя свѣтила
Тихо плывутъ въ небесахъ, совершая полночные круги;
Спятъ безмолвныя нивы, стада; живописныя птицы,
И прозрачныя воды озеръ, и дикія степи,
Все отдыхаетъ въ покоѣ, среди безмолвія ночи, —
Все, лишь Дидона одна безсонныхъ очей не смыкаетъ;
Не прилетаетъ къ ней сонъ: въ ней бодрость сугубитъ заботы.
Вновь запылала любовь и съ бѣшенствомъ прежнимъ пылаетъ;
Снова и гнѣвъ запылалъ и борьбу начинаетъ съ любовью.
«Ахъ, злополучная!» такъ про себя разсуждаетъ Дидона:
Что мнѣ дѣлать? Снова ли къ тѣмъ женихамъ обратиться,—
Къ тѣмъ женихамъ, надъ которыми я насмѣхалась такъ долго?
Я ли унижу себя и руки царей нумидійскихъ
Буду просить, которую я отвергала такъ часто?
Чтожъ? за троянскимъ флотомъ идти и судьбы повелѣнье
Съ нимъ раздѣлить? почему? потому ли, что я оказала
Помощь несчастнымъ? но развѣ они не забыли объ этомъ?
Ну, положимъ; да кто жъ мнѣ позволитъ отечество бросить?
Кто же приметъ меня на корабль? меня ненавидятъ.
Ахъ, погибла Дидона, погибла! ты ли не знаешь,
Ты ли не видишь еще, что троянцы тебѣ измѣнили?
И неужель я одна сопутствовать буду троянцамъ?
Иль соберу всѣхъ тирійцевъ и съ ними вмѣстѣ въ далекій
Путь уплыву? и снова пожертвую вѣтрамъ и морю
Тѣми, которыхъ съ трудомъ спасла отъ враждебнаго Тира?
Нѣтъ, Дидона, лучше умри, какъ прилично несчастной;
Лучше ударомъ однимъ прекрати всѣ жестокія муки.
Ахъ, сестра! ты тронулась горемъ моимъ и слезами:
Ты мнѣ хотѣла помочь—и бросила въ жертву злодѣю.
Нѣтъ, безъ брачныхъ узъ безгрѣшная жизнь невозможна!
Такъ лишь звѣри живутъ; а я согрѣшила предъ небомъ,
Я измѣнила любви, обѣщанной пепламъ Сихея!»
Такъ говоря про себя, Дидона горько рыдала.
А Эней, приготовивъ заранѣе все для похода,
Легъ на высокой кормѣ и уснулъ, ожидая разсвѣта.—
Снова во снѣ предсталъ предъ него божественный образъ,
Тотъ же Меркурія образъ—и голосъ и поступь;

Тѣ жъ бѣлокурыя кудри, красою блестящіе члены.
Снова началъ его упрекать такими словами:
«Сынъ богини, время ли спать въ такую минуту?
Или не видишь, какая опасность тебѣ угрожаетъ?
Ахъ, безумный! не слышишь, какъ дуютъ попутные вѣтры?
Въ сердцѣ ея преступленье; она умышляетъ засаду;
Ужъ рѣшилась на смерть и отчаяннымъ гнѣвомъ пылаетъ.
Пользуйся этой минутой, бѣги, удались поскорѣе:
Вскорѣ вражьи ладьи все море взволнуютъ; увидишь
Грозныхъ факеловъ блескъ и пламенемъ берегъ объятый,
Если Аврора тебя на этомъ мѣстѣ застанетъ.
Женщинамъ ты не вѣрь: онѣ перемѣнчивы, шатки».
Такъ говоря, онъ исчезъ и слился съ туманами ночи.

И тогда Эней, испуганный чуднымъ видѣньемъ,
Быстро вскочилъ ото сна, идетъ и товарищей будитъ:
«Встаньте, товарищи, бодрствуйте, весла скорѣе берите
И паруса поднимайте. Сошедши съ высотъ поднебесныхъ,
Самъ посланникъ боговъ, во снѣ представъ предо мною,
Вновь повелѣлъ мнѣ отплыть и не медля отрѣзать канаты.
Кто бы ты ни былъ, святой обитатель великаго неба,
Я повинуюсь тебѣ и волю твою исполняю.
Боги, прибудьте на помощь и путь ниспошлите счастливый»
Такъ говоря, онъ выхватилъ мечъ молніеносный и рубитъ
Острымъ булатомъ канаты, сѣчетъ — и лопнули вервья;
Бросились къ дѣлу троянцы: рѣжутъ канаты и въ море
Быстро уходятъ. Отъ нихъ удаляется берегъ; лишь волны
Пѣною брызжутъ отъ веселъ. И пристань въ-мигъ опустѣла.
Вотъ и Аврора проснулась и, вставъ съ багрянаго ложа,
Брызнула свѣтомъ румянымъ на спящія земли и воды.
И едва востокъ загорѣлся первымъ разсвѣтомъ,
Какъ царица увидѣла флотъ, удалявшійся въ море.
Бросила взоры на пристань: въ пристани не было флота.
Впала въ безумье царица: дланію грудь поражаетъ,
Рветъ бѣлокурыя кудри и плачетъ: «О всемогущій!
Этотъ пришлецъ уплыветъ и надъ царствомъ моимъ посмѣется?
Какъ? не вооружится никто, не ударитъ въ погоню!...
И не берутъ кораблей изъ верфи?.... Идите, идите,
Пламя несите скорѣй, скорѣй паруса поднимайте!...
Что говорю я? гдѣ я? ахъ, какое безумье!
Ты гнушаешься низкимъ поступкомъ, несчастна Дидона!
А тогда, какъ скипетръ давала, тогда не гнушалась?
Вотъ Энеева вѣрность! вотъ благочестье Энея!
Этотъ мужъ съ собою унесъ пенатовъ изъ Трои;
Этотъ мужъ на плечахъ уносилъ родителя старца;
Я-ль не могла растерзать его и въ волны морскія
Бросить? товарищей всѣхъ умертвить? иль, тѣло Асканья
Въ радостный пиръ обративъ, насытить родителя сыномъ?
Но вѣдь битвы успѣхъ сомнителенъ былъ бы. Положимъ.
Что жъ мнѣ бояться? я понесла бы въ лагерь троянцевъ
Факелъ пожара; я бы сожгла карабли, истребила,

И на развалинахъ ихъ сама бы бросилась въ пламя!
Солнце, солнце! ты освѣщаешь дѣянія смертныхъ;
Матерь Юнона, тебѣ извѣстны всѣ наши страданья;
Ты, о Геката, которая въ ночь на распутіи воешь;
Мстящія фуріи, боги Дидоны, жаждущей смерти,
Вы внемлите мольбамъ, обратите взоръ милосердый
На страданья мои. И если судьбѣ такъ угодно,
Чтобы злодѣй приплылъ и увидѣлъ завѣтную землю;
Если такъ небу угодно, чтобъ я непремѣнно погибла:
Пусть же злодѣй, побѣжденный на брани храбрымъ народомъ,
Въ вѣчной разлукѣ съ сыномъ, скитаясь, какъ жалкій изгнанникъ,
Молитъ пощады; пусть будетъ свидѣтелемъ смерти собратовъ,
Миръ заключитъ съ врагомъ на самыхъ тяжкихъ условьяхъ;
И тогда, лишенный престола, всѣхъ радостей свѣта,
Пусть погибнетъ,—но пусть погибнетъ на прахѣ, безъ гроба.
Боги! эту молитву съ послѣднею каплею крови
Вамъ посылаю. А вы, о тирійцы, къ ихъ племени, роду
Ненависть вѣчно питайте; утѣшьте мой пепелъ въ могилѣ.
Пусть между ними и нами не будетъ союза, ни дружбы;
Пусть изъ могилы моей имъ грозный мститель возстанетъ
И преслѣдуетъ Дардана родъ мечемъ и пожаромъ
И теперь и всегда, лишь будутъ силы для мести.
Пусть берега съ берегами и волны съ волнами враждуютъ!
Мечъ пусть враждуетъ съ мечемъ, съ отцами дѣти и внуки!»
Такъ сказала она и повсюду взоромъ поводитъ;
Свѣтъ ей постылъ: Дидона жаждетъ сѣни могильной.
Вотъ, позвавъ къ себѣ Сихея кормилицу, Барку
(А ея кормилица въ прежней отчизнѣ скончалась),
Такъ говоритъ: «позови мнѣ Анну, любезная Барка.
Прежде скажи, пусть скорѣе омоется рѣчною водою,
Пусть приведетъ и жертву и все приготовитъ, что нужно.
Ты и сама покрой чело священной повязкой:
Я давно приготовила жертву Юпитеру ада,
Я теперь совершить хочу и окончить заботы,
Въ пламени сжечь на кострѣ остатки дарданскаго мужа».
И старушка, дрожа, поплелась приказанье исполнить.

Въ страхѣ и въ страшномъ какомъ-то восторгѣ Дидона вбѣжала
На середину двора, гдѣ огромный костеръ возвышался:
Очи, налитыя кровью, быстро ходили повсюду;
Пятна покрыли ланиты ея и предсмертная блѣдность.
Быстро въ волненьѣ взошла на костеръ и мечъ обнажила,—
Мечъ дарданскій, не для такой предназначенный цѣли.
И, увидѣвъ Энея броню и знакомое ложе,
Начала плакать; потомъ, собравшись нѣсколько съ духомъ,
Къ ложу склонилась и такъ послѣдній разъ говорила:
«Милые сердцу остатки, когда улыбалось мнѣ счастье!
Вы примите душу мою, разрѣшите отъ горя.
Я жила и исполнила путь, предназначенный рокомъ;
А теперь моя тѣнь удалится въ подземныя страны.
Я основала городъ, я видѣла славныя стѣны,

Я отмстила за смерть супруга коварному брату;
Счастлива, ахъ! и счастлива слишкомъ была бы Дидона,
Если бы этотъ берегъ не видѣлъ дарданскаго флота».
И, коснувшись ложа устами, «я умираю безъ мести,
Но я умру» — сказала — «мнѣ смерть отрадна и сладка:
Пусть жестокій взираетъ на пламя съ глубокаго моря,
Пусть унесетъ съ собою извѣстье о смерти Дидоны».

Такъ окончивъ, упала на одръ. Прибѣжали подруги:
Видятъ мечъ, дымящійся кровью, пронзенныя перси
И обагренныя руки царицы. Крики и вопли
Вдругъ огласили дворецъ, и молва пронеслась въ Карѳагенѣ.
Плачъ и рыданіе всюду: жены и плачутъ и воютъ;
Домы дрожатъ и воздухъ трепещетъ отъ страшнаго стона.
Точно, казалось, какъ будто бы врагъ овладѣлъ Карѳагеномъ
Или древнимъ Тиромъ; будто пожарное пламя
Вдругъ охватило кровли домовъ и божественныхъ храмовъ.

А сестра, услышавъ шумъ и смятенье въ чертогахъ,
Рветъ руками лице и, дланію грудь поражая,
Сквозь толпу пробираясь, летитъ и сестру призываетъ;
«Вотъ что, родная, было! меня обмануть ты хотѣла?
Ахъ, для того ли костеръ, для того ль алтари я воздвигла?
Что жъ одинокой мнѣ дѣлать теперь? и ты, умирая,
Ты обо мнѣ забыла? зачѣмъ ты меня не призвала?
Тотъ же мечъ однимъ ударомъ пронзилъ бы два сердца.
Ахъ, сестра жестокая! я для того ль положила
Этотъ костеръ? для того ли боговъ призывала въ молитвѣ,
Чтобы увидѣть тебя и на вѣкъ разлучиться съ тобою!
Я погубила тебя, и себя, и сидонскихъ собратовъ;
Я погубила твой городъ! Дайте воды: я омою
Рану ея, если душа несовсѣмъ улетѣла;
Пусть я вдохну въ себя ея послѣдніе вздохи!»
Такъ говоря, она взошла по ступенямъ высокимъ,
Пала на тѣло сестры и, обнявъ, согрѣваетъ дыханьемъ,
Плачетъ и стонетъ, и платьемъ черную кровь отираетъ.
А Дидона хотѣла поднять тяжелыя вѣки
И сомкнула снова: хрипитъ подъ грудію рана.
Трижды она приподнялась, рукой опираясь усильно,
Трижды упала на одръ и мутнымъ взоромъ искала
Милаго свѣта небесъ: нашла и вздохнула глубоко.

Сжалилась матерь Юнона и, видя тяжкія муки
Трудной кончины, съ высотъ Олимпа послала Ириду,
Чтобы она разрѣшила бореніе персти съ душею.
Не по велѣнью судьбы умирала царица, но смертью
Грѣшныхъ людей, но сраженная горемъ, какъ жертва безумья.
Ей Прозерпина еще не отсѣкла волосъ бѣлокурыхъ,
Не осудила тѣни ея скитаться по аду.
Вотъ Ирида слетѣла съ небесъ на крыльяхъ росистыхъ;
Тысячи разныхъ цвѣтовъ влечетъ за собою отъ солнца
И, прилетѣвъ и ставъ надъ главою Дидоны, сказала:
«Эту жертву я приношу подземному богу

И разрѣшаю душу твою отъ бреннаго тѣла».
Такъ говоря, отсѣкла жизненный волосъ: мгновенно
Вся теплота удалилась, и жизнь улетѣла на вѣтеръ.

I. Шершеневичъ.

---

12. БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ

а) Адъ (пѣснь 1).

Въ срединѣ нашей жизненной дороги,
Объятый сномъ я въ темный лѣсъ вступилъ,
Путь истинный утративъ въ часъ тревоги.

Ахъ! тяжело сказать, какъ страшенъ былъ
Сей лѣсъ, столь дикій, столь густой и лютый,
Что въ мысляхъ онъ мой страхъ возобновилъ.

И смерть лишь малымъ горше этой смуты!
Но чтобъ сказать о благости небесъ,
Все разскажу, что видѣлъ въ тѣ минуты.

И самъ не знаю, какъ вошелъ я въ лѣсъ:
Въ такой глубокій сонъ я погрузился
Въ тотъ мигъ, когда путь истинный исчезъ.

Когда жъ вблизи холма я пробудился,
Гдѣ той юдоли положенъ предѣлъ,
Въ которой ужасъ въ сердцѣ мнѣ вселился,—

Я, вверхъ взглянувъ, главу холма узрѣлъ
Въ лучахъ планеты, что прямой дорогой
Ведетъ людей къ свершенью добрыхъ дѣлъ.

Тогда на время смолкъ мой страхъ, такъ много
Надъ моремъ сердца бушевавшій въ ночь,
Что протекла съ толикою тревогой.

И какъ успѣвшій бурю превозмочь,
Ступивъ чуть-дышащій на брегъ изъ моря,
Съ опасныхъ волнъ очей не сводитъ прочь:

Такъ я, въ душѣ еще со страхомъ споря,
Взглянулъ назадъ и взоръ вперилъ туда,
Гдѣ изъ живыхъ никто не шелъ безъ горя.

И, отдохнувъ въ пустынѣ отъ труда,
Я вновь пошелъ, и мой оплотъ опорный
Въ ногѣ, стоящей ниже, былъ всегда.

И вотъ, почти въ началѣ крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барсъ и легкій и проворный.

Чудовище не убѣгало съ глазъ,
Но до того мнѣ путь мой преграждало,
Что внизъ сбѣжать я помышлялъ не разъ.

Ужъ день свѣтилъ и солнце въ путь вступало
Съ толпою звѣздъ, какъ въ мигъ, когда оно
Вдругъ отъ любви божественной пріяло

Свой первый ходъ, красой озарено;
И все надеждою тогда мнѣ льстило:
Животнаго роскошное руно,

Часъ утренній и юное свѣтило.
Но снова страхъ мнѣ въ сердцѣ пробудилъ
Свирѣпый Левъ, представшій съ гордой силой.

Шёлъ на меня, казалось, выходилъ
Голодный, злой, съ главою величавой.
И, казалось, воздухъ въ трепетъ при-
водилъ.

Онъ шёлъ съ Волчицей, тощей и ху-
дой.
Что, въ утробѣ полна желаній всѣхъ.
Для многихъ въ жизни ей была отравой.

Она внушила столько мнѣ тоски,
Что, устрашенъ наружностью суровой,
Терялъ надежду я взойти на верхъ.

И какъ скупецъ, копить всегда гото-
вый,
Когда придетъ утраты страшный часъ,
Грустить и плачетъ съ каждой мыслью
новой:

Такъ звѣрь во мнѣ спокойствіе по-
трясъ
И, идя мнѣ на встрѣчу, гналъ все-
часно
Меня въ тотъ край, гдѣ солнца лучъ
угасъ.

Пока стремглавъ я падалъ въ мракъ
ужасный,
Глазамъ моимъ предсталъ нежданный
другъ,
Отъ долгаго молчанія безгласный.

«Помилуй ты меня!» вскричалъ я
вдругъ,
Когда узрѣлъ его въ пустынномъ полѣ,
«О, ктобъ ты ни былъ: человѣкъ иль
духъ!»

И онъ: «Я духъ, не человѣкъ я
болѣ.
Родителей ломбардцевъ я имѣлъ,
Но въ Мантуѣ, рожденныхъ въ бѣдной
долѣ.

Sub Julio я поздно свѣтъ узрѣлъ
И въ Римѣ жилъ въ вѣкъ Августовъ
счастливый:
Во дни боговъ въ лжевѣрьѣ я кос-
нѣлъ.

Я былъ поэтъ, и мной воспѣтъ прав-
дивый
Анхизовъ сынъ, вознесшій новый
градъ,
Когда сожженъ былъ Иліонъ кичли-
вый.

Но ты зачѣмъ бѣжишь въ сей мракъ
назадъ?
Что не стремишь на радостныя горы,
Къ началу и причинѣ всѣхъ отрадъ?»

—«О, ты ль Виргилій, тотъ потокъ,
который
Рѣкой широкой льетъ волны словъ?»
Я отвѣчалъ, склонивъ стыдливо взоры.

«О дивный свѣтъ, о честь другихъ
пѣвцовъ!
Будь благъ ко мнѣ за долгое ученье
И за любовь къ красѣ твоихъ стиховъ.

Ты авторъ мой, наставникъ въ пѣс-
нопѣньѣ;
Ты былъ одинъ, у коего я взялъ
Прекрасный стиль, снискавшій мнѣ хва-
ленье.

Взгляни: вотъ звѣрь, предъ нимъ же
я бѣжалъ....
Спаси меня, о мудрый, въ сей доли-
нѣ....
Онъ въ жилахъ, въ сердцѣ кровь мнѣ
взволновалъ».

—Держать ты долженъ путь другой
отнынѣ»,
Онъ отвѣчалъ, увидѣвъ скорбь мою,
«Коль умереть не хочешь здѣсь въ пу-
стынѣ.

Сей лютый звѣрь, смутившій грудь
твою,
Въ пути своемъ другихъ не пропус-
каетъ,
Но, путь пресѣкши, губитъ всѣхъ въ
бою.

И свойствомъ онъ столь вреднымъ
обладаетъ,

Что, въ алчности ничѣмъ не утоленъ,
Вслѣдъ за ѣдой еще сильнѣй алкаетъ.

Онъ съ множествомъ животныхъ сопряженъ
И съ многими еще совокупится;
Но близокъ Песъ, предъ кѣмъ издохнетъ онъ.

Не мѣдь съ землей Псу въ пищу обратится,
Но добродѣтель, мудрость и любовь;
Межъ Фельтро и межъ Фельтро Песъ родится.

Италію рабу спасетъ онъ вновь,
Въ честь коей дѣва умерла Камилла,
Турнъ, Эвріалъ и Низъ пролили кровь.

Изъ града въ градъ помчитъ Волчицу сила,
Доколь ее не заключитъ въ аду,
Откуда зависть въ міръ ее пустила.

Такъ вѣрь же мнѣ не къ своему вреду:
Иди за мною; въ область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.

Услышишь скорбь отчаянную, злую;
Сонмъ древнихъ душъ увидишь въ той странѣ,
Вотще зовущихъ смерть себѣ вторую.

Узришь и тѣхъ, которыя въ огнѣ
Живутъ надеждою, что къ эмпирею
Когда-нибудь взнесутся и онѣ.

Но въ эмпирей я ввесть тебя не смѣю:
Тамъ есть душа достойнѣе стократъ;
Я, разлучась, тебя оставлю съ нею:

Зане Монархъ, чью власть, какъ супостатъ,
Я не познамъ, что нынѣ воспрещаетъ
Ввести тебя въ Его священный градъ.

Онъ Царь вездѣ, но тамъ Онъ управляетъ:
Тамъ градъ Его и неприступный свѣтъ;
О, счастливъ тотъ, кто въ градъ Его вступаетъ!»

И я: «Молю я самъ тебя, поэтъ,
Тѣмъ Господомъ, Его жъ ты не прославилъ,—
Да избѣгу и сихъ и горшихъ бѣдъ,—

Веди въ тотъ край, куда ты путь направилъ:
И вознесусь къ вратамъ Петра святымъ,
И тѣхъ узрю, чью скорбь ты мнѣ представилъ».

Здѣсь онъ пошелъ, и я вослѣдъ за нимъ.

в) Графъ Уголино (изъ 33 пѣсни Ада).

...«Ты хочешь, чтобъ я самъ
Раскрылъ ту скорбь, что грудь томитъ какъ бремя,
Лишь вспомню то, о чемъ я передамъ.

Но коль слова мои должны быть сѣмя,
Чтобъ плодъ его злодѣю въ срамъ возникъ—
И рѣчь и плачъ услышишь въ то же время.

Не знаю, кто ты, какъ сюда проникъ;
Но убѣжденъ, что слышу гражданина
Флоренціи: такъ звученъ твой языкъ!

Ты долженъ знать, что графъ я Уголино,
А онъ—архіепископъ Руджіеръ,
И почему сосѣдъ мой: вотъ причина.

Не говорю, какъ въ силу подлыхъ мѣръ
Довѣрчиво я вдался въ обольщенье
И какъ сгубилъ меня онъ, лицемѣръ.

Но, выслушавъ, разсѣй свое сомнѣнье
О томъ, какъ страшно я окончилъ дни,
Потомъ суди: то было ль оскорбленье?

Печальное отверстье западни—
По мнѣ ей имя Башни глада стало:

Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.

И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!»
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу нездѣшнюю,—
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
—А давайте съ вами, витязи, бой держать!
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей;
РазгорѣлсяАлешаПоповичъ на ихъслова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить;
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Приступились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ о окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

ИСТОРИЧЕСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

а) Иванъ грозный.

Въ старые годы прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ;
Автапоры у царя былъ почестный столъ,
Почестный столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей, про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ сибирскіихъ.
А и столъ былъ во полустолѣ,
А и пиръ былъ во полупирѣ,
Гости царскіе навеселѣ,—
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своей силою,
Богатый хвалится своимъ богатствомъ.
Не золотая трубонька вострубивала,
Не серебряна сиполица возъигрывала—
Возговорилъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ:
—«Ужъ какъ я ли могу похвалитися,
Что и взялъ я Казанское царство.
Рязанъ городъ, славну Астрахань:
Ужъ и я ли вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новгорода».
Какъ возговоритъ младой- царевичъ:
—«Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
Что и взялъ ты царство Казанское,
Рязань городъ, еще Астрахань;

Ужъ ты вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новгорода,—
Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ
Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
Онъ и ѣстъ съ тобою съ одного блюда,
Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное».—
Какъ и тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,
Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
—«А и кто есть у меня слуги вѣрные?
Берите царевича за бѣлы руки,
Ведите царевича за Москву рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой».—
Какъ тутъ всѣ князья, бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися,—
Остался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ.
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки
И ведетъ его за Москву-рѣку
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой.
Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ;
Онъ садится на добра коня,
На добра коня неѣзжаннаго;
И онъ скачетъ за матушку за Москвурѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной,
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Ой, народъ православный, разступися,
Люди добрые, сторонитеся,
Давайте мнѣ, боярину, дорогу!»
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой,—
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича,
Онъ беретъ его за бѣлы руки,
Приводитъ его на царскій дворъ.
А тутъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ взрадовался,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,
А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать?
А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
Ты бери у меня что вздумаешь:
Съ конюшни ли что ни лучшаго коня,
Съ царскихъ плечъ моихъ шубу кунію,
Золотой ли казны сколько надобно».—
Какъ возговоритъ честный бояринъ,
Что честный Никита свѣтъ Романычъ:
«Ой ты гой еси, государь Иванъ Васильевичъ!
Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
Не хочу я твоей золотой казны;
Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
Повели мнѣ его, сударь, казнити».—

в) Скопинъ-Шуйскій.

У насъ было въ каменной Москвѣ,
У князя было Воротынскаго,
Было пированье великое:
Крестили дитя княженецкое.
Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кумою была дочь Скурлатова.
Много было тутъ князей, бояръ,
Князей, бояръ, гостей званыихъ:
Они ѣли, пили, прохлажалися,
Напилися гости до-пьяна,
Выходили на красенъ крылецъ—
И учали они хвастатися:
Сильный хвастается силою,
Богатый богатствомъ:
Одинъ скажетъ: «у меня много чиста серебра»,
Другой скажетъ: «у меня больше крас на золота».—
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ
Онъ и не пилъ зелена вина,
Не пригубливалъ пива крѣпкаго.
Только пилъ одни меды сладкіе,

А и съ меду князь захмѣлѣлъ,
Во хмѣлю онъ похваляться сталъ:
«Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались,—
Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?—
А ужъ я ли могу похвалитися:
Я очистилъ царство Московское,
Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру христіанскую,—
И за то мнѣ слава до-вѣку».
И то слово кумѣ не полюбилося,—
То слово крестовой не показалося.
Втапоры она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена вина,
Подсыпала въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому.
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
Думалъ князь—она выпила,
А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
Поднесла куму крестовому.
Отъ меду князь не отказывается—
Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго;
Какъ его тутъ рѣзвы ноженки подломилися,
Его бѣлыя рученьки опустилися,
Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
Подхватили подъ бѣлы руки,
Увозили князя къ себѣ домой.—
Какъ встрѣчала его матушка:
—«Дитя ты мое, чадо милое,
Сколько ты по пирамъ ни ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ».—
—«Охъ ты гой еси, матушка моя родимая,
Сколько я по пирамъ ни ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова».—

в) КСЕНІЯ ГОДУНОВА.

Сплачется младая птичка,
Бѣлая пелепелка:
«Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыя дѣти побити,
Меня пелепелку поимати».
Сплачется на Москвѣ царевна:
«Охте мнѣ молоды горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гриша Отрепьевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Чернеческій чинъ наложити.
Ино мнѣ пострітчися не хочетъ,
Чернеческаго чину не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцевъ посмотрити.
Ино, охъ милые наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?»

г) РОЖДЕНІЕ ПЕТРА I.

Ужъ какъ свѣтелъ радошенъ въ Москвѣ
Ласковый царь Алексѣй, сударь Михайловичъ:
Народилъ ему Господь сына-царевича,
Что царевича—Петра Алексѣевича.
Какъ всѣ-то русскіе плотнички,
Что плотнички сами мастеры,
Они ночку не спали—колыбель-люльку дѣлали,
А нянюшки, матушки, сѣнны дѣвушки,
Онѣ ночку не спали—ширинoчку вышивали
По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ;
А втапоры затюремнички они всѣ распущались,
Царскіе погребы они всѣ растворялись;
У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
Всѣ дворяне ко ласковому соѣзжалися,
Весь народъ божій на пиру,—пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются;
Въ весельи не видали какъ и дни прошли:
Все для младшаго царевича — Петра Алексѣевича
Перваго императора по землѣ.

II. ИСКУССТВЕННАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

II. ЭНЕИДА.

СМЕРТЬ ДИДОНЫ.

Полночь была. Ужъ все погрузилось въ забвенье и нѣгу,—
Сладкую нѣгу покоя, когда и сердитое море
Дремлетъ во снѣ, не шелохнется лѣсъ, а ночныя свѣтила
Тихо плывутъ въ небесахъ, совершая полночные круги;
Спятъ безмолвныя нивы, стада; живописныя птицы,
И прозрачныя воды озеръ, и дикія степи,
Все отдыхаетъ въ покоѣ, среди безмолвія ночи, —
Все, лишь Дидона одна безсонныхъ очей не смыкаетъ;
Не прилетаетъ къ ней сонъ: въ ней бодрость сугубитъ заботы.
Вновь запылала любовь и съ бѣшенствомъ прежнимъ пылаетъ;
Снова и гнѣвъ запылалъ и борьбу начинаетъ съ любовью.
«Ахъ, злополучная!» такъ про себя разсуждаетъ Дидона:
Что мнѣ дѣлать? Снова ли къ тѣмъ женихамъ обратиться,—
Къ тѣмъ женихамъ, надъ которыми я насмѣхалась такъ долго?
Я ли унижу себя и руки царей нумидійскихъ
Буду просить, которую я отвергала такъ часто?
Чтожъ? за троянскимъ флотомъ идти и судьбы повелѣнье
Съ нимъ раздѣлить? почему? потому ли, что я оказала
Помощь несчастнымъ? но развѣ они не забыли объ этомъ?
Ну, положимъ; да кто жъ мнѣ позволитъ отечество бросить?
Кто же приметъ меня на корабль? меня ненавидятъ.
Ахъ, погибла Дидона, погибла! ты ли не знаешь,
Ты ли не видишь еще, что троянцы тебѣ измѣнили?
И неужель я одна сопутствовать буду троянцамъ?
Иль соберу всѣхъ тирійцевъ и съ ними вмѣстѣ въ далекій
Путь уплыву? и снова пожертвую вѣтрамъ и морю
Тѣми, которыхъ съ трудомъ спасла отъ враждебнаго Тира?
Нѣтъ, Дидона, лучше умри, какъ прилично несчастной;
Лучше ударомъ однимъ прекрати всѣ жестокія муки.
Ахъ, сестра! ты тронулась горемъ моимъ и слезами:
Ты мнѣ хотѣла помочь—и бросила въ жертву злодѣю.
Нѣтъ, безъ брачныхъ узъ безгрѣшная жизнь невозможна!
Такъ лишь звѣри живутъ; а я согрѣшила предъ небомъ,
Я измѣнила любви, обѣщанной пепламъ Сихея!»
Такъ говоря про себя, Дидона горько рыдала.
А Эней, приготовивъ заранѣе все для похода,
Легъ на высокой кормѣ и уснулъ, ожидая разсвѣта.—
Снова во снѣ предсталъ предъ него божественный образъ,
Тотъ же Меркурія образъ—и голосъ и поступь;

Тѣ жъ бѣлокурыя кудри, красою блестящіе члены.
Снова началъ его упрекать такими словами:
«Сынъ богини, время ли спать въ такую минуту?
Или не видишь, какая опасность тебѣ угрожаетъ?
Ахъ, безумный! не слышишь, какъ дуютъ попутные вѣтры?
Въ сердцѣ ея преступленье; она умышляетъ засаду;
Ужъ рѣшилась на смерть и отчаяннымъ гнѣвомъ пылаетъ.
Пользуйся этой минутой, бѣги, удались поскорѣе:
Вскорѣ вражьи ладьи все море взволнуютъ; увидишь
Грозныхъ факеловъ блескъ и пламенемъ берегъ объятый,
Если Аврора тебя на этомъ мѣстѣ застанетъ.
Женщинамъ ты не вѣрь: онѣ перемѣнчивы, шатки».
Такъ говоря, онъ исчезъ и слился съ туманами ночи.

И тогда Эней, испуганный чуднымъ видѣньемъ,
Быстро вскочилъ ото сна, идетъ и товарищей будитъ:
«Встаньте, товарищи, бодрствуйте, весла скорѣе берите
И паруса поднимайте. Сошедши съ высотъ поднебесныхъ,
Самъ посланникъ боговъ, во снѣ представъ предо мною,
Вновь повелѣлъ мнѣ отплыть и не медля отрѣзать канаты.
Кто бы ты ни былъ, святой обитатель великаго неба,
Я повинуюсь тебѣ и волю твою исполняю.
Боги, прибудьте на помощь и путь ниспошлите счастливый»
Такъ говоря, онъ выхватилъ мечъ молньеносный и рубитъ
Острымъ булатомъ канаты, сѣчетъ — и лопнули вервья;
Бросились къ дѣлу троянцы: рѣжутъ канаты и въ море
Быстро уходятъ. Отъ нихъ удаляется берегъ; лишь волны
Пѣною брызжутъ отъ веселъ. И пристань въ-мигъ опустѣла.
Вотъ и Аврора проснулась и, вставъ съ багрянаго ложа,
Брызнула свѣтомъ румянымъ на спящія земли и воды.
И едва востокъ загорѣлся первымъ разсвѣтомъ,
Какъ царица увидѣла флотъ, удалявшійся въ море.
Бросила взоры на пристань: въ пристани не было флота.
Впала въ безумье царица: дланію грудь поражаетъ,
Рветъ бѣлокурыя кудри и плачетъ: «О всемогущій!
Этотъ пришлецъ уплыветъ и надъ царствомъ моимъ посмѣется?
Какъ? не вооружится никто, не ударитъ въ погоню!...
И не берутъ кораблей изъ верфи?.... Идите, идите,
Пламя несите скорѣй, скорѣй паруса поднимайте!...
Что говорю я? гдѣ я? ахъ, какое безумье!
Ты гнушаешься низкимъ поступкомъ, несчастна Дидона!
А тогда, какъ скипетръ давала, тогда не гнушалась?
Вотъ Энеева вѣрность! вотъ благочестье Энея!
Этотъ мужъ съ собою унесъ пенатовъ изъ Трои;
Этотъ мужъ на плечахъ уносилъ родителя старца;
Я-ль не могла растерзать его и въ волны морскія
Бросить? товарищей всѣхъ умертвить? иль, тѣло Асканья
Въ радостный пиръ обративъ, насытить родителя сыномъ?
Но вѣдь битвы успѣхъ сомнителенъ былъ бы. Положимъ.
Что жъ мнѣ бояться? я понесла бы въ лагерь троянцевъ
Факелъ пожара; я бы сожгла карабли, истребила,

И на развалинахъ ихъ сама бы бросилась въ пламя!
Солнце, солнце! ты освѣщаешь дѣянія смертныхъ;
Матерь Юнона, тебѣ извѣстны всѣ наши страданья;
Ты, о Геката, которая въ ночь на распутіи воешь;
Мстящія фуріи, боги Дидоны, жаждущей смерти,
Вы внемлите мольбамъ, обратите взоръ милосердый
На страданья мои. И если судьбѣ такъ угодно,
Чтобы злодѣй приплылъ и увидѣлъ завѣтную землю;
Если такъ небу угодно, чтобъ я непремѣнно погибла:
Пусть же злодѣй, побѣжденный на брани храбрымъ народомъ,
Въ вѣчной разлукѣ съ сыномъ, скитаясь, какъ жалкій изгнанникъ,
Молитъ пощады; пусть будетъ свидѣтелемъ смерти собратовъ,
Миръ заключитъ съ врагомъ на самыхъ тяжкихъ условьяхъ;
И тогда, лишенный престола, всѣхъ радостей свѣта,
Пусть погибнетъ,—но пусть погибнетъ на прахѣ, безъ гроба.
Боги! эту молитву съ послѣднею каплею крови
Вамъ посылаю. А вы, о тирійцы, къ ихъ племени, роду
Ненависть вѣчно питайте; утѣшьте мой пепелъ въ могилѣ.
Пусть между ними и нами не будетъ союза, ни дружбы;
Пусть изъ могилы моей имъ грозный мститель возстанетъ
И преслѣдуетъ Дардана родъ мечемъ и пожаромъ
И теперь и всегда, лишь будутъ силы для мести.
Пусть берега съ берегами и волны съ волнами враждуютъ!
Мечъ пусть враждуетъ съ мечемъ, съ отцами дѣти и внуки!»
Такъ сказала она и повсюду взоромъ поводитъ;
Свѣтъ ей постылъ: Дидона жаждетъ сѣни могильной.
Вотъ, позвавъ къ себѣ Сихея кормилицу, Барку
(А ея кормилица въ прежней отчизнѣ скончалась),
Такъ говоритъ: «позови мнѣ Анну, любезная Барка.
Прежде скажи, пусть скорѣе омоется рѣчною водою,
Пусть приведетъ и жертву и все приготовитъ, что нужно.
Ты и сама покрой чело священной повязкой:
Я давно приготовила жертву Юпитеру ада,
Я теперь совершить хочу и окончить заботы,
Въ пламени сжечь на кострѣ остатки дарданскаго мужа».
И старушка, дрожа, поплелась приказанье исполнить.

Въ страхѣ и въ страшномъ какомъ-то восторгѣ Дидона вбѣжала
На середину двора, гдѣ огромный костеръ возвышался:
Очи, налитыя кровью, быстро ходили повсюду;
Пятна покрыли ланиты ея и предсмертная блѣдность.
Быстро въ волненьѣ взошла на костеръ и мечъ обнажила,—
Мечъ дарданскій, не для такой предназначенный цѣли.
И, увидѣвъ Энея броню и знакомое ложе,
Начала плакать; потомъ, собравшись нѣсколько съ духомъ,
Къ ложу склонилась и такъ послѣдній разъ говорила:
«Милые сердцу остатки, когда улыбалось мнѣ счастье!
Вы примите душу мою, разрѣшите отъ горя.
Я жила и исполнила путь, предназначенный рокомъ;
А теперь моя тѣнь удалится въ подземныя страны.
Я основала городъ, я видѣла славныя стѣны,

Я отмстила за смерть супруга коварному брату;
Счастлива, ахъ! и счастлива слишкомъ была бы Дидона,
Если бы этотъ берегъ не видѣлъ дарданскаго флота».
И, коснувшись ложа устами, «я умираю безъ мести,
Но я умру» — сказала — «мнѣ смерть отрадна и сладка:
Пусть жестокій взираетъ на пламя съ глубокаго моря,
Пусть унесетъ съ собою извѣстье о смерти Дидоны».

Такъ окончивъ, упала на одръ. Прибѣжали подруги:
Видятъ мечъ, дымящійся кровью, пронзенныя перси
И обагренныя руки царицы. Крики и вопли
Вдругъ огласили дворецъ, и молва пронеслась въ Кареагенѣ.
Плачъ и рыданіе всюду: жены и плачутъ и воютъ;
Домы дрожатъ и воздухъ трепещетъ отъ страшнаго стона.
Точно, казалось, какъ будто бы врагъ овладѣлъ Кареагеномъ
Или древнимъ Тиромъ; будто пожарное пламя
Вдругъ охватило кровли домовъ и божественныхъ храмовъ.

А сестра, услышавъ шумъ и смятенье въ чертогахъ,
Рветъ руками лице и, дланію грудь поражая,
Сквозь толпу пробираясь, летитъ и сестру призываетъ:
«Вотъ что, родная, было! меня обмануть ты хотѣла?
Ахъ, для того ли костеръ, для того ль алтари я воздвигла?
Что жъ одинокой мнѣ дѣлать теперь? и ты, умирая,
Ты обо мнѣ забыла? зачѣмъ ты меня не призвала?
Тотъ же мечъ однимъ ударомъ пронзилъ бы два сердца.
Ахъ, сестра жестокая! я для того ль положила
Этотъ костеръ? для того ли боговъ призывала въ молитвѣ,
Чтобы увидѣть тебя и на вѣкъ разлучиться съ тобою!
Я погубила тебя, и себя, и сидонскихъ собратовъ;
Я погубила твой городъ! Дайте воды: я омою
Рану ея, если душа несовсѣмъ улетѣла;
Пусть я вдохну въ себя ея послѣдніе вздохи!»
Такъ говоря, она взошла по ступенямъ высокимъ,
Пала на тѣло сестры и, обнявъ, согрѣваетъ дыханьемъ,
Плачетъ и стонетъ, и платьемъ черную кровь отираетъ.
А Дидона хотѣла поднять тяжелыя вѣки
И сомкнула снова: хрипитъ подъ грудію рана.
Трижды она приподнялась, рукой опираясь усильно,
Трижды упала на одръ и мутнымъ взоромъ искала
Милаго свѣта небесъ: нашла и вздохнула глубоко.

Сжалилась матерь Юнона и, видя тяжкія муки
Трудной кончины, съ высотъ Олимпа послала Ириду,
Чтобы она разрѣшила бореніе персти съ душею.
Не по велѣнью судьбы умирала царица, но смертью
Грѣшныхъ людей, но сраженная горемъ, какъ жертва безумья.
Ей Прозерпина еще не отсѣкла волосъ бѣлокурыхъ,
Не осудила тѣни ея скитаться по аду.
Вотъ Ирида слетѣла съ небесъ на крыльяхъ росистыхъ;
Тысячи разныхъ цвѣтовъ влечетъ за собою отъ солнца
И, прилетѣвъ и ставъ надъ главою Дидоны, сказала:
«Эту жертву я приношу подземному богу

И разрѣшаю душу твою отъ бреннаго тѣла».
Такъ говоря, отсѣкла жизненный волосъ: мгновенно
Вся теплота удалилась, и жизнь улетѣла на вѣтеръ.

I. Шершеневичъ.

---

12. БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ

а) Адъ (пѣснь 1).

Въ срединѣ нашей жизненной дороги,
Объятый сномъ я въ темный лѣсъ вступилъ,
Путь истинный утративъ въ часъ тревоги.

Ахъ! тяжело сказать, какъ страшенъ былъ
Сей лѣсъ, столь дикій, столь густой и лютый,
Что въ мысляхъ онъ мой страхъ возобновилъ.

И смерть лишь малымъ горше этой смуты!
Но чтобъ сказать о благости небесъ,
Все разскажу, что видѣлъ въ тѣ минуты.

И самъ не знаю, какъ вошелъ я въ лѣсъ:
Въ такой глубокій сонъ я погрузился
Въ тотъ мигъ, когда путь истинный исчезъ.

Когда жъ вблизи холма я пробудился,
Гдѣ той юдоли положенъ предѣлъ,
Въ которой ужасъ въ сердцѣ мнѣ вселился,—

Я, вверхъ взглянувъ, главу холма узрѣлъ
Въ лучахъ планеты, что прямой дорогой
Ведетъ людей къ свершенью добрыхъ дѣлъ.

Тогда на время смолкъ мой страхъ, такъ много
Надъ моремъ сердца бушевавшій въ ночь,
Что протекла съ толикою тревогой.

И какъ успѣвшій бурю превозмочь,
Ступивъ чуть-дышащій на брегъ изъ моря,
Съ опасныхъ волнъ очей не сводитъ прочь:

Такъ я, въ душѣ еще со страхомъ споря,
Взглянулъ назадъ и взоръ вперилъ туда,
Гдѣ изъ живыхъ никто не шелъ безъ горя.

И, отдохнувъ въ пустынѣ отъ труда,
Я вновь пошелъ, и мой оплотъ опорный
Въ ногѣ, стоящей ниже, былъ всегда.

И вотъ, почти въ началѣ крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барсъ и легкій и проворный.

Чудовище не убѣгало съ глазъ,
Но до того мнѣ путь мой преграждало,
Что внизъ сбѣжать я помышлялъ не разъ.

Ужъ день свѣтилъ и солнце въ путь вступало
Съ толпою звѣздъ, какъ въ мигъ, когда оно
Вдругъ отъ любви божественной пріяло

Свой первый ходъ, красой озарено;
И все надеждою тогда мнѣ льстило:
Животнаго роскошное руно,

Часъ утренній и юное свѣтило.
Но снова страхъ мнѣ въ сердцѣ пробудилъ
Свирѣпый Левъ, представшій съ гордой силой.

Онъ на меня, казалось, выходилъ
Голодный, злой, съ главою величавой,
И, мнилось, воздухъ въ трепетъ приводилъ.

Онъ шелъ съ Волчицей, тощей и лукавой,
Что, въ худобѣ полна желаній всѣхъ,
Для многихъ въ жизни сей была отравой.

Она являла столько мнѣ помѣхъ,
Что, устрашенъ наружностью суровой,
Терялъ надежду я взойти на верхъ.

И какъ скупецъ, копить всегда готовый,
Когда придетъ утраты страшный часъ,
Грустить и плачетъ съ каждой мыслью новой:

Такъ звѣрь во мнѣ спокойствіе потрясъ
И, идя мнѣ на встрѣчу, гналъ всечасно
Меня въ тотъ край, гдѣ солнца лучъ угасъ.

Пока стремглавъ я падалъ въ мракъ ужасный,
Глазамъ моимъ предсталъ нежданный другъ,
Отъ долгаго молчанія безгласный.

«Помилуй ты меня!» вскричалъ я вдругъ,
Когда узрѣлъ его въ пустынномъ полѣ,
«О, ктобъ ты ни былъ: человѣкъ иль духъ!»

И онъ: «Я духъ, не человѣкъ я болѣ.
Родителей ломбардцевъ я имѣлъ,
Но въ Мантуѣ, рожденныхъ въ бѣдной долѣ.

Sub Julio я поздно свѣтъ узрѣлъ
И въ Римѣ жилъ въ вѣкъ Августовъ счастливый;
Во дни боговъ въ лжевѣрьѣ я коснѣлъ.

Я былъ поэтъ, и мной воспѣтъ правдивый
Анхизовъ сынъ, воздвигшій новый градъ,
Когда сожженъ былъ Иліонъ кичливый.

Но ты зачѣмъ бѣжишь въ сей мракъ назадъ?
Что не спѣшишь на радостныя горы,
Къ началу и причинѣ всѣхъ отрадъ?»

—«О, ты ль Виргилій, тотъ потокъ, который
Рѣкой широкой катитъ волны словъ?»
Я отвѣчалъ, склонивъ стыдливо взоры.

«О дивный свѣтъ, о честь другихъ пѣвцовъ!
Будь благъ ко мнѣ за долгое ученье
И за любовь къ красѣ твоихъ стиховъ.

Ты авторъ мой, наставникъ въ пѣснопѣньѣ;
Ты былъ одинъ, у коего я взялъ
Прекрасный стиль, снискавшій мнѣ хваленье.

Взгляни: вотъ звѣрь, предъ нимъ же я бѣжалъ....
Спаси меня, о мудрый, въ сей долинѣ....
Онъ въ жилахъ, въ сердцѣ кровь мнѣ взволновалъ».

—Держать ты долженъ путь другой отнынѣ»,
Онъ отвѣчалъ, увидѣвъ скорбь мою,
«Коль умереть не хочешь здѣсь въ пустынѣ.

Сей лютый звѣрь, смутившій грудь твою,
Въ пути своемъ другихъ не пропускаетъ,
Но, путь пресѣкши, губитъ всѣхъ въ бою.

И свойствомъ онъ столь вреднымъ обладаетъ,

Что, въ алчности ничѣмъ не утоленъ,
Вслѣдъ за ѣдой еще сильнѣй алкаетъ.

Онъ съ множествомъ животныхъ сопряженъ
И съ многими еще совокупится;
Но близокъ Песъ, предъ кѣмъ издохнетъ онъ.

Не мѣдь съ землей Псу въ пищу обратится,
Но добродѣтель, мудрость и любовь;
Межъ Фельтро и межъ Фельтро Песъ родится.

Италію рабу спасетъ онъ вновь,
Въ честь коей дѣва умерла Камилла,
Турнъ, Эвріалъ и Низъ пролили кровь.

Изъ града въ градъ помчитъ Волчицу сила,
Доколь ее не заключитъ въ аду,
Откуда зависть въ міръ ее пустила.

Такъ вѣрь же мнѣ не къ своему вреду:
Иди за мною; въ область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.

Услышишь скорбь отчаянную, злую;
Сонмъ древнихъ душъ увидишь въ той странѣ,
Вотще зовущихъ смерть себѣ вторую.

Узришь и тѣхъ, которыя въ огнѣ
Живутъ надеждою, что къ эмпирею
Когда-нибудь вознесутся и онѣ.

Но въ эмпирей я ввесть тебя не смѣю:
Тамъ есть душа достойнѣе стократъ;
Я, разлучась, тебя оставлю съ нею:

Зане Монархъ, чью власть, какъ супостатъ,
Я не познавъ, что нынѣ воспрещаетъ
Ввести тебя въ Его священный градъ.

Онъ Царь вездѣ, но тамъ Онъ управляетъ:
Тамъ градъ Его и неприступный свѣтъ;
О, счастливъ тотъ, кто въ градъ Его вступаетъ!»

И я: «Молю я самъ тебя, поэтъ,
Тѣмъ Господомъ, Его жъ ты не прославилъ,—
Да избѣгу и сихъ и горшихъ бѣдъ,—

Веди въ тотъ край, куда ты путь направилъ:
И вознесусь къ вратамъ Петра святымъ,
И тѣхъ узрю, чью скорбь ты мнѣ представилъ».

Здѣсь онъ пошелъ, и я вослѣдъ за нимъ.

в) Графъ Уголино (изъ 33 пѣсни Ада).

...«Ты хочешь, чтобъ я самъ
Раскрылъ ту скорбь, что грудь томитъ какъ бремя,
Лишь вспомню то, о чемъ я передамъ.

Но коль слова мои должны быть сѣмя,
Чтобъ плодъ его злодѣю въ срамъ возникъ—
И рѣчь и плачъ услышишь въ то же время.

Не знаю, кто ты, какъ сюда проникъ;
Но убѣжденъ, что слышу гражданина
Флоренціи: такъ звученъ твой языкъ!

Ты долженъ знать, что графъ я Уголино,
А онъ—архіепископъ Руджіеръ,
И почему сосѣдъ мой: вотъ причина.

Не говорю, какъ въ силу подлыхъ мѣръ
Довѣрчиво я вдался въ обольщенье
И какъ сгубилъ меня онъ, лицемѣръ.

Но, выслушавъ, разсѣй свое сомнѣнье
О томъ, какъ страшно я окончилъ дни,
Потомъ суди: то было ль оскорбленье?

Печальное отверстье западни—
По мнѣ ей имя Башни глада стало:

Погибли въ мукахъ въ ней не мы одни!—

Семь разъ луны рожденье мнѣ являло
Сквозь щель свою, какъ вдругъ зловѣщій сонъ
Съ грядущаго сорвалъ мнѣ покрывало.

Приснилось мнѣ, какъ вождь охоты, онъ
Гналъ волка и волчатъ къ горѣ, которой
Для Пизы видъ на Луккy загражденъ.

Со стаей птицъ, голодной, чуткой, скорой,
Гвалалдъ, Сисмодни и Ланфранкъ неслись
Предъ бѣшенымъ ловцемъ, въ погонѣ скорой.

По малой гонкѣ—мнѣ потомъ приснись—
Отецъ съ дѣтьми попалъ усталый въ сѣти,
И псы клыками въ ребра имъ впились.

Проснулся я и слышу на разсвѣтѣ:
Мучительнымъ встревоженныя сномъ,
Рыдая громко, просятъ хлѣба дѣти.

Жестокъ же ты, когда ужъ мысль о томъ,
Что̀ мнѣ грозило, въ скорбь тебя не вводитъ!
Не плачешь здѣсь,—ты плакалъ ли о комъ?

Ужъ мы проснулись; вотъ и часъ приходитъ,
Когда намъ въ башню приносили хлѣбъ,
Но страшный сонъ въ сомнѣнье всѣхъ приводитъ.

Вдругъ слышу: сверху забиваютъ склепъ
Ужасной башни! Я взглянулъ съ тоскою
Въ лице дѣтей, безмолвенъ и свирѣпъ.

Не плакалъ я, окаменѣвъ душою;
Они жъ рыдали, и Ансельмій мой:
«Что смотришь такъ, отецъ мой? что съ тобою?»

Я не рыдалъ, молчалъ я, какъ нѣмой,
Весь день, всю ночь, доколѣ свѣтъ денницы
Не проблеснулъ на тверди голубой.

Чуть слабый лучъ проникъ во мглу темницы,—
Свое лице, ужасное отъ мукъ,
Я вмигъ узналъ, узрѣвъ ихъ страшны лицы,

И укусилъ я съ горя пальцы рукъ;
Они жъ, мечтавъ, что голода терзанье
Меня томитъ, сказали, вставши вдругъ:

«Отецъ! насыться нами: тѣмъ страданье
Намъ утолишь; одѣвъ дѣтей своихъ
Въ плоть бѣдную, сними съ нихъ одѣянье».

Я горе скрылъ, чтобъ вновь не мучить ихъ;
Два дня молчали мы въ темницѣ мертвой:
Что жъ не разверзлась, мать-земля, въ тотъ мигъ!

Но только день лишь наступилъ четвертый,
Мой Гаддо палъ къ ногамъ моимъ стеня:
«Да помоги жъ, отецъ мой!» и, простертый,

Тутъ умеръ онъ, и какъ ты зришь меня,
Такъ видѣлъ я: всѣ другъ за другомъ вскорѣ
Отъ пятаго и до шестаго дня

Попадали. Ослѣпнувъ, на просторѣ
Бродилъ я три дни, мертвыхъ звалъ дѣтей....
Потомъ.... но голодъ былъ сильнѣй, чѣмъ горе!»

Д. Минъ.

13. НЕИСТОВЫЙ ОРЛАНДЪ.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Вдругъ поднялась тревога,
На улицѣ и крикъ и гвалтъ;
Скажите, ради Бога,
Что тамъ такое? говоритъ
Красавица младая
И въ тотъ же мигъ на шумъ бѣжитъ,
Отвѣтъ предупреждая.

Хозяинъ, дѣти и жена
Со всей огромной дворней,
Кто, помѣстяся у окна,
Кто вонъ, какъ могъ проворнѣй,
Всѣ вверхъ глядятъ, какъ бы слѣдятъ
Комету иль затменье;
И Брадаманта, бросивъ взглядъ,
Чудесное явленье,
Смутясь, открыла: въ вышинѣ,
Почти подъ облаками,
Несется рыцарь—на конѣ
Съ широкими крылами:

И крылья тѣ со всѣхъ сторонъ,
Какъ радуга, сіяли,
А рыцарь самъ вооруженъ
Въ доспѣхахъ чистой стали.
Онъ къ западу полетъ склонилъ
И скрылся за горами.
«Вотъ онъ», хозяинъ говорилъ
Предъ шумными толпами;
«Вотъ тотъ волшебникъ, что всегда
Летаетъ сей страною,
Порою далѣ, иногда
Близехонько къ постою.

То долетаетъ онъ до звѣздъ,
То вьется надъ землею,
И всѣхъ красавицъ здѣшнихъ мѣстъ
Уноситъ вдаль съ собою;
Вотъ почему, денной порой
Явяся къ намъ, прохожій
Не видитъ вовсе ни одной
Здѣсь дѣвушки пригожей:
Боясь встрѣтиться съ волхвомъ
И стать его добычей,
Онѣ съ двора не ходятъ днемъ—
Таковъ у насъ обычай.

На Пиренеяхъ, силой чаръ
Изъ чистой слитый стали,
Есть замокъ: онъ горитъ какъ жаръ,
И въ свѣтѣ не видали
Такого чуда никогда
И не увидятъ вѣрно.
Тамъ чародѣй живетъ; туда
Съ отвагой безпримѣрной
Ходили рыцари гурьбой,
Да тамъ и оставались:
Знать брались въ плѣнъ, вступая въ бой,
Иль смерти предавались».

Прислушавшися къ симъ словамъ,
Красавица младая
Отраднымъ предалась мечтамъ,
Заранѣ помышляя
Волшебнымъ овладѣть кольцомъ,
Взять съ замкомъ чародѣя,
И въ слухъ промолвила потомъ,
Отъ радости краснѣя:
«Когда бъ, хозяинъ, ты послалъ
Проводника со мною
Къ волхву до Пиренейскихъ скалъ!
Какъ жажду я съ нимъ бою!»—

—Ты требуешь проводника?
За нимъ не станетъ дѣло,
Прервалъ Брунель, и вотъ рука!
Я въ путь съ тобою смѣло;
Онъ у меня на чертежѣ;
Есть нѣчто и другое....
И про кольцо почти уже
Сказалъ ей роковое,
Но смолкъ. «Я радъ идти съ тобой!»
Красавица сказала
И между тѣмъ кольцо мечтой
Заранѣе ласкала.

И, на другое рѣчь склоня,
Съ Брунелемъ говорила.
Она немедленно коня
Въ гостинницѣ купила,
Въ которомъ нужда ей была
Для битвъ и для дороги.
И вотъ, едва лишь ночь прошла,
Безъ шума, безъ тревоги,
Она отправилась въ походъ.
Путь шелъ долиной тѣсной;
Вожатый ѣхалъ то впередъ,
То позади прелестной.

Съ холма на холмъ, изъ лѣса въ лѣсъ
 Они переступали
И, Божьихъ зрители чудесъ,
 На Пиренеяхъ стали,
Откуда видишь въ свѣтлый часъ
 Испанію далеко,
И Францію—отраду глазъ,
 И океанъ широкій
Въ безбрежной западной дали,
 И на полудни море.
Оттуда внизъ они сошли,
 Извѣдавъ трудъ и горе.

Внизу долина, а на той
 Долинѣ углубленной
Утесъ крутой, вверху стальной
 Оградой обнесенной.
Крутой утесъ едва небесъ
 Главой не досягаетъ,
И недоступенъ сей утесъ
 Тому, кто не летаетъ.
«Вотъ-гдѣ въ плѣну», Брунель сказалъ,
 «И рыцари и дамы,
Которыхъ силой чаръ забралъ
 Къ себѣ Атлантъ упрямый».

И вотъ утесъ со всѣхъ сторонъ,
 Какъ-будто по отвѣсу,
Обсѣченъ вгладь и вгладь сведенъ;
 Ни лѣстницы къ утесу
И ни уступа не видать
 И никакого слѣду,
И можно лишь на немъ витать
 Орлу—небесъ сосѣду.
Настало время совершить
 Свой замыслъ дѣвѣ грустной;
Пора ей спутника лишить
 Кольца и жизни гнусной.

Но мечъ побѣдный обагрить
 Въ крови неблагородной,—
Но безоружнаго убить
 Для ней неблагородно.
Кольцо ей нужно,—овладѣть
 И безъ того имъ можно;
И въ первый разъ попался въ сѣть
 Бездѣльникъ осторожной:
Она схватила хитреца
 И, что всего несноснѣй,
Лишила силою кольца
 И привязала къ соснѣ.

Онъ проситъ, молитъ, слезы льетъ—
 Она не преклонилась.
И все идетъ впередъ,—и вотъ
 Пришла, остановилась.
Предъ нею замокъ роковой;
 Она, чтобъ чародѣя
Скорѣй изъ замка вызвать въ бой,
 Въ рогъ трубитъ, не робѣя;
И, отразившись объ утесъ,
 Отъ рога гулъ несется
Чрезъ долъ, чрезъ горы, черезъ лѣсъ,
 И въ замкѣ отдается.

И не замедлилъ чародѣй,
 Послышавъ вызовъ къ бою;
Онъ разсѣкаетъ эмпирей
 И горнею стезею,
Заранѣ радуясь войнѣ,
 Въ доспѣхѣ небогатомъ
Несется на своемъ конѣ,
 На бѣгунѣ крылатомъ.
И что же? Брадамантѣ онъ,
 Столь страшный всѣмъ, не страшенъ;
Онъ былъ почти неворуженъ,
 Явяся изъ-за башенъ.

Онъ только щитъ въ рукѣ держалъ,
 Подъ шелковымъ покровомъ,
Да книгу, и ее читалъ;
 И тутъ-то въ блескѣ новомъ
Чудесъ являлся длинный рядъ:
 То, чудилось, средь бою
Онъ грозно заносилъ булатъ
 Надъ вражьей головою;
То булавою, то копьемъ
 Махалъ, разилъ жестоко,
Межъ тѣмъ какъ онъ сидѣлъ тишкомъ
 Отъ поля битвъ далеко.

Но конь не сверхъестественъ,—онъ
 Отъ кобылицы съ грифомъ
Зачатъ, рожденъ и воздоенъ,
 И названъ Гиппогрифомъ.
По переду онъ схожъ съ отцемъ,
 Когтистымъ и крылатымъ;
По заду—это мать, съ хребтомъ
 Крутымъ, съ хвостомъ косматымъ.

Сей родъ ужъ рѣдокъ, и теперь
 Остался позабытымъ;
Живетъ же эта птица-звѣрь
 За моремъ Ледовитымъ.

Оттуда волхвъ его досталъ
 Волшебства силой чудной,
И цѣлый мѣсяцъ объѣзжалъ;
 Окончивъ подвигъ трудной,
Онъ пріучилъ его къ уздѣ,
 И Гиппогрифъ послушной
Летаетъ, рыщетъ съ нимъ вездѣ
 По высотѣ воздушной.
Лишь Гиппогрифъ, одинъ лишь онъ
 Не чародѣйной силой
Атлантовой произведенъ,
 Какъ все другое было.

Другое все—игра одна
 Волшебнаго искусства;
Непостижимая—она
 Обманывала чувства.
Но дочь Амонова кольцемъ
 Разрушила всѣ чары,
И сѣетъ, между тѣмъ, мечемъ
 По воздуху удары;
И конь уже усталъ подъ ней,
 За чародѣемъ рѣя;
Она въ отпоръ быстрѣй, живѣй,
 Какъ завѣщала Фея.

Но вотъ, остановивъ коня,
 На землю прыгъ проворно,
Волхва и тѣша и маня
 Усталостью притворной.
Рѣшившись положить конецъ
 Таинственнымъ ударамъ,
Атлантъ лукавый наконецъ
 Прибѣгъ къ послѣднимъ чарамъ:
Онъ щитъ открылъ,—онъ полагалъ,
 Что свѣтъ его чудесной
Сразилъ врага, что дерзкій палъ
 Съ отвагой неумѣстной.

Онъ могъ бы, выходя на рать,
 Свой щитъ вскрывать сначала,
Чѣмъ долго рыцарей держать;
 Но старца утѣшала
Ихъ суетливость, удаль, нравъ
 И вспыльчивость смѣшная.

Такъ часто кошка, мышь поймавъ,
 И тѣшась и играя,
Бѣдняжку въ лапахъ жметъ, а тамъ,
 Какъ ей играть наскучитъ,
Она изъ лапъ ее—къ зубамъ—
 Да тутъ же и замучитъ.

Бывало, прежде роль мышей
 Всѣ витязи играли,
А волхвъ—роль кошки; прошлыхъ дней
 Потѣхи миновали,
Какъ Брадаманта въ бой съ кольцемъ
 Таинственнымъ предстала.
Она лукаво за волхвомъ
 Лукавымъ наблюдала;
Едва покровъ съ щита слетѣлъ,—
 Она закрыла очи
И пала, будто тяготѣлъ
 На нихъ мракъ долгой ночи.

Не то, чтобъ щитъ ей могъ вредить,
 Огнисты искры сѣя,—
Нѣтъ, ей хотѣлося сманить
 На землю чародѣя;
И эта хитрость удалась,
 Сбылись ея надежды:
Она лишь только улеглась
 И опустила вѣжды,
Какъ, очертя широкій кругъ
 И радостью объятый,
На землю опустился вдругъ
 Атлантовъ конь крылатый.

Атлантъ съ коня, покрытый щитъ
 Оставивъ надъ лукою:
Атлантъ къ красавицѣ спѣшитъ
 Дрожащею стопою;
Она, какъ волкъ ягненка, ждетъ
 Украдкой лиходѣя.
Онъ подошелъ: она встаетъ
 И сжала чародѣя.
Несчастный книгу позабылъ
 На этотъ разъ далече,
А ею-то онъ и творилъ
 Всѣ чудеса на сѣчѣ.

Заблаговременно слѣпой
 Предавшися надеждѣ,
Онъ цѣпь было принесъ съ собой,
 Какъ живалось прежде:

Съ холма на холмъ, изъ лѣса въ лѣсъ
Они переступали
И, Божьихъ зрители чудесъ,
На Пиренеяхъ стали,
Откуда видишь въ свѣтлый часъ
Испанію далеко,
И Францію—отраду глазъ,
И океанъ широкій
Въ безбрежной западной дали,
И на полудни море.
Оттуда внизъ они сошли,
Извѣдавъ трудъ и горе.

Внизу долина, а на той
Долинѣ углубленной
Утесъ крутой, вверху стальной
Оградой обнесенной.
Крутой утесъ едва небесъ
Главой не досягаетъ,
И недоступенъ сей утесъ
Тому, кто не летаетъ.
«Вотъ-гдѣ въ плѣну», Брунель сказалъ,
«И рыцари и дамы,
Которыхъ силой чаръ забралъ
Къ себѣ Атлантъ упрямый».

И вотъ утесъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ-будто по отвѣсу,
Обсѣченъ вгладь и вгладь сведенъ;
Ни лѣстницы къ утесу
И ни уступа не видать
И никакого слѣду,
И можно лишь на немъ витать
Орлу—небесъ сосѣду.
Настало время совершить
Свой замыслъ дѣвѣ грустной;
Пора ей спутника лишить
Кольца и жизни гнусной.

Но мечъ побѣдный обагрить
Въ крови неблагородной,—
Но безоружнаго убить
Для ней неблагородно.
Кольцо ей нужно,—овладѣть
И безъ того имъ можно;
И въ первый разъ попался въ сѣть
Бездѣльникъ осторожной:
Она схватила хитреца
И, что всего несноснѣй,
Лишила силою кольца
И привязала къ соснѣ.

Онъ проситъ, молитъ, слезы льетъ—
Она не преклонилась.
И все идетъ впередъ,—и вотъ
Пришла, остановилась.
Предъ нею замокъ роковой;
Она, чтобъ чародѣя
Скорѣй изъ замка вызвать въ бой,
Въ рогъ трубитъ, не робѣя;
И, отразившись объ утесъ,
Отъ рога гулъ несется
Чрезъ долъ, чрезъ горы, черезъ лѣсъ,
И въ замкѣ отдается.

И не замедлилъ чародѣй,
Послышавъ вызовъ къ бою;
Онъ разсѣкаетъ эмпирей
И горнею стезею,
Заранѣ радуясь войнѣ,
Въ доспѣхѣ небогатомъ
Несется на своемъ конѣ,
На бѣгунѣ крылатомъ.
И что же? Брадамантѣ онъ,
Столь страшный всѣмъ, не страшенъ;
Онъ былъ почти неворуженъ,
Явяся изъ-за башенъ.

Онъ только щитъ въ рукѣ держалъ,
Подъ шелковымъ покровомъ,
Да книгу, и ее читалъ;
И тутъ-то въ блескѣ новомъ
Чудесъ являлся длинный рядъ:
То, чудилось, средь бою
Онъ грозно заносилъ булатъ
Надъ вражьей головою;
То булавою, то копьемъ
Махалъ, разилъ жестоко,
Межъ тѣмъ какъ онъ сидѣлъ тишкомъ
Отъ поля битвъ далеко.

Но конь не сверхъестественъ,—онъ
Отъ кобылицы съ грифомъ
Зачатъ, рожденъ и воздоенъ,
И названъ Гиппогрифомъ.
По переду онъ схожъ съ отцемъ,
Когтистымъ и крылатымъ:
По заду—это мать, съ хребтомъ
Крутымъ, съ хвостомъ косматымъ.

Сей родъ ужъ рѣдокъ, и теперь
Остался позабытымъ;
Живетъ же эта птица-звѣрь
За моремъ Ледовитымъ.

Оттуда волхвъ его досталъ
Волшебства силой чудной,
И цѣлый мѣсяцъ объѣзжалъ;
Окончивъ подвигъ трудной,
Онъ пріучилъ его къ уздѣ,
И Гиппогрифъ послушной
Летаетъ, рыщетъ съ нимъ вездѣ
По высотѣ воздушной.
Лишь Гиппогрифъ, одинъ лишь онъ
Не чародѣйной силой
Атлантовой произведенъ,
Какъ все другое было.

Другое все—игра одна
Волшебнаго искусства;
Непостижимая—она
Обманывала чувства.
Но дочь Амонова кольцемъ
Разрушила всѣ чары,
И сѣетъ, между тѣмъ, мечемъ
По воздуху удары;
И конь уже усталъ подъ ней,
За чародѣемъ рѣя;
Она въ отпоръ быстрѣй, живѣй,
Какъ завѣщала Фея.

Но вотъ, остановивъ коня,
На землю прыгъ проворно,
Волхва и тѣша и маня
Усталостью притворной.
Рѣшившись положить конецъ
Таинственнымъ ударамъ,
Атлантъ лукавый наконецъ
Прибѣгъ къ послѣднимъ чарамъ:
Онъ щитъ открылъ,—онъ полагалъ,
Что свѣтъ его чудесной
Сразилъ врага, что дерзкій палъ
Съ отвагой неумѣстной.

Онъ могъ бы, выходя на рать,
Свой щитъ вскрывать сначала,
Чѣмъ долго рыцарей держать;
Но старца утѣшала
Ихъ суетливость, удаль, нравъ
И вспыльчивость смѣшная.

Такъ часто кошка, мышь поймавъ,
И тѣшась и играя,
Бѣдняжку въ лапахъ жметъ, а тамъ,
Какъ ей играть наскучитъ,
Она изъ лапъ ее—къ зубамъ—
Да тутъ же и замучитъ.

Бывало, прежде роль мышей
Всѣ витязи играли,
А волхвъ—роль кошки; прошлыхъ дней
Потѣхи миновали,
Какъ Брадаманта въ бой съ кольцемъ
Таинственнымъ предстала.
Она лукаво за волхвомъ
Лукавымъ наблюдала;
Едва покровъ съ щита слетѣлъ,—
Она закрыла очи
И пала, будто тяготѣлъ
На нихъ мракъ долгой ночи.

Не то, чтобъ щитъ ей могъ вредить,
Огнисты искры сѣя,—
Нѣтъ, ей хотѣлося сманить
На землю чародѣя:
И эта хитрость удалась,
Сбылись ея надежды:
Она лишь только улеглась
И опустила вѣжды,
Какъ, очертя широкій кругъ
И радостью объятый,
На землю опустился вдругъ
Атлантовъ конь крылатый.

Атлантъ съ коня, покрытый щитъ
Оставивъ надъ лукою;
Атлантъ къ красавицѣ спѣшитъ
Дрожащею стопою;
Она, какъ волкъ ягненка, ждетъ
Украдкой лиходѣя.
Онъ подошелъ: она встаетъ
И сжала чародѣя.
Несчастный книгу позабылъ
На этотъ разъ далече,
А ею-то онъ и творилъ
Всѣ чудеса на сѣчѣ.

Заблаговременно слѣпой
Предавшися надеждѣ,
Онъ цѣпь было принесъ съ собой,
Какъ важивалось прежде:

Онъ прежде цѣпи налагалъ
На плѣнниковъ несчастныхъ;
Теперь самъ плѣнникомъ онъ сталъ
Въ часы надеждъ напрасныхъ.
Я не дивлюсь, что онъ отъ ней
Не сталъ обороняться:
Не старику подъ вечеръ дней
Съ могучею сражаться.

И голову уже она
Отнесть ему хотѣла,
Но вдругъ рука опущена—
И месть охолодѣла;
Постыдной мести не могла
Предаться Брадаманта.
Всмотрѣвшися въ черты чела
Печальнаго Атланта,
Она смутилася: онъ сѣдъ,
Морщинамъ нѣтъ и счету,
Ему подъ семьдесятъ ужъ лѣтъ,
Онъ жить терялъ охоту.

«Убей меня, скорѣй убей!»
Волшебникъ, негодуя
И задыхаясь, молвилъ ей:
«Чужой ужъ вѣкъ живу я».
Но дѣва ратная совсѣмъ
О томъ не помышляла
И, любопытствуя, межъ тѣмъ
Подробно знать желала,
Зачѣмъ построилъ замокъ онъ
Въ странѣ пустынной, дальной,
Зачѣмъ людей беретъ въ полонъ
Въ окрестности печальной.

«Знай», отвѣчалъ ей чародѣй,
Залившися слезами,
«Что я построилъ замокъ сей
Межъ дикими скалами
Не изъ желанья зла другимъ,
Не изъ корысти гнусной—
Нѣтъ! знаньемъ я открылъ моимъ
Конецъ героя грустной...
Онъ мой питомецъ... Онъ законъ
Оставилъ Магометовъ
И на погибель обреченъ
Отъ вражескихъ навѣтовъ...

Нѣтъ лучше юноши на всей
Подсолнечной планетѣ;
Рожеръ—прелестный рыцарь сей—
Рожеръ мнѣ все на свѣтѣ;
Его отъ колыбельныхъ дней
Лелѣялъ я какъ сына;
Желанье пылкое честей
И грозная судьбина
Его за Аграматномъ вслѣдъ
Во Францію умчали:
Его хочу спасти отъ бѣдъ,
Увесть изъ чуждой дали.

Въ семъ мѣстѣ замокъ для того
Построилъ я прекрасный,
Чтобы любимца своего
Укрыть въ немъ безопасно;
Я завладѣлъ имъ, какъ тобой
Мнѣ завладѣть желалось,
А послѣ уводить съ собой
Мнѣ въ замокъ удавалось
Прелестныхъ рыцарей и дамъ,
Чтобъ юному герою
Ни разу не сгрустнулось тамъ
Съ веселою толпою.

У нихъ одной свободы нѣтъ—
Уйти имъ не позволю,
А прочихъ благъ, которыхъ свѣтъ
Такъ жаждетъ—въ волю;
Чего ни захотятъ—все есть:
Наряды, пляски, пѣнье.
Въ пирахъ есть что попить, поѣсть;
Все нѣжитъ слухъ и зрѣнье.
Я начиналъ уже плоды
Сбирать моей заботы,
Но ты пришелъ—и въ прахъ труды,
И въ прахъ мои расчеты!

Черты прекраснаго лица
Есть знакъ души прекрасной,
Какъ у тебя,—и за птенца
Молю я не напрасно.
Возьми мой щитъ, передъ тобой
И этотъ конь воздушный,
Возьми двухъ-трехъ друзей съ собой,
Герой великодушный,
Возьми ихъ всѣхъ до одного—
Все забери съ собою,
Но не Рожера моего:
Его оставь со мною.

Но если силой у меня
  Рожера взять рѣшишься,
Молю, и плача и стеня,
  Пока не возвратишься
Во Францію, освободить
  Мой духъ отъ плоти хилой».
— Рожера-то и возвратить
  Хочу свободѣ милой,—
Она въ отвѣтъ: мольбы твои—
  Все вздоръ; плачь, сколько хочешь...
А конь и щитъ и такъ мои,
  Ты о пустомъ хлопочешь.

Они мои по праву сѣчъ,
  Ты въ нихъ не властенъ болѣ;
Странна мнѣ о размѣнѣ рѣчь,—
  Ты самъ теперь въ неволѣ...
Ты говоришь: тебѣ твоей
  Наукою открыто,
Что близокъ къ гибели своей
  Рожеръ мой знаменитой;
Ты предузналъ чужой конецъ;
  А что тебѣ грозило,
Не предузналъ?... Ты лжецъ и лжецъ,
  Какихъ немного было.

Не умоляй о смерти, нѣтъ!
  Напрасное моленье!
Когда жъ покинуть хочешь свѣтъ,
  И жизнь тебѣ—мученье:
Самъ, мужествомъ вооружась,
  Сбрось грустной жизни бремя...
Пока не наступилъ твой часъ,
  Зачѣмъ терять намъ время?
Скорѣе плѣнниковъ спасемъ
  Отъ пышной ихъ темницы,—
Сказала, и впередъ съ волхвомъ,
  Опутаннымъ въ плѣницы.

Атлантъ въ своихъ цѣпяхъ за ней
  Идетъ, и Брадаманта
Ни на мгновеніе очей
  Не хочетъ свесть съ Атланта,
Какъ онъ тогда ни присмирѣлъ
  Отъ тягостной печали.
Идутъ: вотъ ихъ пути предѣлъ;
  Вотъ подъ утесомъ стали,
Какъ бы нежданно очутясь
  Предъ тѣсною калиткой;

Утесомъ лѣстница вилась
  И къ замку шла улиткой.

Атлантъ съ порога камень снялъ,
  Весь въ письменахъ, символахъ;
Подъ нимъ фіаловъ рядъ стоялъ;
  Надъ ними дымъ, какъ пологъ,
Висѣлъ, едва струясь, и въ нихъ
  Таился пламень алой.
Атлантъ ихъ въ дребезги—и въ мигъ
  Все степью дикой стало:
Сокрылся отъ очей утесъ,
  Нѣтъ болѣ грозныхъ башенъ,
И замокъ блещущій исчезъ,
  Что былъ для многихъ страшенъ.

И чародѣй изъ подъ цѣпей
  Въ то жъ время ускользаетъ:
Такъ часто муха изъ сѣтей
  Арахны улетаетъ.
Исчезло все, подобно снамъ,
  И вотъ предъ дѣвой бранной
Толпы и рыцарей и дамъ
  Надъ чистою поляной;
И всѣ свободны, но не всѣхъ
  Свобода обольщала:
Она обманчивыхъ утѣхъ
  Невольниковъ лишала.

С. Раичъ.

14. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

ОЧАРОВАННЫЙ ЛѢСЪ (пѣснь 13).

Вблизи раскинутыхъ шатровъ,
  Въ долинѣ углубленной
Былъ лѣсъ—воспитанникъ вѣковъ,
  Природѣ современной.
Надъ нимъ лежала вѣчно тѣнь
  Угрюмая, густая;
Ея не разгонялъ и день,
  Съ среды небесъ сіяя.
Такъ, съ утреннею мглой сліянъ
  Или съ вечерней мглою,
Лежитъ задумчивый туманъ
  Надъ дремлющей землею.

Когда жъ послѣдній солнца свѣтъ
Гасъ на вершинѣ лѣса,—
Лѣсъ ужасами былъ одѣтъ
И мраками Аидеса;
Склоненный взоръ къ нему темнѣлъ,
И сердце леденѣло;
Тамъ пастырь стадъ пасти не смѣлъ,
Тамъ волъ дрожалъ дебелой,
И путникъ мимо пробѣгалъ,
Собравъ остатокъ силы,
И трепетнымъ перстомъ казалъ
Другимъ на лѣсъ унылый.

Туда въ ночи на облакахъ
Волшебницы слетались
Съ любовниками на рукахъ;
Тамъ браки ихъ свершались;
Тамъ слышенъ былъ и шумъ пировъ
И шумъ веселыхъ оргій;
Тамъ развращенная любовь
Вливала ядъ въ восторги;
Тамъ дѣти ада средь забавъ
Природу унижали;
Тамъ, виды разные пріявъ,
Совѣтъ они держали.

Изъ жителей сосѣднихъ селъ
Никто въ лѣсу угрюмомъ
Ни вѣтки отрубить не смѣлъ,
Ни сна встревожить шумомъ.
Но страхъ носившая молва
Годфредовой дружины
Не устрашила,—и древа
Съ корней сошли въ махины.
Тогда въ полуночи глухой
Исменъ, проникнувъ мраки,
Обводитъ кругъ въ тѣни густой
И пишетъ тайны знаки.

Сандаліи и поясъ снявъ,
Онъ—за черту пятою,
И, волхвованья прошептавъ,
Три раза за чертою
Склонялся къ западу челомъ,
Три раза въ край востока:
Три раза потрясалъ жезломъ:
Сей жезлъ, властитель рока,
Сзывалъ усопшихъ изъ могилъ,—
И трижды въ лѣсѣ дикомъ
Стопою землю поразилъ
Съ необычайнымъ крикомъ.

«Внимать, внимать словамъ моимъ!
Вы, сверженные въ бездны
Перуномъ неба огневымъ;
И вы, подъ своды звѣздны
Взвѣвающіе вихрь, и градъ,
И дождь, и молній стрѣлы;
И вы, которымъ царство—адъ,
Казнь грѣшныхъ—пиръ веселый;
И ты, властитель сихъ духовъ,
Монархъ угрюмый ада,
Всѣ, всѣ на мой стекитесь зовъ,
Всѣ вѣчныхъ мраковъ чада!

«Вотъ лѣсъ! нѣтъ древъ несчетныхъ въ немъ;
На стражу къ нимъ толпами!
Какъ духъ съ живымъ слитъ существомъ,
Такъ слейтесь вы съ древами!
И кто дерзнетъ изъ христіанъ
Съ сѣкирой стать предъ древомъ,—
Да будетъ страхомъ обуянъ
И прогнанъ вашимъ гнѣвомъ!»
И много страшнаго изрекъ,
Что внутренность тревожитъ,
Чего неизвергъ человѣкъ
И повторить не можетъ.

Луна сокрылась въ облакахъ,
Послышавъ гласъ ужасный,
И, вздрогнувъ въ дальнихъ высотахъ,
Померкли звѣзды ясны,
И всколебался неба сводъ,
А духи не бывали.
И снова ихъ Исменъ зоветъ:
«Скорѣй, сыны печали,
Скорѣй на мой стекитесь зовъ!
Гдѣ держитъ васъ измѣна?
Или грознѣе прежнихъ словъ
Вы ждете отъ Исмена?

«Еще не позабыто мной
Искусство заклинаній;
Еще языкъ кровавый мой
Предъ чадами страданій
Умѣетъ Имя произнесть,
Предъ Коимъ встрепенется
И адъ, и все, что въ адѣ есть,

И царь вашъ ужаснется.
Что если.... если....» И готовъ
Ужъ былъ сказать онъ слово,
Но умолчалъ: полки духовъ
Познали гласъ суровый.

Они изъ водъ, изъ-подъ небесъ,
Изъ безднъ, объятыхъ мглою,
Изъ ада налетѣли въ лѣсъ
Безчисленною тьмою.
Еще ихъ черныя сердца
Дрожали отъ прещенья
Не быть и не казать лица
Предъ строемъ ополченья;
Но входа имъ въ дремучій лѣсъ—
Въ таинственныя сѣни—
Не заповѣдалъ царь небесъ,
Не налагалъ прещеній.

Восторженный успѣхомъ чаръ,
Исменъ предсталъ предъ трономъ:
«Спокойся! отстраненъ ударъ,
Висѣвшій надъ Сіономъ,
И твой престолъ неколебимъ»,
Сказалъ онъ Аладину.
«Мы скоро, скоро посрамимъ
Годфредову дружину;
Ужъ не воздвигнутся врагомъ
Бойницы—ужасъ града!»
И разсказалъ передъ царемъ
О заклинаньѣ ада.

«Узнай, счастливый государь,
Судьба къ намъ благосклонна»,
Прибавилъ онъ: «немного зарь
Проглянетъ съ небосклона—
И Солнце съ Марсомъ въ знакѣ Льва
Небеснаго сойдется,
И зной отъ нихъ на дерева,
На воды разольется,
И вѣтръ прохладный на поля
Поблеклы не повѣетъ,
И не дождется росъ земля,
И въ знойѣ смерть созрѣетъ.

«Жары налягутъ на Сіонъ,
Какихъ не знаютъ лѣтомъ
Ни Гарамантъ, ни Назамонъ;
Намъ будетъ подъ наметомъ,
Въ тѣни деревъ и при водѣ
Убѣжище отъ зноя,—
Пришельцамъ отъ него нигдѣ
Прохлады и покоя;
Межъ тѣмъ на изнуренный станъ
Бѣда другая грянетъ:
Нахлынутъ рати египтянъ,
И вражьихъ силъ не станетъ.

«Спокойный зритель чуждыхъ бѣдъ,
Не ополчаясь къ бою,
Ты лавры соберешь побѣдъ
Безкровною рукою.
Захочетъ ли тебя склонить
На брань Черкесъ кичливый,—
Умѣй совѣтами смирить
Души его порывы.
На что опасностямъ войны
Ввѣряться дерзновенно?
Безъ нихъ мы скоро тишины
Дождемся вожделѣнной».

Исменъ умолкъ, и Аладинъ,
Утѣшенный сей вѣстью,
Уже не трепеталъ дружинъ,
Пришедшихъ къ граду съ местью;
Но въ дни надеждъ еще не спитъ
Въ душѣ его забота:
У поврежденныхъ стѣнъ кипитъ
И день и ночь работа;
Разнесся кличъ съ конца въ конецъ —
И рабъ полъ-изможденный,
И житель града, и пришлецъ
Стеклись къ трудамъ на стѣны.

Годфредъ, въ то время на враговъ
Замысливъ вновь осаду,
Горѣлъ желаньемъ—башню вновь
Создать и двинуть къ граду;
И, вѣрный помысламъ, онъ въ лѣсъ
Нарочныхъ посылаетъ.
Заря взошла на край небесъ,
И бодро въ путь вступаетъ
Рой посланныхъ; но къ лѣсу шагъ —
И, чуждый прежде смѣлыхъ,
Мгновенно распростерся страхъ
Въ сердцахъ оледенѣлыхъ.

Невинное дитя порой
Боится привидѣній,
И съ трепетомъ во мглѣ ночной

*

Какихъ-то ждетъ явленій;
Послышавъ шумъ, оно дохнуть
И глазъ открыть не смѣетъ:
Такъ посланныхъ толпа взглянуть
На темный лѣсъ робѣетъ;
Остановилась, и предъ ней
Въ сей мигъ оцѣпенѣнья
И Сфинксовъ и Химеръ страшнѣй
Роятся привидѣнья.

И, страха свѣжаго полна,
Обратными стопами
Въ нетерпѣливый станъ она
Пришла, и предъ полками—
Съ горящимъ на лицѣ стыдомъ,
Съ смущеніемъ печали—
Пересказала обо всемъ,
И вѣры ей не дали.
Годфредъ прибавилъ къ ней отрядъ
Дружины въ сѣчахъ смѣлой,
И ободренные—назадъ
Въ дремучій лѣсъ на дѣло.

И приближались ужъ къ мѣстамъ—
Къ жилищу привидѣній.
Но лишь представились очамъ
Деревъ густыя сѣни,—
И страхъ сердца оледенилъ,
И лица поблѣднѣли;
Они, собравъ остатокъ силъ,
Идутъ полмертвы къ цѣли;
И мнимой смѣлости лежитъ
На челахъ ихъ завѣса;
Идутъ, сжавъ въ сердцѣ страхъ и стыдъ,
И были ужъ у лѣса.

Вдругъ гулъ глухой изъ-за деревъ,
Какъ гулъ землетрясенья,
Какъ вѣтровъ вой, какъ моря ревъ
Въ часъ бурнаго волненья,
Иль стонъ, раждаемый волной,
Утесомъ раздробленной...
Казалося, слились въ одно:
Ревъ львицы раздраженной,
Шипѣнье змій и вой волковъ,
И трубны звуки рѣзки,
И разгромившихся громовъ
Грохочущіе трески.

И блѣдный страхъ въ живыхъ чертахъ
На лицахъ ихъ разлился;
Спитъ мысль о власти въ ихъ душахъ,
И разумъ омрачился;
Никто отважиться не смѣлъ
На явные отпоры:
Бѣгутъ—и градомъ потъ съ ихъ челъ,
Къ землѣ приникли взоры.
Одинъ изъ нихъ къ вождю предсталъ
Дрожащею стопою,
И оробѣвшихъ извинялъ,
И говорилъ герою:

«Нѣтъ, государь, никто изъ насъ
Не смѣетъ похвалиться,
Что въ лѣсъ пойдетъ и въ срочный часъ
Съ побѣдой возвратится;
Туда слетѣлись духи тьмой,
Тамъ адская защита;
И грудь того тройной броней
Алмазною покрыта,
Кто хладный взоръ дерзнетъ возвесть
На лѣсъ, тьмой силъ стрегомый;
Въ томъ чувства нѣтъ, кто можетъ снесть
И вой, и свистъ, и громы».

Въ толпѣ внимавшихъ рѣчи сей
Алькастъ стоялъ надменный,
Презритель смертныхъ и смертей,
Безумно-дерзновенный,
Который стан гидръ видалъ
Съ спокойствіемъ во взорѣ,
Котораго не устрашалъ
Ни валъ девятый въ морѣ,
Ни громъ, гремящій надъ главой
На рдяномъ неба сводѣ,
Ни лавы, льющися рѣкой,
Ничто во всей природѣ.

«Я, я!» съ улыбкой онъ сказалъ,
«Иду, куда сей воинъ
Стопой коснуться не дерзалъ;
Одинъ Алькастъ достоинъ
Свершить недовершенный трудъ,
Встревожить спящи тѣни,
Гдѣ духи адскіе живутъ
И стаи привидѣній.
Нѣтъ, голосъ птицъ и шорохъ древъ
Алькаста не встревожитъ;
И разступившійся эревъ
Смутить меня не можетъ».

Алькастъ сказалъ—и въ путь идетъ
Съ согласія Годфреда.
Уже и лѣсъ предъ нимъ встаетъ,
Уже близка побѣда;
Онъ слышалъ страшный ревъ и вой,
И сердцемъ не смущался,
И далѣ смѣлою стопой,
И чащи ужъ касался;
И близокъ былъ уже предѣлъ
Земли обвороженной,
И.... вдругъ изъ лѣса налетѣлъ
Пожаръ волной сгущенной.

Алькастъ глядитъ—пожаръ растетъ
И, дымъ клубя грядою,
Отъ низу до верху встаетъ
Разжженною стѣною;
И скоро лѣсъ въ огнѣ былъ весь,
И доступу нѣтъ къ сѣни.
Алькастъ глядитъ—и тамъ и здѣсь
Тьма тьмою привидѣній:
Такъ крѣпостей и замковъ рядъ;
Здѣсь башни и раскаты;
Тамъ битвъ орудія стоятъ,
Рѣкой огней объяты.

Какихъ чудовищъ видитъ онъ
Между зубцами башенъ!
Какъ слуху хохотъ, крикъ и стонъ,
Какъ взору видъ ихъ страшенъ!
Они въ глаза ему глядятъ,
Оружьемъ потрясая:
И взоръ онъ обратилъ назадъ,
Отъ лѣсу отступая.
Алькастъ бѣжитъ, не торопясь,
Какъ волкъ отъ ловчихъ смѣлой;
Но все бѣжитъ, и въ первый разъ
Въ немъ сердце оробѣло.

И долго вѣрить не хотѣлъ,
И долго сомнѣвался,
Что страхъ душой его владѣлъ;
Опомнясь, онъ терзался
И недоволенъ былъ собой,
И мучился досадой,
Бродя одинъ съ своей тоской
У ставокъ за оградой.
Онъ прежде смѣлостью своей
Въ рядахъ дружинъ гордился;
Теперь, прискорбный, на людей,
На свѣтъ глядѣть стыдился.

Къ Годфреду званный много разъ,
Онъ медлилъ, извинялся;
Но наступилъ урочный часъ—
Онъ шелъ и колебался,
Онъ шелъ, потупивъ въ землю взоръ,
Стопы его дрожали;
Печаль и темный разговоръ
Годфреду все сказали.
«Что думать остается намъ?
Мечтанья ли крылаты,
Иль чудеса природы тамъ?»
Сказалъ дружинъ вожатый.

«Я всѣмъ даю на произволъ
Свершить благое дѣло;
Кто бъ, рыцари, изъ васъ пошелъ
Съ рѣшимостію смѣлой?
Кто бъ вѣсть мнѣ вѣрную принесъ
И сладкую отраду?»
И смѣлые изъ стана въ лѣсъ
Ходили три дни сряду,
И покушались всякій разъ
Проникнуть въ мрачны сѣни;
Но къ лѣсу шагъ, и въ тотъ же часъ
Бѣгутъ отъ привидѣній.

Танкредъ послѣдній долгъ отдалъ
Своей Клориндѣ милой;
И все еще по ней страдалъ,
И не собрался съ силой;
Едва онъ могъ носить шеломъ,
Броню и мечъ тяжелой.
Но честь зоветъ, и сердце въ немъ
Отвагой закипѣло.
Танкредъ, душевныхъ полный силъ
И думы, славой льстящей,
Тѣлесну силу ощутилъ
И—въ путь къ волшебной чащѣ.

Безмолвно, тихою стопой,
На ясную опасность
Идетъ,—въ душѣ его покой,
Въ отверстомъ взорѣ ясность.
Уже и лѣсъ очамъ предсталъ,
А онъ не ужасался;
Уже и громъ загрохоталъ,
И долъ поколебался,
И—вздрогнулъ нехотя герой.
Опомнясь, снова къ цѣли:

Идетъ, глядитъ,—и вдругъ стѣной
  Пожары лѣсъ одѣли.

И, шагъ назадъ, Танкредъ стоитъ
  И думаетъ съ собою:
«Что можетъ здѣсь мой мечъ и щитъ?
  Погибель предо мною;
Ужель довѣриться мнѣ ей,
  Ужель огнямъ отдаться?
Я жизни не щажу моей,
  Я съ ней готовъ разстаться,
Гдѣ долгъ велитъ мнѣ защищать
  И честь и многихъ благо:
Танкредъ умѣетъ различать
  Геройскій духъ съ отвагой.

«Но какъ въ шатры ни съ чѣмъ придти?
  Что скажутъ о Танкредѣ?
И гдѣ намъ лѣсъ другой найти?...
  Годфредъ въ пути къ побѣдѣ
Препонамъ врагъ.... когда жъ другой
  Смѣлѣй меня найдется?...
Быть можетъ, сей пожаръ густой
  Огнемъ безвреднымъ льется,
Быть можетъ онъ игра лишь чаръ;
  Рѣшусь и путь открою!»
Сказалъ—и ринулся въ пожаръ
  Безтрепетной душою.

И онъ ужъ тамъ, и не палитъ
  Пожаръ его кипящій;
И онъ не знаетъ, что сей видъ,
  Что этотъ пламень чащи;
И онъ опомниться не могъ
  И вѣры дать видѣнью.
Пожаръ исчезъ—и снѣгъ возлегъ,
  И мракъ густой надъ сѣнью;
Но лишь минута протекла—
  И лѣсъ разоблачился,
Разсѣялась густая тьма
  И съ нею снѣгъ сокрылся.

Дивился рыцарь молодой,
  Но сердцемъ не смущался;
Онъ твердою ступалъ ногой,
  Онъ въ чащу углублялся
И взоромъ тайны вопрошалъ
  Обвороженной сѣни.
Все тихо, рыцарь не встрѣчалъ
  Ни чудъ, ни привидѣній,
И не было ему преградъ;
  И только лишь порою
Нависшихъ древъ широкій рядъ
  Путь заграждалъ герою.

Онъ далѣ, и предсталъ очамъ
  Полкругомъ долъ широкій:
Ни деревца не видно тамъ;
  Лишь кипарисъ высокій,
Какъ пирамида, возставалъ
  Въ срединѣ дола гордо.
Танкредъ къ нему, все озиралъ.
  И надъ корою твердой
Увидѣлъ тайны письмена,
  Какими предавали
Въ Египтѣ въ древни времена
  Завѣтну мысль скрижали.

Межъ сихъ невѣдомыхъ письменъ
  И тайнаго гаданья
Прочелъ сирійскихъ онъ племенъ
  Знакомы начертанья:
«О ты, вступившій въ смертный долъ,
  О дерзостный воитель!
Зачѣмъ ты возмущать пришелъ
  Почіющихъ обитель?
И такъ мы свѣта лишены....
  О, сжалься же надъ нами!
Герой, живые не должны
  Весть брани съ мертвецами.»

Еще Танкредъ не отгадалъ,
  Что крылось подъ словами;
Еще онъ, полный думъ, стоялъ,
  И слышитъ межъ листами
Дыханье вѣтра пронеслось,
  И листья зашептали,
Какъ-будто кто-то тамъ сквозь слезъ
  Навѣялъ вздохъ печали;
И звуковъ скорбь переплылась
  Въ отверстый слухъ героя;
И въ сердцѣ жалость отдалась;
  Оно чуть бьется, ноя.

Но чувства скорби унялись;
  Онъ мечъ тяжеловѣсной
Поднялъ, ударилъ въ кипарисъ
  И—зрѣлище чудесно!—
Изъ древа кровь бѣжитъ ручьемъ
  И землю обагряетъ.

Танкредъ содрогся, но мечемъ
Удары удвояетъ,
Рѣшившись съ тайны снять покровъ;
И слышитъ стонъ унылый,
Какъ-будто голосъ мертвецовъ,
Исшедшій изъ могилы.

И слышитъ жалобную рѣчь:
«Остановись, жестокій!
Я пала разъ, твой острый мечъ
Мнѣ раны далъ глубоки.
Давно ли духъ отъ тѣла мой
Ты отлучилъ, воитель?
Зачѣмъ же дерево—судьбой
Мнѣ данную обитель—
Мучитель, хочешь сокрушить?
Ужели въ мстящей злобѣ
Не дашь покойно опочить
Врагамъ твоимъ и въ гробѣ?

Клоринда прежде я была,
И въ этомъ лѣсѣ дикомъ
Я пристань не одна нашла:
Здѣсь въ множествѣ великомъ
Твои, мои враги живутъ—
Всѣ, павши у Солима;
Насъ сила приковала тутъ
Къ древамъ непостижима,
И въ эти вѣтви и листы
Проникъ духъ жизни новой.
Брось мечъ, когда не хочешь ты
Убійцей быть, суровый».

Больной, увидѣвшій во снѣ
Дракона иль Химеру
Въ разлившемся кругомъ огнѣ,
Не полну дастъ имъ вѣру;
Но, вполовину убѣжденъ
Въ обманѣ сихъ явленій,
Все силится, все хочетъ онъ
Бѣжать отъ привидѣній,
И призраки его страшатъ—
Рожденье сновъ и ночи:
Такъ рыцарь страхомъ былъ объятъ,
Блуждая смутно очи.

И мысль одна другой мрачнѣй
Въ душѣ его тѣснилась,
И ужасъ распростерся въ ней;
Длань тихо опустилась,
Мечъ выпалъ; скорбь смѣнила страхъ;
Представилась Танкреду
Клоринда грустная, въ слезахъ,
Съ упрекомъ за побѣду,
За смерть.... и видѣть онъ не могъ
Потоковъ крови алой;
И скорбь взрывалъ въ немъ каждый вздохъ,
И сердце замирало.

Такъ безбоязненный герой—
И смерть спокойнымъ окомъ
Не разъ видавшій предъ собой
Въ мечахъ, въ бою жестокомъ,—
Затрепеталъ отъ мнимыхъ слезъ,
Отъ вздоховъ милой тѣни.
Межъ тѣмъ всталъ вѣтеръ и унесъ
Булатъ его изъ сѣни.
Печальный, онъ идетъ назадъ,
Оставилъ лѣсъ дремучій,
И видитъ—на пути булатъ
Лежитъ его могучій.

Танкредъ идти обратно въ лѣсъ
Волшебный не рѣшился,
Не смѣлъ покрова снять съ чудесъ
И въ ставки возвратился.
Собравшись съ духомъ говорилъ
Передъ вожатымъ брани:
«Ты слышалъ вѣрну вѣсть; я былъ
Въ лѣсу очарованій;
Я видѣлъ все, все испыталъ,
И не смущался духомъ;
И шуму страшному внималъ
Не оробѣвшимъ слухомъ.

«Я къ лѣсу шагъ—и предо мной
Пожаръ, крутясь клубами,
Возросъ, расширился стѣной,
И, вижу, межъ огнями
Чудовищъ возстаютъ толпы
На охраненье сѣни.
Я все презрѣлъ—и въ лѣсъ стопы:
Стихъ огонь и нѣтъ видѣній.
Я далѣ въ лѣсъ: на лѣсъ легла
Зима со мглою ночи;
Еще—и разступилась мгла,
И свѣтъ узрѣли очи.

«Повѣришь ли? въ древа проникъ

Духъ жизни непонятной:
У нихъ есть чувства и языкъ;
Я слышалъ голосъ внятной,
Отдавшійся въ душѣ моей
Мучительной тоскою;
Я видѣлъ съ ужасомъ очей
Бѣгущу кровь струею....
Я слабъ, Годфредъ, и предъ тобой
Признаться не стыжуся,
Я слабъ—и въ сѣни роковой
Ни вѣтки не коснуся».

С. Раичъ.

---

15. ЛУЗІАДА.

Явленіе исполина Адамастора (пѣснь 5.)

Ужасное чудовище явилось передъ нами въ воздухѣ. Станъ его былъ гигантскій и уродливый, лице мрачное, борода густая, глаза впалые, взоръ свирѣпый; цвѣтъ лица его уподоблялся цвѣту земли; всклоченные волосы покрыты были пылью; изъ чернаго рта смотрѣли желтые зубы. Исполинскимъ ростомъ равнялся онъ Колоссу Родосскому, одному изъ семи чудесъ свѣта. Онъ обратился къ намъ съ громовою рѣчью, какъ бы выходящею изъ морской глубины. Смотря на его образъ, внимая звукамъ его голоса, мы трепетали отъ ужаса, и волосы стали дыбомъ на главахъ нашихъ. «О народъ, неустрашимый болѣе другихъ народовъ, совершившихъ великія дѣла! послѣ столькихъ жестокихъ браней, послѣ столькихъ напрасныхъ трудовъ не желающій покоя! ты осмѣлился преступить завѣтные предѣлы и странствовать въ моихъ обширныхъ моряхъ, которыя охраняю я съ давняго времени и которыя никогда не допускалъ я бороздить ни одному кораблю — ни чужому, ни туземному! Ты отважился проникнуть въ тайны природы и влажной стихіи, недоступныя ни одному смертному, какъ бы ни было велико его достоинство.... Узнай бѣдствія, предначертанныя тебѣ за твою дерзкую отвагу—и на этомъ обширномъ морѣ, и на этой землѣ, которую ты завладѣешь послѣ жестокой войны.

«Знай, что всѣ корабли, которые рѣшатся на плаваніе, какъ ты теперь на него рѣшился, встрѣтятъ здѣсь непріязненное море и испытаютъ силу разъяренныхъ вѣтровъ и бурь. На первый флотъ, который дерзнетъ вспѣнить эти, еще дѣвственныя волны, внезапно обрушится мое страшное наказаніе. Здѣсь, если я не обманываюсь, я жестоко отомщу тому, кто открылъ меня. Но этимъ еще не кончатся ваши бѣдствія, которыя навлечетъ на васъ упорная ваша смѣлость. Каждый годъ корабли ваши будутъ претерпѣвать крушенія и всевозможныя потери, между которыми смерть будетъ наименьшимъ зломъ. По неисповѣдимымъ судьбамъ провидѣнія, во мнѣ найдетъ вѣчную могилу тотъ, кто первый вознесъ въ Индіи свою славу до облаковъ. Здѣсь онъ сложитъ гордые трофеи, добытые въ войнѣ съ турками; здѣсь Квилоа, имъ разрушенный, и Момбаса угрожаютъ ему мщеніемъ.

«Потомъ другой придетъ сюда, пріобрѣтшій блистательную славу. Щедрый и благородный, онъ приведетъ съ собою супругу. Но печальная и мрачная участь ожидаетъ ихъ на этой раздраженной, мнѣ принадлежащей землѣ: они избѣгнутъ кораблекрушенія для того только, чтобы сдѣлаться добычею страшныхъ мученій. На ихъ глазахъ умрутъ отъ голода ихъ дѣти, которыхъ они воспитывали съ такою любовію. Алчные и жестокіе кафры совлекутъ одежды съ матери; ея изящные и нѣжные члены подвергнутся холоду вѣтровъ, зною лѣта; ея нѣжныя ноги будутъ ступать по раскаленному песку. Печальные супруги испытаютъ всѣ бѣдствія въ невыносимо-знойной странѣ. Злополучіе ихъ тронуло бы самые камни и заставило бы ихъ проливать слезы горести и страданія. Они окончатъ жизнь во взаимныхъ объятіяхъ, и души ихъ въ одно и то же время освободятся

изъ темницъ, столько же прекрасныхъ, сколько и печальныхъ».

Ужасное чудовище хотѣло продолжать свои предсказанія, но я, возвысивъ голосъ, спросилъ его: «Кто ты, изумляющій меня своимъ исполинскимъ тѣломъ?» Тогда, отвративъ отъ насъ свои уста и черные глаза, онъ испустилъ страшный стонъ и грознымъ голосомъ, какъ бы негодуя на мой вопросъ, отвѣчалъ: «Я тотъ великій неизвѣстный мысъ, который вы назвали Мысомъ бурь.... Птоломей, Страбонъ, Плиній, Мела не знали меня. Мною, никогда доселѣ невиданнымъ, оканчивается берегъ Африки; я простираюсь къ антарктическому полюсу, который дерзнула оскорбить ваша смѣлость. Я одинъ изъ страшныхъ сыновей Земли, братъ Энкелада, Эгея и сторукаго великана. Имя мое Адамасторъ. Я велъ брань съ тѣмъ, кто бросалъ перуны, выкованные Вулканомъ; я не воздвигалъ горъ на горы, но помышлялъ о завоеваніи волнъ океана, хотѣлъ быть повелителемъ морей, которыя разсѣкалъ флотъ Нептуна. Къ этому великому предпріятію особенно побуждала меня любовь. Я обожалъ супругу Пелея, прекрасную Ѳетиду. Узрѣвъ ее нѣкогда, выходящую изъ водъ и окруженную дщерями Нерея, я плѣнился ея прелестями. Для нея презрѣлъ бы я всѣхъ небесныхъ богинь. Моя любовь, мои бѣдствія были безпредѣльны: ужасный мой видъ и безобразіе не пріобрѣли взаимности богини. Тогда вознамѣрился я похитить ее силою и открылъ мое намѣреніе нимфѣ Дориде. Нимфа сказала о томъ богинѣ, которая, презирая любовь мою и желая уловить меня хитростью, притворилась, будто отвѣчаетъ на мою любовь. Увы! ей не трудно было исполнить свой замыселъ: я любилъ, а слѣпая любовь сопровождается надеждой. Въ одну ночь мечталъ я видѣть въ отдаленіи прелестный образъ, мною обожаемый. Бѣгу къ нему съ распростертыми объятіями... О ярость! о отчаяніе! я обнимаю скалу... Отъ удивленія я сдѣлался неподвижнымъ. О богиня прекраснѣйшая и вмѣстѣ безчеловѣчнѣйшая изъ всѣхъ обитателей Океана! если любовь моя не могла тебя тронуть, зачѣмъ ты лишила меня сладостнаго мечтанія! Сокрушенный стыдомъ и отчаяніемъ, я удаляюсь и хочу соединиться съ моими братьями; но они уже были побѣждены и подверглись страшнымъ бѣдствіямъ: боги, чтобъ избавиться ихъ возмущенія, погребли ихъ подъ высокими горами. Я самъ въ то время, какъ вдали оплакивалъ мои бѣдствія, началъ чувствовать наказаніе, наложенное на меня враждебною судьбою за мою дерзость: тѣло обратилось въ грубую землю, кости стали скалами; эти члены, которые ты видишь, и это лице простерлось въ обширныхъ водахъ; наконецъ боги обратили мое огромное туловище въ этотъ отдаленный мысъ, и Ѳетида окружила меня волнами, ежечасно ругаясь надо мною». Такъ говорилъ онъ и потомъ съ ужасными воплями исчезъ мгновенно; черное облако разсѣялось; море вдали рокотало. Воздѣвъ руки къ блаженному хору ангеловъ, руководившихъ насъ въ долгомъ нашемъ плаваніи, я молилъ Бога, да избавитъ Онъ насъ въ будущемъ отъ тѣхъ жестокихъ бѣдствій, которыя предсказывалъ Адамасторъ.

16. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

САТАНА И ЕГО СООБЩНИКИ, НИЗВЕРГНУТЫЕ ВЪ АДЪ (пѣснь I).

Девять дней и девять ночей мятежный архангелъ лежалъ распростертый, вмѣстѣ съ своими одномышленниками, вращаясь въ пылающей бездне. Укрощенный, хотя и безсмертный, онъ былъ обреченъ еще лютѣйшей казни: его снѣдаетъ двойная мука потеряннаго блага и вѣчнаго страданія. Онъ бросаетъ вокругъ себя ужасные взоры, въ которыхъ выражаются глубокая горесть

и безпредѣльный страхъ, смѣшанные съ несокрушимой ненавистью и ожесточеннымъ духомъ гордыни. Однимъ зоркимъ взглядомъ, свойственнымъ ангелу, осматриваетъ онъ пустыя пространства—страшную темницу, обширную и круглую, пылавшую подобно огненной печи. Этотъ пламень не давалъ свѣта: одна лишь видимая тьма открывала зрѣлище отчаянія, область скорби, зловѣщій сумракъ, къ которому никогда не приближались ни миръ, ни спокойствіе, въ который не проникала даже надежда: жилище нескончаемыхъ мукъ, потокъ пожирающихъ огней, питаемыхъ сѣрой, горящей, но не сгараемой.

Таково мѣсто, назначенное верховнымъ правосудіемъ возмутившимся духамъ, мѣсто, окруженное вѣчною ночью. Темница ихъ отдѣлена отъ небеснаго свѣта и его божественнаго Творца пространствомъ, трикраты бóльшимъ того пространства, которое лежитъ между центромъ міра и его дальнѣйшимъ полюсомъ. О, какъ непохоже это жилище на мѣста, утраченныя мятежниками! Сатана вскорѣ различаетъ сотоварищей своего бѣдствія, сокрушенныхъ потоками и вихремъ огненной бури. Одинъ изъ нихъ, первый по немъ властію и злодѣяніями, лежалъ подлѣ него. Въ теченіе вѣковъ Палестина обожала его подъ именемъ Вельзевула. Непримиримый врагъ неба, названный за свою ненависть Сатаною, прерываетъ свое суровое молчаніе такою дерзновенною рѣчью:

«Ты ли это?.. Падшій, какъ ты непохожъ на того архангела, котораго свѣтозарный вѣнецъ помрачалъ въ эмпиреѣ блескъ тьмочисленныхъ блистательныхъ херувимовъ! Если ты тотъ самый ангелъ, который, въ преславномъ подвигѣ нашемъ, соединился со мною узами однихъ и тѣхъ же замысловъ, надежды и смѣлости,—ты видишь, съ какой высоты и въ какую бездну низринулъ насъ тотъ, кто своимъ торжествомъ одолженъ перуну. Никто досолѣ не вѣдалъ могущества этого страшнаго оружія. Но, не смотря на всѣ ужасныя казни, которыми побѣдитель можетъ еще поражать насъ въ своемъ гнѣвѣ, я не раскаяваюсь и не измѣняюсь. Утраченъ мною прежній блескъ, но ничто не сокрушитъ во мнѣ гордаго презрѣнія, рожденнаго сознаніемъ оскорбленнаго достоинства, ничто не подавитъ смѣлаго духа, заставившаго меня вступить въ борьбу со Всемогущимъ и привлекшаго ко мнѣ безчисленную рать вооруженныхъ духовъ, которые дерзнули возстать противъ Его власти и предпочесть Ему меня.... Не все еще погибло съ потерею поля битвы: за нами остались несокрушимая воля, постоянная жажда мести, вѣчная ненависть, надменное мужество, неспособное ни уступать, ни покоряться. Вотъ слава! ея не похитятъ у насъ Его слава и всемогущество. Склонять выю, на колѣняхъ вымаливать помилованія, боготворить власть того, чье царство испытало силу рукъ нашихъ.... вотъ безчестіе, вотъ позоръ, превышающій самое паденіе наше! Такъ какъ, по волѣ судьбы, эѳирное существо наше не подлежитъ смерти; такъ какъ знаменитый подвигъ нашъ показалъ, что мы не уступаемъ противникамъ въ силѣ оружія, и опытъ заставилъ насъ быть осмотрительнѣе: то мы можемъ, съ большею надеждою на успѣхъ, рѣшиться снова начать, силою или хитростію, непримиримую войну съ нашимъ врагомъ, который торжествуетъ теперь и, въ упоеніи восторга, безраздѣльно владычествуетъ на небѣ».

Такъ говорилъ богоотступный архангелъ, выражая свою гордость преступными рѣчами въ то время, какъ скорбь и глубокое отчаяніе терзали его. Смѣлый клевретъ его отвѣчалъ ему:

«О князь, владыка столькихъ престоловъ, ведшій на брань безчисленные ряды серафимовъ, не знавшій страха среди страшныхъ битвъ.... я вижу ясно исходъ плачевнаго событія, наше постыдное пораженіе, нашу конечную гибель. Навѣки затворено для насъ небо.

Блистательное войско боговъ, небесныхъ силъ, низвергнуто въ прахъ, сокрушено на столько, на сколько могутъ быть сокрушены боги и божественныя существа. Но хотя сіяніе наше померкло, хотя дни неизреченнаго блаженства навсегда погребены въ безднѣ вѣчныхъ бѣдствій, ничто не могло лишить насъ несокрушимаго духа, той силы, которая уступаетъ съ тѣмъ, чтобы возродиться немедленно. Что если нашъ побѣдитель (я вѣрю Его всемогуществу: чтобы сокрушить силу, какою мы обладаемъ, необходима безпредѣльная мощь)—что если этотъ побѣдитель сохранилъ неприкосновенными и умъ и силу нашу для того единственно, чтобы мы въ состояніи были сносить бремя золъ нашихъ и оставаться всегдашнею жертвою Его мстительнаго гнѣва, или, какъ невольники, добытые войною, исполнять самыя тяжкія Его велѣнія, безпрекословно подчиняться Его требованіямъ во глубинѣ ада, работать Ему въ пламени и возвѣщать Его волю въ мрачной безднѣ? Къ чему послужитъ намъ тогда сознаніе нашей неизмѣнной силы или нашей вѣчности?»

Быстро возразилъ ему духъ злобы: «падшій херувимъ! знай, что для несчастнаго, осужденнаго на труды или страданія, истинное бѣдствіе состоитъ въ потерѣ мужества. Вѣрь, намъ не суждено творить блага; напротивъ, единственнымъ наслажденіемъ нашимъ будетъ зло, въ которомъ неисповѣдимыя судьбы Всемогущаго встрѣтятъ себѣ помѣху.

«Если Провидѣніе стремится самую наклонность нашу ко злу обратить во благо, то мы должны стараться извращать его намѣренія и въ самомъ благѣ находитъ источники зла. Или я заблуждаюсь, или мы найдемъ возможность огорчать врага нашего, отклонять глубочайшіе Его совѣты отъ предначертанной имъ цѣли.

«Но смотри! разгнѣванный повелитель собралъ исполнителей своего мщенія и преслѣдованія у небесныхъ вратъ. Сѣрный градъ, низвергнутый на насъ протекшею бурей, утишилъ пылающія волны, въ которыя мы пали съ небесъ. Громъ, въ стремительной ярости летѣвшій за нами на огненныхъ крыльяхъ, истощилъ, кажется, свои перуны: его рокотъ затихаетъ въ глубинѣ безпредѣльнаго пространства. Воспользуемся случаемъ, который представляетъ намъ презрѣніе или насыщенный гнѣвъ врага нашего. Видишь ли тамъ, вдали, дикую, безплодную и пустынную равнину, жилище безотрадной печали, лишенное свѣта и озаряемое только страшнымъ, зловѣщимъ блескомъ, бросаемымъ на него отсюда синеватымъ, мрачнымъ пламенемъ? Уклонимся туда отъ бурнаго стремленія огненныхъ волнъ: успокоимся тамъ, если только спокойствіе можетъ обитать въ тѣхъ мѣстахъ. Соберемъ разсѣянные легіоны наши, приступимъ къ совѣту, какъ устремиться на врага нашего, поищемъ способовъ вознаградить нашу утрату, преодолѣть ужасное бѣдствіе, извлечь помощь изъ надежды или, по крайней мѣрѣ, найти рѣшимость въ отчаяніи».

Такъ говоритъ Сатана ближайшему своему клеврету, вознося главу надъ волнами, бросая молніеносные взоры. Другія части его тѣла—широкія и длинныя—плаваютъ въ пучинѣ, покрывая собою великое пространство. Огромнымъ ростомъ своимъ онъ походилъ на гиганта, названнаго, по своему чудовищному стану, Титаномъ, или на гиганта, рожденнаго отъ земли и возставшаго бранію противъ царя небесъ: на Бріарея, или Тифона, жившаго въ пещерѣ близь древняго Тарса. Сатана огромностію своею уподоблялся еще морскому чудовищу, Левіаѳану, наибольшему изъ всѣхъ тварей, разсѣкающихъ волны обширнаго океана. Нерѣдко кормчій утлаго челна, сбившись ночью съ пути и увидѣвъ заснувшее чудовище, покрывающее частію своего тѣла пѣну норвежскихъ волнъ, принимаетъ его за островъ и бросаетъ якорь въ чешуй-

чатый покровъ его; челнъ стоитъ на якорѣ, укрываясь отъ вѣтра за громадой чудовища, пока темнота, простертая надъ моремъ, замедляетъ возвратъ желанной зари. Такъ распростертъ былъ надъ пылающимъ моремъ, обремененный цѣпями, самый могущественный изъ мятежныхъ духовъ. Никогда не могъ бы онъ возстать отъ своего ложа, ни поднять главы своей, если бы Правитель небесъ не оставилъ ему на произволъ мрачныхъ его замысловъ, затѣмъ, чтобы, прилагая преступленія къ преступленіямъ, онъ скоплялъ надъ главой своей осужденія; чтобы, устроивая гибель другихъ, онъ, въ ярости, увидѣлъ тщету коварства, служащаго единственно къ тому, чтобы въ полномъ блескѣ явились безпредѣльная благость и милосердіе Творца, изливаемыя на прельщеннаго человѣка, и чтобы Сатана восчувствовалъ сугубую силу верховнаго гнѣва и мщенія.

И вотъ Сатана подъемлетъ надъ бездной исполинскій станъ свой и обѣими руками отгоняетъ вспять неугасающее пламя: катясь волнами, оно открываетъ въ своихъ нѣдрахъ ужасную пропасть. Распростерши крылья, Сатана устремляетъ полетъ свой въ вышину. Мрачный воздухъ, имъ угнетаемый, чувствуетъ необычайную для него тяжесть. Сатана спускается на безплодную землю, если только можно назвать землею то, что постоянно пылало твердымъ огнемъ, какъ пучина пылала огнемъ текущимъ. Въ годину свирѣпой подземной бури, отторгающей отъ Пелора или Этны обширный холмъ, являются взорамъ воспламеняемыя и кипящія ихъ нѣдра, въ которыхъ зараждается огонь и которыя, при сильномъ вѣтрѣ, бросаютъ землю до небесъ, выказывая свою горящую глубину, окруженную дымнымъ, смраднымъ паромъ: таково было мѣсто покоя, на которое Сатана ступилъ своими проклятыми стопами. За нимъ слѣдуетъ ближайшій клевретъ его; оба они гордятся тѣмъ, что избѣгли стигійскихъ водъ, не съ соизволенія верховной власти, а по дѣйствію собственной силы, какъ прилично богамъ.

«И эта область, эта земля, этотъ климатъ», сказалъ тогда падшій ангелъ, «будутъ нашимъ жилищемъ? и этимъ жилищемъ замѣнится намъ небо? этою мертвою тьмою лучезарный блескъ эѳира? Да будетъ такъ!.. Простите, цвѣтущія поля небесъ, вѣчное жилище блаженства! Привѣтъ тебѣ, мрачный ужасъ, царство преисподней! Прими твоего новаго владыку: онъ приноситъ тебѣ духъ несокрушимый, неизмѣняемый ни временемъ, ни мѣстомъ. Этотъ духъ устроиваетъ въ себѣ самомъ свое собственное жилище; онъ можетъ въ себѣ самомъ сотворить изъ неба адъ, изъ ада небо. Гдѣ бы я ни находился, я всегда одинъ и тотъ же, какимъ долженъ быть; и здѣсь я могу всего достигнуть: не могу только равняться Творцу міра, владѣющему громомъ... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы будемъ свободны: не для того, конечно, Всемогущій сотворилъ это мѣсто, чтобы завидовать намъ. Онъ не изгонитъ насъ отсюда; мы можемъ спокойно здѣсь господствовать. Быть властелиномъ въ аду достойно гордаго духа. Лучше царствовать въ аду, чѣмъ оставаться рабомъ въ небесахъ».

Образъ Сатаны сохранялъ еще слѣды первобытнаго блеска. Померкшій въ своей славѣ, побѣжденный и низверженный, онъ все еще являлъ въ себѣ падшаго архангела. Солнце, только что показавшееся на горизонтѣ и чуждое лучей, бросаетъ свои взоры сквозь туманный воздухъ, или, заслоненное луною, въ мрачномъ затменіи проливаетъ на землю блѣдный свѣтъ свой: такъ затмившійся въ паденіи превышалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ гордый архангелъ. Молнія избраздила лице его глубокими язвами; на увядшихъ ланитахъ начертана была тревога. Но, изъ-подъ нависшихъ бровей, упорное мужество, несокрушимая гордость подстерегаютъ минуту мщенія. Взглядъ его былъ суровый, и однакожъ

въ немъ выражались знаки сострадания и угрызеній совѣсти, когда Сатана взиралъ на соучастниковъ или послѣдователей его преступленія: нѣкогда онъ видѣлъ ихъ лучезарными и блаженными, а теперь они обречены на вѣчную муку! миріады духовъ, по его винѣ, лишились неба, — по его возстанію, извержены изъ области безсмертной славы! Но и померкшіе въ славѣ, они остались вѣрны злополучію своего вождя. Такъ, когда небесный огнь опаляетъ вершину и вѣтви лѣсныхъ дубовъ и горныхъ сосенъ, ихъ величественные, хотя и обнаженные, стволы стоятъ непоколебимо на сожженной землѣ.

---

17. ГЕНРІАДА.

Смерть адмирала Колиньи (пѣснь 2).

Колиньи изнывалъ въ объятіяхъ покоя, и обманчивый сонъ кропилъ его своею росою. Внезапно страшный, тысячегласный шумъ исторгаетъ его чувства изъ сладостной тишины. Онъ встаетъ, онъ смотритъ, онъ видитъ, какъ со всѣхъ сторонъ спѣшатъ къ нему убійцы; онъ видитъ повсюду факелы и оружіе, свой дворецъ въ огнѣ, весь народъ въ тревогѣ, своихъ служителей окровавленныхъ, задыхающихся отъ пламени, толпы убійцъ, разгоряченныхъ убійствомъ и восклицающихъ громкимъ голосомъ: «не щадите никого: такъ повелѣваютъ Богъ, Медичи и король!» Онъ слышитъ имя Колиньи, онъ примѣчаетъ въ дали юнаго Телиньи, любовью своею пріобрѣтшаго сердце и руку его дочери, Телиньи — надежду его партіи, честь его семейства: окровавленный, истерзанный, влекомый солдатами, Телиньи простираетъ къ нему руки и требуетъ мщенія.

Злополучный герой, безъ оружія и защиты, видя неизбѣжность гибели, которая останется неотомщенною, рѣшился умереть по крайней мѣрѣ такъ, какъ онъ жилъ—въ полнотѣ своей славы и добродѣтели.

Многочисленная толпа убійцъ уже готова была сокрушить дверь залы, въ которую они вступили: Колиньи самъ отворяетъ ее и предстаетъ предъ ними съ яснымъ взоромъ и величественнымъ челомъ. Таковъ являлся онъ въ битвахъ, когда, спокойный, владѣя своимъ мужествомъ, онъ прекращалъ или ускорялъ сѣчу.

При этомъ трогательномъ видѣ, при этомъ величественномъ зрѣлищѣ, почтеніе объемлетъ изумленныхъ убійцъ; ихъ ярость сдержана непонятною имъ силою. «Товарищи», говоритъ имъ Колиньи, «кончите ваше дѣло и моей оледенѣлой кровью оскверните эти сѣдые волосы, которые судьба войны щадила цѣлыя сорокъ лѣтъ. Разите, не страшитесь ничего, Колиньи прощаетъ вамъ: моя жизнь ничтожна, отдаю ее вамъ... хотя мнѣ лучше хотѣлось бы лишиться ея, сражаясь за васъ...» При этихъ словахъ тигры падаютъ къ его ногамъ: одинъ, объятый ужасомъ, бросаетъ свое оружіе; другой, обнимая его колѣни, орошаетъ ихъ слезами. Великій человѣкъ, окруженный убійцами, казался могущественнымъ царемъ, обожаемымъ его подданными.

Бемъ, ожидавшій во дворѣ своей жертвы, взбѣгаетъ вверхъ, негодуя на медленность злодѣянія. Онъ хочетъ торопить удары нерѣшительныхъ убійцъ и—видитъ ихъ, трепетныхъ, у ногъ героя. Онъ одинъ не былъ тронутъ этимъ умилительнымъ зрѣлищемъ; онъ одинъ, недоступный жалости, думалъ, что совершитъ преступленіе и измѣнитъ Медичи, если хоть малѣйшее угрызеніе совѣсти закрадется въ его душу. Сквозь толпу солдатъ онъ пробѣгаетъ быстрыми шагами. Колиньи неустрашимо ожидаетъ его; и вскорѣ яростное чудовище вонзаетъ въ него свой мечъ, отвращая глаза, какъ бы страшась, что отъ единаго взгляда величественнаго старца содрогнется его рука и застынетъ въ жилахъ мужество.

Таковъ былъ печальный жребій знаменитѣйшаго француза. Его оскорбля-

ютъ, надъ нимъ ругаются даже послѣ его смерти. Его тѣло, пронзенное ударами и лишенное могилы, стало добычею хищныхъ птицъ. Его голову повергли къ стопамъ Медичи — побѣда, достойная ея самой и ея сына. Медичи приняла ее равнодушно, не выказывая радости при успѣхѣ своего мщенія, безъ угрызеній, безъ удовольствія, владѣя своими чувствами, какъ привыкшая къ подобнымъ дарамъ.

18. МЕССІАДА.

АББАДОНА (пѣснь 2).

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, не прельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомъ, ужъ почти улеталъ отъ враговъ Аббадона;
Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ, гремя и блистая;
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо;
Съ шумомъ помчалися рати мечтой божества упоенныхъ.—
Ахъ, Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдіила;
Тьмой божества отуманенъ, взоровъ молящихъ не видитъ;
Другъ позабытъ: въ торжествѣ къ полкамъ Сатаны онъ примчался.
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ въ мысляхъ всю повѣсть
Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ созданья.
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ восторгѣ рожденья
Всѣ вопрошали другъ друга: скажи, серафимъ, братъ небесный,
Кто ты? откуда, прекрасный? давно-ль существуешь и зрѣлъ-ли
Прежде меня? О, повѣдай, что мыслишь? Намъ вмѣстѣ безсмертье!
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью слетѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ
Новосозданныхъ для жизни; къ Вѣчному облако свѣта
Ихъ вознесло и, завидѣвъ Творца, возгласили: Создатель!
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны и воздвигся, нахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты—такъ въ битвѣ кровавой другъ друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьѣ кончины вздыхаютъ.
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ воскликнулъ:
«Будь на меня вся неистовыхъ злоба— вѣщать вамъ дерзаю!
Такъ, я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя, ненавижу, убійца! Во-вѣки
Требуй Онъ, нашъ Судія, отъ тебя развращенныхъ тобою,
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да вѣчное: *горе!*
Грозно гремитъ на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!
Горе тебѣ, Сатана! Я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ, не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразить!.. О ничтожный, о комъ ты вѣщаешь?

Онъ—Всемогущій, а ты пресмыкаешься въ прахѣ, безсильный,
Гордый невольникъ... Пошлетъ ли смертному Богъ искупленье,
Плѣна-ль оковы расторгнуть помыслитъ, —тебѣ ль съ Нимъ бороться?
Ты ль растерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ ли,
Кто Онъ? не ты ль опаленъ всемогущими громами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?
Иль Вседержитель добычею будетъ безумства безсильныхъ?
Мы, заманившіе въ смерть человѣка... о горе мнѣ, горе!
Я вашъ сообщникъ!.. Дерзнемъ ли возстать на Подателя жизни?
Сына его, Громовержца, хотимъ умертвить—о безумство!
Сами хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко спасенью дорогу!
Нѣкогда духи блаженные, сами навѣки надежду
Прежняго счастія, мукъ утоленіе мчимся разрушить!
Знай же, сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугубымъ страданьемъ
Муку паденья, когда ты въ сей безднѣ изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ,—столь вѣрно и то, что, сраженный,
Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ возвратишься.»—
Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Сатана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить огромной скалою—
Гнѣвъ обезсилилъ грозно подъятую съ камнемъ десницу,
Топнулъ, яряся, ногой и трикраты отъ бѣшенства вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ онъ на Аббадону
Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ бѣшенства ярокъ и мраченъ;
Но презирать былъ не властенъ. Ему предстоялъ Аббадона,
Тихій, безстрашный, съ унылымъ лицемъ. Вдругъ воспрянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ.
«Въ вихряхъ и буряхъ хочу отвѣчать тебѣ, робкій!» вѣщалъ онъ:
«Гряну грозою отвѣтъ мой безумцу. Ты ли ругаться
Смѣешь богами? Ты ли, презрѣннѣйшій въ сонмѣ безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ Сатану и меня оскорблять замышляешь?
Нѣтъ тебѣ казни; казнь твоя: мыслей безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удались; удались, малодушный; прочь отъ могущихъ,
Прочь отъ жилища царей; исчезай, непримѣтный, въ пучинѣ:
Тамъ да создастъ тебѣ царство мученія твой Вседержитель:
Тамъ проклинай безконечность или, ничтожности алчный,
Въ низкомъ безсиліи рабски предъ небомъ глухимъ пресмыкайся.
Ты же, отважный, средь самаго неба нарекшійся богомъ,
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань полетѣвшій съ Могущимъ,
Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ повелитель,
О Сатана, полетимъ; да узрятъ насъ въ могуществѣ духи;
Да поразитъ ихъ, какъ буря, помысловъ нашихъ отважность!
Се лавиринѳы коварства! всѣмъ намъ пути ихъ отверсты
Въ мракѣ ихъ смерть; не найдетъ Онъ изъ бѣдственной тьмы ихъ исхода.
Если-жъ, наставленный небомъ, разрушитъ Онъ хитрые ковы—
Пламенны бури пошлемъ, и его не минуетъ погибель.
Горе, земля, мы грядемъ, ополченные смертью и адомъ!
Горе безумнымъ, кто насъ отразить на землѣ возмечтаетъ!»
Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ буря, собранье.
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала: какъ будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился: съ кликомъ и воемъ,

Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися; дикій
Шумъ голосовъ поднялся и отгрянулъ съ востока на западъ;
Всѣ заревѣли: погибни, Мессія! Отъ вѣка созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ Адрамелехомъ
Съ трона потекъ Сатана, и ступени, какъ мѣдныя горы,
Тяжко подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ къ побѣдѣ,
Ринулись смутной толпой во врата растворенныя ада.
Издали, медленно, слѣдомъ за ними летѣлъ Аббадона:
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданно-страшнаго дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою, онъ къ ангеламъ, стражамъ Эдема,
Робко подходитъ... Кто же тебѣ предстоитъ, Аббадона?
Онъ, Абдіилъ, непреклонный, нѣкогда другъ твой... а нынѣ?...
Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалиться,
То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное броситься хочетъ. Долго стоялъ онъ,
Трепетенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ къ Абдіилу;
Сильно билось въ немъ сердце; тихія слезы катились,
Ангеламъ только знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ,
Смертнымъ и въ самомъ бореньѣ съ концемъ неиспытанный, мучилъ
Въ робкомъ его приближеньѣ... Но ахъ, Абдіиловы взоры
Ясны и тихи; неотвратимо смотрѣли на славу
Вѣчнаго Бога, его жъ Абдіилъ не замѣтилъ. Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой весны мірозданья,
Такъ серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны.
Онъ отлетѣлъ и, одинъ посреди опустѣвшаго неба,
Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ издали къ Абдіилу:
«О Абдіилъ, мой братъ, иль на вѣки меня ты отринулъ?
Такъ, навѣки я розно съ возлюбленнымъ... страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все творенье; плачьте вы, первенцы свѣта:
Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны... о, плачьте!
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ; увяньте вы, тайныя сѣни,
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно сливались;
Свѣтлы небесны потоки, близъ коихъ, сладко объемлясь,
Мы воспѣвали чистою пѣснію Божію славу.
Ахъ, замолчите, изсякните: нѣтъ для меня Абдіила,
Нѣтъ, и навѣки не будетъ! Адъ мой, жилище мученья,
Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною: навѣки
Нѣтъ Абдіила; вѣчно мнѣ милаго брата не будетъ».
Такъ тосковалъ Аббадона, стоя передъ входомъ въ созданье.
Строемъ катилися звѣзды. Блескъ и крылатые громы
Встрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его устрашили;
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой томимый,
Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ:
«Сладостный входъ во блаженство, почто загражденъ Аббадонѣ?
О, для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,
Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, вѣчно покинуть
Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя чада созданья,
Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу—я былъ васъ прекраснѣй.

Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанникъ,
Грустный, среди красотъ мірозданья. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блаженство;
Тамъ, ополчившись на Бога, сталъ грѣшникъ. О миръ непорочный,
Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинѣ спокойствія, гдѣ ты?
Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ небесныя славы
Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ— печальный остатокъ!
Ахъ, для чего я къ нему не дерзну возгласить: мой Создатель!
Радостно бъ нѣжное имя отца уступилъ непорочнымъ;
Пусть неизгнанные въ чистомъ восторгѣ: Отецъ! восклицаютъ.
О судія непреклонный! преступникъ молить не дерзаетъ,
Чтобъ хоть единымъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ сей пучинѣ.
Мрачныя, полныя ужаса мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирѣпствуй!.... Почто я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнать?... Проклинаю сей день ненавистный,
Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій голосъ
Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ нашъ возлюбленный созданъ.
Вѣчность, почто родила ты сей день? Почто онъ былъ ясенъ,
Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, которою Вѣчный,
Гнѣва грозой ополченный, Себя облекаетъ? Почто онъ
Не былъ проклятіемъ Бога гнетомъ, обнаженъ отъ созданій?...
Что я изрекъ?... О хулитель, кого предъ очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите, вы, звѣзды,
Гряньтесь ко мнѣ на главу и укройте меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья! О Ты, Судія непреклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?
О Судія, Ты Создатель, Отецъ.... что вѣщаю, безумецъ!
Мнѣ-ль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель.
Ахъ, улетимъ; ужъ воздвиглись Его всемогущіе громы
Страшно ударить меня.... улетимъ.... но куда?.. гдѣ отрада?»
Рекъ — и ударился быстро во глубь безпредѣльныя бездны....
Горько взывалъ онъ: сожги, уничтожь меня, огнь разрушитель!
Вопли исчезли въ пустынѣ, и огнь не притекъ разрушитель!
Смутный, онъ снова помчался къ мірамъ и приникъ, утомленный,
Къ нѣкоему пышноблестящему солнцу. Оттолѣ на бездны
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды кипѣли, какъ свѣтлое море;
Вдругъ налетѣла на солнце заблудшая въ безднѣ планета;
Часъ ей насталъ разрушенья.... уже задымилась и рдѣла....
Къ ней полетѣлъ Аббадона, надѣясь разрушиться вкупѣ....
Дымомъ она разлетѣлась, но ахъ... не погибъ Аббадона!

Жуковскій.

---

19. ФРИТІОФЪ.

а) уставъ викинга.

Онъ скитался вокругъ по пустыннымъ морямъ;
Онъ носился, какъ соколъ ловца;
И дружинѣ своей начерталъ онъ уставъ:
разсказать ли законы пловца?

«Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
супостатъ за дверьми стережетъ.

Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукѣ,
и шатромъ голубой небосводъ.

«Какъ у Фрея, лишь въ локоть будь мечъ у тебя:
малъ у Тора громящаго млатъ.
Есть отвага въ груди,—ко врагу подойди—
и не будетъ коротокъ булатъ.

«Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ—
кто парусъ совьетъ;
чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.

«Самъ Одинъ пьетъ вино, и похмѣлье не зло:
лишь храни надъ собою ты власть;
Надъ землею упавъ, ты подымешься здравъ;
здѣсь же къ Ранѣ страшися упасть.

«Ты, купца на пути повстрѣчавъ, защити;
но возьми съ него должную дань.
Ты владыка морей; онъ же прибыли рабъ:
благороднѣйшій промыселъ—брань.

«Ты по жребью добро на помостѣ дѣли
и на жребій не жалуйся свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
онъ доволенъ и частью одной.

«Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись;
подъ щитами потѣха бойцамъ:
Кто отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ;
поступай, какъ ты вѣдаешь самъ.

«Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
Дочь Валгаллы-мольба; ты дрожащей внимай:
тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

«Рана прибыль твоя: на груди, на челѣ
то прямая украса мужамъ;
Ты чрезъ сутки, не прежде, ее повяжи,
если хочешь собратомъ быть намъ».

—

в) искушеніе фритіофа.

Ужъ весна: щебечутъ птицы,
блещетъ день, луга цвѣтутъ;
Рѣки, сбросивъ цѣпи, пляшутъ,
къ морю съ пѣснями бѣгутъ.
Роза, алая какъ Фрея,
ужъ изъ почки смотритъ вновь:
Въ смертномъ радость пробудилась,
и отвага, и любовь.

Старый конунгъ съ Ингеборгой
собрался на ловлю, въ боръ,
И въ нарядахъ разноцвѣтныхъ
вкругъ него толпился дворъ.
Шумъ: гремятъ колчаны, луки;
кони ржутъ, вздымая прахъ;
Соколы кричатъ и рвутся
съ колпачками на глазахъ.

Вотъ сама царица лова!
бѣдный Фритьофъ, не гляди!
Какъ звѣзда, она сіяетъ
на богатой лошади.
Это Фрея, это Рота,
но еще прекраснѣй ихъ:
На главѣ уборъ пурпурный
съ связкой перьевъ голубыхъ.

Собралась ватага: дружно
черезъ горы, черезъ долъ!
Рогъ трубитъ; къ стѣнамъ Одина
подымается соколъ.
Встрепенулись дѣти лѣса;
звѣрь бѣжитъ въ свое жилье,
А Валкирія за звѣремъ,
потрясаючи копье.

Старый Рингъ не поспѣваетъ
за толпою удалыхъ;
На конѣ, съ нимъ рядомъ, Фритьофъ
ѣдетъ сумраченъ и тихъ.
Въ удалой груди тѣснится
много грустныхъ, черныхъ думъ:
Ихъ веселье не разгонитъ,
заглушить не можетъ шумъ.

«О, зачѣмъ я бросилъ море?
 слѣпо шелъ на встрѣчу бѣдъ?
Море черныхъ думъ не терпитъ:
 дунетъ вѣтръ—и ихъ ужъ нѣтъ.
Грустно ль викингу,—опасность
 подаетъ къ тревогѣ знакъ,
И оружія сверканье
 прогоняетъ сердца мракъ.

«Здѣсь не то: увы! какъ сонный
 я блуждаю, и крылѣ
Несказаннаго желанья
 на моемъ лежатъ челѣ.
Все храмъ Бальдера я вижу,
 все обѣтомъ я смущенъ,
Даннымъ дѣвой: онъ не ею,
 онъ богами нарушенъ.

«Боги родъ нашъ ненавидятъ;
 счастьемъ гнѣвъ ихъ будимъ мы:
Боги цвѣтъ мой посадили
 въ лоно мрачное зимы.
Что зимѣ въ прекрасной розѣ?
 для зимы ль она цвѣтетъ?
Хлада мертвое дыханье
 одѣваетъ розу въ ледъ!»

Такъ ропталъ онъ. Вотъ дорога
 ихъ приводитъ въ долъ глухой,
Мрачный, стиснутый горами,
 осѣненными сосной.
Рингъ сошелъ съ коня и молвилъ:
 «вотъ пріютный уголокъ!
Я усталъ, мнѣ нуженъ отдыхъ:
 дай, приляжемъ на часокъ».

— «Не уснуть тебѣ здѣсь конунгъ:
 здѣсь жестка, сыра постель;
Возвратимся: до чертога
 недалеко намъ отсель».—
«Боги сходятъ къ намъ нежданно,
 такъ и сонъ», прервалъ старикъ:
«Иль хозяинъ передъ гостемъ
 не дерзнетъ уснуть на мигъ?»

Фритьофъ плащъ свой тутъ снимаетъ,
 разстилаетъ на траву,
И къ его колѣну конунгъ
 клонитъ бѣлую главу.

Тихо спитъ онъ, какъ по битвѣ
 спятъ герои на щитахъ,
Безмятежно, какъ младенецъ
 у родимой на рукахъ.

Чу! вотъ пѣсня черной птицы
 раздалась изъ-за вѣтвей:
«Фритьофъ, кончи споръ давнишній,
 старца спящаго убей.
Ты возьмешь вдову: невѣста
 вновь обниметъ жениха;
Люди здѣсь тебя не видятъ,
 а могилы сѣнь тиха».

Фритьофъ слушаетъ: чу! пѣсня
 бѣлой птицы раздалась:
«Люди здѣсь тебя не видятъ;
 Но вездѣ Одина глазъ.
Ты бы спящаго зарѣзалъ?
 безоружнаго бъ убилъ?
Что ни взялъ бы ты злодѣйствомъ,
 только бъ славы не добылъ!»

Смолкло въ чащѣ: вотъ подъемлетъ
 Фритьофъ мечъ свой боевой,
И его въ смятеньѣ мещетъ
 далеко во мракъ лѣсной.
Птица черная безмолвно
 въ грозный Настрандъ унеслась,
А другая съ громкой пѣснью—
 къ солнцу, будто арфы гласъ.

И не спитъ ужъ старый конунгъ:
 «какъ прекрасенъ былъ мой сонъ!
Сладко дремлетъ, кто оружьемъ
 богатырскимъ охраненъ.
Но скажи, о незнакомецъ,
 гдѣ же мечъ твой, молній братъ?
Кто разрознилъ неразлучныхъ?
 кто похитилъ твой булатъ!»—

«Что нужды?» сказалъ воитель:
 «тьма на сѣверѣ мечей;
Золъ языкъ меча, не знаетъ
 онъ мирительныхъ рѣчей.
Духи водятся въ булатѣ,
 духи сумрачныхъ краевъ:
Сна не чтутъ они, ихъ манитъ
 блескъ серебряныхъ власовъ».—

*

—Знай же, юноша, не спалъ я:
испытаньемъ было то;
Неиспытаннымъ ни мужу,
ни мечу не вѣрь никто.
Фритьофъ—ты; тебя узналъ я,
лишь ты въ дверь мою вступилъ:
Старый Рингъ давно ужъ вѣдалъ
то, что хитрый гость таилъ».

Я. Гротъ.

---

20. АГАСВЕРЪ, ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ.

РАЗСКАЗЪ ВѢЧНАГО ЖИДА.

....Передо мною подымались
Вершины горныя. Межъ нихъ лежали
Долины, и онѣ покрыты были
Обломками, какъ будто бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившійся съ неба,
Внезапно завалилъ; и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живаго человѣка—
То былъ Ерусалимъ... Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза—и я,
Ее увидя, весь затрепеталъ.
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова
Послышалося мнѣ: «ты будешь жить,
Пока Я не приду». Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину.
Я буду жить! Я буду жить, пока
Онъ не придетъ!... Какъ жить? Кто Онъ? Когда
Придетъ?... И все грядущее мое
Мнѣ выразилось вдругъ въ остовѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Мое минувшее исчезло все,
Все жившее со мной убито; тамъ
Ничто ужъ для меня не оживетъ
И не родится; жизнь моя вся будетъ
Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима—
И жизнь безъ смерти. Я въ бѣшенствѣ завылъ
И бѣшеное произнесъ на все
Проклятіе. Безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней,
И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо... и невольно,
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ, въ ея
Сіяньѣ тайную отрады каплю
Я, съ смертоноснымъ питіемъ хулы
И проклинанья, выпилъ; но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Что съ онаго я испыталъ мгновенья?
О, какъ я плакалъ, какъ вопилъ, какъ дико
Роптaлъ, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ! Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ слова
Страдальца Іова я повторялъ:
«Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ! и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался! да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдетъ ей день, ей, незапершей
Меня родившую утробу!» А когда я
Воспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
Какъ облако уходитъ онъ, какъ цвѣтъ
Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаетъ его,—
О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ... Передо мною все
Рождалося и въ часъ свой умирало:
День умиралъ въ зарѣ вечерней, ночь
Въ сіяньѣ дня. Сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ,
Когда съ деревьевъ падалъ листъ! Все, въ чемъ
Я видѣлъ знаменіе смерти, было
Мнѣ горькой сладостью; одна лишь смерть—
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть—
Всему, что жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть. Но жизнь, жизнь
Всего живущаго я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
И съ этой злобы на творенье, съ дикимъ

Возстаньемъ всей души противъ Творца
И съ несказанной ненавистью противъ
Распятаго, отчаянно пошелъ я,
Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими не убивая,
И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ, грозною нуждой влекомый,
Я шелъ впередъ, безъ воли, безъ предмета
И безъ надежды, гдѣ остановиться,
Или куда дойти. Я не имѣлъ
Товарищей; со мною братства люди
Чуждались; я отъ нихъ гостепріимства
И не встрѣчалъ и не просилъ. Какъ нищій
Я побирался... Милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лептъ, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ,
Что было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни
Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу;
И вмѣстѣ съ смертію былъ у меня
И сонъ, успокоитель жизни, отнятъ.
Что днемъ въ моей душѣ кипѣло: ярость
На жизнь, богопроклятіе, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины
Непризнаваемой, но безпрестанно
Грызущей сердце, боль—то въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего,
Толпою привидѣній стоя, сонъ
Отъ головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отраднѣй тихой,
Украшенной звѣздами ночи: тамъ
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій
Я бѣшенствомъ души моей сливался;
Здѣсь каждая звѣзда, изъ мрака бездны
Встающая одна, межъ одинокихъ,
Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ,
Какъ бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; все во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти:
«Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!» то было крикомъ
Моимъ, и плачемъ, и моленьемъ
Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ,
На горькую мнѣ зависть, гибли люди.
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно
Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись тучи
И тамъ кипѣли молніи, туда
Взбирался я, въ надеждѣ тамъ погибнуть;
Но молніи кругомъ меня вилися,
Дробя деревья и утесы: я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула
Надежда бѣдная, что, можетъ быть,
Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьметъ, и съ чумными въ больницѣ душной:
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и, зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ:
Напрасно! мной чума пренебрегала.
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной аравійской шелъ:
Вдругъ раскаленное затмилось небо,
И солнце въ немъ исчезло; вихрь
Песчаный побѣжалъ отъ горизонта
На насъ. Храпя, въ песокъ уткнули морды
Верблюды, люди пали ницъ; я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди

Разбросанныхъ остововъ, на пиру
Орловъ, сдирающихъ съ костей обрывки
Истлѣвшихъ труповъ. Въ тотъ ужасный день,
Когда исчезъ подъ лавой Геркуланумъ
И пепелъ завалилъ Помпею, я
Природы судорогой страшной былъ
Обрадованъ. При стонѣ и трясеньѣ
Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей изъ треснувшаго чрева;
При воѣ, крикѣ, давкѣ, шумѣ въ бѣгствѣ
Толпящихся сквозь пепелъ, все затмившій,
Въ которомъ, ничего не озаряя,
Сверкалъ невидимый пожаръ горы,
Пробился я къ потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, въ мигъ прожженный, въ уголь,
Казалось, обращенный, въ море,
Гонимъ землетрясенья силой,
Былъ вынесенъ, и моремъ снова брошенъ
На брегъ, на произволъ землетрясенью.
То былъ послѣдній опытъ мой насильствомъ
Взять смерть; я сталъ подобенъ гробу,
Въ которомъ запертый мертвецъ, оживши
И съ крикомъ долго бившись понапрасну,
Чтобъ выбраться изъ душнаго заклепа,
Вдругъ умолкаетъ и послѣдней ждетъ
Минуты, задыхаясь. Такъ въ моемъ
Несокрушимомъ тѣлѣ задыхалась
Отчаянно моя душа. Всему
Конецъ! живи, не жди, не вѣруй, злобствуй
И проклинай; но затвори молчаньемъ
Уста и замолчи на вѣчность: такъ
Сказалъ я самому себѣ...»

Жуковскій.

---

21. ПОЛТАВА.

ПОЛТАВСКІЙ БОЙ.

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Клубами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядры, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ:
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины:
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью:
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близко полдень. Жаръ пылаетъ;
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ...
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Ровняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину—оглашая—
Далече грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.

За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился;
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близь московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Взираетъ на волненья боя?
Ужъ на коня не вскочитъ онъ;
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился:
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ: гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,

И царскій пиръ его прекрасенъ.
При крикахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ...

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?
Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю:
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, Русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

А. Пушкинъ.

---

22. ПЕРИ и АНГЕЛЪ.

Сіяла вечера сіяньемъ
Отчизна розы, Суристанъ,
И солнце, неба великанъ,
Сходя на западъ, какъ корона
Главу вѣнчало Ливанона,
Въ великолѣпіи снѣговъ
Смотрящаго изъ облаковъ,
Тогда какъ рдѣющее лѣто
Въ долинѣ, зноемъ разогрѣтой,
У ногъ его роскошно спитъ.
О сколь разнообразный видъ
Красы, движенья и блистанья
Являлъ сей край очарованья,
Съ эѳирной зримый высоты!
Лѣса, кудрявые кусты;
Потоковъ воды голубыя;
Надъ ними дыни золотыя,
Въ закатныхъ рдѣющи лучахъ
На изумрудныхъ берегахъ;
Старинны храмы и гробницы;
Веселыя веретиницы,
На яркой стѣнѣ ихъ бѣлизнѣ
Въ багряномъ вечера огнѣ
Сіяющія чешуями;
Густыми голуби стадами
Слетающіе съ вышины
На озаренны крутизны;
Ихъ вѣянье, ихъ трепетанье,
Ихъ переливное сіянье,
Какъ бы сотканное для нихъ
Изъ радугъ пламенно- живыхъ
Безоблачнаго Персистана;
Святыя воды Іордана;
Сліянный шумъ волны, листовъ
Съ далекимъ пѣньемъ пастуховъ;
И пчелы дикой Палестины,
Жужжащія среди долины,
Блестя звѣздами на цвѣтахъ—
Видъ усладительный... Но, ахъ!
Для бѣдной Пери нѣтъ услады.
Разсѣянны склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падшій солнцевъ храмъ она,
Вечернимъ солнцемъ озаренный;
Его столпы уединенны
Въ величіи стояли тамъ,
По окружающимъ полямъ
Огромной простираясь тѣнью,
Какъ будто время разрушенью
Коснуться запретило къ нимъ,
Чтобъ поколѣніямъ земнымъ
Оставить о себѣ преданье.
И Пери въ тайномъ упованьѣ
Къ святымъ развалинамъ летитъ:
«Быть можетъ, талисманъ сокрытъ,
Изъ злата вылитый духами,
Подъ сими древними столпами,
Иль Соломонова печать,
Могущая намъ отверзать
И бездны океана темны,
И всѣ сокровища подземны,
И сверженнымъ съ небесъ духамъ
Опять къ желаннымъ небесамъ
Являть желанную дорогу».
И съ трепетомъ она къ порогу
Жилища солнцева идетъ;
Еще багряный вечеръ льетъ
Свое сіянье съ небосклона,

И ярко пальмы Ливанона
Въ роскошныхъ свѣтятся лучахъ....
Но что же вдругъ въ ея очахъ?
Долиною Балбека ясной,
Какъ роза, свѣжій и прекрасной,
Бѣжитъ младенецъ; озаренъ
Огнемъ заката, гнался онъ
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться къ ней:
Среди ясминовъ и лилей
Она кружится непослушно
И блещетъ, какъ цвѣтокъ воздушной
Иль какъ порхающій рубинъ.
Уставъ, младенецъ подъ ясминъ
Прилегъ и въ листьяхъ угнѣздился.
Тогда вблизи остановился
На жарко дышащемъ конѣ
Ѣздокъ, съ лицемъ, какъ на огнѣ,
Отъ зноя дневнаго горѣвшимъ.
Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
Близь имарета, онъ съ коня
Спрыгнулъ и, на воды склоня
Лице, студеныхъ струй напился.
Тутъ взоръ его оборотился,
Изъ-подъ густыхъ бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое въ цвѣтахъ сидѣло,
И улыбалось, и глядѣло
Безъ робости на пришлеца,
Хотя толь страшнаго лица
Дотолѣ солнце не палило.
Свирѣпо-сумрачное, было
Подобно тучѣ громовой
Оно своей ужасной мглой;
И яркими чертами совѣсть
На немъ изобразила повѣсть
Страстей жестокихъ и злодѣйствъ:
Разбой, насильство, плачъ семействъ,
Грабежъ, святыни оскверненье,
Предательство, богохуленье—
Всю написало жизнь на немъ,
Какъ обвинительнымъ перомъ
Неумолимый ангелъ мщенья
Записываетъ преступленья
Земныя въ книгѣ роковой,
Чтобъ послѣ милость ихъ слезой
Съ погибельной страницы смыла.
Краса-ли вечера смирила
Въ немъ душу—но злодѣй стоялъ
Задумчивъ, и предъ нимъ игралъ
Малютка тихо межъ цвѣтами;
И съ яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встрѣчались полныя душой
Младенца голубыя очи:
Такъ дымный факелъ, въ мракѣ ночи
Разврата освѣщавшій домъ,
Порой встрѣчается съ лучемъ
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло.... и въ этотъ часъ
Вечерній минаретовъ гласъ,
Къ мольбѣ скликающій, раздался....
Младенецъ набожно поднялся
Съ цвѣтовъ, колѣни преклонилъ,
На югъ лице оборотилъ
И съ тихостью предъ небесами
Самой невинности устами
Промолвилъ имя божества.
Его лице, его слова,
Его смиренно сжаты руки....
Казалось о концѣ разлуки
Съ эдемомъ радостнымъ своимъ
Молился чистый херувимъ,
Земли на время поселенецъ.
О видъ прелестный!... Сей младенецъ...
Сіи святыя небеса....
И гордый Эвлисъ очеса
(Такимъ растроганный явленьемъ)
Склонилъ бы, вспомнивъ съ умиленьемъ
О свѣтлой рая красотѣ
И о погибшей чистотѣ.
А онъ?... отверженный, несчастной....
Передъ невинностью прекрасной,
Какъ осужденный, онъ стоялъ....
Увы, онъ памятью леталъ
Надъ темной прошлаго пучиной:
Тамъ не встрѣчался ни единой
Веселый брегъ, куда бъ пристать
И гдѣ бъ отрадную сорвать
Надеждѣ вѣтку примиренья;
Одни лишь грозныя видѣнья
Носились въ темной безднѣ той....
И грудь смягчалася тоской;
И онъ подумалъ: «время было,
И я, какъ ты, младенецъ милой,
Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ,
Какъ ты, молиться имъ умѣлъ
И къ мирной алтаря святынѣ

И царскій пиръ его прекрасенъ.
При крикахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ...

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?
Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю:
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, Русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

А. Пушкинъ.

---

22. ПЕРИ и АНГЕЛЪ.

Сіяла вечера сіяньемъ
Отчизна розы, Суристанъ,
И солнце, неба великанъ,
Сходя на западъ, какъ корона
Главу вѣнчало Ливанона,
Въ великолѣпіи снѣговъ
Смотрящаго изъ облаковъ,
Тогда какъ рдѣющее лѣто
Въ долинѣ, зноемъ разогрѣтой,
У ногъ его роскошно спитъ.
О сколь разнообразный видъ
Красы, движенья и блистанья
Являлъ сей край очарованья,
Съ эѳирной зримый высоты!
Лѣса, кудрявые кусты;
Потоковъ воды голубыя;
Надъ ними дыни золотыя,
Въ закатныхъ рдѣющи лучахъ
На изумрудныхъ берегахъ;
Старинны храмы и гробницы;
Веселыя веретиницы,
На яркой стѣнъ ихъ бѣлизнѣ
Въ багряномъ вечера огнѣ
Сіяющія чешуями;
Густыми голуби стадами
Слетающіе съ вышины
На озаренны крутизны;
Ихъ вѣянье, ихъ трепетанье,
Ихъ переливное сіянье,
Какъ бы сотканное для нихъ
Изъ радугъ пламенно- живыхъ
Безоблачнаго Персистана;
Святыя воды Іордана;
Сліянный шумъ волны, листовъ
Съ далекимъ пѣньемъ пастуховъ;
И пчелы дикой Палестины,
Жужжащія среди долины,
Блестя звѣздами на цвѣтахъ—
Видъ усладительный... Но, ахъ!
Для бѣдной Пери нѣтъ услады.
Разсѣянны склонила взгляды,
Тоской души утомлена,
На падшій солнцевъ храмъ она,
Вечернимъ солнцемъ озаренный;
Его столпы уединенны
Въ величіи стояли тамъ,
По окружающимъ полямъ
Огромной простираясь тѣнью,
Какъ будто время разрушенью
Коснуться запретило къ нимъ,
Чтобъ поколѣніямъ земнымъ
Оставить о себѣ преданье.
И Пери въ тайномъ упованьѣ
Къ святымъ развалинамъ летитъ:
«Быть можетъ, талисманъ сокрытъ,
Изъ злата вылитый духами,
Подъ сими древними столпами,
Иль Соломонова печать,
Могущая намъ отверзать
И бездны океана темны,
И всѣ сокровища подземны,
И сверженнымъ съ небесъ духамъ
Опять къ желаннымъ небесамъ
Являть желанную дорогу».
И съ трепетомъ она къ порогу
Жилища солнцева идетъ;
Еще багряный вечеръ льетъ
Свое сіянье съ небосклона,

И ярко пальмы Ливанона
Въ роскошныхъ свѣтятся лучахъ....
Но что же вдругъ въ ея очахъ?
Долиною Балбека ясной,
Какъ роза, свѣжій и прекрасной,
Бѣжитъ младенецъ; озаренъ
Огнемъ заката, гнался онъ
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться къ ней:
Среди ясминовъ и лилей
Она кружится непослушно
И блещетъ, какъ цвѣтокъ воздушной
Иль какъ порхающій рубинъ.
Уставъ, младенецъ подъ ясминъ
Прилегъ и въ листьяхъ угнѣздился.
Тогда вблизи остановился
На жарко дышащемъ конѣ
Ѣздокъ, съ лицемъ, какъ на огнѣ,
Отъ зноя дневнаго горѣвшимъ.
Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
Близь имарета, онъ съ коня
Спрыгнулъ и, на воды склоня
Лице, студеныхъ струй напился.
Тутъ взоръ его оборотился,
Изъ-подъ густыхъ бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое въ цвѣтахъ сидѣло,
И улыбалось, и глядѣло
Безъ робости на пришлеца,
Хотя толь страшнаго лица
Дотолѣ солнце не палило.
Свирѣпо-сумрачное, было
Подобно тучѣ громовой
Оно своей ужасной мглой;
И яркими чертами совѣсть
На немъ изобразила повѣсть
Страстей жестокихъ и злодѣйствъ:
Разбой, насильство, плачъ семействъ,
Грабежъ, святыни оскверненье,
Предательство, богохуленье—
Всю написало жизнь на немъ,
Какъ обвинительнымъ перомъ
Неумолимый ангелъ мщенья
Записываетъ преступленья
Земныя въ книгѣ роковой,
Чтобъ послѣ милость ихъ слезой
Съ погибельной страницы смыла.
Краса-ли вечера смирила
Въ немъ душу—но злодѣй стоялъ
Задумчивъ, и предъ нимъ игралъ
Малютка тихо межъ цвѣтами;
И съ яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встрѣчались полныя душой
Младенца голубыя очи:
Такъ дымный факелъ, въ мракѣ ночи
Разврата освѣщавшій домъ,
Порой встрѣчается съ лучемъ
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло.... и въ этотъ часъ
Вечерній минаретовъ гласъ,
Къ мольбѣ скликающій, раздался....
Младенецъ набожно поднялся
Съ цвѣтовъ, колѣни преклонилъ,
На югъ лице оборотилъ
И съ тихостью предъ небесами
Самой невинности устами
Промолвилъ имя божества.
Его лице, его слова,
Его смиренно сжаты руки....
Казалось о концѣ разлуки
Съ эдемомъ радостнымъ своимъ
Молился чистый херувимъ,
Земли на время поселенецъ.
О видъ прелестный!... Сей младенецъ...
Сіи святыя небеса....
И гордый Эвлисъ очеса
(Такимъ растроганный явленьемъ)
Склонилъ бы, вспомнивъ съ умиленьемъ
О свѣтлой рая красотѣ
И о погибшей чистотѣ.
А онъ?... отверженный, несчастной....
Передъ невинностью прекрасной,
Какъ осужденный, онъ стоялъ....
Увы, онъ памятью летал
Надъ темной прошлаго пучиной:
Тамъ не встрѣчался ни единой
Веселый брегъ, куда бъ пристать
И гдѣ бъ отрадную сорвать
Надеждѣ вѣтку примиренья;
Одни лишь грозныя видѣнья
Носились въ темной безднѣ той....
И грудь смягчалася тоской;
И онъ подумалъ: «время было,
И я, какъ ты, младенецъ милой,
Былъ чистъ, на небеса смотрѣлъ,
Какъ ты, молиться имъ умѣлъ
И къ мирной алтаря святынѣ

Спокойно подходилъ.... а нынѣ?...»
И голову потупилъ онъ;
И все, что съ давнихъ тѣхъ временъ
Въ душѣ ожесточенной спало,
Чѣмъ сердце юное жпвало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты—
Все вдругъ предъ нимъ возобновилось
И въ душу свѣжее втѣснилось;
И онъ заплакалъ... онъ во прахъ
Предъ Богомъ палъ въ своихъ слезахъ.
О слезы покаянья! вами
Душа дружится съ небесами,
И въ тайный угрызенья часъ
Виновный знаетъ только въ васъ
Невинности святое счастье.
И Пери въ жалости, въ участьѣ,
Забывъ себя и жребій свой,
Съ покорною о немъ мольбой
Глаза на небо—свѣтомъ ровнымъ
Сіяющее—возвела;
Ея душа полна была
Неизъяснимымъ ожиданьемъ....
На хладномъ прахѣ съ покаяньемъ
Предъ Богомъ плачущій злодѣй
Лежалъ недвижимъ передъ ней,
Къ землѣ приникнувъ головою;
И сострадательной рукою,
Къ несчастному преклонена,
Какъ нѣжная сестра, она
Поддерживала съ умиленьемъ
Главу, нагбенную смиреньемъ;
И быстро изъ его очей
Въ мирительную руку ей
Струя горячихъ слезъ бѣжала;
И на небѣ она искала
Отвѣта милости слезамъ....
И все прекрасно было тамъ!
И были вечера свѣтила,
Какъ яркія паникадила,
Въ небесномъ храмѣ зажжены;
И мнилось ей: изъ глубины
Того незримаго чертога,
Гдѣ чистымъ покаяньемъ Бога
Умѣетъ сердце обрѣтать,
Къ землѣ сходила благодать;
И тамъ, казалось, ликовали;
Какъ будто ангелы летали
Съ веселой вѣстью по звѣздамъ;
Какъ будто праздновали тамъ
Святую радость примиренья....
И вдругъ, внезапнаго стремленья
Могуществомъ увлечена,
Уже на высотѣ она;
Уже предъ ней почти пропала
Земля, и Пери.... угадала!
Съ потокомъ благодарныхъ слезъ,
Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
На міръ земной она воззрѣла....
«Прости, земля!..» и улетѣла.

Жуковскій.

---

23. ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ:
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ;
На нихъ печальный брезжетъ свѣтъ,—
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во練 мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо—ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ въ-вѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ;
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ столь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душей остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я—живой—
Терзался на полу тюрьмы.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены:
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;

Онъ намъ лице чужое далъ,—
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услуга намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснiю войны—
Но скоро тоже и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны:
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта-ль?... но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой.

Изъ насъ троихъ я старшiй былъ;
Я жребiй собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшiй братъ, любовь отца...
Увы, черты его лица
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать!
Онъ былъ мнѣ все—и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ;
Умомъ младенчески-игривъ;
Безпечно веселъ самъ съ собой...
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы какъ ручей.

Другой былъ столь же чистъ душой,
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ
И въ первый рядъ на смерть готовъ...
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, при насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ.—
И гробъ тюрьма ему была,
Неволи сила не снесла.

Но онъ—нашъ милый, лучшiй цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ—образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ—для кого я жизнь щадилъ,
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть....
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребiй свой;
Не я ему—онъ для меня
Подпорой былъ... вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и, молча, вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть.
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка... я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ,
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ въ тиши
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ... увы, онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ.
Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребiй свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьѣ... Но, объять
Сей тратой, горшею изъ тратъ,

Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ...
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать и вдругъ умолкнулъ онъ...
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный... стѣна
Откликнулась... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... къ брату... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ, какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ, предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней.
Я дико по тюрьмѣ бродилъ,
Но въ ней покой ужасный былъ:
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И, взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О сколько муки въ знаньѣ томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть!
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю, вѣра-ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла.

Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню... свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей;
То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ;
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,

Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ;
И, мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма:
Молчанье то же, та же тьма!
Какъ прежде, блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ,
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣснѣ той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но ктожъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный-ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?.. Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,

А райскій гость; что братній духъ
Примчался птичкою съ небесъ...
Но утѣшитель вдругъ исчезъ,
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня...
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ... меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

Жуковскій.

---

24. НАТАЛЬЯ ДОЛГОРУКАЯ.

Большой владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна».

Она идетъ, и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется.
Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ;
Ея младенецъ полусонной
Озябъ, и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромный,
Подходитъ скоро къ рощѣ темной,
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье,
Ей будто страшно то селенье;
Нейдетъ въ него, нейдетъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ.
«О, если тамъ?... А мнѣ таиться
Велитъ судьба... быть можетъ... нѣтъ!
Кому узнать!... и сколько лѣтъ!
Забыто все; но вечеръ тмится,
Пора!» и къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потомъ пошла, махнувъ рукой,
И скрылася въ тѣни густой.

За рощей темною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло.
Высокихъ липъ въ тѣни зеленой
Хоромы барскіе стоятъ;
Они видъ древности хранятъ;
Въ гербѣ подъ графскою короной,
Щитъ красный въ полѣ золотомъ
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечъ съ копьемъ
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
Но садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты
Въ забвеньѣ долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живетъ наслѣдникъ молодой;
А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины,
И рода знатнаго преданья—
Священный отзывъ старины.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ, догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою

Былъ свѣтелъ праведной душою;
Покойный графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной:
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со Шведомъ воевалъ,
И послѣ шумнаго похода
Въ тиши села у нихъ живалъ.

Но, полонъ важности старинной,
Святаго старца кротокъ видъ;
На немъ подрясникъ объяринной
И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:
Одинъ монахъ съ Аѳонскихъ горъ
Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна;
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ,
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенцо съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

Уже готовъ идти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ
И кто-то на крыльцо идетъ;
И дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.
«Войди подъ мой убогій кровъ
(Сказалъ онъ ей): пора ночная,
Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ,
И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
Переночуй: ты съ новымъ днемъ
Пойдешь опять своимъ путемъ».
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но, и блѣдна и боязлива,
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полусловами отвѣчала
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на темный садъ,
Какъ будто узнавала что-то,
Какъ-бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ — то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.
Души встревоженной волненье,
Порывы темные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ: и старца въ ней
Дивило все. «Не та осанка,
Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
Видна не грубая крестьянка
Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
Въ ней горесть тихая пріятна,
И хоть бѣдна, но какъ опрятна
Одежда путницы простой!
На пальцѣ перстень золотой...
Куда-жъ теперь не въ часъ урочный
Она дорогою большой?...
Ахъ, нѣтъ, какъ ангелъ непорочный
Она глядитъ, и за нее
Порукой сердце мнѣ мое!»

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить;
Онъ, какъ родной, ее ласкаетъ,
И веселитъ и начинаетъ
Разсказъ любимой старины:
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній,
И думы, грустью стѣснены,
Далеко мрачныя летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,

И вдругъ, съ душей отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?»

Путница.

Я, мой отецъ?...

Священникъ.

Твоя тоска,
Повѣрь, къ душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты: мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ.

Путница.

Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

Священникъ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

Путница.

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколько снова
Должна я ждать, и какъ сурова!...

Священникъ.

Такъ Богъ велѣлъ: предъ Нимъ смирись;
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись,
Онъ самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи: въ страданьѣ благодать!

Путница.

Отецъ ты мой! въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются поневолѣ.

Священникъ.

Не бойся воли дать слезамъ;
Но только, слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ небесамъ:
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ,
Сказалъ Господь.

Путница.

О рѣчь святая!
Отрадна ты.

Священникъ.

И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживетъ!
Твои, мой другъ, младые годы
Не расцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:
Тебя судьба не баловала;
Къ веселой участи она
Ничѣмъ тебя не пріучала.
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ...
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ бояринъ межъ бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо-русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ, въ золотѣ ходилъ—
И чтоже? дочь его родная
Не знаетъ радости земной
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая...
Суди жъ, дивна ль судьба твоя?
Она была не ты.

Путница.

Не я!

Священникъ.

Давно она отъ насъ ужъ скрылась,
Но все живетъ въ душѣ моей.
Я разскажу тебѣ о ней.
Почти при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамотѣ училъ.
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вонъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ... ее одну
Печаль такъ рано сокрушила;
Она одна свою весну
Отъ нихъ далеко погубила.
Теперь я вижу, есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села
Тиха, задумчива росла
Какъ будто горя ожидая,

Покорна будущей судьбѣ.
Могу-ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святаго
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужаго
Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогаго,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лице твое
Напоминаетъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней густыя,
И очи темно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе;
Не диво: солнце и морозъ
Ее въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

И. Козловъ.

---

25. МЦЫРИ.

РАЗСКАЗЪ МЦЫРИ.

Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ?—Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ!
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года,
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ;
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ—
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ:
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...

И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица,
И блескъ оправленныхъ ноженъ
Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ! Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я:
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельѣ тамъ бѣжалъ потокъ,
Онъ шуменъ былъ, но не глубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ;
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ,
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,

Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ.... О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ....
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой!....

Бѣжалъ я долго—гдѣ, куда,
Не знаю! ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ—
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей.
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей
И ползъ и прятался какъ змѣй.

Внизу глубоко надо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ въ туманной вышинѣ,
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И какъ они на встрѣчу дню,
Я поднялъ голову мою....
Я осмотрѣлся; не таю:
Мнѣ стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ;
Туда вели ступени скалъ,
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ;
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ:
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я-бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.

Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

– – – –

Напрасно въ бѣшенствѣ, порой,
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ,
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста....
Моя кружилась голова;
Я сталъ взлѣзать на дерева,
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ,
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой....
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ.... я былъ чужой
Для нихъ на-вѣкъ, какъ звѣрь степной,
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ—клянусь, старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

Ты помнишь дѣтскіе года:
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ! Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры.... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ:
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ,—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови.... да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ....
Но нынче, я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ,—и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ.... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачекъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ....
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ....
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной,—
Бой закипѣлъ, смертельный бой:
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь,
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье.... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ и во мглѣ
Бой продолжали на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ:
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ какъ онъ;
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ.

Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ....
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавивъ меня въ послѣдній разъ....
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицемъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!

Лермонтовъ.

III. ИРОИ-КОМИЧЕСКІЙ ЭПОСЪ.

26. ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

Слушайте: я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости-жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ-подлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить и дома сидѣть, да высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей вызвать бойцевъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы: началося; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Въ слѣдъ за его величествомъ. Солнце взошло ужъ на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но въ шубкахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцей они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая Шубка, носикъ въ болото уткнувъ и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усатаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: «какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ, изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: не знаю вкуснѣе напитка!»
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса-де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно.—Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку провѣдать,
Кто незваные гости: когда непріятели, взять ихъ,

Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ:
«Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. Смотрите жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый».
Бѣлый межъ тѣхъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: «здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему; прошу не взыскать, что безъ спросу
Вашей воды напился я: мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ.» Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы и какъ васъ зовутъ? Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода; а платы не требуемъ: воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и солнце.
Бѣлая Шубка учтиво отвѣтствовалъ: «царская воля
Будетъ исполнена; радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою:
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго» Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ съ свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая Шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ: ибо не вѣдалъ, доброе-ль, злое-ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая Шубка,
Вспомнивши кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ дальнаго, вѣрно,
Края: ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось.
Бѣлая Шубка, царю поклонися опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ, а царь продолжалъ: разскажи намъ,
Кто ты, кто твой отецъ, кто мать, и откуда пришелъ къ намъ.
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда, не таяся,
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами.
«Нѣтъ никакой мнѣ причины», отвѣтствовалъ Бѣлая Шубка,
«Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома

Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвость Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ расширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ и двѣ трети ветчинни
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей: а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискунью Бѣлую Шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, попрозванію Хватъ. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи: вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ-запуски; я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня: я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка.
Съ духомъ собравшись и высунувъ носъ изъ-подъ лапы,
Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровёнъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ;
Льву услужить ты задумалъ; добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ. Ступай. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу, а я давай Богъ ноги. Но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона: я не струсилъ: выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется какъ бѣшеный: кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно: лишь болѣ себя онъ запутывалъ. Видишь,
Левъ-государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
Будь спокоенъ: въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся.
Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь.
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою Овца, съ Овцою голодный
Волкъ, Собака съ Волкомъ, съ Собакой Медвѣдь, а съ Медвѣдемъ
Левъ; Человѣкъ же и Льва, и Медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: Совы, Ласточки, Кошки, и всѣхъ ихъ

Злѣе козни людскія. И тяжко подъ часъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью
Учатъ... Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь».
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность и польза! Теперь опиши мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали.—
«Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, Человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться, безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они; но только что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ. Народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки: бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось?—Объ этомъ
Вспомнить—морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные
Съ пиру пришли удальцы: глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лице; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье

Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу: на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усатый, сизая шкурка,
Розовый носикъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усатое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ—пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же, мышамъ, онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ.
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье:
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска!
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.

Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать; и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру виляль хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и въ правду
Котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка,
Вытянутъ весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный! довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышитъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ: мертвецъ да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и насилу
Какъ-то она отъ него уплела), берегитесь: Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ не добрый; и шкура цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобы послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово;
Мы же при каждомъ стихѣ хохотать, и вотъ что прочелъ онъ:
«Жилъ Мурлыка; былъ Мурлыка котъ сибирскій,
Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у турка;
Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
Радуйся, наше подполье!»... Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать.... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,

Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой: иному
Хвостъ былъ оторванъ: у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались какъ тряпки: царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу: но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

Жуковскій.

IV. ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ.

27. РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ.

Гордо шествовалъ Браунъ, путь къ горамъ направляя;
Шествовалъ онъ по степи пространной, песчаной и дикой.
Вотъ ужъ прошелъ онъ ее и сталъ подходить мѣрнымъ шагомъ
Къ тѣмъ горамъ, средь которыхъ охотился Рейнеке лѣтомъ:
За день предъ симъ, слышалъ Браунъ, онъ еще въ нихъ забавлялся.
Браунъ, однако, прошелъ въ Малепартусъ; тамъ были
Чудныя зданья у Лиса. Изъ всѣхъ его замковъ и бурговъ
Былъ Малепартусъ важнѣйшимъ и лучшимъ. Туда укрывался
Всякій разъ Рейнеке, если задумывалъ пакость какую.
Браунъ, къ замку пришедши, увидѣлъ, что замокъ былъ крѣпко
На-крѣпко запертъ. Такъ онъ, постоявъ и подумавъ въ воротахъ,
Рѣчь завесть съ Лисомъ рѣшился: «дома-ль-вы, дядюшка, нынче?
Браунъ-медвѣдь къ вамъ пришелъ, чрезвычайнымъ посломъ королевскимъ.
Хочетъ король непремѣнно, чтобы явились на судъ вы
И чтобы вмѣстѣ со мной ко двору вы отправились нынче:
Каждому тамъ по заслугамъ возмездье воздастся; иначе
Съ жизнью своею проститесь; если останетесь здѣсь вы,
Пытки и плахи вамъ мало. Вы подумайте, дядя,
Да и ступайте со мною; иначе вамъ солоно будетъ».
Лисъ же лежалъ въ-тихомолку, слушая Брауна рѣчи;
Самъ же раздумывалъ думу: какъ бы, право, устроить,
Чтобъ деревенщинѣ этой за грубыя рѣчи досталось?
Ну-тка, обдумаемъ дѣльце. И вотъ онъ идетъ въ глубь жилища,
Шаритъ въ разныхъ углахъ—искусно былъ выстроенъ замокъ:
Дырки и норки вездѣ, ходы различные всюду
Длинные, узкіе—съ дверью иной, а который безъ двери,
Все смотря по нуждѣ и по времени. Только узнаетъ,
Что его ищутъ, бывало, за плутни иль дѣльце какое,
Вотъ ему тутъ и защита. Также частенько въ ловушки
Эти его попадался съ-дуру звѣрокъ какой бѣдный;
Все было на руку Лису, всѣмъ былъ доволенъ разбойникъ.
Рейнеке выслушалъ рѣчь; только онъ мудро боялся,
Нѣтъ ли въ засадѣ другихъ, вмѣстѣ съ посломъ прибѣжавшихъ.
Но, увѣрившись лично, что Браунъ одинъ его ждетъ тамъ,
Вышелъ, хитрецъ, за ворота и молвилъ: «милости просимъ,
Дядюшка! вы извините, что ждать я васъ долго заставилъ!
Весперъ читалъ все. Спасибо, что сами меня посѣтили;
Вы при дворѣ мнѣ полезны и крѣпко на васъ я надѣюсь.
Милости просимъ! Будьте какъ дома! Право, не грѣхъ ли

Васъ идти заставлять въ жарынь такую далеко?
Боже мой, какъ вы вспотѣли! волосы ваши всѣ мокры!
Еле дышите сами! Иль никого ужъ другаго
У короля не нашлось для посылокъ, и васъ онъ,
Рѣдкаго мужа, избралъ мнѣ возвѣстить свою волю?
Но для меня жъ это лучше; вы не откажетесь вѣрно
Предъ королемъ за меня доброе слово замолвить;
Завтра я ужъ рѣшился, хоть плохъ я очень здоровьемъ,
Съ вами идти ко двору; туда ужъ давно я сбираюсь;
Только сегодня не въ мочь мнѣ въ путь отправляться далекій:
Кушанья вотъ одного я нынче поѣлъ по несчастью,
А теперь и болѣю; что-то все рѣжетъ въ желудкѣ».
Браунъ на то возразилъ: — А что жъ это было такое?—
«Проку мало вамъ будетъ», Лисъ тутъ медвѣдю отвѣтилъ,
«Если про это скажу вамъ. Бѣдно теперь я питаюсь,
Но терпѣливо сношу: не графъ, человѣкъ неимущій!
И коль для нашего брата лучше чего не найдется,
Ѣшь, пожалуй, и соты: такого добра здѣсь довольно.
Ихъ изъ нужды лишь я ѣмъ; съ нихъ-то меня и раздуло.
Противъ воли ихъ жрешь—какое тутъ будетъ здоровье?
Было бъ другое здѣсь что, я сотъ и за деньги бъ не тронулъ»!
—Ай! что я слышу! воскликнулъ медвѣдь: ай! какой привередникъ!
Соты чудная вещь: ѣсть ихъ, повѣрьте, не всякій!
Соты, я вамъ скажу, лучше всѣхъ кушаній рѣдкихъ.
Соты люблю я; достаньте, дядя, мнѣ сотъ; вы въ убыткѣ,
Право, не будете, дядя; ужъ вамъ заслужу я за это.—
«Вы не смѣетесь?» Лисъ возразилъ.—Какое! ей Богу!—
Тутъ побожился медвѣдь — я говорю вамъ серьезно.
«Если такъ», отвѣчалъ ему Лисъ: «радъ служить вамъ;
Сила мужикъ недалеко живетъ вонъ тамъ за горою,
Пропасть сотъ у него! Вы отродясь не видали
Кучи такой». Обуяла сильная похоть медвѣдя,
Слюнки съ губъ потекли, сотъ ему захотѣлось.
«О, сведите меня!» тутъ онъ воскликнулъ: скорѣе!
Дядюшка, вамъ услужу я, только вы сотъ мнѣ достаньте.
Право, отвѣдаю только, досыта ѣсть ихъ не стану».
«Ну, такъ пойдемъ», отвѣчалъ Рейнеке: «соты вамъ будутъ.
Нынче я на ноги плохъ, но, дядюшка, къ вамъ моя дружба
Слабый мой шагъ подкрѣпитъ. Нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ,
Даже изъ цѣлой родни, кого бы, какъ васъ, уважалъ я!
Но пойдемъ-те! за то вы мнѣ при дворѣ пригодитесь
Въ день засѣданья; враговъ ужъ вмѣстѣ тамъ посрамимъ мы.
Медомъ васъ угощу я, еле двинетесь съ мѣста!»
Самъ же думалъ, хитрецъ, о палкахъ крестьянина Силы.
Лисъ впередъ забѣжалъ. Браунъ шелъ за нимъ слѣпо.
Если удастся, Рейнеке думалъ: нынче жъ тебѣ я
Меду такого отвѣшу, что до зимы не забудешь.
Вотъ пришли они къ Силѣ на дворъ; веселился заранѣ
Браунъ, какъ тѣ дураки, что слѣпо вѣрятъ надеждѣ.
Вечеръ давно наступилъ, и Рейнеке зналъ, что ужъ Сила,

Плотникъ и мастеръ отмѣнный, давно залегъ на постелю,
А на дворѣ у него валялся дубовый обрубокъ,
Толстый, огромный; два клина загналъ въ него Сила крестьянинъ,
И начинала широкая щель отъ комля разверзаться.
Рейнеке это замѣтилъ и, обращаясь къ медвѣдю,
«Дядюшка»,молвилъ ему онъ: «въ этомъ пнѣ столько меду,
Что и представить нельзя; воткните лишь морду поглубже,
Сколько возможно поглубже. Только, смотрите, немного
Кушайте меду; не то, какъ я, заболѣете, грѣшный».
— Что жъ вы, отвѣтилъ медвѣдь, я развѣ обжора? Позвольте!
Мѣру вездѣ наблюдай, во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ!—
Такъ обмануть себя далъ медвѣдь и голову всунулъ
Въ щель по самыя уши съ косматыми лапами вмѣстѣ.
Только и ждалъ того Лисъ; съ большимъ трудомъ и усильемъ
Клинья онъ вынулъ, и Браунъ завязъ въ щели съ головою,
Съ лапами.... и не помогутъ ему ни моленья, ни крики.
Задалъ Лисъ Брауну дѣла, хоть силой и смѣлостью взялъ онъ;
Такъ-то племянничекъ дядю въ полонъ къ себѣ хитростью прибралъ.
Взвылъ и забился медвѣдь, и задними лапами страшно
Сталъ онъ работать и столько шумѣлъ, что Сила проснулся.
Чтобъ это было? плотникъ подумалъ, взявши топоръ свой
На всякій случай, когда бы воры теперь къ нему лѣзли.
Браунъ межъ тѣмъ пребывалъ въ страхѣ великомъ. Щемила
Сильно голову щель, отъ боли онъ вылъ и метался.
Но какъ ни бился, а пользы было немного. Онъ думалъ,
Что ужъ тутъ ему смерть; на это и Лисъ полагался,
И, завидя вдали крестьянина Силу, воскликнулъ:
«Браунъ, какъ можется вамъ? немного вы кушайте только!
Вкусно ль вамъ, дядюшка? Сила самъ идетъ угощать васъ;
Послѣ обѣда винца онъ вамъ поднесетъ: на здоровье!»
И безъ оглядки шельмецъ къ себѣ побѣжалъ въ Малепартусъ.
Сила пришелъ наконецъ и, Бурку увидѣвъ, звать началъ
Всѣхъ мужиковъ, что въ корчмѣ сидѣли, вино распивая:
«Эй вы! бѣгите; сюда медвѣдь на мой дворъ затесался,
Право слово, не лгу». И встали они и гурьбою
Всѣ за нимъ побѣжали, что ни попало взявъ въ руки:
Кто съ сѣновала взялъ вилы, кто отъискалъ гдѣ-то грабли,
Молотъ одинъ поддѣпилъ, другіе бѣжали съ рогаткой,
Съ разнымъ дубьемъ и дрекольемъ. Даже дьячекъ и священникъ
Бить медвѣдя бѣжали. Даже попова кухарка
(Юттой звалася она, и кашу умѣла готовить,
Какъ никто не готовилъ)—и та назади не осталась:
Съ прялкой туда же бѣжала драть шкуру съ несчастнаго звѣря.
Слышалъ онъ гвалтъ и весь шумъ и, страхомъ и болью томимый,
Съ силою вырвалъ изъ щели голову, всю ободравши
Морду свою до ушей и въ трещинѣ кожу оставивъ...
Нѣтъ, злополучнѣе звѣря никто не видалъ! И струилась
Кровь у него съ головы... А проку все было немного!
Лапы въ щели оставались; и сталъ порываться онъ, бѣдный;
Съ ревомъ выдернулъ ихъ, но когти и кожу покинулъ

Въ трещинѣ съ кровью и съ мясомъ. Дорого соты пришлися
Бѣдному Брауну, въ горлѣ коломъ они ему сѣли:
Въ путь онъ не въ добрый часъ вышелъ. Морда и лапы въ крови всѣ,
На ноги стать онъ не можетъ, не можетъ онъ тронуться съ мѣста,
Ни ползти, ни идти. А Сила бѣжитъ къ нему прямо,
Всѣ бѣгутъ на него и всѣ на него нападаютъ,
Всѣ ему гибель несутъ. Вотъ патеръ длинной дубиной
Издали бросилъ въ него и ловко въ спину потрафилъ.
Браунъ туда и сюда, но тутъ его окружили:
Вилой кололи одни, другіе били дрекольемъ,
Молотъ съ щипцами кузнецъ принесъ, набѣжали сосѣди
Кто съ лопатой, кто съ ломомъ, и били, кричали и били,
Всѣ на него напустились, никто прибѣжать не замедлилъ;
Широконосый Людольфъ да Шлеппе съ нимъ кривоногій
Били сильнѣй всѣхъ, а Герольдъ цѣпомъ молотилъ что есть силы.
Возлѣ него топоталъ кумъ его Кюкерлей толстый,
И всѣхъ больше они на Брауна злились и лѣзли.
Также и Квакъ вмѣстѣ съ Юттой отъ нихъ ни въ чемъ не отстали:
Только Лорденъ хватила бѣднаго звѣря ушатомъ.
И не одни только эти, а всѣ мужики и всѣ бабы,
Сколько ихъ ни было тутъ, смерти желали медвѣдю.

.... Вотъ полетѣли и камни
Градомъ на Брауна: плохо въ то время ему приходилось.
Силинъ братъ подскочилъ и началъ медвѣдя дубиной
По головѣ колотить! не взвидѣлъ тотъ Божьяго свѣта,
Разомъ съ удара рванулся и бросился прямо на женщинъ;
Взвыли, шарахнулись бабы: однѣ разбѣжались, другія
Въ воду попали. Патеръ тутъ завопилъ: «поглядите!
Тамъ внизу Ютта-кухарка плыветъ и прялка за нею!
О, помогите, міряне! Выкачу пива двѣ бочки
Вамъ въ награду за это и дамъ во грѣхахъ отпущенье».
Замертво бросивъ медвѣдя, всѣ къ водѣ побѣжали
Женщинъ тонувшихъ спасать. — Той порой, какъ мужчины
Къ берегу всѣ удалились, Бурка къ водѣ дотащился,
Изнемогая отъ боли и кровью весь истекая.
Онъ утопиться лучше хотѣлъ, чѣмъ эти побои
Съ срамомъ такимъ перенесть. Плавать онъ не учился:
Такъ и надѣялся жизнь окончить въ волнахъ быстротечныхъ.
Но противъ чаянья вовсе онъ поплылъ, счастливо несомый
Внизъ теченьемъ рѣки; крестьяне его увидали,
Крикнули разомъ:—«Намъ это въ вѣчный стыдъ обратится!»
И запечалились крѣпко и съ бабами стали ругаться:
«Лучше-бъ вамъ дома сидѣть! сами смотрите, плыветъ онъ!»
Тутъ подступили гурьбою къ бревну и его осмотрѣли,
Въ трещинѣ кожу нашли и волосы съ морды, и смѣхомъ
Всѣ залились и вскричали: «Къ намъ ты еще попадешься
Въ руки, дружокъ! ишь, оставилъ намъ подъ закладъ свои уши!»
Такъ поносили они несчастнаго звѣря; но радъ былъ
Онъ, что хоть смерти избѣгнулъ. Самъ проклиналъ мужиковъ онъ,
Бившихъ его, и стоналъ отъ боли въ ушахъ, въ поясницѣ:

Также и Рейнеке клялъ за измѣну. Съ такими мыслями
Плылъ онъ все дальше и дальше; несомый бурнымъ потокомъ;
Съ милю почти онъ проплылъ въ очень короткое время
И истомленный на берегъ выползъ, стеная отъ боли.
Звѣря несчастнѣе солнце еще никогда не видало!
Онъ и до утра не думалъ дожить, помереть собрался ужъ
И воскликнулъ: О Рейнеке, лживый, коварный измѣнникъ,
Злобная тварь!» Тутъ на память пришли ему Сила, крестьяне,
Толстый дубовый обрубокъ, и Рейнеке проклялъ онъ снова.
Между тѣмъ, Рейнеке-Лисъ, употчивавъ дядюшку медомъ,
Вспомнилъ, что зналъ онъ мѣстечко, гдѣ куры водились, и мигомъ,
Цапнувъ одну, побѣжалъ съ добычей къ рѣкѣ наслаждаться.
Скушавши курицу, тотчасъ опять по дѣламъ онъ пустился
Внизъ по рѣкѣ, постоялъ, водицы испилъ и подумалъ:
«О, какъ я радъ, что медвѣдя удалось мнѣ отдѣлать!
Бьюсь объ закладъ, что крестьяне его топоромъ угостили!
Браунъ всегда былъ врагомъ мнѣ, теперь мы съ нимъ квиты. А дядей
Я еще звалъ все его, но что же! теперь онъ ужъ умеръ:
Этимъ буду гордиться, доколѣ я самъ существую!
Сплетничать онъ и вредить мнѣ больше не будетъ».—И вотъ онъ
Видитъ вдругъ: у рѣки лежитъ въ предсмертныхъ страданіяхъ
Браунъ-медвѣдь. Такъ ему и ударило въ сердце. «О Сила!
Вскрикнулъ Рейнеке-Лисъ: «болванъ неотесанный, грубый!
Пищей побрезгалъ прекрасной, вкусной и сочной, которой
Брезгать никто бы не сталъ, которая просто бросалась
Въ руки тебѣ. Хорошо, что залогъ хоть признательный Браунъ
За угощенье тебѣ оставилъ!» Такъ думалъ коварный,
Брауна видя въ крови, безъ силъ, безъ чувствъ, безъ дыханья.
«Дядюшка, васъ ли я вижу!» Рейнеке крикнулъ медвѣдю:
«Иль что забыли у Силы? Скажите, ему я сей часъ же
Знать дамъ о васъ. Иль не надо? Навѣрно ужъ множество меду
Вы у него потаскали, или расплатились съ нимъ честно?
Какъ все было, скажите? Да какъ вы расписаны славно!
Что это съ вами случилось? Вкусенъ ли, полно, былъ медъ-отъ?
Впрочемъ, по этой цѣнѣ много его продается!
Дядя, скажите, въ какой вы орденъ попали внезапно,
Что такой красный баретъ надѣли на голову? Право,
Вы не аббатомъ ли стали? Вѣрно цырюльникъ, какъ брилъ вамъ
Вашу почтенную плѣшь, за уши вамъ задѣвалъ все;
Вы хохолъ потеряли, какъ вижу, со щекъ своихъ кожу,
Да и перчатки вдобавокъ. Вы не развѣсили ль гдѣ ихъ!»
Такъ бѣдный Браунъ внималъ разнымъ колкимъ насмѣшкамъ,
Самъ отъ боли и муки вымолвить слова не могши,
Какъ себѣ въ горѣ помочь, не зная. И, чтобъ ужъ не слушать
Долѣе бранныхъ рѣчей, къ рѣкѣ коекакъ дотащился,
Бросился въ воду и поплылъ, несомый бурливымъ теченьемъ,
И ужъ подальше на берегъ выплылъ несчастный. И тамъ онъ
Въ мукахъ лежалъ и стоналъ самъ съ собой разсуждая:
«Хоть бы ужъ смерть поскорѣе! Ходить не могу, хоть убейте;
Нужно бъ идти ко двору, и все разсказать какъ случилось,

А тутъ, срамомъ покрытый, томишься по милости Лиса.
Дай-ка мнѣ только ожить, ужъ я отплачу тебѣ, лживый!»
И онъ, съ силой собравшись, четверо сутокъ тащился
И наконецъ къ королю пришелъ, изнывая отъ боли.
Только король увидалъ медвѣдя въ такомъ положеньи,
Такъ и воскликнулъ: «Богъ милосердый! Браунъ ли это?
Что это съ нимъ приключилось?» И Браунъ ему отвѣчаетъ:
«Такъ, государь, безпримѣрно, ужасно мое положенье!
Рейнеке-Лисъ, душегубецъ, мнѣ измѣнилъ такъ постыдно!»
Тутъ король, разсердившись, воскликнулъ: «За это злодѣйство
Я отомщу безпощадно! Такого барона, какъ Браунъ,
Рейнеке-Лису позволить на смѣхъ подымать и безчестить?
Да, клянусь честью и царствомъ! клянусь королевской короной!
Лисъ за все мнѣ отвѣтитъ, что Брауну злаго надѣлалъ;
Пусть не коснусь я меча, когда не сдержу своей клятвы!»
И король повелѣлъ совѣту сейчасъ же собраться,
Засѣданье начать и казнь за злодѣйство назначить.
Всѣ рѣшили, если монарху то будетъ угодно,
Снова потребовать Лиса—пусть самъ онъ себя защищаетъ
Противъ извѣтовъ и жалобъ. Котъ Гинце можетъ посольство
Взять на себя, потому что уменъ онъ, проворенъ и смѣтливъ.
Такъ на совѣтѣ рѣшили всѣ мудрецы государства.
И король, соизволивъ на то, обращается къ Гинце:
«Оправдайте же выборъ совѣта», онъ молвилъ, «и если
Лисъ за собой посылать въ третій разъ насъ заставитъ,
То и себя и свой родъ на-вѣки только погубитъ;
Если уменъ, приходи онъ заранѣ. Ему вы объ этомъ
Скажите лично, другихъ онъ всѣхъ презираетъ, но вашимъ
Мнѣньемъ онъ дорожитъ». И котъ отвѣчалъ государю:
«Если бъ изъ этого только путное вышло! Но какъ же
Къ Рейнеке-Лису пойду я и что же я стану тамъ дѣлать?
Воля ваша на все; но я, государь, полагаю,
Лучше бъ другаго кого отправить къ нему съ порученьемъ:
Малъ я, невзраченъ и слабъ. Вотъ Браунъ силенъ и огроменъ,
А не могъ же привесть Рейнеке-Лиса; такъ какъ же
Я-то за дѣло возьмусь? За слово съ меня не взыщите!»
«Ты меня не упросишь», король возразилъ; «мы встрѣчаемъ
Много малыхъ людей, да умныхъ, хитрыхъ и ловкихъ,
Много большихъ, да глупцовъ. Не великаномъ ты смотришь,
Правда, да взялъ ты умомъ». Послушался котъ и отвѣтилъ:
«Ваша воля законъ мнѣ! и если мнѣ знаменье будетъ
Съ правой руки, на дорогѣ, то путь совершу я удачно.»

М. Достоевскій.

---

28. РУССКІЯ СКАЗКИ О ЗВѢРЯХЪ.

а) Лиса и Заяцъ.

Жили-были лиса и заяцъ. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная: пришла весна красна—у лисицы растаяла, а у зайчика стоитъ по старому. Лиса попросилась у зайчика погрѣться, да зайчика-то и выгнала. Идетъ дорогою зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу собаки: тяфъ, тяфъ, тяфъ! про что, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ гово-

ритъ: «отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать? была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала»

—Не плачь, зайчикъ! говорятъ собаки, мы ее выгонимъ. «Нѣтъ, не выгоните!» Нѣтъ, выгонимъ! Подошли къ избенкѣ: «тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди, лиса, вонъ!» А она имъ съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему на встрѣчу медвѣдь: о чемъ, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: «отстань, медвѣдь! какъ мнѣ не плакать? была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала».—Не плачь, зайчикъ! говоритъ медвѣдь, я выгоню ее. «Нѣтъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь». —Нѣтъ, выгоню.—Пошли гнать: «поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу быкъ: про что, зайчикъ, плачешь? «Отстань, быкъ! какъ мнѣ не плакать? была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — Пойдемъ, я ее выгоню. «Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ—не выгналъ, и ты не выгонишь».—Нѣтъ, выгоню! Подошли къ избенкѣ: «Поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу пѣтухъ съ косой: кукареку! о чемъ, зайчикъ, плачешь? «Отстань пѣтухъ! какъ мнѣ не плакать? была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала».—Пойдемъ, я выгоню. «Нѣтъ, не выгонишь! собаки гнали—не выгнали, медвѣдь гналъ—не выгналъ, быкъ гналъ—не выгналъ, и ты не выгонишь». —Нѣтъ, выгоню! Подошли къ избенкѣ: «кукареку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она услыхала, испугалась, говоритъ: одѣваюсь... Пѣтухъ опять: «кукареку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди вонъ!» А она говоритъ: шубу надѣваю. Пѣтухъ въ третій разъ: «кукареку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» Лиса выбѣжала; онъ ее и зарубилъ косой-то, и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать, да добра наживать. Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ крынка масла.

б) Мужикъ, Медвѣдь и Лиса.

У мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ: мнѣ корешокъ; тебѣ, Миша, вершокъ». Выросла у нихъ рѣпа: мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говоритъ мужику: «ты, братъ, меня надулъ! Когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведешь». — Прошелъ годъ. Мужикъ и говоритъ медвѣдю: «давай, Миша, сѣять пшеницу».—Давай, говоритъ Миша. Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница, мужикъ и говоритъ: «теперь ты что возьмешь, Миша? корешокъ, али вершокъ?» — Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь: подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ. Вотъ собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ, пришелъ къ Мишѣ и говоритъ ему: «вотъ, Миша, какая верхушка-то!» — Ну, мужикъ! говоритъ медвѣдь, я теперь на тебя сердитъ, съѣмъ тебя! Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Вотъ идетъ лиса и говоритъ мужику: «что ты плачешь?»—Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить! меня медвѣдь хочетъ съѣсть. «Не бойся, дядя, не съѣстъ!»— и пошла сама въ кустья, а мужику велѣла стоять на томъ же мѣстѣ; вышла

оттуда и спрашиваетъ: «мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ?» А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ: «ой, мужикъ! не сказывай, не буду тебя ѣсть». Мужикъ говоритъ лисѣ: «нѣту!» Лиса засмѣялась и сказала: «а у телѣги-то что лежитъ?» Медвѣдь потихоньку говоритъ мужику: «скажи, что колода.» —Кабы была колода, отвѣчаетъ лиса, она бы на телѣгѣ была увязана!—а сама убѣжала опять въ кустья. Медвѣдь сказалъ мужику: «свяжи меня и положи въ телѣгу». Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика: «мужикъ! нѣтъ ли у тебя тутъ волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ?»—Нѣту, сказалъ мужикъ. «А на телѣгѣ-то что лежитъ?» — Колода. «Кабы была колода, въ нее бы топоръ былъ воткнутъ!» Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку: «воткни въ меня топоръ». Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, и медвѣдь издохъ. Вотъ лиса и говоритъ мужику: «что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь?»—Дамъ тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты неси — не гляди. Она взяла у мужика мѣшокъ и пошла; несла-несла и думаетъ: дай погляжу! глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Собаки какъ выскочутъ изъ мѣшка-то, да за нею. Лиса отъ нихъ бѣгла, бѣгла, да подъ пенекъ въ нору и ушла, и сидя тамъ, говоритъ съ собою: что вы, ушки, дѣлали?—Мы все слушали. А вы, ножки, что дѣлали?—Мы все бѣжали. А вы, глазки? — Мы все глядѣли. А ты, хвостъ? — Я все мѣшалъ тебѣ бѣжать. А, ты все мѣшалъ! постой же, я тебѣ дамъ!—и высунула хвостъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

в) Котъ, Пѣтухъ и Лиса.

Жилъ-былъ старикъ, у него были котъ да пѣтухъ. Старикъ ушелъ въ лѣсъ на работу, котъ понесъ ему ѣсть, а пѣтуха оставили стеречь домъ. На ту пору пришла лиса:

«Кукареку—пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку.»

Такъ лиса пѣла, сидя подъ окномъ. Пѣтухъ выставилъ окошко, высунулъ головку и посмотрѣлъ: кто тутъ поетъ? Лиса схватила пѣтуха въ когти и понесла его въ гости. Пѣтухъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, въ далекія страны, въ чужія земли, за тридевять земель, въ тридцатое царство, въ тридесятое государство. КотъКотонаевичъ,отыми меня!» Котъ въ полѣ услыхалъ голосъ пѣтуха, бросился въ погоню, достигъ лису, отбилъ пѣтуха и принесъ домой. «Смотри ты, Петя-пѣтушокъ! говоритъ ему котъ, не выглядывай въ окошко, не вѣрь лисѣ; она съѣстъ тебя и косточекъ не оставитъ».

Старикъ опять ушелъ въ лѣсъ на работу, а котъ унесъ ему ѣсть. Старикъ, уходя, заказывалъ пѣтуху беречь домъ и не выглядывать въ окошко. Но лиса стерегла, ей больно хотѣлось скушать пѣтушка; пришла она къ избушкѣ и запѣла:

«Кукареку—пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ зернышковъ».

Пѣтухъ ходилъ по избѣ да молчалъ. Лиса снова запѣла пѣсенку и бросила въ окно горошку. Пѣтухъ съѣлъ горошекъ, и говоритъ: «нѣтъ, лиса, не обманешь меня! ты хочешь меня съѣсть и косточекъ не оставишь».—Полно ты, Петя-пѣтушокъ! стану ли я ѣсть тебя! Мнѣ хотѣлось, чтобъ ты у меня погостилъ, моего житья-бытья посмотрѣлъ и на мое добро поглядѣлъ!—и снова запѣла:

«Кукареку—пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко,
Я дала тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ.»

Пѣтухъ лишь выглянулъ въ окошко, какъ лиса его въ когти. Пѣтухъ лихимъ матомъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, за дремучіе боры, по крутымъ бережкамъ, по высокимъ горамъ; хочетъ лиса съѣсти меня и косточекъ не оставити!» Котъ въ полѣ услыхалъ, пустился въ догоню, пѣтуха отбилъ и домой принесъ: «не говорилъ ли я тебѣ—не открывай окошка, не выглядывай въ окошко, съѣстъ тебя лиса и косточекъ не оставитъ? Смотри, слушай меня! мы завтра дальше пойдемъ».

Вотъ опять старикъ на работѣ, а котъ ему хлѣба понесъ. Лиса подкралась подъ окошко, ту же пѣсенку запѣла; три раза пропѣла, а пѣтухъ все молчалъ. Лиса говоритъ: «что это, ужъ нынѣ Петя нѣмъ сталъ!»—Нѣтъ, лиса, не обманешь меня, не выгляну въ окошко. Лиса побросала въ окошко горошку и пшенички, и снова запѣла:

«Кукареку—пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко.
У меня-то хоромы большія,
Въ каждому углу
Пшенички по мѣрочкѣ;
Ѣшь, сытъ, не хочу!»

Потомъ прибавила: «да, посмотрѣлъ бы ты, Петя, сколько у меня рѣдкостей! да покажись же ты, Петя! полно, не вѣрь коту. Если бы я съѣсти хотѣла тебя, то давно бы съѣла; а то вишь я тебя люблю, хочу тебѣ свѣтъ показать, уму разуму тебя наставить и научить, какъ надо жить. Да покажись же ты, Петя, вотъ я за уголъ уйду!»—и къ стѣнѣ ближе притаилась. Пѣтухъ на лавку скочилъ и смотрѣлъ издалека: хотѣлось ему знать, ушла ли лиса. Вотъ онъ высунулъ головку въ окошко, а лиса его въ когти, и была такова. Пѣтухъ ту же пѣсню запѣлъ; но котъ его не слыхалъ. Лиса унесла пѣтуха и за ельничкомъ съѣла, только хвостъ да перья вѣтромъ разнесло. Котъ со старикомъ пришли домой и пѣтуха не нашли; сколько ни горевали, а послѣ сказали: «вотъ каково не слушаться!»

г) Лиса, Волкъ, Медвѣдь и Заяцъ.

Жилъ себѣ старикъ со старушкой, и у нихъ только и было имѣнія, что одинъ боровъ. Пошелъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему идетъ волкъ. «Боровъ, боровъ, куда идешь?» — Въ лѣсъ жолуди ѣсть.—«Возьми меня съ собою».—Я бы взялъ, говоритъ, тебя съ собою, да тамъ яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь.—«Ничего; говоритъ, перепрыгну». Вотъ и пошли: шли, шли по лѣсу и пришли къ этой ямѣ. «Ну, говоритъ волкъ, прыгай». Боровъ прыгнулъ—перепрыгнулъ. Волкъ прыгнулъ, да прямо въ яму. Ну, потомъ боровъ наѣлся жолудей и отправился домой. На другой день опять идетъ боровъ въ лѣсъ. На встрѣчу ему медвѣдь. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?»—Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми, говоритъ медвѣдь, меня съ собою».—Я бы взялъ тебя, да тамъ яма глубока, широка, ты не перепрыгнешь. «Небось, говоритъ, перепрыгну». Подошли къ этой ямѣ. Боровъ прыгнулъ—перепрыгнулъ. Медвѣдь прыгнулъ — прямо въ яму угодилъ. Боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На третій день боровъ опять пошелъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему косой заяцъ. «Здравствуй, боровъ».—Здравствуй, косой заяцъ! «Куда ты идешь?»—Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми меня съ собою». — Нѣтъ, косой, тамъ яма есть широка, глубокая, ты не перепрыгнешь. «Вотъ не перепрыгну, какъ не перепрыгнуть!» Пошли и пришли къ ямѣ. Боровъ прыгнулъ—перепрыгнулъ; заяцъ прыгнулъ — попалъ въ яму. Ну, боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На четвертый день идетъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему лисица; тоже просится, чтобъ взялъ ее боровъ съ собою. — Нѣтъ, говоритъ боровъ, тамъ яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь.

«И-и, говоритъ лисица, перепрыгну!» Ну и она попалась въ яму. Вотъ ихъ набралось тамъ въ ямѣ четверо, и стали они горевать, какъ имъ ѣду добывать.

Лисица и говоритъ: «давайте-ка голосъ тянуть; кто не встянетъ—того и ѣсть станемъ». Вотъ начали тянуть голосъ; одинъ заяцъ отсталъ, а лисица всѣхъ перетянула. Взяли зайца, разорвали и съѣли. Проголодались и опять стали уговариваться голосъ тянуть: кто отстанетъ—чтобъ того и есть. «Если, говоритъ лисица, я отстану, то и меня ѣсть, все равно!» Начали тянуть: только волкъ отсталъ, не могъ встянуть голосъ. Лисица съ медвѣдемъ взяли его, разорвали и съѣли. Только лисица надула медвѣдя, дала ему немного мяса, а остальное припрятала отъ него, и ѣстъ себѣ потихоньку. Вотъ медвѣдь начинаетъ опять голодать и говоритъ: «кума, кума, гдѣ ты берешь себѣ ѣду?» — Экой ты, кумъ! ты возьми-ка просунь себѣ лапу въ ребра, зацѣпись за ребро—такъ и узнаешь, какъ ѣсть. Медвѣдь такъ и сдѣлалъ, зацѣпилъ себя лапой за ребро да и околѣлъ. Лисица осталась одна. Послѣ этого, убравши медвѣдя, началъ лисица голодать.

Надъ этой ямой стояло дерево; на этомъ деревѣ вилъ дроздъ гнѣздо. Лисица сидѣла-сидѣла въ ямѣ, все на дрозда смотрѣла, и говоритъ ему: «дроздъ, дроздъ, что ты дѣлаешь?» — Гнѣздо вью. «Для чего ты вьешь?» — Дѣтей выведу. «Дроздъ, накорми меня; если не накормишь—я твоихъ дѣтей поѣмъ». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу ему накормить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей курицу. Лисица курицу убрала и говоритъ опять: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?»—Накормилъ. «Ну напой же меня». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу напоить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей воды. Напилась лисица и говоритъ: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?» — Накормилъ. «Ты меня напоилъ?» — Напоилъ. «Вытащи же меня изъ ямы». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу вынимать. Вотъ началъ онъ палки въ яму метать; наметалъ такъ, что лисица выбралась по этимъ палкамъ на волю—и возлѣ самаго дерева легла-протянулась. «Ну, говоритъ, накормилъ ты меня, дроздъ?» —Накормилъ. «Напоилъ ты меня?» — Напоилъ. «Вытащилъ ты меня изъ ямы?»—Вытащилъ. «Ну, разсмѣши жъ меня теперь». Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу разсмѣшить. «Я, говоритъ онъ, полечу, а ты, лиса, иди за мною». Вотъ, хорошо, полетѣлъ дроздъ въ село, сѣлъ на ворота къ богатому мужику, а лисица легла подъ воротами. Дроздъ и началъ кричать: «Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ!» Выскочили собаки и разорвали лисицу. Я тамъ была, медъ-вино пила, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синій кафтанъ; я пошла, а вороны летятъ да кричатъ: синь кафтанъ, синь кафтанъ! Я думала: скинь кафтанъ, взяла да и скинула. Дали мнѣ красный шлыкъ. Вороны летятъ да кричатъ: красный шлыкъ, красный шлыкъ! Я думала, что краденый шлыкъ, скинула—и осталась ни съ чѣмъ.

БАСНИ.

29. БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ;
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И кто бы ни былъ ты таковъ,
Дѣтина будешь, какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
Того почтенья не дождется,
Какое отъ всѣхъ богатымъ отдается.
Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ;
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ:
Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ—
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый Бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое—иль «да», иль «нѣтъ».
Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ,
За Бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался—
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ Богачемъ,
Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ,
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ:
Поклоны чуть ему земные не кладутъ
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье:
«Зачѣмъ», онъ говоритъ ему,
«Достоинствамъ, уму
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
—«Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякій занимаетъ».

Хемницеръ.

30. МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ, чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился;
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ,
И малаго не научили,
А на вѣкъ дуракомъ пустили.

Бывало, съ глупости онъ по-просту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало, глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.—
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданомъ одномъ старинномъ предложеньи:
«Сыскать начало всѣхъ началъ»,—
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши—оступился
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести—
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье,
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье....»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ», говоритъ: «тебѣ веревка! ухватися!
Я потащу тебя, держися!»
«Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ,
Понесъ студентъ обычный бредъ:
«Веревка вещь какая?»
Отецъ его былъ не ученъ,
Но разсудителенъ, уменъ:
Вопросъ ученый оставляя,
«Веревка вещь», ему отвѣтствовалъ, «такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ».—
«На это-бъ выдумать орудіе другое!»
Ученый все свое несетъ:
«А это что такое?...
Веревка!—вервіе простое!»
«Да время надобно!» отецъ ему на то:
«А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово».—
«Да время что?»—
«А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять;
Сиди, сказалъ отецъ, пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

Хемницеръ.

---

31. ПѢТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

О дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта!—
Мышенокъ, не видавши свѣта,
Попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ семьѣ своей:
«Оставя нашу нору
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри—самъ не зналъ!
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою,
Другой: нахалъ, крикунъ—теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ, у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета.
Онъ ими такъ махалъ
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, а подавай Богъ ноги—
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ

Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга!
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня,
Головка пестрая, и вдоль спины узоры,
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами».
А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила:
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ... Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой-же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
Не только отъ него не видимъ мы вреда
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитріевъ.

---

32. ЧИЖЪ И ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо и, сидя въ немъ, поетъ:
«Ахъ! скоро ль солнышко взойдетъ
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!
Ахъ! я такого дня не видывалъ давно».
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
«Любезна Зяблица!» кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ,
«Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко».... Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзда, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку
И крикомъ бурю вызываютъ,
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце расцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе—
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
«Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ».

И. Дмитріевъ.

---

33. СЛѢПЕЦЪ И РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

И ты несчастливъ!.... дай же руку!
Начнемъ другъ другу помогать!
Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать,
А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку—
И легче будетъ намъ».
Такъ говоритъ мудрецъ Востока,
И вотъ его же притча вамъ.

Два были нищіе, и оба властью рока
Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ:

Одинъ былъ слѣпъ,
Другой разслабленный, желаютъ смерти оба;
Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждутъ и гроба:
На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.
Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ
На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,
Всего же чаще голодъ
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
Тотъ могъ, хотя вдали, въ день лѣтній видѣть поле;
А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей:
Вся жизнь—глубока ночь, и скоро-ль разсвѣтаетъ,
Увы! не знаетъ.
Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ,—
И ту какіе-то злодѣи не украли,
А нагло отъ его веревки отвязали
И увели съ собой.
Слѣпецъ случайно очутился
На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился;
Онъ слышитъ стонъ его и самъ пускаетъ вздохъ.
«Товарищъ! говоритъ, несчастныхъ сводитъ Богъ;
Намъ должно побрататься,
Имѣть одну суму
И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!»
Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему;
Но, добрая душа, какою мы подмогой
Другъ другу можемъ быть? ты слѣпъ, а я безногой.
Что-жъ будемъ дѣлать мы? еще тебѣ скажу.
«Какъ? подхватилъ слѣпецъ: ты зрячъ, а я хожу;
Такъ ты ссужай меня глазами,
А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами;
Ты за меня гляди, я за тебя пойду—
И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду.

И. Дмитріевъ.

---

34. ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:
—«Смотри-ка, говоритъ, кумъ милый мой,
Что это тамъ за рожа?
Какія у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа!
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть».
—«Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.—
Такихъ примѣровъ много въ мірѣ;
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ;
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку нечистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Крыловъ.

---

35. ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ—
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ:
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали!

Однако же смѣется Тришкѣ всякъ,
А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.—
Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

Крыловъ.

---

36. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

«Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»—
«Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки!
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другіе какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»—
«А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»—
«Да развѣ тамъ онъ?»—«Тамъ».—«Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ».

Крыловъ.

---

37. ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать
И, правду-истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ
И насъ, какъ будто-бы простыхъ гусей, гоняетъ!
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены».—
«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки...»—«Знаю,
И все читалъ, но вѣдать я желаю:
Вы сколько пользы принесли?»
—«Да наши предки Римъ спасли!»—
«Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»—
—«Мы? ничего!»—«Такъ что-жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».—
Баснь эту можно бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить.

---

38. КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),

А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
—«Ахъ, ты обжора! ахъ, злодѣй!
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
«Не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
Какъ! бывъ честнымъ Котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ;
А ты... ахти какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ, Котъ-Васька воръ!
И Ваську-де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью;
Но что-жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.
Крыловъ.

39. СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ:
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться:
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
—«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей шавка говоритъ: «тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
—«Эхъ, эхъ», ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона!»
Крыловъ.

40. ЛЕБЕДЬ, ЩУКА и РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка;
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.
Крыловъ.

41. ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли твое умѣнье.»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,

И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
—«Изрядно», говоритъ: «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣе навострился,
Когда бы у него немного поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.
Крыловъ.

---

42. ДЕМЬЯНОВА УХА.

—«Сосѣдушка, мой свѣтъ,
Пожалуй-ста покушай».—
«Сосѣдушка, я сытъ по горло».—«Нужды нѣтъ.
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»—
«Я три тарелки съѣлъ».—«И полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ;
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.—«Вотъ друга я люблю!
Вскричалъ Демьянъ; за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.
Крыловъ.

---

43. ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей,
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу

Сталъ Щукѣ Васька говорить.
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».—
«И, полно куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
«Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука чуть жива лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣльно! это, Щука,
Тебѣ наука—
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Крыловъ.

---

44. ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ: «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить—такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А еслибъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ,
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну, право, былъ онъ съ гору».—
«Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ,
До половины не дойдетъ—
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».
—«А какова у васъ рѣка?»
—«Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»
—Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ».
—«Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ,
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста и портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковина, коль это справедливо».
—«Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы!

Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть.»—
«Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно;
Однакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду:
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...
—«Послушай-ка», тутъ перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду».

Крыловъ.

45. ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!—
«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко:
Ну, каковó?
Пополнилась ли я?»—«Почти что ничего.»—
«Ну, какъ теперь?»—«Все то-жъ.»
Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и—околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая какъ знатный дворянинъ?

Крыловъ.

46. ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ:
«Ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка,
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ и Ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою».
Вотъ за Ларецъ принялся онъ,
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ:
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой,
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
Не тутъ, не такъ, не тамъ. Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ,
И, такъ открыть его, никакъ не догадался;
А Ларчикъ просто открывался.

Крыловъ.

47. МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами стала:
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала,
Вертитъ очками такъ и сякъ:

То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ:
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ;
Все про Очки лишь мнѣ налгали,
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ».
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, тожъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, цѣны не зная ей,
Невѣжа про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Крыловъ.

---

48. КВАРТЕТЪ.

Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ;
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ:
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ....
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите;—
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прямо сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали Квартетъ,—
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ Оселъ: «мы вѣрно ужъ поладимъ
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались Осла, усѣлись чинно въ рядъ,
А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
«Пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть;
И ноты есть у насъ и инструменты есть:
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть»?—
«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

Крыловъ.

---

49. ВОЛКИ И ОВЦЫ.

Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья не стало,
И до того что,, наконецъ,
Правительство звѣрей благія мѣры взяло
Вступиться въ спасенье овецъ,—
И учрежденъ совѣтъ на сей конецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были Волки;
Но не о всѣхъ Волкахъ вѣдь злые толки:
Видали и такихъ Волковъ, и много кратъ,
Примѣры эти не забыты,
Которые ходили близко стадъ
Смирнехонько—когда бывали сыты.
Такъ почему-жъ Волкамъ въ совѣтѣ и не быть?
Хоть надобно овецъ оборонить,
Но и волковъ не вовсежъ притѣснить.
Вотъ засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли:
Судили, думали, рядили
И, наконецъ, придумали законъ.
Вотъ вамъ отъ слова въ слово онъ:
«Какъ скоро Волкъ у стада забуянитъ
И обижать онъ Овцу станетъ, —

То Волка тутъ властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить,
Въ сосѣднiй лѣсъ иль боръ.
Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить,
Да только я видалъ, до этихъ поръ—
Хоть говорятъ: Волкамъ и не спускаютъ—
Что будь Овца отвѣтчикъ иль истецъ;
А только Волки все-таки Овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

Крыловъ.

---

50. ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.
Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой;
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться усосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей!
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ.
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сiю не знаю пору.
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ:
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркiй побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
—«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни:
А я постерегу тебя здѣсь у досугу».
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла;
Онъ друга обмахнулъ:—
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ—а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчи-жъ, ужъ я тебя воструху!
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался

И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ
остался!

Крыловъ.

51. ДВА МАЛЬЧИКА.

«Сенюша, знаешь ли, покамѣсть, какъ
барановъ
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка да нарвемъ въ саду себѣ
каштановъ!»
—«Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь, вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣзть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!»—
«И, милый, да на что-жъ догадка?
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна
ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,
А тамъ мы сами умудримся,
И досыта каштановъ наѣдимся».
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несут-
ся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался
И Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закормѣ, вверху ему
раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не
съѣсть,—
Не перечесть!
Найдется чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлиться.
Что-жъ! Сенѣ отъ того прибытокъ вы-
шелъ малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь
губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скор-
лупки.
Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться на верхъ усердно помо-
гали,
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не
видали.

Крыловъ.

52. ВЕЛЬМОЖА.

Какой-то въ древности вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ
Плутонъ;
Сказать простѣе—умеръ онъ,
И такъ, какъ встарь велось, въ аду на
судъ явился.
Тотчасъ вопросъ ему: «Чѣмъ былъ ты?
гдѣ родился?»
«Родился въ Персіи, а чиномъ былъ са-
трапъ;
Но такъ-какъ, живучи, я былъ здоровь-
емъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ».
—«Что-жъ дѣлалъ ты?»—«Пилъ, ѣлъ
и спалъ».
—«Скорѣй же въ рай его!»—«Какъ? гдѣ
же справедливость?»
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю
учтивость.
—«Эхъ, братецъ», отвѣчалъ Эакъ,
«Не знаешь дѣла ты никакъ:
Не видишь развѣ ты? Покойникъ былъ
дуракъ!
Что, еслибы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край,
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
За тѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался.—
Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ
судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ
раю.

Крыловъ.

53. СТРАСТЬ КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

Какъ пьянство, такъ и страсть кропать
стихи—бѣда!
Риѳмачъ и пьяница равно несчастны
оба:
Ни страха нѣтъ въ нихъ, ни стыда;
Одинъ все будетъ пить, другой писать
до гроба.
Былъ на Руси одинъ поэтъ,

Котораго весь знаетъ свѣтъ;
Но имени ему здѣсь нѣтъ.
Онъ вѣрно за грѣхи на муку намъ родился:
Лишь буквы выучилъ, писать стихи пустился;
Да какъ же? со всего плеча.
Что день, то новые стихи у риѳмача.
Объявлена ль война—вотъ радость для урода!
Прочелъ реляцію—и ужъ готова ода!
Изъ сродниковъ его, изъ ближнихъ кто умретъ,
Онъ радъ и этому: тотчасъ перо беретъ,
И мертвыхъ и живыхъ терзаетъ безъ пощады.
Въ сатирѣ ли его, какъ шута, осмѣютъ—
Онъ плачетъ отъ досады,
Не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ; однакоже и тутъ
Въ кропаніи стиховъ находитъ утѣшенье.
Простилъ бы я ему ужъ это согрѣшенье,
Пускай бы только онъ писалъ;
А то стихами онъ всѣмъ уши прожужжалъ:
Одну жену до смерти зачиталъ;
Другая, не проживъ съ нимъ года,
За умъ взялась
И развелась:
Была бъ, какъ первая, въ могилѣ безъ развода!
Послѣдняя жена съ нимъ потому жила,
Что на ухо крѣпка была.
И люди у него никакъ не уживались,
Хотя для слушанья стиховъ чередовались.
Вотъ наказалъ злодѣя Богъ:
Риѳмачъ опасно занемогъ;
Лежитъ и бредитъ все стихами!
Призвали доктора.—Что сдѣлалося съ вами?
Спросилъ тотъ у него: у васъ, конечно, жаръ? —
«Какъ жару и не быть! я, правда, хоть и старъ,
Но я поэтъ, притомъ же лирикъ,
И лирикъ первый, вамъ не лгу...»
— Пожалуйте-ка пульсъ. — «Еще сказать могу,
Что я и фабулистъ, и трагикъ, и сатирикъ...»
—Вамъ вредно много говорить.—
«Ну, а стихи читать мнѣ можно?»
— Нельзя. — «Такъ умереть мнѣ должно?
Что-жъ это вы меня хотите уморить?
Я напишу на васъ за это эпиграмму.
Постойте, à rгоров! я сочиняю драму,
И выведу на сцену васъ...»
— А я вотъ сей же часъ
По власти докторской употреблю и силу:
Покрѣпче ротъ вамъ завяжу
И муху шпанскую къ затылку приложу.
Вамъ вѣрно хочется въ могилу?—
Со страха прикусилъ языкъ себѣ больной.
Минуты не прошло одной,
Какъ докторъ, прописавъ лѣкарство, удалился,
Риѳмачъ опять читать стихи свои пустился—
Читалъ, читалъ, читалъ, и такъ онъ ослабѣлъ,
Что докторъ, потерявъ надежду, отказался,
Да и никто лѣчить его не соглашался.
Вотъ онъ духовнаго отца позвать велѣлъ,
Съ сердечнымъ сокрушеньемъ
Покаялся ему въ грѣхахъ
(Не прозою, а на стихахъ)
И подарилъ его своимъ стихотвореньемъ —
Посланьемъ (онъ ко всѣмъ посланія писалъ
И каждое въ печать особо отдавалъ),
Самъ эпитафію себѣ продиктовалъ,
Ужъ наконецъ языкъ у бѣднаго отнялся—
И даже тутъ еще, пока онъ не скончался,
Все стопы пальцами считалъ...

А. Измайловъ.

---

54. ПЬЯНИЦА.

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,

Въ худой шинелишкѣ, зимой въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
На встрѣчу кумъ ему, маіоръ Петровъ попался...
«Мое почтеніе!»—А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ! да ты, братъ, видно
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно!
Еще обѣдень нѣтъ, а ты какъ стелька пьянъ!—
«Ахъ, виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь съ горя, мой отецъ!»—Такъ съ горя-то и пить!—
«Да какъ же быть!
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего, всѣ дѣти босикомъ;
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я, несчастный;
Сгубилъ меня разбойникъ приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ.
Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся».
—Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.—
«Въ ротъ не возьму, ей-Богу, не солгу;
Господь порукою!...» —Ну, полно, не божися;
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей.—
«Отецъ!... дай ручку!»... — Ну, поди домой, проспися,
Да чуръ смотри впередъ не пей.—
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги!
Летитъ... домой?—О нѣтъ! — Неужели въ кабакъ?—
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ зашелъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна
Немножко тамъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой... и наконецъ, о диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что—и самъ того не зналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ,
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
—Что? вѣрно съ горя ты, бѣднякъ, опять напился?—
«За здравіе твое отъ радости я пилъ!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть;
Закается лишь только пить—
Да и напьется вскорѣ.
Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ.

А. Измайловъ.

---

55. ЛГУНЪ.

Павлушка—«мѣдный-лобъ» (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды... ахъ, его лукавый побери!...

Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный.
«Представьте—говорилъ — какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!... что? нѣтъ, мало!—
А дѣлалъ кто его?—Мужикъ,
Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ,
Сафронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь,
Въ день именинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я срисовалъ—хотите?—покажу...
Но послѣ... Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою—
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ —
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ,—
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: diable! vive Napoleon!
Bravo, Monsieur Sophron!
Шаръ выше, выше все — и за звѣздами скрылся.
А знаете ли, гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да, опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ,
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ;
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичекъ Куликъ?»
—Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ—
Сказалъ одинъ старикъ.
Ну, Павелъ, исполать! Какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ?—
«Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объемѣ будетъ съ полверсты».
— Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ что-ль насъ считаешь?
Прямой ты мѣдный лобъ! Ни крошки нѣтъ стыда!—
«Э! полно, миленькій, неужели не знаешь,
Что надобно прикрасить иногда».

А. Измайловъ.

V. СКАЗКИ.

А. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

56. ДВѢ ДОЛИ.

Жилъ да былъ мужикъ, прижилъ двухъ сыновей и померъ. Задумали братья жениться: старшій взялъ бѣдную, младшій богатую; а живутъ вмѣстѣ, не дѣлятся. Вотъ начали жены ихъ межъ собой ссориться да вздорить. Одна говоритъ: «я за старшимъ братомъ за-мужемъ; мой верхъ долженъ быть!» А другая: «нѣтъ, мой верхъ! я богаче тебя!» Братья смотрѣли-смотрѣли, видятъ, что жены не ладятъ, раздѣлили отцовское добро поровну и разошлись. У старшаго брата что ни годъ, то дѣти рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился. Пока хлѣбъ да деньги были—на дѣтей глядя радовался, а какъ обѣднялъ—и дѣтямъ не радъ! Пошелъ къ меньшому брату: «помоги-де въ бѣдности!» Тотъ на-отрѣзъ отказалъ: «живи какъ самъ знаешь! у меня свои дѣти подростаютъ». Вотъ, немного погодя, опять пришелъ бѣдный къ богатому: «одолжи, проситъ, хоть на одинъ день лошади; пахать не на чѣмъ!»—Сходи на поле и возьми на одинъ день: да смотри—не замучь!—Бѣдный пришелъ на поле и видитъ, что какіе-то люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ, сказывайте, что вы за люди?» —А ты что за спросъ?—«Да то, что эти лошади моего брата!»—А развѣ не видишь ты, отозвался одинъ изъ пахарей, что я—Счастье твоего брата: онъ пьетъ, гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ. «Куда же мое Счастье дѣвалось?»—А твое Счастье вонъ тамъ-то подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ лежитъ: ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ. «Ладно! думаетъ мужикъ, доберусь я до тебя». Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по боку изо всей силы. Счастье проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешься!»—Еще не такъ прибью! Люби добрые землю пашутъ, а ты безъ просыпу спишь!—«А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? И не думай!»—Что-жъ? все будешь подъ кустомъ лежать? Вѣдь этакъ мнѣ умирать съ голоду придется!—«Ну, коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ ты брось крестьянское дѣло, да займись торговлею. Я къ вашей работѣ совсѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю.»—Займись торговлею!... да было бы на что! Мнѣ ѣсть нечего, а не то, что въ торгъ пускаться.—«Ну, хоть сними съ своей бабы старый сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новый—и тотъ продай. А ужъ я стану тебѣ помогать; ни на шагъ прочь не отойду.»—Хорошо.

Поутру говоритъ бѣднякъ своей женѣ: «ну, жена, собирайся, поѣдемъ въ городъ.»—Зачѣмъ? — «Хочу въ мѣщане приписаться, торговать зачну».—Съ ума что ли спятилъ? дѣтей кормить нечѣмъ, а онъ въ городъ норовитъ!—«Не твое дѣло! укладывай все имѣніе, забирай дѣтишекъ и пойдемъ». Вотъ и собрались. Помолились Богу, стали наглухо запирать свою избушку и послышали, что кто-то горько плачетъ въ избѣ. Хозяинъ спрашиваетъ: «кто тамъ плачетъ?»—Это я—Горе!—«О чемъ же ты плачешь»?—

Да какъ же мнѣ не плакать? самъ ты уѣзжаешь, а меня здѣсь покидаешь. «Нѣтъ, милое! я тебя съ собой возьму, а здѣсь не покину. Эй, жена! говоритъ, выкидывай изъ сундука свою поклажу». Жена опорожнила сундукъ. — «Ну-ка, Горе, полѣзай въ сундукъ!» Горе влѣзло; онъ его заперъ тремя замками, зарылъ сундукъ въ землю и говоритъ: «пропадай ты, проклятое! чтобъ вѣкъ съ тобой не знаться!» Приходитъ бѣдный съ женой и съ дѣтьми въ городъ, нанялъ себѣ квартиру и началъ торговать: взялъ старый женинъ сарафанъ, понесъ на базаръ и продалъ за рубль; на тѣ деньги купилъ новый сарафанъ и продалъ его за два рубля. И вотъ такимъ-то счастливымъ торгомъ, что за всякую вещь двойную цѣну получалъ, разбогатѣлъ онъ въ самое короткое время и записался въ купцы. Услыхалъ про то младшій братъ, пріѣзжаетъ къ нему въ гости и спрашиваетъ: «скажи, пожалуй, какъ это ты ухитрился—изъ нищаго богачемъ сталъ?»—Да просто, отвѣчалъ купецъ, я свое Горе въ сундукъ заперъ да въ землю зарылъ.—«Въ какомъ мѣстѣ?»—Въ деревнѣ, на старомъ дворѣ.—Младшій братъ чуть не плачетъ отъ зависти; поѣхалъ сейчасъ на деревню, вырылъ сундукъ и выпустилъ оттуда Горе. «Ступай, говоритъ, къ моему брату, разори его до послѣдней нитки!» — Нѣтъ! — отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану, а къ нему не пойду; ты—добрый человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ! а тотъ лиходѣй—въ землю упряталъ! Немного прошло времени—разорился завистливый братъ и изъ богатаго мужика сдѣлался голымъ бѣднякомъ.

---

57. ХИТРАЯ НАУКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жила-была старуха бѣдная, неимущая. Былъ у нея сынъ, и захотѣлось ей отдать сына въ такую науку, чтобъ можно было ничего не работать, сладко ѣсть и пить и чисто ходить. Только кого ни спросить—все надъ ней со смѣху помираютъ: «хоть весь свѣтъ изойди, говорятъ люди, а такой науки нигдѣ не найдешь!» А старухѣ все неймется, продала свою избушку и говоритъ сыну: «собирайся въ путь, пойдемъ искать легкаго хлѣба!» Вотъ и пошли. Близко ли, далеко ли — пришли къ могилѣ. Уморилась старуха съ походу: «сядемъ на могилу, отдохнемъ маленько», говоритъ сыну; стала садиться да съ устали и вздохнула: охъ! Вдругъ откуда ни взялся—явился старецъ и спрашиваетъ: «чего тебѣ надобно? зачѣмъ позвала?» Старуха переполошилась: «что ты, что ты! говоритъ, я тебя совсѣмъ не звала!» —Ну, нѣтъ! ты кликнула—охъ! Я—самый Охъ и есть; сказывай: въ чемъ нужда? Сколько старуха ни отговаривалась, не могла отговориться, принуждена была признаться: веду-де сына въ науку отдавать, чтобы зналъ легкій хлѣбъ добывать, безъ работы сладко ѣсть и пить и чисто ходить. «Отдай мнѣ, я выучу, сказалъ Охъ; только чуръ съ уговоромъ: ровно черезъ семь лѣтъ приходи сюда и скажи: Охъ!—я сейчасъ выйду, покажу тебѣ сына и коли узнаешь его—бери съ собой смѣло, и за ученье не возьму съ тебя ни копѣйки; а коли до трехъ разъ не узнаешь—пусть будетъ мой навсегда!» Какъ, думаетъ старуха, не узнать свое родное дѣтище! отдала сына и распрощалась съ нимъ на цѣлыя на семь лѣтъ: живи — не тужи!

Много прошло времени до сроку, перебивалась старуха кое-какъ; на исходѣ седьмаго года пошла на могилу, пришла и только промолвила: охъ!—Охъ какъ тутъ. «Что, спрашиваетъ, аль за сыномъ пришла?—Да, батюшка, за сынкомъ. Засвисталъ Охъ своимъ молодецкимъ посвистомъ, и вдругъ прилетѣло двѣнадцать скворцовъ, сѣли всѣ подъ рядъ на землю и начали щебетать. «Ну, го-

ворить Охъ старухѣ, коли надобенъ тебѣ сынъ—онъ здѣсь: узнавай его и бери себѣ».—Что ты? отвѣчаетъ она, гдѣ тутъ быть моему сыну?—я отдала тебѣ человѣка, а ты кажешь мнѣ птицу воздушную. «Знай же, все это люди, а не скворцы; всѣ также по—твоему искали легкаго хлѣба, попали ко мнѣ въ науку, да навсегда у меня и остались, потому что ни отцы ихъ, ни матери не признали. Приходи теперь за сыномъ черезъ три года». Заплакала старуха и воротилась назадъ одна одинехонька; выждала три года и опять идетъ за сыномъ. Охъ свистнулъ своимъ молодецкимъ посвистомъ, и прилетѣло двѣнадцать голубей. «Узнавай сына!» говоритъ старухѣ; вотъ она смотрѣла, смотрѣла, такъ и не узнала. «Приходи опять черезъ три года, сказалъ Охъ; то будетъ послѣдній разъ: коли и тогда не угадаешь—простись навѣки съ сыномъ». Прошло еще три года, идетъ старуха за сыномъ въ послѣдній разъ и видитъ: возлѣ харчевни привязана къ забору лошадь, и говоритъ ей эта лошадь человѣчьимъ голосомъ: «здравствуй, матушка, вѣрно опять за мной идешь?» Далась диву старуха: лошадь—а говоритъ человѣчьимъ голосомъ и называетъ ее матушкой. «Не дивись, говоритъ, я взаправду твой сынъ; хозяинъ пріѣхалъ на мнѣ въ харчевню, и теперь сидитъ тамъ, гуляетъ. Какъ придешь ты къ могилѣ, выведетъ тебѣ Охъ двѣнадцать жеребцовъ—всѣ одной шерсти, всѣ на одну стать; я буду седьмой съ правой руки». Пришла старуха къ могилѣ и только молвила: охъ!—Охъ какъ тутъ, свистнулъ своимъ молодецкимъ посвистомъ—и прибѣжало двѣнадцать жеребцовъ, ростомъ, дородствомъ, шерстью—всѣ одинаковые, и стали въ рядъ. Старуха отсчитала седьмаго справа и говоритъ Оху: «это мой сынъ!»—Угадала, сказалъ Охъ; хоть и жалко, а дѣлать нечего—бери его домой.

Взяла старуха сына, и пошли они добывать легкаго хлѣба. «Теперь, матушка, говоритъ ей сынъ, можешь водить меня по селамъ и городамъ и продавать барамъ и купцамъ за хорошую лошадь: я такимъ обернусь жеребцомъ, что тебѣ всякій дастъ за меня худо три тысячи. Помни только одно: какъ продашь коня, недоуздка ни за что не отдавай, снимай и бери себѣ; а то больше меня не увидишь!» Вотъ оборотился сынъ воронымъ жеребцомъ, а мать повела его на базаръ продавать. Приступились разные купцы, торговать-торговать, и купили коня за три тысячи; старуха взяла три тысячи, сняла съ коня недоуздокъ и пошла своей дорогой. Долго-долго шла, дѣло стало къ вечеру, пораздумалась она, вспомнила про сына: «гдѣ-то мой сынокъ теперь?» Глядь—а онъ догоняетъ ее, какъ ни въ чемъ не бывало. На другой день опять старуха продала сына за хорошую лошадь, а недоуздокъ себѣ взяла. А на третій день, какъ повела жеребца на базаръ, повстрѣчался ей Охъ—тотъ самый, у котораго сынъ былъ въ наукѣ. Только она его не признала. Сторговалъ и беретъ себѣ жеребца; баба хотѣла было снять недоуздокъ. Что ты, бабушка! говоритъ Охъ: гдѣ это видано, чтобъ продавать коня безъ повода?» Пхнулъ ее наземь, вскочилъ на коня верхомъ, усмѣхнулся и сказалъ: «полно-де вамъ людей обманывать!» Ударилъ по лошади и былъ таковъ! Тутъ только догадалась старуха, кто купилъ у ней сына; горько заплакала и деньгамъ не рада!

Цѣлыхъ три дня и три ночи ѣздилъ Охъ на своемъ жеребцѣ, билъ его и пришпоривалъ до крови, скакалъ безъ отдыху по горамъ и доламъ: измучился жеребецъ, едва живъ остался. Послѣ пріѣхалъ Охъ на постоялый дворъ, привязалъ коня къ забору и такъ крѣпко притянулъ его голову, что едва дышать можно; а самъ пошелъ въ избу и давай пить да гулять. Случилось на ту пору: проходила мимо одна дѣвица; жеребецъ говоритъ ей человѣчьимъ голосомъ: «слушай, умница! будь добра и будь милостива—сними съ меня не-

доуздокъ». Дѣвица послушала, сняла недоуздокъ, а жеребецъ со двора и пустился въ чистое поле: только задъ показалъ! Охъ увидалъ въ окно, что жеребца-то нѣтъ у забора, бросился за нимъ въ погоню. Заслышалъ жеребецъ погоню, ударился о сыру землю, перекинулся гончею собакою и побѣжалъ пуще прежняго. Тогда Охъ обернулся сѣрымъ волкомъ да вслѣдъ за собакою: вотъ-вотъ настигнетъ, на клочки разорветъ! Видитъ собака, что смерть на носу, ударилась о сыру землю, перекинулась медвѣдемъ и хочетъ волка душить; волкъ дагадался, обернулся львомъ и смѣло идетъ на медвѣдя. Но тотъ себѣ на умѣ, ударился о земь и полетѣлъ по поднебесью бѣлымъ лебедемъ; а Охъ за нимъ яснымъ соколомъ. Долго они летѣли, и сталъ нагонять соколъ лебедя: вотъ-вотъ ударитъ! Видитъ лебедь: внизу рѣка течетъ, упалъ прямо въ воду, обернулся ершомъ-ощетинился. А соколъ сдѣлался щукою, не отстаетъ отъ ерша, плыветъ за нимъ слѣдомъ. И говоритъ щука ершу: «поворотись ко мнѣ головою, я тебя съѣмъ?»—Врешь, проклятая щука! отвѣчаетъ ершъ; меня не съѣшь, развѣ подавишься. А коли ты, щука,—востра, такъ глотай меня съ хвоста! Долго ли, коротко ли они эдакъ плавали, наконецъ подплыли къ берегу; а тутъ на плоту стояла царевна и мыла бѣлье. Ершъ какъ выскочитъ изъ воды, да прямо къ ней подъ ноги и подкатился золотымъ кольцомъ. Царевна подняла кольцо, надѣла на пальчикъ, любуется и говоритъ: «если-бъ по этому колечку да найти мнѣ добра молодца-жениха себѣ!»

На другой день нарядился Охъ богатымъ купцомъ, пришелъ къ самому царю и сказываетъ: «твоя царевна нашла мое кольцо, прикажи назадъ отдать». Царь тотчасъ позвалъ свою дочь, велитъ отдавать кольцо. Осерчала царевна на купца, сняла кольцо съ пальчика и бросила на земь. Кольцо разсыпалось мелкимъ просомъ, и одно зернышко попало царевнѣ въ башмачекъ. Купецъ оборотился пѣтухомъ; поклевалъ пѣтухъ просо, взлетѣлъ на окно,захлопалъ крыльями и закричалъ: «кукуреку! кого хотѣлъ, того и съѣлъ!» Тутъ выкатилось изъ царевнина башмачка послѣднее зернышко, ударилось о земь и сдѣлалось быстрымъ ястребомъ. Бросился ястребъ на пѣтуха, запустилъ въ него свои когти, началъ щипать-теребить: только перья сыплются! «Врешь, говоритъ, не бывало того, чтобы пѣтухъ да могъ ястреба съѣсть!»—и разорвалъ его на двое. Послѣ ударился о земь и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, и женился на царевнѣ. И я на свадьбѣ былъ, медъ, вино пилъ, по бородѣ текло—въ ротъ не попало. Сказкѣ конецъ, а добру молодцу квасу корецъ.

---

58. ЦАРЬ МОРСКОЙ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ.

За тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; дѣтей у нихъ не было. Поѣхалъ царь по чужимъ землямъ, по дальнимъ сторонамъ, долгое время домой не бывалъ; на ту пору родила ему царица сына Ивана-царевича, а царь про то и не вѣдаетъ. Сталъ онъ держать путь въ свое государство, сталъ подъѣзжать къ своей землѣ, а день-то былъ жаркій-жаркій, солнце такъ и пекло; и напала на него жажда великая: что ни дать, только-бъ воды испить. Осмотрѣлся кругомъ и видитъ невдалекѣ большое озеро; подъѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилегъ на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьетъ и не чуетъ бѣды; а Царь Морской ухватилъ его за бороду. «Пусти!» проситъ царь.—«Не пущу, не смѣй пить безъ моего вѣдома!»—Какой хочешь возьми окупъ—только отпусти!—«Давай то, чего дома не знаешь».—Царь подумалъ-подумалъ, чего онъ дома не знаетъ! кажись, все

знаетъ, все ему вѣдомо, и согласился. Попробовалъ — бороду никто не держитъ, всталъ съ земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ во-свояси.

Вотъ пріѣзжаетъ домой, царица встрѣчаетъ его съ царевичемъ, такая радостная; а онъ какъ узналъ про свое милое дѣтище, такъ и залился горькими слезами. Разсказалъ царицѣ, какъ и что съ нимъ было, поплакали вмѣстѣ, да вѣдь дѣлать-то нечего, слезами дѣла не поправишь. Стали они жить по старому; а царевичъ растетъ себѣ да растетъ, словно тѣсто на опарѣ — не по днямъ, а по часамъ, и выросъ большой. «Сколько ни держать при себѣ, думаетъ царь, а отдавать надобно: дѣло неминучее!» Взялъ Ивана-царевича за руку, привелъ прямо къ озеру: «поищи здѣсь, говоритъ, мой перстень; я ненарокомъ вчера обронилъ». Оставилъ одного царевича, а самъ повернулъ домой. Сталъ царевичъ искать перстень, идетъ по берегу, и попадается ему на встрѣчу старушка. «Куда идешь, Иванъ-царевичъ?» — Отвяжись, не докучай—старая вѣдьма! и безъ тебя досадно. «Ну, оставайся съ богомъ!» и пошла старушка въ сторону. А Иванъ-царевичъ пораздумался: «за что обругалъ я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы: авось что и доброе скажетъ». И сталъ ворочать старушку: «воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Вѣдь я съ досады вымолвилъ: заставилъ меня отецъ перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нѣтъ какъ нѣтъ!»—Не за перстнемъ ты здѣсь: отдалъ тебя отецъ Морскому Царю: выйдетъ Морской Царь и возьметъ тебя съ собою въ подводное царство.—Горько заплакалъ царевичъ. «Не тужи, Иванъ-царевичъ! будетъ и на твоей улицѣ праздникъ; только слушайся меня, старухи. Спрячься вонъ за тотъ кустъ смородины и притаись тихонько. Прилетятъ сюда двѣнадцать голубицъ — все красныхъ дѣвицъ, а вслѣдъ за ними и тринадцатая; станутъ въ озерѣ купаться, а ты тѣмъ временемъ унеси у послѣдней сорочку и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не подаритъ она тебѣ своего колечка. Если не съумѣешь этого сдѣлать, ты погибъ на-вѣки: у Морскаго Царя кругомъ всего дворца стоитъ частоколъ высокій на цѣлыя на десять верстъ, и на каждой спицѣ по головѣ воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!» Иванъ-царевичъ поблагодарилъ старушку, спрятался за смородиновый кустъ и ждетъ поры времени.

Вдругъ прилетаютъ двѣнадцать голубицъ, ударились о сыру землю и обернулись красными дѣвицами, всѣ до единой красоты несказанныя: ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать! Поскидали платья и пустились въ озеро: играютъ, плещутся, смѣются, пѣсни поютъ. Вслѣдъ за ними прилетѣла и тринадцатая голубица, ударилась о сыру землю, обернулась красной дѣвицей, сбросила съ бѣлаго тѣла сорочку и пошла купаться; и была она всѣхъ пригожѣе, всѣхъ красивѣе! Долго Иванъ-царевичъ не могъ отвести очей своихъ, долго на нее заглядывался; да припомнилъ, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унесъ сорочку. Вышла изъ воды красная дѣвица, хватилась—нѣтъ сорочки, унесъ кто-то; бросились всѣ искать, искали, искали—не видать нигдѣ. «Не ищите, милыя сестрицы! полетайте домой, я сама виновата—не досмотрѣла, сама и отвѣчать буду». Сестрицы, красныя дѣвицы, ударились о сыру землю, сдѣлались голубками, взмахнули крыльями и полетѣли прочь. Осталась одна дѣвица, осмотрѣлась кругомъ и промолвила: «кто бы ни былъ таковъ, у кого моя сорочка, выходи сюда: коли старый человѣкъ—будешь мнѣ родной батюшка; коли среднихъ лѣтъ—будешь братецъ любимый; коли ровня мнѣ—будешь милый другъ!» Только сказала послѣднее слово, показался Иванъ-царевичъ. Подала она ему золотое ко-

лечко и говоритъ: «ахъ, Иванъ-царевичъ! что давно не приходилъ? Морской Царь на тебя гнѣвается. Вотъ дорога, что ведетъ въ подводное царство: ступай по ней смѣло! Тамъ и меня найдешь; вѣдь я дочь Морскаго Царя, Василиса Премудрая».

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетѣла отъ царевича. А Иванъ-царевичъ отправился въ подводное царство; видитъ: и тамъ свѣтъ такой же, какъ у насъ; и тамъ поля и луга, и рощи зеленыя, и солнышко грѣетъ. Приходитъ онъ къ Морскому Царю. Закричалъ на него Морской Царь: «что такъ долго не бывалъ? за вину твою вотъ тебѣ служба: есть у меня пустошь на тридцать верстъ и въ длину и въ поперекъ — одни рвы, буераки да каменье острое! Чтобъ къ завтрему было тамъ какъ ладонь гладко, и была бы рожь посѣяна, и выросла бъ къ раннему утру такъ высока, чтобы въ ней галка могла схорониться. Если того не сдѣлаешь — голова твоя съ плечъ долой!» Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морскаго Царя, самъ слезами обливается. Увидала его въ окно изъ своего терема высокаго Василиса Премудрая и спрашиваетъ: «здравствуй, Иванъ-царевичъ! что слезами обливаешься?»—Какъ же мнѣ не плакать? отвѣчаетъ царевичъ: заставилъ меня Царь Морской за одну ночь сравнять всѣ рвы, буераки и каменье острое, и засѣять рожью, чтобъ къ утру она выросла и могла въ ней галка спрятаться. — «Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись съ Богомъ спать: утро вечера мудренѣе, все будетъ готово!» — Легъ спать Иванъ-царевичъ, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громкимъ голосомъ: «гей вы, слуги мои вѣрные! ровняйте-ка рвы глубокіе, сносите каменье острое, засѣвайте рожью колосистою, чтобъ къ утру поспѣло!» Проснулся на зарѣ Иванъ-царевичъ, глянулъ—все готово: нѣтъ ни рвовъ, ни буераковъ, стоитъ поле какъ ладонь гладкое и красуется на немъ рожь — столь высока, что галка схоронится. Пошелъ къ Морскому Царю съ докладомъ. «Спасибо тебѣ, говоритъ Морской Царь, что съумѣлъ службу сослужить. Вотъ тебѣ другая работа: есть у меня триста скирдовъ, въ каждомъ скирду по триста копенъ — все пшеница бѣлоярая: обмолоти мнѣ къ завтрему всю пшеницу чисто—начисто до единаго зернышка, а скирдовъ не ломай и сноповъ не разбивай. Если не сдѣлаешь — голова твоя съ плечъ долой!» — Слушаю, ваше величество! сказалъ Иванъ-царевичъ; опять идетъ по двору да слезами обливается. «О чемъ горько плачешь?» спрашиваетъ его Василиса Премудрая. — Какъ же мнѣ не плакать? Приказалъ мнѣ Царь Морской за одну ночь всѣ скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдовъ не ломать и сноповъ не разбивать. — «Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись спать съ Богомъ: утро вечера мудренѣе». Царевичъ легъ спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: «гей вы, муравьи ползучіе! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть — всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-начисто». Поутру зоветъ Морской Царь Ивана-царевича: «сослужилъ ли службу?»—Сослужилъ, ваше величество! — «Пойдемъ, посмотримъ». Пришли на гумно—всѣ скирды стоятъ нетронуты; пришли въ житницу — всѣ закрома полнехоньки зерномъ. «Спасибо тебѣ, братъ! сказалъ Морской Царь: сдѣлай мнѣ еще церковь изъ чистаго воску, чтобъ къ разсвѣту была готова; это будетъ твоя послѣдняя служба». Опять идетъ Иванъ-царевичъ по двору и слезами умывается. «О чемъ горько плачешь?» спрашиваетъ его изъ высокаго терема Василиса Премудрая.—Какъ мнѣ не плакать доброму молодцу? Приказалъ Морской Царь за одну ночь сдѣлать церковь изъ чистаго воску. — «Ну, это еще не бѣда, бѣда впереди будетъ. Ложись-ка спать, утро

вечера мудренѣе». Царевичъ улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: «гей вы, пчелы работящія! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть— всѣ летите сюда и слѣпите изъ чистаго воска церковь божію, чтобъ къ утру была готова». Поутру всталъ Иванъ-царевичъ, глянулъ — стоитъ церковь изъ чистаго воску, и пошелъ къ Морскому царю съ докладомъ. «Спасибо тебѣ, Иванъ-царевичъ! Какихъ слугъ у меня ни было, никто не съумѣлъ такъ угодить, какъ ты. Будь же за то моимъ наслѣдникомъ, всего царства оберегателемъ; выбирай себѣ любую изъ тринадцати дочерей моихъ въ жены». Иванъ-царевичъ выбралъ Василису Премудрую; тотчасъ ихъ обвѣнчали и на радостяхъ пировали цѣлые мри дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иванъ-царевичъ по своимъ родителямъ, захотѣлось ему на святую Русь. «Что такъ грустенъ, Иванъ-царевичъ?»—Ахъ, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотѣлось на святую Русь.—«Вотъ это бѣда пришла! Если уйдемъ мы, будетъ за нами погоня великая; Царь Морской разгнѣвается и предастъ насъ смерти. Надо ухитриться!» Плюнула Василиса Премудрая въ трехъ углахъ, заперла двери въ своемъ теремѣ и побѣжала съ Иваномъ-царевичемъ на святую Русь. На другой день ранехонько приходятъ посланные отъ Морскаго Царя—молодыхъ подымать, во дворецъ къ царю звать. Стучатся въ двери: «проснитеся, пробудитеся! васъ батюшка зоветъ». —Еще рано, мы не выспались; приходите послѣ! отвѣчаетъ одна слюнка. Вотъ посланные ушли, обождали часъ, другой, и опять стучатся: «не пора-время спать, пора-время вставать!»— Погодите немного; встанемъ, одѣнемся! отвѣчаетъ вторая слюнка. Въ третій разъ приходятъ посланные: «Царь-де Морской гнѣвается, зачѣмъ такъ долго они прохлаждаются».—Сейчасъ будемъ, отвѣчаетъ третья слюнка. Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться—нѣтъ отклика, нѣтъ отзыва! выломали двери, а въ теремѣ пусто. Доложили царю, что молодые убѣжали; озлобился онъ и послалъ за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ уже далеко-далеко! скачутъ на борзыхъ коняхъ безъ остановки, безъ роздыху. «Ну-ка, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя.» Иванъ-царевичъ соскочилъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ и говоритъ: «слышу я людскую молвь и конскій топъ!»—Это за нами гонятъ! сказала Василиса Премудрая и тотчасъ обратила коней зеленымъ лугомъ, Ивана-царевича старымъ пастухомъ, а сама сдѣлалась смирною овечкою. Наѣзжаетъ погоня: «эй, старичекъ! не видалъ ли ты — не проскакалъ ли здѣсь добрый молодецъ съ красной дѣвицей?»—Нѣтъ, люди добрые, не видалъ, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ; сорокъ лѣтъ какъ пасу на этомъ мѣстѣ—ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ!—Воротилась погоня назадъ: «ваше царское величество! никого въ пути не наѣхали, видѣли только—пастухъ овечку пасетъ».—Что же не хватали? вѣдь это они были! закричалъ Морской Царь и послалъ новую погоню. А Иванъ-царевичъ съ Василисою Премудрою давнымъ-давно скачутъ на борзыхъ коняхъ. «Ну, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя!» Иванъ царевичъ слѣзъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ и говоритъ: слышу я людскую молвь и конскій топъ».—Это за нами гонятъ! сказала Василиса Премудрая; сама сдѣлалась церквою, Ивана-царевича обратила старенькимъ попомъ, а лошадей деревьями. Наѣзжаетъ погоня: «эй, батюшка! не видалъ ли ты— не проходилъ ли тутъ пастухъ съ овечкою?» Нѣтъ, люди добрые, не видалъ; сорокъ лѣтъ тружусь въ этой церкви—

ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Повернула погоня назадъ: ваше царское величество! нигдѣ не нашли пастуха съ овечкою; только въ пути и видѣли, что церковь да попа-старика».— Что-жъ вы церковь не разломали, попа не захватили? вѣдь это они самые были! закричалъ Морской Царь и самъ поскакалъ въ догонъ за Иваномъ-царевичемъ и Василисою Премудрою. А они далеко уѣхали. Опять говоритъ Василиса Премудрая: «Иванъ-царевичъ! припади къ сырой землѣ—не слыхать ли погони?» Слѣзъ царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ и говоритъ: «слышу я людскую молвь и конскій топъ пуще прежняго!»—Это самъ царь скачетъ. Оборотила Василиса Премудрая коней озеромъ, Иванъ-царевича селезнемъ, а сама сдѣлалась уткою. Прискакалъ Царь Морской къ озеру, тотчасъ догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орломъ. Хочетъ орелъ убить ихъ до смерти, да не тутъ-то было: что ни разлетится сверху... вотъ-вотъ ударитъ селезня, а селезень въ воду нырнетъ! Бился-бился, такъ ничего и не могъ сдѣлать. Поскакалъ Царь Морской въ свое подводное царство, а Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ выждали доброе время и поѣхали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, пріѣхали они въ тридесятое царство. «Подожди меня въ этомъ лѣсочкѣ», говоритъ царевичъ Василисѣ Премудрой: «я пойду, доложусь напередъ отцу, матери». — Ты меня забудешь, Иванъ-царевичъ.—«Нѣтъ, не забуду».—Нѣтъ, Иванъ-царевичъ, не говори, позабудешь! Вспомни обо мнѣ хоть тогда, какъ станутъ два голубка въ окна биться. Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ: увидали его родители, бросились ему на шею и стали цѣловать-миловать его; на радостяхъ позабылъ Иванъ-царевичь про Василису Премудрую. Живетъ день и другой съ отцемъ, съ матерью, а на третій задумалъ свататься на какой-то королевнѣ. Василиса Премудрая пошла въ городъ и нанялась къ просвирнѣ въ работницы. Стали просвиры готовить: она взяла два кусочка тѣста, слѣпила пару голубковъ и посадила въ печь. «Разгадай, хозяюшка, что будетъ изъ этихъ голубковъ?» А что будетъ! съѣдимъ ихъ — вотъ и все! — «Нѣтъ, не угадала!» Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно—и въ ту жъ минуту голуби встрепенулись, полетѣли прямо во дворецъ и начали биться въ окна: сколько прислуга царская ни старалась, ничѣмъ не могла отогнать ихъ прочь. Тутъ только Иванъ-царевичъ вспомнилъ про Василису Премудрую, послалъ гонцовъ во всѣ концы разспрашивать да розыскивать, и нашелъ ее у просвирни; взялъ за руки бѣлыя, цѣловалъ въ уста сахарныя, привелъ къ отцу, къ матери, и стали всѣ вмѣстѣ жить да поживать, да добра наживать.

---

59. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ да былъ царь съ царицею; у него было три сына— всѣ молодые, холостые, удальцы такіе, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: младшаго звали Иванъ-царевичъ. Говоритъ имъ царь таково слово: «дѣти мои милыя, возьмите себѣ по стрѣлкѣ, натяните тугіе луки и пустите въ разныя стороны: на чей дворъ стрѣла упадетъ, тамъ и сватайтесь». Пустилъ стрѣлу старшій братъ — упала она на боярскій дворъ, прямо противъ дѣвичья терема; пустилъ средній братъ —полетѣла стрѣла къ купцу на дворъ и остановилась у краснаго крыльца, а на томъ крыльцѣ стояла душа-дѣвица, дочь купеческая; пустилъ младшій братъ —попала стрѣла въ грязное болото и подхватила ее лягушка-квакушка. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «какъ мнѣ за себя квакушку взять? квакушка неровнямнѣ». Бери! отвѣчаетъ ему царь; знать судьба твоя такова. Вотъ поженились царевичи:

таршій на боярышнѣ, средній на купеческой дочери, а Иванъ-царевичъ на лягушѣ-квакушѣ. Призываетъ ихъ царь и приказываетъ: «чтобы жены ваши испекли мнѣ къ завтрему по мягкому бѣлому хлѣбу». Воротился Иванъ-царевичъ въ свои палаты невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ: «Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто такъ кручиненъ сталъ? спрашиваетъ его лягушка; аль услышалъ отъ отца своего слово непріятное?»—Какъ мнѣ не кручиниться? Государь мой батюшка приказалъ тебѣ къ завтрему изготовить мягкій, бѣлый хлѣбъ. «Не тужи, царевичъ! ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренѣе!» Уложила царевича спать, да сбросила съ себя лягушечью кожу—и обернулась душой-дѣвицей Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громкимъ голосомъ: «мамки-няньки! собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкій, бѣлый хлѣбъ, каковъ ѣла я кушала у роднаго моего батюшки». На утро проснулся Иванъ-царевичъ, у квакушки хлѣбъ давно готовъ и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Изукрашенъ хлѣбъ разными хитростями, по бокамъ видны города царскіе и съ заставами. Благодарствовалъ царь на томъ хлѣбѣ Ивану-царевичу и тутъ же отдалъ приказъ тремъ своимъ сыновьямъ: «чтобъ жены ваши соткали мнѣ за единую ночь по ковру». Воротился Иванъ-царевичъ невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. «Ква-ква, Иванъ-царевичъ! почто такъ кручиненъ сталъ? аль услышалъ отъ отца своего слово жестокое, непріятное?»—Какъ мнѣ не кручиниться? Государь мой батюшка приказалъ за единую ночь соткать ему шелковый коверъ. «Не тужи, царевичъ! ложись- ка спать-почивать: утро вечера мудренѣе!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу—и обернулась душой-дѣвицей Василисой-Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громкимъ голосомъ: «мамки-няньки! собирайтесь, снаряжайтесь шелковый коверъ ткать—чтобъ таковъ былъ, на какомъ я сиживала у роднаго моего батюшки!» Какъ сказано, такъ и сдѣлано. На утро проснулся Иванъ-царевичъ, у квакушки коверъ давно готовъ—и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, развѣ въ сказкѣ сказать. Изукрашенъ коверъ златомъ-серебромъ, хитрыми узорами. Благодарствовалъ царь на томъ коврѣ Ивану-царевичу и тутъ же отдалъ новый приказъ, чтобъ всѣ три царевича явились къ нему на смотръ, вмѣстѣ съ женами. Опять воротился Иванъ-царевичъ невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. «Ква-ква, Иванъ-царевичъ, почто кручинишься? али отъ отца услыхалъ слово непривѣтливое?» Какъ мнѣ не кручиниться? Государь мой батюшка велѣлъ, чтобы я съ тобой на смотръ приходилъ: какъ я тебя въ люди покажу? «Не тужи, царевичъ! ступай одинъ къ царю въ гости, а я вслѣдъ за тобой буду; какъ услышишь стукъ да громъ—скажи: это моя лягушонка въ коробчонкѣ ѣдетъ». Вотъ старшіе братья явились на смотръ съ своими женами разодѣтыми, разубранными; стоятъ да на Ивана-царевича смѣются: «что-жъ ты, братъ, безъ жены пришелъ? хоть бы въ платочкѣ принесъ! И гдѣ ты этакую красавицу выискалъ? чай, всѣ болота исходилъ?» Вдругъ поднялся великій стукъ да громъ—весь дворецъ затрясся; гости крѣпко испугались, повскакивали съ своихъ мѣстъ и не знаютъ, что имъ дѣлать; а Иванъ-царевичъ говоритъ: «не бойтесь, господа! это моя лягушонка въ коробчонкѣ пріѣхала». Подлетѣла къ царскому крыльцу золоченая коляска, въ шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браныя. Стали гости ѣсть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила изъ стакана да послѣдки себѣ за лѣвый рукавъ вылила, закусила лебедемъ да косточки за правый рукавъ спрятала. Жены стар-

шихъ царевичей увидали ея хитрости, давай и себѣ тожъ дѣлать. Послѣ, какъ пошла Василиса Премудрая танцовать съ Иваномъ-царевичемъ, махнула лѣвой рукой—сдѣлалось озеро, махнула правой —и поплыли по водѣ бѣлые лебеди; царь и гости диву дались! А старшія невѣстки пошли танцовать, махнули лѣвыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми—кость царю прямо въ глазъ попала! Царь разсердился и прогналъ ихъ нечестно. Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ улучилъ минуточку, побѣжалъ домой, нашелъ лягушечью кожу и спалилъ ее на большомъ огнѣ. Пріѣзжаетъ Василиса Премудрая, хватилась—нѣтъ лягушечьей кожи, пріуныла, запечалилась и говоритъ царевичу: «охъ, Иванъ царевичъ! что же ты надѣлалъ? еслибъ немножко ты подождалъ, я бы вѣчно была твоею; а теперь прощай! ищи меня за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ—у Кощея Безсмертнаго». Обернулась бѣлой лебедью и улетѣла въ окно.

Иванъ-царевичъ горько заплакалъ, помолился Богу на всѣ на четыре стороны и пошелъ — куда глаза глядятъ. Шелъ онъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадается ему на встрѣчу старый старичекъ: «здравствуй, говоритъ, добрый молодецъ! чего ищешь? куда путь держишь?» Царевичъ разсказалъ ему свое несчастье. «Эхъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты лягушечью кожу спалилъ? Не ты ее надѣлъ, не тебѣ и снимать было! Василиса Премудрая хитрѣй, мудренѣй своего отца уродилась; онъ за то осерчалъ на нее и велѣлъ ей три года квакушею быть. Вотъ тебѣ клубокъ: куда онъ покатится — ступай за нимъ смѣло». Иванъ-царевичъ поблагодарствовалъ старику и пошелъ за клубочкомъ. Идетъ чистымъ полемъ, попадается ему медвѣдь; «дай, говоритъ, убью звѣря», а медвѣдь провѣщалъ ему: «не бей меня, Иванъ-царевичъ! когда нибудь пригожусь тебѣ». Идетъ онъ дальше, глядь —надъ нимъ летитъ селезень; царевичъ прицѣлился изъ ружья, хотѣлъ было застрѣлить птицу, какъ вдругъ провѣщала она человѣчьимъ голосомъ: «не бей меня, Иванъ-царевичъ! я тебѣ сама пригожусь». Онъ пожалѣлъ и пошелъ дальше. Бѣжитъ косой заяцъ; царевичъ опять за ружье, сталъ цѣлиться, а заяцъ провѣщалъ ему человѣчьимъ голосомъ: «не бей меня, Иванъ-царевичъ! я тебѣ самъ пригожусь». Иванъ-царевичъ пожалѣлъ и пошелъ дальше — къ синему морю; видитъ — на пескѣ лежитъ, издыхаетъ щука-рыба. «Ахъ, Иванъ - царевичъ! провѣщала щука, сжалься надо мною, пусти меня въ море». Онъ бросилъ ее въ море и пошелъ берегомъ. Долго ли, коротко ли — прикатился клубочекъ къ избушкѣ: стоитъ избушка на курьихъ лапкахъ, кругомъ повертывается. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «избушка, избушка: стань по старому, какъ мать поставила — ко мнѣ передомъ, а къ морю задомъ». Избушка повернулась къ морю задомъ, къ нему передомъ. Царевичъ вошелъ въ нее и видитъ: на печи на девятомъ кирпичѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, носъ въ потолокъ вросъ. «Гой еси добрый молодецъ! зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?» спрашиваетъ баба-яга Ивана царевича.—Ахъ ты, старая хрычовка! ты бы прежде меня, добраго молодца, накормила, напоила, въ банѣ выпарила, да тогда-бъ и спрашивала. Баба-яга накормила его, напоила, въ банѣ выпарила, а царевичъ разсказалъ ей, что ищетъ свою жену Василису Премудрую. «А, знаю, сказала баба-яга; она теперь у Кощея Безсмертнаго; трудно ее достать, нелегко съ Кощеемъ сладить: смерть его на концѣ иглы, та игла въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ зайцѣ, тотъ заяцъ въ сундукѣ, а сундукъ стоитъ на высокомъ дубу, и то дерево Кощей какъ свой глазъ бережетъ». Указала баба-яга, въ какомъ мѣстѣ растетъ этотъ дубъ. Иванъ-царевичъ пришелъ туда и не знаетъ, что ему дѣлать, какъ сундукъ достать. Вдругъ откуда ни взялся—прибѣжалъ медвѣдь и выворотилъ дерево съ корнемъ: сундукъ упалъ и разбился въ дребезги,

выбѣжалъ изъ сундука заяцъ и во всю прыть на утекъ пустился; глядь—а за нимъ уже другой заяцъ гонится, нагналъ, ухватилъ и въ клочки разорвалъ. Вылетѣла изъ зайца утка и поднялась высоко-высоко; летитъ, а за ней селезень бросился; какъ ударитъ ее—утка тотчасъ яйцо выронила, и упало то яйцо въ море. Иванъ-царевичъ, видя бѣду неминучую, залился слезами; вдругъ подплываетъ къ берегу щука и держитъ въ зубахъ яйцо; онъ взялъ то яйцо, разбилъ, досталъ иглу и отломилъ кончикъ: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во всѣ стороны, а пришлось ему помереть! Иванъ-царевичъ пошелъ въ домъ Кощея, взялъ Василису Премудрую и воротился домой. Послѣ того они жили вмѣстѣ и долго, и счастливо.

---

60. МОРОЗКО.

У мачихи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодитъ: все не такъ, все худо; а надо правду сказать: дѣвочка была золото, въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится — не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачиха падчерицу со двора согнать: «вези, вези, старикъ, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ-морозъ!» Старикъ затужилъ, заплакалъ, однако посадилъ дочку на сани; хотѣлъ прикрыть попонкой—и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ, красный носъ!» — Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную. Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить; но полюбились ему ея умныя рѣчи, жаль стало, бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подожмала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ, красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ, красный носъ!»—Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную.—Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ, красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье, шитое и серебромъ и золотомъ. Надѣла она и стала такая красавица, такая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачиха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. «Ступай, мужъ, вези хоронить свою дочь». Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ! Собачка съѣла блинъ да опять: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: «старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица—панья паньей сіяетъ! Мачиха глянула—и руки врозь! «Ста-

рикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на тоже поле, на то же мѣсто». Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ, красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ. «Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!» А собачка подъ столомъ: «тявъ! тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!»—Не ври! на пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ!—Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

---

61. ГОРШЕНЯ.

Горшеня ѣдетъ-дремлетъ съ горшками. Догналъ его осударь Иванъ Васильевичъ. «Миръ по дорогѣ!» Горшеня оглянулся.—Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ.—«Знать вздремалъ?»—Вздремалъ, великій осударь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ. «Экой ты смѣлый, горшеня! люблю этакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?—Съ измолоду, да вотъ и середовый сталъ. «Кормишь дѣтей?»—Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ. «Хорошо, горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа».—Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три худа.—«А какія три худа, горшенюшка?»—Первое худо: худой шаберъ, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ. «А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?»—Отъ худаго шабра уйду, отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить, а отъ худаго разума не уйдешь—все съ тобой.—«Такъ, вѣрно, горшеня! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня—а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!»—Годится, такъ покину—какъ придетъ! а то и наголо.—«Ну, горшеня, постой на часъ! я погляжу твою посуду».—Горшеня остановился, началъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты надѣлаешь мнѣ этакихъ?»—Сколько угодно вашему царскому величеству?—«Возовъ десятокъ надо». — На много ли дашь время?—«Мѣсяцъ». Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. «Я для тебя, ты для меня.—Спасибо, горшенюшка.» А ты, осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ?—«Буду въ дому у купца въ гостяхъ». Осударь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы вся глиняная.

Горшеня кончилъ заказъ царскій и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говоритъ ему: «Богъ за товаромъ, горшеня! — Просимъ покорно. — «Продай мнѣ весь товаръ».—Нельзя, по заказу.—«А што тебѣ, ты бери деньги—не повинятъ изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, што возьмешь?»—А вотъ што: каждую посудину насыпать полну денегъ.—«Полно, горшенюшка, много!»—Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать — хочешь? И сладили.—Ты для меня, а я для тебя.—Насыпаютъ да высыпаютъ, сыпали, сыпали... денегъ не стало; а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ — товару все много. «Какъ быть, горшенюшка?»—Ну, что ни жадала! Нечего дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што! свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ и всѣ деньги.—Бояринъ мялся, мялся—жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего—сладили. Выпрягли лошадь —

сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везетъ, да везетъ. «Да конхъ же мѣстъ везти тебя?» — Вотъ до этого двора и до этого дому. Весело поетъ горшеня, противъ дому онъ высоко поднялъ. Осударь услыхалъ, выбѣгъ на крыльцо — призналъ горшеню. «Ба! здравствуй, горшенюшка, съ пріѣздомъ!»—Благодарю, ваше царское величество.—«Да на чемъ ты ѣдешь?»— На худомъ-то разумѣ, осударь.—«Ну мозголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать; бояринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ—а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?»—Прилетали.—«Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ?»— Нѣтъ,—на голо, великій осударь,—всего ощипалъ.

Б. Искуственныя сказки.

62. СКАЗКА О МУДРЕЦѢ КЕРИМѢ.

Жилъ на востокѣ царь, а у царя
Жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался
Керимъ, и царь его любилъ и съ нимъ
Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,
Что задалъ царь ему такой вопросъ:
Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь
И свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ
Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отсрочки,
Сначала на день, послѣ на два, послѣ
На цѣлую недѣлю; накопецъ
Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
Вопросъ твой, государь, неразрѣшимъ;
Мой слабый умъ обнять его не можетъ:
Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить.
И въ путь Керимъ отправился—искать
Отвѣта на вопросъ царя. Сначала
Онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ,
Гдѣ, говорили, находился славный
Философъ; но философъ тотъ имѣлъ
Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
Царя, жилъ самъ какъ царь и упивался
Изъ полной чаши сладостію жизни.
Ему Керимъ вопросъ свой предложилъ,
Онъ отвѣчалъ: свѣтъ уподобить можно
Великолѣпной пировой палатѣ,
Гдѣ всякій часъ открытый столъ—садись,
Кто хочетъ, и пируй. Надъ головою
Гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба;
Ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы:
Для нихъ цвѣты благоуханно дышатъ:
А на столахъ предъ ними, безъ числа,
Стоятъ съ ѣдою блюда золотыя;
И янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ
Вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства;
И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
И новые подходятъ безпрестанно,
И каждому есть мѣсто; кто жъ довольно
Насытился—встаетъ и, распрощавшись
Съ ближайшими къ нему, уходитъ спать
Домой, хозяину сказавъ спасибо
За угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ философу не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ
Философъ, не вѣрна; не всѣ мы здѣсь
Съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся;
Немало есть голодныхъ, одинокихъ
И плачущихъ. Кериму тутъ сказали,
Что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу
Отшельникъ набожный, смиренномудрый:
Ему убѣжищемъ была пещера;
Онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни
Коренья, пилъ лишь воду; дни и ночи
Все проводилъ въ молитвѣ. И, не медля,
Къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ
Ему сказалъ: послушай, черезъ степи
Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
Верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать,

Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ
У самой онъ дороги водоемъ
Ужасной глубины, но безъ воды:
Изъ нѣдра темнаго его торчали
Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшейся межъ трещинами стѣнъ,
Полуразрушенныхъ отъ лѣтъ. Въ него,
Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ, путникъ
Въ испугѣ прянулъ; онъ за гибкій сукъ
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову поднявъ,
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой: его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ
Глаза ко дну пустаго водоема:
Тамъ змѣй ворочался и на него
Зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ.
Такъ онъ висѣлъ на гибкой, тонкой вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И что жъ еще
Ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины (за который онъ
Держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ
Стѣны разрушеннаго водоема
Входилъ,—двѣ мыши, бѣлая одна,
Другая черная, сидѣли рядомъ
На корнѣ и его поочередно
Съ большою жадностію грызли, землю
Со всѣхъ сторонъ скребли и обнажали
Всѣ вѣтви корня; а когда земля
Шумѣла, падая на дно,—оттуда
Выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто
Спѣша провѣдать, скоро ль мыши корень
Перегрызутъ, и скоро ль съ ношей кустъ
Къ нему на дно обрушится? Но что же!
Вися надъ этимъ дномъ безъ всякой
Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
На ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ
Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ; сильно
Желаніе полакомиться ими
Зажглося въ немъ, и все онъ позабылъ:
И грознаго верблюда надъ собою,
И подъ собой на днѣ далекомъ змѣя,
И двухъ мышей коварную работу.
Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
Внизу зіять голодной пастью змѣя
И въ сторонѣ грызть корень и копаться
Въ землѣ мышей, а самъ, рукой добравшись
До ягодъ, началъ онъ спокойно рвать
И ѣсть, и страхъ его пропалъ. Ты спросишь:
Кто этотъ жалкій путникъ?—Человѣкъ.
Пустыня жъ съ водоемомъ — свѣтъ, а путь
Черезъ пустыню—наша жизнь земная.
Гонящійся за путникомъ верблюдъ
Есть врагъ души, тревогъ создатель, грѣхъ:
Намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно
На вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной,
Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта смерть—
Тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ,
Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
А мыши? Ихъ названье: день и ночь;
Безъ отдыха, смѣняяся, онѣ
Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,
Которая межъ смертію и свѣтомъ
Тебя невѣрно держитъ, перегрызть:
Прилежно черная грызетъ всю ночь,
Прилежно бѣлая грызетъ весь день;
А ты, прельщенный ягодой душистой—
Усладой чувствъ, желаній утомленьемъ,
Забылъ и грѣхъ—верблюда въ вышинѣ,
И смерть—внизу зіяющаго змѣя,
И быструю работу дня и ночи—
Мышей, грызущихъ тонкій корень жизни;
Ты все забылъ, тебя манитъ одно
Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ смерть и жизнь и смертный человѣкъ.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ отшельнику не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: святой отшельникъ! твой
Разсказъ замысловатъ, но моего
Вопроса онъ еще не разрѣшилъ.

Не такъ печальна наша жизнь, какъ степь,
Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти,
И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ
Плѣняется безпечно человѣкъ.
И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ.
Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то странный,
Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ.
Онъ шелъ босой; черезъ плечо висѣла
Котомка; въ ней же было много хлѣба,
Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,
Казалось, былъ веселаго ума,
Глаза его сверкали остротою
И на лицѣ пріятно выражалось
Простосердечіе. Керимъ подумалъ:
Задамъ ему, на всякій случай, мой
Вопросъ! Быть можетъ, дѣло скажетъ этотъ
Чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ:
Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь
И свѣтъ?—На это у меня въ запасѣ
Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай.
Одинъ нѣмой сказалъ слѣпому: если
Увидишь ты арфиста, попроси
Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
Въ унылость впадшаго, своей игрою
Развеселилъ. На то сказалъ слѣпой:
Такого мнѣ арфиста ужъ случилось
Здѣсь видѣть; я безногаго за нимъ
Отправлю сына: онъ его въ минуту
Найдетъ. Безногій побѣжалъ и скоро
Нашелъ арфиста: былъ арфистъ безъ рукъ,
Но онъ упрямиться не сталъ и такъ
Прекрасно началъ на безструнной арфѣ
Играть, что меланхоликъ безъ ума
Расхохотался. То слѣпой увидя,
Всплеснулъ руками, вслухъ нѣмой хвалить
Сталъ музыканта, а безногій началъ
Плясать и такъ распрыгался, что много
Сбѣжалося людей, и изъ толпы
Ихъ выскочилъ дуракъ: онъ изъявилъ
Арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ
Свое благоволенье. Мимо ихъ
Прошла тихонько Мудрость и, увидя,
Что дѣлалось, шепнула про себя:
Таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ,
И такова на свѣтѣ наша жизнь.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: затѣйливъ твой разсказъ,
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ, но
И высшая значительность и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ.
Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ обратный путь,
Чтобъ донести царю, что никакого
Не удалось ему найти отвѣта
На заданный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ Своею правдой
Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный
И жизни таинство ему открылъ.
И предъ царя явился онъ съ веселымъ
Лицемъ и все, что на дорогѣ съ нимъ
Случилось, разсказалъ.
А царь спросилъ:
Чтожъ напослѣдокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь?
Сперва благоволи,
Сказалъ Керимъ, услышать, что со мною
Самимъ случилось на пути. Извѣстно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этотъ трудный путь
Отправился, то, милостію царской
Хранимый, я вездѣ проводника
Имѣлъ, и пищу находилъ дневную,
И никакихъ не испыталъ тревогъ.
Что жъ на дорогѣ добраго, худаго
Мнѣ повстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды
Упоминать: оно ничто въ сравненьи
Съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желанье было: угодить
Тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду
Найти между людьми, чтобъ, возвратившись,

Тебѣ отчетъ принесть въ моихъ дѣлахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ:
Достоинъ ли я милости твоей?
Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку
Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ, потомъ
Примолвилъ: такъ я думалъ про себя
Во время странствія. Но, подходя
Къ твоимъ палатамъ царскимъ и печалясь,
Что безъ малѣйшія передъ тобой
Заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь,
Былъ долженъ возвратиться,—вдругъ у самой
Обители твоей какъ скорлупа
Съ моихъ упала глазъ, и я постигнулъ,
Что наша жизнь есть странствіе по свѣту
Такое жъ, какъ мое, во исполненіе
Верховной воли Высшаго Царя.—
Мудрецъ умолкъ, а царь ему сказалъ:
Другъ вѣрный, будь моимъ отцемъ отнынѣ.

Жуковскій.

---

63. О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ.
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкою, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь».
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась.
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня-рыбка!
Разбранила меня моя старуха;
Не даетъ старику, мнѣ, покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ развалилось.
Отвѣчала золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина ты, къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю
(Помутилося синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня-рыбка!
Еще пуще старуха бранится,

Не даетъ старику, мнѣ, покою:
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.
Пошелъ онъ къ своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда:
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною бѣленою трубою,
Съ дубовыми тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ;
На чемъ свѣтъ стоитъ, мужа ругаетъ:
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.
Пошелъ старикъ къ синему морю
(Неспокойно синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня-рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику, мнѣ, покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Воротился старикъ ко старухѣ:
Что же онъ видитъ? Высокій теремъ,
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги:
Она бьетъ ихъ, за чупрынъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай теперь твоя душенька довольна?
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.
Вотъ недѣля-другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась,
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
Воротись, поклонися рыбкѣ;
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася наша старуха,
По щекѣ ударила мужа:
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,—
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью;
Не пойдешь—поведутъ по неволѣ.
Старичекъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня-рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!
Старичекъ къ старухѣ воротился:
Что жъ? Передъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вокругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухи поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали;
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садись не въ свои сани!
Вотъ недѣля-другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась,

Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слово молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня-рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобъ жить ей въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ ты сама ей служила
И была бъ у нее на посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился...
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

---

64. КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

ПОѢЗДКА ИВАНА.

Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на окіянъ;
Горбунокъ летитъ какъ вѣтеръ,
И еще на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахалъ
И нигдѣ не отдыхалъ.
Подъѣзжая къ окіяну,
Говоритъ конекъ Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вотъ минутки черезъ три
Мы пріѣдемъ на поляну
Прямо къ морю-окіяну;
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба-китъ.
Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
А доселѣва не знаетъ,
Чѣмъ прощенье получить.
Онъ учнетъ тебя просить,
Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ
Попросилъ ему прощенье;
Ты исполнить обѣщай,
Да смотри-жъ не забывай!»
Вотъ въѣзжаютъ на поляну
Прямо къ морю окіяну;
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба-китъ.
Всѣ бока его изрыты.
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыръ-боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,
Мужички на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубровѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо-рыба, китъ
Такъ проѣзжимъ говоритъ,
Ротъ широкій отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?»
—«Мы посланники царицы:
Ѣдемъ оба изъ столицы
(Говоритъ киту конекъ)
Къ солнцу прямо на востокъ,
Во хоромы золотые».
—«Такъ нельзя-ль, отцы родные,
Вамъ у солнышка спросить:
Долго-ль мнѣ въ опалѣ быть,
И какое повелѣнье
Мнѣ исполнить для прощенья?»
—«Ладно, ладно, рыба китъ!
Нашъ Иванъ ему кричитъ.
—«Будь отецъ мой милосердый!
Вишь, какъ мучуся я—бѣдный;
Десять лѣтъ ужъ здѣсь лежу...
Я и самъ те услужу...»
(Китъ Ивана умоляетъ,
Самъ же тяжко воздыхаетъ).

«Ладно, ладно, рыба-китъ!»
Нашъ Иванъ ему кричитъ.
Тутъ конекъ подъ нимъ забился
И по берегу пустился;
Только видно, какъ песокъ
Бьется вихоремъ у ногъ,
Будто сдѣлалась погодка.
Ѣдутъ долго-ли, коротко,
И увидѣли ль кого—
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ,
Что конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.
Тутъ Иванъ на небо въѣхалъ,
Да по небу и поѣхалъ,
Избоченясь, будто князь,
Шапку на бокъ, подбодрясь:
«Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво
(Говоритъ коньку Иванъ
Средь лазоревыхъ полянъ),
А какъ съ небомъ-то сравнится,
Такъ подъ стельку не годится.
Вѣдь у насъ земля черна,
И темна-то, и грязна;
Здѣсь земля-то голубая,
А ужъ свѣтлая какая!...
Посмотри-ка, горбунокъ,
Видишь, вонъ-гдѣ на востокъ,
Словно свѣтится гнилушка...
Чай, крестьянская избушка?
Что-то больно высока!»
(Такъ спросилъ Иванъ конька).
—«Это теремъ Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы
(Горбунокъ ему кричитъ);
По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
А какъ день деньской приходитъ,
То сюда и мѣсяцъ входитъ».
Подъѣзжаютъ къ воротамъ—
Сто столбовъ по сторонамъ!
Всѣ столбы тѣ голубые,
А верхушки золотыя;
На верхушкахъ три звѣзды;
Вокругъ терема сады:
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ,
Птицы царскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями;
А на теремѣ изъ звѣздъ
Православный русскій крестъ.
Вотъ конекъ во дворъ въѣзжаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ мѣсяцу идетъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
Я—Иванушка Петровичъ...
Изъ далекихъ я сторонъ
И привезъ тебѣ поклонъ».
—«Сядь, Иванушка Петровичъ,
(Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ),
И повѣдай мнѣ вину—
Въ нашу свѣтлую страну
Твоего съ земли прихода:
Изъ какого ты народа,
Какъ явился въ сей странѣ,
Все вполнѣ повѣдай мнѣ».
—«Я съ земли пришелъ землянской,
Изъ страны вѣдь христіанской
(Говоритъ ему Иванъ):
Переѣхалъ океанъ
Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
Нашей будущей царицы,
Чтобъ тебя отъ ней спрошать,
Послѣ ей пересказать:
Для чего, дескать, три ночи
Не показывалъ ты очи,
И зачѣмъ-де три ужъ дня
Солнце скрылось отъ меня?
—«А какая то царица!»
—«Это, знаешь: Царь-Дѣвица...»
—«Царь-Дѣвица?... Такъ она
Что-ль тобой увезена?»
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
Тутъ Иванушка Петровичъ
Говоритъ: «извѣстно, мной!
Вишь, я царскій стремянной».

Тутъ Иванушка поднялся,
Въ путь дороженьку собрался...
Вдругъ онъ дважды привскочилъ:
«Эхъ, немножко не забылъ!

Есть къ тебѣ, родной, прошенье—
То о китовомъ прощеньѣ...
Есть, вишь, море; чудо-китъ
Поперекъ его лежитъ;
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты;
Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ,
Чтобы я тебѣ сказалъ:
Скоро ль кончится мученье?
Чѣмъ сыскать ему прощенье?
И за что онъ тутъ лежитъ?
Мѣсяцъ ясный говоритъ:
«Онъ за то несетъ мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ онъ средь морей
Три десятка кораблей.
Если дастъ онъ имъ свободу,
То сниму съ него невзгоду».
Поклонившись какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.
На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на окіянъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
«Что, отецъ мой? въ небѣ былъ ли?
Мнѣ прощенье испросилъ ли?»
Тутъ конекъ ему кричитъ:
«Погоди ты, рыба-китъ!»
Вотъ въ селенье прибѣгаетъ,
Мужиковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Эй! послушайте, міряне!
Православны христіане!
Коль не хочетъ кто изъ васъ
Къ водяному сѣсть въ приказъ,
Убирайся въ мигъ отсюда!
Здѣсь тотчасъ случится чудо:
Море сильно закипитъ,
Повернется рыба китъ...»
Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіане,
Закричали «быть бѣдамъ!»
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Лишь на небѣ засмеркалось,
То на китѣ не осталось
Ни одной души живой,
Будто шелъ Мамай съ войной!
Тутъ конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
Къ перьямъ скоро прилегаетъ
И что мочи есть кричитъ:
«Чудо-юдо рыба-китъ!
Отъ того твое мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты имъ свободу,
Не потерпишь ужъ невзгоду».
И, окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ прыгъ—
И на немъ остановился
Чудо-китъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами...
Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,
Въ трубы кованы трубили,
Бѣлый парусъ поднялся
Флагъ на мачтѣ развился,
Попъ съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
Пѣлъ на палубѣ молебны,
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсню на подхватъ:
«Какъ по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Въ отдаленьѣ отъ земли,
Выбѣгають корабли. »
Волны моря заклубились,
Корабли изъ глазъ сокрылись.
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкій отворяя,
Плесомъ волны разбивая:
«Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
Чѣмъ за службу наградить?
Надо ль раковинъ цвѣтистыхъ?
Надо ль рыбокъ золотистыхъ?
Надо ль крупныхъ жемчуговъ?
Все достать тебѣ готовъ!»

«Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
Крупныхъ жемчуговъ въ награду
(Говоритъ ему Иванъ);
Лучше перстень мнѣ достань,
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы».
—«Ладно, ладно (рыба-китъ
Стремянному говоритъ):
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы.»
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.
Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетриный весь народъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
Кто его доставитъ мнѣ,
Награжу того я чиномъ:
Будетъ думнымъ дворяниномъ.
Если жъ умный мой приказъ
Не исполните... я васъ!»
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.
Черезъ нѣсколько часовъ
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великій! не гнѣвись!
Мы все море ужъ, кажись,
Ваша милость, обыскали,
А все перстня не видали.
Только ершъ одинъ изъ насъ
Могъ исполнить твой приказъ:
Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаетъ;
Но его, какъ бы на зло,
Ужъ куда-то унесло».
—«Отыскать его въ минуту
И послать въ мою каюту!»
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.
Осетры тутъ поклонились,
Въ земскій судъ потомъ пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцевъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Именной писалъ указъ:
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ указъ сложилъ
И печати приложилъ;
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря
И того ерша гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было, нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.
Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли—
Не могли ерша сыскать
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услыхали
Недалеко на прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ...
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули.—
Глядь: въ прудѣ подъ камышемъ
Ершъ дерется съ карасемъ!
«Смирно! черти-бъ васъ побрали!
Вишь содомъ какой подняли,
Словно важные бойцы!»
Закричали имъ гонцы.
—«Ну, а вамъ какое дѣло?»
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло):
Я шутить вѣдь не люблю,
Разомъ всѣхъ переколю!»
—«Охъ ты, вѣчная гуляка,
И крикунъ, и забіяка!
Все бы, дрянь, тебѣ гулять,
Все бы драться да кричать!
Дома—нѣтъ, вѣдь не сидится...
Ну, да что съ тобой рядиться?
Вотъ тебѣ царевъ указъ,
Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ»,
Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:

«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тотъ карась
Поносилъ меня вчерась,
При честномъ при всемъ собраньѣ,
Басурманской разной бранью....
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,—
И явились предъ царя.
«Что ты долго не являлся?
Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?»
(Китъ со гнѣвомъ закричалъ).
На колѣни ершъ упалъ
И, признавшись въ преступленьѣ,
Онъ испрашивалъ прощенья.
«Ну, ужъ Богъ тебя проститъ
(Китъ державный говоритъ):
Но за это преступленье
Ты исполни повелѣнье».
—«Все исполню, славный китъ!»
(На колѣняхъ ершъ пищитъ).
—«Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь
Царь-Дѣвицы?..»—«Какъ не знать?
Можемъ разомъ отыскать».
—«Такъ ступай же поскорѣе,
Да неси его живѣе».
Тутъ, отдавъ царю поклонъ,
Ершъ пошелъ оттуда вонъ;
Съ полминуты порѣзвился,
Въ черный омутъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ,
Вырылъ красный сундучекъ—
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
«Здѣсь, братъ, дѣло-то не просто!»
И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.
Сельди разомъ собралися,
Сундучекъ тащить взялися,
Только слышно и всего,
Что у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Сундучка все не подняли.
Ершъ, не тратя много словъ,
Кликнулъ десять осетровъ.
Вотъ десятокъ подплываетъ
И безъ крика поднимаетъ
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучекъ.
«Ну, ребятушки, смотрите,
Вы къ царю теперь плывите;
Я пойду теперь ко дну,
Да немножко отдохну:
Что-то сонъ одолѣваетъ,
Такъ глаза вотъ и смыкаетъ».
Осетры къ царю плывутъ;
Ершъ гуляка прямо въ прудъ
(Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины),
Чай, подраться съ карасемъ,
Я не вѣдаю о томъ.
Но теперь мы съ нимъ простимся
И къ Ивану возвратимся.
Тихо море-окіянъ,
На пескѣ сидитъ Иванъ,
Ждетъ кита изъ синя моря
И мурлыкаетъ отъ горя;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось;
Тихимъ пламенемъ горя,
Вотъ ужъ солнышко спустилось;
Развернулася заря;
А кита—не тутъ-то было.
«Чтобъ-те вора задавило!
Вишь какой морской шайтанъ
(Говоритъ себѣ Иванъ):
Обѣщался до зарницы
Вынесть перстень Царь-Дѣвицы,
А доселѣ не сыскалъ,
Окаянный зубоскалъ!
А ужъ солнышко-то сѣло,
И...» Тутъ море закипѣло:
Появился чудо-китъ
И къ Ивану говоритъ:
«За твое благодѣянье,
Я исполнилъ обѣщанье».
Съ этимъ словомъ сундучекъ
Брякнулъ крѣпко на песокъ,
Только берегъ закачался.
«Если жъ нуженъ буду я,
Позови опять меня;
Твоего благодѣянья
На забыть мнѣ... До свиданья!»
Тутъ китъ-чудо замолчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Ершовъ.

VI. РОМАНЪ И ПОВѢСТЬ.

65. ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

а) ВОСПИТАНІЕ ОНѢГИНА.

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель.
Тамъ нѣкогда гулялъ и я;
Но вреденъ сѣверъ для меня.

Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *dandy* лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,
Безъ принужденья въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
За то читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ,
То есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему

Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

в) Татьяна.

Ея сестра звалась Татьяна...
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно;
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей;
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою въ темнотѣ ночной
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкій лугъ
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

в) Гаданье и сонъ Татьяны.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа;
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа,
Изящнаго немного тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ.
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой.

Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ судили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты,
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча лапой рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ, увидя
Младой двурогой ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася: тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ-нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межь полей
Перебѣгалъ дорогу ей:
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ;
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«*Тамъ мужички-то все богаты!*
«*Гребутъ лопатой серебро;*
«*Кому поемъ, тому добро*
«*И слава!*» Но сулитъ утраты

Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй *кошурка* сердцу дѣвъ.

Морозна ночь; все небо ясно:
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя? Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я—при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно—такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна: *ахъ!* а онъ ревѣть—
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что жъ? медвѣдь за ней.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ,
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ.
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный:
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ.
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

Татьяна въ лѣсъ—медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый по колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она, безчувственно покорна,
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой...
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;

Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ;
И ярко свѣтится окошко.
И въ шалашѣ и крикъ и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: *Здѣсь мой кумъ*:
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой;
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ!

А. Пушкинъ.

---

66. ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

КОЗЬМА МИНИНЪ.

Темноголубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ, и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня,—дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ русской первый общій кликъ: «умремъ за вѣру православную и святую Русь!»

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности, и все ожило въ Нижнемъ Новгородѣ.

— Ахти, никакъ пожаръ! вскричалъ Алексѣй, вскочивъ съ своей постели. Онъ побѣжалъ къ окну, подлѣ котораго стоялъ ужъ его господинъ. Что бъ это значило? продолжалъ онъ: къ заутренѣ что-ль?... Нѣтъ! это не благовѣстъ!... Точно... Бьютъ въ набатъ... Ну, вотъ и народъ зашевелился! Гляди-ка, бояринъ!... всѣ бѣгутъ сюда... Экъ ихъ высыпало!... Да этакъ скоро и на улицу на продерешься!

— Одѣвайся, Юрій Дмитричъ, сказалъ Истома Туренинъ, войдя въ ихъ покой; пойдемъ смотрѣть, что тамъ еще этотъ глупый народъ затѣваетъ!

Въ двѣ минуты Милославскій и слуга его были уже совсѣмъ одѣты. Они съ трудомъ могли выйти за ворота дома; вся ихъ улица, ведущая на городскую площадь, кипѣла народомъ.

— Тише, дѣтушки, тише! говорилъ, запыхавшись, одинъ сѣдой старикъ, котораго двое взрослыхъ внучатъ вели подъ руки: дайте духъ перевести!

— Ну, отдохни, дѣдушка! сказалъ одинъ изъ внучатъ, да только поскорѣе, а то какъ опоздаемъ, такъ не продеремся къ Лобному мѣсту...

— И не услышимъ, что будетъ говорить Козьма Мининъ, подхватилъ другой внукъ. Ну, что, отдохнулъ ли, родимый?

— Ухъ, батюшки... Погодите... вовсе уморился.

— Напрасно, дѣдушка, ты не остался дома.

— Что ты, дитятко!... Побойся Бога! остаться дома, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ животъ свой положить за матушку святую Русь!... Да если бы и васъ у меня не было, такъ я ползкомъ бы приползъ на городскую площадь.

— Постой-ка!... Да вотъ и батюшка! сказалъ первый внукъ. Втроемъ-то мы тебя и на рукахъ донесемъ!

Сынъ и двое внучатъ, подхватя на руки старика, пустилися почти бѣгомъ по улицѣ.

— Да что жъ ты отстаешь, жена! сказалъ, пріостановясь, небольшаго роста, но плотный посадскій, оборотясь къ толстой горожанкѣ, которая, спотыкаясь и едва дыша отъ усталости, бѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Задохнулась, Терентій Никитичъ!. Видитъ Богъ, задохнулась!

— Вотъ то-то-же! и зачѣмъ тебя нелегкая понесла! сидѣлабы дома на печи.

— И, батюшка! да развѣ я не хочу также послушать, о чемъ вы на площади толковать будете?

— Вѣстимо о чемъ: когда идти на супостатовъ.

— И ты пойдешь, Терентій Никитичъ?

— А какъ же! развѣ я не такой же православный, какъ и всѣ?

— А ребятишки-то наши! На кого ихъ покинешь?... вѣдь малъ-мала меньше!

— Да, жаль, что маленьки! Правда, старшему двѣнадцать годковъ, такъ онъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ, батюшка!... Ты хочешь?...

— А чтожъ? не подыметъ рогатины, такъ съ ножемъ пойдетъ. Авось хоть одного супостата на тотъ свѣтъ отправитъ; и то-бы слава Богу!

Тутъ новая толпа, хлынувъ рѣкою изъ поперечной улицы, увлекла съ собою посадскаго и жену его.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные — всѣ тѣснились вокругъ Лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: «вонъ онъ!» и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на Лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ Лобнаго мѣста; мало по малу молчаніе стало распространяться по всей площади; шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и чрезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане нижегородскіе! началъ такъ безсмертный Мининъ. Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять землю русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе. Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и чистыя многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?... Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ! загремѣли тысячи голосовъ. Идемте къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!..

— И такъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!... Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ пурецкой волости, у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Едва исцѣлившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозой на супостата. Граждане нижегородскіе! хотите ли его имѣть главой? Любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій?

— Хотимъ! хотимъ! Онъ любъ намъ!

воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— Граждане и братія! продолжалъ Мининъ: неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земнаго? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все наше злато и серебро, а если мало и сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю! продолжалъ онъ, бросивъ на Лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряной монетою, и пусть выступитъ желающій купить домъ мой: съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду; и я самъ, мы всѣ, вся кровь-наша—земскому дѣлу и всей землѣ русской.

— Отдаемъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь! загремѣли безчисленные голоса. Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую! воскликнулъ весь народъ.—Въ сію минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня и печерскій архимандритъ Ѳеодосій въ провожаніи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на Лобное мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи запѣли соборомъ: «Царю небесный, утѣшителю, Душе истины!» и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣни. Когда же, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: «Господи Боже нашъ, Боже силъ, сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ!...» народъ палъ ницъ, зарыдалъ, и всѣ мольбы слились въ одну общую, единственную молитву: «да спасетъ Господь царство русское!» По окончаніи молебствія, Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святой водой усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: «Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами, и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! не жалѣйте благъ земныхъ: слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! Грядите, во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена: кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?»

О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земнаго усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небольшаго, чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству—не земное чувство! Оно слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего!

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ Лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи; мѣшокъ мѣдной монеты подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли русской; и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно сіи дары

въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшалось.

Старинный нашъ знакомецъ Алексѣй находился также въ толпѣ гражданъ, которые тѣснились съ приношеніемъ вокругъ Лобнаго мѣста. Обшаривъ свои карманы и не найдя въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, онъ снимаетъ уже съ себя серебряный крестъ какъ вдругъ кто-то, ударивъ его по плечу, сказалъ: нѣтъ, братъ! не разставайся, съ отцевскимъ благословеніемъ; я положу и за себя и за тебя.

— А, это ты Кирша! сказалъ Алексѣй. Какъ! и ты хочешь класть?

— Да, товарищъ! вотъ въ этомъ мѣшечкѣ все, что я накопилъ: да Богъ съ нимъ! жаль только, что мало! Эге, любезный, ты все еще ревешь! Полно, братъ; что ты расхныкался, словно малый ребенокъ!

— А ты самъ развѣ не плачешь? отвѣчалъ Алексѣй.

— Кто? я? вотъ вздоръ какой! вскричалъ Запорожецъ, утирая рукавомъ свои глаза. А что ты думаешь? продолжалъ онъ: никакъ въ самомъ дѣлѣ! кой прахъ? что это, братъ Алексѣй? Мнѣ часто случалось у насъ въ Запорожской Сѣчѣ гулять и веселиться; пьешь, бывало, безъ просыпу цѣлую недѣлю; хоть нельзя сказать, чтобъ было очень весело, а пляшешь и поешь съ утра до вечера. Теперь же, ну вѣришь ли Богу! такъ сердце отъ радости выскочить и хочетъ, а вовсе не до пѣсенъ: все бы плакалъ... да и всѣ также, на кого ни посмотришь... что за диво такое?

Въ самомъ дѣлѣ, все многолюдное собраніе народа составляло въ сію минуту одно благочестивое семейство: не слышно было громкихъ восклицаній; проливали слезы радости и умиленія, какъ въ свѣтлый день Христовъ; всѣ съ братскою любовію обнимали другъ друга... Но кто этотъ отверженный?... Кто стоитъ, поодаль отъ всей толпы, съ померкшимъ взоромъ, съ отчаяніемъ на челѣ, блѣдный, полумертвый, какъ преступникъ, идущій на казнь, какъ блудный сынъ, взирающій издалека на пирующихъ своихъ братьевъ?... Ахъ! это Юрій Милославскій! это тотъ, кто отдалъ бы тысячу жизней за то, чтобъ воскликнуть вмѣстѣ съ другими: «умремъ за вѣру православную и святую Русь!» Не смотря на приглашеніе боярина Истомы, который, заливаясь слезами, кричалъ громче всѣхъ: «идемъ къ матушкѣ Москвѣ!» Юрій не хотѣлъ подойти вмѣстѣ съ нимъ къ Лобному мѣсту; онъ не видѣлъ Минина, не слышалъ словъ его, но видѣлъ общій восторгъ народа, видѣлъ радостныя слезы, усердныя мольбы всѣхъ Русскихъ и, какъ отступникъ отъ вѣры отцевъ своихъ, не смѣлъ молиться вмѣстѣ съ ними! Ему казалось, что каждый гражданинъ нижегородскій, проходя мимо его, готовъ былъ сказать: презрѣнный рабъ Владислава! чего ты хочешь отъ свободныхъ сыновъ Россіи?... бѣги! не оскверняй своимъ присутствіемъ сіе священное торжество вѣры и любви къ отечеству! ты не Русскій, ты не сынъ Милославскаго!» Тутъ вспомнилъ Юрій послѣднія слова умирающаго своего родителя; благословляя его охладѣвшею уже рукою, онъ сказалъ: «Юрій! держись вѣры православной; не своди дружбы съ врагами нашего отечества и не забывай, что Милославскіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!» Такъ! вскричалъ несчастный юноша: присутствіе мое при семъ торжествѣ есть оскверненіе святыни; я не могу, я не долженъ оставаться здѣсь долѣе!

Онъ поспѣшилъ оставить площадь, но на каждомъ шагу встрѣчались ему толпы гражданъ, несущихъ свои имущества, вездѣ раздавались поздравленія, на всѣхъ лицахъ сіяла радость. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очутился наконецъ въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи и, не видя никого вокругъ себя, сѣлъ отдохнуть на скамьѣ, подлѣ воротъ небольшой хижины. Не прошло двухъ минутъ, какъ нѣсколько женщинъ и почти столѣтній старикъ по-

дошли къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Юрій. Старикъ сѣлъ возлѣ него.— Какъ это, господинъ честной, сказалъ онъ: ты здѣсь, а не на площади?

— Я сейчасъ оттуда, отвѣчалъ Юрій.

— И я на старости лѣтъ ходилъ; слава Богу, кой-какъ дотащился! теперь готовъ умереть хоть завтра, да и пора костямъ на покой!

— Ты, я думаю, очень старъ, дѣдушка! спросилъ Юрій, стараясь перемѣнить разговоръ,

— Да, молодецъ! Безъ малаго годовъ сотню прожилъ, а на всемъ вѣку не бывалъ такъ радостенъ, какъ сегодня. Благодареніе Творцу небесному, очнулись наконецъ православные!... Эхъ, жаль! Кабы Господь продлилъ дни бывшаго воеводы нашего, Димитрія Юрьевича Милославскаго, то-то былъ бы для него праздникъ!... Дай Богъ ему царство небесное! Столбовой былъ русскій бояринъ!... ну, да если не здѣсь, такъ тамъ... онъ вмѣстѣ съ нами радуется!

— Я слышала, дѣдушка, сказала одна изъ женщинъ, что у него есть сынъ.

— Какъ же! помнится, Юрій Дмитріевичъ; если онъ пошелъ по батюшкѣ, то, вѣрно, будетъ нашимъ гостемъ и въ Москвѣ съ поляками неостанется. Нѣтъ, дѣтушки! *Милославскіе всегда стояли грудью за правду и за святую Русь!*

— Ахти! вскричала одна изъ женщинъ: что это съ молодцемъ сдѣлалось? никакъ онъ полоумный?... смотри-ка, дѣдушка, какъ онъ пустился отъ насъ бѣжать! прямехонько къ Волгѣ!... ахъ... Господи Боже мой, долго ли до грѣха! какъ съ дуру-то нырнетъ въ воду, такъ и поминай, какъ звали!

Какъ громомъ пораженный послѣдними словами старика, Юрій, не видя ничего предъ собою, не зная самъ что дѣлаетъ, пустился бѣжать по узкой улицѣ, ведущей къ Волгѣ; въ ушахъ его раздавались слова умирающаго отца; ему казалось, что его преслѣдуютъ, что кто-то называетъ его по имени, что множество голосовъ повторяютъ: «вотъ онъ! вотъ Милославскій!» Вся кровь застыла въ его жилахъ. Вдругъ ему послышалось, что въ слѣдъ за нимъ прогремѣлъ ужасный голосъ: «да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!» Волосы его стали дыбомъ, смертный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ, въ глазахъ потемнѣло, и онъ упалъ безъ чувствъ въ двухъ шагахъ отъ Волги, на краю утесистаго берега, застроеннаго обширными сараями.

Юрій, при помощи Алексѣя, приподнялся на ноги и только что хотѣлъ идти, какъ вдругъ позади его кто-то сказалъ: «Здравствуй, бояринъ! Милости просимъ! добро пожаловать къ намъ въ Нижній-Новгородъ!»

Милославскій невольно вздрогнулъ и, бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, узналъ въ немъ тотчасъ таинственнаго незнакомца, съ которымъ ночевалъ на постояломъ дворѣ.

— Ну вотъ, не отгадалъ ли я? продолжалъ незнакомецъ: Богъ привелъ намъ опять увидѣться.

— Такъ это ты! вскричалъ Алексѣй. Я было и на площади призналъ тебя, да боялся вклепаться. Ну, Козьма Миничъ, дай Богъ тебѣ здоровья! Красно ты говоришь!

— Какъ? сказалъ Юрій: ты тотъ знаменитый гражданинъ

— И, бояринъ! я просто гражданинъ нижегородскій и ничѣмъ другихъ не лучше. Развѣ ты не видѣлъ, какъ всѣ граждане, наперерывъ другъ передъ другомъ, отдавали свои имущества? На мнѣ хотя это платье осталось, а другой послѣднюю одежонку притащилъ на площадь: такъ мнѣ ли хвалиться, бояринъ?

— Но развѣ не ты первый...

— Ну да... я первый заговорилъ— такъ чтожъ?.. великое дѣло!..нельзя-жъ всѣмъ разомъ говорить; не я, такъ заговорилъ бы другой, не другой, такъ третій... а скажи-ка, бояринъ, ужъ не хочешь ли ты пристать къ намъ? ты цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу, а душа то въ тебѣ все-таки русская.

— Къ несчастію, ты говоришь правду! сказалъ со вздохомъ Юрій.

— А почему жъ къ несчастію? Скажи мнѣ, легко ль тебѣ было присягать польскому королевичу?

— Ахъ!... видитъ Богъ, нѣтъ!

— А для чего-жъ ты это сдѣлалъ?

— Для того, что былъ увѣренъ, и теперь еще... да, и теперь еще надѣюсь, что сей жертвой мы спасемъ отъ гибели наше отечество!

— Вотъ видишь ли: все-таки у тебя отечество на умѣ. Послушай, я скажу тебѣ побасенку, бояринъ. Одинъ мужичекъ, переплывая черезъ рѣку, сталъ тонуть. У него было три сына: меньшой, думая, что онъ одинъ не спасетъ его, принялся кричать, рвать на себѣ волосы и призывать на помощь всѣхъ проходящихъ; между тѣмъ мужикъ выбился изъ силъ, и когда старшій сынъ бросился спасать его, то насилу вытащилъ изъ воды и чуть было самъ не утонулъ съ нимъ вмѣстѣ. На берегу стоялъ третій сынъ или, лучше сказать, пасынокъ: онъ не просилъ помощи, да и самъ не думалъ спасать утопающаго отца, а разсчитывалъ, стоя на одномъ мѣстѣ, какая придется ему часть изъ отцевскаго наслѣдія. Какъ ты думаешь, бояринъ? хоть меньшому сыну и не за что сказать спасибо, а по мнѣ все-таки честнѣе быть имъ, чѣмъ пасынкомъ.

Юрій, молча, пожалъ руку Минина, который продолжалъ:

— Чему дивиться, что ты связалъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ, когда вся Москва сдѣлала то же самое? Да вотъ хоть, напримѣръ, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій изволилъ мнѣ сказывать, что сегодня у него въ дому сберутся здѣшніе бояре и старшины, чтобъ выслушать гонца, который присланъ къ намъ съ предложеніемъ отъ пана Гонсѣвскаго. И какъ ты думаешь? кто этотъ довѣренный человѣкъ злѣйшаго врага нашего?... Сынъ бывшаго воеводы нижегородскаго, боярина Милославскаго.

— Да это господинъ мой! вскричалъ Алексѣй.

— Какъ? такъ это ты, Юрій Дмитричъ? сказалъ Мининъ, снявъ почтительно свою шапку и устремивъ на Милославскаго взоръ, исполненный душевнаго состраданія. Ну жаль мнѣ тебя! кому другому, а тебѣ куда должно быть тяжело, бояринъ!

— Я исполню долгъ свой, Козьма Миничъ, отвѣчалъ Юрій: я не могу поднять оружія на того, кому клялся въ вѣрности; но никогда руки мои не обагрятся кровію единовѣрцевъ, и если междоусобная война неизбѣжна, то... тутъ Милославскій остановился, глаза его заблистали...—Да! продолжалъ онъ, я далъ обѣтъ служить вѣрой и правдой Владиславу; но есть еще клятва, предъ которой ничто всѣ обѣщанія и клятвы земныя! Такъ, самъ Господь ниспослалъ мнѣ эту мысль! она оживила мою душу!..

Загоскинъ.

---

67. ВРЫНСКІЙ ЛѢСЪ.

РАЗСКАЗЪ БОЯРИНА КУРОДАВЛЕВА.

— «Милости просимъ!» сказалъ Куродавлевъ, встрѣчая ласковой улыбкою своего гостя — «Коли пьешь водочку, такъ прошу покорно!»

Одинъ изъ слугъ подалъ Левшину, на серебряномъ подносѣ, золотую чарку; другой наливалъ въ нее изъ штофа водки, и оба низко поклонились гостю. Левшинъ отказался.

—«Ну, коли не пьешь водки, молодецъ», сказалъ бояринъ:—«такъ мы начнемъ съ тобой завѣтный боченокъ фряжскаго. Мнѣ прислалъ его прошлаго мѣсяца Кирила Андреевичъ. Больно хвалитъ: оно-дескать идетъ изъ Угорской земли, и хоть сладенько, а зАбористо и нашимъ оржанымъ хлѣбцомъ попахиваетъ. Ну, отецъ Егоръ, благослови трапезу!...«

Священникъ прочелъ молитву. Бояринъ сѣлъ за столъ и посадилъ подлѣ се-

бя съ правой стороны Левшина, а съ лѣвой отца Егора. Первое самое блюдо былъ огромный студень; потомъ начали подавать похлебки, а тамъ блюдо пирожковъ подовыхъ на торговое дѣло, сырники и пирогъ разсольный. Сначала бояринъ Куродавлевъ вовсе не походилъ на радушнаго хозяина, который славился своимъ хлѣбосольствомъ и веселымъ обычаемъ. Онъ сидѣлъ насупивъ брови, ѣлъ очень мало и не посылалъ *подачекъ* ни шуту Тришкѣ, ни любимой своей борзой собакѣ, которые, какъ голодные волки, посматривали изподлобья на сытный столъ своего боярина. Изрѣдка только Куродавлевъ подчивалъ своихъ гостей и приглашалъ ихъ допивать стаканы, въ которые безпрестанно доливали шипучій медъ. Вотъ уже дѣло подходило до жаркихъ, а бояринъ все не начиналъ бесѣды и хмурился часъ отъ часу болѣе.

— «Нѣтъ!» промолвилъ онъ наконецъ: «и ѣда на умъ нейдетъ!... Ну, Дмитрій Аѳанасьевичъ, привезъ ты мнѣ вѣсточку! Подумаешь, когда это бывало, чтобъ за воровское измѣнничье дѣло по головѣ гладили!... Да этакъ всѣмъ ворамъ и крамольщикамъ такую дашь повадку, что и житья-то въ Москвѣ не будетъ!... Кто и говоритъ: государь Петръ Алексѣевичъ еще молоденекъ, гдѣ ему справиться съ этими разбойниками: да бояре-то чего смотрѣли?... Или они опять принялись за прежнее, какъ при царѣ Василіи Іоанновичѣ, — заводить всякія смуты, измѣны и предательства, да подъ шумокъ въ мутной водѣ рыбу удить!... Эхъ, кабы воля да воля, такъ я бы сегодня же покатилъ въ Москву!»

—«Да развѣ ты, Юрій Максимовичъ, не воленъ ѣхать въ Москву?» — спросилъ Левшинъ.

—«Воленъ-то воленъ: я вѣдь не опальный какой, а все-таки безъ царскаго указа не поѣду».

—«Не прогнѣвайся, бояринъ, коли я тебя спрошу: за чѣмъ же тебѣ царскій указъ, коли ты не подъ опалою и воленъ ѣхать куда хочешь?»

—«Затѣмъ, Дмитрій Аѳанасьевичъ, чтобъ не попятиться. Коли я при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ былъ обиженъ, такъ что мнѣ за слѣдъ ѣхать теперь безъ царскаго указа въ Москву? Пожалуй еще скажутъ: вотъ-де пріѣхалъ бояринъ Куродавлевъ съ повинною головою!»

—«А дозволь спросить, Юрій Максимовичъ: что-жъ это за случай такой былъ?»

—«Да такой-то случай, что не приведи Господи!» прервалъ Куродавлевъ, и глаза его заблистали. — «Хотѣли учинить смертную обиду, поруху всему роду нашему, безчестье и позоръ навѣки вѣковъ!... Да вотъ я тебѣ все перескажу, Дмитрій Аѳанасьичъ», продолжалъ бояринъ, махнувъ рукой, чтобъ ему не подавали жаренаго гуся.—«Въ первый годъ царствованія государя Ѳеодора Алексѣевича, наканунѣ вербнаго воскресенья, прислали ко мнѣ изъ Разряда поддьяковъ Ваську Мясникова да Ваську Буслаева, со сказкою: быть-дескать боярину Юрію Куродавлеву на вербное воскресенье въ верху у царскаго стола,—а столъ-де будетъ безъ мѣстъ. А за столомъ-де будетъ князь Дмитрій Трубецкой, Ѳедоръ Бутурлинъ, князь Григорій Пронскій и ты, бояринъ Юрій Куродавлевъ». Какъ такъ?... подумалъ я. Не ужли я въ послѣднихъ?... Да вѣдь мнѣ вовсе не приходится сидѣть подъ княземъ Григорьемъ Пронскимъ... Мы также, Куродавлевы, ведемъ свой родъ отъ князя Святослава, что сидѣлъ на Пронѣ. У князя Юрія Пронскаго было четыре сына: князь Ѳедоръ Рыба, да князь Иванъ Баранья голова, да князь Дмитрій безъ прозвища; отъ князя пошли Куродавлевы, а отъ князя Дмитрія теперешніе Пронскіе—такъ я не токма по службѣ дѣда и прадѣда, да и по роду-то старше его... Вотъ я съ тѣми же поддьяками и ударилъ челомъ Ѳеодору Алексѣевичу, что мнѣ князя Григорія Пронскаго меньше быть невмѣстно. «А мы-дескать, государь, холопи твои Куродавлевы, кому въ версту, тому

въ версту, а кто насъ меньше, тотъ меньше, и не которымъ дѣломъ не мочно тому быть больше насъ». Гляжу, этакъ часика черезъ два—шасть ко мнѣ на дворъ разрядный дьякъ Иванъ Улановъ... Милости просимъ!... «Указъ-дескать тебѣ, боярину Юрію Куродавлеву, отъ великаго государя идти заутре безотмѣнно въ верхъ и мѣстами не считаться. Велѣно быть безъ мѣстъ, такъ и порухи большимъ родомъ твоему отечеству въ томъ не будетъ. А ты бы государя не кручинилъ и садился бы въ столъ подъ княземъ Григорьемъ Пронскимъ». Вотъ я опять ударилъ челомъ: «Лучше бы-дескать, государь, ты меня холопа своего велѣлъ казнить смертію, а меньше князя Григорія быть не велѣлъ... Да мнѣ же дескать, государь, за хворостію и недугомъ ни которыми мѣрами въ городъ ѣхать не мочно». Жду, пожду—отвѣта нѣтъ. Ну, думаю, видно царь-государь взмиловался! На другой день, послѣ ранней обѣдни, пріѣхалъ ко мнѣ Кирила Андреевичъ Буйносовъ и говоритъ: «Велѣно, братъ, тебя, коли ты станешь упорствовать и отговариваться хворостію, привезти неволею къ Красному крыльцу въ простой телѣгѣ, на одной лошади... «Такъ чтожъ?» — сказалъ я,—«въ этомъ никакой порухи роду моему не будетъ: не я пойду, а меня повезутъ»... «Послушай, Юрій»,— учалъ опять говорить Кирила Андреевичъ: — «не гнѣви государя!... Неровенъ часъ!... Смотри, чтобы тебѣ не быть разорену и сослану!» — «Въ разореньи и ссылкѣ воленъ Богъ да государь», молвилъ я, «а ужъ меньше Гришки Пронскаго мнѣ не бывать!...»— «Эй, полно Юрій Максимовичъ!... Ну, коли грѣхомъ государь прогнѣвается не путемъ, да за твое непослушаніе укажетъ тебя высѣчь въ подклѣти батогами?» — «Такъ чтожъ? Власть его царская: что хочетъ, то и дѣлаетъ, а ужъ я своей волею ниже Гришки Пронскаго ни за что не сяду!» Вотъ этакъ около полуденъ, пріѣхалъ ко мнѣ разрядный дьякъ Кобяковъ, а съ нимъ двое поддьяковъ. Какъ я сказалъ, такъ и сдѣлалъ; самъ не пошелъ изъ дому, а вывели меня подъ руки, посадили въ телѣгу и привезли къ Красному крыльцу. Какъ меня вынули изъ телѣги, я тутъ же на первой ступенькѣ легъ, да и лежу: «отнялись-дескать вовсе ноги—нейдутъ!...» Дѣлать-то нечего! кликнули народу, внесли меня на крыльцо, а тамъ въ столовою палату и посадили неволею за столъ рука объ руку съ Пронскимъ. Лишь только меня покинули, я тотчасъ со скамьи, да и брякъ о земь!... Пускай-же лежу подъ лавкою, а не похваляться вору Гришкѣ, что я сидѣлъ за царскимъ столомъ ниже его!... Велѣно меня поднять, посадить опять силою на скамью и во весь столъ держать подъ руки двумъ разряднымъ дьякамъ... Пожалуй себѣ!... Это воля царская, лишь только бы моей-то воли не было!... Послѣ стола приказано мнѣ идти домой... «Ну вотъ, думаю, отдѣлался!...» Такъ нѣтъ!... Мошенникъ Гришка ударилъ на меня въ безчестьи челомъ царю—государю!... Этакъ дня черезъ два, въ обѣденную пору, пожаловалъ ко мнѣ опять разрядный дьякъ Иванъ Улановъ и съ нимъ два пристава. Дьякъ объявилъ мнѣ государевъ указъ, что велѣно меня выдать головою князю Григорію Пронскому... Что будешь дѣлать, воля царская!... Повели меня, добраго молодца, пѣшечкомъ, черезъ весь Китай-городъ на Лубянку, гдѣ у Пронскаго свой домишка; народъ останавливается, всѣ смотрятъ, какъ ведутъ меня подъ руки, словно колодника—за карауломъ!... Пришли!... Ввели меня на дворъ, поставили на нижнее крылечко и послали доложить хозяину. Пронскій поломался, повыдержалъ меня съ полчасика на крыльцѣ; гляжу—идетъ!... Такой радостный, ухмыляется. «Погоди, мошенникъ Гришка!» думаю я про себя: — будетъ и тебѣ тошно!...» Дьякъ Улановъ учалъ ему рѣчь говорить:

«Великій-де государь указалъ и бояре приговорили бояриңа Юрія Куродавлева, за то, что онъ не хотѣлъ быть вмѣстѣ съ тобою у царскаго стола, выдать тебѣ за такое боярское безчестье его Куродавлева головою». Пока дьякъ Улановъ объявлялъ царскій указъ, я стоялъ какъ вкопаный, ни словечка!... а какъ онъ свою рѣчь кончилъ, такъ я молвилъ про себя: «Слава тебѣ Господи—вытерпѣлъ...Ну, теперь, Гришка, держись!»... А онъ передъ дьякомъ такъ и разсыпается!... «Я, дескать, на царскомъ жалованьи бью челомъ и земно кланяюсь за его государевъ великій оборонъ. А тебя, Юрій Максимовичъ», промолвилъ онъ: «прошу отвѣдать моего хлѣба-соли».

— «Спасибо на твоемъ хлѣбѣ: пусть имъ давится кто хочетъ», сказалъ я, да и пошелъ его позорить!... Ужъ манлъ, манлъ!... Всю подноготную высказалъ: какъ прадѣдушка его былъ въ Зарайскѣ губнымъ старостою, какъ его высѣкли плетьми и сослали въ Березовъ за то, что онъ мирволилъ ворамъ и разбойникамъ; какъ дѣдушка при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ наушничалъ и былъ на побѣгушкахъ у думнаго дьяка Щелкалова, а дядюшка князь Петръ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, измѣнилъ подъ Вязьмою, и какъ его за эту измѣну били кнутомъ... Все вычелъ до тла!... А тамъ надѣлъ шапку да и со двора. Въ тотъ же самый день я ударилъ челомъ государю, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ, по хворости и ради моихъ домашнихъ дѣлишекъ, ѣхать на житье въ Мещовскую отчину, а государь изволилъ сказать: «пусть-дескать ѣдетъ куда хочетъ».Вотъ я пріѣхалъ сюда и живу себѣ—не то что подъ опалою, не то что въ милости, а такъ, ни то, ни се!... Ну, Дмитрій Аѳанасьевичъ: видишь ли теперь, что мнѣ вовсе не слѣдъ ѣхать въ Москву безъ царскаго указа?»

— «Вѣстимо, Юрій Максимовичъ», сказалъ Левшинъ: — коли не хочешь, такъ зачѣмъ ѣхать. А дозволь мнѣ спросить тебя», продолжалъ онъ:—«я что-то въ толкъ не возьму: какъ могъ ты позорить князя Пронскаго! Вѣдь не онъ тебѣ, а ты ему былъ выданъ головою».

— «Въ томъ-то и дѣло, любезный!... Иль ты не знаешь, что тотъ бояринъ воленъ того боярина, которому онъ выданъ головою, лаять и безчестить всякою бранью, а тотъ ему за его злыя слова, ничего чинить не смѣетъ; а кто бы надъ такимъ выданнымъ человѣкомъ за его брань учинилъ какое убойство или безчестіе, тому бы самому указъ былъ противъ того вдвое, за тѣмъ, что онъ безчеститъ не того, кто выданъ ему головою, а того, кто прислалъ его, сирѣчь самого царя». **Загоскинъ**

---

68. БАСУРМАНЪ.

Дмитрій Іоанновичъ, внукъ Іоанна III.

Это было 27 октября 1505 года. Будто къ вѣнчанію царя, Москва снарядилась и изукрасилась. Соборъ Успенскій, церковь Благовѣщенія, грановитая палата, теремный дворецъ, кремль съ своими стрѣльниками, множество каменныхъ церквей и домовъ, разсыпанныхъ по городу—все это, только что вышедшее изъ-подъ рукъ искусныхъ зодчихъ, носило на себѣ печать свѣжести и новизны, какъ бы возникло въ одинъ день волею всемогущею. Дѣйствительно, все то было сотворено въ короткое время геніемъ Іоанна III. Кто оставилъ бы Москву, за тридцать лѣтъ назадъ, бѣдною, ничтожною, похожею на большое село, огороженное дѣтинцемъ, не узналъ бы ея, увидавъ теперь. Также скоро и вся Русь поднялась на ноги по одному молодецкому окрику этого генія. Взявъ исполина-младенца подъ свою царскую опеку, онъ сорвалъ съ него пелены и не по годамъ, а по часамъ воспиталъ его на богатырство. Новгородъ и Псковъ, не ломавшіе ни передъ кѣмъ шапки, сняли ее передъ нимъ, да еще принесли въ ней свою волю и золото; иго ханское свержено и переброшено за рубежъ земли русской;

Казань хотя отыгрывалась еще отъ великаго ловчаго, но отыгрывалась, какъ волчица, которой некуда утечь; удѣлы сплавлены и выкованы въ одинъ могучій особнякъ, и тотъ, кто все это сотворилъ, первый изъ русскихъ властителей воплотилъ въ себѣ идею царя.

Однакожъ 27 октября 1505 года изукрашенная имъ Москва готовилась не къ радостному, а печальному торжеству: Іоаннъ, изнемогая и духомъ и тѣломъ, лежалъ на смертномъ одрѣ. Онъ забывалъ свои подвиги, онъ помнилъ только грѣхи свои и каялся въ нихъ.

Было время къ вечеру. Въ храмахъ горѣли одинокія лампады, сквозь слюду и пузыри оконъ свѣтились въ домахъ огни, зажженные вѣрою или нуждою. Нигдѣ народная любовь не теплила ихъ; потому что народъ не понималъ заслугъ великаго и не любилъ его за нововведенія. Въ одномъ углу казеннаго двора черная изба позднѣе другихъ домовъ освѣтилась слабымъ огонькомъ. На пузырную оболочку окна желѣзная рѣшетка съ ершами отбросила клѣтчатую тѣнь, которую, однакожъ, пестрила точка, то блестящая какъ искра, то вьющая струю пара. Знать узникъ провертѣлъ отверстіе въ пузырѣ, чтобы украдкою отъ своего сторожа, глядѣть на свѣтъ Божій.

Это была тюрьма и въ ней на этотъ разъ томился молодой узникъ. Ему казалось не больше 20 лѣтъ. Такъ молодъ! Какія же раннія преступленія могли привести его сюда? По лицу его не вѣришь этимъ преступленіямъ, не вѣришь, чтобы Богъ создалъ такую обманчивую наружность. Такъ пригожъ и благовиденъ, что, кажется, ни одинъ черный помыселъ не пробѣжитъ по спокойному челу, ни одна страсть не заиграетъ въ его глазахъ, исполненныхъ любви къ ближнему и безмятежной грусти. И между тѣмъ статенъ, величавъ; какъ встрепенется изъ дремоты своей, какъ тряхнетъ черными кудрями, виденъ забывшійся господинъ, а не рабъ. Руки его бѣлы, нѣжны, словно женскія. На косомъ воротѣ рубашки горитъ изумрудная запонка; въ сырой, закопченной избѣ, на широкомъ прилавкѣ пуховикъ съ изголовьемъ изъ мисюрской камки и съ шелковымъ одѣяломъ, а подлѣ постели ларецъ изъ бѣлой кости филаграновой работы. Видно, не простой узникъ.

Не простой, да еще вѣнчанный... И чистъ дѣлами и помыслами, какъ житель неземной. Всѣ его преступленія въ вѣнцѣ, котораго онъ не искалъ и который надѣла на него прихоть властителя; никакой крамолѣ, никакому злу не причастный, онъ виноватъ за чужія вины, за честолюбіе двухъ женщинъ, за коварство царедворцевъ, за гнѣвъ дѣда на стороннихъ, не на него жъ. Ему назначили царство, и отвели въ тюрьму. Онъ не понималъ, почему вѣнчаютъ его, и теперь не понимаетъ, за что его лишили свободы, свѣта Божьяго, всего, въ чемъ не отказываютъ и смерду. За него ближніе и молиться не смѣютъ вслухъ.

Это внукъ Іоанна III, единственное дитя любимаго сына его, злополучный Дмитрій Іоанновичъ.

То сидѣлъ онъ въ грустномъ раздумьи? облокотясь на колѣни и утопивъ пальцы въ чернокудрой головѣ, то вставалъ, то ложился. Онъ метался, какъ будто дали ему отраву. Никого съ нимъ ни было. Одинокій огонекъ освѣщалъ его бѣдное, несчастное жилище. Тишину избы нарушали капель съ потолка или мышь, подбиравшая крохи отъ трапезы узника. Огонекъ то замиралъ, то вспыхивалъ и въ эти переливы свѣта, казалось, ползали по стѣнѣ ряды огромныхъ пауковъ. Въ самомъ же дѣлѣ это были каракульки на разныхъ языкахъ, начертанныя углемъ или гвоздемъ. Едва можно было разобрать въ нихъ: «Matheas,» Мароа, посадница Великаго Ноугорода, «будь проклятъ», «liebe Mutter, liebe A...» и еще, еще какія-то слова, разорванныя струями, которыя текли по стѣнѣ, или стертыя негодованіемъ и невѣжествомъ сторожей.

Дверь темницы тихонько отворилась.

Дмитрій Іоанновичъ встрепенулся. — «Аѳоня, это ты?» радостно спросилъ онъ: но, увидѣвъ, что принялъ вошедшаго за другаго, присовокупилъ съ грустію: «ахъ, это ты, Небогатый!... что-жъ нейдетъ Аѳоня?... Мнѣ скучно, мнѣ тошнехонько, меня тоска гложетъ, будто змѣя подколодная лежитъ у сердца. Вѣдь ты сказалъ, что будетъ Аѳоня, когда огни зажгутъ въ домахъ?»

— Аѳанасій Никитичъ никогда не кривитъ словомъ, не то что глазомъ—сказалъ дьякъ Дмитрій Небогатый, приставникъ добрый, услужливый и между тѣмъ строгій въ исполненіи наставленій, данныхъ великимъ княземъ, какъ устеречи внука. (Надо знать, что въ это время онъ же, за болѣзнію Дмитріева казначея и постельничаго, исполнялъ ихъ должность. Честь-честью князю, хотя и заключенному!...).

— Успокойся, Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ мой: ужъ, конечно, скоро придетъ нашъ краснобай. Ты самъ вѣдаешь, хилъ становится, худо видитъ, такъ бредетъ себѣ ощупью. А ты покуда, милое дитятко мое, поиграй, потѣшься своими игрушками. Присядь себѣ хорошенько на постелюшкѣ, я подамъ тебѣ твой ларецъ.

И Дмитрій Ивановичъ, дитя, которому было за 20 лѣтъ, отъ скуки, его томившей, исполнилъ тотчасъ предложеніе своего дьяка, сѣлъ съ ногами на постель, взялъ костяной ларецъ къ себѣ на колѣни и отперъ его ключемъ, который висѣлъ у него на поясѣ. Понемногу, одна за другою, выходили на свѣтъ Божій дорогія вещицы, заключенныя въ этомъ ларцѣ. Княжичъ подносилъ къ огню то цѣпь золотую съ медвѣжьими головками или чешуйчатый золотой поясъ, то жуковины (перстни) яхонтовыя и изумрудныя, то крестики, монисты, запястья, запонки драгоцѣнныя; любовался ими, надѣвалъ ожерелья себѣ на шею и спрашивалъ дьяка, идутъ ли они къ нему; бралъ зерна бурмицкія и клалъ въ горсть, пускалъ ихъ, будто дождь, сквозь пальцы, тѣшился ихъ игрою, какъ настоящее дитя — и вдругъ, послышавъ голосъ въ ближней комнатѣ, бросилъ все кое-какъ въ ларецъ. Лице его просіяло.

—Это Аѳоня! молвилъ онъ, отдавая ларецъ дьяку, и слѣзъ съ постели.

— Запри, Дмитрій Ивановичъ, сказалъ съ твердостью Небогатый: безъ того не приму.

Проворно щелкнулъ ключъ въ ларцѣ; дверь отворилась и вошелъ въ избу тюремную старичекъ не большаго роста, сгорбившійся подъ ношею лѣтъ; имп золотилось уже серебро волосъ его. Отъ маковки головы до конца вѣкъ лѣваго глаза врѣзался глубокій шрамъ, опустившій такимъ образомъ надъ этимъ глазомъ вѣчную занавѣску; за то другой глазъ вправленъ былъ въ свое мѣсто, какъ драгоцѣнный камень чудной воды, потому что блисталъ огнемъ необыкновеннымъ и, казалось, смотрѣлъ за себя и своего бѣднаго собрата. Сынъ не встрѣчаетъ ласковѣе отца нѣжно любимаго, какъ встрѣтилъ старика Дмитрій Ивановичъ. Радость горѣла въ очахъ царевича, въ каждомъ движеніи его. Онъ принималъ отъ гостя посохъ, стряхалъ съ него порошинки снѣга, обнималъ его, усаживалъ на почетное мѣсто своей постели. А гость былъ не иной кто, какъ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, купецъ безъ торговли, безъ денегъ, убогій, но богатый свѣдѣніями, собранными имъ на отважномъ пути въ Индію, богатый опытами и вымыслами, которые онъ, сверхъ того, умѣлъ украшать сладкою, вкрадчивою рѣчью. Онъ жилъ пособіями другихъ и не былъ ни у кого въ долгу: богатымъ платилъ своими сказками, а бѣдныхъ дарилъ ими. Ему дозволено было посѣщать великаго князя Дмитрія Ивановича (котораго однакожъ запрещено было называть великимъ княземъ). Можно судить, какъ онъ наполнялъ ужасную пустоту его заключенія и какъ поэтому былъ дорогъ для него. Что жъ давалъ ему за труды Дмитрій? Много, очень много для добраго сердца: свои радости, единственныя, ка-

кія оставались у него въ свѣтѣ—и эту награду тверитянинъ не промѣнялъ бы на золото. Какъ-то разъ хотѣлъ царевичъ подарить ему дорогую вещицу изъ своего костянаго ларца, но дьякъ съ бережью напомнилъ узнику, что всѣ вещи въ ларцѣ его, что онъ можетъ играть ими, сколько душѣ угодно, да располагать ими не воленъ.

Вчера Аѳанасій Никитичъ началъ современную ему повѣсть о *Нѣмчинѣ*, прозванномъ *басурманомъ*. Нынѣ, усѣвшись, продолжалъ ее. Рѣчь его текла, какъ пѣснь соловушки, котораго можно заслушаться отъ зари вечерней до утренней, не смыкая глазъ. Жадно внималъ царевичъ разсказщику; рдѣли щеки его и нерѣдко струились по нимъ слезы. Далеко, очень далеко уносился онъ изъ тюрьмы своей, и только по временамъ грубая брань сторожей за перегородкою напоминала ему горькую существенность. Между тѣмъ дьякъ Небогатый бѣгло поскрипывалъ перышкомъ; листы, склеенные вдоль одинъ за другимъ, унисывались чудными знаками и свивались въ огромный столбецъ. Онъ писалъ со словъ Аѳанасія Никитича *Оказаніе о нѣкоемъ Нѣмчинѣ, иже прозванъ бѣ бесерменомъ.*

Вдругъ среди разсказа вбѣжалъ въ тюрьму дворецкій великаго князя.— «Иванъ Васильевичъ готовится отдать Богу душу», сказалъ онъ торопливо: «онъ сильно воспечалился о тебѣ и послалъ за тобой. Поспѣшай».

Судорожно затрепеталъ княжичъ. По лицу его, которое сдѣлалось подобно бѣлому плату, пробѣжала какая-то дума: она вспыхнула во взорахъ его. О, это была дума раздольная! вѣнецъ... народъ...милости...можетъ быть, и казни.. чего не было въ ней? Узникъ, дитя, только что игравшій цвѣтными камешками, сталъ великимъ княземъ всея Руси.

Іоаннъ, еще земной властитель, на смертномъ одрѣ; еще смерть не сковала устъ его, и эти уста могутъ назначить ему преемника. Мысль о будущей жизни, раскаяніе, свиданіе со внукомъ, котораго онъ самъ добровольно вѣнчалъ на царство и котораго привели изъ тюрьмы, какую силу должны имѣть надъ волею умирающаго!

Княжичу подали шапку, и онъ, въ чемъ былъ, сопровождаемый дьякомъ и приставами, поспѣшилъ въ палаты великокняжескія. Въ сѣняхъ встрѣтили его рыданія ближнихъ и слугъ великаго князя.—«Сталось... дѣдъ умеръ!» подумалъ онъ, и сердце его упало, шаги запнулись.

Появленіе Дмитрія Ивановича во дворѣ великокняжескомъ остановило на время общую скорбь, настоящую и мнимую. Неожиданность, новость предмета, чудная судьба княжича, состраданіе, мысль о томъ, что онъ, можетъ статься, будетъ властителемъ Руси, сковали на мигъ умы и сердца дворчанъ. Но и въ это время между бородками были умныя головы; тонкіе, дальновидные расчеты, называемые нынѣ политикою, также, какъ и нынѣ, часто били навѣрное вмѣстѣ съ судьбою, хотя иногда также, какъ и въ наши дни, подшибались могучею рукою провидѣнія.

Расчеты эти восторжествовали надъ минутнымъ недоумѣніемъ; плачъ и рыданія опять начались и сообщились толпѣ. Только одинъ голосъ, посреди причитаній изученной скорби, осмѣлился возвыситься надъ ними: «Поспѣшай, батюшка, родимый нашъ... за тобой послано ужъ немалое время... Иванъ Васильевичъ еще живъ... Благослови тебя Господь на великокняженіе!»

Этотъ голосъ одушевилъ княжича; но, когда ему надо было вступить въ постельную хоромину, гдѣ лежалъ умирающій, силы его начали упадать. Дверь отворилась; онъ приросъ къ порогу...

Іоанну оставалось жить нѣсколько минутъ. Казалось, смерть ждала только прихода внука его, чтобы дать ему отходную. У постели его стояли сыновья, митрополитъ, любимые бояре, близкіе люди.

— Сюда... ко мнѣ, Дмитрій... милый внукъ мой... сказалъ великій князь, увидавъ его сквозь смертный туманъ.

Дмитрій Ивановичъ бросился къ одру, припалъ на колѣни, лобызалъ хладѣющую руку дѣда, орошалъ ее слезами. Умирающій, будто силою гальванизма, приподнялъ голову, положилъ одну руку на голову внука, другою благословилъ его, потомъ произнесъ задыхающимся голосомъ:

—Я согрѣшилъ предъ Богомъ и тобою... Прости мнѣ... прости... Господь и я вѣнчали тебя... будь... мо... нимъ...

Лице Василія Іоанновича искосило завистью и страхомъ.

Еще одно слово...

Но смерть стояла тутъ на сторонѣ сильнаго, и это слово не было произнесено на этомъ свѣтѣ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ испустилъ послѣднее дыханіе, припавъ холодными устами къ челу своего внука. Сынъ его, назначенный имъ заранѣе въ наслѣдники, тотчасъ вступилъ во всѣ права свои.

Дмитрія оттащили отъ смертнаго одра, вывели изъ палатъ великокняжескихъ и отвели... опять въ темницу.

Тамъ, на его постели, отдыхалъ Аѳоня крѣпкимъ сномъ праведника. Выплакавъ свое горе, прилегъ къ старцу подъ бокъ и злополучный Дмитрій. Царевичъ и убогій тутъ уровнялись. Одному снились въ эту ночь столы великокняжеские и пышный вѣнецъ, горящій, какъ жаръ, на головѣ его, и пріемы пословъ чужеземныхъ, и осмотръ многочисленной рати; другому—гостепріимная пальма и ручей въ степяхъ Аравіи. Убогій проснулся первый, и какъ изумился онъ, увидавъ подлѣ себя царевича! Грустно покачалъ онъ сѣдою головой, прослезился, и только что началъ благословлять его, какъ послышалъ веселый, отважный возгласъ во снѣ Дмитрія Ивановича: «молодцы... на Татаръ... на Литву!»...

И вслѣдъ затѣмъ пробудился княжичъ. Долго протиралъ онъ себѣ глаза, озирался вокругъ себя, и потомъ, упавъ на грудь Аѳони, залился слезами: «Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! мнѣ снилось...

Голосъ его заглушили рыданія.

Скоро и все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ палатахъ великокняжескихъ, стало казаться ему сонным видѣніемъ. Только, припоминая себѣ этотъ тяжкій сонъ, онъ чувствовалъ на челѣ своемъ ледяную печать, которую наложили на него уста вѣнценоснаго мертвеца.

Пришла зима; все было въ черной избѣ по прежнему. Перемѣнились однѣ декораціи: утихъ однообразный шумъ капели, исчезла и свѣтлая точка на пузырѣ одинокаго окна; вмѣсто ихъ серебряная кора облѣпила углы стѣнъ и пазы потолка, а свѣтлую точку, сквозь которую узникъ видѣлъ небо съ его солнышкомъ и вольныхъ птичекъ, покрыла тяжелая заплатка. Но Аѳоня по-прежнему навѣщалъ тюрьму. Онъ досказалъ свою повѣсть о Нѣмцѣ, котораго называли басурманомъ, и доброписецъ Небогатый, передавъ ее исправно бумагѣ, положилъ свитокъ въ кованый сундукъ—внукамъ на потѣшеніе.

Прошло года три съ небольшимъ.

Вѣнчаннаго узника не стало въ тюрьмѣ, и Аѳанасія Никитича не видать уже было въ ней. Знать, Дмитрія Іоанновича выпустили на свободу...? Да, Господь освободилъ его отъ всѣхъ земныхъ узъ. Вотъ что пишетъ лѣтописецъ: «1509 года, 14 февраля, преставился великій князь Дмитрій Іоанновичъ въ нуждѣ, въ тюрьмѣ». Герберштейнъ прибавляетъ: «Думаютъ, что онъ умеръ отъ холода или отъ голода, или задохнулся отъ дыма».

Лажечниковъ.

---

69. МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Плюшкинъ.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній: людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ

направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего незамѣтно было оживляющаго картину: ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и онѣ были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура: баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ, на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія, дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. Ой, баба! подумалъ онъ про себя, и тутъ же прибавилъ: ой, нѣтъ! Конечно баба! наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура съ своей стороны глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она осмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ, и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это вѣрно ключница.

— Послушай, матушка, сказалъ онъ, выдя изъ брички, что баринъ?...

— Нѣтъ дома, прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: а что, вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты! сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время громоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ ужъ приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ прислоненный бокомъ къ стѣнѣ шкапъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутною мозаикой, которая мѣстами ужъ выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ на верху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми по-

лосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки: замѣтнѣе прочаго высовывался оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и казалось довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней части щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже съ своей стороны ожидалъ, что хочетъ сказать ему Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить.

— Чтожъ баринъ? у себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же? повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы что ли? сказалъ ключникъ. Эхва! А вѣдь хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лице его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ: одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки еще не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ поръ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади вмѣсто двухъ болтались четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстухъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ нибудь у церковныхъ дверей, то вѣроятно далъ бы ему мѣдный грошъ. Ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, что бы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій: предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого столько хлѣба зерномъ, мукою и просто въ

кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся— ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагунь, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки, и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такія имѣнія, какія были у него—но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу: если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро—онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ во всемъ ходилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яица, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ее не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ, локти были въ порядкѣ: нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюш-

кинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь Александру Степановну онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные-картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стало замѣтнѣе обнаруживаться скупость: сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты: онъ послалъ ему отъ души свое отцевское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою: съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха—все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего нибудь получить; видно походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однако же ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть

какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другаго на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ, куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

И такъ вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же въ сосѣдствѣ подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями и плошками, оглашенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе является чрезъ то ночное небо, и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія, но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово добродѣтель и рѣдкія свойства души можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную лучшую причину, но ничего инаго не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было, что именно, неизвѣстно, но вѣроятно смыслъ былъ таковъ: «А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: прошу покорнѣйше садиться!

— Я давненько не вижу гостей, сказалъ онъ, да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

Вонъ оно какъ! подумалъ про себя Чичиковъ; хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока.

— И такой скверной анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ! продолжалъ Плюшкинъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по міру!

— Мнѣ однако же сказывали, скромно замѣтилъ Чичиковъ, что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно хотѣлъ подшутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысячи душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.

— Скажите! и много выморила! воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, снесли многихъ.

— А позвольте узнать: сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня послѣдней ревизіи?

— Это бы еще славу Богу, сказалъ Плюшкинъ, да лихъ-то, что съ того времени до ста двадцати наберется.

— Вправду? цѣлыхъ сто двадцать? воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу! сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же, и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

— Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь, сказалъ Плюшкинъ. Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его откуда взялся, говоритъ родственникъ: дядюшка, дядюшка! и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣнннку чай на смерть придерживается. Вѣрно спустилъ денежки служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ.

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его, и не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же, изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ вытаращилъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво, служилъ по статской.

—По статской? повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что нибудь кушалъ. Да вѣдь какъ жъ? Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой! вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густаго кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. «Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ, Святители вы мои!»... Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, также мгновенно и прошла, будто ее

вовсе не бывало, и лице его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость... сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. Вѣдь вотъ купчую крѣпость—все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какое нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

— Ну, ты, я думаю, устоишь! подумалъ про себя Чичиковъ, и произнесъ тутъ же, что изъ уваженія къ нему онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ однакожъ не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «эй, Прошка». Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ въ попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій, призываемый въ барскіе покои, обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Еслибы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лице Прошки. Глупъ вѣдь какъ дерево, а попробуй что нибудь положить—мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего? Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. «Поставь самоваръ, слышишь, да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его къ чаю... постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ что ли чешется?... ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху чай поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножемъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты, не входи братъ въ кладовую, не то я тебя, знаешь! березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я

тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить, да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ! А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что-де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили! народъ такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ.—Еще покойница дѣлала, продолжалъ Плюшкинъ; мошенница ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! сказалъ Плюшкинъ. Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: дядюшка, говоритъ, дайте чего нибудь поѣсть! А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть вѣрно нечего, такъ вонъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же, я какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы при первой подачѣ ревизіи всѣхъ ихъ вычеркнуть.— Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?.. а домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чѣмъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого нибудь знакомаго?

— Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились. Ахъ, батюшка! какъ не имѣть, имѣю! вскричалъ онъ. Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ, какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! какъ не знакомый? ужъ такой знакомый! такъ ужъ не къ нему ли написать?

— И конечно къ нему.

— Какъ же, ужъ такой знакомый! въ школѣ были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства, явленіе, подоб-

ное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина, или утомленныя бореньемъ руки—появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лице Плюшкина вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, сказалъ онъ, да не знаю куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!—Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ, и наконецъ закричалъ: «Мавра! а Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ.

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшаго лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на чтожъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого; я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: а вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала, да горячими-то тебя и припекутъ!

— А я скажу: не за что! ей Богу, не за что, не брала я... Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидѣлъ точно четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: «ну, чтожъ ты расходилась такъ: экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ? Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой, ты схватишь сальную свѣчу, сало дѣло топкое: сгоритъ—да и нѣтъ, только убытокъ, а ты принеси-ка мнѣ лучинку!»—

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая: нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку, и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымите потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь

въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля?—сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо, которому бы понадобились бѣглыя души.

— А у васъ есть и бѣглыя? быстро спросилъ Чичиковъ очнувшись.

— Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки; говоритъ, будто и слѣдъ простылъ, но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется.

— Нѣтъ?

— А ей Богу такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ что ни дай взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

— Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ, сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали? спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ, руки его задрожали какъ ртуть.

—Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу.

— А какъ вы покупаете, на чистыя?

— Да, сей-часъ деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ.

— Почтеннѣйшій! сказалъ Чичиковъ, не только по сорока копѣекъ, но пяти сотъ рублей заплатилъ бы! съ удовольствіемъ заплатилъ бы! потому что вижу почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А ей Богу такъ! ей Богу правда! сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее. Все отъ добродушія.

— Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. И такъ почему жъ не дать бы мнѣ по пяти сотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ: по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, что бы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните.

— По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? вы, кажется, говорили семьдесятъ?

— Нѣтъ. Всего наберется семьдесятъ восемь.

— Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ... здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе подумалъ и сказалъ вдругъ: это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копѣекъ! онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ-же заставилъ онъ Плюшкина написать росписочку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ въ бюро съ такоюже осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ тоже чрезвычайно осторожно въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ вѣрно имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать? сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ незачѣмъ болѣе мѣшкать.—Да, мнѣ пора! произнесъ онъ, взявшись за шляпу,

— А чайку?

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда нибудь въ другое время.

— Какъ же, а я приказалъ самоваръ. Я признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сахаръ отнеси Маврѣ, слышишь: пусть его положитъ на то же мѣсто, или нѣтъ, подай его сюда, я уже снесу его самъ. Прощайте, батюшка, да благословитъ васъ Богъ, а письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да, пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! были съ нимъ однокорытниками!

За симъ, это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть, потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, на мѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ подъ видомъ того чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, беспримѣрное великодушіе. Я ему подарю, подумалъ онъ про себя, карманные часы, они вѣдь хорошіе, серебрянные часы, а не то чтобы какія нибудь томпаковые или бронзовые; немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ! Или нѣтъ, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ.

---

70. ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ЗНАКОМСТВО СЪ МАКСИМОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ - извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто—эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой, безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Кайшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ; по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ тащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколько осетинъ. Одинъ

нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти: смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ кавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я пошелъ къ нему и поклонился: онъ, молча, отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

«Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ, молча, опять поклонился.

«Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

«Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ?»

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.—«Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?»

«Съ годъ», отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что-жъ?»

— Да такъ-съ! Ужасные бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ! Быки-то ихъ понимаютъ! запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь? Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

«А вы давно здѣсь служите?»

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ [1]), отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ — прибавилъ онъ—и при немъ получилъ два чина за дѣло противъ горцевъ.

«А теперь вы?»

— А теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?...

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали, молча, идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла на гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся въ низъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.—«Вѣдь этакій народъ!» сказалъ онъ: «и хлѣба по русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...»

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранившемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни: кой-гдѣ

[1]) Ермоловѣ.

изъ подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

«Завтра будетъ славная погода!» сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

«Что-жъ это?» спросилъ я.

— Гутъ-гора.

«Ну такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась: по бокамъ ея ползли легкія струйки облаковъ, на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою; въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что, были ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

—«Не было, господинъ», отвѣчалъ осетинъ-извощикъ: «а виситъ много, много».

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ— единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеятъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе, на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно значительная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать: мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

«Жалкіе люди!» сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые, молча, на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или черкесы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

«А вы долго были въ Чечнѣ?»

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода,—знаете?

«Слыхалъ».

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ не шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

«А, чай, много съ вами бывало приключеній?» сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и позадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него к

кую-нибудь исторійку,—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ-будто про себя: «да, бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается; другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: *здравствуйте*, потому что фельдфебель говоритъ: *здравія желаю*. А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ по неволѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

«Не хотите ли подбавить рому?»—сказалъ я моему собесѣднику: «у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно».

—Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

«Что такъ!»

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы погуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропащій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ на силу ноги унесъ, а еще у мирнаго князя былъ въ гостяхъ.

«Какъ же это случилось?»

—Вотъ (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой—этому скоро пять лѣтъ. Разъ осенью пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій, на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно, спросилъ я его, переведены сюда изъ Россіи?»—Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. — Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить по—пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста—къ чему эта полная форма?—приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ». Ему отвели квартиру и онъ поселился въ крѣпости.

«А какъ его звали?» спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить, только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ — онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зо то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими странностями и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— «А долго онъ съ вами жилъ?» спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этого годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ.

Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

Лермонтовъ.

---

71. ВЕДУИНЪ.

Караванъ молельщиковъ выступалъ изъ вратъ Діарбека. Впереди его ѣхалъ Османъ и бросалъ въ народъ деньги; имамы благословляли отходящихъ странниковъ; жители усыпали цвѣтами путь ихъ.

Въ шестой разъ отправлялся Османъ съ караваномъ въ Мекку и начальствовалъ надъ охраннымъ войскомъ. Всѣ были увѣрены въ благополучномъ окончаніи своего путешествія, ибо ни однажды еще не случалось съ Османомъ никакого несчастія: бури не засыпали въ степяхъ Аравіи ни одного человѣка изъ шествовавшихъ съ Османомъ; ни однажды аравитяне не нападали на него. Такая благоуспѣшность въ предпріятіяхъ его почиталась плодомъ Османовой набожности, щедрости и мужества. Спустя нѣсколько недѣль послѣ отбытія изъ Діарбека, приблизился караванъ къ славному въ древности Евфрату, рѣкѣ, современной міру. При пѣніи стиховъ изъ алкорана, переправились черезъ нее молельщики и вступили на песчаныя равнины Аравіи. Тутъ присоединился къ каравану бедуинъ на прекрасной вороной лошади: онъ равнымъ образомъ ѣхалъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, колыбели и гробу Магомета.

Османъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, коснувшійся до преимущества ихъ народовъ. Бедуинъ отвѣчалъ коротко, но благоразумно; хвалилъ достойное похвалы въ своемъ народѣ и охуждалъ то, что казалось ему дурнымъ. Непримѣтнымъ образомъ отдалились они отъ каравана. Османъ съ жаромъ началъ выхвалять оттомановъ.

«Турки», говорилъ онъ бедуину, «издавна славятся по всему востоку храбростію, добродушіемъ и милосердіемъ; издавна рѣдкія сіи качества снискали намъ уваженіе цѣлаго свѣта; вездѣ, ежели хотятъ изобразить непобѣдимость воина, то говорятъ: *онъ храбръ какъ турокъ*! Купцы, желая выразить чье-нибудь безкорыстіе въ превосходной степени, говорятъ: *онъ справедливъ какъ турокъ*! Чѣмъ, напротивъ того, отличился твой бѣдный народъ, шатаясь по степямъ каменистой и пустой Аравіи? Какая молва идетъ о васъ? То, что вы не имѣете ни чести, ни совѣсти; вы исповѣдуете одну вѣру съ нами, но вамъ платитъ султанъ ежегодно знатную сумму, дабы спасти отъ вашего хищничества главный караванъ молельщиковъ; грабительство сдѣлало васъ презрѣнными бродягами въ глазахъ всякаго истиннаго мусульманина. Признайся, товарищъ, въ справедливости моихъ словъ; признайся, что вашъ народъ не что иное, какъ шайка разбойниковъ».

— Мы послѣ окончимъ нашъ разговоръ, сказалъ ему бедуинъ, указывая на поскользнувшагося верблюда, который упалъ и придавилъ собою своего вожатаго,—послѣ; напередъ пособимъ несчастному.

«Поди и пособляй ты!» отвѣчалъ Османъ; «я не хочу оказать никакой услуги этому бездѣльнику: онъ перекупилъ у меня верблюда, четыре года тому назадъ; теперь я очень радъ, что сей же самый верблюдъ отмстилъ ему за меня. Ежели бы негодяй издыхалъ, и одно мое слово могло возвратить ему жизнь, то я, да проститъ мое согрѣшеніе Алла и его великій пророкъ! то я зашилъ бы себѣ ротъ».

Между тѣмъ бедуинъ высвободилъ изъ-подъ верблюда вожатаго и возвращался къ своему спутнику; онъ уже недалеко отъ него находился, какъ вдругъ страшный тигръ выскочилъ изъ-за куста, подлѣ котораго ѣхалъ неосторожный Османъ, отдалясь отъ кара

онъ пришелъ въ смятеніе, ужаснулся и упалъ безъ чувствъ на землю.

Бедуинъ опрометью поскакалъ—и не прочь отъ него, но прямо къ нему; вынулъ пистолетъ и въ ту самую минуту, какъ кровожадный звѣрь прыгнулъ на свою добычу, выстрѣлилъ по немъ: мертвый тигръ растянулся подлѣ полумертваго Османа.

Наконецъ Османъ открылъ глаза; спасеніе его казалось ему сверхъестественнымъ: онъ обнялъ бедуина и въ первомъ жару благодарности своей предлагалъ ему со слезами, какъ слабѣйшій знакъ должной признательности, кошелекъ со ста секинами.

Бедуинъ, къ немалому удивленію Османа, отказался. Въ сіе время подошелъ къ нимъ нищій на деревянной ногѣ, покрытый рубищемъ и ранами; онъ обратился къ Осману, державшему кошелекъ съ секинами, и говорилъ: «Милосердіе должно быть тебѣ знакомо, богатый странникъ: утоли голодъ и жажду твоего одноземца! удѣли неимущему одну рупію изъ толстаго кошелька твоего: одна рупія избавитъ меня отъ мучительнаго зноя; къ вечеру надѣюсь съ этою помощію добрести до города; безъ нея лишусь силъ и принужденъ буду погибнуть отъ лютости дикихъ животныхъ».

«Да поможетъ тебѣ Алла!» отвѣчалъ Османъ, спрятавъ въ карманъ толстый кошелекъ съ секинами: «у меня же нѣтъ для тебя ни одной рупіи, я иду на богомолье въ Мекку и Медину изъ Діарбека и болѣе денегъ, сколько мнѣ нужно для пути туда и обратно, не имѣю. Всѣ лишнія роздалъ я народу при выѣздѣ изъ отечества; жалѣю о тебѣ, но пособить не могу».

Бедуинъ вынулъ мѣшокъ съ сорочинскимъ пшеномъ и мѣхъ съ водою и подалъ убогому. На! утоли свой голодъ и жажду; подкрѣпи ослабѣвшія силы и поѣдемъ вмѣстѣ. Городъ, куда ты идешь, лежитъ на дорогѣ, по которой идетъ караванъ: я провожу тебя.

«Но я иду медленно, часто отдыхаю», говорилъ нищій.—Такъ сядь на мою лошадь! отвѣчалъ бедуинъ; соскочивъ съ нея, посадилъ бѣднаго, взялъ за узду и повелъ потихоньку.

«Брось его! сказалъ Османъ бедуину: кончимъ нашъ разговоръ, *докажемъ* другъ другу...» Разговоръ нашъ, отвѣчалъ бедуинъ, давно уже кончился: мы ясно доказали другъ другу превосходство нашихъ народовъ въ храбрости, добродушіи и щедрости. Замѣть себѣ, Османъ, что вездѣ есть добродѣтельные люди, вездѣ есть и злые!

Османъ выразумѣлъ всю колкость сего совѣта и поклялся бородою своего прадѣда отмстить бедуину за его дерзость. Скоро случай къ исполненію намѣренія открылся. Бедуинъ заснулъ весьма крѣпко; караванъ поднялся, и Османъ оставилъ своего благодѣтеля среди пустыни, оставилъ на жертву всѣмъ бѣдствіямъ, и дабы онъ не могъ настичь каравана, то укралъ у него прекрасную вороную лошадь, все имущество бедуина.

И судьба не наказала его? Нѣтъ! онъ въ полномъ удовольствіи жилъ и, окруженъ радостями, умеръ.

Діарбекирцы воспоминаютъ объ немъ съ сожалѣніемъ; отцы и матери ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ.

Увы! какъ много потребно знать, какъ долго надобно изслѣдовать человѣка, дабы не ошибиться и въ самой его добродѣтели.

Бенитцкій.

---

72. КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

ВСТРѢЧА СЪ ЕКАТЕРИНОЙ II.

Марья Ивановна (*) благополучно прибыла въ Софію и узнавъ, что дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остоновиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена

*) Капитанская дочка.

смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась: объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ, — словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханьемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу; Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «не бойтесь, она не укуситъ». И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

«Вы, вѣрно, не здѣшнія?» сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала одна!

«Одна! но вы такъ еще молоды».

—У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, жалуетесь на несправедливость и обиду?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?»

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня», сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при дворѣ: изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лице ея перемѣнилось, и Марья Ивановна, слѣдившая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ не-

Вонъ оно какъ! подумалъ про себя Чичиковъ; хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока.

— И такой скверной анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ! продолжалъ Плюшкинъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по міру!

— Мнѣ однако же сказывали, скромно замѣтилъ Чичиковъ, что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно хотѣлъ подшутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысячи душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.

— Скажите! и много выморила! воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, снесли многихъ.

— А позвольте узнать: сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня послѣдней ревизіи?

— Это бы еще славу Богу, сказалъ Плюшкинъ, да лихъ-то, что съ того времени до ста двадцати наберется.

— Вправду? цѣлыхъ сто двадцать? воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу! сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же, и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

— Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь, сказалъ Плюшкинъ. Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его откуда взялся, говоритъ родственникъ: дядюшка, дядюшка! и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику чай на смерть придерживается. Вѣрно спустилъ денежки служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ.

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его, и не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же, изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ вытаращилъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво, служилъ по статской.

— По статской? повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что нибудь кушалъ. Да вѣдь какъ жъ? Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой! вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густаго кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. «Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ, Святители вы мои!»... Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, также мгновенно и прошла, будто ее

вовсе не бывало, и лице его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость... сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. Вѣдь вотъ купчую крѣпость—все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какое нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

— Ну, ты, я думаю, устоишь! подумалъ про себя Чичиковъ, и произнесъ тутъ же, что изъ уваженія къ нему онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ однакожъ не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «эй, Прошка». Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ въ попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій, призываемый въ барскіе покои, обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Еслибы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лице Прошки. Глупъ вѣдь какъ дерево, а попробуй что нибудь положить—мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего? Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. «Поставь самоваръ, слышишь, да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его къ чаю... постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ что ли чешется?... ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху чай поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножемъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты, не входи братъ въ кладовую, не то я тебя, знаешь! березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я

тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить, да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ! А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что-де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили! народъ такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ.—Еще покойница дѣлала, продолжалъ Плюшкинъ; мошенница ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! сказалъ Плюшкинъ. Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой ниворишка, да его сколько ни кормя... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: дядюшка, говоритъ, дайте чего нибудь поѣсть! А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть вѣрно нечего, такъ вонъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же. я какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы при первой подачѣ ревизіи всѣхъ ихъ вычеркнуть.— Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?.. а домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чѣмъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого нибудь знакомаго?

— Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились. Ахъ, батюшка! какъ не имѣть, имѣю! вскричалъ онъ. Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ, какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! какъ не знакомый? ужъ такой знакомый! такъ ужъ не къ нему ли написать?

— И конечно къ нему.

— Какъ же, ужъ такой знакомый! въ школѣ были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства, явленіе, подоб-

ное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина, или утомленныя бореньемъ руки—появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лице Плюшкина вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, сказалъ онъ, да не знаю куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!—Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ, и наконецъ закричалъ: «Мавра! а Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ.

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшаго лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на чтожъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого; я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: а вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала, да горячими-то тебя и припекутъ!

— А я скажу: не за что! ей Богу, не за что, не брала я... Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидѣлъ точно четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: «ну, чтожъ ты расходилась такъ: экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ? Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой, ты схватишь сальную свѣчу, сало дѣло топкое: сгоритъ—да и нѣтъ, только убытокъ, а ты принеси-ка мнѣ лучинку!»—

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая: нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку, и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымите потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь

въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля?—сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо, которому бы понадобились бѣглыя души.

— А у васъ есть и бѣглыя? быстро спросилъ Чичиковъ очнувшись.

— Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки; говоритъ, будто и слѣдъ простылъ, но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется.

— Нѣтъ?

— А ей Богу такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ что ни дай взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

— Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ, сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали? спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ, руки его задрожали какъ ртуть.

—Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу.

— А какъ вы покупаете, на чистыя?

— Да, сей-часъ деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты-то ч, уже дали бы по сорока копѣекъ.

— Почтеннѣйшій! сказалъ Чичиковъ, не только по сорока копѣекъ, но пяти сотъ рублей заплатилъ бы! съ удовольствіемъ заплатилъ бы! потому что вижу почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А ей Богу такъ! ей Богу правда! сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее. Все отъ добродушія.

— Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. И такъ почему жъ не дать бы мнѣ по пяти сотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, что бы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните.

— По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? вы, кажется, говорили семьдесятъ?

— Нѣтъ. Всего наберется семьдесятъ восемь.

— Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ... здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе подумалъ и сказалъ вдругъ: это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копѣекъ! онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ-же заставилъ онъ Плюшкина написать росписочку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ въ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ тоже чрезвычайно осторожно въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ вѣрно имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать? сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ незачѣмъ болѣе мѣшкать.—Да, мнѣ пора! произнесъ онъ, взявшись за шляпу,

— А чайку?

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда нибудь въ другое время.

— Какъ же, а я приказалъ самоваръ. Я признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сахаръ отнеси Маврѣ, слышишь: пусть его положитъ на то же мѣсто, или нѣтъ, подай его сюда, я уже снесу его самъ. Прощайте, батюшка, да благословитъ васъ Богъ, а письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да, пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! были съ нимъ однокорытниками!

За симъ, это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть, потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, на мѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ подъ видомъ того чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. Я ему подарю, подумалъ онъ про себя, карманные часы, они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то чтобы какія нибудь томпаковые или бронзовые; немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ! Или нѣтъ, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ.

---

70. ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ЗНАКОМСТВО СЪ МАКСИМОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ - извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто—эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой, безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Кайшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ; по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ тащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколько осетинъ. Одинъ из

нихъ взвалили себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею тележкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

«Мы съ вами попутчики, кажется?»

Онъ молча опять поклонился.

«Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?»

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

«Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?»

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.— «Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?»

«Съ годъ», отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что-жъ?»

— Да такъ-съ! Ужасные бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ. Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь? Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

«А вы давно здѣсь служите?»

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ [1], отвѣчалъ онъ приосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ — прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

«А теперь вы?»

— А теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?..

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ тележку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся въ низъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку, но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.— «Вѣдь этакій народъ!» сказалъ онъ: «и хлѣба по русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...»

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно-синія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ

[1] Ермоловъ.

изъ подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

«Завтра будетъ славная погода!» сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

«Что-жъ это?» спросилъ я.

— Гутъ-гора.

«Ну такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась: по бокамъ ея ползли легкія струйки облаковъ, на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою; въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что, были ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

—«Не было, господинъ», отвѣчалъ осетинъ-извощикъ: «а виситъ много, много».

За неимѣніемъ комнаты для пріѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ— единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеятъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе, на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно значительная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать: мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

«Жалкіе люди!» сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые, молча, на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или черкесы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

«А вы долго были въ Чечнѣ?»

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода,—знаете?

«Слыхалъ».

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ не шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

«А, чай, много съ вами бывало приключеній?» сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и позадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него ка-

нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти: смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ кавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я пошелъ къ нему и поклонился: онъ, молча, отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

«Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ, молча, опять поклонился.

«Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

«Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ?»

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.—«Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?»

«Съ годъ», отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что-жъ?»

— Да такъ-съ! Ужасные бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ! Быки-то ихъ понимаютъ! запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь? Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

«А вы давно здѣсь служите?»

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ [1]), отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ — прибавилъ онъ—и при немъ получилъ два чина за дѣло противъ горцевъ.

«А теперь вы?»

— А теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?...

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали, молча, идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла на гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся въ низъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.—«Вѣдь этакій народъ!» сказалъ онъ: «и хлѣба по русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...»

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносиніе вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранившемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни: кой-гдѣ

[1]) Ермоловѣ.

изъ подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

«Завтра будетъ славная погода!» сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

«Что-жъ это?» спросилъ я.

— Гутъ-гора.

«Ну такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась: по бокамъ ея ползли легкія струйки облаковъ, на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою; въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что, были ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

—«Не было, господинъ», отвѣчалъ осетинъ-извощикъ: «а виситъ много, много».

За неимѣніемъ комнаты для пріѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ— единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеятъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе, на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно значительная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать: мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

«Жалкіе люди!» сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые, молча, на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или черкесы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

«А вы долго были въ Чечнѣ?»

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода,—знаете?

«Слыхалъ».

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ не шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

«А, чай, много съ вами бывало приключеній?» сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и позадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него ка-

кую-нибудь историйку,—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ-будто про себя: «да, бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: *здравствуйте*, потому что фельдфебель говоритъ: *здравія желаю*. А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ по неволѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

«Не хотите ли подбавить рому?»—сказалъ я моему собесѣднику: «у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно».

—Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

«Что такъ!»

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы погуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропащій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ на силу ноги унесъ, а еще у мирнаго князя былъ въ гостяхъ.

«Какъ же это случилось?»

—Вотъ (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой—этому скоро пять лѣтъ. Разъ осенью пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій, на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно, спросилъ я его, переведены сюда изъ Россіи?»—Точно такъ, господинъ штабсъ - капитанъ, отвѣчалъ онъ. — Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить по—пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста—къ чему эта полная форма?—приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ». Ему отвели квартиру и онъ поселился въ крѣпости.

«А какъ его звали?» спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить, только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ — онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зо то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими странностями и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— «А долго онъ съ вами жилъ?» спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этого годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ.

Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

Лермонтовъ.

---

71. ВЕДУИНЪ.

Караванъ молельщиковъ выступалъ изъ вратъ Діарбека. Впереди его ѣхалъ Османъ и бросалъ въ народъ деньги; имамы благословляли отходящихъ странниковъ; жители усыпали цвѣтами путь ихъ.

Въ шестой разъ отправлялся Османъ съ караваномъ въ Мекку и начальствовалъ надъ охраннымъ войскомъ. Всѣ были увѣрены въ благополучномъ окончаніи своего путешествія, ибо ни однажды еще не случалось съ Османомъ никакого несчастія: бури не засыпали въ степяхъ Аравіи ни одного человѣка изъ шествовавшихъ съ Османомъ; ни однажды аравитяне не нападали на него. Такая благоуспѣшность въ предпріятіяхъ его почиталась плодомъ Османовой набожности, щедрости и мужества. Спустя нѣсколько недѣль послѣ отбытія изъ Діарбека, приблизился караванъ къ славному въ древности Евфрату, рѣкѣ, современной міру. При пѣніи стиховъ изъ алкорана, переправились черезъ нее молельщики и вступили на песчаныя равнины Аравіи. Тутъ присоединился къ каравану бедуинъ на прекрасной вороной лошади: онъ равнымъ образомъ ѣхалъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, колыбели и гробу Магомета.

Османъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, коснувшійся до преимущества ихъ народовъ. Бедуинъ отвѣчалъ коротко, но благоразумно; хвалилъ достойное похвалы въ своемъ народѣ и охуждалъ то, что казалось ему дурнымъ. Непримѣтнымъ образомъ отдалились они отъ каравана. Османъ съ жаромъ началъ выхвалять оттомановъ.

«Турки», говорилъ онъ бедуину, «издавна славятся по всему востоку храбростію, добродушіемъ и милосердіемъ; издавна рѣдкія сіи качества снискали намъ уваженіе цѣлаго свѣта; вездѣ, ежели хотятъ изобразить непобѣдимость воина, то говорятъ: *онъ храбръ какъ турокъ*! Купцы, желая выразить чье-нибудь безкорыстіе въ превосходной степени, говорятъ: *онъ справедливъ какъ турокъ*! Чѣмъ, напротивъ того, отличился твой бѣдный народъ, шатаясь по степямъ каменистой и пустой Аравіи? Какая молва идетъ о васъ? То, что вы не имѣете ни чести, ни совѣсти; вы исповѣдуете одну вѣру съ нами, но вамъ платитъ султанъ ежегодно знатную сумму, дабы спасти отъ вашего хищничества главный караванъ молельщиковъ; грабительство сдѣлало васъ презрѣнными бродягами въ глазахъ всякаго истиннаго мусульманина. Признайся, товарищъ, въ справедливости моихъ словъ; признайся, что вашъ народъ не что иное, какъ шайка разбойниковъ».

— Мы послѣ окончимъ нашъ разговоръ, сказалъ ему бедуинъ, указывая на поскользнувшагося верблюда, который упалъ и придавилъ собою своего вожатаго,—послѣ; напередъ пособимъ несчастному.

«Поди и пособляй ты!» отвѣчалъ Османъ; «я не хочу оказать никакой услуги этому бездѣльнику: онъ перекупилъ у меня верблюда, четыре года тому назадъ; теперь я очень радъ, что сей же самый верблюдъ отмстилъ ему за меня. Ежели бы негодяй издыхалъ, и одно мое слово могло возвратить ему жизнь, то я, да проститъ мое согрѣшеніе Алла и его великій пророкъ! то я зашилъ бы себѣ ротъ».

Между тѣмъ бедуинъ высвободилъ изъ-подъ верблюда вожатаго и возвращался къ своему спутнику; онъ уже недалеко отъ него находился, какъ вдругъ страшный тигръ выскочилъ изъ-за куста, подлѣ котораго ѣхалъ неосторожный Османъ, отдалясь отъ каравана;

онъ пришелъ въ смятеніе, ужаснулся и упалъ безъ чувствъ на землю.

Бедуинъ опрометью поскакалъ—и не прочь отъ него, но прямо къ нему; вынулъ пистолетъ и въ ту самую минуту, какъ кровожадный звѣрь прыгнулъ на свою добычу, выстрѣлилъ по немъ: мертвый тигръ растянулся подлѣ полумертваго Османа.

Наконецъ Османъ открылъ глаза; спасеніе его казалось ему сверхъестественнымъ: онъ обнялъ бедуина и въ первомъ жару благодарности своей предлагалъ ему со слезами, какъ слабѣйшій знакъ должной признательности, кошелекъ со ста секинами.

Бедуинъ, къ немалому удивленію Османа, отказался. Въ сіе время подошелъ къ нимъ нищій на деревянной ногѣ, покрытый рубищемъ и ранами; онъ обратился къ Осману, державшему кошелекъ съ секинами, и говорилъ: «Милосердіе должно быть тебѣ знакомо, богатый странникъ: утоли голодъ и жажду твоего одноземца! удѣли неимущему одну рупію изъ толстаго кошелька твоего: одна рупія избавитъ меня отъ мучительнаго зноя; къ вечеру надѣюсь съ этою помощію добрести до города; безъ нея лишусь силъ и принужденъ буду погибнуть отъ лютости дикихъ животныхъ».

«Да поможетъ тебѣ Алла!» отвѣчалъ Османъ, спрятавъ въ карманъ толстый кошелекъ съ секинами: «у меня же нѣтъ для тебя ни одной рупіи, я иду на богомолье въ Мекку и Медину изъ Діарбека и болѣе денегъ, сколько мнѣ нужно для пути туда и обратно, не имѣю. Всѣ лишнія роздалъ я народу при выѣздѣ изъ отечества; жалѣю о тебѣ, но пособить не могу».

Бедуинъ вынулъ мѣшокъ съ сорочинскимъ пшеномъ и мѣхъ съ водою и подалъ убогому. На! утоли свой голодъ и жажду; подкрѣпи ослабѣвшія силы и поѣдемъ вмѣстѣ. Городъ, куда ты идешь, лежитъ на дорогѣ, по которой идетъ караванъ: я провожу тебя.

«Но я иду медленно, часто отдыхаю», говорилъ нищій.—Такъ сядь на мою лошадь! отвѣчалъ бедуинъ; соскочивъ съ нея, посадилъ бѣднаго, взялъ за узду и повелъ потихоньку.

«Брось его! сказалъ Османъ бедуину: кончимъ нашъ разговоръ, *докажемъ* другъ другу...» Разговоръ нашъ, отвѣчалъ бедуинъ, давно уже кончился: мы ясно доказали другъ другу превосходство нашихъ народовъ въ храбрости, добродушіи и щедрости. Замѣть себѣ, Османъ, что вездѣ есть добродѣтельные люди, вездѣ есть и злые!

Османъ выразумѣлъ всю колкость сего совѣта и поклялся бородою своего прадѣда отмстить бедуину за его дерзость. Скоро случай къ исполненію намѣренія открылся. Бедуинъ заснулъ весьма крѣпко; караванъ поднялся, и Османъ оставилъ своего благодѣтеля среди пустыни, оставилъ на жертву всѣмъ бѣдствіямъ, и дабы онъ не могъ настичь каравана, то укралъ у него прекрасную воронуюлошадь, все имущество бедуина.

И судьба не наказала его? Нѣтъ! онъ въ полномъ удовольствіи жилъ и, окруженъ радостями, умеръ.

Діарбекирцы воспоминаютъ объ немъ съ сожалѣніемъ; отцы и матери ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ.

Увы! какъ много потребно знать, какъ долго надобно изслѣдовать человѣка, дабы не ошибиться и въ самой его добродѣтели.

Вѳнитцкій.

---

72. КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

ВСТРѢЧА СЪ ЕКАТЕРИНОЙ II.

Марья Ивановна (*) благополучно прибыла въ Софію и узнавъ, что дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остоновиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена

*) Капитанская дочка.

смотрителя тотчасъ съ нею разговарилась: объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что̀ изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ, — словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханьемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу; Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «не бойтесь, она не укуситъ». И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

«Вы, вѣрно, не здѣшнія?» сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала одна!

«Одна! но вы такъ еще молоды».

—У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, жалуетесь на несправедливость и обиду?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?»

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня», сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при дворѣ: изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лице ея перемѣнилось, и Марья Ивановна, слѣдившая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣ-

жества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй».

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ неправда!» возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей-Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергся всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.— Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ. «Гдѣ вы остановились?» спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкою: «А! знаю. Прощайте; не говорите ни кому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо».

Съ этимъ словомъ она встала и вошла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою чая только было принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахъ, Господи!» закричала она. «Государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ императрицѣ? вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожнемъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабкѣ за ея желтымъ роброномъ?» Камеръ-лакей объявилъ, что государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери предъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть императрицу лицемъ къ лицу такъ устрашила ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня позвала ее и сказала съ улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты», сказала она: «но я въ долгу предъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе».

Обласкавъ бѣдную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ.

Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню.

А. Пушкинъ.

---

73. СТАРОСВѢТСКІЯ ПОМѢЩИКИ.

АѲАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ И ПУЛЬХЕРІЯ ИВАНОВНА.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень, и лишенное штукатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и тѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ, деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ, развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами, возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара, отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него— все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть оттого, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкачивали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе на встрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь, иногда въ шумѣ и толпѣ, среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошлаго вѣка, ко-

торыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно, мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась, но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку ужъ черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, также какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу «ты», но всегда «вы»: вы, Аѳанасій Ивановичъ, вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?—«Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это *я*».

Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержался съ такою опрятностію, съ какою, вѣрно, не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами цвѣточными, огородными, арбузными висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе прежде, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ было поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать отъ чего онѣ пѣли; перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой нибудь секретъ, но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь, ведшая въ столовую, хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: батюшки. я

зябну! Я знаю, что многимъ очень не нравится сей звукъ, но я его очень люблю; и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ, майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно на столъ, уставленный приборами, соловьемъ, обдающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехъ-угольные столики по угламъ, четырехъ-угольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, коверъ передъ диваномъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицы—вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ нибудь постороннемъ. «А что, Пульхерія Ивановна», говорилъ онъ: «если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?»—«Вотъ это, Боже сохрани!» говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.—«Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?»—«Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть: Богъ этого не попуститъ».—«Ну, а если бы сгорѣлъ?»—«Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница». — «А если бы и кухня сгорѣла?»—«Вотъ пусть Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда бы въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ».—«А если бы и кладовая сгорѣла?»—«Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи». Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что пошутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ я соглашался на ихъ просьбы. Они были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ того же дня; онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать. «Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!» всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ 3-хъ или въ 4-хъ отъ нихъ верстахъ). «Конечно», говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, «не равно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ».»—«Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!» говорила Пульхерія Ивановна. «И къ чему

разсказывать этакое на ночь? Разбойники не разбойники, а время темное, негодится совсѣмъ ѣхать».

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бываетъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже, весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: «Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу идти на войну?...» «Вотъ уже и пошелъ!» прерывала Пульхерія Ивановна. «Вы не вѣрьте ему», говорила она, обращаясь къ гостю: «гдѣ уже ему, старому, идти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! ей-Богу, застрѣлитъ! Вотъ такъ таки прицѣлится и застрѣлитъ». — «Что-жъ, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «и я его застрѣлю». — «Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!» подхватывала Пульхерія Ивановна. «Куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ каморѣ. Еслибъ вы ихъ видѣли: такъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлитъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ, и лице искалѣчитъ, и на вѣки несчастнымъ останется!» — «Что-жъ», говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «я куплю новое вооруженіе. Я возьму саблю или казацкую пику». — «Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову и начнетъ разсказывать», подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. «Я и знаю, что онъ шутитъ, но все таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ». Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Гоголь.

---

74. ТАРАСЪ БУЛЬБА.

А) ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ и притомъ на полукочующемъ востокѣ Европы, во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала Украйна. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй — все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ татаръ соединенными польскими и казацкими войсками, была раздѣлена между ними не поровну, и польскія войска получили болѣе преимущества. Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя достоинство и сказалъ: «Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ. А я наберу себѣ собственный полкъ, и

кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы». Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорствовался его желанію. Вообще онъ былъ большой охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже какъ снѣгъ на голову являлся на конѣ своемъ. «Ну, дѣти! что и какъ? кого и за что нужно бить?» обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожепрежде всего онъ строго разбиралъ обстоятельства и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла скотъ или отрѣзывала часть земли, или коммисары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣивались надъ православною вѣрою—въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ басурмановъ же, татаръ и турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе во славу Божію, христіанства и казачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя было бы вовсе отличить отъ рядоваго казака, если бы лице его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо когда онъ рѣшался защищать что-нибудь. Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслію о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: «вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцевъ привелъ»! Онъ думалъ о томъ, какъ привезетъ ихъ на Запорожье—эту военную школу тогдашней Украйны, представитъ своимъ сотоварищамъ и поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ вначалѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостію заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія. Но, при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему есаулу, котораго называлъ Товкачомъ, потому что тотъ, дѣйствительно, похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, расчищая своею саблею, какъ будто бы мѣсилъ тѣсто, какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ чертомъ.

«Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель. Мы будемъ спать на дворѣ».

б) Осада.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про Запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовен-

ствомъ. Запорожцы, какъ бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться азіатской атакѣ ихъ. Прелатъ, находившійся тогда въ Радзивиловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между Запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. «Скажи епископу отъ лица всѣхъ Запорожцевъ», сказалъ кошевой, «чтобы онъ ничего не боялся: это казаки еще только люльки раскуриваютъ». И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, солдатъ, жидовъ наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля. Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его голодомъ. Толпы вольныхъ наѣздниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вытерпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомоществованіе не могло придти въ городъ, играли въ четъ и не-четъ, курили люльки и съ убійственрымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли, и несмотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ ничего не могло преодолѣть ихъ терпѣнія. Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей, сгарали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрей, вдругъ пріобрѣвшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны и показать свое умѣніе играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то атлетическимъ, колоссальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго льва. Андрей также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрей сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ спали, кромѣ нѣкоторыхъ, стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, іюньская, прекрасная ночь, съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище: вблизи и вдали были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что-то горячее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванные охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый, черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ; иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня, и гроздія грушъ, обвѣсившихъ вѣтки, принимали цвѣтъ червоннаго золота; даже видны были издали сливы, получившія фосфорическій, лилово—огненный цвѣтъ; и среди

этого иногда чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились давно птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ, въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Среди тишины одни только спутанные кони производили шумъ, а звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами, нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ.

Гоголь.

---

75. ПОСЛѢДНІЙ КВАРТЕТЪ БЕТХОВЕНА.

1827 года, весною, въ одномъ изъ домовъ вѣнскаго предмѣстія, нѣсколько любителей музыки разыгрывали новый квартетъ Бетховена, только что вышедшій изъ печати. Съ изумленіемъ и досадою слѣдовали они за безобразными порывами ослабѣвшаго генія: такъ измѣнилось перо его! Исчезла прелесть оригинальной мелодіи, полной поэтическихъ замысловъ; художническая отдѣлка превратилась въ кропотливый педантизмъ бездарнаго контрапунктиста; огонь, который прежде пылалъ въ его быстрыхъ аллегро и, постепенно усиливаясь, кипучею лавою разливался въ полныхъ огромныхъ созвучіяхъ, погасъ среди непонятныхъ диссонансовъ; а оригинальныя, шутливыя темы веселыхъ менуэтовъ превратились въ скачки и трели, невозможныя ни на какомъ инструментѣ. Вездѣ ученическое, недостигающее стремленіе къ эффектамъ, не существующимъ въ музыкѣ; вездѣ какое-то темное, не понимающее себя чувство. И это былъ все тотъ же Бетховенъ, тотъ же, котораго имя, вмѣстѣ съ именами Гайдна и Моцарта, тевтонецъ произноситъ съ восторгомъ и гордостію! Часто, приведенные въ отчаяніе безсмыслицею сочиненія, музыканты бросали смычки и готовы были спросить: не насмѣшка ли это надъ твореніями безсмертнаго? Одни приписывали упадокъ его глухотѣ, поразившей Бетховена въ послѣдніе годы его жизни; другіе — сумасшествію, также иногда омрачавшему его творческое дарованіе; у кого вырывалось суетное сожалѣніе; иной насмѣшникъ вспоминалъ, какъ Бетховенъ въ концертѣ, гдѣ разыгрывали его послѣднюю симфонію, совсѣмъ не въ тактъ размахивалъ руками, думая управлять оркестромъ и не замѣчая того, что позади его стоялъ настоящій капельмейстеръ, но они скоро снова принимались за смычки и изъ почтенія къ прежней славѣ знаменитаго симфониста, какъ бы противъ воли, продолжали играть непонятное его произведеніе.

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ человѣкъ въ черномъ сюртукѣ безъ галстуха, съ растрепанными волосами; глаза его горѣли, но то былъ огонь не дарованія: лишь нависшія, рѣзко обрѣзанныя оконечности лба являли необыкновенное развитіе музыкальнаго органа, которымъ такъ восхищался Галль, разсматривая голову Моцарта. «Извините, господа», сказалъ нежданный гость: «позвольте посмотрѣть вашу квартиру— она отдается въ наймы...» Потомъ онъ заложилъ руки за спину и приблизился къ играющимъ. Присутствующіе съ почтеніемъ уступили ему мѣсто; онъ наклонялъ голову то на ту, то на другую сторону, стараясь вслушаться въ музыку, но тщетно; слезы градомъ покатились изъ глазъ его. Тихо отошелъ онъ отъ играющихъ и сѣлъ въ отдаленный уголъ комнаты, закрывъ лице свое руками; но едва смычекъ перваго скрипача завизжалъ возлѣ подставки на случайной нотѣ, прибавленной къ септимаккорду, и дикое созвучіе отдалось въ удвоенныхъ нотахъ другихъ инструментовъ, какъ несчастный встрепенулся, закричалъ: «я слышу! слышу!», въ буйной радости захлопалъ въ ладоши и затопалъ ногами.

—Лудвигъ! сказала ему молодая дѣвушка, вслѣдъ за нимъ вошедшая.

Лудвигъ! пора домой. Мы здѣсь мѣшаемъ!

Онъ взглянулъ на дѣвушку, понялъ ее и, не говоря ни слова, побрелъ за нею, какъ ребенокъ.

На концѣ города, въ четвертомъ этажѣ стараго каменнаго дома, есть маленькая душная комната, раздѣленная перегородкою. Постель съ разодраннымъ одѣяломъ, нѣсколько пуковъ нотной бумаги, остатокъ фортепіано — вотъ все ея украшеніе. Это было жилище, это былъ міръ безсмертнаго Бетховена. Во всю дорогу онъ не говорилъ ни слова; но когда они пришли, Лудвигъ сѣлъ на кровать, взялъ за руку дѣвушку и сказалъ ей: «Добрая Луиза! ты одна меня не боишься: тебѣ одной я не мѣшаю... Ты думаешь, что всѣ эти господа, которые разыгрываютъ мою музыку, понимаютъ меня: ничего не бывало! Ни одинъ изъ здѣшнихъ господъ капельмейстеровъ не умѣетъ даже управлять ею; имъ только бы оркестръ игралъ въ мѣру, а до музыки имъ какое дѣло! Они думаютъ, что я ослабѣваю; я даже замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ какъ будто улыбнулись, разыгрывая мой квартетъ: вотъ вѣрный признакъ, что они меня никогда не понимали; напротивъ, я теперь только сталъ истиннымъ, великимъ музыкантомъ. Идучи, я придумалъ симфонію, которая увѣковѣчитъ мое имя; напишу ее и сожгу всѣ прежнія. Въ ней я превращу всѣ законы гармоніи, найду эффекты, которыхъ до сихъ поръ никто еще не подозрѣвалъ; я построю ее на хроматической мелодіи двадцати литавръ; я введу въ нее аккорды сотни колоколовъ, настроенныхъ по различнымъ камертонамъ, ибо»—прибавилъ онъ шопотомъ—«я скажу тебѣ по секрету: когда ты меня водила на колокольню, я открылъ,—чего прежде никому въ голову не приходило, — я открылъ, что колокола... самый гармоническій инструментъ, который съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ въ тихомъ адажіо. Въ финалъ я введу барабанный бой и ружейные выстрѣлы, — и я услышу эту симфонію, Луиза», воскликнулъ онъ внѣ себя отъ восхищенія: «надѣюсь, что услышу», прибавилъ онъ, улыбаясь, по нѣкоторомъ размышленіи.—«Помнишь ли ты, когда въ Вѣнѣ, въ присутствіи всѣхъ вѣнчанныхъ главъ свѣта, я управлялъ оркестромъ моей ватерлооской баталіи? Тысячи музыкантовъ, покорные моему взмаху, двѣнадцать капельмейстеровъ, а кругомъ батальный огонь, пушечные выстрѣлы... О! это до сихъ поръ лучшее мое произведеніе, не смотря на этого педанта Вебера*). Но то, что я теперь произведу, затмитъ и это произведеніе. Я не могу удержаться, чтобъ не дать тебѣ о немъ понятія».

Съ сими словами Бетховенъ подошелъ къ фортепіано, на которомъ не было ни одной цѣлой струны, и съ важнымъ видомъ ударилъ по пустымъ клавишамъ. Однообразно стучали онѣ по пустому дереву разбитаго инструмента, а между тѣмъ самыя трудныя фуги въ 5 и 6 голосовъ проходили чрезъ всѣ таинства контрапункта, сами собою ложились подъ пальцы творца «Эгмонта», и онъ старался придать какъ можно болѣе выраженія своей музыкѣ.. Вдругъ сильно, цѣлою рукою покрылъ онъ клавиши и остановился.

— Слышишь-ли? сказалъ онъ Луизѣ: вотъ аккордъ, котораго до сихъ поръ никто еще не осмѣливался употребить... Такъ! я соединю всѣ тоны хроматической гаммы въ одно созвучіе и докажу педантамъ, что этотъ аккордъ правиленъ. Но я его не слышу, Луиза, я его не слышу! Понимаешь ли ты, что значитъ не слыхать своей музыки?... Однакожъ, мнѣ кажется, что когда я соберу дикіе звуки въ одно созвучіе, то оно какъ будто отдается въ моемъ ухѣ. И

---

*) Готфридъ Веберъ, извѣстный контрапунктистъ нашего времени, котораго не должно смѣшивать съ сочинителемъ *Фрейшюца*, сильно и справедливо критиковалъ въ своемъ любопытномъ и ученомъ журналѣ: Цецилія — Wellington's Sieg, слабѣйшее изъ произведеній Бетховена.

чѣмъ мнѣ грустнѣе, Луиза, тѣмъ больше нотъ мнѣ хочется прибавить къ септим-аккорду, котораго истинныхъ свойствъ никто не понималъ до меня... Но полно, можетъ быть я и наскучилъ тебѣ, какъ всѣмъ теперь наскучилъ... Только знаешь что? за такую чудную выдумку мнѣ можно наградить себя сегодня рюмкой вина. Какъ ты думаешь объ этомъ, Луиза?

Слезы навернулись на глазахъ бѣдной дѣвушки, которая одна изъ всѣхъ учениць Бетховена не оставляла его и, подъ видомъ уроковъ, содержала его трудами рукъ своихъ: она дополняла ими скудный доходъ, полученный Бетховеномъ отъ его сочиненій и большею частію издержанный безъ толку на безпрестанную перемѣну квартиръ, на раздачу встрѣчному и поперечному. Вина не было; едва осталось нѣсколько грошей на покупку хлѣба... Но она скоро отвернулась отъ Лудвига, чтобъ скрыть свое смущеніе, налила въ стаканъ воды и поднесла его Бетховену.

—Славный рейнвейнъ! говорилъ онъ, отпивая понемногу съ видомъ знатока. Королевскій рейнвейнъ! онъ точно изъ погреба моего батюшки, блаженной памяти Фридерика. Я это вино очень помню! оно день ото дня становится лучше—это признакъ хорошаго вина! И съ этими словами, охриплымъ, но вѣрнымъ голосомъ онъ запѣлъ свою музыку на извѣстную пѣснь Гётева Мефистофеля:

Es war einmal ein König,
Der hatt einen grossn Floh,

—но, противъ воли, часто сводилъ ее на таинственную мелодію, которою Бетховенъ объяснилъ Миньону (*).

—Слушай, Луиза, сказалъ онъ наконецъ, отдавая ей стаканъ: вино подкрѣпило меня, и я намѣренъ тебѣ сообщить нѣчто такое, что мнѣ уже давно хотѣлось и не хотѣлось тебѣ сказать. Знаешь ли, мнѣ кажется, что я ужъ долго не проживу — да и что за жизнь моя! — это цѣпь безконечныхъ терзаній. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ я увидѣлъ бездну, раздѣляющую мысль отъ выраженія! Увы! никогда я не могъ выразить души своей; никогда того, что представляло мнѣ воображеніе, я не могъ передать бумагѣ: напишу ли?—играютъ—не то!...не только не то, что я чувствовалъ, даже не то, что я написалъ. Тамъ пропала мелодія отъ того, что низкій ремесленникъ не придумалъ поставить лишняго клапана; тамъ несносный фаготистъ заставляетъ меня передѣлывать цѣлую симфонію отъ того, что его фаготъ не выдѣлываетъ пары басовыхъ нотъ; то скрипачъ убавляетъ необходимый звукъ въ аккордѣ отъ того, что ему трудно брать двойныя ноты.... А голосъ, а пѣніе, а репетиціи ораторіи, оперъ?... О, этотъ адъ до сихъ поръ въ моемъ слухѣ!— Но я тогда еще былъ счастливъ: иногда, я замѣчалъ, на безсмысленныхъ исполнителей находило какое-то вдохновеніе; я слышалъ въ ихъ звукахъ что-то похожее на темную мысль, западавшую въ мое воображеніе: тогда я былъ внѣ себя, я исчезалъ въ гармоніи, мною созданной. Но пришло время, мало по малу тонкое ухо мое стало грубѣть; еще въ немъ оставалось столько чувствительности, что оно могло слышать ошибки музыкантовъ, но оно закрылось для красоты: мрачное облако его объяло — и я не слышу болѣе своихъ произведеній,—не слышу, Луиза!... Въ моемъ воображеніи носятся цѣлые ряды гармоническихъ созвучій, оригинальныя мелодіи пересѣкаютъ одна другую, сливаясь въ таинственномъ единствѣ; хочу выразить—все исчезло: упорное вещество не выдаетъ мнѣ ни единаго звука, грубыя чувства уничтожаютъ всю дѣятельность души. О, что можетъ быть ужаснѣе этого раздора души съ чувствами, души съ душою! Зараждать въ головѣ своей творческое произведеніе и ежечасно умирать въ мукахъ рожденія!... Смерть души!— какъ страшна, какъ жива эта смерть!

(*) Kennst du das Land, etc. Ты знаешь ли край, и проч.

А еще этотъ безсмысленный Готфридъ вводитъ меня въ пустыя музыкальныя тяжбы, заставляетъ меня объяснять, почему я въ томъ или другомъ мѣстѣ употребилъ такое и такое соединеніе мелодій, такое и такое сочетаніе инструментовъ, когда я самому себѣ этого объяснить не могу! Эти люди будто знаютъ, что такое душа музыканта, что такое душа человѣка? Они думаютъ, ее можно обкроить по выдумкамъ ремесленниковъ, работающихъ инструменты по правиламъ, которыя на досугѣ изобрѣтаетъ засушенный мозгъ теоретика... Нѣтъ, когда на меня приходитъ минута восторга, тогда я увѣряюсь, что такое превратное состояніе искусства продлиться не можетъ; что новыми, свѣжими формами замѣнятся обвѣтшалыя; что всѣ нынѣшніе инструменты будутъ оставлены, и мѣсто ихъ заступятъ другіе, которые въ совершенствѣ будутъ исполнять произведенія геніевъ; что исчезнетъ наконецъ нелѣпое различіе между музыкою писанною и слышимою. Я говорилъ гг. профессорамъ объ этомъ; но они не поняли меня, какъ не поняли силы, соприсутствующей художническому восторгу, какъ не поняли того, что тогда я предупреждаю время и дѣйствую по внутреннимъ законамъ природы, еще незамѣченнымъ простолюдинами и мнѣ самому въ другую минуту непонятнымъ... Глупцы! въ ихъ холодномъ восторгѣ они, въ свободное отъ занятія время, выберутъ тему, обдѣлаютъ ее, продолжатъ и не преминутъ потомъ повторить ее въ другомъ тонѣ; здѣсь по закону прибавятъ духовые инструменты или странный аккордъ, надъ которымъ думаютъ, думаютъ; и все это такъ благоразумно обточатъ, оближутъ; — чего хотятъ они? я не могу такъ работать... Сравниваютъ меня съ Микель-Анджеломъ—но какъ работалъ творецъ «Моисея?» Въ гнѣвѣ, въ ярости онъ сильными ударами молота ударялъ по недвижимому мрамору и по неволѣ заставлялъ его выдавать живую мысль, скрывшуюся подъ каменною оболочкою. Такъ и я. Я холоднаго восторга не понимаю. Я понимаю тотъ восторгъ, когда цѣлый міръ для меня превращается въ гармонію, всякое чувство, всякая мысль звучитъ во мнѣ, всѣ силы природы дѣлаются моими орудіями, кровь моя кипитъ въ жилахъ, дрожь проходитъ по тѣлу и волосы на головѣ шевелятся... И все это тщетно! Да и къ чему это все? Зачѣмъ? живешь, терзаешься, думаешь; написалъ, и конецъ! къ бумагѣ приковались сладкія муки созданія—не воротить ихъ! унижены, въ темницу заперты мысли гордаго духа-создателя; высокое усиліе творца земнаго, вызывающаго на споръ силу природы, становится дѣломъ рукъ человѣческихъ — А люди? люди? они придутъ, слушаютъ, судятъ, какъ будто они судьи, какъ будто для нихъ создаешь. Какое имъ дѣло, что мысль, принявшая на себя понятный имъ образъ, есть звено въ безконечной цѣпи мыслей и страданій; что минута, когда художникъ нисходилъ до степени человѣка, есть отрывокъ изъ долгой, болѣзненной жизни неизмѣримаго чувства! А между тѣмъ приходитъ время—вотъ какъ теперь—чувствуешь: перегорѣла душа, силы слабѣютъ, голова больна; все, что ни думаешь, все смѣшивается одно съ другимъ, все покрыто какою-то завѣсою... Ахъ, я бы хотѣлъ, Луиза, передать тебѣ послѣднія мысли и чувства, которыя хранятся въ сокровищницѣ души моей, чтобы они не пропали... Но что я слышу?

Съ этими словами Бетховенъ вскочилъ и сильнымъ ударомъ руки растворилъ окно, въ которое изъ ближняго дома неслись гармоническіе звуки. «Я слышу!» воскликнулъ Бетховенъ, бросившись на колѣни и съ умиленіемъ протянувъ руки къ раскрытому окну:— «это симфонія Эгмонта!—такъ, узнаю ее: вотъ дикіе крики битвы; вотъ буря страстей; она разгорается, кипитъ; вотъ ея полное развитіе — и все утихло; остается лишь лампада, которая гаснетъ,

потухаетъ — но не-навѣки... Снова— раздались трубные звуки: цѣлый міръ ими наполняется, и никто заглушить ихъ не можетъ...»

На блистательномъ балѣ одного изъ вѣнскихъ министровъ толпы людей сходились и расходились.

—Какъ жаль! сказалъ кто-то: театральный капельмейстеръ Бетховенъ умеръ и, говорятъ, не начто похоронить его.

Но этотъ голосъ потерялся въ толпѣ: всѣ прислушивались къ словамъ двухъ дипломатовъ, которые толковали о какомъ-то спорѣ, случившемся между кѣмъ-то во дворѣ какого-то нѣмецкаго князя.

Кн. В. Одоевскій.

---

76. ЧТО ЛЕГКО НАЖИВАЕТСЯ, ТО ЕЩЕ ЛЕГЧЕ ПРОЖИВАЕТСЯ.

Въ небольшомъ городѣ, на Окѣ, жилъ бѣдный мѣщанинъ, занимавшійся уже лѣтъ десятокъ перевозомъ черезъ рѣку. Сколько ни перемѣнилось во все время это откупщиковъ или хозяевъ парома, а Тимоѳеичъ все переходилъ изъ рукъ въ руки отъ одного хозяина къ другому и всегда былъ старшимъ паромщикомъ. Эта работа кормила его, онъ къ ней привыкъ; а какъ онъ былъ человѣкъ богобоязливый и никогда не обманывалъ хозяина въ сборѣ, то ему и вѣрили и хорошо его держали. Дядю Тимоѳеича знали всѣ, отъ мала до велика, а у многихъ былъ онъ въ домѣ и кумомъ. Наживнаго добра было за нимъ немного; въ десять лѣтъ сколотилъ онъ себѣ одинъ праздничный кафтанъ, да дубленый тулупъ, а плисовую шапку другой годъ все только купить еще сбирался, и когда приходилъ къ берегу въ городъ, на рынокъ, чтобы запастись дня на три-на-четыре хлѣбомъ, то, бывало, зайдетъ въ ряды, поглядитъ шапки и прицѣнится къ нимъ. Въ работѣ же ходилъ онъ въ старой, изношенной сермягѣ.

Хоть и привыкъ Тимоѳеичъ къ долѣ своей, однако, не безъ того, бывало, что покряхивалъ, да глядя на другихъ и завидовалъ имъ подъ часъ. «Вотъ-де, за что Богъ далъ такому-то и такому-то, а мнѣ не даетъ! такая, видно, доля моя безталанная!»—И частенько таки сталъ онъ жаловаться людямъ на бѣдность свою и просить у Бога богатства. «То-то», думалъ онъ, «зажилъ бы я! И нищую братію не покинулъ бы, и призрѣлъ бы всякаго убогаго!»

Ни съ того, ни съ сего, вдругъ требуетъ къ себѣ Тимоѳеича городничій; а городовой, который пришелъ за нимъ, кланяется ему, и поздравляетъ его, и несетъ такую чепуху, словно рехнулся. «Пришло», говоритъ, «извѣстіе, что ты разбогатѣлъ, дядя Тимоѳеичъ; дядя, что-ли, какой-то у тебя въ Ростовѣ умеръ и былъ приписанъ въ купцы, и деньги нажилъ, видно, большія, да дѣтей, стало быть, у него нѣтъ, а все, вишь, достается тебѣ!»

Подумалъ Тимоѳеичъ, почесавъ затылокъ, что за притча? Поглядѣлъ на городоваго,—видитъ—тотъ безъ шапки предъ нимъ стоитъ, и все кланяется, и поздравляетъ; стало быть, ужъ не обманываетъ, не сталъ бы безпокоиться этакъ изъ пустяковъ. Пошелъ Тимоѳеичъ и дорогой все припоминаетъ, да и вспомнилъ: былъ у него, точно, дядя и торговалъ гдѣ-то; но ужъ годовъ больше десятка никакихъ объ немъ слуховъ не было.

И сталъ Тимоѳеичъ богачемъ. Наканунѣ только прицѣнился къ плисовой шапкѣ, да подумалъ: дорого три рубля, гдѣ ихъ возьмешь? А теперь вдругъ говорятъ ему: поѣзжай въ Ростовъ, оттуда начальство пишетъ, требуетъ тебя; померъ дядя и завѣщалъ тебѣ домъ и двѣ лавки и тысячъ сто денегъ. Сто тысячъ—тутъ не скоро придумаешь какъ насчитать столько, а ему говорятъ: все твое, да еще и домъ и двѣ лавки.

Насилу собрался Тимоѳеичъ въ путь: люди не вѣрятъ, никто взаймы не даетъ, а своихъ и пяти рублей нѣтъ, не на

что ѣхать. Однако хозяинъ пособилъ. Тимоѳеичъ пріѣхалъ и глазамъ не вѣритъ: не видалъ и во снѣ такого богатства, и какъ съ чѣмъ управиться, не знаетъ; столько-то денегъ, говорятъ ему, по заемному письму на такомъ-то купцѣ, а столько-то на другомъ; такой-то товаръ отправленъ съ прикащикомъ туда-то, а съ такого-то слѣдуетъ получить столько-то... Тимоѳеичъ грамоты не знаетъ, сбился съ толку совсѣмъ, не знаетъ что дѣлать. А тутъ еще совѣтниковъ, да пріятелей новыхъ нашлось много, обманываютъ его кругомъ, свели съ ума совсѣмъ. Кто зоветъ, да потчуетъ, да угощаетъ; кто самъ въ гости напрашивается, на новоселье; кто какіе-то старые дядины счеты сводитъ, въ которыхъ Тимоѳеичъ никакого толку не смыслитъ и только сидитъ, слушаетъ, да глазами хлопаетъ; а кто на новые обороты, на торговлю подбиваетъ, да обѣщаетъ большіе барыши; словомъ, не знаетъ бѣдный Тимоѳеичъ, своя ли голова у него на плечахъ; бѣда да и только, отъ роду не видалъ такой бѣды!

Какъ ни бился Тимоѳеичъ, а видитъ, что самому ему не управиться, съ богатствомъ своимъ не совладать. Ужъ его и въ судъ таскали, заставляя платить по какимъ-то заемнымъ письмамъ дядинымъ, которыхъ онъ и прочитать не умѣетъ: тутъ не доплачиваютъ ему самому, а онъ не дастъ толку, что ему слѣдуетъ, да того гляди, срокъ пропуститъ и поминай какъ звали денежки; тамъ требуютъ по какой-то торговой сдѣлкѣ дядиной пять тысячъ; а расчетъ, говорятъ, будетъ черезъ годъ со днемъ: на все, говорятъ, торговые сроки положены; а тамъ, гляди, прикащикъ пропалъ, сбѣжалъ, спустивши товаръ на всѣ четыре стороны, да и деньги съ собою снесъ; — словомъ, пошла бѣда, растворяй ворота.

Какъ запьетъ мой Тимоѳеичъ съ горя, да мертвую чашу, ударивъ свою плисовую шапку объ-земь, такъ у него все кругомъ пошло, ровно на ниточкѣ, и горе отлегло отъ сердца, и тужить позабылъ. Однако это плохое средство сбывать заботу, потому что сбудешь ее не надолго, а развѣ только накопишь, да еще и въ ростъ пустишь, и съ легкой руки разживешься, разбогатѣешь горемъ, тугой и нужей пуще прежняго.

Сталась такая притча и надъ Тимоѳеичемъ. И не винокуръ, говорили въ насмѣхъ ростовцы, а прокурилъ все! сколько растащили, сколько безъ счету пропало, сколько отъ недогляда, а сколько и самъ пропустилъ въ ненасытную утробу свою, да распотчивалъ, угощая міръ—не знаемъ мы этого, да чай и никто не знаетъ, потому что никто, ниже самъ Тимоѳеичъ, счетовъ этихъ не сводилъ. Знаемъ только, что когда бѣднякъ воротился разъ мертвецки пьяный въ хоромы свои, уснулъ гдѣ-то на полу, покинувъ свѣчу, и зажегъ свой домъ, и когда домъ этотъ сгорѣлъ благополучно, то вытащили изъ него одного только хозяина, и то въ оборванномъ кафтанѣ, а болѣе у него за душой не осталось ничего. Все прожилъ, а остатки сжегъ до копѣйки.

Горько было похмѣлье бѣдному Тимоѳеичу, это правда; но какъ ни горько, а все-таки онъ вздохнулъ вольнѣе, чѣмъ вздыхалъ съ самаго пріѣзда въ Ростовъ; горько, а на душѣ легко! «Не станутъ теребить теперь», подумалъ Тимоѳеичъ, «не станутъ обкрадывать кругомъ, не стану я и уплачивать, Богъ вѣсть, чьи заемныя письма, да и не стану пить больше; кончено все, ровно сонъ тяжелый съ плечъ свалился. Эти деньги пришли какія-то шальныя», подумалъ онъ, «не нами нажито, такъ не намъ и досталось». Плюнулъ Тимоѳеичъ, да и пошелъ.

А пошедши, нанялся онъ въ работники къ блинщику; жилъ у него хорошо и честно годовъ пять; заработалъ небольшія деньги—да трудовыя, а потому и сберегъ ихъ; воротился подъ старость на родину, и самъ сталъ промышлять тамъ тѣмъ же ремесломъ. Какъ утро, бывало, такъ Тимоѳеичъ идетъ

по гостиному ряду въ пестромъ ситцевомъ фартукѣ, съ лоткомъ на головѣ, и припѣваетъ: «у насъ блины, у насъ горячи—и денежки были, да въ Ростовѣ сплыли; блины горячи!»

Всѣ знали Тимоѳеича, всѣ любили его какъ стараго друга, разбирая у него блины, и слушали поговорки; тамъ онъ живетъ и понынѣ и богатства у Бога не проситъ.

Даль.

---

77. НѢЧТО О ВАСИЛІИ ИВАНОВИЧѢ.

Василій Ивановичъ родился въ Казанской губерніи, въ деревнѣ Мордасахъ, въ которой родился и жилъ его отецъ, въ которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился онъ въ восьмидесятыхъ годахъ и мирно развился подъ сѣнью отеческаго крова. Ребенку было привольно рости. Бѣгалъ онъ весело по господскому двору, погоняя кнутикомъ трехъ мальчишекъ, изображающихъ тройку лошадей, и постегивая весьма порядочно пристяжныхъ, когда онѣ недостаточно закидывали головы на сторону. Любилъ онъ также тѣшить вѣчный свой досугъ чуркомъ, бабками, свайкой и городками, но главное основаніе системы его воспитанія заключалось въ голубятнѣ. Василій Ивановичъ провелъ лучшія минуты своего дѣтства на голубятнѣ, сманивалъ и ловилъ крестьянскихъ чистыхъ голубей, и пріобрѣлъ весьма обширныя свѣдѣнія касательно козырныхъ и турмановъ.

Отецъ Василія Ивановича, Иванъ Ѳедотовичъ, имѣлъ какъ-то несчастіе испортить себѣ въ молодости желудокъ. Такъ какъ по близости доктора не обрѣталось, то какой-то сосѣдъ присовѣтовалъ ему прибѣгнуть, для поправленія здоровья, къ постоянному употребленію травничка. Иванъ Ѳедотовичъ до того пристрастился къ своему способу леченія, до того усиливалъ пріемы, что скоро пріобрѣлъ въ околоткѣ весьма недиковинную славу человѣка, пьющаго запоемъ. Со временемъ барскій запой сдѣлался постояннымъ, такъ что каждый день утромъ, аккуратно въ десять часовъ, Иванъ Ѳедотовичъ съ хозяйской точностью былъ уже немножко подшефе, а въ одиннадцать совершенно пьянъ. А какъ пьяному человѣку скучно одному, то Иванъ Ѳедотовичъ окружилъ себя дурами и дураками, которые и услаждали его досуги. Торговалъ онъ, правда, себѣ и карлу, но карла пришелся слишкомъ дорого и былъ тогда же отправленъ въ Петербургъ къ какому-то вельможѣ. Надлежало, слѣдовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которыхъ одѣвали въ затрапезныя платья съ красными фигурами и заплатами на спинѣ, съ рогами, хвостами и прочими смѣшными украшеніями. Въ такихъ удовольствіяхъ проходилъ цѣлый день; а когда Иванъ Ѳедотовичъ ложился почивать, пьяная старуха должна была разсказывать ему сказки, оборванные казачки щекотали ему легонько пятки и отгоняли кругомъ его мухъ. Дураки должны были ссориться въ уголку и отнюдь не спать или утомляться, потому что кучеръ вдругъ прогонялъ дремоту и оживлялъ ихъ бесѣду звонкимъ прикосновеніемъ арапника.

Мать Василія Ивановича, Арина Анисимовна, имѣла тоже свою дуру, но ужъ больше для приличія и, такъ сказать, для штата. Она была женщина серьезная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрѣла за работами, знала, кого поучить и кому водки поднести, присутствовала при молотьбѣ, свидѣтельствовала на мельницѣ закромы, надсматривала ткацкую. Само собою разумѣется, что кругомъ ея образовалась цѣлая куча разностепенной дворни, приживалокъ, наушницъ, кумушекъ, нянекъ, дѣвокъ, которыя, какъ водится, цѣловали у Василія Ивановича ручку, кормили его тайкомъ

медомъ, поили бражкой и угождали ему всячески, въ ожиданіи будущихъ благъ.

Василій Ивановичъ былъ и безъ того пухлый ребенокъ, рѣдко вымытый, никогда нечесанный, жадный, своевольный, безъ присмотра и наблюденія. Онъ росъ себѣ по однимъ простымъ законамъ природы, какъ растетъ капуста или горохъ. Никто не заботился о его умственномъ и душевномъ развитіи. Никто не объяснялъ ему прекрасныхъ символовъ вѣры, никто не говорилъ ему, что одного наружнаго благочестія недостаточно, и что каждый человѣкъ долженъ созидать невидимый храмъ въ душѣ своей, долженъ прославлять Всевышняго не одними словами, а чувствами и жизнію.

На одиннадцатомъ году Василій Ивановичъ началъ курсъ своего ученья подъ руководствомъ приходскаго дьячка и складывалъ съ большимъ отвращеніемъ года два сряду всякому памятныя «буки азъ ба, вѣди азъ ва». Послѣ чего онъ началъ и писать, но о каллиграфіи и правописаніи не было упомянуто вовсе, такъ что и понынѣ Василій Ивановичъ такія иногда мудреныя чертитъ кавычки, такія иногда подъ перомъ его рождаются дикія слова, что глазамъ не вѣрится. Потомъ учили его катехизису по вопросамъ и отвѣтамъ и ариѳметикѣ по тому же способу. Но тутъ всѣ усилія остались, кажется, тщетны, потому что наука ему рѣшительно не далась. Впрочемъ, къ совершенному оправданію его родителей надо сказать, что они взяли для воспитанія сына и домашняго учителя. Оный учитель былъ малороссіянинъ, кажется, отставной унтеръ-офицеръ, именемъ Вухтичъ. Получалъ онъ жалованья шестьдесятъ рублей въ годъ, да отсыпной муки по два пуда въ мѣсяцъ, да изношенное платье съ барскаго плеча и нѣчто изъ обуви. Кромѣ того, такъ какъ платья было немного, потому что Иванъ Ѳедотовичъ вѣчно ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу было еще предоставлено въ утѣшеніе держать свою корову на господскомъ кормѣ. Василій Ивановичъ мало оказывалъ почтенія учителю, ѣздилъ верхомъ на его спинѣ, дразнилъ его языкомъ и нерѣдко швырялъ ему книгой прямо въ носъ. Если же терпѣливый Вухтичъ и выйдетъ, бывало, наконецъ, изъ терпѣнія и схватится за линейку, Василій Ивановичъ кувыркомъ побѣжитъ жаловаться тятенькѣ, что, учитель его такой-сякой, бьетъ-де его палкой и бранитъ. Тятенька съ-пьяна раскричится на Вухтича: «Ахъ, ты сѣдой этакой песъ, я тебя кормлю и одѣваю, а ты у меня въ дому шумѣть задумалъ. Вотъ я тебя... смотри, по шеямъ велю выпроводить. Не давать коровѣ его сѣна...» А кумушки и приживалки окружатъ Василія Ивановича и начнутъ его утѣшать: «Ненаглядное ты наше красное солнышко; свѣтъ ты, наша радость, баринъ вы нашъ, позвольте ручку поцѣловать... Не слушайтесь, ягода, золотой вы нашъ, хохла поганаго. Онъ мужикъ, нашъ братъ... Гдѣ ему знать, какъ съ знатными господами обиходъ имѣть!...»

—Что же, въ самомъ дѣлѣ, думалъ Вухтичъ, не ходить же по міру.... Заключеніемъ всего этого было то, что Вухтичъ женился на дворовой дѣвкѣ, получилъ въ награжденіе двѣ десятины земли, и воспитаніе Василія Ивановича было окончено.

Однако же надо сказать правду, Василій Ивановичъ имѣлъ отъ природы сердце доброе, нравъ тихій и миролюбивый. Доказательствомъ тому служитъ то, что даже и воспитаніе его не испортило. Я говорю «воспитаніе» за неимѣніемъ слова, выражающаго понятіе совершенно противоположное воспитанію. И странно, какъ думаешь... Почти всѣ наши дѣды учились на мѣдныя деньги, воспитывались какъ-нибудь на удачу, то есть не воспитывались вовсе, а росли-себѣ по волѣ Божіей. И дѣды наши были, точно, люди неграмотные; рѣдкій умѣлъ правильно подписывать свое имя и, несмотря на то, они всѣ почти были люди съ твер-

дыми правилами, съ сильною волею, и крѣпко хранили, не по логическому убѣжденію, а по какому-то старинному внушенію, любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ. Теперь старинная грубость исчезаетъ, замѣняясь духомъ колебанія и сомнѣнія. Жалкій успѣхъ, но, можетъ быть, необходимый, чтобъ надежнѣе и вѣрнѣе дойти до истины.

Когда Василію Ивановичу наступилъ шестнадцатый годъ, онъ отправился въ Казань на службу... Тогда недавно только образовались новые штаты, по указу о губернскихъ учрежденіяхъ. Василій Ивановичъ служилъ нѣсколько времени въ канцеляріи намѣстника, но, какъ еще нонынѣ говорится въ губерніяхъ, для одной только pour le proforme. Въ самомъ дѣлѣ, не оставаться же столбовому дворянину, хоть и безграмотному, недорослемъ. Къ военной службѣ Василій Ивановичъ имѣлъ мало наклонности, тогда какъ совершенная праздность вполнѣ согласовалась съ его способностями и привычками. Въ то же время вкусилъ онъ удовольствія свѣтской жизни и сталъ удивительно отличаться на балахъ. Никто ловче его не прохаживался въ матратурѣ, монимаскѣ, курантѣ или Данилѣ Куперѣ. Иногда, въ небольшомъ кругу, отхватывалъ онъ, по просьбѣ дамъ, и казачка, что всегда сопровождалось громкими изъявленіями удовольствія. Подобный случай рѣшилъ даже участь его навсегда. Какъ-то, на именинахъ у прокурора, просили его пройти любимый обществомъ танецъ вмѣстѣ съ молодой дочерью отставнаго секундъ-маіора Крючкина. Дѣвушка долго жеманилась, но, какъ водится, по долгимъ убѣжденіямъ согласилась. Скромно опустивъ очи, зардѣвшись, какъ маковъ цвѣтъ, она такъ мило подбоченилась, такъ легко начала подпрыгивать и влѣво и вправо, что сердце Василія Ивановича вздрогнуло и ноги едва не отказались. Но вдругъ онъ оправился и съ такимъ неистовымъ вдохновеніемъ пустился въ присядку, такія началъ выдѣлывать ногами штуки, что комната потряслась отъ рукоплесканій, и нѣкоторые подгулявшіе собесѣдники начали даже притопывать и припѣвать, улыбаясь другъ передъ другомъ

Василій Ивановичъ, задыхаясь, подошелъ къ пристыженной отъ общаго восторга красавицѣ.

«Ахъ!» сказалъ онъ: «лихо изволите...»

Молодая дѣвушка еще болѣе зардѣлась.

— «Помилуйте-съ...» отвѣчала она шопотомъ.

Новый случай вдругъ перемѣнилъ жизнь Василія Ивановича. Однажды получилъ онъ странное письмо церковнаго слога и почерка. Письмо было отъ сельскаго священника и увѣдомляло Василія Ивановича, что Иванъ Ѳедотовичъ при смерти боленъ. Василій Ивановичъ въ ту же минуту послалъ за лошадьми и поскакалъ въ Мордасы. Жалкую перемѣну, печальную картину нашелъ онъ въ отцовскомъ жилищѣ. Приживалки и кумушки ревѣли по разнымъ комнатамъ. Дураки вдругъ сдѣлались разумными и сбросили уродливые наряды. Умирающій, жертва необузданной наклонности, лежалъ, уже на смертномъ одрѣ, и жалобно стоналъ, и тихо каялся. Святая таинственность страшнаго предсмертнаго часа разбудила наконецъ голосъ совѣсти и направляла душу къ настоящей стезѣ, отъ которой невѣжество, тунеядство, привычки и примѣръ отклоняли грѣшника въ теченіе цѣлой его жизни. «Вася», говорилъ онъ: «Вася, во мнѣ горитъ что-то... Мнѣ душно, мнѣ больно, Вася... Виноватъ я передъ тобой! Прости меня, Вася, не проклинай моей памяти. Не воспиталъ я тебя. какъ долженъ былъ Богу и государю... Будутъ у тебя дѣти, Вася,—воспитывай ихъ въ страхѣ Божіемъ, обучай

наукамъ, служить заставь.... Тяжкій мой грѣхъ... Не позволяй, Вася, дѣтямъ ругаться надъ людьми бѣдными и слабыми; не обращай братьевъ твоихъ въ позорище, не тяни изъ нихъ крови христіанской... Все припомнится въ послѣднюю минуту. Вѣрь мнѣ, Вася. Тяжело умирать съ нечистой совѣстью. Душно мнѣ, Вася... Вася, Вася, прости меня...» И Вася, стоя на колѣняхъ, тихо рыдалъ у изголовья умирающаго, и священникъ творилъ молитву надъ ложемъ страданія, среди оцѣпенѣвшей дворни. Долго продолжалась борьба жизни съ смертью. Долго мучился и томился больной. Наконецъ онъ умеръ. Домъ наполнился крикомъ и стенаніемъ. Все селеніе провожало покойника до послѣдней его обители. Приживалки и кумушки вопили страшными голосами, приговаривая затверженныя рѣчи: «Батюшка, кормилецъ, Иванъ ты нашъ Ѳедотычъ, на кого ты насъ покинулъ!... Какъ будетъ намъ жить безъ тебя!... Кто будетъ поить, кормить насъ, круглыхъ сиротъ, кто хлѣбъ доставать! Вѣкъ намъ надъ тобой плакаться, вѣкъ не утѣшиться... Пропала наша головушка!...» Все это сопровождалось визгомъ и притворнымъ, весьма отвратительнымъ изступленіемъ... Но, при послѣднемъ прощаньи, на многихъ лицахъ изобразилось истинное горе. Любовь мужика къ барину, любовь врожденная и почти неизъяснимая, пробудилась во всей силѣ. По многимъ крестьянскимъ бородамъ покатились крупныя слезы, и по едва понятному чувству великодушнаго самоотверженія даже бѣдные дураки, вѣчно осмѣянные, вѣчно мучимые покойникомъ, неутѣшно плакали надъ свѣжей его могилой.

И надо ему *) отдать справедливость. Онъ хотя не уничтожилъ вовсе существовавшій при отцѣ порядокъ, но по крайней мѣрѣ измѣнилъ его во многомъ: шутовъ отослалъ въ столярную, кучера посадилъ на козлы, а самъ выпивалъ не болѣе двухъ рюмокъ травничка въ день, одну передъ обѣдомъ, другую передъ ужиномъ. Не слѣдуетъ, однако думать, чтобъ онъ вооружался правилами грозной нравственности и барабанилъ громкими словами. Совсѣмъ нѣтъ. То, что занимало и тѣшило Ивана Ѳедотовича, не казалось ему отвратительнымъ, а только не занимало и не тѣшило его вовсе. Онъ понималъ, что можно быть пьяницей, только самъ напиваться не любилъ. Онъ понималъ, что можно забавляться дураками, только самъ не находилъ въ нихъ ничего смѣшнаго. Словомъ, онъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ, не по убѣжденію, а такъ-себѣ. потому что иначе было бы ему какъ-то неловко и непріятно. Съ одной стороны, онъ помнилъ живо послѣднее, страшное поученіе умирающаго отца; съ другой стороны, просвѣщеніе, которое незамѣтнымъ образомъ распространяется повсюду, заглядывая въ села и деревни, не миновало Мордасъ и стало исподволь подкрадываться къ Василію Ивановичу, заговаривая съ нимъ не европейскими пустыми изреченіями, а понятнымъ ему языкомъ. Такимъ образомъ понялъ онъ, что собственное его благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія его крестьянъ, и тогда занялся онъ всѣми силами добрымъ дѣломъ, и безъ того милымъ его мягкосердому свойству. Онъ началъ, правда, управлять по русской методѣ, по опыту старожиловъ, безъ агрономическихъ фокусовъ, безъ филантропическихъ усовершенствованій; но помѣщикъ понималъ мужика, мужикъ понималъ помѣщика, и оба стремились, безъ насильственныхъ толчковъ, а правильно и постепенно, къ цѣли усовершенствованія. Василій Ивановичъ былъ человѣколюбивъ и правосуденъ. Крестьяне стали обожать его, уже не по долгу, имъ привычному, но изъ святой благодар-

*) Василію Ивановичу.

ности. У Василія Ивановича родились дѣти. Онъ началъ ихъ воспитывать не хитро, но уже не такъ, какъ самъ былъ воспитанъ. Для нихъ выписанъ былъ студентъ изъ семинаріи, который обучалъ ихъ и исторіи, и географіи, и многому, о чемъ Василій Ивановичъ и понятія не имѣлъ. Старшій сынъ, по наступленіи одиннадцати лѣтъ, былъ отправленъ сперва въ губернскую гимназію, а потомъ въ московскій университетъ. Василій Ивановичъ понималъ, самъ не зная почему, что въ хорошемъ воспитаніи таится не только нравственный зародышъ жизни каждаго человѣка, но и тайное начало благоденствія и жизни всякаго государства.

Со всѣмъ тѣмъ, Василій Ивановичъ былъ изъ числа самыхъ прозаическихъ помѣщиковъ. Старые сосѣди говорили о немъ, что онъ продувная шельма, а молодые, что онъ пошлый дуракъ. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ просто и понынѣ, что называется, человѣкъ стараго покроя. На дворянскихъ сходбищахъ, куда онъ является только въ необыкновенные случаи, говоритъ онъ весьма неостроумно, но говоритъ дѣльно, согласно понятію большинства. Предлагали ему служить по выборамъ, но онъ отклонилъ подобное предложеніе, вопервыхъ, какъ говорилъ онъ, по поводу физики, черезчуръ неповоротливой, а во-вторыхъ потому, что въ низшихъ должностяхъ боялся отвѣтственности, а высшихъ не почиталъ себя достойнымъ. Живетъ онъ себѣ лѣтъ тридцать въ деревнѣ почти безотлучно, толстѣетъ съ каждымъ годомъ, чрезвычайно любитъ ѣздить на рыбную ловлю, гдѣ онъ можетъ лежать на берегу, пока рыбаки забрасываютъ неводъ на его счастье или на счастье всѣхъ дѣтей его поочередно. Кушаетъ онъ удивительно много и охотно, и Авдотья Петровна каждый день придумываетъ ему какой-нибудь сюрпризъ: то кулебяку съ вязигой, то окорокъ на славу, то рыбу огромной величины, на каковой случай сзываются и нѣсколько сосѣдей: «Василій Ивановичъ проситъ-де откушать рыбки, что поймалъ у него рыбакъ». И сосѣди восхищаются рыбкой, мѣрятъ ее, сравниваютъ съ другими извѣстными рыбами, и Василій Ивановичъ улыбается и очень доволенъ и собой, и рыбкой, и жизнью. Послѣ обѣда ѣдятъ варенье общей ложечкой, выпиваютъ иногда по рюмкѣ наливочки, потомъ ложатся отдохнуть, потомъ ѣздятъ на длинныхъ дрогахъ посмотрѣть на озими или на яровинку, потомъ снова ложатся спать уже на цѣлую ночь. Въ карты Василій Ивановичъ не играетъ. Утромъ повѣряетъ онъ работы, дѣлаетъ разводку, ѣздитъ на мельницу или на молотильню; но ходить пѣшкомъ не любитъ и рѣшается на такой подвигъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, во время крестнаго хода, напримѣръ, или когда плотину прорветъ.

Арина Анкимовна давно уже скончалась въ поздней старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти она ослѣпла и тихо сошла въ могилу, гдѣ схоронили ее рядомъ съ Иваномъ Ѳедотовичемъ.

Авдотья Петровна давно уже сдѣлалась толстой и довольно крикливой барыней. Впрочемъ, она любитъ и уважаетъ Василія Ивановича, хотя не съ прежнею безусловною покорностью. Она тоже имѣетъ вѣсъ и голосъ въ управленіи и хозяйствѣ, и, чтобъ всю высказать истину, надо сознаться, что Василій Ивановичъ ея немного даже побаивается. Ей вполнѣ предоставлены, для пріятнаго разсѣянія, всѣ заботы о скотномъ дворѣ, птичникѣ и рукодѣльной промышленности дворовыхъ женщинъ. Авдотья Петровна любитъ гадать въ карты, слушать сплетни дворовыхъ старухъ, и пріобрѣла въ околоткѣ немалую славу особымъ искусствомъ, съ которымъ она солитъ огурцы, перекладывая ихъ какими-то листьями.

Впрочемъ ни она, ни мирный ея супругъ ни одного раза, въ теченіе тридцатилѣтняго супружества, не пожалѣли о своемъ выборѣ, и ни одна непріязненная мысль, ни одно ядовитое слово

ни разу не коснулись ихъ непрерывнаго согласія.

Такъ текла, какъ течетъ безстрастная, тихая жизнь толстаго помѣщика. Въ продолженіе тринадцатилѣтняго пребыванія въ деревнѣ, раза два былъ онъ въ Москвѣ, разъ пять въ губернскомъ городѣ, да каждый годъ, около Иванова дня, отправлялся онъ на ближнюю ярмарку.

Гр. Сологубъ.

---

78. ДОБРЫЙ ДЕНЬ СТЕПАНА МИХАЙЛОВИЧА.

Въ исходѣ іюня стояли уже сильные жары. Послѣ душной ночи потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дискантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; помню замираніе молодаго сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутаго, высокаго лба своего, высунулъ голову изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никаноръ Танайченокъ храпѣли въ растяжку на полу, въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ. «Экъ храпятъ, собачьи дѣти!» сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ; но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя кожаныя туфли на босыя ноги и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняной холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякій читатель въ правѣ замѣтить, что это несообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть! прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и наконецъ пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной льняной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ «билъ ее, да своего добра не рубилъ...», но и это средство не помогало: опять явилось толстое бѣлье—и старикъ покорился... Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про «добрый день моего дѣдушки». Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подосталъ его подъ себя, на верхней ступени крыльца, и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю. Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно; а дѣ-

душкѣ, сверхъ того, весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ необгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались, хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которыя безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы: разумѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды, но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, а напротивъ, любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали «Спирькой», выводилъ одного за другимъ двухъ рыжепѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и пѣли ласточки и касаточки; звонко били перепела въ поляхъ; надсѣдаясь, хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистыванье погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота: заваракушки въ запуски передразнивали соловьевъ,—выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужички въ поле... захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: «Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню,—чаю!» Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою, а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую, дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткою домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: «какъ почивалъ и что во снѣ видѣлъ?» Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна расцвѣла и помолодѣла; куда дѣвались ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего иногда не смѣла дѣлать, если онъ неласково встрѣчалъ ее. — «Напьемся-ко вмѣстѣ чайку, Ариша!» заговорилъ Степанъ Михайловичъ, «покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?» Такой вопросъ не-

обыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее болѣе другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановнами, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два: дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку, и назвалъ одну Лизанькой, а другую Лексаней. Обѣ были очень неглупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина самая простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ и что старикъ зналъ наизусть: онъ зналъ и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ, все это высказывалъ имъ безъ пощады, въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ, но дочери, какъ настоящія Еввины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лице отца, и онѣ сейчасъ принимались за свои хитрые планы и нерѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: «лошадь!» и старый бурый меренъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочною рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ, уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то-есть просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предъидущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ; дѣдушка посмѣялся надъ его шлычкой и, надѣвъ полевой кафтанъ изъ небѣленнагодомашняго холста, да картузъ и подославъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный втрое свой обыкновенный зипунъ изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены; которой много родилося въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали «мареннками»; я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, съ человѣка вышиною, стояла какъ стѣна: дулъ легкій вѣтерокъ, и синія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровыя хлѣба; потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ

десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть, и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой, высокой травой, которую чрезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая черезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полденъ. Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги—кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. «Ну, Ариша», весело сказалъ дѣдушка, «какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка» Бабушка растаяла отъ радости; «на половину поспѣла», продолжалъ онъ: «съ завтрешняго дня посылать по ягоды». Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ залы. «А, готово!» еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: «спасибо»; и, не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно,—чтобъ кушанье стояло на столѣ, и, Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда! Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой, какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищенными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками: дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и упека отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ; захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ притворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на

стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ,—Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду,—проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрешняго проснулся баринъ, и первое его слово было: «студеной бражки». Перепугались лакеи; Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и что жъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послалъ за Аришей и дочерьми и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился; брови его уже начали морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: «ну, Богъ проститъ на этотъ разъ, но если въ другой...» договаривать было не нужно.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни и послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и, воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись до-сыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостію согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однѣхъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобы нарыть въ плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, неподалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ уваженія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтній сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или

ошибки въ уставѣ жерноновъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на ползарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться: онъ приказалъ запереть воду, мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню, и сказалъ: «Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась.»—«То-то маленько,» безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка: «кабы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась.»—Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ.»—«Ну, Богъ проститъ; давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще, не тоньше другихъ — въ этомъ вся штука.» Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили намѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а по немногу (тоже по приказанію дѣдушки),—и запѣлъ, замололъ жерномъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольщику, знакомому мордвину: «чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного неотолченаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше.» Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то-есть кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда пришелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичный дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ; гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости, дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку и приказалъ сверхъ мѣсячины выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полупуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ; всѣмъ онъ былъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана хорошо смотритъ за птицею.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ: рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ.—«Пора, Ариша, домой; староста, чай, ждетъ меня,» сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше и что черезъ полчаса онѣ придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и ѣхалъ съ бабушкой домой на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хоть и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить по прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ

болѣе кваснаго стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго и, вѣроятно, кушали за нимъ даже поплотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставлялъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки и такъ ихъ подразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы, но дѣдушка, до-сыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари. Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человѣку. Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ...Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, несмотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

С. Аксаковъ.

---

79. СОНЪ ОБЛОМОВА.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами: няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней; у него, соннаго, медленно выплыли изъ подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его руку и подвела къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лились въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей стоя за стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какіе-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили на руки Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ.

Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не подпускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное—не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околодкѣ, пользовавшееся дурною репутаціей. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъизумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галерея ветха, чуть-чуть держится и по ней дозволяется ходить только «людямъ», а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ ужъ надо было спѣшить разрушить его замыслы взлѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани, въ оврагъ,

— Ахъ ты, Господи, что это за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! говорила нянька.

И цѣлый день, и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность; этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, угасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзовъ, однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное, въ воздухѣ прохладно, солнце еще не высоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галереи—отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только въ дали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ на встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, и по землѣ рядомъ съ нимъ шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ—и онъ

уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:

— Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку,—будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

«У! баловень!» тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо. Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользнетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долетали даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней съ ведрами, корытами и кувшинами бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спросилъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановитъ бабу:

— Эй, баба! баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь и прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно: молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: да смотри, не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ; вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняшка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку; сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать, и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о томъ, прибавить

это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья, и посмотрѣть, все ли положилъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляя висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ» Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самимъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденьемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой нибудь тысячилѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина—все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита—всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лице платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ въ саду, подлѣ своей пешни, и кучеръ спалъ въ конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А

другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

И ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, не смотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость; потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или галерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травкѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобы вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ; но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. «Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галерею», думала она почти сквозь сонъ: «или еще... какъ бы въ оврагъ...» Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ, остановится и смотритъ пристально какъ кто очнется, плюнетъ или промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины: поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья, смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ въ сласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которые даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось и въ березнякъ; онъ такъ близко, кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ волкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ; его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицу чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу

спадать; въ природѣ стало все оживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало по малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лице измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ раждали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло: выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господния; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ, заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли, одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму: все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики въ запуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары, разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучекъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.

— Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять! отвѣчаетъ она: сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго съ повисшей черезъ ея плечо головой въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили Обломовцы, ложась въ постель, крехтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ: прожили благополучно. Дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! слава Тебѣ, Господи!

И. Гончаровъ.

---

80. ГАМЛЕТЪ ЩИГРОВСКАГО УѢЗДА.

Въ небольшой, зеленоватой и сыроватой комнатѣ, куда привелъ меня дворецкій Александра Михайловича, уже находился другой гость, совершенно раздѣтый. Увидѣвъ меня, онъ проворно нырнулъ подъ одѣяло, закрылся имъ до самаго носа, повозился немного на рыхломъ пуховикѣ и притихъ, зорко выглядывая изъ-подъ круглой каймы своего бумажнаго колпака. Я подошелъ къ другой кровати (ихъ всегда было двѣ въ комнатѣ), раздѣлся и легъ въ сырыя простыни. Мой сосѣдъ заворочался на своей постели... я пожелалъ ему доброй ночи.

Прошло полчаса. Не смотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ заснуть... безконечной вереницей тянулись другъ за другомъ ненужныя и неясныя мысли, упорно и однообразно, словно ведра водоподъемной машины.

— А вы, кажется, не спите? проговорилъ мой сосѣдъ.

— Какъ видите, отвѣчалъ я. Да и вамъ не спится?

— Мнѣ никогда не спится.

— Какъ же такъ?

— Да такъ. Я засыпаю, самъ не знаю отчего; лежу, лежу, да и засну.

— Зачѣмъ же вы ложитесь въ постель, прежде чѣмъ вамъ спать захочется?

— А что жъ прикажете дѣлать?

Я не отвѣтилъ на вопросъ моего сосѣда.

— Удивляюсь я, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія: отчего здѣсь блохъ нѣту. Кажется, гдѣ бы имъ и быть?

— Вы словно о нихъ сожалѣете, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, не сожалѣю, но я во всемъ люблю послѣдовательность.

— Вотъ какъ, подумалъ я: какія слова употребляетъ!

Сосѣдъ опять помолчалъ.

— Хотите со мной объ закладъ побиться? заговорилъ онъ вдругъ довольно громко.

— О чемъ?

Меня мой сосѣдъ начиналъ забавлять.

— Гм... о чемъ? а вотъ о чемъ: я увѣренъ, что вы меня принимаете за дурака.

— Помилуйте, пробормоталъ я съ изумленіемъ.

— За степняка, за невѣжу... Сознайтесь...

— Я васъ не имѣю удовольствія знать, возразилъ я. Почему вы могли заключить...

— Почему? Да по одному звуку вашего голоса: вы такъ небрежно мнѣ отвѣчаете. А я совсѣмъ не то, что вы думаете...

— Позвольте...

— Нѣтъ, вы позвольте. Во-первыхъ, я говорю по-французски не хуже васъ, а по нѣмецки даже лучше; во-вторыхъ, я три года провелъ за границей: въ одномъ Берлинѣ прожилъ восемь мѣсяцевъ. Я Гегеля изучилъ, милостивый государь, знаю Гете наизусть; сверхъ того, я долго былъ влюбленъ въ дочь германскаго профессора и женился — дома на чахоточной барышнѣ, лысой, но весьма замѣчательной личности. Стало быть, я вашего поля ягода; я не степнякъ какъ вы полагаете... я тоже заѣденъ рефлексіей, и непосредственнаго нѣтъ во мнѣ ничего.

Я поднялъ голову и съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на чудака. При тускломъ свѣтѣ ночника я едва могъ разглядѣть его черты.

—Вотъ вы теперь смотрите на меня, продолжалъ онъ, поправивъ свой колпакъ, и, вѣроятно, самихъ себя спрашиваете: какъ же это я не замѣтилъ его сегодня вечеромъ? Я вамъ скажу, отчего вы меня не замѣтили: оттого, что я не возвышаю голоса; оттого, что я прячусь за другихъ, стою за дверями, ни съ кѣмъ не разговариваю; оттого, что дворецкій съ подносомъ, проходя мимо меня, заранѣе возвышаетъ свой локоть въ уровень моей груди... А отчего все это происходитъ? отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, я бѣденъ, а во-вторыхъ, я смирился. Скажите правду, вѣдь вы меня не замѣтили?

— Я дѣйствительно не имѣлъ удовольствія...

— Ну да, ну да, перебилъ онъ меня, я это зналъ.

Онъ приподнялъ и скрестилъ руки: длинная тѣнь его колпака перегнулась со стѣны на потолокъ.

Меня здѣсь величаютъ оригиналомъ, т. е. величаютъ тѣ, которымъ случайнымъ образомъ, между прочей дребеденью, придетъ и мое имя на языкъ. «Моей судьбою очень никто не озабоченъ». Они думаютъ уязвить меня... О, Боже мой! еслибъ они знали... да я именно и гибну оттого, что во мнѣ рѣшительно нѣтъ ничего оригинальнаго... ничего, кромѣ такихъ выходокъ, какъ, напримѣръ, мой теперешній разговоръ съ вами; но вѣдь эти выходки гроша мѣднаго не стоятъ. Это самый дешевый и самый низменный родъ оригинальности.

Онъ повернулся ко мнѣ лицемъ и взмахнулъ руками.

— Милостивый государь! воскликнулъ онъ: я того мнѣнія, что вообще однимъ оригиналамъ житье на землѣ; они одни имѣютъ право жить. Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre, сказалъ кто-то. Видите ли, прибавилъ онъ въ полголоса: какъ я чисто выговариваю французскій языкъ. Что мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна, и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь—да своего-то особеннаго, собственнаго у тебя ничего нѣтъ? Однимъ складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ на свѣтѣ больше: да какое кому отъ этого удовольствіе? Нѣтъ, ты будь хоть глупъ, да по своему! Запахъ свой имѣй, свой собственный запахъ—вотъ что! И не думайте, чтобы требованія мои на счетъ этого запаха были велики... сохрани Богъ! такихъ оригиналовъ пропасть: куда ни погляди—оригиналъ; всякій живой человѣкъ оригиналъ, да я-то въ ихъ число не попалъ!

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія: въ молодости моей какія возбуждалъ я ожиданія! какое высокое мнѣніе я самъ питалъ о своей особѣ передъ отъѣздомъ за границу, да и въ первое время послѣ возвращенія! Ну, за границей я держалъ ухо востро, все особнячкомъ пробирался, какъ оно и слѣдуетъ нашему бра-

который все смекаетъ себѣ, смекаетъ, а подъ конецъ, смотришь—ни аза не смекнулъ!

—Оригиналъ, оригиналъ! подхватилъ онъ съ укоризной, качая головой. Зовутъ меня оригиналомъ... а на дѣлѣ-то оказывается, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка менѣе оригинальнаго, чѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга. Я, должно быть, и родился-то въ подражаніе другому... ей-Богу! Живу я тоже словно въ подражаніе разнымъ мною изученнымъ сочинителямъ, въ потѣ лица живу. И учился-то я, и влюбился, и женился наконецъ словно не по собственной охотѣ, словно исполняя какой-то не то долгъ, не то урокъ... кто его разберетъ!

Онъ сорвалъ колпакъ съ головы и бросилъ его на постель.

—Вы, милостивый государь, войдите въ мое положеніе. Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу могъ я извлечь изъ Энциклопедіи Гегеля? Что общаго, скажите, между этой Энциклопедіей и русской жизнью? И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, Энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе—науку?

Онъ подпрыгнулъ на постели и забормоталъ вполголоса, злобно стиснувъ зубы.

— А, вотъ какъ? вотъ какъ? Такъ зачѣмъ же ты таскался за границу? зачѣмъ не сидѣлъ дома, да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ? Ты бы и потребности ее узналъ и будущность, и на счетъ твоего, такъ сказать, призванія тоже въ ясность бы пришелъ. Да помилуйте, продолжалъ онъ опять перемѣнивъ голосъ, словно оправдываясь и робѣя: гдѣ же нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ? Я бы и радъ былъ брать у ней уроки, у русской жизни-то... да молчитъ она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ. А мнѣ это не подъ силу—мнѣ вы подайте выводъ, заключенье мнѣ представьте.

— Отдѣлавшись наконецъ отъ тяжелаго унынья, которое овладѣло мною послѣ смерти моей жены, я вздумалъ было приняться, какъ говорится, за дѣло. Вступилъ въ службу въ губернскомъ городѣ: но въ большихъ комнатахъ казеннаго заведенія у меня голова разбаливалась, глаза тоже плохо дѣйствовали; другія, кстати, подошли причины... я вышелъ въ отставку. Хотѣлъ было съѣздить въ Москву, да, во-первыхъ, денегъ недостало, а во-вторыхъ... я вамъ уже сказывалъ, что я смирился. Смиреніе это нашло на меня и вдругъ и не вдругъ. Духомъ-то я уже давно смирился, да головѣ моей все еще не хотѣлось нагнуться. Я приписывалъ скромное настроеніе моихъ чувствъ и мыслей вліянію деревенской жизни, несчастья... Съ другой стороны, я уже давно замѣчалъ, что почти всѣ мои сосѣди, молодые и старые, запуганные сначала моей ученостью, заграничной поѣздкой и прочими удобствами моего воспитанія, не только успѣли совершенно ко мнѣ привыкнуть, но даже начали обращаться со мною не то грубовато, не то съ кондачка, не дослушивали моихъ разсужденій и, говоря со мной, ужъ «слова-ерика» болѣе не употребляли. Я вамъ также забылъ сказать, что въ теченіе перваго года послѣ моего брака я отъ скуки попытался было пуститься въ литературу и даже послалъ статейку въ журналъ, если не ошибаюсь, повѣсть, но чрезъ нѣсколько времени получилъ отъ редактора учтивое письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что мнѣ въ умѣ невозможно отказать, но въ талантѣ должно, а что въ литературѣ только талантъ и нуженъ. Сверхъ того, дошло до моего свѣдѣнія, что одинъ проѣзжій москвичъ, добрѣйшій; впрочемъ, юноша, мимоходомъ отозвался обо мнѣ на вечерѣ у губернатора, какъ о человѣкѣ выдохшемся и пустомъ. Но мое полудобровольное ослѣпленіе все еще продолжалось: не хотѣлось, знаете, самого себя «заушить»; наконецъ

въ одно прекрасное утро я открылъ глаза. Вотъ какъ это случилось. Ко мнѣ заѣхалъ исправникъ, съ намѣреніемъ обратить мое вниманіе на провалившійся мостъ въ моихъ владѣніяхъ, котораго мнѣ рѣшительно не на что было починить. Заѣдая рюмку водки кускомъ балыка, этотъ снисходительный блюститель порядка отечески попенялъ мнѣ за мою неосмотрительность, впрочемъ вошелъ въ мое положеніе и посовѣтовалъ только велѣть мужикамъ накидать навозцу, закурилъ трубочку и принялся говорить о предстоящихъ выборахъ. Почетнаго званія губернскаго предводителя въ то время добивался нѣкто Орбассановъ, пустой крикунъ да еще и взяточникъ въ придачу. Притомъ же онъ не отличался ни богатствомъ, ни знатностію. Я высказалъ свое мнѣніе на его счетъ, и довольно даже небрежно: я, признаюсь, глядѣлъ на г. Орбассанова свысока. Исправникъ посмотрѣлъ на меня, ласково потрепалъ меня по плечу и добродушно промолвилъ: эхъ, Василій Васильичъ, не намъ бы съ вами о такихъ людяхъ разсуждать... гдѣ намъ? знай сверчокъ свой шестокъ».—Да помилуйте, возразилъ я съ досадой, какая же разница между мною и г. Орбассановымъ?—Исправникъ вынулъ трубку изо рта, вытаращилъ глаза и такъ и прыснулъ. «Ну, потѣшникъ», проговорилъ онъ наконецъ сквозь слезы, «вѣдь экую штуку выкинулъ... а! каковъ?» и до самаго отъѣзда онъ не переставалъ глумиться надо мною, изрѣдка поталкивая меня локтемъ подъ бокъ и говоря мнѣ уже: ты. Онъ уѣхалъ наконецъ. Этой капли только недоставало... чаша перелилась. Я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился передъ зеркаломъ, долго, долго смотрѣлъ на свое сконфуженное лице и, медлительно высунувъ языкъ, съ горькой насмѣшкой покачалъ головой. Завѣса спала съ глазъ моихъ: я увидалъ ясно, яснѣе чѣмъ лице свое въ зеркалѣ, какой я былъ пустой, ничтожный и ненужный, неоригинальный человѣкъ!

Разсказщикъ помолчалъ.

— Въ одной трагедіи Вольтера, уныло продолжалъ онъ, какой-то баринъ радуется тому, что дошелъ до крайней границы несчастья. Хотя въ судьбѣ моей нѣтъ ничего трагическаго, но я, признаюсь, извѣдалъ нѣчто въ этомъ родѣ. Я зналъ ядовитые восторги холоднаго отчаянія; я испыталъ, какъ сладко въ теченіе цѣлаго утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и часъ своего рожденія... я не могъ смириться разомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вы посудите: безденежье меня приковывало къ ненавистной мнѣ деревнѣ; ни хозяйство, ни служба, ни литература — ничто ко мнѣ не пристало; помѣщиковъ я чуждался; книги мнѣ опротивѣли; для водянисто-пухлыхъ и болѣзненно-чувствительныхъ барышень, встряхивающихъ кудрями и лихорадочно твердящихъ слово «жизнь», я не представлялъ ничего замѣчательнаго съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ болтать и восторгаться; уединиться совершенно я не успѣлъ и не могъ... Я сталъ, что вы думаете? я сталъ таскаться по сосѣдямъ. Словно опьяненный презрѣньемъ къ самому себѣ, я нарочно подвергался всякимъ мелочнымъ униженіямъ. Меня обносили за столомъ, холодно и надменно встрѣчали, наконецъ не замѣчали вовсе; мнѣ не давали даже вмѣшиваться въ общій разговоръ, и я самъ, бывало, нарочно поддакивалъ изъ-за угла какому-нибудь глупѣйшему говоруну, который, во время оно, въ Москвѣ, съ восхищеніемъ облобызалъ бы прахъ ногъ моихъ, край моей шинели.... Я даже не позволялъ самому себѣ думать, что я предаюсь горькому удовольствію ироніи... помилуйте, что за иронія въ одиночку? Вотъ-съ какъ я поступалъ нѣсколько лѣтъ сряду и какъ поступаю еще до сихъ поръ.

— Однако это ни на что не похоже, проворчалъ изъ сосѣдней комнаты заспанный голосъ г. Кантагрюхина: ка-

кой тамъ дуракъ вздумалъ ночью разговаривать?

Разсказчикъ проворно нырнулъ подъ одѣяло и, робко выглядывая, погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Тс-тс, прошепталъ онъ и, словно извиняясь и кланяясь въ направленіи Кантагрюхинскаго голоса, почтительно примолвилъ: слушаю-съ, слушаю-съ, извините-съ. Ему позволительно спать, ему слѣдуетъ спать, продолжалъ онъ снова шопотомъ; ему должно набраться новыхъ силъ, ну, хоть бы для того, чтобы съ тѣмъ же удовольствіемъ покушать завтра. Мы не имѣемъ права его безпокоить. Притомъ же я, кажется, вамъ все сказалъ, что хотѣлъ: вѣроятно, и вамъ хочется спать. Желаю вамъ доброй ночи.

Разсказчикъ съ лихорадочной быстротой отвернулся и зарылъ голову въ подушки.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, узнать, спросилъ я, съ кѣмъ я имѣлъ удовольствіе...

Онъ проворно поднялъ голову.

— Нѣтъ, ради Бога, прервалъ онъ меня: не спрашивайте моего имени ни у меня, ни у другихъ. Пусть я останусь для васъ неизвѣстнымъ существомъ, пришибеннымъ судьбою Васильемъ Васильевичемъ. Притомъ же я, какъ человѣкъ неоригинальный, не заслуживаю особеннаго имени. А ужъ если вы непремѣнно хотите мнѣ дать какую-нибудь кличку, такъ назовите... назовите меня Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда. Такихъ Гамлетовъ во всякомъ уѣздѣ много, но, можетъ быть, вы съ другими не сталкивались. За симъ прощайте.

И. Тургеневъ.

---

81. РУДИНЪ.

А) РАЗСКАЗЪ ЛЕЖНЕВА.

Я осиротѣлъ рано и уже на семнадцатомъ году не имѣлъ надъ собою набольшаго. Я жилъ въ домѣ тетки въ Москвѣ и дѣлалъ что хотѣлъ. Малый я былъ довольно пустой и самолюбивый, любилъ порисоваться и похвастать. Вступивъ въ университетъ, я велъ себя какъ школьникъ и скоро попался въ исторію. Я вамъ ее разсказывать не стану: не стоитъ. Я солгалъ и довольно гадко солгалъ... Меня вывели на свѣжую воду, уличили, пристыдили... Я потерялся и заплакалъ, какъ дитя. Это происходило на квартирѣ одного знакомаго, въ присутствіи многихъ товарищей. Всѣ принялись хохотать надо мною, всѣ, исключая одного студента, который, замѣтьте, больше прочихъ негодовалъ на меня, пока я упорствовалъ и не сознавался въ своей лжи. Жаль ему, что ли, меня стало, только онъ взялъ меня подъ руки и увелъ къ себѣ.

— Это былъ Рудинъ? спросила Александра Павловна.

— Нѣтъ, это не былъ Рудинъ... это былъ человѣкъ... онъ уже теперь умеръ... это былъ человѣкъ необыкновенный. Звали его Покорскимъ. Описать его въ немногихъ словахъ я не въ силахъ, а начавъ говорить о немъ, уже ни о комъ другомъ говорить не захочешь. Это была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ. Покорскій жилъ въ маленькой, низенькой комнаткѣ, въ мезонинѣ стараго деревяннаго домика. Онъ былъ очень бѣденъ и перебивался кое-какъ уроками. Бывало, онъ даже чашкой чаю не могъ поподчивать гостя; а единственный его диванъ до того провалился, что сталъ похожъ на лодку. Но, не смотря на эти неудобства, къ нему ходило множество народа. Его всѣ любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Вы не повѣрите, какъ сладко и весело было сидѣть въ его бѣдной комнаткѣ! У него я познакомился съ Рудинымъ. Онъ уже отсталъ тогда отъ своего князька.

— Что же было такого особеннаго въ этомъ Покорскомъ? спросила Александра Павловна.

— Какъ вамъ сказать? Поэзія и правда — вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ

милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотанье, и въ то же время онъ

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра...

Такъ выразился о немъ одинъ полусумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка.

—Какъ онъ говорилъ? спросила опять Александра Павловна.

— Онъ говорилъ хорошо, когда былъ въ духѣ, но не удивительно: Рудинъ и тогда былъ въ двадцать разъ краснорѣчивѣе его.

Лежневъ остановился и скрестилъ руки.

—Покорскій и Рудинъ не походили другъ на друга. Въ Рудинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, больше энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Покорскаго, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ. Рудинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски, но мысли его раждались не въ его головѣ, онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Покорскаго. Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ, и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить и не дался бы никому въ обиду. Рудинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни; а въ душѣ былъ холоденъ и чуть ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ онъ ихъ во имя общихъ началъ и идей, и, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ; одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили... Покорскому всѣ отдавались сами собой. За то Рудинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ. Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Покорскій и всѣ мы; притомъ умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею... молодежь васъ и слушать не станетъ. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя на половину вѣрили, что обладаете истиной. Оттого-то Рудинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него была такъ устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла, и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ— и недоученыхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи ихъ, этихъ понятій, общаго закона міроваго мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слушая Рудина, намъ впервые показалось, что мы наконецъ схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконецъ завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло! но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюда... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ: во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное, каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія. съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чув-

уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:

— Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку,—будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

«У! баловень!» тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо. Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользнетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долетали даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней съ ведрами, корытами и кувшинами бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спросилъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановитъ бабу:

— Эй, баба! баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь и прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно: молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: да смотри, не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ; вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняшка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку; сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать, и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о томъ, прибавить

это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья, и посмотрѣть, все ли положилъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ имениннамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляя висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ» Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самимъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденьемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой нибудь тысячилѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ перестанъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина—все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго пос лѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита—всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лице платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ въ саду, подлѣ своей пешни, и кучеръ спалъ въ конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А

другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

И ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, не смотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость; потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или галерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травкѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобы вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ; но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. «Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галерею», думала она почти сквозь сонъ: «или еще... какъ бы въ оврагъ...» Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ, остановится и смотритъ пристально какъ кто очнется, плюнетъ или промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины: поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья, смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ въ сласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которые даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось и въ березнякъ; онъ такъ близко, кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ волкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ; его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицу чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу

спадать; въ природѣ стало все оживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало по малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лице измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ раждали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло: выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ, заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли, одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму: все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики въ запуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары, разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучекъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.

— Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять! отвѣчаетъ она: сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго съ повисшей черезъ ея плечо головой въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили Обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ: прожили благополучно. Дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! слава Тебѣ, Господи!

И. Гончаровъ.

---

80. ГАМЛЕТЪ ЩИГРОВСКАГО УѢЗДА.

Въ небольшой, зеленоватой и сыроватой комнатѣ, куда привелъ меня дворецкій Александра Михайловича, уже находился другой гость, совершенно раздѣтый. Увидѣвъ меня, онъ проворно нырнулъ подъ одѣяло, закрылся имъ до самаго носа, повозился немного на рыхломъ пуховикѣ и притихъ, зорко выглядывая изъ-подъ круглой каймы своего бумажнаго колпака. Я подошелъ къ другой кровати (ихъ всегда было двѣ въ комнатѣ), раздѣлся и легъ въ сырыя простыни. Мой сосѣдъ заворочался на своей постели... я пожелалъ ему доброй ночи.

Прошло полчаса. Не смотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ заснуть... безконечной вереницей тянулись другъ за другомъ ненужныя и неясныя мысли, упорно и однообразно, словно ведра водоподъемной машины.

— А вы, кажется, не спите? проговорилъ мой сосѣдъ.

— Какъ видите, отвѣчалъ я. Да и вамъ не спится?

— Мнѣ никогда не спится.

— Какъ же такъ?

— Да такъ. Я засыпаю, самъ не знаю отчего; лежу, лежу, да и засну.

— Зачѣмъ же вы ложитесь въ постель, прежде чѣмъ вамъ спать захочется?

— А что жъ прикажете дѣлать?

Я не отвѣтилъ на вопросъ моего сосѣда.

— Удивляюсь я, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія: отчего здѣсь блохъ нѣту. Кажется, гдѣ бы имъ и быть?

— Вы словно о нихъ сожалѣете, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, не сожалѣю, но я во всемъ люблю послѣдовательность.

— Вотъ какъ, подумалъ я: какія слова употребляетъ!

Сосѣдъ опять помолчалъ.

— Хотите со мной объ закладъ побиться? заговорилъ онъ вдругъ довольно громко.

— О чемъ?

Меня мой сосѣдъ начиналъ забавлять.

— Гм... о чемъ? а вотъ о чемъ: я увѣренъ, что вы меня принимаете за дурака.

— Помилуйте, пробормоталъ я съ изумленіемъ.

— За степняка, за невѣжу... Сознайтесь...

— Я васъ не имѣю удовольствія знать, возразилъ я. Почему вы могли заключить...

— Почему? Да по одному звуку вашего голоса: вы такъ небрежно мнѣ отвѣчаете. А я совсѣмъ не то, что вы думаете...

— Позвольте...

— Нѣтъ, вы позвольте. Во-первыхъ, я говорю по-французски не хуже васъ, а по нѣмецки даже лучше; во-вторыхъ, я три года провелъ за границей: въ одномъ Берлинѣ прожилъ восемь мѣсяцевъ. Я Гегеля изучилъ, милостивый государь, знаю Гете наизусть; сверхъ того, я долго былъ влюбленъ въ дочь германскаго профессора и женился — дома на чахоточной барышнѣ, лысой, но весьма замѣчательной личности. Стало быть, я вашего поля ягода; я не степнякъ какъ вы полагаете... я тоже заѣденъ рефлексіей, и непосредственнаго нѣтъ во мнѣ ничего.

Я поднялъ голову и съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на чудака. При тускломъ свѣтѣ ночника я едва могъ разглядѣть его черты.

—Вотъ вы теперь смотрите на меня, продолжалъ онъ, поправивъ свой колпакъ, и, вѣроятно, самихъ себя спрашиваете: какъ же это я не замѣтилъ его сегодня вечеромъ? Я вамъ скажу, отчего вы меня не замѣтили: оттого, что я не возвышаю голоса; оттого, что я прячусь за другихъ, стою за дверями, ни съ кѣмъ не разговариваю; оттого, что дворецкій съ подносомъ, проходя мимо меня, заранѣе возвышаетъ свой локоть въ уровень моей груди... А отчего все это происходитъ? отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, я бѣденъ, а во-вторыхъ, я смирился. Скажите правду, вѣдь вы меня не замѣтили?

— Я дѣйствительно не имѣлъ удовольствія...

— Ну да, ну да, перебилъ онъ меня, я это зналъ.

Онъ приподнялъ и скрестилъ руки: длинная тѣнь его колпака перегнулась со стѣны на потолокъ.

Меня здѣсь величаютъ оригиналомъ, т. е. величаютъ тѣ, которымъ случайнымъ образомъ, между прочей дребеденью, придетъ и мое имя на языкъ. «Моей судьбою очень никто не озабоченъ». Они думаютъ уязвить меня... О, Боже мой! еслибъ они знали... да я именно и гибну оттого, что во мнѣ рѣшительно нѣтъ ничего оригинальнаго... ничего, кромѣ такихъ выходокъ, какъ, напримѣръ, мой теперешній разговоръ съ вами; но вѣдь эти выходки гроша мѣднаго не стоятъ. Это самый дешевый и самый низменный родъ оригинальности.

Онъ повернулся ко мнѣ лицемъ и взмахнулъ руками.

— Милостивый государь! воскликнулъ онъ: я того мнѣнія, что вообще однимъ оригиналамъ житье на землѣ; они одни имѣютъ право жить. Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre, сказалъ кто-то. Видите ли, прибавилъ онъ въ полголоса: какъ я чисто выговариваю французскій языкъ. Что мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна, и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь—да своего-то особеннаго, собственнаго у тебя ничего нѣтъ? Однимъ складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ на свѣтѣ больше: да какое кому отъ этого удовольствіе? Нѣтъ, ты будь хоть глупъ, да по своему! Запахъ свой имѣй, свой собственный запахъ—вотъ что! И не думайте, чтобы требованія мои на счетъ этого запаха были велики... сохрани Богъ! такихъ оригиналовъ пропасть: куда ни погляди—оригиналъ; всякій живой человѣкъ оригиналъ, да я-то въ ихъ число не попалъ!

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія: въ молодости моей какія возбуждалъ я ожиданія! какое высокое мнѣніе я самъ питалъ о своей особѣ передъ отъѣздомъ за границу, да и въ первое время послѣ возвращенія! Ну, за границей я держалъ ухо востро, все особнячкомъ пробирался, какъ оно и слѣдуетъ нашему брату,

который все смекаетъ себѣ, смекаетъ, а подъ конецъ, смотришь—ни аза не смекнулъ!

—Оригиналъ, оригиналъ! подхватилъ онъ съ укоризной, качая головой. Зовутъ меня оригиналомъ... а на дѣлѣ-то оказывается, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка менѣе оригинальнаго, чѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга. Я, должно быть, и родился-то въ подражаніе другому... ей-Богу! Живу я тоже словно въ подражаніе разнымъ мною изученнымъ сочинителямъ, въ потѣ лица живу. И учился-то я, и влюбился, и женился наконецъ словно не по собственной охотѣ, словно исполняя какой-то не то долгъ, не то урокъ... кто его разберетъ!

Онъ сорвалъ колпакъ съ головы и бросилъ его на постель.

—Вы, милостивый государь, войдите въ мое положеніе. Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу могъ я извлечь изъ Энциклопедіи Гегеля? Что общаго, скажите, между этой Энциклопедіей и русской жизнью? И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, Энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе—науку?

Онъ подпрыгнулъ на постели и забормоталъ вполголоса, злобно стиснувъ зубы.

— А, вотъ какъ? вотъ какъ? Такъ зачѣмъ же ты таскался за границу? зачѣмъ не сидѣлъ дома, да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ? Ты бы и потребности ее узналъ и будущность, и на счетъ твоего, такъ сказать, призванія тоже въ ясность бы пришелъ. Да помилуйте, продолжалъ онъ опять перемѣнивъ голосъ, словно оправдываясь и робѣя: гдѣ же нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ? Я бы и радъ былъ брать у ней уроки, у русской жизни-то... да молчитъ она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ. А мнѣ это не подъ силу—мнѣ вы подайте выводъ, заключенье мнѣ представьте.

— Отдѣлавшись наконецъ отъ тяжелаго унынья, которое овладѣло мною послѣ смерти моей жены, я вздумалъ было приняться, какъ говорится, за дѣло. Вступилъ въ службу въ губернскомъ городѣ: но въ большихъ комнатахъ казеннаго заведенія у меня голова разбаливалась, глаза тоже плохо дѣйствовали; другія, кстати, подошли причины... я вышелъ въ отставку. Хотѣлъ было съѣздить въ Москву, да, во-первыхъ, денегъ недостало, а во-вторыхъ... я вамъ уже сказывалъ, что я смирился. Смиреніе это нашло на меня и вдругъ и не вдругъ. Духомъ-то я уже давно смирился, да головѣ моей все еще не хотѣлось нагнуться. Я приписывалъ скромное настроеніе моихъ чувствъ и мыслей вліянію деревенской жизни, несчастья... Съ другой стороны, я уже давно замѣчалъ, что почти всѣ мои сосѣди, молодые и старые, запуганные сначала моей ученостью, заграничной поѣздкой и прочими удобствами моего воспитанія, не только успѣли совершенно ко мнѣ привыкнуть, но даже начали обращаться со мною не то грубовато, не то съ кондачка, не дослушивали моихъ разсужденій и, говоря со мной, ужъ «слова-ерика» болѣе не употребляли. Я вамъ также забылъ сказать, что въ теченіе перваго года послѣ моего брака я отъ скуки попытался было пуститься въ литературу и даже послалъ статейку въ журналъ, если не ошибаюсь, повѣсть, но чрезъ нѣсколько времени получилъ отъ редактора учтивое письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что мнѣ въ умѣ невозможно отказать, но въ талантѣ должно, а что въ литературѣ только талантъ и нуженъ. Сверхъ того, дошло до моего свѣдѣнія, что одинъ проѣзжій москвичъ, добрѣйшій; впрочемъ, юноша, мимоходомъ отозвался обо мнѣ на вечерѣ у губернатора, какъ о человѣкѣ выдохшемся и пустомъ. Но мое полудобровольное ослѣпленіе все еще продолжалось: не хотѣлось, знаете, самого себя «заушить»; наконецъ

въ одно прекрасное утро я открылъ глаза. Вотъ какъ это случилось. Ко мнѣ заѣхалъ исправникъ, съ намѣреніемъ обратить мое вниманіе на провалившійся мостъ въ моихъ владѣніяхъ, котораго мнѣ рѣшительно не на что было починить. Заѣдая рюмку водки кускомъ балыка, этотъ снисходительный блюститель порядка отечески попенялъ мнѣ за мою неосмотрительность, впрочемъ вошелъ въ мое положеніе и посовѣтовалъ только велѣть мужикамъ накидать навозцу, закурилъ трубочку и принялся говорить о предстоящихъ выборахъ. Почетнаго званія губернскаго предводителя въ то время добивался нѣкто Орбассановъ, пустой крикунъ да еще и взяточникъ въ придачу. Притомъ же онъ не отличался ни богатствомъ, ни знатностію. Я высказалъ свое мнѣніе на его счетъ, и довольно даже небрежно: я, признаюсь, глядѣлъ на г. Орбассанова свысока. Исправникъ посмотрѣлъ на меня, ласково потрепалъ меня по плечу и добродушно промолвилъ: эхъ, Василій Васильичъ, не намъ бы съ вами о такихъ людяхъ разсуждать... гдѣ намъ? знай сверчокъ свой шестокъ».—Да помилуйте, возразилъ я съ досадой, какая же разница между мною и г. Орбассановымъ?—Исправникъ вынулъ трубку изо рта, вытаращилъ глаза и такъ и прыснулъ. «Ну, потѣшникъ», проговорилъ онъ наконецъ сквозь слезы, «вѣдь экую штуку выкинулъ... а! каковъ?» и до самаго отъѣзда онъ не переставалъ глумиться надо мною, изрѣдка поталкивая меня локтемъ подъ бокъ и говоря мнѣ уже: ты. Онъ уѣхалъ наконецъ. Этой капли только недоставало... чаша перелилась. Я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился передъ зеркаломъ, долго, долго смотрѣлъ на свое сконфуженное лице и, медлительно высунувъ языкъ, съ горькой насмѣшкой покачалъ головой. Завѣса спала съ глазъ моихъ: я увидалъ ясно, яснѣе чѣмъ лице свое въ зеркалѣ, какой я былъ пустой, ничтожный и ненужный, неоригинальный человѣкъ!

Разскащикъ помолчалъ.

— Въ одной трагедіи Вольтера, уныло продолжалъ онъ, какой-то баринъ радуется тому, что дошелъ до крайней границы несчастья. Хотя въ службѣ моей нѣтъ ничего трагическаго, но я, признаюсь, извѣдалъ нѣчто въ этомъ родѣ. Я зналъ ядовитые восторги холоднаго отчаянія; я испыталъ, какъ сладко въ теченіе цѣлаго утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и часъ своего рожденія... я не могъ смириться разомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вы посудите: безденежье меня приковывало къ ненавистной мнѣ деревнѣ; ни хозяйство, ни служба, ни литература — ничто ко мнѣ не пристало; помѣщиковъ я чуждался; книги мнѣ опротивѣли; для водянисто-пухлыхъ и болѣзненно-чувствительныхъ барышень, встряхивающихъ кудрями и лихорадочно твердящихъ слово «жизнь», я не представлялъ ничего замѣчательнаго съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ болтать и восторгаться; уединиться совершенно я не успѣлъ и не могъ... Я сталъ, что вы думаете? я сталъ таскаться по сосѣдямъ. Словно опьяненный презрѣньемъ къ самому себѣ, я нарочно подвергался всякимъ мелочнымъ униженіямъ. Меня обносили за столомъ, холодно и надменно встрѣчали, наконецъ не замѣчали вовсе; мнѣ не давали даже вмѣшиваться въ общій разговоръ, и я самъ, бывало, нарочно поддакивалъ изъ-за угла какому-нибудь глупѣйшему говоруну, который, во время оно, въ Москвѣ, съ восхищеніемъ облобызалъ бы прахъ ногъ моихъ, край моей шинели.... Я даже не позволялъ самому себѣ думать, что я предаюсь горькому удовольствію ироніи... помилуйте, что за иронія въ одиночку? Вотъ-съ какъ я поступалъ нѣсколько лѣтъ сряду и какъ поступаю еще до сихъ поръ.

— Однако это ни на что не похоже, проворчалъ изъ сосѣдней комнаты заспанный голосъ г. Кантагрюхина: ка-

кой тамъ дуракъ вздумалъ ночью разговаривать?

Разскащикъ проворно нырнулъ подъ одѣяло и, робко выглядывая, погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Тс-тс, прошепталъ онъ и, словно извиняясь и кланяясь въ направленіи Кантагрюхинскаго голоса, почтительно примолвилъ: слушаю-съ, слушаю-съ, извините-съ. Ему позволительно спать, ему слѣдуетъ спать, продолжалъ онъ снова шопотомъ; ему должно набраться новыхъ силъ, ну, хоть бы для того, чтобы съ тѣмъ же удовольствіемъ покушать завтра. Мы не имѣемъ права его безпокоить. Притомъ же я, кажется, вамъ все сказалъ, что хотѣлъ: вѣроятно, и вамъ хочется спать. Желаю вамъ доброй ночи.

Разскащикъ съ лихорадочной быстротой отвернулся и зарылъ голову въ подушки.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, узнать, спросилъ я, съ кѣмъ я имѣлъ удовольствіе...

Онъ проворно поднялъ голову.

— Нѣтъ, ради Бога, прервалъ онъ меня: не спрашивайте моего имени ни у меня, ни у другихъ. Пусть я останусь для васъ неизвѣстнымъ существомъ, пришибеннымъ судьбою Васильемъ Васильевичемъ. Притомъ же я, какъ человѣкъ неоригинальный, не заслуживаю особеннаго имени. А ужъ если вы непремѣнно хотите мнѣ дать какую-нибудь кличку, такъ назовите... назовите меня Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда. Такихъ Гамлетовъ во всякомъ уѣздѣ много, но, можетъ быть, вы съ другими не сталкивались. За симъ прощайте.

И. Тургеневъ.

---

81. РУДИНЪ.

а) Разсказъ Лежнева.

Я осиротѣлъ рано и уже на семнадцатомъ году не имѣлъ надъ собою набольшаго. Я жилъ въ домѣ тетки въ Москвѣ и дѣлалъ что хотѣлъ. Малый я былъ довольно пустой и самолюбивый, любилъ порисоваться и похвастать. Вступивъ въ университетъ, я велъ себя какъ школьникъ и скоро попался въ исторію. Я вамъ ее разсказывать не стану: не стоитъ. Я солгалъ и довольно гадко солгалъ... Меня вывели на свѣжую воду, уличили, пристыдили... Я потерялся и заплакалъ, какъ дитя. Это происходило на квартирѣ одного знакомаго, въ присутствіи многихъ товарищей. Всѣ принялись хохотать надо мною, всѣ, исключая одного студента, который, замѣтьте, больше прочихъ негодовалъ на меня, пока я упорствовалъ и не сознавался въ своей лжи. Жаль ему, что ли, меня стало, только онъ взялъ меня подъ руки и увелъ къ себѣ.

— Это былъ Рудинъ? спросила Александра Павловна.

— Нѣтъ, это не былъ Рудинъ... это былъ человѣкъ... онъ уже теперь умеръ... это былъ человѣкъ необыкновенный. Звали его Покорскимъ. Описать его въ немногихъ словахъ я не въ силахъ, а начавъ говорить о немъ, уже ни о комъ другомъ говорить не захочешь. Это была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ. Покорскій жилъ въ маленькой, низенькой комнаткѣ, въ мезонинѣ стараго деревяннаго домика. Онъ былъ очень бѣденъ и перебивался кое-какъ уроками. Бывало, онъ даже чашкой чаю не могъ поподчивать гостя; а единственный его диванъ до того провалился, что сталъ похожъ на лодку. Но, не смотря на эти неудобства, къ нему ходило множество народа. Его всѣ любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Вы не повѣрите, какъ сладко и весело было сидѣть въ его бѣдной комнаткѣ! У него я познакомился съ Рудинымъ. Онъ уже отсталъ тогда отъ своего князька.

— Что же было такого особеннаго въ этомъ Покорскомъ? спросила Александра Павловна.

— Какъ вамъ сказать? Поэзія и правда — вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ

милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотанье, и въ то же время онъ

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра...

Такъ выразился о немъ одинъ полусумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка.

—Какъ онъ говорилъ? спросила опять Александра Павловна.

— Онъ говорилъ хорошо, когда былъ въ духѣ, но не удивительно: Рудинъ и тогда былъ въ двадцать разъ краснорѣчивѣе его.

Лежневъ остановился и скрестилъ руки.

—Покорскій и Рудинъ не походили другъ на друга. Въ Рудинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, больше энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Покорскаго, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ. Рудинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски, но мысли его раждались не въ его головѣ, онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Покорскаго. Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ, и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить и не дался бы никому въ обиду. Рудинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни; а въ душѣ былъ холоденъ и чуть ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ онъ ихъ во имя общихъ началъ и идей, и, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ; одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили... Покорскому всѣ отдавались сами собой. За то Рудинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ. Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Покорскій и всѣ мы; притомъ умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею... молодежь васъ и слушать не станетъ. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя на половину вѣрили, что обладаете истиной. Оттого-то Рудинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него была такъ устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла, и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ— и недоученыхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи ихъ, этихъ понятій, общаго закона міроваго мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слушая Рудина, намъ впервые показалось, что мы наконецъ схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконецъ завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло! но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюда... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ: во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное, каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чув-

ствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому... Вамъ все это не смѣшно?

— Нисколько! медленно возразила Александра Павловна: почему вы это думаете? Я васъ не совсѣмъ понимаю, но мнѣ не смѣшно.

— Мы съ тѣхъ поръ успѣли поумнѣть, конечно, продолжалъ Лежневъ: все это намъ теперь можетъ казаться дѣтствомъ... Но, я повторяю, Рудину мы тогда были обязаны многимъ. Покорскій былъ несравненно выше его, безспорно; Покорскій вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу, но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый, но когда онъ расправлялъ свои крылья—Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Рудинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ; страсть его была во все вмѣшиваться, и все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась... политическая натура-съ! Я о немъ говорю, какимъ его зналъ тогда. Впрочемъ, онъ, къ несчастію, не измѣнился...въ тридцать пять лѣтъ!... Не всякій это можетъ сказать о себѣ.

— Сядьте, проговорила Александра Павловна: что вы, какъ маятникъ, по комнатѣ ходите?

—Этакъ мнѣ лучше, возразилъ Лежневъ. Ну-съ, попавъ въ кружокъ Покорскаго, я, доложу вамъ Александра Павловна, я совсѣмъ переродился: смирился, распрашивалъ, учился, радовался, благоговѣлъ — однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ какъ вспомню я наши сходки, ну, ей-Богу же, много въ нихъ было хорошаго, даже трогательнаго.Вы представьте, сошлось человѣкъ пять, шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые, престарые; а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется; и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи—говоримъ мы иногда вздоръ, восхищаемся пустяками: но что за бѣда... Покорскій сидитъ поджавъ ноги, подпираетъ блѣдную щеку рукой, а глаза его такъ и свѣтятся. Рудинъ стоитъ по серединѣ комнаты и говоритъ, говоритъ прекрасно, ни дать ни взять молодой Демосѳенъ предъ шумящимъ моремъ; взъерошенный поэтъ Субботинъ издаетъ по временамъ и какъ бы во снѣ отрывистыя восклицанія; сороколѣтній буршъ, сынъ нѣмецкаго пастора, Шеллеръ, прослывшій между нами за глубочайшаго мыслителя, по милости своего вѣчнаго, ничѣмъ ненарушаемаго молчанья, какъ-то особенно торжественно безмолвствуетъ; самъ веселый Шитовъ, Аристофанъ нашихъ сходокъ, утихаетъ и только ухмыляется; два-три новичка слушаютъ съ восторженнымъ наслажденіемъ... А ночь летитъ, летитъ тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какой-то пріятной усталостью на душѣ... Помнится, идешь по пустымъ улицамъ, весь умиленный, и даже на звѣзды какъ-то довѣрчивѣе глядишь; словно онѣ и ближе стали и понятнѣе... Эхъ! славное было время тогда и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ. Да оно и не пропало, не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго— и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами...

в) Рудинъ.

Послушайте, Африканъ Семенычъ, началъ Лежневъ, и лице его приняло

серьезное выраженіе—послушайте: вы знаете, и жена моя знаетъ, что я въ послѣднее время особеннаго расположенія къ Рудину не чувствовалъ и даже часто осуждалъ его. Совсѣмъ тѣмъ (Лежневъ разлилъ шампанское по бокаламъ) вотъ что я вамъ предлагаю: мы сейчасъ пили за здоровье дорогаго нашего брата и его невѣсты; я предлагаю вамъ выпить теперь за здоровье Дмитрія Рудина!

Александра Павловна и Пигасовъ съ изумленіемъ посмотрѣли на Лежнева, а Басистовъ встрепенулся, весь покраснѣлъ отъ радости и глаза вытаращилъ.

— Я знаю его хорошо, продолжалъ Лежневъ: недостатки его мнѣ хорошо извѣстны; они тѣмъ болѣе выступаютъ наружу, что самъ онъ не мелкій человѣкъ.

—Рудинъ геніальная натура! подхватилъ Басистовъ.

— Геніальность въ немъ, пожалуй, есть, возразилъ Лежневъ; а натура... Въ томъ-то вся его бѣда, что натуры-то собственно въ немъ нѣтъ... Но не въ этомъ дѣло. Я хочу говорить теперь о томъ, что въ немъ есть хорошаго, рѣдкаго. Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ! Пора! помнишь, Саша, я разъ говорилъ съ тобою о немъ и упрекалъ его въ холодности. Я былъ и правъ и неправъ тогда. Холодность эта у него въ крови—это не его вина—а не въ головѣ. Онъ не актеръ, какъ я называлъ его, не надувало, не плутъ; онъ живетъ на чужой счетъ не какъ пройдоха, а ребенокъ. Да, онъ, дѣйствительно, умретъ гдѣ-нибудь въ нищетѣ и въ бѣдности: но неужели жъ и за это пускать въ него камнемъ? Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего именно потому, что въ немъ натуры, крови нѣтъ: но кто въ правѣ сказать, что онъ не принесъ, не принесъ уже пользы? что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣніи исполнять свои замыслы? Да я самъ, я первый все это испыталъ на себѣ. Саша знаетъ, чѣмъ былъ для меня въ молодости Рудинъ. Я, помнится, также утверждалъ, что слова Рудина не могутъ дѣйствовать на людей; но я говорилъ тогда о людяхъ, подобныхъ мнѣ въ теперешніе мои годы, о людяхъ, уже поживших и поломанныхъ жизнью. Одинъ фальшивый звукъ въ рѣчи—и вся ея гармонія для насъ исчезла; а въ молодомъ человѣкѣ, къ счастію, слухъ еще не такъ развитъ, не такъ избалованъ. Если сущность того, что онъ слышитъ, ему кажется прекрасной, что ему за дѣло до тона! Тонъ онъ самъ въ себѣ найдетъ.

— Браво! браво! воскликнулъ Басистовъ: какъ это справедливо сказано! А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!

— Вы слышите? продолжалъ Лежневъ, обращаясь къ Пигасову: какого вамъ еще доказательства нужно? Вы нападаете на философію; говоря о ней, вы не находите довольно презрительныхъ словъ. Я самъ ее не больно жалую и плохо ее понимаю, но не отъ философіи наши главныя невзгоды! Философическія хитросплетенія и бредни никогда не привьются къ Русскому: на это у него слишкомъ много здраваго смысла; но нельзя же допустить, чтобы подъ именемъ философіи нападали на всякое честное стремленіе къ истинѣ и къ сознанію. Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! [illegible]мо-

политизмъ—чепуха,космополитъ—нуль, хуже нуля: внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лице возможно безъ физіономіи. Но опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то ужъ винить его не станемъ. Насъ бы очень далеко повело, если бы мы хотѣли разобрать, отчего у насъ являются Рудины. А за то, что въ немъ есть хорошаго, будемъ же ему благодарны. Это легче, чѣмъ быть несправедливымъ къ нему, а мы были къ нему несправедливы. Наказывать его не наше дѣло, да и не нужно: онъ самъ себя наказалъ гораздо жесточе, чѣмъ заслужилъ. И дай Богъ, чтобы несчастье вытравило изъ него все дурное и оставило одно прекрасное въ немъ! Пью за здоровье Рудина! Пью за здоровье товарища моихъ лучшихъ годовъ, пью за молодость, за ея надежды, за ея стремленія, за ея довѣрчивость и честность, за все то, отъ чего и въ двадцать лѣтъ бились наши сердца и лучше чего мы все-таки ничего не узнали и не узнаемъ въ жизни! Пью за тебя, золотое время, пью за здоровье Рудина!

в) эпилогъ.

Наступило молчаніе. Оба пріятеля сидѣли понуривъ головы.

Первый заговорилъ Рудинъ.

— Да, братъ, началъ онъ, я теперь могу сказать съ Кольцовымъ: «До чего ты, моя молодость, довела меня, домыкала, что ужъ шагу ступить некуда...» И между тѣмъ, неужели я ни на что не былъ годенъ, неужели для меня такъ-таки нѣтъ дѣла на землѣ? Часто я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и какъ я ни старался себя унизить въ собственныхъ глазахъ, не могъ же я не чувствовать въ себѣ присутствія силъ, не всѣмъ людямъ данныхъ. Отчего же эти силы остаются безплодными? И вотъ еще что: помнишь, когда мы съ тобой были за границей, я былъ тогда самонадѣянъ и ложенъ... Точно, я тогда ясно не сознавалъ, чего я хотѣлъ, я упивался словами и вѣрилъ въ призраки; но теперь, клянусь тебѣ, я могу громко, предо всѣми высказывать все, чего я желаю. Мнѣ рѣшительно скрывать нечего; я вполнѣ и въ самой сущности слова—человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ! не удается! что это значитъ? Что мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе? Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нея долой. Я сталъ бояться ея—моей судьбы... Отчего все это? Разрѣши мнѣ эту загадку!

—Загадку! повторилъ Лежневъ. Да, это правда. Ты и для меня былъ всегда загадкой. Даже въ молодости, когда, бывало, послѣ какой-нибудь мелочной выходки, ты вдругъ заговоришь такъ, что сердце дрогнетъ, а тамъ опять начнешь... ну ты знаешь, что я хочу сказать... даже тогда я тебя не понималъ: оттого я и разлюбилъ тебя... Силъ въ тебѣ такъ много, стремленіе къ идеалу такое неутомимое...

—Слова, все слова! дѣлъ не было! прервалъ Рудинъ.

—Дѣлъ не было! какія же дѣла?

— Какія дѣла? Слѣпую бабку и все ея семейство своими трудами прокормить, какъ, помнишь, Преженцовъ... Вотъ тебѣ и дѣло.

—Да; но доброе слово—тоже дѣло.

Рудинъ посмотрѣлъ, молча, на Лежнева и тихо покачалъ головой.

Лежневъ хотѣлъ было что-то сказать и провелъ рукой по лицу.

— И такъ, ты ѣдешь въ деревню! спросилъ онъ наконецъ.

— Въ деревню.

— Да развѣ у тебя осталась деревня?

— Тамъ что-то такое осталось. Двѣ души съ половиною. Уголъ есть, гдѣ умереть. Ты, можетъ быть, думаешь въ

эту минуту: «И тутъ не обошелся безъ фразы!» Фраза, точно, меня сгубила, она заѣла меня, я до конца не могъ отъ нея отдѣлаться... Но то, что я сказалъ, не фраза. Не фраза, братъ, эти бѣлые волосы, эти морщины, эти прорванные локти—не фраза. Ты всегда былъ строгъ ко мнѣ, и ты былъ справедливъ; но не до строгости теперь, когда уже все кончено, и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ-вотъ сейчасъ докурится фитиль... Смерть, братъ, должна примирить наконецъ...

Лежневъ вскочилъ.

—Рудинъ! воскликнулъ онъ: зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Чѣмъ я заслужилъ это отъ тебя? Что я за судья такой и что бы я былъ за человѣкъ, еслибъ, при видѣ твоихъ впалыхъ щекъ и морщинъ, слово: фраза—могло придти мнѣ въ голову? Ты хочешь знать, что я думаю о тебѣ? Изволь! я думаю: вотъ человѣкъ... съ его способностями чего бы не могъ онъ достигнуть, какими земными выгодами не обладалъ бы теперь, еслибъ захотѣлъ!... а я его встрѣчаю голоднымъ, безъ пристанища...

—Я возбуждаю твое сожалѣніе, промолвилъ глухо Рудинъ.

—Нѣтъ, ты ошибаешься. Ты уваженіе мнѣ внушаешь—вотъ что. Кто тебѣ мѣшалъ проводить годы за годами у этого помѣщика, твоего пріятеля, который, я вполнѣ увѣренъ, еслибъ ты только захотѣлъ подъ него подлаживаться, упрочилъ бы твое состояніе? Отчего ты не могъ ужиться въ гимназіи? Отчего ты, странный человѣкъ, съ какими бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она трудна ни была?

—Я родился перекати-полемъ, продолжалъ Рудинъ, съ унылой усмѣшкой. Я не могу остановиться.

—Это правда: но ты не можешь остановиться не оттого, что въ тебѣ червь живетъ, какъ ты сказалъ мнѣ сначала... Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ празднаго безпокойства: огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ, и видно, не смотря на всѣ твои дрязги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый, на твоемъ мѣстѣ, давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ; а въ тебѣ даже желчи не прибавилось, и ты, я увѣренъ, сегодня же, сейчасъ готовъ опять приняться за новую работу, какъ юноша.

—Нѣтъ, братъ, я теперь усталъ, проговорилъ Рудинъ. Съ меня довольно.

—Усталъ! другой бы умеръ давно. Ты говоришь, смерть примиряетъ, а жизнь, ты думаешь, не примиряетъ? Кто пожилъ, да не сдѣлался снисходительнымъ къ другимъ, тотъ самъ не заслуживаетъ снисхожденія. А кто можетъ сказать, что онъ въ снисхожденіи не нуждается? Ты сдѣлалъ, что могъ, боролся пока могъ... Чего жъ больше? Наши дороги разошлись...

—Ты, братъ, совсѣмъ другой человѣкъ, нежели я, перебилъ Рудинъ со вздохомъ.

—Наши дороги разошлись, продолжалъ Лежневъ: можетъ быть, именно оттого, что, благодаря моему состоянію, холодной крови да другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, ничто мнѣ не мѣшало сидѣть сиднемъ да оставаться зрителемъ, сложивъ руки; а ты долженъ былъ выдти на поле, засучить рукава, трудиться, работать. Наши дороги разошлись... но посмотри, какъ мы близки другъ къ другу. Вѣдь мы говоримъ съ тобой почти однимъ языкомъ, съ полунамека понимаемъ другъ друга, на однихъ чувствахъ выросли. Вѣдь ужъ мало насъ остается, братъ; вѣдь мы съ тобой послѣдніе Могикане! Мы могли расходиться, даже враждовать въ старые годы, когда еще много жизни оставалось впереди; но теперь, когда толпа рѣдѣетъ вокругъ насъ, когда новыя поколѣнія идутъ мимо насъ не къ нашимъ цѣлямъ, намъ

надобно крѣпко держаться другъ за друга. Чокнемся, братъ, и давай-ка, по старинному: Gaudeamus igitur.

Пріятели чокнулись стаканами и пропѣли растроганными и фальшивыми, прямо русскими голосами старинную студентческую пѣсню.

—Вотъ ты теперь въ деревню ѣдешь, заговорилъ опять Лежневъ. Не думаю, чтобъ ты долго въ ней остался, и не могу себѣ представить, чѣмъ, гдѣ и какъ ты кончишь... Но помни, что бы съ тобою ни случилось, у тебя всегда есть мѣсто, есть гнѣздо, куда ты можешь укрыться. Это мой домъ... слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтобъ и у нихъ былъ пріютъ.

Рудинъ всталъ.

—Спасибо тебѣ, братъ, продолжалъ онъ. Спасибо! Не забуду я тебѣ этого. Да только пріюта я не стою. Испортилъ я свою жизнь и не служилъ мысли, какъ слѣдуетъ...

—Молчи! продолжалъ Лежневъ. Каждый остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа, и больше требовать отъ него нельзя! Ты назвалъ себя вѣчнымъ жидомъ... А почему ты знаешь, можетъ быть, тебѣ и слѣдуетъ такъ вѣчно странствовать; можетъ, ты исполняешь этимъ высшее, для тебя самого неизвѣстное назначеніе: народная мудрость гласитъ не даромъ, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Ты ѣдешь? продолжалъ Лежневъ, видя что Рудинъ брался за шапку. Ты не останешься ночевать?

—Ѣду. Прощай! Спасибо... А кончу я скверно.

—Это знаетъ Богъ... Ты рѣшительно ѣдешь?

—Ѣду. Прощай! Не поминай меня лихомъ.

—Ну, не поминай же лихомъ и меня... и не забудь, что я сказалъ тебѣ. Прощай...

Пріятели обнялись. Рудинъ быстро вышелъ.

Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполголоса: «бѣднякъ» и, сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ.

А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступала долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!

И. Тургеневъ.

82. ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.

а) Университетскіе товарищи.

Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человѣкъ высокаго роста и худой въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицемъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазками. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо его обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. Они не видѣлись съ Москвы. Посыпались восклицанія, распросы; выступили на свѣтъ Божій давно заглохшія воспоминанія. Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похожденія; въ нихъ не было ничего очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ,—а онъ безпрестанно смѣялся сиплымъ нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ, получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О... и, узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. Михалевичъ говорилъ также порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ по прежнему. Лаврецкій упомянулъ было о

своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: «слышалъ, братъ, слышалъ,— кто этого могъ ожидать?» и тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.

— Я, братъ, промолвилъ онъ, завтра долженъ ѣхать; сегодня мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. Мнѣ хочется непремѣнно узнать, что ты, какія твои мнѣнія, убѣжденья, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила? (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ). Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ: волны жизни упали на мою грудь, — кто бишь это сказалъ?—хотя въ важномъ, въ существенномъ я не измѣнился: я по прежнему вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю, я вѣрую теперь, да, я вѣрую, вѣрую. Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю піесу; въ ней я выразилъ самыя задушевныя мои убѣжденія. Слушай. Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно длинно и оканчивалось слѣдующими стихами!

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душею я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Произнося послѣднія два стиха, Михалевичъ чуть не заплакалъ; легкія судороги, признакъ сильнаго чувства, пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его посвѣтлѣло. Лаврецкій слушалъ его, слушалъ... духъ противорѣчія зашевелился въ немъ: его раздражала всегда-готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. Четверти часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ: голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный? кричалъ Михалевичъ въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ? возразилъ Лаврецкій; тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные, а хочешь, я тебя одной рукой подниму?

Ну, если не *разочарованій*, то *скэптикъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было: ты былъ рожденъ съ душей страстной, любящей, а тебя насильственно отводили отъ женщинъ; первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула, замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы.—Впрочемъ, что это я вру? судьбы нѣту: старая привычка неточно выражаться. Но что жъ это доказываетъ?

— Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнули.

— А ты себя вправь! на то ты человѣкъ, ты мущина; энергіи тебѣ не занимать-стать! Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно частный, такъ сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило? перебилъ Лаврецкій; я не признаю...

—Нѣтъ, это твое правило, правило, перебивалъ его въ свою очередь Михалевичъ.

— Ты эгоистъ, вотъ что! гремѣлъ онъ, часъ спустя: ты желалъ самонаслажденья, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя...

— Что такое самонаслажденье?

— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами.

—Что такое самонаслажденье? спрашиваю я тебя.

—И оно должно было рухнуть: ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя; ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ...

—Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо* тебя не понимаю.

—Ибо,—пожалуй, смѣйся! ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копеечный умъ... ты, просто, жалкій, отсталый вольтеріанецъ—вотъ ты кто!

— Кто, я вольтеріанецъ?

— Да, такой же, какъ твой отецъ, и самъ того не подозрѣваешь.

— Послѣ этого, воскликнулъ Лаврецкій, я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы! возразилъ съ сокрушеньемъ Михалевичъ: я, къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія...

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать, кричалъ тотъ же Михалевичъ въ третьемъ часу ночи: ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріанецъ, ты—байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаньемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего, а ты мыслящій человѣкъ—и лежишь; ты могъ бы что нибудь дѣлать—и ничего не дѣлаешь! лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ, все вздоръ и ни къ чему неведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу? твердилъ Лаврецкій: почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ того, вы всѣ, вся ваша братія, продолжалъ неугомонный Михалевичъ: начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаетъ, знаете, что плохо у англичанъ и у французовъ, и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что, молъ, вотъ умница—лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ. Да! А то есть у насъ такіе господа, впрочемъ, это я говорю не на твой счетъ, которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней, какъ... какъ грибъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію. О, это млѣніе скуки—гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать, противный байбакъ...

— Да что-жъ ты бранишься? вопилъ въ свою очередь Лаврецкій. Работать... дѣлать... скажи лучше, что дѣлать, а не бранись, Демосѳенъ полтавскій!

— Вишь, чего захотѣлъ! Этого я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, возражалъ съ ироніей Демосѳенъ. Помѣщикъ, дворянинъ—и не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ, вѣры нѣтъ—и нѣтъ откровенья.

— Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ! дай оглядѣться, молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды, возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. Ни одной секунды! Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ: у насъ! теперь въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая предъ Богомъ, предъ народомъ, предъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ...

— Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, про-

молвилъ Лаврецкій, что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. «До завтра», проговорилъ онъ съ улыбкой и всунулъ трубку въ кисетъ. «До завтра», повторилъ Лаврецкій. Но друзья еще болѣе часу бесѣдовали... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе, и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Ѳедору Ивановичу не удалось убѣдить его остаться, но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душею не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣніемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, сзади на сюртукѣ недоставало одной пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызывая кости своими крѣпкими, черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ «образованнаго человѣка». Совсѣмъ тѣмъ Михалевичъ не унывалъ и жилъ-себѣ циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи, и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ, но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно пылко воспѣлъ онъ таинственную, чернокудрую «панну»... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка... Но какъ подумаешь—развѣ и это не все равно?

Съ Лемномъ Михалевичъ не сошелся: нѣмца, съ непривычки, запугали его многодумныя рѣчи, его рѣзкія манеры... Горемыка издали тотчасъ чуетъ другаго горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ—и это нисколько неудивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться,—даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣдъ, и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнилъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины...

— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Э, братъ, не аристократничай, возразилъ добродушно Михалевичъ, а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи...

— Спасибо, братъ! промолвилъ Лаврецкій, съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, *цыникъ!* воскликнулъ Михалевичъ.

— «Циникъ», поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цыникъ, повторилъ, не смущаясь, Михалевичъ.

Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ. Окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ бы разсѣвая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронутись наконецъ... «Помни мои послѣднія три слова», закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ: «религія, прогрессъ, человѣчность!... Прощай...» Голова его,

съ нахлобученной на главу фуражкой исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. «А вѣдь онъ, пожалуй, правъ», думалъ онъ возвращаясь въ домъ: «пожалуй, что я байбакъ». Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хотя онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ,—его никто отразить не можетъ.

в) эпилогъ.

Прошло восемь лѣтъ. Опять повѣяло съ неба сіяющимъ счастьемъ весны; опять улыбнулась она землѣ и людямъ; опять подъ ея лаской все зацвѣло, полюбило и запѣло. Городъ О. мало измѣнился въ теченіе этихъ восьми лѣтъ; но домъ Маріи Дмитріевны какъ будто помолодѣлъ: его недавно выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтно, и стекла раскрытыхъ оконъ румянились и блестѣли на заходившемъ солнцѣ; изъ этихъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, безпрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался весельемъ черезъ край. Сама хозяйка дома давно сошла въ могилу: Марья Дмитріевна скончалась года два спустя послѣ постриженія Лизы; и Марѳа Тимоѳеевна недолго пережила свою племянницу; рядомъ покоятся онѣ на городскомъ кладбищѣ. Не стало и Настасьи Карповны; вѣрная старушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльно ходила молиться надъ прахомъ своей пріятельницы... Пришла пора, и ея косточки тоже улеглись въ сырой землѣ. Но домъ Марьи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, гнѣздо не разорилось: Леночка, превратившаяся въ стройную, красивую дѣвушку, и ея женихъ—бѣлокурый гусарскій офицеръ; сынъ Марьи Дмитріевны, только-что женившійся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхавшій на весну въ О...; сестра его жены, шестнадцатилѣтняя институтка съ алыми щеками и ясными глазами; Шурочка, тоже выросшая и похорошѣвшая,—вотъ какая молодежь оглашала смѣхомъ и говоромъ стѣны Калитинскаго дома. Все въ немъ измѣнилось, все стало подъ-ладъ новымъ обитателямъ. Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры, замѣнили прежнихъ степенныхъ стариковъ; тамъ, гдѣ нѣкогда важно расхаживала зажирѣвшая Розка, двѣ лягавыя собаки бѣшено возились и прыгали по диванамъ; на конюшнѣ завелись поджарые иноходцы, лихіе коренники, рьяныя пристяжныя съ плетеными гривами, донскіе верховые кони; часы завтрака, обѣда, ужина перепутались и смѣшались; пошли, по выраженью сосѣдей, «порядки небывалые».

Въ тотъ вечеръ, о которомъ зашла у насъ рѣчь, обитатели Калитинскаго дома (старшему изъ нихъ, жениху Леночки, было всѣго двадцать четыре года) занимались немногосложной, но, судя по ихъ дружному хохотанью, весьма для нихъ забавной игрой: они бѣгали по комнатамъ и ловили другъ друга; собаки тоже бѣгали и лаяли, и висѣвшія въ клѣткахъ передъ окнами канарейки наперерывъ драли горло, усиливая всеобщій гамъ звонкой трескотней своего яростнаго щебетанья. Въ самый разгаръ этой оглушительной потѣхи къ воротамъ подъѣхалъ загрязненный тарантасъ, и человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, въ дорожномъ платьѣ, вылѣзъ изъ него и остановился въ изумленьи. Онъ постоялъ нѣкоторое время неподвижно, окинулъ домъ внимательнымъ взоромъ, вошелъ черезъ калитку на дворъ и медленно взобрался на крыльцо. Въ передней никто его не встрѣтилъ, но дверь залы быстро распахнулась: изъ нея, вся раскраснѣвшаяся, выскочила Шурочка и мгновенно вслѣдъ за ней, съ звонкимъ крикомъ выбѣжала вся молодая ватага. Она внезапно остановилась и затихла при видѣ незнакомаго; но

свѣтлые глаза, устремленныя на него, глядѣли также ласково, свѣжія лица не перестали смѣяться. Сынъ Марьи Дмитріевны подошелъ къ гостю и привѣтливо спросилъ его, что ему угодно.

— Я Лаврецкій, промолвилъ гость.

Дружный крикъ раздался ему въ отвѣтъ—и не потому, что вся эта молодежь очень обрадовалась пріѣзду отдаленнаго, почти забытаго родственника а просто потому, что она готова была шумѣть и радоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Лаврецкаго тотчасъ окружили; Леночка, какъ старинная знакомая, первая назвала себя, увѣрила его, что еще бы немножко — и она непремѣнно его бы узнала, и представила ему все остальное общество. называя каждаго, даже жениха своего, уменьшительными именами. Вся толпа двинулась черезъ столовую въ гостиную. Обои въ обѣихъ комнатахъ были другіе, но мебель уцѣлѣла: Лаврецкій узналъ фортепьяно; даже пяльцы у окна стояли тѣ же, въ томъ же положеніи, и чуть ли не съ тѣмъ же неконченнымъ шитьемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Его усадили на покойное кресло; всѣ чинно усѣлись вокругъ него. Вопросы, восклицанія, разсказы посыпались наперерывъ.

— А давно мы васъ не видали, наивно замѣтила Леночка; и Варвару Павловну тоже не видали.

— Еще бы! поспѣшно подхватилъ ея братъ. Я тебя въ Петербургъ увезъ, а Ѳедоръ Ивановичъ все жилъ въ деревнѣ.

— Да, вѣдь съ тѣхъ поръ и мамаша скончалась.

— И Марѳа Тимоѳеевна, промолвила Шурочка.

— И Настасья Карповна, возразила Леночка; и мосье Леммъ...

— Какъ? и Леммъ умеръ? спросилъ Лаврецкій.

— Да, отвѣчалъ молодой Калитинъ: онъ уѣхалъ отсюда въ Одессу; говорятъ, кто-то его туда сманилъ; тамъ онъ и скончался.

— Вы не знаете, музыки послѣ него не осталось?

— Не знаю; едва ли.

Всѣ замолкли и переглянулись. Облачко печали налетѣло на всѣ молодыя лица.

— А Матроска живъ, заговорила вдругъ Леночка.

— И Гедеоновскій живъ, прибавилъ ея братъ.

При имени Гедеоновскаго разомъ грянулъ дружный смѣхъ.

— Да, онъ живъ и лжетъ по прежнему, продолжалъ сынъ Марьи Дмитріевны; и вообразите, вотъ эта егоза (онъ указалъ на институтку, сестру своей жены) вчера ему перцу въ табакерку насыпала.

— Какъ онъ чихалъ! воскликнула Леночка,—и снова зазвенѣлъ неудержимый смѣхъ.

— Мы объ Лизѣ недавно имѣли вѣсти, промолвилъ молодой Калитинъ—и опять кругомъ все притихло: ей хорошо, здоровье ея теперь поправляется понемногу.

— Она все въ той-же обители? спросилъ не безъ усилія Лаврецкій.

— Все въ той же.

— Она къ вамъ пишетъ?

— Нѣтъ, никогда; къ намъ чрезъ людей вѣсти доходятъ.—Сдѣлалось внезапное, глубокое молчанье; «вотъ тихій ангелъ пролетѣлъ», подумали всѣ.

— Не хотите ли вы въ садъ? обратился Калитинъ къ Лаврецкому: онъ очень хорошъ теперь, хотя мы его и запустили немножко.

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что бросилось ему въ глаза, была та самая скамейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько счастливыхъ, не повторившихся мгновеній, она почернѣла, искривилась, но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ сладости, и въ горести, — чувство живой грусти объ исчезнувшей молодости, о счастьи, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодежью про-

шелся онъ по аллеямъ; липы немного постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дрокомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла! вскрикнула вдругъ Леночка, войдя въ небольшую зеленую поляну, окруженную липами: насъ, кстати, пятеро.

— А Өедора Ивановича ты забыла? замѣтилъ ея братъ... Или ты себя не считаешь?

Леночка слегка покраснѣла.

— Да развѣ Өедоръ Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ... начала она.

— Пожалуйста, играйте, поспѣшно подхватилъ Лаврецкій, не обращайте вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего: у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью, точно имъ учитель урокъ прочелъ, и вдругъ посыпали отъ него всѣ прочь, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ по серединѣ, и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ; раздался слабый, но чистый звукъ и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостяную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія, но грусть о ней была томительна и нелегка: въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладана. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, еслибъ могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ, дѣйствительно, пересталъ думать о собственномъ счастіи, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ — къ чему таить правду? постарѣлъ не однимъ лицемъ и тѣломъ, постарѣлъ душею; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно, и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался, дѣйствительно, хорошимъ хозяиномъ; дѣйствительно, выучился пахать землю и трудился не для одного себя: онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ, и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицемъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденья, онъ, одинокій, бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодаго поколѣнія, оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно; сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—нечего. «Играйте, весели-

тесь, растите, молодыя силы», думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ; «жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть— и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, и благословенія нашего брата, старика, будутъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ, и хотя съ печалью, но безъ зависти, безо всякихъ темныхъ чувствъ, сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «здравствуй, одинокая старость! догорай, безполезная жизнь!»

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился: его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду, за зеленой сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

И. Тургеневъ.

---

83. ОТРОЧЕСТВО.

ПОѢЗДКА НА ДОЛГИХЪ.

Снова поданы два экипажа къ крыльцу Петровскаго дома: одинъ—карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и самъ прикащикъ Яковъ, на козлахъ; другой—бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей и недавно взятый съ оброка лакей Василій.

Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки стоитъ на крыльцѣ и креститъ окно кареты и бричку.

«Ну, Христосъ съ вами! трогай!» Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шапки и крестятся. «Но, но! съ Богомъ!» Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ, и березы большой аллеи, одна за другой, бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня. По мѣрѣ удаленія отъ предметовъ, связанныхъ съ тяжелыми воспоминаніями, наполнявшими до сей поры мое воображеніе, воспоминанія эти теряютъ свою силу и быстро замѣняются отраднымъ чувствомъ сознанія жизни, полной силы, свѣжести и надежды.

Рѣдко провелъ я нѣсколько дней, не скажу—весело: мнѣ еще какъ-то совѣстно было предаваться веселью, но такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія. У меня предъ глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не могъ проходить безъ содроганія, ни закрытаго рояля, къ которому не только не подходили, но на которой и смотрѣли съ какою-то боязнью, ни траурныхъ одеждъ (на всѣхъ насъ были простыя дорожныя платья), ни всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, живо напоминая мнѣ невозвратимую потерю, заставляли меня остерегаться каждаго проявленія жизни, изъ страха оскорбить какъ нибудь ея память. Здѣсь, напротивъ, безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадныя чувства довольства настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано, рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бываютъ люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ, по рѣшительному лицу Василья видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло,—вскакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвшись какъ ракъ, раздуваетъ Митька форейторъ; на дв

сыро и туманно, какъ будто паръ подымается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба и соломенныя крыши просторныхъ навѣсовъ, окружающихъ дворъ, глянцовитыя отъ росы, покрывающей ихъ. Подъ ними виднѣются наши лошади, привязанныя около кормягъ, и слышно ихъ мѣрное жеваніе. Какая нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкой рысцей отправляется на другую сторону двора. Хлопотунья хозяйка отворяетъ скрипящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычаніе и блеяніе стада, и перекидывается словечкомъ съ сонной сосѣдкой. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду, выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже полощутся проснувшіяся утки; и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное, съ окладистой бородой, лице Филиппа и на толстыя жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ, мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движенье. Маша съ различными предметами, которые она платьемъ старается скрыть отъ нашего любопытства, чаще и чаще пробѣгаетъ мимо насъ; наконецъ отворяется дверь и насъ зовутъ пить чай.

Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выноситъ то то, то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрашиваетъ Марью Ивановну выѣзжать ранѣе. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садится по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору вмѣсто сидѣнія, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено наканунѣ и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ орѣховый чайный ящикъ съ треугольной крышкой, который отдаютъ къ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обомнется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только-что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкой, длинной лентой вьется впереди, между полями засохшаго жнивья и блестящей росою зелени; кое-гдѣ при дорогѣ попадается угрюмая ракита или молодая березка съ мелкими, клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колеи и мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсню жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ съѣденнаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать— признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постоялмъ дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, забываю исполнять этотъ обрядъ, со мною случается какое нибудь несчастіе, я стараюсь исправить свою ошибку: снимая фуражку, поворачиваюсь въ уголокъ брички, читаю молитвы и крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду въ разсѣянности повторяю одни и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-

то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными, оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ, тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ, одна за другою, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти? Вотъ коляска, четверкой, на почтовыхъ быстро несется на встрѣчу. Двѣ секунды—и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули, и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго, и что ихъ никогда, можетъ быть, не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя, косматыя лошади въ хомутахъ съ захлеснутыми за шлеи постромками; и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которыхъ на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка, чуть слышно, побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой парень ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лице и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что мнѣ кажется, верхъ счастія — быть ямщикомъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ, далеко за оврагомъ, виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленой крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ возовъ, запряженныхъ тройками сытыхъ толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороною. «Что везете?» спрашиваетъ Василій у перваго извощика, который, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально - безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. »Съ какимъ товаромъ?» обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго, подъ новой рогожей, лежитъ другой извощикъ. Русая голова съ краснымъ лицемъ и рыжеватой бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается—и мнѣ приходятъ мысли, что, вѣрно, эти извощики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ.

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на красивыя цыфры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно безпокоить меня, я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовые столбы и на цыфры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія на счетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. «Двѣнадцать верстъ составляютъ треть тридцати шести, а до Липецъ сорокъ одна, слѣдовательно мы проѣхали одну треть и сколько?» и т. д.

«Василій», говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ удить рыбу на козлахъ, «пусти меня на козлы, голубчикъ». Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами: онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и развалвается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячокъ, Лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ изу-

надобно крѣпко держаться другъ за друга. Чокнемся, братъ, и давай-ка, по старинному: Gaudeamus igitur.

Пріятели чокнулись стаканами и пропѣли растроганными и фальшивыми, прямо русскими голосами старинную студентческую пѣсню.

—Вотъ ты теперь въ деревню ѣдешь, заговорилъ опять Лежневъ. Не думаю, чтобъ ты долго въ ней остался, и не могу себѣ представить, чѣмъ, гдѣ и какъ ты кончишь... Но помни, что бы съ тобою ни случилось, у тебя всегда есть мѣсто, есть гнѣздо, куда ты можешь укрыться. Это мой домъ... слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтобъ и у нихъ былъ пріютъ.

Рудинъ всталъ.

—Спасибо тебѣ, братъ, продолжалъ онъ. Спасибо! Не забуду я тебѣ этого. Да только пріюта я не стою. Испортилъ я свою жизнь и не служилъ мысли, какъ слѣдуетъ...

—Молчи! продолжалъ Лежневъ. Каждый остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа, и больше требовать отъ него нельзя! Ты назвалъ себя вѣчнымъ жидомъ... А почему ты знаешь, можетъ быть, тебѣ и слѣдуетъ такъ вѣчно странствовать; можетъ, ты исполняешь этимъ высшее, для тебя самого неизвѣстное назначеніе: народная мудрость гласитъ не даромъ, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Ты ѣдешь? продолжалъ Лежневъ, видя что Рудинъ брался за шапку. Ты не останешься ночевать?

—Ѣду. Прощай! Спасибо... А кончу я скверно.

—Это знаетъ Богъ... Ты рѣшительно ѣдешь?

—Ѣду. Прощай! Не поминай меня лихомъ.

—Ну, не поминай же лихомъ и меня... и не забудь, что я сказалъ тебѣ. Прощай...

Пріятели обнялись. Рудинъ быстро вышелъ.

Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполголоса: «бѣднякъ» и, сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ.

А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступала долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!

И. Тургеневъ.

---

82. ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.

а) Университетскіе товарищи.

Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человѣкъ высокаго роста и худой въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицемъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазками. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо его обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. Они не видѣлись съ Москвы. Посыпались восклицанія, распросы; выступили на свѣтъ Божій давно заглохшія воспоминанія. Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похожденія: въ нихъ не было ничего очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ,—а онъ безпрестанно смѣялся сиплымъ нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ, получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О... и, узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. Михалевичъ говорилъ также порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ по прежнему. Лаврецкій упомянулъ было о

своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: «слышалъ, братъ, слышалъ,— кто этого могъ ожидать?» и тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.

— Я, братъ, промолвилъ онъ, завтра долженъ ѣхать; сегодня мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. Мнѣ хочется непремѣнно узнать, что ты, какія твои мнѣнія, убѣжденья, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила? (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ). Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ: волны жизни упали на мою грудь, — кто бишь это сказалъ?—хотя въ важномъ, въ существенномъ я не измѣнился: я по прежнему вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю, я вѣрую теперь, да, я вѣрую, вѣрую. Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю піесу; въ ней я выразилъ самыя задушевныя мои убѣжденія. Слушай. Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно длинно и оканчивалось слѣдующими стихами!

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душею я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Произнося послѣднія два стиха, Михалевичъ чуть не заплакалъ; легкія судороги, признакъ сильнаго чувства, пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его посвѣтлѣло. Лаврецкій слушалъ его, слушалъ... духъ противорѣчія зашевелился въ немъ: его раздражала всегда-готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. Четверти часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ: голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный? кричалъ Михалевичъ въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ? возразилъ Лаврецкій; тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные, а хочешь, я тебя одной рукой подниму?

Ну, если не *разочарованій*, то *скэптикъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было: ты былъ рожденъ съ душей страстной, любящей, а тебя насильственно отводили отъ женщинъ; первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула, замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы.—Впрочемъ, что это я вру? судьбы нѣту: старая привычка неточно выражаться. Но что жъ это доказываетъ?

— Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнули.

— А ты себя вправь! на то ты человѣкъ, ты мущина; энергіи тебѣ не занимать-стать! Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно частный, такъ сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило? перебилъ Лаврецкій; я не признаю...

—Нѣтъ, это твое правило, правило, перебивалъ его въ свою очередь Михалевичъ.

— Ты эгоистъ, вотъ что! гремѣлъ онъ, часъ спустя: ты желалъ самонаслажденья, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя...

— Что такое самонаслажденье?

— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами.

—Что такое самонаслажденье? спрашиваю я тебя.

—И оно должно было рухнуть: ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя; ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ...

—Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо* тебя не понимаю.

—Ибо,—пожалуй, смѣйся! ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копеечный умъ... ты, просто, жалкій, отсталый вольтеріанецъ—вотъ ты кто!

— Кто, я вольтеріанецъ?

— Да, такой же, какъ твой отецъ, и самъ того не подозрѣваешь.

— Послѣ этого, воскликнулъ Лаврецкій, я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы! возразилъ съ сокрушеньемъ Михалевичъ: я, къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія...

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать, кричалъ тотъ же Михалевичъ въ третьемъ часу ночи: ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріанецъ, ты—байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаньемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего, а ты мыслящій человѣкъ—и лежишь; ты могъ бы что нибудь дѣлать—и ничего не дѣлаешь! лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ, все вздоръ и ни къ чему неведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу? твердилъ Лаврецкій: почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ того, вы всѣ, вся ваша братія, продолжалъ неугомонный Михалевичъ: начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаетъ, знаете, что плохо у англичанъ и у французовъ, и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что, молъ, вотъ умница—лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ. Да! А то есть у насъ такіе господа, впрочемъ, это я говорю не на твой счетъ, которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней, какъ... какъ грибъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію. О, это млѣніе скуки—гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать, противный байбакъ...

— Да что-жъ ты бранишься? вопилъ въ свою очередь Лаврецкій. Работать... дѣлать... скажи лучше, что дѣлать, а не бранись, Демосѳенъ полтавскій!

— Вишь, чего захотѣлъ! Этого я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, возражалъ съ ироніей Демосѳенъ. Помѣщикъ, дворянинъ—и не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ, вѣры нѣтъ—и нѣтъ откровенья.

— Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ! дай оглядѣться, молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды, возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. Ни одной секунды! Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ: у насъ! теперь въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая предъ Богомъ, предъ народомъ, предъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ...

— Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, про-

молвилъ Лаврецкій, что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. «До завтра», проговорилъ онъ съ улыбкой и всунулъ трубку въ кисетъ. «До завтра», повторилъ Лаврецкій. Но друзья еще болѣе часу бесѣдовали... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе, и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Ѳедору Ивановичу не удалось убѣдить его остаться, но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душею не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣніемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, свади на сюртукѣ недоставало одной пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызывая кости своими крѣпкими, черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ «образованнаго человѣка». Совсѣмъ тѣмъ Михалевичъ не унывалъ и жилъ-себѣ циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи, и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ, но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно пылко воспѣлъ онъ таинственную, чернокудрую «панну»... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка... Но какъ подумаешь—развѣ и это не все равно?

Съ Леммомъ Михалевичъ не сошелся: нѣмца, съ непривычки, запугали его многодумныя рѣчи, его рѣзкія манеры... Горемыка издали тотчасъ чуетъ другаго горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ—и это нисколько неудивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться,—даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣдъ, и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнилъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины...

— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Э, братъ, не аристократничай, возразилъ добродушно Михалевичъ, а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи...

— Спасибо, братъ! промолвилъ Лаврецкій, съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, *цыникъ!* воскликнулъ Михалевичъ.

— «Циникъ», поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цыникъ, повторилъ, не смущаясь, Михалевичъ.

Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ. Окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ бы разсѣвая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ... «Помни мои послѣднія три слова», закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ: «религія, прогрессъ, человѣчность!... Прощай...» Голова его,

съ нахлобученной на главу фуражкой исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. «А вѣдь онъ, пожалуй, правъ», думалъ онъ возвращаясь въ домъ: «пожалуй, что я байбакъ». Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хотя онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ,—его никто отразить не можетъ.

в) Эпилогъ.

Прошло восемь лѣтъ. Опять повѣяло съ неба сіяющимъ счастьемъ весны; опять улыбнулась она землѣ и людямъ; опять подъ ея лаской все зацвѣло, полюбило и запѣло. Городъ О. мало измѣнился въ теченіе этихъ восьми лѣтъ; но домъ Маріи Дмитріевны какъ будто помолодѣлъ: его недавно выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтно, и стекла раскрытыхъ оконъ румянились и блестѣли на заходившемъ солнцѣ; изъ этихъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, безпрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался весельемъ черезъ край. Сама хозяйка дома давно сошла въ могилу: Марья Дмитріевна скончалась года два спустя послѣ постриженія Лизы; и Мареа Тимоѳеевна недолго пережила свою племянницу; рядомъ покоятся онѣ на городскомъ кладбищѣ. Не стало и Настасьи Карповны; вѣрная старушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльно ходила молиться надъ прахомъ своей пріятельницы... Пришла пора, и ея косточки тоже улеглись въ сырой землѣ. Но домъ Марьи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, гнѣздо не разорилось: Леночка, превратившаяся въ стройную, красивую дѣвушку, и ея женихъ—бѣлокурый гусарскій офицеръ; сынъ Марьи Дмитріевны, только-что женившійся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхавшій на весну въ О...; сестра его жены, шестнадцатилѣтняя институтка съ алыми щеками и ясными глазами; Шурочка, тоже выросшая и похорошѣвшая,—вотъ какая молодежь оглашала смѣхомъ и говоромъ стѣны Калитинскаго дома. Все въ немъ измѣнилось, все стало подъ-ладъ новымъ обитателямъ. Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры, замѣнили прежнихъ степенныхъ стариковъ; тамъ, гдѣ нѣкогда важно расхаживала зажирѣвшая Роска, двѣ лягавыя собаки бѣшено возились и прыгали по диванамъ; на конюшнѣ завелись поджарые иноходцы, лихіе коренники, рьяныя пристяжныя съ плетеными гривами, донскіе верховые кони; часы завтрака, обѣда, ужина перепутались и смѣшались; пошли, по выраженью сосѣдей, «порядки небывалые».

Въ тотъ вечеръ, о которомъ зашла у насъ рѣчь, обитатели Калитинскаго дома (старшему изъ нихъ, жениху Леночки, было всего двадцать четыре года) занимались немногосложной, но, судя по ихъ дружному хохотанью, весьма для нихъ забавной игрой: они бѣгали по комнатамъ и ловили другъ друга; собаки тоже бѣгали и лаяли, и висѣвшія въ клѣткахъ передъ окнами канарейки наперерывъ драли горло, усиливая всеобщій гамъ звонкой трескотней своего яростнаго щебетанья. Въ самый разгаръ этой оглушительной потѣхи къ воротамъ подъѣхалъ загрязненный тарантасъ, и человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, въ дорожномъ платьѣ, вылѣзъ изъ него и остановился въ изумленьи. Онъ постоялъ нѣкоторое время неподвижно, окинулъ домъ внимательнымъ взоромъ, вошелъ черезъ калитку на дворъ и медленно взобрался на крыльцо. Въ передней никто его не встрѣтилъ, но дверь залы быстро распахнулась: изъ нея, вся раскраснѣвшаяся, выскочила Шурочка и мгновенно вслѣдъ за ней, съ звонкимъ крикомъ выбѣжала вся молодая ватага. Она внезапно остановилась и затихла при видѣ незнакомаго; но

свѣтлые глаза, устремленныя на него, глядѣли также ласково, свѣжія лица не перестали смѣяться. Сынъ Марьи Дмитріевны подошелъ къ гостю и привѣтливо спросилъ его, что ему угодно.

— Я Лаврецкій, промолвилъ гость.

Дружный крикъ раздался ему въ отвѣтъ—и не потому, что вся эта молодежь очень обрадовалась пріѣзду отдаленнаго, почти забытаго родственника а просто потому, что она готова была шумѣть и радоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Лаврецкаго тотчасъ окружили; Леночка, какъ старинная знакомая, первая назвала себя, увѣрила его, что еще бы немножко — и она непремѣнно его бы узнала, и представила ему все остальное общество, называя каждаго, даже жениха своего, уменьшительными именами. Вся толпа двинулась черезъ столовую въ гостиную. Обои въ обѣихъ комнатахъ были другіе, но мебель уцѣлѣла: Лаврецкій узналъ фортепьяно; даже пяльцы у окна стояли тѣ же, въ томъ же положеніи, и чуть ли не съ тѣмъ же неконченнымъ шитьемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Его усадили на покойное кресло; всѣ чинно усѣлись вокругъ него. Вопросы, восклицанія, разсказы посыпались наперерывъ.

— А давно мы васъ не видали, наивно замѣтила Леночка; и Варвару Павловну тоже не видали.

— Еще бы! поспѣшно подхватилъ ея братъ. Я тебя въ Петербургъ увезъ, а Ѳедоръ Ивановичъ все жилъ въ деревнѣ.

— Да, вѣдь съ тѣхъ поръ и мамаша скончалась.

— И Марѳа Тимоѳеевна, промолвила Шурочка.

— И Настасья Карповна, возразила Леночка; и мосье Леммъ...

— Какъ? и Леммъ умеръ? спросилъ Лаврецкій.

— Да, отвѣчалъ молодой Калитинъ: онъ уѣхалъ отсюда въ Одессу; говорятъ, кто-то его туда сманилъ; тамъ онъ и скончался.

— Вы не знаете, музыки послѣ него не осталось?

— Не знаю; едва ли.

Всѣ замолкли и переглянулись. Облачко печали налетѣло на всѣ молодыя лица.

— А Матроска живъ, заговорила вдругъ Леночка.

— И Гедеоновскій живъ, прибавилъ ея братъ.

При имени Гедеоновскаго разомъ грянулъ дружный смѣхъ.

— Да, онъ живъ и лжетъ по прежнему, продолжалъ сынъ Марьи Дмитріевны; и вообразите, вотъ эта егоза (онъ указалъ на институтку, сестру своей жены) вчера ему перцу въ табакерку насыпала.

— Какъ онъ чихалъ! воскликнула Леночка,—и снова зазвенѣлъ неудержимый смѣхъ.

— Мы объ Лизѣ недавно имѣли вѣсти, промолвилъ молодой Калитинъ—и опять кругомъ все притихло: ей хорошо, здоровье ея теперь поправляется понемногу.

— Она все въ той-же обители? спросилъ не безъ усилія Лаврецкій.

— Все въ той же.

— Она къ вамъ пишетъ?

— Нѣтъ, никогда; къ намъ чрезъ людей вѣсти доходятъ.—Сдѣлалось внезапное, глубокое молчанье; «вотъ тихій ангелъ пролетѣлъ», подумали всѣ.

— Не хотите ли вы въ садъ? обратился Калитинъ къ Лаврецкому: онъ очень хорошъ теперь, хотя мы его и запустили немножко.

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что бросилось ему въ глаза, была та самая скамейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько счастливыхъ, не повторившихся мгновеній, она почернѣла, искривилась, но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ сладости, и въ горести, — чувство живой грусти объ исчезнувшей молодости, о счастьи, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодежью про-

шелся онъ по аллеямъ; липы немного постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дрокомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла! вскрикнула вдругъ Леночка, войдя въ небольшую зеленую поляну, окруженную липами: насъ, кстати, пятеро.

— А Ѳедора Ивановича ты забыла? замѣтилъ ея братъ... Или ты себя не считаешь?

Леночка слегка покраснѣла.

— Да развѣ Ѳедоръ Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ... начала она.

— Пожалуйста, играйте, поспѣшно подхватилъ Лаврецкій, не обращайте вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего: у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью, точно имъ учитель урокъ прочелъ, и вдругъ посыпали отъ него всѣ прочь, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ по серединѣ, и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ; раздался слабый, но чистый звукъ и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостиную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія, но грусть о ней была томительна и нелегка: въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладана. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, еслибъ могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ, дѣйствительно, пересталъ думать о собственномъ счастіи, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ — къ чему таить правду? постарѣлъ не однимъ лицемъ и тѣломъ, постарѣлъ душею; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно, и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался, дѣйствительно, хорошимъ хозяиномъ; дѣйствительно, выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ, и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицемъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденья, онъ, одинокій, бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодаго поколѣнія, оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно; сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—нечего. «Играйте, весели-

тесь, растите, молодыя силы», думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ; «жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть— и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, и благословенія нашего брата, старика, будутъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ, и хотя съ печалью, но безъ зависти, безо всякихъ темныхъ чувствъ, сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «здравствуй, одинокая старость! догорай, безполезная жизнь!»

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился: его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду, за зеленой сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

И. Тургеневъ.

---

83. ОТРОЧЕСТВО.

Поѣздка на долгихъ.

Снова поданы два экипажа къ крыльцу Петровскаго дома: одинъ—карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и самъ прикащикъ Яковъ, на козлахъ; другой—бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей и недавно взятый съ оброка лакей Василій.

Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки стоитъ на крыльцѣ и креститъ окно кареты и бричку.

«Ну, Христосъ съ вами! трогай!» Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шапки и крестятся. «Но, но! съ Богомъ!» Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ, и березы большой аллеи, одна за другой, бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня. По мѣрѣ удаленія отъ предметовъ, связанныхъ съ тяжелыми воспоминаніями, наполнявшими до сей поры мое воображеніе, воспоминанія эти теряютъ свою силу и быстро замѣняются отраднымъ чувствомъ сознанія жизни, полной силы, свѣжести и надежды.

Рѣдко провелъ я нѣсколько дней, не скажу—весело: мнѣ еще какъ-то совѣстно было предаваться веселью, но такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія. У меня предъ глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не могъ проходить безъ содроганія, ни закрытаго рояля, къ которому не только не подходили, но на который и смотрѣли съ какою-то боязнью, ни траурныхъ одеждъ (на всѣхъ насъ были простыя дорожныя платья), ни всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, живо напоминая мнѣ невозвратимую потерю, заставляли меня остерегаться каждаго проявленія жизни, изъ страха оскорбить какъ нибудь ея память. Здѣсь, напротивъ, безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадныя чувства довольства настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано, рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бываютъ люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ, по рѣшительному лицу Василья видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло,—вскакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвшись какъ ракъ, раздуваетъ Митька форейторъ; на

сыро и туманно, какъ будто паръ поднимается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба и соломенныя крыши просторныхъ навѣсовъ, окружающихъ дворъ, глянцовитыя отъ росы, покрывающей ихъ. Подъ ними виднѣются наши лошади, привязанныя около кормягъ, и слышно ихъ мѣрное жеваніе. Какая нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкой рысцей отправляется на другую сторону двора. Хлопотунья хозяйка отворяетъ скрипящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычаніе и блеяніе стада, и перекидывается словечкомъ съ сонной сосѣдкой. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду, выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже полощутся проснувшіяся утки; и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное, съ окладистой бородой, лицо Филиппа и на толстыя жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ, мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движенье. Маша съ различными предметами, которые она платьемъ старается скрыть отъ нашего любопытства, чаще и чаще пробѣгаетъ мимо насъ, наконецъ отворяется дверь и насъ зовутъ пить чай.

Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выноситъ то то, то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрашиваетъ Марью Ивановну выѣзжать раньше. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садимся по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору вмѣсто сидѣнія, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено наканунѣ и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ орѣховый чайный ящикъ съ треугольной крышкой, который отдаютъ къ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обомнется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только-что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкой, длинной лентой вьется впереди, между полями засохшаго жнивья и блестящей росою зелени: кое-гдѣ при дорогѣ попадается угрюмая ракита или молодая березка съ мелкими, клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колеи и мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсни жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ съѣденнаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать — признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постояломъ дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, забываю исполнить этотъ обрядъ, со мною случается какое нибудь несчастіе, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваюсь въ уголъ брички, читаю молитвы и крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду въ разсѣянности повторяю одни и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся подлѣ дороги, [illegible]

то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными, оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ, тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ, одна за другою, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти? Вотъ коляска, четверкой, на почтовыхъ быстро несется на встрѣчу. Двѣ секунды—и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули, и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго, и что ихъ никогда, можетъ быть, не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя, косматыя лошади въ хомутахъ съ захлеснутыми за шлеи постромками; и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которыхъ на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка, чуть слышно, побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой парень ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лице и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что мнѣ кажется, верхъ счастія — быть ямщикомъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ, далеко за оврагомъ, виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленой крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ возовъ, запряженныхъ тройками сытыхъ толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороною. «Что везете?» спрашиваетъ Василій у перваго извощика, который, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально - безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. »Съ какимъ товаромъ?» обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго, подъ новой рогожей, лежитъ другой извощикъ. Русая голова съ краснымъ лицемъ и рыжеватой бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается—и мнѣ приходятъ мысли, что, вѣрно, эти извощики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ.

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на красивыя цыфры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно безпокоить меня, я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовые столбы и на цыфры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія на счетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. «Двѣнадцать верстъ составляютъ треть тридцати шести, а до Липецъ сорокъ одна, слѣдовательно мы проѣхали одну треть и сколько?» и т. д.

«Василій», говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ удить рыбу на козлахъ, «пусти меня на козлы, голубчикъ». Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами: онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста: а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячокъ, Лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ из-

ченныя мною до малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ свойствъ каждой.

— Отчего это нынче Дьячокъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филиппъ? нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячокъ!

— А Неручинская ничего не везетъ, говорю я.

— Дьячка нельзя налѣво впрягать, говоритъ Филиппъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе: не такая лошадь, чтобъ его на лѣвую пристяжку запрягать. Налѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобъ, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

И Филиппъ съ этими словами нагибается на правую сторону и, подергивая возжей изъ всѣхъ силъ, принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ, какъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и не смотря на то, что Дьячокъ старается изъ всѣхъ силъ и воротитъ всю бричку, Филиппъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть, неизвѣстно для чего, свою шляпу на одинъ бокъ, хотя она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мнѣ поправить. Филиппъ даетъ мнѣ сначала одну возжу, потомъ другую; наконецъ всѣ шесть возжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него, хорошо ли? но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною недоволенъ: говоритъ, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей груди и отнимаетъ у меня возжи. Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуваться, какъ мыльные пузыри, выше и выше, сходиться и принимаютъ темно-сѣрыя тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ; Василій, съ удивительной ловкостью, на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ вотрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы всѣ выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до моста, между тѣмъ какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ колеса, съ обѣихъ сторонъ руками поддерживаютъ карету, какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отправляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣй. Иногда, во время жара, проѣзжая черезъ рощу, мы отстаемъ отъ кареты, нарываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устраиваемъ на бричкѣ бесѣдку. Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ карету, и Любочка пищитъ при этомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ, чего она никогда не забываетъ дѣлать при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать. Вотъ ужъ запахло деревней — дымомъ, дегтемъ, баранками; послышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубенчики уже звенятъ не такъ, какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы, съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыя кое-гдѣ просовывается лице любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчишки и дѣвочки въ однѣхъ рубашенкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро семеня въ пыли босыми ноженками, не смотря на угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами и жестами одинъ передъ другимъ стараются заманить проѣзжающихъ. Тпрру! ворота скрипятъ, вальки цѣпляются за

воротища, и мы въѣзжаемъ на дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

Гр. Л. Толстой.

---

82. СТАРАЯ БАРЫНЯ.

Изба, куда я вошелъ, была большая и опрятная, стѣны струганныя, печь бѣлая, перегородка отъ нея досчатая, лавка и полицы чисто вымытыя. Въ переднемъ углу подъ образами стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ старикъ съ бритой бородой, съ двумя сѣдыми клочками волосъ на вискахъ, съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ и, какъ видно, слѣпой. Одѣтъ онъ былъ въ синій старинннаго покроя суконный сюртукъ, изъ-подъ котораго виднѣлась манишка съ брыжами и кашмировый полосатый жилетъ, тоже, должно быть, очень старинный. Весь этотъ ветхій костюмъ его былъ чистъ и сбереженъ наперекоръ, кажется, самому времени. Рядомъ съ нимъ помѣщалась тоже очень опрятная и благообразная старушка, въ худенькомъ, старомъ капорѣ и въ ситцевомъ ваточномъ капотѣ. На первый взглядъ я подумалъ, что это бѣдные дворяне. При входѣ моемъ старушка сейчасъ же встала и сказала что-то старику: тотъ приподнялся и оба поклонились мнѣ.

— Садитесь, пожалуйста, мѣсто будетъ, сказалъ я.

— Ничего сударь, отвѣчала старушка какимъ-то жеманнымъ голосомъ, отодвигая свои скудные пожитки въ мѣшечкѣ.

— Сидите, пожалуйста, повторилъ я. Старикъ прислушался къ моимъ словамъ и, ощупавъ съ осторожностью слѣпца лавку, сѣлъ, а потомъ, опершись на свою клюку, уставилъ на меня свои мутные глаза; старушка не садилась и продолжала стоять въ довольно почтительной позѣ. Я догадался, что это не дворяне.

— Куда ѣдете, любезные? спросилъ я.

— Въ губернскій городъ, милостивый государь, отвѣчалъ старикъ печальнымъ голосомъ.

— Дѣдушки, батюшка, охотника этого провожаютъ, его дѣдушки подхватила хозяйка, ставившая на столъ самоваръ.

— Дѣды этого молодца? сказалъ я.

— Дѣды, отвѣчалъ, глубоко вздохнувъ старикъ и потупилъ свою сѣдую голову.

— А званья какого?

— Мѣщане, ваше высокородіе.

— Изъ роду мѣщане?

— Никакъ нѣтъ-съ, напередъ того были господскіе люди.

— Не въ этомъ бы мѣстѣ внуку Якова Иваныча надо быть, вмѣшалась хозяйка: вотъ при немъ, при старикѣ, говорю, продолжала она, въ свою пору былъ большой человѣкъ, куражливый. Пріѣдетъ, бывало, на квартиру, такъ знай хозяйка что дѣлать, не подай вчерашняго кушанья или самоваръ нечищенный. Старикъ горько улыбнулся.

— Не думали и мы, сударыня, что наше родное дѣтище будетъ такимъ, проговорила старушка своимъ жеманнымъ и нѣсколько плаксивымъ тономъ.

— Что говорить! мать моя, что говорить! подхватила хозяйка, тоже плачевнымъ тономъ.

— Остался послѣ дочери моей родной, продолжала старушка: словно ненаглядный бриліантъ для васъ; думали, утѣхой да радостью будетъ въ нашемъ одиночествѣ да старости; обучали какъ дворянскаго сына; отпустили въ Москву по торговой части къ людямъ, кажется, хорошимъ.

— Что говорить, что говорить, мать моя! подхватила еще разъ хозяйка.

— Что жъ онъ, загулялъ тамъ? спросилъ я.

— Богъ знаетъ, сударь, какъ сказать: хозяева ли обижали, или самъ себя не поберегъ, отвѣчала старушка.

Старикъ горько улыбнулся и перебилъ жену:

— Онъ еще съ дѣтства себя не берегъ, оттого что въ баловствѣ родил

и выросъ; другіе промышленники по этому же дѣлу, еще въ мальчикахъ живши, въ дома присылаютъ, а нашъ все изъ дому пишетъ да требуетъ: посылали, посылали, наконецъ сами въ разоренье пришли. А тутъ слышимъ, что по такимъ дѣламъ пошелъ, что, пожалуй, и въ острогъ попадетъ. Стали писать и звать, такъ только черезъ два года явился: пришелъ нагъ и босъ. Обули, одѣли, думая, что на нашихъ глазахъ исправленіе будетъ, а вмѣсто того, съ первой же недѣли потащилъ все изъ дому въ кабакъ... Съ каждымъ словомъ въ голосѣ старика слышалось болѣе и болѣе строгости, и на глазахъ старушки навернулись слезы.

— Чьихъ же вы господъ были? спросилъ я, чтобы прекратить этотъ видимо тяжелый для нихъ разговоръ.

— Господъ мы были—госпожи гофъ-интендантши Пасмуровой, отвѣчалъ слѣпецъ внушительно.

— Гофъ-интендантши Пасмуровой, повторилъ я, припоминая, что мнѣ еще матушка разсказывала что-то такое о гофъ интендантшѣ Пасмуровой, какъ о большой, по тогдашнему, барынѣ.

— Ваша госпожа была здѣсь довольно знатное и извѣстное лице? сказалъ я.

При этомъ вопросѣ лицо старика окончательно просвѣтлѣло.

— Госпожа наша, началъ онъ, не торопясь и съ удареніемъ, была, можетъ, наипервая особа въ Россіи: только званье имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умнѣйшаго ума были дама.

— Хорошо, говорятъ, жила, открыто? спросилъ.

—По-царски или какъ бы фельдмаршальшѣ какой подобаетъ. Своей братьи, помѣщиковъ, круглый годъ неразъѣздная была. Въ домѣ сорокъ комнатъ, и то по годовымъ праздникамъ тѣсно бывало. Словно саранчи налетитъ съ мамками, съ дѣтьми, съ няньками; всѣмъ пріемъ былъ, заключилъ старикъ какимъ-то чехвальнымъ тономъ. Я понялъ, что передо мной одинъ изъ тѣхъ старыхъ слугъ прежнихъ баръ, которые росли и старѣлись, съ одной стороны, въ модномъ, по тогдашнему, тонѣ, а съ другой—подъ палкой.

— Ты, вѣрно, управителемъ былъ? спросилъ я.

— Я былъ, сударь, отвѣчалъ старикъ, зажимая глаза и какъ бы сбираясь съ мыслями,—былъ, по нашему, по старинному сказать, главный дворецкій: одно дѣло—вся лакейская прислуга, а ихъ было человѣкъ двадцать съ музыкантами, всѣ подъ моей командой были, а паче того сервировка къ столу. Покойная госпожа наша не любила, чтобы попросту это было: каждый день парадъ! А другое: зрѣніе онѣ слабое имѣли, и по той причинѣ письма подъ диктовку ихъ писалъ, по дѣламъ тоже въ присутственныхъ мѣстахъ хожденія имѣлъ, такъ какъ я грамотѣ хорошо обученъ, и хоть законовъ доподлинно не знаю, а все съ чиновниками могъ разговаривать, умѣлъ, какъ и что сказать; до пятидесяти лѣтъ, сударь, моей жизни, окромя шелковыхъ чулковъ и тонкаго англійскаго сукна фрака, другаго платья не нашивалъ. Дай Богъ царство небесное, пользовался милостями госпожи моей!

— Нынче ужъ такихъ господъ нѣтъ, сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ, да и быть, сударь, не можетъ,—не имѣю чести знать, кто вы такіе, а по слѣпотѣ моей и лица вашего не вижу. Такихъ господъ ужъ нѣтъ, отвѣчалъ старикъ, какъ бы удерживаясь говорить со мною откровенно.

— Я здѣшній помѣщикъ и мнѣ бы очень хотѣлось поразспросить тебя о старыхъ господахъ.

Старикъ вздохнулъ.

— Девяносто седьмой годъ, сударь, живу на свѣтѣ и большую вижу во всемъ перемѣну: старые господа, такъ надо сказать, противъ нынѣшнихъ —

орлы передъ воробьями, проговорилъ онъ, значительно мотнувъ головою.

— Отчего же это? спросилъ я.

Старикъ въ раздумьи развелъ руками.

— Первое дѣло, началъ онъ, что всѣ состояніемъ-то какъ-то поразстроились, да и духу ужъ такого не имѣютъ; у нынѣшнихъ господъ какъ-то ужъ совсѣмъ поведенье другое, а прежде жили просто, всего было много: хлѣба, скота, винная сѣдка тоже своя, однѣхъ наливокъ—такъ бочками заготовлялось, медовъ этихъ, брагъ сладкихъ! Веселились и гуляли; или теперь, бывало, этихъ шутовъ и шутихъ,свезутъ всѣхъ вмѣстѣ у кого-нибудь на праздникѣ да и наустятъ другъ на дружку: тѣ и дерутся,забавляютъгосподъ;анынъче дворянство какъ-то и компаніи другъ съ другомъ мало ведутъ, все больше въ книгахъ забаву имѣютъ. На этомъ мѣстѣ старикъ пріостановился, но потомъ вдругъ началъ съ одушевленіемъ:

— Да и много ли нынъче господъ по усадьбамъ проживаютъ? развѣ какой старый да хворый, а то всѣ почесть на службѣ состоятъ, а ужъ изъ этакихъ-то большихъ персонъ такъ и нѣтъ никого. Хоть бы теперь взять: госпожа наша гофъ-интендантша, продолжалъ онъ почти съ умиленіемъ, какой она гоноръ по губерніи имѣла! По старинному намѣстника, а по нынѣшнему губернатора новаго назначаютъ: онъ еще въ Петербургѣ, а она ужъ тамъ своимъ знакомымъ министрамъ и сенаторамъ пишетъ, что такъ какъ ѣдетъ къ намъ новый губернаторъ, вы скажите ему, чтобы онъ меня зналъ, и я его знать буду. А какъ теперь дали ей за извѣстіе, что пріѣхалъ, сейчасъ изволитъ кликать меня. Я являюсь, дѣлаю мойреверансъ. Слушай,говоритъ,Яковъ Ивановъ! въ носъ всегда изволили немного выговаривать, слушай! пріѣхалъ новый губернаторъ, возьми ты лучшую тройку, поѣзжай ты въ Кострому, ступай ты къ такому-то золотыхъ дѣлъ мастеру, возьми по моей запискѣ серебряную лохань, отыщи ты, гдѣ хочешь, самолучшихъ мѣрныхъстерлядей, а еще пріятнѣе того—живаго осетра, явись ты отъ моего имени къ губернатору, объяви объ себѣ, что такъ и такъ госпожа твоя гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама пріѣхать не можетъ, но заочно дѣлаетъ ему поздравленіе съ пріѣздомъ и, какъ обывательницаздѣшняя,кланяетсяему, вмѣсто хлѣба-соли, рыбой въ лохани; тотъ принимаетъ, мнѣ сейчасъ отличнѣйшее угощеніе дѣлаютъ, госпожѣ нашей изволятъ они писать письмо.

—Дружелюбіе, значитъ, и началось, замѣтилъ я въ тонъ старику.

— Именно, что дружелюбіе, слово ваше справедливое! подхватилъ онъ: по той причинѣ, что какъ теперь его превосходительство начальникъ губерніи изволитъ на ревизію поѣхать, такъ и къ намъ въ гости, и наѣзды бывали богатѣющіе. Нынѣшніе вотъ губернаторы, какъ видали и слыхали, съ форсомъ тоже ѣздятъ, пріема и уваженія себѣ большаго требуютъ, страхъ хотя бы маленькимъ чиновникамъ отъ нихъ великій бываетъ, но, знавши все это по старинѣ, нынѣшніе противъ того ничего не значатъ.

— А прежде что жъ? спросилъ я.

Яковъ Ивановъ пригнулъ на нѣкоторое время голову на сторону и началъ:

—Прежде, сударь, бывало, губернаторъ по губерніи ѣхалъ аки владыка земной: что однихъ чиновниковъ этихъ при особѣ его состояло, что этого дворянства по дорогѣ пристанетъ! Одинъ былъ, не смѣю имени его наименовать, такъ съ супругой еще всегда изволили по губерніи ѣздить, а тѣ, съ позволенія сказать, по женской своей слабости къ собачкамъ пристрастіе имѣли. Про собачекъ этихъ особый экипажъ шелъ, а для охраненія ихъ нарочный исправникъ ѣхалъ, да какъ-то по нечаянности одну собачку и потерялъ; такъ ея превосходительство губернаторша, не взирая на свой великій санъ, по щекѣ

его ударила при всей публикѣ, да изъ службы еще за то выгнали,—времена какія были-съ!

— Хорошія были времена, простыя, замѣтилъ я.

—Просто было-съ, заключилъ Яковъ Ивановъ; потомъ, подумавъ, продолжалъ: бывало, сударь, вся эта компанія наѣдетъ къ намъ, сутки трои, четыре, недѣлю гостятъ, и теперь какую бы губернаторъ въ домѣ вещь ни похвалилъ, часы ли, картину ли, мису ли серебряную, я ужъ заранѣе такой приказъ имѣю, что какъ вечеръ, такъ и несу къ нимъ въ опочивальню, докладываю, что госпожѣ нашей очень пріятно, что такая-то вещь имъ понравилась, и просятъ принять ее.

— Неужели же старуха все это изъ чехвальства дѣлала? спросилъ я.

—Чехвальство чехвальствомъ, отвѣчалъ Яковъ Ивановъ: конечно, и самолюбіе онѣ большое имѣли, но паче того выгоды свои изъ того извлекали. Примѣрно такъ доложить, по губернскому правленію имѣнье теперь въ продажу идетъ, и госпожа наша, хоть бы по дружественному расположенію начальниковъ губерніи, на какое только окомъ своимъ взглянутъ, то и будетъ наше. Коли хоша я, повѣренный госпожи Пасмуровой, пришелъ на торги въ присутствіе, никто ужъ изъ покупателей не сунется: всякъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ. Поблагодаришь, кого и чѣмъ слѣдуетъ, а за имѣнье что дали, то и ладно. Бѣлогривское имѣнье намъ, сударь, этакъ попало по 120 рублей въ тѣ времена, а я пріѣхалъ принимать вотчину, да по 200 рублей съ мужиковъ старой недоимки собралъ, и извольте считать, почто оно намъ пришло.

Говоря это, старикъ, видимо, не сообразилъ, какъ онъ проговаривался, и когда я почти невольно воскликнулъ:

— Старикъ! вѣдь это грѣхъ, вѣдь это тоже воровство.—онъ потупился и отвѣчалъ смиреннымъ тономъ и вздохнувъ:

— Грѣхъ, сударь; въ нищенствѣ и слѣпотѣ моей все теперь вижу и чувствую; въ заповѣди Господней сказано: не пожелай дома ближняго твоего, ни села его, ни раба его, а старушка наша имѣла къ тому зависть, хотя и то надобно сказать, всѣ люди, всѣ человѣки, не безъ слабости. На послѣднія слова онъ сдѣлалъ болѣе сильное удареніе.

— Выгодчики были съ барыней-то своей, еще какіе! вмѣшалась вдругъ возившаяся около печки Грачиха: про имѣнье разсказываешь—нѣтъ, ты лучше разскажи, какъ вы дворянина за свою вотчину въ рекруты отдали, продолжала она, выходя изъ-за перегородки и вставая подъ полати, причемъ взялась одной рукой за брусъ, а другою уперлась въ жирный бокъ свой.

Яковъ Ивановъ немного нахмурился.

— Какъ дворянина? спросилъ я.

— А и сдали, отвѣчала Грачиха: не любила, сударь, ихъ госпожа генеральша мужиковъ своихъ подъ красную шапку отдавать, всѣ ей были нужны да надобны, такъ дворянинъ на ту пору небогатенькій прилучился: дурашной этакой съ роду, маленькаго что-ли изурочили, головища большая, плоская была, а разума очень мало имѣла, ни счету, ни дней, ничего не зналъ, ну, а дворянствомъ своимъ занимался тоже, разумѣлъ это.Вотъ соколики эти и подъѣхали къ нему и стали его уговаривать: ты, говорятъ, баринъ, а живешь по работникамъ у мужиковъ, лучше бы въ службу шелъ. Теперь, говорятъ, ты грамотѣ не поученъ и тебя по дворянскому роду не примутъ, а ступай за нашу вотчину, а послѣ и объявишь объ себѣ, тебя какъ дворянина и поведутъ. Тотъ съ дуру-то, родныхъ тоже никого не было, чтобы разговорить да посовѣтовать, а они его винищемъ поили да пряниками кормили, съ дуру и согласился. Привели баринка въ присутствіе, объявили за простаго мужика, крикнули: лобъ! надѣли лямку, и ступай, значитъ, маршъ за одно съ рекрутами. Года черезъ три или четыре тотъ и заявляетъ

своему начальнику: я, говоритъ, дворянинъ. Какой, говоритъ, ты дворянинъ! пошугалъ его маненько, а онъ все свое: дворянинъ да и только, и пошелъ къ начальству выше, объявляетъ то же. Тѣ смотрятъ по бумагамъ: видятъ, мужикъ; отрапортовали ужъ, какъ надо. Сердечный баринокъ нашъ взялъ да и отступился, оттрубилъ за ихъ вотчину тридцать пять годковъ. Документщики какіе были. Може, за эти выдумки родной кровью своей теперь и платятся, заключила въ полголоса Грачиха, указавъ глазами на Якова Ивановича, который въ свою очередь, весь ея разсказъ слушалъ потупивъ голову и ни слова не возражая. Я постарался опять перемѣнить разговоръ и спросилъ старика:

— Кому жъ имѣнье госпожи вашей досталось? Я видѣлъ, усадьба какая-то разоренная, запущенная, домъ развалился...

— Въ опекѣ, сударь, наше имѣнье состоитъ, отвѣчалъ онъ, видимо довольный этимъ переходомъ. Ну, и опекуны также люди чужіе: либо заняться ничѣмъ не хотятъ, либо себѣ въ карманъ тащатъ; не то, что ужъ до хозяйства что касается, а оброчниковъ, и тѣхъ въ порядкѣ не держатъ, пьяницы да мотуны живутъ безъ страха, а которые дома побогатѣе были, къ тѣмъ прижимы частые: то сына, говорятъ, въ рекруты отдадимъ, то самого во дворъ возьмемъ.

— И откупайся, значитъ, мужичекъ; прежде-то вы ужъ больно много денегъ нажили, подхватила Грачиха.

Яковъ Ивановъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова и продолжалъ:

— Противъ чиновниковъ тоже вотчина никакой заступы не имѣетъ. Прежде, бывало, при покойной госпожѣ, дворовые наши ребята ужъ точно что народъ былъ буйный. Храмоваго праздника не проходило, чтобы буйства не сдѣлали, цѣлые базары разбивали, и тутъ начальство, понимаючи, чьи и какой госпожи это люди, больше словомъ, что упросятъ, то и есть, а нынче небольшой бы, кажется, человѣкъ, нашъ становой приставъ командуетъ, наказуетъ у насъ по деревнямъ все изъ интересу этого поганаго, къ которому, кажется, такое пристрастіе имѣетъ, что тотъ самый день считаетъ въ жизни своей потеряннымъ, въ который выгоды не имѣлъ по службѣ. Я какъ-то разъ, встрѣтивши его въ городѣ, говорю, за что и за какія вины, говорю, сударь, вы такъ ужъ очень вотчину покойной госпожи моей обижаете? Ахъ, говоритъ, старецъ почтенный, гдѣ нынче намъ, земской полиціи, стало поначальствовать, какъ не въ опекунскихъ имѣніяхъ: времена пошли строгія; за дѣла брать нельзя, а что безъ дѣла сорвешь, то и поживешь—смѣется-съ!

А. Писемскій.

---

85. СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ
Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
«Вотъ!», говорятъ, «посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выдти
Въ бой.... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель!
Слава ему!»—И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистра; шумной тол

Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: «Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родоса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ, смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи, на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить».— Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: «Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность — рыцарю честь. Но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь краснѣя, отвѣтствовалъ: «первый
Рыцарскій долгъ есть покорность». — И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ ты, сынъ мой, нарушилъ; ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить.—«Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего ордена, честь христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ:
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Со змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: *дерзай!* и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: «ты рыцарь; однихъ ли враговъ христіанства
«Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:
«Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
«Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой—искусство,
«Мужествомъ—мудрость должны управлять.» И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило. Найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенья, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ немедля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою; на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,

Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатое чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконецъ побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершились три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родосу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ, и ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ; на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ, и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ, у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ.
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и, раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близь часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ вездѣсущему Господу Богу
Душу мою и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ.
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи, змѣй грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукою бросаю копье: но, ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло.
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено всталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся

шелся онъ по аллеямъ; липы немного постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дрокомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла! вскрикнула вдругъ Леночка, войдя въ небольшую зеленую поляну, окруженную липами: насъ, кстати, пятеро.

— А Ѳедора Ивановича ты забыла? замѣтилъ ея братъ... Или ты себя не считаешь?

Леночка слегка покраснѣла.

— Да развѣ Ѳедоръ Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ... начала она.

— Пожалуйста, играйте, поспѣшно подхватилъ Лаврецкій, не обращайте вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего: у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью, точно имъ учитель урокъ прочелъ, и вдругъ посыпали отъ него всѣ прочь, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ по серединѣ, и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ; раздался слабый, но чистый звукъ и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостиную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ: ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія, но грусть о ней была томительна и нелегка: въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко: онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладана. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, еслибъ могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ, дѣйствительно, пересталъ думать о собственномъ счастіи, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ — къ чему таить правду? постарѣлъ не однимъ лицемъ и тѣломъ, постарѣлъ душею; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно, и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался, дѣйствительно, хорошимъ хозяиномъ; дѣйствительно, выучился пахать землю и трудился не для одного себя: онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ, и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицемъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденья, онъ, одинокій, бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодаго поколѣнія, оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно; сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—нечего. «Играйте, весели-

тесь, растите, молодыя силы», думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ; «жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть— и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, и благословенія нашего брата, старика, будутъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ, и хотя съ печалью, но безъ зависти, безо всякихъ темныхъ чувствъ, сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «здравствуй, одинокая старость! догорай, безполезная жизнь!»

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился: его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду, за зеленой сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

И. Тургеневъ.

---

83. ОТРОЧЕСТВО.

ПОѢЗДКА НА ДОЛГИХЪ.

Снова поданы два экипажа къ крыльцу Петровскаго дома: одинъ—карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и самъ прикащикъ Яковъ, на козлахъ; другой—бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей и недавно взятый съ оброка лакей Василій.

Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки стоитъ на крыльцѣ и креститъ окно кареты и бричку.

«Ну, Христосъ съ вами! трогай!» Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шапки и крестятся. «Но, но! съ Богомъ!» Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ, и березы большой аллеи, одна за другой, бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня. По мѣрѣ удаленія отъ предметовъ, связанныхъ съ тяжелыми воспоминаніями, наполнявшими до сей поры мое воображеніе, воспоминанія эти теряютъ свою силу и быстро замѣняются отраднымъ чувствомъ сознанія жизни, полной силы, свѣжести и надежды.

Рѣдко провелъ я нѣсколько дней, не скажу—весело: мнѣ еще какъ-то совѣстно было предаваться веселью, но такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія. У меня предъ глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не могъ проходить безъ содроганія, ни закрытаго рояля, къ которому не только не подходили, но на которой и смотрѣли съ какою-то боязнью, ни траурныхъ одеждъ (на всѣхъ насъ были простыя дорожныя платья), ни всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, живо напоминая мнѣ невозвратимую потерю, заставляли меня остерегаться каждаго проявленія жизни, изъ страха оскорбить какъ нибудь ея память. Здѣсь, напротивъ, безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадныя чувства довольства настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано, рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бываютъ люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ, по рѣшительному лицу Василья видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло,—вскакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвшись какъ ракъ, раздуваетъ Митька форейторъ; на дворѣ

сыро и туманно, какъ будто паръ поднимается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба и соломенныя крыши просторныхъ навѣсовъ, окружающихъ дворъ, глянцовитыя отъ росы, покрывающей ихъ. Подъ ними виднѣются наши лошади, привязанныя около кормягъ, и слышно ихъ мѣрное жеваніе. Какая нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкой рысцей отправляется на другую сторону двора. Хлопотунья хозяйка отворяетъ скрипящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычаніе и блеяніе стада, и перекидывается словечкомъ съ сонной сосѣдкой. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду, выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже полощутся проснувшіяся утки; и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное, съ окладистой бородой, лице Филиппа и на толстыя жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ, мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движенье. Маша съ различными предметами, которые она платьемъ старается скрыть отъ нашего любопытства, чаще и чаще пробѣгаетъ мимо насъ; наконецъ отворяется дверь и насъ зовутъ пить чай.

Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выноситъ то то, то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрашиваетъ Марью Ивановну выѣзжать ранѣе. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садится по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору вмѣсто сидѣнія, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено наканунѣ и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ орѣховый чайный ящикъ съ треугольной крышкой, который отдаютъ къ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обомнется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только-что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкой, длинной лентой вьется впереди, между полями засохшаго жнивья и блестящей росою зелени; кое-гдѣ при дорогѣ попадается угрюмая ракита или молодая березка съ мелкими, клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колеи и мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсню жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ съѣденнаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать— признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постоялом дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, забываю исполнять этотъ обрядъ, со мною случается какое нибудь несчастіе, я стараюсь исправить свою ошибку: снимая фуражку, поворачиваюсь въ уголокъ брички, читаю молитвы и крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду въ разсѣянности повторяю одни и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-

то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными, оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ, тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ, одна за другою, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти? Вотъ коляска, четверкой, на почтовыхъ быстро несется на встрѣчу. Двѣ секунды—и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули, и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго, и что ихъ никогда, можетъ быть, не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя, косматыя лошади въ хомутахъ съ захлеснутыми за шлеи постромками; и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которыхъ на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка, чуть слышно, побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой парень ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лице и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что мнѣ кажется, верхъ счастія — быть ямщикомъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ, далеко за оврагомъ, виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленой крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ возовъ, запряженныхъ тройками сытыхъ толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороною. «Что везете?» спрашиваетъ Василій у перваго извощика, который, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально - безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. »Съ какимъ товаромъ?» обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго, подъ новой рогожей, лежитъ другой извощикъ. Русая голова съ краснымъ лицемъ и рыжеватой бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается—и мнѣ приходятъ мысли, что, вѣрно, эти извощики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ.

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на красивыя цыфры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно безпокоить меня, я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовые столбы и на цыфры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія на счетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. «Двѣнадцать верстъ составляютъ треть тридцати шести, а до Липецъ сорокъ одна, слѣдовательно мы проѣхали одну треть и сколько?» и т. д.

«Василій», говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ удить рыбу на козлахъ, «пусти меня на козлы, голубчикъ». Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами: онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячокъ, Лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ изу-

ченныя мною до малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ свойствъ каждой.

— Отчего это нынче Дьячокъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филиппъ? нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячокъ!

— А Неручинская ничего не везетъ, говорю я.

— Дьячка нельзя налѣво впрягать, говоритъ Филиппъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе: не такая лошадь, чтобъ его на лѣвую пристяжку запрягать. Налѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобъ, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

И Филиппъ съ этими словами нагибается на правую сторону и, подергивая возжей изъ всѣхъ силъ, принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ, какъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и не смотря на то, что Дьячокъ старается изъ всѣхъ силъ и воротитъ всю бричку, Филиппъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть, неизвѣстно для чего, свою шляпу на одинъ бокъ, хотя она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мнѣ поправить. Филиппъ даетъ мнѣ сначала одну возжу, потомъ другую; наконецъ всѣ шесть возжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него, хорошо ли? но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною недоволенъ: говоритъ, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей груди и отнимаетъ у меня возжи. Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуваться, какъ мыльные пузыри, выше и выше, сходиться и принимаютъ темно-сѣрыя тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ; Василій, съ удивительной ловкостью, на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ вотрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы всѣ выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до моста, между тѣмъ какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ колеса, съ обѣихъ сторонъ руками поддерживаютъ карету, какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отправляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣй. Иногда, во время жара, проѣзжая черезъ рощу, мы отстаемъ отъ кареты, нарываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устраиваемъ на бричкѣ бесѣдку. Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ карету, и Любочка пищитъ при этомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ, чего она никогда не забываетъ дѣлать при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать. Вотъ ужъ запахло деревней — дымомъ, дегтемъ, баранками; послышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубенчики уже звенятъ не такъ, какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы, съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыя кое-гдѣ просовывается лице любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчишки и дѣвочки въ однѣхъ рубашенкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро семеня въ пыли босыми ноженками, не смотря на угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами и жестами одинъ передъ другимъ стараются заманить проѣзжающихъ. Тпрру! ворота скрипятъ, вальки цѣпляютъ за

воротища, и мы въѣзжаемъ на дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

Гр. Л. Толстой.

---

82. СТАРАЯ БАРЫНЯ.

Изба, куда я вошелъ, была большая и опрятная, стѣны струганныя, печь бѣлая, перегородка отъ нея досчатая, лавка и полицы чисто вымытыя. Въ переднемъ углу подъ образами стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ старикъ съ бритой бородой, съ двумя сѣдыми клочками волосъ на вискахъ, съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ и, какъ видно, слѣпой. Одѣтъ онъ былъ въ синій стариннаго покроя суконный сюртукъ, изъ-подъ котораго виднѣлась манишка съ брыжами и кашмировый полосатый жилетъ, тоже, должно быть, очень старинный. Весь этотъ ветхій костюмъ его былъ чистъ и сбереженъ наперекоръ, кажется, самому времени. Рядомъ съ нимъ помѣщалась тоже очень опрятная и благообразная старушка, въ худенькомъ, старомъ капорѣ и въ ситцевомъ ваточномъ капотѣ. На первый взглядъ я подумалъ, что это бѣдные дворяне. При входѣ моемъ старушка сейчасъ же встала и сказала что-то старику: тотъ приподнялся и оба поклонились мнѣ.

— Садитесь, пожалуйста, мѣсто будетъ, сказалъ я.

— Ничего сударь, отвѣчала старушка какимъ-то жеманнымъ голосомъ, отодвигая свои скудные пожитки въ мѣшечкѣ.

— Сидите, пожалуйста, повторилъ я. Старикъ прислушался къ моимъ словамъ и, ощупавъ съ осторожностью слѣпца лавку, сѣлъ, а потомъ, опершись на свою клюку, уставилъ на меня свои мутные глаза; старушка не садилась и продолжала стоять въ довольно почтительной позѣ. Я догадался, что это не дворяне.

— Куда ѣдете, любезные? спросилъ я.

— Въ губернскій городъ, милостивый государь, отвѣчалъ старикъ печальнымъ голосомъ.

— Дѣдушки, батюшка, охотника этого провожаютъ, его дѣдушки подхватила хозяйка, ставившая на столъ самоваръ.

— Дѣды этого молодца? сказалъ я.

— Дѣды, отвѣчалъ, глубоко вздохнувъ старикъ и потупилъ свою сѣдую голову.

— А званья какого?

— Мѣщане, ваше высокородіе.

— Изъ роду мѣщане?

— Никакъ нѣтъ-съ, напередъ того были господскіе люди.

— Не въ этомъ бы мѣстѣ внуку Якова Иваныча надо быть, вмѣшалась хозяйка: вотъ при немъ, при старикѣ, говорю, продолжала она, въ свою пору былъ большой человѣкъ, куражливый. Пріѣдетъ, бывало, на квартиру, такъ знай хозяйка что дѣлать, не подай вчерашняго кушанья или самоваръ нечищенный. Старикъ горько улыбнулся.

— Не думали и мы, сударыня, что наше родное дѣтище будетъ такимъ, проговорила старушка своимъ жеманнымъ и нѣсколько плаксивымъ тономъ.

— Что говорить! мать моя, что говорить! подхватила хозяйка, тоже плачевнымъ тономъ.

— Остался послѣ дочери моей родной, продолжала старушка: словно ненаглядный бриліантъ для васъ; думали, утѣхой да радостью будетъ въ нашемъ одиночествѣ да старости; обучали какъ дворянскаго сына; отпустили въ Москву по торговой части къ людямъ, кажется, хорошимъ.

— Что говорить, что говорить, мать моя! подхватила еще разъ хозяйка.

— Что жъ онъ, загулялъ тамъ? спросилъ я.

— Богъ знаетъ, сударь, какъ сказать: хозяева ли обижали, или самъ себя не поберегъ, отвѣчала старушка.

Старикъ горько улыбнулся и перебилъ жену:

— Онъ еще съ дѣтства себя не берегъ, оттого что въ баловствѣ родился

и выросъ; другіе промышленники по этому же дѣлу, еще въ мальчикахъ живши, въ дома присылаютъ, а нашъ все изъ дому пишетъ да требуетъ: посылали, посылали, наконецъ сами въ разоренье пришли. А тутъ слышимъ, что по такимъ дѣламъ пошелъ, что, пожалуй, и въ острогъ попадетъ. Стали писать и звать, такъ только черезъ два года явился: пришелъ нагъ и босъ. Обули, одѣли, думая, что на нашихъ глазахъ исправленіе будетъ, а вмѣсто того, съ первой же недѣли потащилъ все изъ дому въ кабакъ... Съ каждымъ словомъ въ голосѣ старика слышалось болѣе и болѣе строгости, и на глазахъ старушки навернулись слезы.

— Чьихъ же вы господъ были? спросилъ я, чтобы прекратить этотъ видимо тяжелый для нихъ разговоръ.

— Господъ мы были—госпожи гофъинтендантши Пасмуровой, отвѣчалъ слѣпецъ внушительно.

— Гофъ-интендантши Пасмуровой, повторилъ я, припоминая, что мнѣ еще матушка разсказывала что-то такое о гофъ интендантшѣ Пасмуровой, какъ о большой, по тогдашнему, барынѣ.

— Ваша госпожа была здѣсь довольно знатное и извѣстное лице? сказалъ я.

При этомъ вопросѣ лицо старика окончательно просвѣтлѣло.

— Госпожа наша, началъ онъ, не торопясь и съ удареніемъ, была, можетъ, наипервая особа въ Россіи: только званье имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умнѣйшаго ума были дама.

— Хорошо, говорятъ, жила, открыто? спросилъ.

—По-царски или какъ бы фельдмаршальшѣ какой подобаетъ. Своей братьи, помѣщиковъ, круглый годъ неразъѣздная была. Въ домѣ сорокъ комнатъ, и то по годовымъ праздникамъ тѣсно бывало. Словно саранчи налетитъ съ мамками, съ дѣтьми, съ няньками; всѣмъ пріемъ былъ, заключилъ старикъ какимъ-то чехвальнымъ тономъ. Я понялъ, что передо мной одинъ изъ тѣхъ старыхъ слугъ прежнихъ баръ, которые росли и старѣлись, съ одной стороны, въ модномъ, по тогдашнему, тонѣ, а съ другой—подъ палкой.

— Ты, вѣрно, управителемъ былъ? спросилъ я.

— Я былъ, сударь, отвѣчалъ старикъ, зажимая глаза и какъ бы сбираясь съ мыслями,—былъ, по нашему, по старинному сказать, главный дворецкій: одно дѣло—вся лакейская прислуга, а ихъ было человѣкъ двадцать съ музыкантами, всѣ подъ моей командой были, а паче того сервировка къ столу. Покойная госпожа наша не любила, чтобы попросту это было: каждый день парадъ! А другое: зрѣніе онѣ слабое имѣли, и по той причинѣ письма подъ диктовку ихъ писалъ, по дѣламъ тоже въ присутственныхъ мѣстахъ хожденія имѣлъ, такъ какъ я грамотѣ хорошо обученъ, и хоть законовъ доподлинно не знаю, а все съ чиновниками могъ разговаривать, умѣлъ, какъ и что сказать; до пятидесяти лѣтъ, сударь, моей жизни, окромя шелковыхъ чулковъ и тонкаго англійскаго сукна фрака, другаго платья не нашивалъ. Дай Богъ царство небесное, пользовался милостями госпожи моей!

— Ныньче ужъ такихъ господъ нѣтъ, сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ, да и быть, сударь, не можетъ,—не имѣю чести знать, кто вы такіе, а по слѣпотѣ моей и лица вашего не вижу. Такихъ господъ ужъ нѣтъ, отвѣчалъ старикъ, какъ бы удерживаясь говорить со мною откровенно.

— Я здѣшній помѣщикъ и мнѣ бы очень хотѣлось поразспросить тебя о старыхъ господахъ.

Старикъ вздохнулъ.

— Девяносто седьмой годъ, сударь, живу на свѣтѣ и большую вижу во всемъ перемѣну: старые господа, такъ надо сказать, противъ нынѣшнихъ —

орлы передъ воробьями, проговорилъ онъ, значительно мотнувъ головою.

— Отчего же это? спросилъ я.

Старикъ въ раздумьи развелъ руками.

— Первое дѣло, началъ онъ, что всѣ состоянiемъ-то какъ-то поразстроились, да и духу ужъ такого не имѣютъ; у нынѣшнихъ господъ какъ-то ужъ совсѣмъ поведенье другое, а прежде жили просто, всего было много: хлѣба, скота, винная сѣдка тоже своя, однѣхъ наливокъ—такъ бочками заготовлялось, медовъ этихъ, брагъ сладкихъ! Веселились и гуляли; или теперь, бывало, этихъ шутовъ и шутихъ, свезутъ всѣхъ вмѣстѣ у кого-нибудь на праздникѣ да и наустятъ другъ на дружку: тѣ и дерутся, забавляютъ господъ; а нынче дворянство какъ-то и компанiи другъ съ другомъ мало ведутъ, все больше въ книгахъ забаву имѣютъ. На этомъ мѣстѣ старикъ прiостановился, но потомъ вдругъ началъ съ одушевленiемъ:

— Да и много ли нынче господъ по усадьбамъ проживаютъ? развѣ какой старый да хворый, а то всѣ почесть на службѣ состоятъ, а ужъ изъ этакихъ-то большихъ персонъ такъ и нѣтъ никого. Хоть бы теперь взять: госпожа наша гофъ-интендантша, продолжалъ онъ почти съ умиленiемъ, какой она гоноръ по губернiи имѣла! По старинному намѣстника, а по нынѣшнему губернатора новаго назначаютъ: онъ еще въ Петербургѣ, а она ужъ тамъ своимъ знакомымъ министрамъ и сенаторамъ пишетъ, что такъ какъ ѣдетъ къ намъ новый губернаторъ, вы скажите ему, чтобы онъ меня зналъ, и я его знать буду. А какъ теперь дали ей за извѣстiе, что прiѣхалъ, сейчасъ изволитъ кликать меня. Я являюсь, дѣлаю мой реверансъ. Слушай, говоритъ, Яковъ Ивановъ! въ носъ всегда изволили немного выговаривать, слушай! прiѣхалъ новый губернаторъ, возьми ты лучшую тройку, поѣзжай ты въ Кострому, ступай ты къ такому-то золотыхъ дѣлъ мастеру, возьми по моей запискѣ серебряную лохань, отыщи ты, гдѣ хочешь, самолучшихъ мѣрныхъ стерлядей, а еще прiятнѣе того—живаго осетра, явись ты отъ моего имени къ губернатору, объяви объ себѣ, что такъ и такъ госпожа твоя гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама прiѣхать не можетъ, но заочно дѣлаетъ ему поздравленiе съ прiѣздомъ и, какъ обывательница здѣшняя, кланяется ему, вмѣсто хлѣба-соли, рыбой въ лохани; тотъ принимаетъ, мнѣ сейчасъ отличнѣйшее угощенiе дѣлаютъ, госпожѣ нашей изволятъ они писать письмо.

—Дружелюбiе, значитъ, и началось, замѣтилъ я въ тонъ старику.

— Именно, что дружелюбiе, слово ваше справедливое! подхватилъ онъ: по той причинѣ, что какъ теперь его превосходительство начальникъ губернiи изволитъ на ревизiю поѣхать, такъ и къ намъ въ гости, и наѣзды бывали богатѣющiе. Нынѣшнiе вотъ губернаторы, какъ видали и слыхали, съ форсомъ тоже ѣздятъ, прiема и уваженiя себѣ большаго требуютъ, страхъ хотя бы маленькимъ чиновникамъ отъ нихъ великiй бываетъ, но, знавши все это по старинѣ, нынѣшнiе противъ того ничего не значатъ.

— А прежде что жъ? спросилъ я.

Яковъ Ивановъ пригнулъ на нѣкоторое время голову на сторону и началъ:

—Прежде, сударь, бывало, губернаторъ по губернiи ѣхалъ аки владыка земной: что однихъ чиновниковъ этихъ при особѣ его состояло, что этого дворянства по дорогѣ пристанетъ! Одинъ былъ, не смѣю имени его наименовать, такъ съ супругой еще всегда изволили по губернiи ѣздить, а тѣ, съ позволенiя сказать, по женской своей слабости къ собачкамъ пристрастiе имѣли. Про собачекъ этихъ особый экипажъ шелъ, а для охраненiя ихъ нарочный исправникъ ѣхалъ, да какъ-то по нечаянности одну собачку и потерялъ; такъ ея превосходительство губернаторша, не взирая на свой великiй санъ, по щекѣ

его ударила при всей публикѣ, да изъ службы еще за то выгнали,—времена какія были-съ!

— Хорошія были времена, простыя, замѣтилъ я.

—Просто было-съ, заключилъ Яковъ Ивановъ; потомъ, подумавъ, продолжалъ: бывало, сударь, вся эта компанія наѣдетъ къ намъ, сутки трои, четыре, недѣлю гостятъ, и теперь какую бы губернаторъ въ домѣ вещь ни похвалилъ, часы ли, картину ли, мису ли серебряную, я ужъ заранѣе такой приказъ имѣю, что какъ вечеръ, такъ и несу къ нимъ въ опочивальню, докладываю, что госпожѣ нашей очень пріятно, что такая-то вещь имъ понравилась, и просятъ принять ее.

— Неужели же старуха все это изъ чехвальства дѣлала? спросилъ я.

—Чехвальство чехвальствомъ, отвѣчалъ Яковъ Ивановъ: конечно, и самолюбіе онѣ большое имѣли, но паче того выгоды свои изъ того извлекали. Примѣрно такъ доложить, по губернскому правленію имѣнье теперь въ продажу идетъ, и госпожа наша, хоть бы по дружественному расположенію начальниковъ губерніи, на какое только окомъ своимъ взглянутъ, то и будетъ наше. Коли хоша я, повѣренный госпожи Пасмуровой, пришелъ на торги въ присутствіе, никто ужъ изъ покупателей не сунется: всякъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ. Поблагодаришь, кого и чѣмъ слѣдуетъ, а за имѣнье что дали, то и ладно. Бѣлогривское имѣнье намъ, сударь, этакъ попало по 120 рублей въ тѣ времена, а я пріѣхалъ принимать вотчину, да по 200 рублей съ мужиковъ старой недоимки собралъ, и извольте считать, во что оно намъ пришло.

Говоря это, старикъ, видимо, не сообразилъ, какъ онъ проговаривался, и когда я почти невольно воскликнулъ:

— Старикъ! вѣдь это грѣхъ, вѣдь это тоже воровство.—онъ потупился и отвѣчалъ смиреннымъ тономъ и вздохнувъ:

— Грѣхъ, сударь; въ нищенствѣ и слѣпотѣ моей все теперь вижу и чувствую; въ заповѣди Господней сказано: не пожелай дома ближняго твоего, ни села его, ни раба его, а старушка наша имѣла къ тому зависть, хотя и то надобно сказать, всѣ люди, всѣ человѣки, не безъ слабости. На послѣднія слова онъ сдѣлалъ болѣе сильное удареніе.

— Выгодчики были съ барыней-то своей, еще какіе! вмѣшалась вдругъ возившаяся около печки Грачиха: про имѣнье разсказываешь—нѣтъ, ты лучше разскажи, какъ вы дворянина за свою вотчину въ рекруты отдали, продолжала она, выходя изъ-за перегородки и вставая подъ полати, причемъ взялась одной рукой за брусъ, а другою уперлась въ жирный бокъ свой.

Яковъ Ивановъ немного нахмурился.

— Какъ дворянина? спросилъ я.

— А и сдали, отвѣчала Грачиха; не любила, сударь, ихъ госпожа генеральша мужиковъ своихъ подъ красную шапку отдавать, всѣ ей были нужны да надобны, такъ дворянинъ на ту пору небогатенькій прилучился: дурашной этакой съ роду, маленькаго что-ли изурочили, головища большая, плоская была, а разума очень мало имѣла, ни счету, ни дней, ничего не зналъ, ну, а дворянствомъ своимъ занимался тоже, разумѣлъ это.Вотъ соколики эти и подъѣхали къ нему и стали его уговаривать: ты, говорятъ, баринъ, а живешь по работникамъ у мужиковъ, лучше бы въ службу шелъ. Теперь, говорятъ, ты грамотѣ не поученъ и тебя по дворянскому роду не примутъ, а ступай за нашу вотчину, а послѣ и объявишь объ себѣ, тебя какъ дворянина и поведутъ. Тотъ съ дуру-то, родныхъ тоже никого не было, чтобы разговорить да посовѣтовать, а они его винищемъ поили да пряниками кормили, съ дуру и согласился. Привели баринка въ присутствіе, объявили за простаго мужика, крикнули: лобъ! надѣли лямку, и ступай, значитъ, маршъ за одно съ рекрутами. Года черезъ три или четыре тотъ и заявляетъ

своему начальнику: я, говоритъ, дворянинъ. Какой, говоритъ, ты дворянинъ! пошугалъ его маненько, а онъ все свое: дворянинъ да и только, и пошелъ къ начальству выше, объявляетъ то же. Тѣ смотрятъ по бумагамъ: видятъ, мужикъ; отрапортовали ужъ, какъ надо. Сердечный баринокъ нашъ взялъ да и отступился, оттрубилъ за ихъ вотчину тридцать пять годковъ. Документщики какіе были. Може, за эти выдумки родной кровью своей теперь и платятся, заключила въ полголоса Грачиха, указавъ глазами на Якова Ивановича, который въ свою очередь, весь ея разсказъ слушалъ потупивъ голову и ни слова не возражая. Я постарался опять перемѣнить разговоръ и спросилъ старика:

— Кому жъ имѣнье госпожи вашей досталось? Я видѣлъ, усадьба какая-то разоренная, запущенная, домъ развалился...

— Въ опекѣ, сударь, наше имѣнье состоитъ, отвѣчалъ онъ, видимо довольный этимъ переходомъ. Ну, и опекуны также люди чужіе: либо заняться ничѣмъ не хотятъ, либо себѣ въ карманъ тащатъ; не то, что ужъ до хозяйства что касается, а оброчниковъ, и тѣхъ въ порядкѣ не держатъ, пьяницы да мотуны живутъ безъ страха, а которые дома побогатѣе были, къ тѣмъ прижимы частые: то сына, говорятъ, въ рекруты отдадимъ, то самого во дворъ возьмемъ.

— И откупайся, значитъ, мужичекъ; прежде-то вы ужъ больно много денегъ нажили, подхватила Грачиха.

Яковъ Ивановъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова и продолжалъ:

— Противъ чиновниковъ тоже вотчина никакой заступы не имѣетъ. Прежде, бывало, при покойной госпожѣ, дворовые наши ребята ужъ точно что народъ былъ буйный. Храмоваго праздника не проходило, чтобы буйства не сдѣлали, цѣлые базары разбивали, и тутъ начальство, понимаючи, чьи и какой госпожи это люди, больше словомъ, что упросятъ, то и есть, а нынче небольшой бы, кажется, человѣкъ, нашъ становой приставъ командуетъ, наказуетъ у насъ по деревнямъ все изъ интересу этого поганаго, къ которому, кажется, такое пристрастіе имѣетъ, что тотъ самый день считаетъ въ жизни своей потеряннымъ, въ который выгоды не имѣлъ по службѣ. Я какъ-то разъ, встрѣтивши его въ городѣ, говорю, за что и за какія вины, говорю, сударь, вы такъ ужъ очень вотчину покойной госпожи моей обижаете? Ахъ, говоритъ, старецъ почтенный, гдѣ нынче намъ, земской полиціи, стало поначальствовать, какъ не въ опекунскихъ имѣніяхъ: времена пошли строгія; за дѣла брать нельзя, а что безъ дѣла сорвешь, то и поживешь—смѣется-съ!

А. Писемскій.

---

85. СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ
Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
«Вотъ!», говорятъ, «посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выйти
Въ бой.... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель!
Слава ему!»—И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистера: шумной толпою

Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: «Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родоса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ, смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи, на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить».— Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: «Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность — рыцарю честь. Но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь краснѣя, отвѣтствовалъ: «первый
Рыцарскій долгъ есть покорность». — И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ ты, сынъ мой, нарушилъ; ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить.—«Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего ордена, честь христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ:
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Со змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: *дерзай!* и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: «ты рыцарь; однихъ ли враговъ христіанства
«Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:
«Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
«Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой—искусство,
«Мужествомъ—мудрость должны управлять.» И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило. Найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенья, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ немедля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою; на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,

Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатое чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконецъ побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершились три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родосу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ, и ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ; на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ, и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ, у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ.
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и, раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близь часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ вездѣсущему Господу Богу
Душу мою и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ.
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи, змѣй грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукою бросаю копье: но, ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло.
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено всталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся

Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной, и уже растворилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки.
Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться... напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула чёрнымъ потокомъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся о-земь и, тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ.»
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздалися
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: «хвала!» Но магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ замолчали—
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: «Змѣя,
Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но, Богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
Нашему ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго: змѣй, отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, мамелюкъ; но покорность
Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ самъ Искупитель,
Богъ Всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы наши орденъ священный;
Тамъ, облачася крестомъ, на себя они возложили
Долгъ труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.*
Суетной славой ты былъ обольщенъ—удались; ты отнынѣ
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ,
Тотъ и Господнимъ крестомъ себя украшать недостоинъ.»
Такъ магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоящихъ поднялся
Громкій ропотъ, и рыцари ордена сами владыку
Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья, и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: «обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей крестъ возложи: онъ твой, онъ награда—смиренью.»

Шиллеръ (Пер. Жуковскій).

VII. ИДИЛЛІЯ.

86. ИДИЛЛІИ ТЕОКРИТА.

а) Рыбаки.

Любезный Діофантъ! повѣрь, одна нужда
Искусствомъ двигала отъ вѣка
И преклонила человѣка
Подъ бремя тяжкое труда.
Работникъ отдыха отраднаго не знаетъ;
Ему въ ночи не спится отъ заботъ:
Едва сомкнетъ глаза, нужда его толкаетъ,
И онъ, испуганный, отъ ложа возстаетъ.
Въ убогой хижинѣ, подъ тростниковой кровлей,
Въ стѣнахъ, сплетенныхъ изъ листвы,
Лежали на одрахъ изъ высохшей травы
Два старыхъ рыбака, измученные ловлей...
Валялися вокругъ уснувшихъ рыбаковъ
Орудія тяжелыхъ ихъ трудовъ:
Лѣсы и удочки, и неводъ и корзины,
И сѣти мокрыя въ зеленыхъ нитяхъ тины,
И верши, гнутыя изъ прутьевъ ивняка,
И козій мѣхъ; надвинутая ловко,
Стояла на каткахъ ихъ лодка, а цыновка,
Одежды ихъ и два старинныхъ колпака
Имъ изголовіемъ служили.
Въ орудьяхъ ловли все богатство рыбаковъ:
Ни утвари, ни пса... Они удачный ловъ
Своимъ верховнымъ благомъ чтили,
И бѣдность имъ была любезнѣе всего;
Сосѣда не было у нихъ ни одного;
За то со всѣхъ сторонъ ихъ море окружало
И въ хижину волной гремучею плескало.
Едва ли полнебесъ промчались бѣгуны
Селениной блестящей колесницы,
Когда у рыбаковъ раскрылися рѣсницы
И съ вѣждъ слетѣли сны.
Пробуждены заботою поденной,
Они ведутъ нехитрый разговоръ,
Подсказанный природой благосклонной.

Асфаліонъ.

Другъ! мы съ тобой слыхали съ давнихъ поръ,
Что лѣтомъ день длиннѣй, а ночь всегда короче,
Что Зевсъ возвелъ на нихъ всемилостивы очи...
Обманывали насъ—ты что ни говори:
Я видѣлъ сотни сновъ, а нѣтъ еще зари.
Иль заблуждаюсь я? Иль что же значитъ это?

Ольписъ.

Асфаліонъ! не нужно укорять
Непроизвольную пору любви и лѣта...
И какъ не хочешь ты понять?
Ночь для тебя длинна затѣмъ лишь, что заботой
Всѣ ночи у тебя, мой другъ, удлинены...

Асфаліонъ.

Умѣешь ли отгадывать ты сны?
Сегоднишній я разскажу съ охотой...
У насъ съ тобою общій ловъ—
И сны должны быть общими, пріятель!...
Ты смысломъ одаренъ, а здравый смыслъ для сновъ—
Прямой истолкователь.
Притомъ же намъ досугъ; забившися въ постель,
Безъ дѣла и безъ сна лежимъ мы, а досель
Еще небесная лампада не погасла...
По крайней-мѣрѣ *тамъ* всегда довольно масла...

Ольписъ.

Ну, что же, разскажи подробнѣе твой сонъ...

Асфаліонъ.

Вчера, трудомъ обычнымъ утомленъ,

Я послѣ ужина заснулъ, — совсѣмъ усталой...
Ты помнишь, мы съ тобой поужинали мало
И поздно. Снилось мнѣ: я на скалѣ сижу
И взоровъ съ поплавка упорно не свожу..
Вдругъ рыба грузная приманку ухватила.
Собакѣ снится хлѣбъ, а рыба рыбаку...
Моя не вдругъ сдалась желѣзному крючку:
Хотя всю воду кровь холодная багрила,
Но гнулася уда, и я съ большимъ трудомъ
Добычу тяжкую удерживалъ крючкомъ,
Водя ее въ кругахъ: «Укусишь, такъ больнѣе
Тебя я укушу!» со зла я говорилъ...
Побилася она и замерла... Вольнѣе
Я натянулъ лѣсу и бой оконченъ былъ.
И что же увидалъ я? рыбу золотую...
Да, рыбу, всю изъ золота литую!
Какъ испугался я! Быть можетъ, мною взятъ
Любимецъ самаго Нептуна, или кладъ
Лазурноокой Амфитриты?...
И съ удочки я снялъ ее слегка,
Чтобъ не были нечаянно отбиты
Пылинки золота зазубриной крючка,
И бережно, съ обычною сноровкой,
Добычу на берегъ я вытащилъ веревкой.
Потомъ я поклялся—про море позабыть
И съ золотомъ моимъ на сушѣ царски жить;
Но въ тожъ мгновенье пробудился.
Другъ, разувѣрь меня... Я клялся, я божился...

Ольписъ.

Асфаліонъ, себя напрасно не тревожь—
Ни клятвы не давалъ, ни золотой ты рыбы
Не изловилъ: твой сонъ—обманъ и ложь.
Вставай—и на берегъ, на каменныя глыбы
Спѣши скорѣе: тамъ закинешь въ море
За рыбами—не мнимыми—живыми;
Но бойся: съ голода ты можешь умереть
Съ твоими снами золотыми.

Мей.

в) Сиракузянки, или праздникъ Адониса.

Лица: Горго, Праксиноя (сиракузянки); **Эвноя, Эвтихида** (ихъ служанки); **Старуха Незнакомецъ первый, Незнакомецъ второй.**

Горго.
Дома, иль нѣтъ Праксиноя?
Эвноя.
Ахъ, Горго, какъ поздно ты!... дома.
Праксиноя.
Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей креселъ, Эвноя,
Брось и подушку.
Горго.
Спасибо; ахъ, какъ хорошо!
Праксиноя.
Ну, сиди же.
Горго.
Счастливы души безплотныя: я такъ насилу спаслася,
Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четверокъ, народу!
Все сапоги, да хламиды, все лишь военные люди.
Ну, да и путь—безъ конца! Далеко ты, мой другъ, поселилась.
Праксиноя.
Это все онъ, дуралей: на краю мнѣ свѣта здѣсь нанялъ
Нору, не домъ; и все для того, чтобъ съ тобою въ сосѣдствѣ
Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечитъ, злодѣй мой всегдашній!
Горго.
Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про мужа,
Въ слухъ при ребенкѣ: смотри, какъ глаза на тебя онъ уставилъ.
Праксиноя (къ дитяти)
Нѣтъ, мой Зопиріонъ, я говорю не про тятю, мой милый!
Горго (въ сторону).
Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ (*Въ слухъ*). Твой тятя прекрасенъ!
Праксиноя.
Этотъ тятя—вчера... (я вчерашнимъ всѣ дни называю)...
Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и селитры.
Что же принесъ онъ мнѣ?... соли!—въ тринадцать локтей мужчина!

Горго.

Тоже сдѣлалъ, точь въ точь, Діоклидъ мой, пагуба денегъ!
Далъ семь драхмъ онъ за пять овчинокъ, ну, шкуры собачьи,
Старыхъ сумъ лоскутки, на заштопкѣ заштопка, ну, гадость!—
Но надѣвай же ты платье и плащъ твой съ застежками новый;
Время, пойдемъ-ка въ палаты-царя-богача, Птоломея,
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица готовитъ
Много прекраснаго.

Праксиноя.

Дивно ли? все у богатыхъ богато.
Ты жъ, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

Горго.

Время однако отправиться: празднымъ всякій день праздникъ.

Праксиноя.

Эвноя, воды ключевой, и поставь по techинѣ; скорѣе жъ!
Ахъ ты, нѣженка! спать спокойно хотятъ ужъ и кошки.
Двигайся жъ, мигомъ воды! вода всего мнѣ нужнѣе.
Какъ она держитъ кувшинъ! Но давай! безтолковая, тише
На руки лей мнѣ! несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь!
Полно! Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась.
Ключъ отъ шкатулки большой! поскорѣе сама принеси мнѣ.

Горго.

Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье
Съ частыми сборами! прелесть! А что оно стоитъ съ работой?

Праксиноя.

Лучше не спрашивай: чистымъ сребромъ поболѣе мины,
Или и двѣ; объ работѣ молчу: приложила всю душу.

Горго.

Вышло за то по желанію.

Праксиноя.

Да, твоя рѣчь справедлива.
Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу: приладь же, смотри, хорошенько;
Такъ.—(*Къ ребенку*) А дитя не возьму я; тамъ бука, тамъ лошадь кусаетъ..,
Плачь, сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калѣкой.
Горго, идемъ. — Ну возьми же дитя, забавляй его, няня;
Въ домъ позови собаку, и двери сѣнныя запри ты.—
Боги, какая толпа!... не ужели должны перейти мы
Эту бѣду? муравьи неисчетные, нѣтъ и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птоломей, для народа ты сдѣлалъ
Послѣ того какъ къ богамъ пріобщенъ твой родитель! Злодѣи
Путникамъ болѣ не страшны египетскимъ подлымъ коварствомъ:
Прежде какимъ шаловствамъ предавались искусники эти,
Всѣ на единую стать, негодяи, разбойники, воры...
Милая Горго... что съ нами будетъ? Воины сзади,
Конники царскіе скачутъ... Другъ мой, меня ты задавишь!...
Сталъ на дыбы его рыжій!.. онъ дикъ совершенно, онъ бѣшенъ!...
Гдѣ ты, Эвноя? куда ты?... убьетъ этотъ конь человѣка!
Какъ хорошо я сдѣлала, дома оставивъ ребенка!

Горго.

Ну, ободрись, Праксиноя, теперь позади мы всѣхъ конныхъ:
Строй ихъ пошелъ на площадь.

Праксиноя.

Теперь я, мой другъ, оживаю.
Змѣя да лошади пуще всего я на свѣтѣ боюся
Съ самаго дѣтства. Пойдемъ, приближаются волны народа.

Горго (къ старухѣ, идущей на встрѣчу).

Ты изъ дворца, моя матушка?

Старуха.

Да, мои дѣти.

Горго.

Легко ли
Будетъ войти намъ?

Старуха.

Съ попыткою въ Трою вошли аргивяне:

Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.

Горго.

Слышишь? старуха уходитъ и словно оракулъ бормочетъ.

Праксиноя.

Женщины знаютъ про все, и про свадьбу Зевеса съ Юноной.

Горго.

Ахъ, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!

Праксиноя.

Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвноя,
Руку возьми и держися ея, чтобъ отъ насъ не отстала.
Надобно вмѣстѣ войти намъ; держися же насъ ты Эвноя.
Ахъ, я несчастная... платье мое ужъ разорвано, Горго,
Точно разорвано! (*Къ незнакомцу*) Ради Зевеса, да будешь ты счастливъ,
Добрый мой человѣкъ! я прошу, охраняй мое платье.

Незнакомецъ 1-й.

Здѣсь я не властенъ, но буду стараться.

Праксиноя.

Ужасная давка!
Лѣзутъ, какъ свиньи.

Незнакомецъ 1-й.

Спокойтеся, женщины, мы на просторѣ.

Праксиноя.

Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!
Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!...
Давятъ, Эвноя! впередъ, несчастная... силой ломися;
Славно! — всѣ дома, какъ тотъ говоритъ, кто жену молодую,
Введши въ свой домъ, запираетъ.

Горго.

Здѣсь остановимся прежде,
Здѣсь, Праксиноя, на эти мы ткани прежде посмотримъ:
Какъ онѣ тонки, прекрасны! твореніе божіе, скажешь.

Праксиноя.

Дѣва Аѳина! какія работали ихъ мастерицы?
Кто живописецъ, чертившій прекрасные эти рисунки?
Точно, какъ будто стоятъ и какъ будто движутся люди!
Это живое, не тканое! Много ума въ человѣкѣ!
Самъ же—о, какъ онъ прекрасенъ лежитъ на серебряномъ ложѣ,
Юный Адонисъ, первый лишь пухъ по ланитамъ разсыпавъ.
Многолюбезный Адонисъ, и въ самомъ Аидѣ любимый!

Незнакомецъ 2-й.

Вы перестанете ль, жалкія, вздоръ болтать безконечный?
Горлицы... каждую рѣчь во весь ротъ распѣваютъ несносно!

Горго.

Кто ты, другъ мой? и что тебѣ нужды, хоть мы и болтаемъ?
Слугамъ приказывай, ты сиракузянкамъ развѣ указчикъ?
Мы сиракузянки, да, чтобы зналъ ты, коринѳянки родомъ,
Такъ какъ и Беллерофонъ. Нашъ выговоръ пелопонесскій;
Но говорить по-дорически, чаю, доріянкамъ можно.

Праксиноя.

Нѣтъ, сохрани, о Сладчайшая, насъ отъ владыки другаго;
Есть онъ одинъ.—На тебя не смотрю, и въ обиду не дамся
Даромъ...

Горго.

Молчи, Праксиноя: выходитъ Адониса славить
Дѣва аргивская, та пѣснопѣвица, славная даромъ,
Коею Сперхисъ пѣвецъ побѣжденъ въ элегическихъ пѣсняхъ.
Нѣчто прекрасное, вѣрно, споетъ; вотъ, она приступаетъ.

Аргивянка (поетъ).

О владычица Голгоса, ты, что Идалію любишь,
Холмный Эриксъ посѣщаешь, Киприда, играюща златомъ!
Вотъ каковаго Адониса съ мрачныхъ бреговъ Ахерона,
Въ мѣсяцъ двѣнадцатый, вновь привели нѣжнононогія Горы,
Тихія въ шествіи, дщери боговъ, но желанныя всѣмъ намъ,

Горы, всегда приносящія что-либо нового смертнымъ.
Дщерь Діонеи, Киприда могучая, ты Беренисѣ,
Такъ человѣки гласятъ, даровала безсмертіе смертной,
Въ перси жены земнородной амвросію капая неба.
Днесь, въ благодарность тебѣ, многочтимая въ множествѣ храмовъ,
Дочь Берениси, Еленѣ Аргивской подобная ликомъ,
Здѣсь Арсиноя Адониса всѣмъ угощаетъ прекраснымъ.
Собрано все вкругъ него, что древесныя вѣтви приносятъ,
Все передъ нимъ, что сады производятъ сладчайшаго, блещетъ
Въ серебряныхъ кошахъ, и Сиріи мvро въ златыхъ алавастрахъ;
Здѣсь и снѣдомое все, что на противняхъ жены готовятъ,
Съ бѣлой мукою мѣшая цвѣты и душистыя травы,
И растворяя ихъ сладостнымъ медомъ иль свѣтлымъ елеемъ;
Все, что летаетъ и ходитъ, ядомое, здѣсь передъ гостемъ;
Здѣсь и зеленыя кущи, покрытыя нѣжнымъ анеѳомъ,
Окрестъ устроены, сверху летаютъ малютки Эроты,
Словно младые пѣвцы-соловьи, по деревьямъ кудрявымъ
Силу ихъ крылъ испытуя, летаютъ съ вѣтки на вѣтку.
Злато, эбенъ и слоновая кость, — изъ васъ образованъ
Быстрый орелъ, виночерпца младаго Крониду несущій.
Вотъ ковры пурпуровые: мягче сна ихъ поверхность,
Скажетъ про нихъ восхищенный милетянинъ или самосецъ.
Вотъ уготованы два одинаково-пышныя ложа:
Въ семъ почиваетъ Киприда, а въ томъ бѣлокурый Адонисъ,
Юный супругъ девятнадцати-лѣтній; его поцѣлуи
Нѣжны, не колютъ; уста его пухомъ едва озлатились.
Радуйся, о Афродита, обрѣтшая паки супруга!
Завтра его, при росистой зарѣ, всенародно отсюда
На берегъ мы понесемъ, передъ пѣнныя волны морскія,
И, распустивши власы, хитоны до ногъ разрѣшивши,
Мы, съ обнаженными персями, звучно начнемъ пѣснопѣнье:
«Странствуешь ты, о Адонисъ, и къ намъ и отъ насъ къ Ахерону —
Доля, какой ни единой земной полубогъ не сподобленъ:
Ни Агамемнонъ, ни грозный свирѣпствомъ герой Теламонидъ,
Ни изъ Гекубиныхъ многихъ сыновъ досточтимѣйшій Гекторъ,
Ни Патроклъ благородный, ни Пирръ, Иліона рушитель,
Ни древнѣйшіе оныхъ, Лапиѳы или Девкалиды,
Ни Пелопиды, ни родоначальники грековъ пелазги.
Милостивъ будь намъ, Адонисъ, и въ будущемъ годѣ возрадуй.
Нынѣ пришелъ ты, Адонисъ, и паки придешь намъ любезенъ!»

Горго.

Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! возвратися опять намъ на радость.

Гнѣдичъ.

---

87. ТИТИРЪ и МЕЛИБЕЙ, ЭКЛОГА ВИРГИЛІЯ.

Мелибей.

Покоясь въ тѣни, подъ зыбкимъ сводомъ ивы,

Пастухъ, сливаешь ты свирѣли звукъ игривый
Со гласомъ сельскихъ Музъ! Ты веселъ, другъ.... а я
Оставилъ родину, любезныя края,
Отечества бѣгу! Подъ тѣнью безопасной
Ты учишь пѣть лѣса о Деліи прекрасной,
И рѣзвый гулъ вдали твердитъ ее стократъ.

Титиръ.

О Мелибей, есть богъ, податель сихъ отрадъ.
И будетъ онъ мой богъ! Его алтарь священный—
Ягненокъ, съ матерью лишь только разлученный,
Здѣсь будетъ кровію своею омывать!
Взгляни на свѣтлый лугъ, къ чему другой искать?
Здѣсь стадо, здѣсь пою, здѣсь съ ровными рѣзвлюся:
Ему обязанъ всѣмъ.

Мелибей.

Безъ зависти дивлюся!
Куда ни обратись—гроза во всѣхъ мѣстахъ!
Смущаются поля!... Я самъ, при сѣдинахъ,
И дряхлъ, и слабъ, влекусь за тощими овцами;
А эту чуть веду: бѣдняжка за кустами
Теперь лишь двухъ ягнятъ несчастно родила
На нихъ-то вся моя надежда и была!
Какъ угадать бѣду! а молніи не даромъ
На дубы древніе спускалися съ пожаромъ.
Не даромъ вѣщій вранъ далъ голосъ надо мной...
Но, Титиръ, кто сей богъ, хранитель-геній твой?

Титиръ.

Ахъ, какъ же я былъ простъ! послушай для забавы.
Я думалъ: городъ сей, о коемъ столько славы,
Что Римомъ всѣ зовутъ, похожъ на нашъ родной,
Куда гоняли мы ягнятъ своихъ весной.
Такъ равнымъ матери козленокъ мнѣ казался;
Такъ малое съ большимъ равнять я пріучался.
Нѣтъ!—Римъ среди градовъ такъ высится главой,
Какъ гордый кипарисъ надъ низкою травой.

Мелибей.

Что жъ въ Римъ тебя влекло, скажи мнѣ?

Титиръ.

Что?—свобода!
Хоть поздно (такъ какъ Фебъ, въ туманные дни года),
Свобода на меня воззрѣла наконецъ.
Я молодъ былъ, лѣнивъ, отъ всѣхъ трудовъ бѣглецъ;
Едва, едва мои ланиты опушались;
Воззрѣла наконецъ—и всѣ бѣды скончались!
Забытый Лилою, а Деліей любимъ,
Я началъ помышлять, какъ жить добромъ своимъ;
А прежде, признаюсь, когда владѣлъ я Лилой,
Не думалъ объ овцахъ, ни о свободѣ милой:
Хоть часто въ городъ я водилъ своихъ ягнятъ,
Хоть сыромъ, молокомъ всегда бывалъ богатъ,
Но пользы...

Мелибей.

Такъ, теперь открылось предо мною
Кто былъ, о Делія, тоски твоей виною,
По комъ, печальная, стенала ты въ слезахъ,
Кому ты берегла плоды на деревахъ!...
Такъ, Титиръ, ты любимъ! Тебя, пастухъ счастливый,
И рѣки ждали здѣсь и дубы молчаливы,
И ближней рощи гулъ всегда къ тебѣ взывалъ!

Титиръ.

Что дѣлать? я въ цѣпяхъ неволи злой стеналъ!
Здѣсь не было боговъ страдальцу въ утѣшенье;
Но въ Римѣ, Мелибей, мой богъ, мое спасенье!

Но въ Римѣ видѣлъ я того, кому отъ насъ
Курятся алтари въ году двѣнадцать разъ.
Со взоромъ кротости онъ внялъ мое моленье;
Не бойся, мнѣ вѣщалъ, съ тобой твое владѣнье!
Здѣсь скотъ свой разводи, сюда гоняй стада.

Мелибей.

И такъ твои поля съ тобою навсегда,
О счастливый пастухъ! скажи, чего же болѣ?
Когда луга другихъ, забыты по неволѣ,
Лишь камень кажутъ намъ, лишь терномъ поросли:
Все вкругъ тебя цвѣтетъ! и вредный плодъ земли
Не будетъ пищею ягнятъ новорожденныхъ;
Ни язва не придетъ отъ стадъ къ нимъ зараженныхъ;
Жестокій брани кликъ не возгремитъ въ твой слухъ;
Не придетъ злобный врагъ, о счастливый пастухъ!
На красныхъ берегахъ спокойныхъ рѣкъ, родимыхъ,
Близь крова милаго, въ тѣни деревъ любимыхъ —
Тамъ радости твои! шагъ ступишь—и лѣсокъ!
Здѣсь перелетный рой, спускаясь на лужокъ,
Жужжаніемъ къ тебѣ сонъ сладкій призываетъ,
Здѣсь пѣсни нѣжныя садовникъ напѣваетъ,
И голуби твои, утѣха юныхъ дней,
Воркуютъ о любви надъ хижиной твоей.

Титиръ.

Пусть прежде робка лань, забывъ долины мирны,
Для паствы воспаритъ въ обители эѳирны;
Пусть прежде, измѣнивъ родительскимъ полямъ
И странствуя по всѣмъ вселенныя концамъ,
Пьетъ Германъ Тигровы, а Парѳъ Арарски воды;
Пусть прежде премѣнятъ жилище всѣ народы:
Не измѣнюсь—ему вся жизнь посвящена.

Мелибей.

А намъ, изгнанникамъ, гдѣ смерть намъ суждена?
Мы, сирые, влечемъ тяжело бремя горя
Иль въ Ливію, иль въ Кипръ; пройдемъ равнины моря—
Въ безвѣстный, новый міръ — въ британскіе лѣса!...
Ахъ! если нѣкогда позволятъ небеса
Еще хоть разъ одинъ увидѣть лѣсъ знакомой
И бѣдну хижину, покрытую соломой:
Что, что тогда найду на нивѣ я родной?
Колосьевъ нѣсколько, подавленныхъ травой!
Какъ! лучшія поля, трудовъ, раченья трата,
Должны добычей быть пришельца-супостата?
Добычей варвара и жатва и плоды?...
О мщеніе боговъ, гражданскія вражды!
Теперь трудись, нашъ братъ, при холодѣ, при знoѣ!
Теперь-то, Мелибей, разсаживай въ покоѣ
Свой добрый виноградъ, хранимый для дѣтей!...
Ступайте козы, вы, отрада лучшихъ дней,
Счастливый прежде скотъ! ступайте... нѣтъ! ужъ болѣ,
Сидя въ прохладѣ древъ, въ безпечности на волѣ,
Не буду видѣть васъ, любуясь издали,
Висящихъ на краю тѣнистыя скалы!
Прости, цвѣтущій край! вы, пѣсенки, простите!
Что, козы бѣдныя, что томно вы глядите?
Нѣтъ! вы не будете уже въ глазахъ моихъ
Ощипывать листы кусточковъ молодыхъ!

Титиръ.

Постой, куда спѣшишь? я плачу самъ съ тобою!
Чѣмъ бѣдному помочь? останься здѣсь со мною».
Всѣмъ радъ, чѣмъ Богъ послалъ. Есть яблони у насъ,

Каштаны, добрый сыръ; теперь покоя
часъ!
Смотри: уже туманъ въ дали сталъ подниматься,
И тѣни, съ горъ склонясь, длиннѣе становятся.

Мерзляковъ.

---

88. ГЕЗІОДЪ И ОМИРЪ, СОПЕРНИКИ.

(изъ мильвуа).

Народы, какъ волны, въ Халхиду текли.
Народы счастливой Эллады!
Тамъ сильный владыка, надъ прахомъ отца
Окончa печальны обряды,
Ристалище славы бойцамъ отверзалъ.
Три раза съ румяной денницей
Бойцы выступали съ бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ;
И трижды владѣтель Халхиды
Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Ѳетиды
Склонялось, и новый готовился бой.
Очистите поле, возницы!
Спѣшите! Залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы!
Коней отрѣшите отъ тягостныхъ узъ
И въ стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потомъ покрыты бойцы,
При пламени свѣтломъ вздохните!
Внемлите народы, Эллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!

Пройдя изъ края въ край гостепріимный міръ,
Лѣтами древними и рокомъ удрученный,
Здѣсь пѣсней царь, Омиръ,
И юный Гезіодъ, Каменамъ драгоцѣнный,
Вступаютъ въ славный бой.
Колебля маслину священную рукой,
Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокій начинаетъ
(Онъ съ лирой никогда свой гласъ не сочетаетъ):

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша, съ стадами я бродилъ
Подъ тѣнью пальмовой близь чистой Ипокрены;
Тамъ пастыря нашли прелестныя Камены,
И я въ обитель ихъ священную вступилъ.

Омиръ.

Мнѣ снилось въ юности, орелъ громометатель
Отъ Мелеса меня, играючи, унесъ
На край земли, на край небесъ,
Вѣщая: ты земли и неба обладатель.

Гезіодъ.

Тамъ лавры хижину простую осѣнятъ,
Въ пустыняхъ процвѣтутъ Темпейскія долины,
Куда вы бросите свой благотворный взглядъ,
О нѣжны дочери суровой Мнемозины.

Омиръ.

Хвала отцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
Надъ царствомъ высится плачевнаго Эреба,
Какъ радостный Олимпъ стоитъ превыше неба:
Такъ выше всѣхъ боговъ—властитель ихъ Зевесъ!

Гезіодъ.

Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны,
Вы, Музы, любите сплетаться въ хороводъ,
Или, торжественный въ Олимпъ свершая ходъ,
Съ безсмертными вкушать напитокъ Гебы рьяный.

Омиръ.

Не знаетъ смерти онъ: кровь алая тельцовъ
Не брызнетъ подъ ножемъ надъ Зевсовой гробницей
И кони бурные со звонкой колесницей
Предъ ней не будутъ прахъ крутить до облаковъ.

Гезіодъ.

А мы всѣ скромные, всѣ Паркамъ обреченны,
Увидимъ области подземнаго царя,
И рѣки спящія, Тенаромъ заключенны,
Не льющи дань свою въ бездонныя моря,

Омиръ.

Я приближаюся къ метѣ сей неизбѣжной.
Внемли, о юноша! ты пѣлъ труды и дни...
Для старца ветхаго ужъ кончились они!

Гезіодъ.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжной,
На синемъ Стримонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаще твоего поетъ въ послѣдній разъ!
Твой геній проницалъ въ Олимпъ, и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что жъ? Въ юдоли сей страдалецъ искони,
Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончить дни.
Пѣвецъ божественный, скитаяся какъ нищій,
Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ пищи,
Слѣпецъ всевидящій! ты будешь проклинать
И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

Омиръ.

Твой гласъ подобится амврозіи небесной.
Что Геба юная сапфирной чашей льетъ.
Пѣвецъ! въ устахъ твоихъ поэзіи прелестной
Сладчайшій Ольмія благоухаетъ медъ.
Но, Музъ любимый жрецъ! страшись руки злодѣйской,
Страшись любви, страшись Эвбеи береговъ!
Твой близокъ часъ: увы! тебя Зевесъ Немейской,
Какъ жертву славную, готовитъ для враговъ.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи ихъ... народъ рукоплескалъ;
Но снова сладкій бой поэты начинали,
При шумѣ радостныхъ похвалъ.
Омиръ, возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
Народовъ, гибнущихъ по прихоти царей;
Пріама древняго, съ мольбой несуща дани
Убійцѣ грозному и кровныхъ и дѣтей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харитъ и легкихъ Оръ и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимпъ и дикій Адъ.
А юный Гезіодъ, взлелѣянный Парнасомъ,
Съ чудесной прелестью воспѣлъ веселымъ гласомъ
Весну, раскошную сопутницу Гіадъ:
Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
Какъ дни и мѣсяцы родятся въ небесахъ,
Какъ нивой золотой Церера награждаетъ
Труды годичные оратая въ поляхъ.
Заботы сладкія при сборѣ винограда,
Тебя, желанный Миръ, лелѣятель долинъ,
Благословенныхъ селъ, и пастырей, и стада,
Онъ пѣлъ. И слабый царь, Халкиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь мира,
Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира
И пальму первенства сопернику вручилъ.
Счастливый Гезіодъ въ награду получилъ
За пѣсни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножникъ позлащенный
И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.
За нимъ, предъ нимъ, сыны ахейскіе, какъ волны,
На край ристалища обширнаго спѣшатъ,
Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
При возліяніяхъ, овна младую кровь
Довременно богамъ подземнымъ посвящаетъ
И музамъ свѣтлые сосуды предлагаетъ,
Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь;

До самой старости преслѣдуемый роком,
Но духомъ царь, не рабъ разгнѣванной судьбы,
Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
Снѣдая грусть свою въ молчаніи глубокомъ.
Рожденный въ Самосѣ убогій сирота
Слѣпца изъ края въ край, какъ сынъ усердный, водитъ;
Онъ съ нимъ пристанища въ Элладѣ не находитъ:
И гдѣ найдутъ его талантъ и нищета?

Батюшковъ.

---

89. ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ И ПОСЕЛЯНКА.

Путешественникъ.

Благослови Господь
Тебя младая мать,
И тихаго младенца,
Приникшаго къ груди твоей!
Здѣсь, подъ скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
Сложивши ношу, отдохну
Отъ зноя близь тебя.

Поселянка.

Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ палящій зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городскіе
Разносишь по селеньямъ?
Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

Путешественникъ.

Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣетъ;
Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

Поселянка.

Взойди на верхъ горы:
Въ кустарникѣ тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студеный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

Путешественникъ.

Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мною!
Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Поселянка.

Иди впередъ.

Путешественникъ.

Покрытый мохомъ архитравъ!
Я узнаю тебя, творящій геній:
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камняхъ.

Поселянка.

Все далѣ, странникъ.

Путешественникъ.

И надпись подъ моей ногою,
Ее затерло время:
Ты удалилось,
Глубоко-врѣзанное слово,
Рукой творца нѣмому камню
Напрасно ввѣренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья.

Поселянка.

Дивишься, странникъ,
Ты этимъ камнямъ?
Подобныхъ много
Близь хижины моей.

Путешественникъ.

Гдѣ? гдѣ?

Поселянка.

Тамъ на вершинѣ,
Въ кустахъ.

Путешественникъ.

Что вижу? Музы и Хариты!

Поселянка.

То хижина моя.

Путешественникъ.

Обломки храма.

Поселянка.

Вблизи бѣжитъ
И ключъ студеный,
Въ которомъ воду мы беремъ.

Путешественникъ.

Не умирая, вѣешь
Ты надъ своей могилой,
О геній! надъ тобою
Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье...
А ты безсмертенъ.

Поселянка.

Помедли, странникъ, я подамъ
Кувшинъ напиться изъ ручья.

Путешественникъ.

И плющъ обвѣсилъ
Твой ликъ, божественно-прекрасный.
Какъ величаво

Надъ этой грудою обломковъ
Возносится чета столбовъ!
А здѣсь ихъ одинокій братъ.
О, какъ они —
Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны —
Скорбя величественно, смотрятъ
На раздробленныхъ
У ногъ ихъ братій!
Въ тѣни шиповниковъ зеленыхъ,
Подъ камнями, подъ прахомъ
Лежатъ они, и вѣтеръ
Травой надъ ними шевелитъ.
Какъ мало дорожишь, природа,
Ты лучшаго созданья своего
Прекраснѣйшимъ созданьемъ!
Сама святилище свое
Безчувственно ты раздробила
И тернъ посѣяла на немъ.

Поселянка.

Какъ спитъ младенецъ мой!
Войдешь ли, странникъ,
Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь на волѣ отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя,
А я кувшинъ водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.

Путешественникъ.

Прекрасенъ твой покой!
Какъ тихо дышитъ онъ,
Исполненный небеснаго здоровья!
Ты, на святыхъ остаткахъ
Минувшаго рожденный,
О, будь съ тобой его великій геній!
Кого присвоитъ онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ.
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный!
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ
И дай богатый плодъ.

Поселянка.

Услышь тебя, Господь! А онъ все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ—даръ скудный, но отъ сердца.

Путешественникъ.

Благодарю тебя.
Какъ все цвѣтетъ кругомъ
И живо зеленѣетъ!

Поселянка.

Мой мужъ придетъ
Черезъ минуту съ поля
Домой; останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.

Путешественникъ.

Жилище ваше здѣсь?

Поселянка.

Здѣсь, близко этихъ стѣнъ
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ;
Мы въ ней и поселились.
Меня за пахаря онъ выдалъ
И умеръ на рукахъ у насъ...
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ веселъ онъ! какъ онъ играетъ!
О милый!

Путешественникъ.

О вѣчный сіятель, Природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь.
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижины пріютной.
Высоко на карнизѣ храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилаетъ,
Лѣпя свое гнѣздо.
Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовитъ зимнее жилище
Своей семьѣ.
А ты среди великихъ
Минувшаго развалинъ
Для нуждъ своихъ житейскихъ
Шалашъ свой ставишь, человѣкъ,
И счастливъ надъ гробами.
Прости, младая поселянка.

Поселянка.

Уходишь, странникъ?

Путешественникъ.

Да Богъ благословитъ
Тебя и твоего младенца!

Поселянка.

Прости же, добрый путь.

Путешественникъ.

Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою!

Поселянка.

Дорога эта въ Кумы.

Путешественникъ.

Далекъ ли путь?

Поселянка.

Три добрыхъ мили.

Путешественникъ.

Прости.
О, будь моимъ вождемъ, Природа!
Направь мой страннический путь!
Здѣсь надъ гробами
Священной древности скитаюсь;
Дай мнѣ найти приютъ,
Отъ хладовъ сѣвера закрытый,
Чтобъ зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сѣнью отвѣвала.
Когда жъ въ вечерній часъ
Усталый возвращусь
Подъ кровъ домашній,
Лучемъ заката позлащенный, —
Чтобъ на порогъ моихъ дверей
Ко мнѣ на встрѣчу вышла
Подобно милая подруга
Съ младенцемъ на рукахъ.

Жуковскій.

---

90. УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рана такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! Мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
За то и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано поутру —
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь,
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ;
Да чу! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
«Небесный Царь, услыши насъ!
Твое владычество приди,
Насъ въ искушенье не введи,
На путь спасенія наставь
И отъ лукаваго избавь».

Зачѣмъ же, звѣздочка-краса,
Всегда такъ рано въ небеса?...
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою во слѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ;
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И, тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но чтожъ? увидятся ли?... Нѣтъ.
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?... Ужъ не блеститъ;
Печально-бѣдная бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ:
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно —
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ,
И въ небѣ ласточка кружитъ,
И дымъ клубится изъ печей,
И будитъ мельницу ручей,
И тихо рдѣетъ темный боръ,
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Но кто тамъ въ утреннихъ лучахъ

Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-краса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь, на тверди голубой,
Моя звѣзда-подружка ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты—
О звѣздочка-душа моя,
Не испугался бъ солнца я!

Жуковскій.

91. ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучемъ
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы:
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копна собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ немудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ:
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай! уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ, въ долъ глядитъ
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

Жуковскій.

92. ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

Солдатъ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила;
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

Солдатъ.

Быть такъ,
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ.
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

Первый Пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и семъ лѣчили
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

Второй Пастухъ.

На, руку; обопрись! да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложися!

Солдатъ.

Спасибо, другъ, Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я,
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта;
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши:
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ составчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ, словомъ,
И спать не хочется! игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

Третій Пастухъ.

И мы бъ, землякъ, играть не отказались,
Да лихъ нельзя! Село далеко, стадо жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь.
Какъ быть! но вотъ и кашица поспѣла.
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое житье-бытье:
Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ—
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ.

Вздоръ мелешь, малый! уши вянутъ. полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться! Да нынѣ жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой,
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;

Убрались всѣ какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Не далеко ушли же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи.

Ухъ! страшно, страшно!

Солдатъ

А между тѣмъ курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ: отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й Пастухъ.

Э, братцы,
Смотрите, вонъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдатъ.

Помоги
Мнѣ встать: солдату вытянуться надо...

Офицеръ (подъѣхавъ).

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

Солдатъ.

Въ минуту, ваше благородье!

Офицеръ.

Ба!
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье,
За рану въ чистую уволенъ.

Офицеръ.

Съ Богомъ!
Снеси жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей,
Въ Парижѣ Русскіе отмстили честно
Пожаръ Московскій. Ну, прости, товарищъ!

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!
(*Офицеръ уѣзжаетъ*).
Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и во вѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку-Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно?

Дельвигъ.

---

93 ЧЕРВЯЧОКЪ.

«Смотри-ка, Миша, говорила Лизанька, остановившись возлѣ цвѣтущаго кустарника: кто-то наклеилъ на листокъ хлопчатую бумагу; не ты ли это?

—Нѣтъ, отвѣчалъ Миша, развѣ Саша или Володя.

«Гдѣ Володѣ это сдѣлать! продолжала Лизанька: посмотри, какъ искусно растянуты эти тоненькія ниточки и какъ крѣпко онѣ держатся на зеленомъ листкѣ».

—Смотри-ка, сказалъ Миша: тамъ что-то круглое.—Съ сими словами проказникъ хотѣлъ было сдернуть наклеенную хлопку.

«Ахъ, нѣтъ! не трогай! вскричала Лизанька, удерживая Мишу и присматриваясь, къ листочку: тутъ червячекъ, видишь, шевелится.»

Дѣти не ошибались: въ самомъ дѣлѣ, на листкѣ цвѣтущаго кустарника, подъ легкимъ прозрачнымъ одѣяльцемъ, похожимъ на хлопчатую бумагу, въ тонкой скорлупѣ, лежалъ червячекъ. Ужъ давно лежалъ онъ тамъ, давно уже вѣтерокъ качалъ его колыбельку, и онъ сладко дремалъ въ своей воздушной постелькѣ. Разговоръ дѣтей пробудилъ

червячка; онъ просверлилъ окошко въ своей скорлупкѣ, выглянулъ на Божій свѣтъ, смотритъ—свѣтло, хорошо и солнышко грѣетъ: задумался нашъ червячекъ. «Что это, говоритъ онъ, никогда мнѣ еще такъ тепло не было: видно не дурно на Божіемъ свѣтѣ; дай, подвинусь подальше.»

Еще разъ онъ стукнулъ въ скорлупку и окошечко сдѣлалось дверцей: червячекъ просунулъ голову, еще, еще—и наконецъ совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки; смотритъ сквозь свой прозрачный занавѣсъ, а возлѣ него на листкѣ капля сладкой росы и солнышко въ ней играетъ, и какъ будто радужное сіяніе ложится отъ нея на зелень.

«Дай-ка напьюся сладкой водицы», сказалъ червячекъ; потянулся, анъ не тутъ-то было: кто это? вѣрно маменька червячка такъ крѣпко прикрѣпила занавѣску; нельзя и приподнять ее даже! что же дѣлать? Вотъ нашъ червячекъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и принялся подтачивать то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ—и наконецъ поднялась занавѣска; червячекъ подлѣзъ подъ нее и напился сладкой водицы. Весело ему на свѣжемъ воздухѣ; теплый вѣтерокъ машетъ на червячка, колышетъ скорлупку росы и съ цвѣтовъ сыплетъ на него душистую пыль.

«Нѣтъ, говоритъ червячекъ, ужъ впередъ меня не обманутъ. Затѣмъ мнѣ опять идти подъ душное одѣяло и сосать сухую скорлупу? Останусь-ка я лучше на просторѣ; здѣсь много душистыхъ цвѣтовъ, много и крючечковъ разсыпано по листьямъ: есть за что уцѣпиться»...

Не успѣлъ червячекъ выговорить, какъ вдругъ—смотритъ—листья между собою зашумѣли и мошки въ тревогѣ зажужжали, небо потемнѣло, самое солнышко со страха спряталось за тучку; вороны каркаютъ, утки гогочутъ; и вотъ дождикъ полился ливнемъ; подъ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море; волною захлеснуло малютку; дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ: и холодно и страшно ему стало; едва онъ опомнился и наконецъ собралъ силы и снова, помахивая головой, побрелъ подъ хлопчатую занавѣску, въ родимую постельку.

Вотъ согрѣлся малютка; между тѣмъ дождикъ пересталъ, солнышко опять показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ.

«Нѣтъ, сказалъ опять червячекъ, теперь меня не обманутъ: зачѣмъ мнѣ выходить изъ родимаго гнѣздышка на холодъ и сырость? видишь, солнышко какое хитрое: приманитъ, пригрѣетъ—а нѣтъ чтобы отъ дождя защитить!»

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій. Червячекъ все лежитъ въ хлопчатомъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается; иногда выставитъ головку, пощиплетъ листокъ и опять въ колыбельку; вотъ онъ смотритъ: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло недѣли, какъ у червячка явилась теплая, узорчатая шубка. Еслибъ вы видѣли, какіе цвѣты разсыпала по ней природа! она опоясала ее красными лентами, вдоль посадила желтыя, мохнатыя пуговки, къ шейкѣ пустила черныя и зеленыя жилки.

«Ге! ге! сказалъ червячекъ самъ себѣ, неужели въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать на моей постелькѣ, да смотрѣть на занавѣску? Неужели только и дѣла на семъ свѣтѣ?—Мнѣ ужъ, признаться, надоѣла постелька,—тѣсно въ ней, скучно—еслибъ на свѣтъ посмотрѣть и себя показать—можетъ быть, я на что и другое гожусь. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, неужели дождя бояться? да мнѣ, въ моей шубкѣ, и дождикъ не страшенъ; дай попробую, пощеголяю въ моемъ новомъ нарядѣ».

Вотъ червячекъ снова приподнялъ занавѣску: смотритъ, надъ нимъ цвѣточекъ только что распустился, каплетъ изъ него сахарный медъ и манитъ къ себѣ малютку; не утерпѣлъ червячекъ, приподнялся, крѣпко обвился вокругъ шейки цвѣтка и жадно поцѣловалъ своего новаго друга; смотритъ—надъ нимъ другой цвѣтокъ еще лучше того; онъ къ нему, — потомъ еще третій, еще

лучше; всѣ они шепчутся между собою, играютъ съ малюткой и брызжутъ въ него липчатымъ медомъ; зарѣзвился нашъ червячекъ, забылся,—нежданно повѣялъ вѣтеръ и стряхнулъ червячка на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ щеголемъ? какъ найти ему родимое гнѣздышко? Однакожъ онъ приподнялъ головку, осмотрѣлся. «Ну что жъ, думалъ, бѣда еще не велика, оплошалъ такъ оплошалъ!—въ другой разъ наука; не зачѣмъ же мнѣ опять въ колыбельку. Нѣтъ, нечего колыбельки держаться, пора жить и своимъ умомъ». Сказалъ и поползъ куда глаза глядятъ; вотъ доползъ онъ до вѣтки, расщипалъ ее—жестко! онъ дальше, еще, еще—и доползъ до листка; попробовалъ—вкусно.

«Нѣтъ, сказалъ червячекъ, теперь буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣтерокъ!» и закинулъ за листокъ паутину.

Сглодалъ онъ листокъ, на другой потащился, а потомъ и на третій. Весело червячку! вѣтеръ ли пахнетъ—онъ прикорнетъ къ паутинѣ; тучка ли набѣжитъ — его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печетъ—онъ подъ листокъ, да и смѣется надъ солнцемъ насмѣшникъ.

Но были для червячка и горькія минуты. То, смотритъ, птичка летитъ, глазки въ него уставляетъ; а иногда подлетитъ, да и носикомъ толкъ его подъ бокъ. Но червячекъ не простакъ: онъ притворится, притаится будто мертвый, а птичка и прочь отъ него. Было и горше этого: онъ потащится на новый листокъ, а смотритъ—на немъ сидитъ большой, мохнатый паукъ съ крючьями на ногахъ, шевелитъ кровавою пастью и растягиваетъ сѣтку надъ червячкомъ.

Иногда проходили мимо червячка злые люди и говорили между собою: «Ахъ, проклятые червяки! побросать бы ихъ всѣхъ на землю, да растоптать хорошенько.»

Червячекъ, слыша такія рѣчи, уходилъ въ глубокую чащу и по цѣлымъ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лизанька съ Мишей брали его въ руки, чтобы полюбоваться его разноцвѣтной шубкой, и хотя они были добрыя дѣти, не хотѣли сдѣлать зла червячку, но такъ неосторожно мяли его въ рукахъ, что потомъ бѣдный червячекъ уже едва дыша всползалъ на родимую вѣтку.

Вотъ между тѣмъ лѣто прошло, уже много цвѣтовъ поблекло и на ихъ мѣстѣ шумѣли головки съ сочными зернами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежняго повѣвалъ вѣтерокъ, и чаще накрапывалъ крупный дождикъ. Лизанька и Миша уже вспомнили о своей шубкѣ и спорили, чья лучше: у нихъ или у червячка. Червячекъ замѣтилъ, что листки уже стали не такъ душисты и сочны, солнце не такъ тепло, но и самъ ужъ онъ сдѣлался не такъ живъ и все ему на свѣтѣ сдѣлалось уже не такъ утѣшно, какъ прежде.

«Что жъ, думаетъ онъ, довольно я на свѣтѣ пожилъ, поработалъ, испыталъ и горе и радость, пилъ горькую и сладкую росу, пощеголялъ и шубкой, дружился съ цвѣтами; не вѣкъ же ползать попустому на землѣ, пора быть чѣмъ нибудь лучше.»

Онъ спустился съ листа, протянулся мимо блестящей капли росы, вспомнилъ, какъ ея струйки веселили его, малютку, и поползъ далѣе въ чащу зелени; онъ сталъ искать тѣнистаго, скромнаго мѣста, удаленнаго отъ шума и свѣта, нашелъ его, пріютился и началъ важную работу въ своей жизни. Когда Лизанька съ Мишей отыскали своего червячка— они очень удивились, что ихъ старый знакомый ничего не ѣлъ и не пилъ, а цѣлые часы безпрестанно трудился надъ своимъ дѣломъ. Въ чемъ же была работа червячка? Эта работа была важная, любезныя дѣти: червячекъ готовился умереть и строилъ себѣ могилу!

Долго трудился надъ ней, наконецъ скинулъ съ себя свою узорчатую шубку, промолвивъ: «Тамъ въ ней не будетъ нужды», и заснулъ сномъ покойнымъ. Не стало червячка, лишь на листкѣ

качался его безжизненный гробокъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но недолго спалъ червячекъ. Вдругъ онъ чувствуетъ—забилось въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъ-подъ брюшка и на спинѣ что-то зашевелилось; еще минута—и распалась его могилка; червячекъ смотритъ—онъ не червякъ, ему не надобно ползать по землѣ и цѣпляться за листики: развились у него большія радужныя крылья; онъ свободенъ, онъ гордо поднимается на воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти. Нерѣдко видите вы, что тотъ, съ которымъ рѣзвились и играли на мягкомъ лугу, завтра лежитъ бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья, и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилу, — и вашего друга какъ не бывало! Но не вѣрьте: вашъ другъ не умеръ; раскрывается его могила—и онъ, невидимо для насъ, въ образѣ свѣтлаго ангела, возлетаетъ на небо.

Древніе замѣтили это сходство между превращеніемъ бабочки и безсмертіемъ человѣка, и оттого на своихъ картинахъ и статуяхъ изображали человѣка съ бабочкиными крыльями для того, чтобы люди не забыли, что они, проживя свой вѣкъ, испытавъ горе и радость, снова, какъ бабочка, возвратятся въ новую жизнь, и что смерть есть только перемѣна одежды. Такъ, можетъ быть, встрѣтите изображеніе Платона, мудреца древности, съ бабочкиными крыльями: его изображали такъ потому, что онъ краснорѣчивѣе другихъ говорилъ о безсмертіи души и о жизни послѣ смерти.

Кн. В. Одоевскій.

VIII. БАЛЛАДА.

94. ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ....
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

«О спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-Хранитель
Бѣду отъ странничей главы.»

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зритъ—убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ,—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
«И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья

И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей».

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной...
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!»

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
«И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ».

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена!
Для всѣхъ сердецъ печаль одна,
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Пританов окружилъ народъ,
И вопитъ: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ;
И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вдругъ, сверкая взоромъ,
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: *казнь!*
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

«Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;

Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ, тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

«Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну,—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ».

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой тишина.
И тихой мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о Силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Пароеній, слышишь?.. Крикъ вдали!
То Ивиковы журавли!»...
И небо вдругъ покрылось тьмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летитъ.

«Что? Ивикъ!»... Все поколебалось—
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!...
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?»

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «убійца тутъ;
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!»

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ — былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть—была имъ приговоръ.

Жуковскій.

---

95. ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ:
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
—Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.—
О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.

Дитя, оглянися, младенецъ, ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои».

—Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.—

О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.

«Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять.»

—Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.—
О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
—Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать. —

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ:
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

---

96. НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы-егеря,
Встаютъ старики-гренадеры;
Встаютъ изъ подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу;
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи-кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту,
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ,
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ!
И «Франція» тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ «Святая Елена».
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

Жуковскій.

---

97. ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы, и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ онъ къ рулю и садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И, долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ.

---

98. ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,

Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ,
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ:
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Царяграда,
И волны и суша покорны тебѣ,
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
Незримый хранитель могучему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга, прощальной рукой,
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня».
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видитъ на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости:
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ,
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!

Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь...

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ, выползала:
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась,
Ивскрикнулъвнезапноужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

---

99 БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Эй, пошелъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... Что тамъ въ полѣ?—
«Кто ихъ знаетъ; пень иль волкъ!»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вотъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

А. Пушкинъ.

---

100. ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И, побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались эллины—тризну
Въ честь минувшаго свершить
И въ желанную отчизну
Къ берегамъ Эллады плыть.
Пойте, пойте гимнъ согласный!
Корабли обращены

От враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ,
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.
Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать!
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калкасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей онъ воззвалъ,
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ.
Судъ оконченъ, споръ рѣшился,
Прекратилася борьба;
Все исполнила Судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея,
Обозрѣлъ полковъ число:
Въ слѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло...
И внезапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали...
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ!
Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей...
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).
Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близь Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительной измѣны!
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.
Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ.
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!...
Сколькихъ низкихъ родъ щадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.
Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты твоею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахилъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли:
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ
(Діомедъ провозгласилъ):
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь:
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье!
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ.
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ:
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ!
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!

Жуковскій.

---

101. ВЛАСЪ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на божій храмъ.
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ.

Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было, побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ.

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Ворое съ нищаго сдеретъ.

Бралъ съ роднаго, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутаго, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ!

Власу худо—кличетъ знахаря;
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ—а Власъ лежитъ
И построитъ церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта представленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза;
Еѳіопы—видомъ черные
И какъ угліе глаза,

Крокодилы, змѣи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестикрылатъ.

Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ.

Сочтены дѣла безумныя...
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать...

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно съ-роду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Словомъ истины Евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань...

Ходитъ съ образомъ и книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары—

И даютъ, даютъ прохожіе....
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной...

Некрасовъ.

---

102. ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянной.
Дороденъ былъ князь. Конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной!
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Свого отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи князь до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану».

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ отдаленьи литовцы кругомъ,—

Безъ шапокъ толпятся у входа;
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ».

Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно царю напишу;
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо».

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышитъ,
Прочтетъ—улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ;
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло ему на отраду
Посланіе, полное яду.

Но кто жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова?
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно на князя сомнѣнья нашли....
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь наши меня не догнали!»

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
«Ты тѣломъ здоровъ и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!»
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки».

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой;
Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ;
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ
И звону внимаетъ московскій народъ,
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричнини кромѣшная тьма,
И Васька Грязной и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съдѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ: на жезлъ опираясь, идетъ,
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье.
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигая народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.

И, спрянувъ съ коня, онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго князя Андрея!»
И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихова?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!

Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль и внимаетъ:
«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ.
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?

«Отвѣтствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Безъ счету твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный,

«И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ

За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ судьею предстану!»
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.

Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ;
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ-будто исполненъ печали;
И всѣ въ ожиданьи молчали.
И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной.
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ недостойный и смрадный.

«Гонецъ, ты не рабъ, а товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ».
Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ другу приходятъ на смѣну:
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну!»

И царь вопрошаетъ: «Ну что же гонецъ?
Назвалъ ли онъ князя друзей наконецъ?»
— Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!—
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять зачалася работа.

«Ну, что же, назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?»
— Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!

«О князь! ты, который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О князь, я молюсь, да проститъ тебя Богъ
Измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ
Но въ сердцѣ любовь и прощенье,—
Помилуй... мои прегрѣшенья...

Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ!
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино:
За Грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!»
Такъ умеръ Шибановъ стремянной.

Гр. А. Толстой.

---

103. ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ,
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ,
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И Кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ;
«Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
Все царскій мой духъ восхищаетъ...
Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
«Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ»—

Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель);
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ:
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь заряждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.—

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ,
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ священникъ съ дарами.

«И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ,
Съсердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею—въ воду.

«Куда?» изумившійся графъ вопросилъ.
—Въ село: умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.—

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя,
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье

Всѣ блага земныя, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье».—

Да будетъ же Вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды!—

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой
И слезы свои, отъ толпы золотой,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

Жуковскій.

ЛИРИКА.

I. ОДА.

104. ОДЫ ГОРАЦІЯ.

а) къ меценату (книга 1, ода 1).

О Меценатъ, царей древнѣйшихъ порожденье,
Мое сокровище, оплотъ и украшенье!
Иному радостно, что олимпійскій прахъ,
Не трогая меты, на жаркихъ колесахъ
Онъ можетъ подымать, и пальмою надменной
Возвышенъ до боговъ, властителей вселенной;
Тому, коль вѣтряной квиритскою толпой
Онъ предназначенъ вновь для почести тройной;
Другому, коль собрать онъ въ житницы успѣетъ
Все то, что на поляхъ ливійскихъ ни созрѣетъ;
Взлюбившаго бразды отеческихъ полей
Сокровищами всѣхъ пергамскихъ богачей
Не увлечешь во-вѣкъ, чтобъ, въ страхѣ непогоды,
Онъ путь проборораздилъ кормиломъ черезъ воды.
Купецъ, испуганный свирѣпостью вѣтровъ,
Намъ выхваляетъ лѣнь родимыхъ береговъ
И мирныя поля; но скоро суетится
У сломленныхъ снастей: онъ бѣдности боится!
Иному весело, за чашей круговой
Массійскаго вина, безпечно день-деньской
Лежать, раскинувшись подъ вишней наклоненной
Иль у священныхъ водъ Наяды полусонной.
Премногимъ нравится шумъ лагерный и зыкъ
Роговъ и трубъ, войны неистовый языкъ,
Противный матерямъ... Подъ хладной тучей снѣжной
Охотникъ о женѣ не вспоминаетъ нѣжной,
Коль псами вѣрными лань слѣдомъ поднята
Иль бѣшеный кабанъ прорвался въ тенета.
Меня жъ—зеленый плащъ, премудраго награда,
Равняетъ божествамъ; меня лѣсовъ прохлада
Да хоры легкихъ Нимфъ и Фавновъ при лунѣ
Возносятъ надъ толпой, доколь по старинѣ
Евтерпа флейту мнѣ звончатую даруетъ
И Полигимнія съ ней лиру согласуетъ.
Коль ты жъ меня почтишь лирическимъ пѣвцомъ,
Я вознесусь до звѣздъ торжественнымъ челомъ.

А. Фетъ.

в) къ аполлону (кн. I, ода 31).

Чего пѣвцу, склонясь, просить у Аполлона,
Чего молить, лія изъ чаши сокъ младой?
Не жатвы тучныя благаго небосклона
Сардиніи златой;
Не стадъ Калабріи растительной и знойной,
Не злата, не костей, что породилъ востокъ,
Не пастбищъ, что Лирисъ кропитъ волной спокойной,

Не говорливый токъ.
Каленскимъ пусть ножемъ тотъ лозы подчищаетъ,
Кому ихъ рокъ послалъ; изъ златодонныхъ чаръ
Пусть пьетъ богачъ-купецъ вино, что промѣняетъ
На сирскій свой товаръ.
Онъ милъ самимъ богамъ за то, что прихотливый
Въ годъ разъ до четырехъ пересѣкать онъ радъ
Безвредно океанъ. Моя же снѣдь — оливы,
Цикорій да салатъ.
Дай, сынъ Латоны, мнѣ готовымъ наслаждаться,
Но съ тѣмъ молю, чтобъ духъ безвредно сохранить,
Благообразныя преклонности дождаться,
Да цитры не забыть.

А. Фетъ.

в) къ деллію (кн. II, ода 3).

Покой не забывай душевный сохранять
Въ минуты трудныя, а также и веселій
Безумныхъ въ счастіи старайся избѣгать:
Вѣдь все же смертенъ ты, О Деллій!
Хоть цѣлый вѣкъ живи печаленъ и угрюмъ,
Но праздникъ радостью встрѣчай нелицемѣрной
И, лежа на травѣ, гоняй приливы думъ
Старинной влагою Фалерна.
Гдѣ съ бѣлымъ тополемъ огромная сосна
На тѣнь отрадную спѣшитъ соединиться
Вѣтвями длинными, и рѣзвая волна
Съ трудомъ въ излучинахъ струится,
Туда духовъ, вина и радостныхъ цвѣтовъ
Вели намъ принести недолговѣчной розы...
Пока богатъ и юнъ, ты позабыть готовъ
Прядущихъ трехъ сестеръ угрозы.
Оставишь ты лѣса, что накупилъ, и домъ,
И виллу, гдѣ волной прибрежной Тибръ желтѣетъ,
Оставишь навсегда, и нажитымъ добромъ
Твоимъ наслѣдникъ завладѣетъ.
Богатъ ли, родъ ли свой отъ Инаха ведешь,
Тутъ нѣтъ различія; иль, бѣдностью страдая,
Послѣднимъ изъ граждань подъ солнцемъ ты живешь —
Ты жертва Орка роковая.
Въ одномъ и томъ же мы всѣ свидимся краю.
Позднѣй ли, раньше ли, нашъ жребій безъ сознанья
Изъ урны выскочитъ и броситъ насъ въ ладью
Для вѣковѣчнаго изгнанья.

А. Фетъ.

г) къ лицинію мурёнѣ (кн. II, ода 10).

Счастливѣй проживешь, Лициніъ, когда спесиво
Не станешь въ даль пучинъ прокладывать слѣдовъ,
Иль, устрашася бурь, держаться боязливо
Невѣрныхъ береговъ.
Златую кто избралъ посредственность на долю,
Тотъ будетъ презирать, покоенъ до конца,
Лачугу грязную и пышную неволю
Завиднаго дворца.
Грознѣй дыханье бурь для исполинской ели,
И башни гордыя съ отвѣсной высоты
Тяжелѣ рушатся. Громамъ нѣтъ ближе цѣли,
Какъ горные хребты.
Мудрецъ надѣется, коль угнетенъ судьбою,
И слѣпо счастію не станетъ довѣрять...
Юпитеръ, посѣтя суровою зимою,
Помилуетъ опять.
Коль плохо намъ теперь, не то же обѣщаетъ
Грядущее: подъ часъ плѣняетъ цитры звонъ

Камену смолкшую, и лукъ свой напрягаетъ
Не вѣчно Аполлонъ.
Отваженъ и могучъ, не бойся ты несчастій,
Но мудро убирай, хоть ясны небеса,
Хотя попутенъ вѣтръ, да не подъ-силу снасти,
Тугіе паруса.

А. Фетъ.

д) къ меценату (кн. II, ода 20).

Необычайными и мощными крылами
Ширяясь въ воздухѣ, помчуся я, пѣвецъ;
Измѣнится мой ликъ, разстанусь съ городами
И зависти земной избѣгну наконецъ.
Что бѣдны у меня родители—ты знаешь,
Но разрушенія ихъ чадо избѣжитъ.
Меня, о Меценатъ, ты другомъ называешь—
И Стиксъ своей волной меня не окружитъ!
Рубчатой кожею, ужъ чувствую теперь я,
Покрылись голени, а по поясъ я самъ
Сталъ бѣлой птицею, и молодыя перья
По пальцамъ у меня растутъ и по плечамъ.
Уже несясь быстрѣй Дедалова Икара,
Босфоръ клокочущій я подъ собой узрѣлъ.
Гетульскіе сирты и край земнаго шара
Я пѣвчей птицею на крыльяхъ облетѣлъ.
Колхіецъ и Гелонъ мнѣ внемлетъ отдаленный
И Дакъ, скрывающій предъ строемъ Марсовъ страхъ—
И пѣснь мою почтитъ Иберецъ просвѣщенный,
И тотъ, кто пьетъ Роданъ въ широкихъ берегахъ.
Я не велю мой гробъ рыданьями безславить:
Къ чему нестройный плачъ и неприличный стонъ?
Уйми надгробный вой и прикажи оставить
Пустыя почести раскошныхъ похоронъ.

А. Фетъ.

е) къ ключу бандузію. (кн III, ода 13).

О ключъ Бандузіи, прозрачнѣе кристалла!
Цвѣтовъ достоинъ ты; ты заслужилъ съ виномъ
Холодную волну смѣшать на днѣ фіала;
Мы завтра въ честь твою козленка принесемъ.
Вотще ему пора съ отвагой и любовью
Едва примѣтные рога склонять на бой,
И стада первенецъ алѣющею кровью
Назначенъ оросить холодный берегъ твой.
Тебя каникуловъ не смѣютъ раскаленныхъ
Полдневные часы коснуться; ты поишь
Бродящія стада и плугомъ утомленныхъ
Воловъ отрадною прохладою даришь.
Покроешься и ты, о ключъ! безсмертной славой,
Когда мои стихи для пѣнья изберутъ
Пещеры на скалахъ и ясень величавый,
Отколь струи твои болтливыя текутъ.

А. Фетъ.

ж) къ мельпоменѣ (кн. III, ода 30).

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни аквилонъ полночной,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою старѣйшій ходитъ жрецъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ народъ трудолюбивый—
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ эолійскій
Свелъ пѣснь Италіи. О Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.
А. Фетъ.

з) Эподъ 2.

Блаженъ, кто, удалясь отъ суетныхъ заботъ,
Средь мирныхъ деревень спокойно поселится,
И тамъ, въ поляхъ отцевъ, какъ древній смертныхъ родъ,
За плугомъ ходитъ онъ и весело трудится.
Заутра звукъ трубы его не пробудитъ,
Не угрозятъ морей разгнѣванные боги,
И робкая нога его не посѣтитъ
Надменной знатности высокіе пороги;
Но самъ онъ по утру проснется и пойдетъ
Въ аллеи темныя отеческаго сада
И тополь юную заботливо увьетъ
Зеленой, гибкою лозою винограда;
Засохшіе сучки обрубитъ онъ ножемъ
И свѣжіе привьетъ; въ обширную долину,
Гдѣ ходитъ смирный скотъ, онъ спустится потомъ
И узритъ предъ собой веселую картину;
Иль станетъ выжимать изъ сота сладкій медъ,
Иль кроткихъ стричь овецъ. Когда жъ проходитъ лѣто
И осень съ полною кошницею идетъ,
Трясетъ колосьями и ждетъ его привѣта—
Онъ въ садъ уходитъ свой и, тамъ уединенъ,
Плоды поспѣлые рукой срываетъ жадной
И груши сладкія, и сливы, и лимонъ;
И, ягоды съ лозы снимая виноградной,
Тебѣ приноситъ ихъ, Сильванъ, тебѣ, Пріапъ!
Потомъ ложится онъ въ тѣни дубовъ вѣтвистыхъ
На мягкой муравѣ — минутной нѣги рабъ—
И пѣсни соловьевъ онъ слышитъ голосистыхъ;
Зефиры ароматъ съ цвѣтовъ къ нему несутъ,
Лобзая грудь его лобзаньемъ сладострастнымъ;
По золоту песковъ ручьи вблизи бѣгутъ
И къ тихимъ снамъ манятъ журчаньемъ сладкогласнымъ.
Когда же зимній хладъ на землю шлетъ Зевесъ
И снѣгомъ мертвыя долины одѣваетъ—
Онъ снова нѣги чуждъ: онъ мчится въ дальній лѣсъ
И ярыхъ вепрей тамъ со стаей псовъ гоняетъ,
Свой духъ опасною забавой веселя;
Иль, взявши крѣпкій лукъ, онъ часто журавля
И зайца робкаго стрѣлою мѣткой ранитъ.
Душа охотника веселіемъ полна;
Спокоенъ отъ тревогъ любови онъ несчастной
И воленъ, какъ орелъ. А добрая жена,
Межъ тѣмъ какъ мужъ уйдетъ на ловлю въ путь опасный,
Въ заботахъ проведетъ томительную ночь,
Сабинка кроткая съ любовью неизмѣнной
Иль смуглоликая долинъ тибурскихъ дочь
Зажжетъ Пенатамъ огнь въ тиши уединенной
И станетъ ихъ молить, чтобъ мужъ издалека
Пришелъ и здравъ и цѣлъ; а тамъ рукою нѣжной
Она сосцы коровъ отъ сладкаго млека
Осушитъ, и вина съ заботою прилежной
Въ сосуды нацѣдитъ; потомъ домашній пиръ

Устроитъ, вѣрнаго супруга ожидая,—
И вотъ ужъ дома онъ, и скромной хаты миръ
Привѣтствуетъ, чело предъ Ларами склоняя,
Садится ужинать и кажется вкусна
Простая трапеза, трудовъ его награда,
И сладокъ нѣжный сокъ янтарнаго вина.
Ловецъ вполнѣ счастливъ: ему тогда не надо
Лукринской устрицы, ни афрскихъ куликовъ,
Ни жирныхъ рябчиковъ Іоніи счастливой!
Лишь зелень вкусная, дитя родныхъ луговъ,
И мальвы, и лапоѳъ съ здоровою оливой
Да жареный телецъ за трапезой его.
Потомъ садится онъ къ порогу низкой хаты
И смотритъ въ дальній лугъ, и видитъ, какъ съ него
Тяжелые быки и рѣзвые ягняты
Спѣшатъ домой въ хлѣва. А тамъ, съ семьей своей,
Собравши златожатвъ, сокровище полей,
Предъ хатой селянинъ за чарою смѣется,
И пѣсня звонкая въ ихъ кругѣ раздается.

Н. Бергъ.

---

105. ПОДРАЖАНІЕ ІОВУ.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ
И такъ его на распрю звалъ:
«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!
Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвигнулъ океанъ?
Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть
И нивы, въ день томящей жажды,
Дождемъ прохладнымъ напоить,—
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?
Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись-ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стеръ ли адовы уста?
Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ—быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?
Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ,
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что Я ему на пищу далъ:
Толь быстро око ты ль создалъ?

Воззри въ лѣса на бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой;
Какъ верви, сплетены въ немъ жилы:
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь:
Кто можетъ рогъ его сотреть?
Ты можешь ли левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ срединѣ самой океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами;
Копье, и мечъ, и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.
Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы—страшны рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ
И твердость оныхъ презираетъ:
Для крѣпости великихъ силъ,
Считаетъ ихъ за мягкій илъ.
Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипитъ;
Какъ печь, гортань его дымится;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ уголь, въ горнилѣ раскаленный;
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня:
Кто можетъ стать противъ Меня?
Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?»
Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть!
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого или покоитъ:
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

Ломоносовъ.

---

106. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть:
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни какъ вода кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна;
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной нощи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись,
Исполнены твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,—
И что угодно предъ тобою,
Всегда творити научи
И, на твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь!

Ломоносовъ.

107. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо въ огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества,
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,—
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ!
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ водъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ ѳоиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

Ломоносовъ.

---

108. НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И скалы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа Ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ;
Когда Ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою

Добротъ твоихъ прекрасныхъ ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ!
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ, внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась,
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ,
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ;
Верхи парнасски возстенали,
И музы воплемъ провожали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой.
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнасъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики!
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевныхъ побѣжденныхъ стонъ.
Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ.
Пространная Твоя держава
О какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство, въ оныхъ потаенно,

Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.
 Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ:
Сіе злату очистить жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
 Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнявшись моря шириной.
 Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ, густостью животнымъ тѣсны,
Стоятъ глубокіе лѣса;
Гдѣ, роскошью прохладныхъ тѣней,
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ!
 Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.
 Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ;
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ,
И море тщится уступить:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.
 Тамъ, тьмою островомъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
 И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
 О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.
 Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ;
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
 Тебѣ, о милости источникъ,
О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ,
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ Тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ

Во всѣхъ путяхъ безпретиновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ
Ломоносовъ.

---

109. Богъ.

О ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ—въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта твоего рожденны,
Излѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ;
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ;
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, ты будешь ввѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ—и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой—ничто.
Ничто! Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! Но жизнь я ощущаю;
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь,—конечно есь и Ты.
Ты есь! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь— и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной;
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,

Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

---

110. НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголъ временъ—металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ;
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ:
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ горнымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся!
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ. Гдѣ тамъ?
— Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ: и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы;
Глядитъ на разумъ возвышенный;
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точитъ лезвее косы.
Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы—гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ!
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.
Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ...
Зоветъ, я слышу, славы шумъ!
Но такъ и мужество пройдетъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье

Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ, конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

Державинъ.

111. ИЗЪ ВОДОПАДА.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми:
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Шумитъ—и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ,
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны?
Ломаются въ тебѣ въ куски.
Громами ль камни отторженны?
Стираются тобой въ пески.
Сковать ли воду льды дерзаютъ?
Какъ пыль стекляна ниспадаютъ.
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ;
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

112. ФЕЛИЦА.

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.
Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.
Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой:
Храня обычаи, обряды,
Не донкихотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,

Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.
Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ, —
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ, —
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.
Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣваю, сплю.
Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.
Нашелъ, но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь, —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ пле—

А что сія ума забава —
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худаго—
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь».
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ;
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—

Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.
Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Державинъ.

113. ВИДѢНІЕ МУРЗЫ.

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
«Блаженъ», воспѣлъ я, «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ,
Что карлой онъ иль великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить непринужденъ:
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны,
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И серебророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За розсказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ!
Блаженъ»... Но съ рѣчью сей внезапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона;
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру;
Простертой на алтарь рукою,
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;

Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ-будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль вь жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.
Пребудетъ образъ въ-вѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!
«Мурза! она вѣщала мнѣ:
Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, Мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли!
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но высшій даръ боговъ: тогда
Сей даръ боговъ кромѣ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта люди тѣ же,
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести имъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты сиренъ поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели; не строй,
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ».—
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты: богиня или жрица?
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: «Я Фелица!»
Рекла и—свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась.
Мой богъ! мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти:
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
—«Возможно ль, кроткая Царевна,
И ты къ Мурзѣ чтобъ своему
Была сурова и столь гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И Ты, и Ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и Ты не одобряла?
Довольно безъ Тебя людей,
Довольно безъ Тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ Тобой Мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньи
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ.
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосца добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,

И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Державинъ.

---

114. НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА.

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика,
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука.
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ.
Засыпали нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время, столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Перересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и миръ согласной
Звукъ разнесся въ сей странѣ.
Онъ простеръ лишь дѣтски руки,
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки,
И весь сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ судебъ чертогъ!
Я подумалъ въ изумленьи:
Знать родился нѣкій богъ!
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство;
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство;
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту—
Словомъ, всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя.
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!
Всѣ крылами восплескали,
Каждый геній восклицалъ:
Се божественный, вѣщали,
Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!
Будетъ—и судьбы гласили—
Онъ монархамъ образецъ!
Лѣсъ и горы повторили:
Утѣшеніемъ сердецъ!
Симъ Россія восхищенна,
Токи слезны пролила,
На колѣни преклоненна,
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ,
Въ перси, очи и уста;
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота;
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ.
Возрастай, дитя прекрасно,
Возрастай, нашъ полубогъ!

Возрастай, уподобляясь
Ты Родителямъ во всемъ:
Съ ихъ ты Матерью сравнясь,
Соравняйся съ Божествомъ!

Державинъ.

---

115. ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! весь я не умру, но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело свое зарей безсмертія вѣнчай.

Державинъ.

---

116. ЛЕВЕДЬ.

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.
Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.
Да, такъ! Хоть родомъ я не славенъ;
Но, будучи любимецъ музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ,
И самой смертью предпочтусь.
Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ:
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.
И се ужъ кожа, зрю, перната
Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;
Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.
Лечу, парю—и подъ собою
Моря, лѣса, міръ вижу весь:
Какъ холмъ, онъ высится главою,
Чтобы услышать Богу пѣснь.
Съ Курильскихъ островóвъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе россовъ родъ,
Со временемъ о мнѣ узнаютъ;
Славяне, гунны, скиѳы, чудь
И всѣ, что бранью днесь пылаютъ,
Покажутъ перстомъ и рекутъ:
«Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ
И, проповѣдуя миръ міру,
Себя всѣмъ счастьемъ веселилъ».
Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ!
Друзья мои! хоръ музъ, не пой!
Супруга, облекись терпѣньемъ!
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой!

Державинъ.

---

117. ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБѢДУ.

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ,
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,

Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола вкругъ ожидая,
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.
Приди, мой благодѣтель давній,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Приди — и домъ, хоть ненарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство—
Пріятный только вкусъ, опрятство
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.
Не чинъ, не случай и не знатность,
На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ—одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, ангелъ мой благотворитель!
Приди и насладися благъ;
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ничей недоброхотный шагъ!
Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ—тѣнь;
Что лишъ младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ:
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?
Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда грустить и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь;
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но, ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ;
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!
И такъ, доколь еще ненастье,
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье.
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,—
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,—
По платью ноги протягать.
А если ты, иль кто другіе
Изъ знатныхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать,—
Извольте мой вы толкъ послушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
Умѣренность есть лучшій пиръ.

Державинъ.

---

118. РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА.

Гремитъ!... благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ!
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И—исчезаю предъ Тобой!
Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ на утлой ладіи,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчится на скалу!
Ты дохнешь—и двигнешь океаны,
Речешь—и вспять они текутъ:
А мы?... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей—
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

И. Дмитріевъ.

---

119. ПѢСНЬ МОИСЕЕВА ПРИ ПРЕХОЖДЕНІИ ЧЕРМНАГО МОРЯ.

(*Исх. гл. 15, ст. 1—22*).

Пою Всесильнаго! Онъ славой возсіялъ!
Онъ рекъ... и въ бездну водъ и конь и всадникъ палъ!
Господь, Владыка мой предвѣчный,
Господь мнѣ былъ покровъ!
Богъ сердца моего, прими хвалы сердечны!
Прими мои хвалы, хвала моихъ отцовъ!
Кто грозный браней сокрушитель?
Кто сильный сильныхъ усмиритель?
Кто непреложный царь побѣдъ?
Егова рекъ—и злобныхъ нѣтъ!
Гдѣ воинства твои, тиранъ ожесточенный,
Гдѣ колесницы воскриленны?
Гдѣ сонмы избранныхъ твоихъ?
Какъ камень, бурей съ горъ низринутый крутыхъ,
Погрязли въ безднѣ волнъ сѣдыхъ.
Твоя рука, Твоя—неистовыхъ карала!
Десная, Господи, рука Твоя на насъ
И дивной правотой и силой возблистала;
Смутилъ враговъ Твой гласъ;
Какъ воспаленный вихрь плоды полей цвѣтущихъ,
Твой гнѣвъ пожралъ бѣгущихъ!
Ты яростью дохнулъ на море съ облаковъ,
И воды разступились
И, въ стѣны ставъ, скрѣпились;
Уснуло мертвымъ сномъ стремленіе валовъ!
Врагъ рекъ: пойдемъ, постигнемъ, поженемъ!
Корысти раздѣлимъ! се жатва намъ обильна!
Упейся, мечъ, въ крови противника безсильна!
Господствуй, отягчись рука моя на немъ!
Врагъ рекъ; но ты воззрѣлъ: на воды небо пало,
Пучина вздулася, и хлынетъ съ ревомъ вдругъ;
Какъ олово погрязъ строитель нашихъ мукъ!
Слѣда его не стало!...
Гдѣ боги варваровъ? гдѣ боги чужеземны?
Кумиры гордые въ своемъ величьѣ темны
Да станутъ предъ Тобой всемощный Богъ боговъ!
Тираны мертвые слѣпыхъ своихъ рабовъ
Да явятся еще предъ нашими очами!
Богъ велій—Богъ единъ! Кто равный постоитъ!...
Ты страшенъ славою, Ты дивенъ чудесами,
Твое величіе смущаетъ и живитъ!
Ты руку простираешь—
Пожрали воды злыхъ!
Ты кротко провождаешь
Любимыхъ чадъ своихъ!
Ты шествуешь предъ нами
Съ любовью и громами!
Промчался всюду слухъ о имени Твоемъ;
Народы сильные со ужасомъ внимаютъ:
Блѣднѣетъ филистимъ въ сіяніи своемъ;
Владыки моавитъ на тронахъ воздыхаютъ,
Эдомлянъ горду спесь вдругъ трепетъ оковалъ
И тучей мрачною на Ханаанъ упалъ.
Посли на нихъ Твой страхъ!
Простри десницу разъяренну
На всю строптивую вселенну
И ужасъ насади въ сердцахъ!
Какъ скалы, къ сердцу горъ отъ вѣка пригвожденны,
Безъ силы, безъ движенья, блѣдны,
Да станутъ злобные вдали!
Да ноютъ отъ досады тщетной,
Когда спокойно, ненавѣтно,
Пойдетъ народъ Твой въ ихъ земли;
Народъ, искупленный Тобою,
Веди, покрой своей рукою!
Да возрастетъ,
Да процвѣтетъ
Онъ на горѣ Твоей блаженной!
Да царствуетъ съ Тобой
Въ обители святой,

Твоей десницей сотворенной!
О Боже! о святый Израиля оплотъ!
Пребуди славенъ въ родъ и родъ!...

Мерзляковъ.

---

120. НА РАЗРУШЕНІЕ ВАВИЛОНА.

(*Пророка Исаіи, гл. 14*).

Свершилось! нѣтъ его! сей градъ,
Гроза и трепетъ для вселенной,
Величья памятникъ надменной,
Упалъ!... еще въ дали горятъ
Остатки роскоши полмертвой!
Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы кличъ!
Яремъ позорный прекратился,
Желѣзный скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ!

Таковъ Егова, царь побѣдъ,
Таковъ предвѣчный правды мститель!
Скончался въ мукахъ нашъ мучитель,
Иссякло море нашихъ бѣдъ!
Воскресла радость, миръ блаженный,
Подвигнулся Ливанъ священный,
Главу предъемлетъ къ небесамъ,
Въ восторгѣ кедры встрепетали:
«Ты умеръ наконецъ!» вѣщали,
«Теперь чего страшиться намъ!...»

Трясется адъ, сомнѣнья полнъ,
Тебя срѣтая въ мрачны сѣни;
Бѣгутъ испуганныя тѣни,
Какъ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнъ!
Цари, герои царствъ прошедшихъ
Встаютъ съ престоловъ потемнѣвшихъ
Чудовище земли узрѣть:
«Какъ! ты, равнявшійся съ богами,
И ты теперь сравнялся съ нами,
Не думавъ вѣчно умереть!»

Почто теперь тебѣ во слѣдъ
Величье, пышность не дерзаетъ?
Почто теперь не услаждаетъ
Твою надменность звукъ побѣдъ?
Ты не взялъ ничего съ собою:
Какъ тѣнь, исчезло предъ тобою
Волшебство льстивыхъ, свѣтлыхъ дней.
Ты въ жизни копилъ себѣ мученье,
Твой домъ есть ночь, твой одръ—гніенье,
Покровъ—кипящій ровъ червей!

Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое блистало;
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло:
Сегодня смотрятъ—блескъ исчезъ.
Вчера смирялъ народы въ страхѣ:
Смиренъ сегодня, тлѣетъ въ прахѣ.
Вчера мечталъ съ собою ты:
«Взнесусь, пойду надъ облаками!
Поставлю тронъ между звѣздами,
Попру Сіона высоты!

«Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
Устрою небеса чертогомъ
И буду въ нихъ всесильнымъ Богомъ!»
Изрекъ—и превратился въ прахъ.
Стоитъ сегодня путникъ бѣдный
Изритъ въ пустынѣ трупъ твой блѣдный,
На пищу брошенный звѣрямъ:
Стоитъ, не вѣритъ въ изумленьи,
Потомъ въ сердечномъ сокрушеньи
Возводитъ взоръ свой къ небесамъ.

Не се ли ужасъ нашихъ дней?
Не сей ли варварской десницей
Содѣлалъ цѣлый міръ темницей,
Жилищемъ глада, бѣдъ, скорбей?
Никто предъ смертію не станетъ!
Но память добрыхъ не увянетъ:
Ихъ прахъ святится отъ сыновъ;
Благою вѣрой огражденный,
Слезами бѣдныхъ оживленный,
Онъ спитъ въ обители отцовъ!

Единъ твой трупъ въ позоръ и срамъ
Лежитъ на грозномъ полѣ брани!
Земля послѣдней бѣдной дани
Не хочетъ дать твоимъ костямъ:
Своей земли опустошитель,
Народа своего гонитель
Лежишь межъ трупами враговъ,
Лишенный части погребенья;
А тамъ—летитъ духъ бурный мщенья
Противъ сыновъ твоихъ сыновъ!

Рази, губи, карай злой родъ,
Прокляты вѣтви корня злова:
Въ нихъ скрыта язва, гибель нова,
Въ нихъ новый плѣнъ для насъ растетъ.
Всесильный рекъ: Я самъ возстану,
Приду, одѣнусь въ бури, гряну
И истреблю все племя злыхъ!
Въ градахъ ихъ звѣри поселятся,
Ихъ земли моремъ поглотятся,
Погибнетъ съ шумомъ память ихъ».

Изрекъ—и святъ Его обѣтъ,

И вѣчно нерушимо слово!
Изрекъ—событіе готово!
Израиль! лести въ Богѣ нѣтъ...
Егова сломитъ рогъ тиранства,
И узы тягостныя рабства
Огнемъ и кровію сожжетъ;
Подниметъ руку надъ вселенной—
Кто громъ удержитъ разъяренной?
Кто съ Богомъ брани въ брань пойдетъ?

Мерзляковъ.

121. НАДЕЖДА.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи каменъ!
Не онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды, и гладъ, и непогоду,
И силу въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнной?
Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его! и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Батюшковъ.

122. ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

Мѣжъ тѣмъ, какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ твои, о Рейнъ, волны,
Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глотаетъ хладную струю
И грудь усталую въ бою
Желанной влагой оживляетъ...

О радость! я стою при рейнскихъ водахъ!
И, жадные съ холмовъ въ окрэстность бросая взоры,
Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
Твою страну, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ вѣчною струей
Ты льешься, Рейнъ величавой!

Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О Рейнъ, ты поилъ несчетны легіоны
Мечемъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ счастья, бичъ свободы,
Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священны, Рейнъ, воды.

Вѣка мелькнули: міръ крестомъ преображенъ:
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились:
Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ:
Тутъ совершались ихъ турниры,
Тутъ бились храбрые—и здѣсь
Не умеръ, мнится, и поднесь
Звукъ сладкой трубадуровъ лиры.

Такъ! здѣсь подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ,
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ

Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы праотцевъ,
Святая къ родинѣ любовь
И праздной роскоши презрѣнье.

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и бардамъ современныхъ,
Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую и крылья придаетъ.
Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы...
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ, до нашихъ дней спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы,
Склонилъ чело, увы! позналъ и стыдъ и плѣнъ...
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Атиллы новаго стеналъ,
И ты уныло протекалъ
Между враждебными полками?

Давно ли земледѣлъ, вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ зареинскихъ сыновъ?
Давно ль они, кичася, пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы съ свободой и съ громами!...
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала...

Стеклись, нагрянули за честь твоихъ гражданъ,
За честь твердынь, и селъ и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ,
Гдѣ ангелъ мирный, свѣтозарный
Для странъ полуночи рожденъ
И провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о Реинъ, здѣсь! ты видишь блескъ мечей;
Ты слышишь шумъ полковъ и новыхъ коней ржанье,
Ура побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ,
И вотъ—коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей;
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои—
Въ текучей влагѣ отраженны.

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ;
Костры надъ Реиномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ!
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ,
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной,
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу
сталь копья,
Задумчивъ и одинъ на берегѣ высокомъ
Стоитъ и жаднымъ ловитъ окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.
Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ.

Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибель-
ныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служитель алтарей;
Его, шумя, пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіяньемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось;
Оружье долу преклонилось,
И вождь и ратники чело склонили въ
прахъ;
Поютъ Владыкѣ вышней силы;
Тебѣ, подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣтъ!
Дымятся мирныя кадилы.

И се подвигнулись—валитъ за строемъ
строй,
Какъ море шумное волнуется все войско!
И эхо вторитъ кликъ геройской,
Досель неслышанный, о Рейнъ, надъ
тобой.
Твой стонетъ брегъ гостепріимной
И мостъ подъ воями дрожитъ,
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ,
Отъ глазъ въ дали теряясь дымной!

Батюшковъ.

---

123. ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворной;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.
Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о Муза! будь послушна;
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

А. Пушкинъ.

---

124. КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неровномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?

Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За чтожъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

А. Пушкинъ.

---

125. ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.
Бѣжитъ онъ дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

А. Пушкинъ.

---

126. ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,

И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»
А. Пушкинъ.

---

127. НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ—наслѣдье червей.

Погасъ, но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта:
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта;
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ,
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольнее долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.
Баратынскій.

---

128. РИМЪ.

Ты былъ ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
Ты былъ ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ грустію ихъ чуждый навѣститель.
За что утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что, державный Римъ, тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги?
Гдѣ сильные твои, о родина мужей?
Тебѣ ли измѣнилъ побѣды мощный геній?
Ты ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорище племенъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?
Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
Или, какъ призракъ-обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ!
Баратынскій.

---

129. ПОЭТУ.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово —
Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ пророка!
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ!
Не лобызай сахарныхъ устъ порока

И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ грядущихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь, и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ,
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Н. Языковъ.

---

130. ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ 136.

Въ дни плѣна, полные печали,
На вавилонскихъ берегахъ,
Среди враговъ мы возсѣдали
Въ молчаньи горькомъ и слезахъ.
Тамъ вопрошали насъ тираны,
Почто мы плачемъ и грустимъ:
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте вашъ Ерусалимъ».
Нѣтъ! Свято намъ воспоминанье
О славной родинѣ своей;
Мы не дадимъ на посмѣянье
Высокихъ пѣсенъ прошлыхъ дней!
Твои, Сіонъ, онѣ прекрасны!
Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
Порвитесь, струны сладкогласны,
Разбейся, звонкій мой тимпанъ!
Окаменѣй языкъ лукавый,
Когда забуду грусть мою
И пѣснь отечественной славы
Ея губителямъ спою.
А ты, среди огней и грома
Намъ даровавшій Свой законъ,
Напомяни сынамъ Эдома
День, опозорившій Сіонъ,
Когда они въ весельи дикомъ,
Убійства шумные виномъ,
Насъ оглушали грознымъ кликомъ:
«Все истребимъ, всѣхъ поженемъ!»
Блаженъ, кто смѣлою десницей
Оковы плѣна сокрушитъ,
Кто плачъ Израиля сторицей
На притѣснителяхъ отмститъ!
Кто въ домъ тирана мечъ и пламень
И смерть ужасную внесетъ,
И съ яркимъ хохотомъ о камень
Его младенцевъ разобьетъ!

Н. Языковъ.

---

131. ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И Геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гипподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.
По всей пространной Византіи
Въ отверстыхъ храмахъ Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.
Вотще. Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ:
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.
И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: святъ, святъ, святъ!

И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ;
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.
Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Н. Языковъ.

---

132. ИСКАНІЕ БОГА.

(*3 Кн. Царствъ, гл. 19, ст. 11—13*).

Я видѣлъ: смерклись небеса;
Земля дала глухіе стоны;
Возсталъ духъ бурь, сломилъ препоны,
Стопой какъ жатву смялъ лѣса,
И горы съ мѣстъ, и горъ обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ разметалъ!
Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ —
Но Бога въ буряхъ не видалъ!
Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ долы, то холмились,
И волновалася земля,
И камни градомъ съ горъ катились,
И грозно небеса дымились...
И, трепетный, звалъ Бога я—
Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ его святыхъ!
Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Отъ молній рдѣетъ сводъ небесъ,
И пышутъ огненные токи,
И на лицѣ полей широкихъ
Все стало пыломъ, все огнемъ—
Но Бога я не видѣлъ въ немъ!
И въ слѣдъ за бурей—тишина;
Душа предчувствіемъ полна;
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышитъ жизнью неземною....
Все стало сладкой тишиною,
И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога—въ тишинѣ!

Ѳ. Глинка.

---

133. ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите—вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами,
Слѣпецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
«Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

Лермонтовъ.

---

134. СПОРЪ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою*)
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!

*) Шатъ—Эльбрусъ.

Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да царп-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ—
Берегитесь! многолюденъ
И могучъ востокъ!»
— Не боюся я востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня;
Нѣтъ, не дряхлому востоку
Покорить меня!
—«Не хвались еще заранѣ»,
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ страшное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымяся, какъ предъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмой —
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ*)
И на-вѣкъ затихъ.

Лермонтовъ.

---

136. ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

(изъ Гете).

Древле-владычный,
Міродержавный Зевесъ!
Когда на грѣховную землю

*) Горцы называютъ шапкою облака, постоянно лежащія на вершинѣ Казбека.

Шлешь громы и молніи
Суда правосуднаго,
Я въ ужасѣ вѣщемъ,
Съ покорностью дѣтской,
Цѣлую трикраты
Послѣднюю складку
Одежды твоей!
Безсмертные всесильны,
Ничтоженъ человѣкъ!
Коснешься ли челомъ своимъ
Надзвѣздной высоты: —
Въ пространствѣ, безъ подножія,
Ты немощно повисъ;
Тобой играетъ буйный вѣтръ,
Ненастье и гроза.
Ногами ли ты твердо сталъ
На твердой сей землѣ:
Ты съ кедромъ не помѣришься,
Приземному кустарнику
Ты еле по плечу.
Безсмертные всесильны,
Ничтоженъ человѣкъ!
Къ ихъ вѣчному подножію,
Чредою неизмѣнною,
Несетъ свои сокровища
Житейская волна;
Тебя волна подниметъ разъ,
Поглотитъ—и съ собою въ даль
Навѣки унесетъ.
Жизнь наша ограничена,
Кольцо едва замѣтное!
Но связью неразрывною
Съ ней слиты поколѣнія
Безчисленныхъ существъ;
Но всѣ они и каждое —
Звено необходимое
Въ цѣпи во-вѣки сущаго
Живаго естества.

А. Струговщиковъ.

---

136. ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ:
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ?
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу? дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылой,
Взлетитъ до неба Твоего!

Н. Языковъ.

---

137. ПСАЛОМЪ ДАВИДА НА ЕДИНОБОРСТВО СЪ ГОЛІАѲОМЪ.

Я меньше братьевъ былъ, о Боже,
И всѣхъ въ дому отца моложе,
И пасъ отцовскія стада;
Но руки отрока тогда
Псалтирь священную сложили,
Персты настроили ее
И имя присное Твое
На вѣщихъ струнахъ восхвалили.
И кто о мнѣ Тебѣ вѣщалъ?
Ты самъ услышать соизволилъ,
И самъ мнѣ Ангела послалъ,
И самъ отъ стадъ отцовскихъ взялъ,
И на главу младую пролилъ
Елей помазанья святой...
Велики братья и красивы,
Но не угодны предъ Тобой...
Когда жъ Израиля на бой
Иноплеменникъ горделивый
Позвалъ, и я на злую рѣчь
Пошелъ къ врагу стопою вѣрной —
Меня онъ проклялъ всею скверной;
Но я исторгнулъ вражій мечъ
И исполина обезглавилъ,
И имя Господа прославилъ.

Мей.

---

138. КРЕМЛЕВСКАЯ ЗАУТРЕНЯ НА ПАСХУ.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И, слыша гласъ ея, душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,—
Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются ль упрямыя колѣна?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово «братья»
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

А. Хомяковъ.

---

139. Торжественъ, свѣтелъ и румянъ.

Торжественъ, свѣтелъ и румянъ
Рождался день подъ небесами;
Бѣлѣлъ въ долинѣ вражій станъ
Остроконечными шатрами.
Въ унынья горькомъ и слезахъ,
Я плѣнникъ, въ станѣ семъ великомъ
Лежалъ одинъ на камнѣ дикомъ,
Во власяницѣ и въ цѣпяхъ.
Напрасно, подъ хитономъ ночи,
Я, звалъ къ себѣ привѣтный сонъ;
Напрасно сумрачныя очи
Искали древній нашъ Сіонъ...
Увы! надъ брегомъ Іордана
Померкло солнце прежнихъ дней;
Какъ лѣсъ таинственный Ливана,
Храмъ безъ молитвъ и безъ огней.
Не слышно лютенъ вдохновенныхъ,
Замолкъ тимпановъ яркій звукъ,
Порвались струны лиръ священныхъ,
Настало время слезъ и мукъ!
Но ты, Господь, въ завѣтѣ съ отцами,
Ты рекъ: «Не кину свой народъ!
Кто сѣетъ горькими слезами,
Тотъ жатву радости сберетъ».
Когда жъ, на вопль сыновъ унылыхъ,
Созовешь ко браннымъ знаменамъ
Оружеборцевъ молньекрылыхъ
На месть неистовымъ врагамъ?
Когда съ главы своей усталой
Израиль пепелъ отряхнетъ,
И зазвенятъ его кимвалы,
И съ звономъ лиръ онъ воспоетъ?

А. Майковъ.

---

140. ЧЕРНЬ.

Поэтъ на лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ—а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный
Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

Поэтъ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкой;
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Чернь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:

Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы, какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

А. Пушкинъ.

II. ДУМА.

141. ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

А. Пушкинъ.

142. ЭХО.

Ревётъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

А. Пушкинъ.

143. Не то, что мните вы, природа.

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ:
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чудныхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ;
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

И языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!

Увы! души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой!

Ѳ. Тютчевъ.

---

144. ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны...
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!
Мы иссушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Лермонтовъ.

---

145. МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть,—
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ;
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!...

Лермонтовъ.

---

146. ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,

Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?...

Заботой тайною хранима
Передъ иконою святой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой....
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Лермонтовъ.

---

147. ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо мною буря выла,
Громъ на небѣ грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ силу, въ сердцѣ жаръ.

Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно.

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно къ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина!

Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой!
Биться я готовъ съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила;
У меня есть въ сердцѣ кровь;
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

Кольцовъ.

---

148. МОЛИТВА.

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы;
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?...
На крестъ, на могилу,
На небо и землю,
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Печать наложилъ...
Печать та навѣки:
Ея не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода.

Прости жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грустной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ.

Кольцовъ.

---

149. ЖЕЛАНІЕ.

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ:
Хотѣлъ бы солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эфирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.
Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучемъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.
Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ,
Пространство неба обтекать!

Хомяковъ.

---

150. ЖИЗНЬ.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ!
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ;
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить!

Ключниковъ.

151. НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—по зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы: средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба;
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой посажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно;
О, дай намъ солнышко! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!

Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, старцами
Придти на тучныя ихъ нивы подышать
И, позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи, какая благодать!»

А. Майковъ.

III. ПѢСНИ.

А. НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

а) семейныя.

152. А и горе, горе, гореваньице.

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить—некручинну быть!
Нагому ходить—не стыдитися,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому.
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшить дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя во царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.

—

153. Калину съ малиною вода поняла.

Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала
На чужедальнюю на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ;
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемычной пташечкой, кукушечкой.
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невѣстушки, голубки мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большая невѣстка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстка проситъ погодить;
Родная сестрица, залившись слезами,
Молвила: не наша ль горюша сюда
Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

—

154. Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ.

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьи того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь-батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка
Ради ближняго перепутьица:
И я въ торгъ пойду, побывать зайду,
Я спрошу у своей дитятки:
Каково жить въ чужихъ людяхъ?
—Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди, стала спрашивать!
Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.

Ахъ, вечоръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь, ходя, похваляется:
Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Нероженныхъ, нехоженныхъ,
Невспоенныхъ и невскормленныхъ.

—

155. Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я во чисто поле.
И я батюшкѣ говорила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высокіе хоромы:
Не съ хоромами жить—съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ—съ свѣтомъ.

—

156. Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка.

Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно солнышко, родимая матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пропивайте вы меня, бѣдную,
Не давайте вы меня, горькую,
На чужу, дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, ко чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломы у нихъ гнѣвъ раскипается;
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

—

157. Выдала меня матушка далече замужъ.

Выдала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходитъ—матушки нѣту;
Другое проходитъ—сударыни нѣту;
Третье въ доходѣ—матушка ѣдетъ.
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
Что это за баба? что за старуха?
—Я вѣдь не баба, я не старуха,
Я твое, матушка, милое чадо.—
Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?
—Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ—тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ—румянцу нестанетъ.

—

158. Мимо моего садика.

Мимо моего садика,
Мимо моего зеленаго,
Пролегала дороженька,
Широкимъ не широкая,
Только очень пробоиста.
Какъ по той по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
Горючо слезно плакала,
Соловейкѣ наказывала:
Ты лети, соловеюшко,
На родиму сторонушку,
Ты и сядь во зеленый садъ,
На любимую яблоньку,
Утѣшай мою матушку,
Чтобъ она, государыня,
Не тужила, не плакала,
На чужихъ дѣтей глядючи,
Къ своимъ примѣняючи.

—

159. По рощицѣ Машенька гуляла.

По рощицѣ Машенька гуляла,
Со правой со рученьки кольцо потеряла;
Со той тоски, со досады рощу зажигала:
Гори, гори, рощица, гори, зеленая!
Всѣ пеньица, кореньица, всѣ вонъ выгорайте,
Всѣ пташечки-канарейки, всѣ вонъ вылетайте!
Одинъ-то, одинъ младъ соловушекъ въ рощѣ оставался.
Прилетала къ соловушку горькая кукушка,

Молодого соловушка журила-бранила:
«Ужъ ты глупый, неразумный, младой соловейко!
Ты умѣешь, соловейко! только пѣсни пѣти,
Ты не умѣешь, соловейко, тепла гнѣзда вити;
Ужъ ты свей-ко гнѣздо при долинѣ на кустѣ ракитѣ!
Что никто твое гнѣздышко не разовьетъ,
Малыхъ дѣтушекъ никто не разгонитъ».

—

160. Какъ-жила была вдовушка-вдова.

Какъ жила-была вдовушка-вдова,
Какъ у той ли у вдовы были три дочери:
Ужъ отдамъ ли я первую дочь за боярина,
Я вторую дочь отдамъ за крестьянина,
А какъ третью-то дочь за татарина.
Пишетъ письмо что любимая дочь:
«Ахъ, любимая моя матушка!
У мово-то мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку все огни горятъ,
На мое ли тѣло бѣлое
Все куютъ прутья мѣдные».
Ужъ какъ пишетъ средняя дочь:
«Ты, любимая моя матушка!
У мово-то ли мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку да все огни горятъ,
Какъ и ткутъ и шьютъ платья бархатныя
На мое ли тѣло бѣлое,
На мое ли тѣло нѣжное».
Пишетъ мнѣ меньшая дочь:
«Ахъ, любимая моя матушка!
У мово-то ли мужа во всю ноченьку,
Во всю ноченьку темную, осеннюю,
Осеннюю да ночку долгую, все огни горятъ;
Ужъ на то ли мое тѣло бѣлое
Они ткутъ и шьютъ золоты парчи».

—

161. Перекатно красно солнышко.

Перекатно красно солнышко,
Ты звѣзда перекатная,
За облакъ звѣзда закатилася
Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца.
Перешла наша дѣвица
Изъ горницы во горницу,
Изъ столовой во новую;
Перешедъ, она задумалася,
А задумавшись, заплакала,
Во слезахъ слово молвила:
Государь мой, родной батюшка,
Не возможно ль того сдѣлати,
Меня дѣвицу не выдати?

—

162. Цвѣла грушица во садику.

Цвѣла грушица во садику,
Цвѣла моя во зеленомъ;
Жило мое дитятко,
Жило мое милое
Во терему во высокомъ,
Во высокомъ, въ изукрашенномъ;
Не все тебѣ жить во теремѣ,
Не все тебѣ жить со дѣвицами,
Не все тебѣ быть со красными.
Какъ пріѣдетъ Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ,
Завезетъ тебя къ себѣ домой,
Не къ дѣвушкамъ, не къ краснымъ,
Къ молодымъ ли все къ молодушкамъ.
Молодыя ли ужъ молодушки
Родились всѣ привѣтливы,
Всѣ привѣтливы, всѣ насмѣшливы:
Ступишь ли ногой?
Поглядятъ всѣ за тобой;
Махнешь ли рукой?
Засмѣются надъ тобой;
Молвишь ли словечко?
Передразнивать начнутъ;
Сядешь ли за столъ?
Всѣ куски во рту сочтутъ;
Станешь ли молчать?
Станутъ дурой величать.

—

163. Не буйные вѣтры.

Не буйные вѣтры
Навѣяли;
Не званы гости
Наѣхали,
Подломили

Сѣни новыя,
Подломили
Съ переходами,
Растопили
Чару золотую,
Выпустили
Соловья изъ саду.
Расплачется, растужится
Агаѳьюшка,
Расплачется, растужится
Свѣтъ Ивановна:
Мнѣ по вамъ, сѣни,
Не хаживати;
Мнѣ тобой, чара,
Не подхаживати;
Тебя, соловья,
Не видати будетъ!
Кто меня станетъ
По утру будить,
По утру будить,
Рано развеселить?
Сговоритъ, спромолвитъ
Александръ господинъ;
Сговоритъ, спромолвитъ
Михайловичъ свѣтъ:
Я тебѣ построю
Сѣни новыя,
Я тебѣ построю
Съ переходами;
Я тебѣ солью
Чару золотую;
Я у тебя
Соловей въ саду,
Я у тебя
Молодой въ зеленомъ.
Я тебя стану
По утру будить,
Поутру будить—
Рано веселить.

—

164. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ да горъ высокіихъ,
Летитъ стаюшка сѣрыхъ гусей,
А другая лебединая.
Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Къ тому стаду сѣрыхъ гусей.
Не умѣла лебедушка
По-гусиному кликати;
Ее начали гуси щипать,
А лебедушка стала кричать:
Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Погодою полуденною,
Полуденною-студеною.
Какъ заѣхала душа красна дѣвица
Къ добру молодцу на широкій дворъ,
Заѣхавши стосковалася.
Ее начали журить-бранить,
Молодушка стала плакати:
Не журите, бабы старыя!
Не журите меня—молоду!
Не сама я къ вамъ заѣхала:
Завезли меня кони добрые
Удалаго добра молодца.

—

165. На зарѣ Иванъ, сударь, Петровичъ.

На зарѣ Иванъ, сударь, Петровичъ
Вставалъ ранешенько,
Умывался бѣлешенько.
Передъ зеркаломъ хрустальнымъ
Чесалъ кудри черныя,
Чесалъ, самъ приговаривалъ:
Завивайтесь, кудри,
Завивайтесь, черныя!
Ужъ какъ завтра-ль васъ, кудри,
Ужъ какъ завтра-ль васъ, черныя,
Не самъ буду завивати,
Станетъ завивати красна дѣвица.
А и матушка родимая,
А и слышавши его рѣчи,
Говорила своему сыну милому:
Дитя ли мое, дитятко,
Дитя ли мое милое!
Не гадай впередъ, не загадывай,
Не угадавши, не отгадывай.
Какова еще рука у дѣвицы?
Какова еще бѣлая у красной?
Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя;
Коли будетъ совѣтъ да любовь—
Кудри сами станутъ завиваться;

Коли будетъ кось да перекось—
Не развивши, станутъ развиваться.
Ужъ завьются ли кудри,
Ужъ завьются ли черныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частаго гребешка,
Не отъ частаго костяного:
Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черныя
Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя
Отъ печали отъ горести,
Отъ тоски-кручинушки.

—

166. Что во свѣтлой во свѣтлицѣ.

Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Подъ косящатымъ окошечкомъ,
Сидѣла красна дѣвица—душа,
Похвалялась похвальбой своей,
Похвальбой своей великою:
Что не взять, не взять Алексѣю меня,
Что не взять, не взять Васильевичу!
Что ни стомъ рублей, ни тысячей,
Ни помѣстьемъ, большой вотчиной!
Какъ услышалъ Алексѣй, господинъ,
Похвальбу ея великую:
Не хвалися, красна дѣвица, душа,
Свѣтъ Евфросинья Васильевна!
Я возьму тебя за себя
И безъ ста рублей, безъ тысячи,
Безъ помѣстьевъ, большой вотчины;
Я самъ-семъ пріѣду съ боярами,
Я восьмую возьму свашеньку,
И девятую присватую,
А десятую тебя за себя;
Я возьму тебя за правую руку,
Поведу тебя къ суду Божьему,
Къ суду Божьему ко злату вѣнцу,
Отъ злата вѣнца къ себѣ на дворъ:
Еще вотъ тебѣ, батюшка,
Вѣковѣчная ключница!
Еще вотъ тебѣ, матушка,
Вѣковѣчная платьемойница!
Ужъ какъ мнѣ ли, молодцу,
Вѣковѣчная молода жена!

—

167. Вы вставайте, мои голубушки.

Вы вставайте, мои голубушки!
Высоко взошло красно солнышко,
Выше лѣсу, лѣсу темнаго,
Выше батюшки нова терема.
Обогрѣло красно солнышко
Моего батюшки высокъ теремъ:
Обогрѣло красно солнышко
Моей матушки нову горницу;
Обогрѣло красно солнышко
Мово братика новъ широкій дворъ;
Обогрѣло красно солнышко
Моей сестрицы крыльцо бѣлое:
Обогрѣло красно солнышко
Моихъ кумушекъ подружекъ.
Какъ меня же молоденьку
Да не грѣетъ красно солнышко,
Что не грѣетъ, не освѣщаетъ,
Бѣдно сердце мое повызнобитъ.

—

168. Какъ по морю-морю синему.

Какъ по морю-морю синему,
По синему по Хвалынскому,
Плыветъ лебедь со лебедкою,
Со малыми съ лебедятами;
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Ушибъ, убилъ лебедь бѣлую.
Онъ кровь точилъ во сыру землю,
А пухъ пустилъ по синю морю,
Разнесъ перья по чисту полю.
Сбиралися красны дѣвушки
Въ чисто поле брати перышки;
Брали перья красны дѣвушки;
Мимо ѣхалъ добрый молодецъ:
«Богъ на помочь, красна дѣвица-душа,
Тебѣ брати легки перышки!»
Тутъ дѣвица не склонилася,
Добру молодцу поклонъ не отдала;
Грозилъ парень красной дѣвицѣ-душѣ:
«Добро, дѣвка, добро, красная,
Что бы тебѣ за моею головой,
Стоять тебѣ у кровати тесовой,
Зяобить, дѣвкѣ, рѣзвы ноженьки свои,
Слезить тебѣ очи ясныя твои».
Тутъ дѣвушка поклонилася:
«Я чаяла, что не ты, мой другъ, идешь,
Не ты идешь, не ты кланяешься».

169. А мы просо сѣяли, сѣяли.

А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ, Ладо, вытоптать, вытоптать!
А мы коней выпустимъ, выпустимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
А мы коней переймемъ, переймемъ;
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять!
Шелковымъ поводомъ, поводомъ;
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ!
А мы коней выкупимъ, выкупимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить!
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей;
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи;
Ой Дидъ, Ладо, тысячи, тысячи!
А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ, Ладо, надобно, надобно!
Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу;
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло;
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

---

170. Слава Богу на небѣ.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла,
Слава!
Чтобъ Царева золота казна,
Слава!
Была вѣкъ полнымъ-полна,
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы,
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе,
Слава!

---

171. Катилося зерно по бархату.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Слава!

---

172. Идетъ кузнецъ изъ кузницы.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота.
Слава!

Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотой перстень,
Слава!
Изъ обрѣзковъ булавочку,
Слава!
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать.
Слава!

---

173. Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка, молодецкая.
Ужъ куда я, добрый молодецъ, ни кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпки караулы:
Они меня ловятъ, стерегутъ.
Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

---

174. Ахъ вы, горы, горы крутыя.

Ахъ вы, горы, горы крутыя!
Ничего-то вы, горы, не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ, василечковъ;
Ужъ вы только породили, круты горы,
Бѣлъ горючъ камень, великъ добрѣ.
Что на камушкѣ растетъ ли частъ ракитовъ кустъ,
Что подъ кусточкомъ лежитъ — убитъ добрый молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черныя;
Изъ реберъ его поросла трава,
Ясны очи его пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается его матушка родимая.
Ахъ! какъ я тебѣ, сынъ говаривала:
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина;
Потерять тебѣ, сыну, буйну голову!

---

175. Ужъ какъ палъ туманъ на сине море.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходитъ туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковый коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ-добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горячую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру-землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ-добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу;
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду-племени,

Къ Малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалой-добрый молодецъ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодова бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

---

176. Не шуми, мати зеленая дубровушка.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ меня царь-государь спрашивати:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ль съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа, православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой—добрый конь,
А четвертый мой товарищъ—тугой лукъ,
Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа, православный царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

---

177. Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи.

Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи,
Свѣтилъ въ половину;
Какъ скакалъ да скакалъ одинъ добрый молодецъ
Безъ вѣрной дружины.
А гнались да гнались за тѣмъ добрымъ молодцемъ
Вѣтры полевые;
Ужъ свистятъ да свистятъ въ уши разудалому
Про его разбои.
А горятъ да горятъ по всѣмъ по дороженькамъ
Костры стражевые;
Ужъ слѣдятъ да слѣдятъ молодца разбойничка
Царскіе разъѣзды;
А сулятъ да сулятъ ему, разудалому,
Въ Москвѣ бѣлокаменной каменны палаты.

б) солдатскія.

178. Какъ и шли прошли солдаты молодые.

Какъ и шли прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родныя,
Во слезахъ пути дороженьки не видютъ.
Какъ возговорятъ солдаты молодые:
Охъ вы, матушки родные, да родные,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами.

179. Какъ по травонькѣ, по муравонькѣ.

Какъ по травонькѣ, по муравонькѣ,
По алымъ цвѣтамъ по лазоревымъ,
Тутъ стоялъ-то полкъ казаченьковъ.
Какъ всѣ-то казаченькивофрунтустоятъ,
Во фрунту стоятъ по своимъ мѣстамъ;
Какъ одинъ-то казакъ позадѣ полку,
позадѣ фрунту;
Онъ и думаетъ думу крѣпкую.
Подходилъ къ нему младъ урядничекъ,
Онъ и сталъ его выспрашивать:
«Охъ, ты что, казакъ, призадумавшись
стоишь?
Или думаешь думу крѣпкую?
Или жаль тебѣ, казакъ, отца съ матерью,
Или жаль тебѣ роду-племени?
Или жаль тебѣ свою сторону»?
—«Мнѣ не жаль-то отца съ матерью,
Мнѣ не жаль-то свою сторону,
Только жалко мнѣ малыхъ дѣтушекъ!»

---

180. Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ.

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему,
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта?
Все ты прячешься за облаки,
Укрываешься тучей темною.
Что у насъ было, на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во Соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы Государевой,
У гробницы Петра Перваго,
Петра Перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ Государевой,
Государя Петра Перваго;
Въ возрыданье слово вымолвилъ:
Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ ли на четыре стороны!
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися, золота парча!
И ты встань, пробудись, Государь,
Пробудисьбатюшка,православный Царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ, обезсилили.

в) шуточныя.

181. Какъ во городѣ было во Суздалѣ.

Какъ во городѣ было во Суздалѣ,
Во Ефимьевой славной слободѣ,
Во высокомъ теремѣ, состроенномъ,
Жилъ угрюмый мужъ, жена ласкова,
Жилъ боярскій сынъ, слуги добрые,
Жилъ извощикъ глупъ, кони скорые,
Всего было много, а ѣсть нечего,
Всѣхъ въ гости зовутъ, а никто нейдетъ
Отъ хозяйскаго нрава грубаго,
Отъ пріема всѣхъ изневаженнаго.
Ужъ какъ пріѣхалъ гость зазванной
За обѣденной столъ, во великъ день:
Ужъ не буря тутъ взволновалася,
А кровь въ хозяинѣ разыгралася;
Принахмуря, сидя, брови сѣрыя,
Руки старыя въ кулаки согнулъ,
Училъ зорить гостя зазваннаго,
Безъ вины, безъ разума.
Ужъ вступилась ли жена добрая
За обиду за гостинную:
Ужъ ты, мужъ, что-по-что бранишь
Гостя зазваннаго во пиру своемъ!
Не женѣ учить старова мужа,
Ворчалъ злой старикъ за столомъ;
Гость-то учинилъ обиду крайнюю:
Онъ съѣлъ за-разомъ калачъ большой,
Калачъ большой, двухкопеешной.
Съ той поры, съ крутой бѣды,
Запустѣлъ теремъ состроенной.

---

182. Ходили дѣвушки по бережку.

Ходили дѣвушки по бережку,
Гуляли красныя по крутому,
Садили дѣвушки ярый хмѣль:
Роститы,хмѣлюшко,потычинкѣ въ день!
Безъ тебя бесѣдушка не водится,
Пьяная браженька не варится,
Добрые молодцы не женятся,

Красныя дѣвицы за-мужъ нейдутъ.
Вздумала Параша за-мужъ пошла.
Теща про зятя пирогъ пекла,
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару, изюму ровно на восемь рублей:
Сталъ ей пирогъ во двѣнадцать рублей.
Думала теща семерымъ не съѣсть;
Зятюшка пришелъ—весь одинъ оплелъ.
Теща по горенкѣ похаживаетъ,
Косо на зятюшку поглядываетъ:
—Какъ тебя, зятюшко, не разорвало!—
«Лучше бы ты, теща, не подчивала,
«Приходи ко мнѣ, матушка, на масляницѣ:
«Я тебѣ въ тѣ поры честь воздамъ
«Въ четыре дубины березовыя,
«Пятый кнутъ по заказу свитъ».
Билася-рвалася, на-силу урвалась;
Бѣжала-бѣжала, насилу ушла.
Подходитъ ко двору, кричитъ сыну своему:
—Поди-ко, погляди, ещё кто это идетъ?—
«Зять у воротъ на похмѣлье зоветъ».

Б. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПѢСНИ.

183. ПѢСНИ АНАКРЕОНА.

а) къ лирѣ.

Хочу я пѣть Атридовъ,
И Кадма пѣть охота,
А барбитонъ струнами
Звучитъ мнѣ про Эрота.
Недавно перестроилъ
И струны я, и лиру,
И подвиги Алкида
Хотѣлъ повѣдать міру;
А лиру, въ новомъ строѣ,
Эрота славитъ вновь.
Простите же, герои!
Отнынѣ струны лиры
Поютъ одну любовь.

Мей.

б) эротъ.

Средь полуночнаго часа,
Какъ Медвѣдица вращалась
Подъ рукою Волопаса,
И людскія поколѣнья
Въ снѣ спокойномъ отдыхали
Отъ трудовъ и утомленья,
Подошелъ Эротъ украдкой
И внезапно въ дверь мнѣ стукнулъ.
—Кто, спросилъ я, тамъ стучится
И тревожитъ сонъ мой сладкой?—
А Эротъ: «Открой мнѣ двери
И не бойся: я ребенокъ—
Весь промокъ и заблудился...
Ночь безмѣсячна: въ потемкахъ
Я съ пути-съ дороги сбился».
При такихъ словахъ, пришельца
Жаль мнѣ стало не на шутку.
Зажигаю я лампаду,
Отворяю дверь—и вижу
Окрыленнаго малютку,
Съ легкимъ лукомъ и колчаномъ.
Къ очагу его подвелъ я
И въ рукахъ своихъ рученки
У дитяти согрѣваю,
И изъ мокрыхъ кудрей влагу
Дождевую выжимаю.
Но едва онъ обогрѣлся:
«Поглядимъ теперь, промолвилъ,
Цѣлы-ль лукъ мой съ тетивою,
Не испорчены-ль ненастьемъ
И водою дождевою»?
Натянувши лукъ свой, въ печень
Онъ пронзилъ меня стрѣлою,
Словно оводъ острымъ жаломъ.
Тутъ онъ вспрыгнулъ съ громкимъ смѣхомъ,
Тутъ онъ крикнулъ мнѣ: «Хозяинъ,
Веселися! я доволенъ:
Лукъ мой мѣтокъ и исправенъ;
Ты же сердцемъ крѣпко боленъ».

Мей.

в) весна.

Посмотри—весна вернулась—
Сыплютъ розами хариты;
Посмотри—на тихомъ морѣ
Волны дремою повиты;
Посмотри—ныряютъ утки,
Журавлей летитъ станица;
Посмотри—Титана-Солнца
Въ полномъ блескѣ колесница.
Тучи тихо уплываютъ,
Унося ненастья пору;
На поляхъ труды людскіе

Говорятъ привѣтно взору;
Гея нѣжные посѣвы
На груди своей лелѣетъ;
Почка маслины пробилась
Сквозь кору и зеленѣетъ;
Лозы пламеннаго Вакха
Кроетъ листва молодая,
И плодовъ румяныхъ завязь
Расцвѣла, благоухая.

Мей.

г) кузнечикъ.

Какъ блаженъ ты, мой кузнечикъ!
На высокихъ на деревьяхъ
Ты, какъ царь, поешь на волѣ,
Выпивъ сладкую росинку.
Все твое, чѣмъ въ чистомъ полѣ
Обновляется природа,
Что приноситъ время года.
Ты—любимецъ земледѣльцевъ,
Ты безвреденъ—и за это
Почитаемъ ты отъ смертныхъ,
Провозвѣстникъ сладкій лѣта.
Ты любезенъ нѣжнымъ музамъ,
Фебъ тебя не меньше любитъ,
Одаряя звонкимъ пѣньемъ.
Старость дней твоихъ не губитъ:
И мудрецъ и пѣснолюбецъ,
Безболѣзненъ и безкровецъ,
Ты почти съ богами ровенъ.

Мей.

д) умѣренность.

Отрокъ, дай большую чашу—
Вдоволь пить хочу изъ ней;
Но воды кіаѳовъ десять,
А вина лишь пять налей:
Чтобы принялъ благосклонно
Возліянье Бассарей.

(*Чрезъ нѣсколько времени*).

Что жъ ты? лей скорѣе!
Мы съумѣемъ избѣжать
Ссоръ и пьяныхъ криковъ скиѳовъ,
И за полной чашей станемъ
Гимнъ согласный напѣвать.

Мей.

---

184. ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Пусть гордится старый дѣдъ
Внуковъ рѣзвою семьею,
Витязь—плѣнниковъ толпою
И трофеями побѣдъ;
Красота морей зыбучихъ—
Паруса судовъ летучихъ;
Честь народовъ—мудрый кругъ
Патріарховъ въ блескѣ власти;
Для меня жъ милѣй, мой другъ,
Въ пору бури и ненастій,
Въ темной хижинѣ очагъ,
Пня дубоваго отрубокъ
Да въ рукахъ тяжелый кубокъ,
Въ кубкѣ хмѣль и хмѣль въ рѣчахъ.

Майковъ.

---

185. ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ.

Боже! царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное,
Все жъ недостойное
Прочь отжени!
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ—
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!
О Провидѣніе,
Благословеніе,

Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе,
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ,
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу сіяй!

Жуковскій.

---

186. ПѢСНЬ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ!
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ...
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь:
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.

О щедрый Богъ! не вовсе жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю,
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Жуковскій.

---

187. Минувшихъ дней очарованье.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшіе мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ,—
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.
О милый гость, святое «прежде»,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь!
Могу ль сказать: «живи!» надеждѣ?
Скажу ль тому, что было: «будь?»
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту!
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу!
Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ!
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ!
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

Жуковскій.

---

188. ПѢСНЯ ДѢВУШЕКЪ.

Дѣвицы-красавицы,
Душеньки подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разыграйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,

Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.

А. Пушкинъ.

---

189. ТОСКА ВЪ ОДИНОЧЕСТВѢ.

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдетъ ли красно солнышко: кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ ли погодушка: кто будетъ защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близь него,
Ни кустики зеленые не вьются вкругъ него.
Ахъ, скучно одинокому и дереву расти!
Ахъ, горько, горько молодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много сребра, золота: кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей: но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь ли съ знакомыми? поклонъ да былъ таковъ;
Встрѣчаюсь ли съ пригожими? поклонъ да пару словъ;
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня;
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чернаго лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придетъ!
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ,
Не плачется отъ радости старикъ, смотря на насъ,
Невьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь!
Возьмите же все золото, всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ.

Мерзляковъ.

---

190. ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы,
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, русскія пѣвицы!
Спѣшите, красныя, домой!
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

А. Пушкинъ.

---

192. Я пережилъ свои желанья.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!...
Живу печальный, одинокой,
И жду—придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,

Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.
А. Пушкинъ.

---

192. ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный,
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья.

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй.
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!—
Смѣло, братья! бурей полный,
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.
Н. Языковъ.

---

193. Пѣла, пѣла пташечка.

Пѣла, пѣла пташечка—
И затихла;
Знало сердце радости—
И забыло.
Что, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю!
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги;
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!
Дельвигъ.

---

194. Ахъ, ты ночь ли, ноченька.

Ахъ, ты ночь ли,
Ноченька!
Ахъ, ты ночь ли
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною,
Молодцемъ,
Грусть-злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
На сердце:
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодецъ,

На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься.

Дельвигъ.

195. Море воетъ, море стонетъ.

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракѣ, одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но, счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою,—
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою.

Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое—
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

Д. Давыдовъ.

196. Сладко пѣлъ душа соловушко.

Сладко пѣлъ душа соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду;
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.

Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать бы хотѣлося
Не разсталась бы ввѣкъ съ ней.

Вдругъ подула со полуночи,
Будто на сердце легла,
Снѣговая непогодушка
И мой садикъ занесла.

Со того ли со безвременья
Опустѣлъ зеленый садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ немъ,
Только милой не слыхать.

Слышите ль, мои подруженьки?
Въ зеленомъ моемъ саду
Не поетъ ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?

«Гдѣ ужъ помнить перелетному»,
Мнѣ подружки говорятъ,
«Пѣсню, можетъ быть, постылую
Для него въ чужомъ краю?»

Нѣтъ! запѣлъ душа соловушко:
Въ чужедальной сторонѣ
Онъ все горькій сиротинушка,—
Онъ все тотъ же, что и былъ.

Не забылъ онъ пѣснь завѣтную;
Все про край родной поетъ,
Все поетъ въ тоскѣ про милую:
Съ этой пѣснью и умретъ.

Лажечниковъ.

197. КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ.

Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;

Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.

Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...

Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой,

Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

198. Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетной
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Бурный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь.

Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль было—
Въ ночь безмолвную,
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя ль было—
Въ дни роскошества,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...

У тебя ль было—
Поздно вечеромъ,
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ,
Держи около!....»

Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается...

Встрепенувшися,
Разбушуешься—
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.

Буря всплачется
Лѣшимъ-вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...

Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился...

Одичалъ, замолкъ—
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Такъ-то темный лѣсъ,
Богатырь Бова!
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные—
Такъ подрѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Понахлынули
Силы вражія...

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломенкой...

Кольцовъ.

---

199. Сяду я за столъ.

Сяду я за столъ,
Да подумаю—
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

Нѣтъ у молодца
Молодой жены;
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны, сохи,
Коня—пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—
Силу крѣпкую.

Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю размыкала.

Сяду я за столъ,
Да подумаю—
Какъ мнѣ вѣкъ дожить
Одинокому.

Кольцовъ.

---

200. Что ты спишь, мужичекъ.

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ—по травѣ
Хоть шаромъ покатись.

Изъ клѣтей—домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба
Какъ старушка стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ.

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое.

А теперь—подъ окномъ
Ты съ бѣдою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;

А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ некошенъ стоитъ;
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну—
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

---

201. ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка!
Пашней, десятиной
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ!

Весело на пашнѣ!
Ну! тащися, сивка!
Я самъ другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху!
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю;
Ну! тащися, сивка!

Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы:.
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну! тащися, сивка!
Накормлю до-сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Кольцовъ.

302. По полю, полю чистому.

По полю, полю чистому,
    По бархатнымъ лужкамъ,
Течетъ, струится рѣченька
    Къ безцвѣтнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза—
    Всегда свѣтла она;
Отъ бури лишь поморщится,
    Не иная что волна...
Не рощи, не дубравушки
    По бережку растутъ:
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
    Любуясь въ ней, цвѣтутъ!
А рѣчка извивается
    По травушкѣ, скользитъ...
То въ лукѣ потеряется,
    То снова заблеститъ.
[illegible]
    Всегда въ одной красѣ:
[illegible]
    Небесной лишь росѣ.
Не долго ль, долго ль рѣченькѣ
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
И я грустить, печалиться
    До гроба осужденъ.

Цыгановъ.

---

303. Полетай, соловеюшко.

Полетай, соловеюшко,
    На родиму сторонушку:
На родимой сторонушкѣ,
    Тамъ живала сироточка.
Сирота горемычная,
    Моя матушка родимая!
Подъ ея подъ окошечкомъ
    Есть кудрявое деревцо:
Оно мною посажено,
    Ею часто поливано,
Не водицей ключевою,
    А слезами да горючими.
Сядь на немъ, соловеюшко,
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]
[illegible]
    [illegible]

[illegible]

IV. ЭЛЕГІЯ.

204. ПОСЛАНІЕ СЪ ПОНТА.

(вольное подражаніе овидію).

Здорово, добрый другъ, здорово, консулъ новый!
Я знаю, въ пурпурѣ, и съ консульскимъ жезломъ,
И въ сонмѣ ликторовъ, покинулъ ты свой домъ,
И въ храмъ Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить предъ алтаремъ дымящуюся кровь...
Увѣренъ, что купивъ, народную любовь,
Взираешь ты, какъ чернь бросается толпами
На жареныхъ быковъ съ злачеными рогами...
Но если вдругъ тебѣ твой рабъ письмо вручитъ,
Начертанное здѣсь изгнанника рукою,—
Какъ встрѣтишь ты его? чѣмъ взоръ твой заблеститъ?
Кивнешь ли вѣстнику привѣтно головою
Иль кинешь гнѣвный взоръ дрожащему рабу?
Что бъ ни было, ты все стоишь передо мною,
Какъ прежній добрый другъ—и я кляну судьбу,
Стократъ ее кляну, что разлученъ съ тобою,
Что нѣтъ на торжествѣ твоемъ моихъ даровъ,
Что мнѣ не суждено съ сверкающимъ фалерномъ
Подняться со скамьи, и голосомъ невѣрнымъ,
Отъ чувства полноты, прочесть тебѣ стиховъ!
Увы! мнѣ самый стихъ латинскій измѣняетъ!
Ужъ мысль моя двойной одеждой щеголяетъ...
Уже Авзоніи блестящіе цвѣты
Блѣднѣютъ предо мной, а мирная долина,
Пустынные брега шумящаго Эвксина
Да быта скиѳскаго суровыя черты
Мнѣ кажутся вѣнцомъ высокой красоты!
А пѣсни дикарей!.. Межъ скиѳовъ, въ ихъ пустынѣ,
Я самъ сталъ полу-скиѳъ. Повѣришь ли, я нынѣ
Ихъ дикимъ языкомъ владѣю какъ своимъ!
Я пріучилъ его къ себѣ какъ звѣря. Имъ
Я властвую: въ ярмо онъ вью преклоняетъ,
Я правлю,—онъ звучитъ и мѣрный стихъ слагаетъ.
Пойми меня, мой другъ, пойми! Мой грубый стихъ
Не втуне ужъ звучитъ среди пустынь нагихъ,
А принятъ, повторенъ и понятъ человѣкомъ!
И скиѳы дикіе, подобно древнимъ грекамъ,
Съ улыбкою зовутъ меня своимъ пѣвцомъ!
Поэму я сложилъ ихъ варварскимъ стихомъ;
Для нихъ впервые я воспѣлъ величье Рима,
И все, съ чѣмъ мысль моя во-вѣкъ неразлучима...
О дивномъ Августѣ звучала пѣснь моя...
Я пѣлъ Германика, имъ Друза славилъ я;
И пѣлъ, какъ, побѣдивъ батавовъ и тевтоновъ,
Они вступали въ Римъ, и плѣнные цари,
Окованные, шли средь римскихъ легіоновъ,

И сыпались цвѣты, дымились алтари,
И Августъ ихъ встрѣчалъ, подобный полубогу,
И слезы лилъ тайкомъ на праздничную тогу…
Еще не кончилъ я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны потрясали
И, изумленные, въ восторгѣ повторяли:
«Ты славишь Августа—зачѣмъ же ты не съ нимъ!»
То скиѳы говорятъ,—а вотъ семь лѣтъ ужъ нынѣ,
Какъ, всѣми позабытъ, томлюся я въ пустынѣ…

А. Майковъ.

---

205. ТИВУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ.

(вольный переводъ).

Кто первый изострилъ желѣзный мечъ и стрѣлы?
Жестокій! онъ изгналъ въ безвѣстные предѣлы
Миръ сладостный, и въ адъ открылъ обширный путь!
Но онъ виновенъ ли, что мы на ближнихъ грудь
За золото, за прахъ, желѣзо устремляемъ,
А не чудовищей имъ дикихъ поражаемъ?
Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой
Изъ буковой коры межъ утвари простой,
столъ былъ отягченъ избыткомъ сельскихъ брашенъ:
Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ,
И пастырь близь овецъ спокойно засыпалъ;
Тогда бы дни мои я радостьми считалъ;
Тогда бъ не чувствовалъ невольно трепетанье
При гласѣ бранныхъ трубъ! О тщетное мечтанье!
Я съ Марсомъ на войнѣ: быть можетъ, лукъ тугой
Натянутъ на меня пернатою стрѣлой…
О боги! сей ударъ вы мимо пронесите,
Вы, Лары отчески, отъ гибели спасите!
О вы, хранившіе меня въ тѣни своей,
Въ безпечности златой отъ колыбельныхъ дней,
Не постыдитеся, что ликъ боговъ священный,
Изсѣченный изъ пня и пылью покровенный,
Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ стоитъ!
Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни злата,
Когда священный ликъ домашняго Пената
Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ.
Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ простыхъ
Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліянья,
Иль на чело его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей;
Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
Когда на празднествахъ, въ дни майскіе веселы,
Съ толпою чадъ своихъ, оратай престарѣлый
Опрѣсноки ему священны принесетъ,
А дѣвы красныя изъ улья чистый медъ.
Спасите жъ вы меня, отеческіе боги,
Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій:
Кошницу полную Церериныхъ даровъ,
А въ жертву—сей овенъ, краса моихъ луговъ.
Я самъ, увѣнчанный и въ ризы облеченный,
Явлюсь на утріе предъ вашъ алтарь священный.
Пускай, скажу, въ поляхъ неистовый герой,
Обрызганъ кровію, выигрываетъ бой,
А мнѣ—пусть благости сей буду я достоинъ —
О подвигахъ своихъ разскажетъ древній воинъ,
Товарищъ юности, и, сидя за столомъ,
Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ виномъ.

Почто же вызывать намъ смерть изъ царства тѣни,
Когда въ подземный домъ вездѣ равны ступени?
Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится и всюду за тобой.
И низведетъ тебя въ тѣ мрачные вертепы,
Гдѣ лаетъ адскій песъ, гдѣ фуріи свирѣпы
И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
Тамъ тѣней блѣдный полкъ толпится на брегахъ,
Власы обожжены, и впалы ихъ ланиты.
Хвала, хвала тебѣ, оратай домовитый!
Твой вечерѣетъ вѣкъ средь счастливой семьи:
Ты самъ, въ тѣни дубравъ, пасешь стада свои;
Супруга, между тѣмъ, трапезу учреждаетъ,
Для омовенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
Съ кристальною водой. О боги! еслибъ я
Узрѣлъ еще мои родительски поля!
У свѣтлаго огня, съ подругою младою,
Я бъ юность вспомянулъ за чашей круговою
И были и дѣла давно протекшихъ дней!
Сынъ неба, свѣтлый Миръ! ты самъ среди полей
Вола дебелаго ярмомъ отягощаешь,
Ты благодать свою на нивы проливаешь
И въ отческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
Ліешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ.
Въ дни мира острый плугъ и заступъ намъ священны;
А мечъ, кровавый мечъ, и шлемы оперенны
Снѣдаетъ ржавчина безмолвно на стѣнахъ.
Оратай изъ лѣсу тамъ ѣдетъ на волахъ
Съ женою и съ дѣтьми, виномъ развеселенный!

Батюшковъ.

---

206. Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній.

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, въ душѣ моей!
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ!
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки:
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки:
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ;
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Жуковскій.

207. ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея;
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ —
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили:
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ ожпвилпсь минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость...

Все тѣ жъ берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близь мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ —
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не въ дали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина, и вдругъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянетъ хранитель — Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.

И взглядъ на него любопытный вперилъ —
Лице его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ —
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

—Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда—лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Уже ль и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ?

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
«Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна.

«О нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.

«Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ

Яснѣе великость творенья:
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной возвышенной цѣли.

«Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На-вѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

«О нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же: все ею онъ полонъ.

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь:
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.

«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я—человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душею.

«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

«Сей гробъ затворенная къ счастію дверь:
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

«О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.

«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку! близь вѣрнаго друга,
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.

«Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ;
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу-Зевесу!»

Жуковскій.

---

208. ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ;
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала—
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее подъ сводомъ неба

Не нашелъ всезрящій богъ,
А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ...
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ;
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ,
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда уже на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ, печальной,
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ...
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать!
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близь супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный,
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой
Въ сладкопамятный завѣтъ,
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены,—
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу
И, въ земное бросивъ нѣдро,
Стиксу въ жертву приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы точной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень—Стиксовый струей.

Ими таинствено слита

Область тьмы съ страною дня,
И приходитъ отъ Коцита
Милой вѣстью для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины:
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О, привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ палью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Аврориньмъ сіяньемъ
Поравияю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

Жуковскій.

208. ТѢНЬ ДРУГА.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона;
Казалось, онъ, въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ—
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели;
Мечты смѣнялися мечтами—
И вдругъ... то былъ ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями;
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты ль это? милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты ль это?» я вскричалъ, «о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провожалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,
Или протекшее все было сонъ, мечтанье:
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою съ любовію сжимаетъ...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистой полуночи,
Исчезъ—и сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ

И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла—
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

Батюшковъ.

---

210. Смерть жатву жизни коситъ...

Смерть жатву жизни коситъ, коситъ,
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жизни проситъ
И грозно разрываетъ насъ.

Какъ много ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ!
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!

Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро разсвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло!

А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.

Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.

Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ:
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ въ нихъ сочувствій нѣтъ.

Они, что любимъ, разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать!
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!

Нашъ міръ — имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный —
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Такъ мы развалинамъ подобны,
И на распутіи живыхъ
Стоимъ какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ.

Кн. Вяземскій.

---

211. ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо
И, кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собой
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же;

Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась:
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
Попрежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

А. Пушкинъ.

212. СЛЕЗЫ.

Сколько слезъ я пролилъ!
Сколько тайныхъ слезъ
Скрыться приневолилъ
Въ дни сердечныхъ грозъ!

Слезы, что пробились,
Позабыты мной;
Чувства оживились
Свѣжей ихъ росой.

Слезы, что отсѣли
На сердечномъ днѣ,
Къ язвамъ прикипѣли
Ржавчиной во мнѣ.

Кн. Вяземскій.

213. 19-го Октября.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ:
Знакомое неслышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ нами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной;
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный,
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь! Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
И волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ

И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа нераздѣлимъ ивѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ Музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣже мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душей предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ! Фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ розный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
Подъ бурею главой поникъ я томной
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ.
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой: твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье Музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! И уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не толь и съ нами было,
Мой братъ родной по Музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! Душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди! огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ—и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ—и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,

Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ:
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой, хоть печальной,
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

А. Пушкинъ.

---

214. ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда:
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья;
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья:
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

А. Пушкинъ.

---

215. ОСЕНЬ.

Октябрь ужъ наступилъ, ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ; дорога промерзаетъ;
Журча еще, бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы
И отдаленные сѣдой зимы угрозы.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь;
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ—я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ — таковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.

Но гаснетъ краткій день, и въ комелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ: то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно, а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

И забываю миръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ;
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо—къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ:
Но чу! матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны;
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

А. Пушкинъ.

---

216. Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

А. Пушкинъ.

---

217. ИСТИНА.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ:
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

Безуменъ ты и всѣ твои желанья,
Мнѣ тайный голосъ рекъ—
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на—вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось невполнѣ?
Зачѣмъ же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я тяжкій жребій свой,
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью
(Вѣщала): захочу—
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.

«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой».

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: о гостья неземная,
Печаленъ твой привѣтъ!

Свѣтильникъ твой — свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости!... иль нѣтъ! когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,

Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти!

Баратынскій.

---

218. ПОЭТЪ и ДРУГЪ.

Другъ.

Ты въ жизни только расцвѣтаешь,
И ясенъ міръ передъ тобой:
Зачѣмъ же ты въ душѣ младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близокъ къ двери гробовой,
Того уста не пламенѣютъ,
Не такъ душа его пылка,
Въ привѣтахъ взоры не свѣтлѣютъ,
И такъ ли жметъ его рука?

Поэтъ.

Мой другъ! слова твои напрасны.
Не лгутъ мнѣ чувства; ихъ языкъ
Я понимать давно привыкъ,
И ихъ пророчества мнѣ ясны.
Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Другъ.

Не такъ природы строгъ завѣтъ.
Не презирай ея дарами:
Она на радость юныхъ лѣтъ
Даетъ надежды намъ съ мечтами.
Ты гордо слышалъ ихъ привѣтъ:
Она желаніе святое
Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.

Поэтъ.

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ,
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ,
Какъ вѣщій голосъ, изловилъ!
Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата—
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть;
Другому—рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Другъ,

Мой другъ! зачѣмъ обманъ питать?
Нѣтъ, дважды жизнь насъ не лелѣетъ.
Я то люблю, что сердце грѣетъ,
Что я своимъ могу назвать,
Что наслажденье въ полной чашѣ
Намъ предлагаетъ каждый день...
Пусть величаютъ нашу тѣнь,
Нашъ голый остовъ отрываютъ,
По волѣ вѣтряной мечты
Даютъ ему лице, черты
И призракъ славой называютъ!

Поэтъ.

Нѣтъ, другъ мой! славы не брани:
Душа сроднилася съ мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что уста мои вѣщали—
Веселья мимолетный звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали—
Еще напомнитъ обо мнѣ,
И сильный стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды нелживые прочтетъ;
Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвитъ слово состраданья:
«Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышитъ жаромъ красоты,
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!»

Сбылись пророчества поэта,
И другъ въ слезахъ съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

Веневитиновъ.

---

219. АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ.

---

220. ПАРУСЪ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ....
Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ.

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Лермонтовъ.

---

221. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ кустамнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,

И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Лермонтовъ.

---

222. Выхожу одинъ я на дорогу.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ,
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бъ желалъ на-вѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Лермонтовъ.

223. ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И—какъ предчувствіе сходящихъ бурь—
Порывистый, холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кротка улыбкая увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Тютчевъ.

---

224. Пошли, Господь, свою отраду...

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по знойной мостовой.

Ѳ. Тютчевъ.

---

225. Когда вечерняя спускается роса.

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлетъ дольній міръ, и вѣтръ прохладой дуетъ,
И синимъ сумракомъ одѣты и лѣса,
И землю сонную лучъ мѣсяца цѣлуетъ,—
Мнѣ страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть однимъ, и сердце сердца проситъ,
И голосъ трепетный то ропщетъ на судьбу,
То имена любви невольно произноситъ...
Когда жъ въ часъ утренній проснувшійся востокъ

Выводитъ съ торжествомъ денницу золотую,
Иль солнце льетъ лучи, какъ пламенный потокъ,
На ясный міръ небесъ, на суету земную—
Я снова бодръ и свѣжъ: на смутный бытъ людей
Бросаю смѣлый взглядъ; улыбку и презрѣнье
Одни я шлю въ отвѣтъ грозамъ судьбы моей,
И радуетъ меня мое уединенье.
Готовая къ борьбѣ и крѣпкая какъ сталь,
Душа бѣжитъ любви, безсильнаго желанья,
И одинокая, любя свои страданья,
Питаетъ гордую, безгласную печаль.

А. Хомяковъ.

---

226. КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я—вездѣ темнота;
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно! малютокъ моихъ уже нѣтъ,
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти! въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать,—
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

А. Хомяковъ.

---

227. ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ:
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ!

Козловъ.

---

228. Внимая ужасамъ войны...

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Н. Некрасовъ.

---

229. ДОРОГА.

Глухая степь. Дорога далека!
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле!

Вдали туманъ. Мнѣ грустно поневолѣ
И тайная беретъ меня тоска.

Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то жъ:
Все степь да степь, за нивой снова нива...
Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
«Про черный день мы пѣсню бережемъ!»
—Чему жъ ты радъ? — «Недалеко до хаты—
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ».

Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей.
А я усталъ—покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его... Мѣняютъ лошадей.

Ну, ну живѣй! Долга моя дорога!
Сырая ночь—ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поетъ... Въ душѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня.

Я. Полонскій.

---

230. Вырыта заступомъ яма глубокая.

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла
И какъ степной огонекъ замерла.
Что же? усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!...
Вотъ она, слышится пѣснь беззаботная;
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается:
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. о жизни покончепъ вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

Никитинъ.

V. САТИРА И ЭПИГРАММА.

231. ПРОТИВЪ ЛЮБОСТЯЖАНІЯ. САТИРА ГОРАЦІЯ.

книги 1-й сатира 1-я.

Что за причина тому, Меценатъ, что какую бы долю
Намъ ни послала судьба и какую бъ ни выбрали сами,
Рѣдкій доволенъ и всякій завидуетъ долѣ другаго?
«Счастливъ купецъ!» говоритъ отягчаемый лѣтами воинъ,
Чувствуя, съ многихъ трудовъ, у себя какъ разбитые члены.
Если же буря бросаетъ корабль, мореходецъ взываетъ:
«Лучше быть воиномъ! что имъ! лишь кинутся въ битву съ врагами,
Часъ не пройдетъ—иль скорая смерть, или радость побѣды!»
Опытный въ правѣ законникъ, слыша чѣмъ-свѣтъ, что стучится
Въ двери къ нему довѣритель, хвалитъ удѣлъ земледѣльца.
Житель же сельскій, для тяжбы оставить село принужденный,
Вызванный въ городъ, считаетъ однихъ горожанъ за счастливцевъ.
Этихъ примѣровъ такъ много, что ихъ перечесть не успѣлъ бы
Даже и Фабій болтунъ.—Итакъ, чтобъ тебѣ не наскучить,

Слушай, къ чему я веду. Пусть бы кто изъ боговъ вдругъ сказалъ имъ:
«Вотъ я! исполню сейчасъ все, что вы желали! Ты, воинъ,
Будешь купцемъ; ты, ученый дѣлецъ— земледѣльцемъ! Ступайте,
Роли свои промѣнявъ, ты туда, ты сюда!—Чтожъ вы стали?»
Нѣтъ, не хотятъ.—А вѣдь счастье желанное онъ имъ дозволилъ.
Послѣ этого какъ не надуть и Юпитеру губы!
Какъ же во гнѣвѣ ему не сказать, что впередъ онъ не будетъ
Столь благосклоненъ.—Но полно! шутку оставлю; не съ тѣмъ я
Началъ, чтобъ мнѣ, какъ забавнику, только смѣшить. Не мѣшаетъ
Правду сказать и шутя, какъ привѣтливый школьный учитель
Лакомство дѣтямъ даетъ, чтобы азбукѣ лучше учились;
Но—мы въ сторону шутку: поищемъ чего поважнѣе.
Тотъ, кто ворочаетъ землю тяжелой сохою, и этотъ
Лживый шинкарь, и солдатъ, и морякъ, преплывающій смѣло
Бездны сердитыхъ морей—всѣ труды безъ роптанія сносятъ
Съ тѣмъ, чтобъ, запасъ накопивши, подъ старость пожить на покоѣ.
«Такъ—для примѣра они говорятъ—муравей работящій,
Даромъ что малъ, а что сможетъ, ухватитъ и къ кучѣ прибавитъ!
Думаетъ тоже о будущемъ онъ и нужду предвидитъ.»
—Да! но лишь годъ, наступающій вновь, Водолей опечалитъ,
Онъ изъ норы ни на шагъ, наслаждаясь разумно запасомъ,
Собраннымъ прежде; а ты? — А тебя вѣдь ни знойное лѣто,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни желѣзо не могутъ
Отъ твоихъ барышей оторвать: никакихъ нѣтъ препятствій!
Только и въ мысляхъ одно, чтобы не былъ другой кто богаче.
Что же въ томъ пользы тебѣ, что украдкой отъ всѣхъ зарываешь
Въ землю ты кучи сребра или злата тяжелыя груды?...
«Стоитъ почать, говоришь ты, дойдешь до послѣдняго асса!»
Ну, а ежели ихъ не почать, что за польза отъ кучи?
Пусть у тебя на гумнѣ намолотятъ сто тысячъ мѣръ хлѣба:
Твой вѣдь желудокъ не больше вмѣстить моего; такъ какъ, еслибъ
Ты, межъ рабами, сѣть съ хлѣбами несъ на плечахъ—ты, однако,
Больше другаго, который не несъ, ничего не получишь!
Что же за нужда тому, кто живетъ въ предѣлахъ природы,
Сто ли вспахалъ десятинъ онъ, иль тысячу?—«Такъ, да пріятнѣй
Брать изъ кучи большой»—Повѣрь все равно, что изъ малой,
Только бъ я могъ и изъ малой взять столько же, сколько мнѣ нужно!
Что жъ ты огромныя житницы хвалишь свои? чѣмъ ихъ хуже
Хлѣбные наши мѣшки?... Ну, такъ еслибъ тебѣ довелася
Нужда въ кувшинѣ воды, иль въ стаканѣ одномъ, ты сказалъ бы:
«Лучше въ большой я рѣкѣ зачерпну, чѣмъ въ источникѣ этомъ.»
Вотъ отъ того и бываетъ съ людьми ненасытными: если
Лишнихъ богатствъ захотятъ, то Авфидъ разъяренной волною
Съ берегомъ вмѣстѣ и ихъ оторветъ и потопитъ въ пучинѣ!
Если жъ кто малаго хочетъ, что нужно, тотъ не въ тинѣ
Черпаетъ воду себѣ, да и жизни въ волнахъ не погубитъ.
Многіе люди, однакожъ, влекомые жадностью ложной,
Скажутъ: «богатство не лишнее; насъ по богатству вѣдь цѣнятъ!»
Съ этими что толковать! Пусть ихъ алчность презрѣнная мучитъ!
Такъ, говорятъ, аѳинянинъ одинъ, и скупой и богатый,

Рѣчи людскія привыкъ презирать, говоря о гражданахъ:
«Пусть ихъ освищутъ меня; но за то я въ ладоши
Хлопаю дома себѣ, какъ хочу, на сундукъ свой любуясь!»
—Танталъ сидѣлъ же по горло въ водѣ; а вода утекала
Дальше и дальше отъ устъ!... но чему ты смѣешься? Лишь имя
Стоитъ тебѣ измѣнить, не твоя ли исторія это?...
Спишь на мѣшкахъ ты своихъ, наваленныхъ всюду, несчастный,
Ихъ осужденный беречь, какъ святыню; любуешься ими,
Точно картиной какой! А знаешь ли деньгамъ ты цѣну?
Знаешь ли, деньги на что? Чтобъ купить овощей, или хлѣба,
Или бутылку вина, безъ чего обойтись невозможно.
Или пріятно тебѣ, полумертвому съ страха, беречь ихъ
Денно и нощно, боясь и воровъ, и пожара и даже
Собственныхъ въ домѣ рабовъ, чтобъ они, обокравъ, не бѣжали?
Нѣтъ! я желалъ бы — быть благами этого рода бѣднѣе!
Если когда лихорадки ознобъ ты почувствуешь въ тѣлѣ,
Или другою болѣзнію будешь къ постелѣ прикованъ,
Кто за тобою будетъ ходить и готовить лѣкарства?...
Кто врача умолять, чтобы спасъ отъ болѣзни и снова
Дѣтямъ, роднымъ возвратилъ? Ни супруга, ни сынъ не желаютъ;
А сосѣди твои и знакомые, слуги, служанки,
Всѣ ненавидятъ тебя!—Ты дивишься? Чему же?—Ты деньги
Въ мірѣ всему предпочелъ, и знаковъ любви ты не стоишь.
Если ты хочешь родныхъ, безъ труда твоего и заботы
Данныхъ природой тебѣ, и друзей удержать за собою:
Тщетно, несчастный, теряешь свой трудъ, какъ осла не пріучишь
Быть послушливымъ уздѣ и скакать по Марсову полю!
Полно копить! Ты довольно богатъ; не страшна уже бѣдность.
Время тебѣ отдохнуть отъ заботъ: что желалъ—ты имѣешь.
Вспомни Умидія горькій примѣръ; то не длинная повѣсть.
Такъ онъ богатъ былъ, что деньги считалъ уже хлѣбною мѣрой;
Такъ онъ былъ скупъ, что съ рабами носилъ одинакое платье,
И—до послѣдняго дня—разоренья и смерти голодной
Все онъ боялся! Но вотъ, отпущенная имъ же на волю,
Видно храбрѣйшая всѣхъ Тиндаридъ, не задумавшись, разомъ
Въ руки топоръ ухвативъ, пополамъ богача раздвоила!
«Что жъ ты совѣтуешь мнѣ?...Неужели, чтобъ жилъ я какъ Меній,
Или какой Нометанъ!»—Ошибаешься! Что за сравненье
Крайностей, вовсе несходныхъ ни въ чемъ! Запрещая быть скрягой,
Вовсе не требую я, чтобъ безумный ты былъ расточитель!
Межъ Танаиса и тестя Визелıева есть середина!
Мѣра должна быть во всемъ, и всему, наконецъ, есть предѣлы,
Дальше и ближе которыхъ не можетъ добра быть на свѣтѣ!
Я возвращаюсь къ тому же, чѣмъ началъ: подобно скупому,
Рѣдкій доволенъ судьбою, считая счастливцемъ другаго.
Если коза у сосѣда съ паствы придетъ съ отягченнымъ
Выменъ — густымъ молокомъ, отъ этого съ зависти сохнутъ!
А никто не сравняетъ себя съ бѣднякомъ: все съ богатымъ!
Но вѣдь какъ ни гонись за богатымъ, все встрѣтишь богаче?
Такъ на бѣгу колесницу несутъ быстроногіе кони,

Слѣдомъ возница другой погоняетъ своихъ имъ въ догонку,
Силится ихъ обогнать, презирая далеко отставшихъ!
Оттого-то мы рѣдко найдемъ, кто сказалъ бы, что прожилъ
Счастливо вѣкъ свой и, кончивъ свой путь, выходилъ бы изъ міра,
Точно какъ гость благодарный, насытясь, выходитъ изъ пира.
Но довольно: пора замолчать, чтобы ты не подумалъ,
Будто таблички укралъ у подслѣпаго я у Криспина.

М. Дмитріевъ.

---

232. КЪ УМУ СВОЕМУ.

(На хулящихъ ученіе).

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ не мала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, со страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ дать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ;
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежь сего, не зная латынѣ;

Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ—подлыхъ то есть дѣло,
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину: глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе—голы все то враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хочешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запрусь
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишусь,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору:
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,

Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ...
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу:
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежели не славить попу святую недѣлю,
Нежели купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ.
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые,
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву:
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь перукъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если же кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,

Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣзть на бумажныя горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло:
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видимъ съ науки,
Ученыхъ хоть глава полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
Всякая высша степень—мзда ужъ не велика;
Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ:
Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое прописать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

---

233. ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь?.. Вчера случилось мнѣ слыхать

И ихъ и нашу пѣснь; въ ихъ... нечего читать:
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь!
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь:
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу,
И иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы?
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому;
Тутъ найдешь то, чего бъ не хитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: зари багряны персты!
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!»
Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью — ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:
«На это, онъ сказалъ, есть многія причины:
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь, въ Москвѣ, толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ кунтскамеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ—народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риему лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ,—

Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону,
А тутъ и ночь... когда жъ заѣхать къ Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроетъ, ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ... куда же? въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю;
Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись.
Къ тому жъ у древнихъ цѣль была, у насъ другая.
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? о! онъ — онъ бралъ не свысока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они—сказать вамъ не могу,
А только объявлю и право не солгу,
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель
И книжный магазинъ и лавочки полны:
«Мы съ риѳмами на свѣтъ, онъ мыслилъ, рождены;
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться,
На взморье въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать, да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье:
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ—все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ».
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,—
Онъ тотчасъ за перо и разомъ вывелъ: ода!
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: такого дня и года!
«Тутъ какъ?.. пою!.. иль нѣтъ, ужъ это старина!
Не лучше ль: даждь мнѣ, Фебъ?.. Иль такъ: не ты одна
Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ:
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить.

Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ—
Неловко что-то все,—да просто напишу:
Ликуй, герой! ликуй, герой ты! возглашу.
Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта
И то, и то... А тамъ?.. Извѣстно: многи лѣта!
Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть,
Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть
Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ—и въ шляпѣ дѣло,
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ не поэтъ».
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, пничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ!
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

И. Дмитріевъ.

---

234. ПОСЛАНІЕ КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ.

Я получилъ сей даръ, наперсникъ Аполлона,
Другъ вкуса, вѣрный стражъ парнасскаго закона—
Вниманья твоего сей драгоцѣнный даръ.
Онъ пробудилъ во мнѣ охолодѣвшій жаръ
И въ сердце пасмурномъ, добычѣ мертвой скуки,
Поэзіи твоей плѣнительные звуки,
Раздавшись, дозвались отвѣта бытія:
Поэтъ напомнилъ мнѣ, что былъ поэтомъ я.
Но на чужихъ брегахъ, среди толпы холодной,
Гдѣ жадная душа души не зритъ ей сродной,
Гдѣ жизнь—издержка дней и съ временемъ расчетъ,
Гдѣ равнодушіе, какъ всемертвящій ледъ,
Сжимаетъ и тѣснитъ къ изящному усилья—
Что мыслямъ смѣлость дастъ, а вдохновенью крылья?
Въ бездѣйствіи тупомъ ослабѣваетъ умъ;
Безъ поощренья, спитъ отвага пылкихъ думъ.
Поэзія должна не хладнымъ быть искусствомъ,
Но чувства языкомъ, иль, лучше, самымъ чувствомъ.
Стихъ прибирать къ стиху есть тоже ремесло;
Поэтовъ цеховыхъ размножилось число.
Поэзія въ иномъ слѣпое рукодѣлье:
На сердцѣ есть печаль, а онъ поетъ веселье;
Онъ пишетъ отъ того, что чешется рука;
Восторга своего онъ ждетъ не свысока,
За вдохновеніемъ является къ вельможѣ,
И часто къ небесамъ летаетъ изъ прихожей;
Иль, утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,
На скуку вечеромъ сзываетъ городъ онъ:
Кривляется безъ словъ, вздыхаетъ невпопадъ

И чувства по рукамъ сбираетъ на прокатъ;
Онъ на чужомъ огнѣ любовь разогрѣваетъ
И вѣрно съ подлиннымъ грустить и умираетъ.
Такой уловки я отъ неба не снискалъ:
Поется мнѣ, пою—вотъ что поэтъ сказалъ,
И вотъ пиитикъ всѣхъ первѣйшее условье!
Въ обдуманномъ пылу хранящій хладнокровье,
Фирсъ любитъ трудности упрямствомъ побѣждать
И вопреки себѣ, а намъ на зло писать.
За чѣмъ же нѣтъ? легко идетъ въ единоборство
Съ упорствомъ риѳмачей читателей упорство.
Что не читается? Пусть именной указъ
Къ печати глупостямъ путь заградить у насъ, —
Бурунъ отмстить готовъ сей мѣрѣ ненавистной
И промышлять пойдетъ онъ скукой рукописной.
Есть родъ стократъ глупѣй писателей глупцовъ—
Глупцы читатели. Обильный Глазуновъ
Не можетъ запастись на нихъ своимъ товаромъ.
Иной божиться радъ, что Мевій пишетъ съ жаромъ:
Въ жару? согласенъ я, но этотъ лютый жаръ —
Болѣзнь и Божій гнѣвъ, а не священный даръ.
Еще могу простить чтецамъ симъ угомоннымъ,
Кумира своего жрецамъ низкопоклоннымъ,
Для коихъ таинствомъ есть всякая печать,
И вольнодумецъ тотъ, кто смѣетъ разсуждать;
Но что несноснѣе тѣмъ умниковъ спесивыхъ,
Нелѣпыхъ знатоковъ, судей многорѣчивыхъ,
Которыхъ всѣ права — надменность, пренья, шумъ,
А глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ!
Въ слѣпомъ невѣжествѣ ихъ трибуналъ всемірной,
За карточнымъ столомъ иль кулебякой жирной,
Вѣнчаетъ на-обумъ и на-обумъ казнитъ;
Ихъ осужденье—честь, рукоплесканье—стыдъ.
Бѣда тому, кто могъ языкомъ благороднымъ,
Предубѣжденій врагъ, другъ истинамъ свободнымъ,
Встревожить невзначай ихъ раболѣпный сонъ
И смѣло въ слухъ вѣщать, что смѣло мыслилъ онъ!
Труды писателей, наставниковъ отчизны —
На нихъ, на ихъ дѣла живыя укоризны;
Имъ не по росту быть вмѣняется въ вину,
И жалуютъ они посредственность одну.
За то какая смѣсь предъ тусклымъ ихъ зерцаломъ!
Тотъ драмой бьетъ челомъ иль рѣчью, сей журналомъ,
Въ которомъ, сторожъ тьмы, взялся онъ на подрядъ,
Гдѣ бъ мысль ни вспыхнула иль слава, бить въ набатъ.
Подъ сѣнью мрачною сего ареопага
Родится и растетъ марателей отвага,
Судъ здравый заглушенъ уродливымъ судомъ,
И на одинъ талантъ мы сто вралей сочтемъ.
Какъ мало, Дмитріевъ, твой правый толкъ постигли,
Иль крылья многіе себѣ бы здѣсь подстригли!
Но истины языкъ невнятенъ для ушей:
Гласъ самолюбія доходнѣй и вѣрнѣй.
Какъ сладко подъ его напѣвомъ дремлетъ Бавій!
Онъ въ людяхъ славенъ сталъ числомъ своихъ безславій;
Но, счастливый слѣпецъ, онъ всѣ ихъ перенесъ:
Чѣмъ ниже упадетъ, тѣмъ выше вздернетъ носъ

Что для иного трудъ, то для него есть шутка;
Отвергнувъ правилъ цѣпь, сложивъ ярмо разсудка,
Онъ бѣгу своему не вѣдаетъ границъ.
Да развѣ онъ одинъ? нѣтъ, много сходныхъ лицъ
Я легкимъ абрисомъ въ лицѣ его представилъ
И подлинниковъ рядъ еще большой оставилъ.
Когда, читателей моихъ почтивъ корысть,
Княжнинъ бы отдалъ мнѣ затѣйливую кисть,
Которой чудаковъ онъ намъ являетъ въ лицахъ —
Какая бъ жатва мнѣ созрѣла въ двухъ столицахъ!
Сихъ новыхъ чудаковъ забавныя черты
Украсили бъ мои нельстивые листы:
Разставя по чинамъ, по званью и примѣтамъ,
Безъ надписей бы далъ я голосъ ихъ портретамъ.
Но страхомъ робкая окована рука:
Въ учителѣ боюсь явить ученика.
Тебѣ, о смѣлый бичъ дурачествъ и пороковъ,
Примѣрнымъ опытомъ и голосомъ уроковъ
Означившій у насъ гражданамъ и пѣвцамъ,
Какъ съ честью пролагать блестящій путь къ честямъ,
Тебѣ, о Дмитріевъ! сулитъ успѣхи новы
Свѣтъ, съ прежней жадностью внимать тебѣ готовый.
Что медлишь? на тобой оставленномъ пути
Явись, и скипетръ вновь ты первенства схвати!
О Дмитріевъ! рази невѣжества вражду
И, снова пристрастясь къ полезному труду,
Согражданамъ своимъ яви примѣръ высокій
И въ новыхъ образцахъ дай новые уроки.

Кн. Вяземскій.

---

235. Мнѣ лѣкарь говорилъ.

Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

И. Дмитріевъ.

---

236. СОЖАЛѢНІЕ.

Я разорился отъ воровъ!
«Жалѣю о твоемъ я горѣ».
Украли пукъ моихъ стиховъ!
«Жалѣю я о ворѣ».

И. Дмитріевъ.

---

237. ПЯТНАДЦАТИЛѢТНІЙ СТИХОТВОРЕЦЪ.

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ!)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розожелтый облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Богъ зѣвалъ и наконецъ спросилъ:
Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ
И оды громкія давно ли сочиняетъ?»
Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.
«Пятнадцать только лѣтъ! не болѣе того?
Такъ розгами его!»

В. Пушкинъ.

---

238. СОВѢТЪ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:

Петръ длинный, Петръ большой, но
только Петръ Великій—
Ее не называй.

Батюшковъ.

239. ОБЪЯСНЕННОЕ СОМНѢНІЕ.

Смѣяться вы властны, а я клянуся вамъ,
Что я въ своихъ стихахъ не краду, подражаю.
—Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,
Что подражаешь ты... ворамъ.

Кн. Вяземскій.

240. ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ, и въ Лету—
Бухъ!

А. Пушкинъ.

241. ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова!
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу когда-нибудь любаго:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

А. Пушкинъ.

242. EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ меня узналъ въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

А. Пушкинъ.

243. Нѣтъ, кажется, тебѣ не суждено.

Нѣтъ, кажется, тебѣ не суждено
Сразить врага: твой врагъ дѣтина чудный;
Въ немъ совѣсть спитъ спокойно, непробудно.
Заставить, другъ, его стыдиться мудрено;
Заставить покраснѣть—нетрудно.

Д. Давыдовъ.

244. Остра твоя, конечно, шутка...

Остра твоя, конечно, шутка;
Но мнѣ прискорбно видѣть въ ней
Несчастье твоего разсудка
И счастье памяти твоей.

Д. Давыдовъ.

VI. АНТОЛОГИЧЕСКІЯ ПІЕСЫ, СОНЕТЫ И ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

245. БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

Жуковскій.

246. Въ обители ничтожества унылой.

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе, все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать-земля! съ сей данью горькихъ слезъ
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими и успокой въ гостепріимной сѣни!

Батюшковъ.

247. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

А. Пушкинъ.

248. ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окликнутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи —
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,

Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

А. Пушкинъ.

---

249. МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера, въ нѣмой тѣни дубовъ,
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

А. Пушкинъ.

---

250. ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

А. Пушкинъ.

---

251. ТРУДЪ.

Мигъ вожделѣнный насталъ, оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

А. Пушкинъ.

---

252. Горныя вершины.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Погоди немного —
Отдохнешь и ты.

Лермонтовъ.

---

253. ПРИЗЫВЪ.

Ужъ утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣетъ мнѣ,
На озаренное созданье
Смотрю въ волшебной тишинѣ:
На главахъ смолянаго бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора,
И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Почіетъ озеро въ брегахъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели.
А тамъ, вкругъ холма, гдѣ шумитъ
По вѣтру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ.
Какъ теменъ сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ соснъ смолистыхъ
И отъ черемухи младой!
О други, въ поле! силой дивной
Мнѣ утро грудь животворитъ...

Чу, въ рощѣ голосъ заунывной
Весенней иволги гремитъ!

А. Майковъ.

---

254. Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ:
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій;
Гремѣвшій водоемъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по вѣтру... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились—новые, невѣдомые боги!

А. Майковъ.

---

255. СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ: поэзія—мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ;
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты.

А. Майковъ.

---

256. Муза, богиня Олимпа.

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ—и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, а вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.

Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно
старался припомнить
Чудные звуки и ихъ воскресить своей
флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но
трели земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо
нетрудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри:
улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ
нимфы и фавны.

А. Майковъ.

---

257. Постой, здѣсь хорошо...

Постой! здѣсь хорошо! зубчатой и ши-
рокой
Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лун-
ный свѣтъ...
Какая тишина! Изъ-за горы высокой
Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ
нѣтъ.
Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты съ отвѣсныхъ
береговъ,
Летитъ на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ
валъ огромный
Придетъ и убѣжитъ въ объятіи валовъ.
Одна передо мной, подъ мирными звѣ-
здами,
Ты здѣсь царица чувствъ, властитель-
ница думъ...
А тамъ придетъ волна—и грянетъ между
нами...
Я не пойду туда... Тамъ вѣчный плескъ
и шумъ!

А. Фетъ.

---

258. ВЕЧЕРА И НОЧИ.

Вдали огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка;
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.
Никто мнѣ не скажетъ: «куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ»?
Шевелись же, весло, шевелися—
А берегъ во мракѣ пропалъ!
Да что же? Зачѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
И весла, и огня за рѣкой?...

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я...
Чаще всего мнѣ пріятно скользить по
заливу
Такъ,—забываясь
Подъ звучную мѣру весла,
Омоченнаго пѣной шипучей,
Да смотрѣть, много ль отъѣхалъ,
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...
Изо всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно...
Красноглазый кроликъ
Любитъ его;
Гордый лебедь, каждой весною,
Съ протянутой шеей, летаетъ вокругъ
И садится съ размаха
На тихія воды.
Надъ обрывомъ утеса
Растетъ, помавая вѣтвями,
Ширококиственный дубъ.
Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ,
Да и позднею ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Серебритъ и волны и листья...
Онъ не молкнетъ, поетъ
Все громче и громче...
Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Что это—жизнь или сонъ?
Счастливъ я, или только обманутъ?
Нѣтъ отвѣта...
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижно,
И на небѣ яркомъ высоко сверкаетъ
зарница.

Я жду... Соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ бриліантахъ,

На тминѣ горятъ свѣтляки.
Я жду... Темносинее небо
И въ мелкихъ и крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу біеніе сердца
И трепетъ въ рукахъ и въ ногахъ.
Я жду... вотъ повѣяло съ юга,
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатилась на западъ...
Прости, золотая, прости!

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй...
Даже въ столицѣ не тѣсно!
Окна растворишь —
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.
А небо? а мѣсяцъ?
О, этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ...
Шпили и кресты—бриліанты;
А тамъ за луной, небосклонъ
Чѣмъ дальше—свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь—и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часоваго,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Иль пѣніе вѣстника утра.
Вмѣстѣ съ зарею и сонъ налетаетъ на вѣжды,
Свѣтелъ, какъ призракъ,
Голову клонитъ, а жаль отъ окна оторваться!

А. Фетъ.

---

259. ПОСЕЙДОНЪ.

Солнце лучами играло
Надъ моремъ, катящимъ далеко валы;
На рейдѣ блисталъ въ отдаленьи корабль,
Который въ отчизну меня поджидалъ;
Только попутнаго не было вѣтра,
И я спокойно сидѣлъ на бѣломъ пескѣ
Пустыннаго берега;
Пѣснь Одиссея читалъ я—старую,
Вѣчно-юную пѣснь.—Изъ ея
Моремъ шумящимъ страницъ предо мной
Радостно жизнь поднималась
Дыханьемъ боговъ
И свѣтлой весной человѣка,
И небомъ цвѣтущимъ Эллады.
Благородное сердце мое съ участьемъ слѣдило
За сыномъ Лаэрта въ путяхъ многотрудныхъ его:
Садилося съ нимъ въ печальномъ раздумьи
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;
Лгать и удачно ему убѣгать помогало
Изъ объятія нимфъ и пещеръ исполиновъ;
За нимъ въ Киммерійскую ночь и въ ненастье
И въ кораблекрушенье неслось,
И съ нимъ несказанное горе терпѣло.
Вздохнувши, сказалъ я: «Злой Посейдонъ,
Гнѣвъ твой ужасенъ!
И самъ я боюсь
Не вернуться въ отчизну!»
Едва я окончилъ —
Запѣнилось море,
И богъ морской изъ бѣлѣющихъ волнъ
Главу, осокою вѣнчанную, поднялъ,
Сказавши въ насмѣшку:
«Что ты боишься, поэтикъ?
Я ни мало не стану тревожить
Твой бѣдный корабликъ,
Не стану въ раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой.
Вѣдь ты, поэтикъ, меня никогда не сердилъ:
Ни башенки ты не разрушилъ у стѣнъ
Священнаго града Пріама,
Ни волоса ты не спалилъ на глазу
Полифема, любезнаго сына,
И тебѣ не давала совѣтовъ ни въ чемъ
Богиня ума Паллада-Аѳина».
Такъ воззвалъ Поссейдонъ
И въ море опять погрузился,
И надъ грубою остротой моряка
Подъ водой засмѣялись
Амфитрида—женщина-рыба
И глупыя дщери Нерея.

А. Фетъ.

---

260. Посмотри—какая мгла.

Посмотри—какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой,
Въ сонномъ сумракѣ ракитъ
Тускло озеро блеститъ.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходитъ
И, сквозя, на все наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

Я. Полонскій.

---

261. ВЕЧЕРЪ.

Зари догарающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ, по дорогѣ прибрежной,
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ.—Какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана,
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.

Я. Полонскій.

---

262. ЦВѢТОКЪ.

«Какъ дивно вытканъ онъ изъ красокъ, изъ эфира!
Откуда, милый гость? не съ неба ль брошенъ онъ?
Златистою каймой онъ пышно обведенъ;
На немъ лазурь небесъ, на немъ зари порфира».

Нѣтъ, это сынъ земли, сей гость земнаго пира:
Лугъ — родина ему, изъ праха онъ рожденъ.
«Такъ вѣрно чудный перлъ былъ въ землю посаженъ,
Чтобъ произвесть его на украшенье міра?»

О, нѣтъ! чтобъ вознестись увѣнчанной главой,
Изъ чернаго зерна онъ долженъ былъ родиться
И корень вить въ грязи, во мракѣ, подъ землей.

Такъ сѣмя горести во грудь пѣвцу ложится
И, въ сердце водрузивъ тяжелый корень свой,
Цвѣтущей пѣснію изъ устъ его стремится.

Бенедиктовъ.

---

263. Къ тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохновенья.

Къ тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя;
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.

Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной;
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности, греми его хвалой!
И еслибъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира
И хаосъ задавилъ природу пустотой,—
Греми! пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой.

Веневитиновъ.

---

264. МАДОНА.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель.

Внимая важному сужденью знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста иль съ облаковъ
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

А. Пушкинъ.

---

265. АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ;
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости! онъ рекъ; тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

А. Пушкинъ.

---

266. АНГЕЛЪ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
Благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель — ангелъ мой
Придетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?...
И мнилось мнѣ: на ложѣ близь меня,
Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньи...
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнутъ былъ божественною силой;
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый,
Но очи кроткія его глядѣли въ даль—
Они грядущее въ душѣ моей читали
И отражалась въ нихъ какая-то печаль...
И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душей младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

Полонскій.

---

267. ВЕЧЕРЪ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова,
Тихо все. Часъ ночи недалекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!...
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода,
Тѣни всѣ широкія слились:
Встрѣтить ночь готовится природа,
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава!..

И. Аксаковъ.

---

268. УТРО.

Бывало, въ царственномъ покоѣ,
Великое свѣтило дня
Во слѣдъ за раннею денницей
Шаромъ восходитъ огневымъ,
И небеса, какъ багряницей,
Окинетъ заревомъ своимъ;
Его лучами заиграютъ
Озеръ живыя зеркала;
Поля, холмы благоухаютъ,
Съ нихъ бѣлой скатертью слетаютъ
И сонъ и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Деревъ одежда убрана;
Пернатыхъ пѣснью голосистой
Звучитъ лѣсная глубина.

Н. Языковъ.

---

269. Въ часы забавъ иль праздной скуки.

Въ часы забавъ иль праздной скуки
Бывало лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты!

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

А. Пушкинъ.

---

270. ДАВИДЪ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но, духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ поле бралъ кремень простой—
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.
И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула—ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ!

Хомяковъ.

---

271. Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ.

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далеко межъ кургановъ
Темносѣрою змѣей
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ бесзотчетному веселью
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.

Фетъ.

---

272. БЕРЕЗА.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Какъ гроздья винограда
Вѣтвей концы висятъ.

И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнуть красу ея вѣтвей.

Фетъ.

273. ДѢДУШКА.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ;
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ;
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло: пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ:
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.

Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,—
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

Никитинъ.

274. ДВѢ ДОРОГИ.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога:
Ты въ даль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта...
Въ тебѣ что ни шагъ, то мужикъ работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято,—
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,
И дебри топоръ роковыя просѣкъ...
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!..
А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется, живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?
Безъ званья ль ты, или со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Немного ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха.

И. Аксаковъ.

ДРАМА.

1. ТРАГЕДІЯ И ДРАМА.

---

275. ЭДИПЪ ЦАРЬ, СОФОКЛА.

Вѣстникъ (входитъ на сцену съ лѣвой отъ зрителя стороны, гдѣ лежитъ дорога, ведущая изъ чужбины).

Нельзя ли мнѣ отъ васъ узнать, друзья,
Гдѣ домъ царя Эдипа, гдѣ онъ самъ?

Хоръ (за хоръ говоритъ корифей).

Вотъ домъ, а самъ онъ, чужестранецъ, въ немъ.
А вотъ жена и мать его дѣтей.

Вѣстникъ.

Счастлива будь, съ счастливыми всегда
Живи, когда ему супруга ты.

Іокаста.

И ты будь счастливъ, гость; достоинъ счастья
За доброе желанье ты; теперь скажи,
Зачѣмъ пришелъ, что хочешь возвѣстить.

Вѣстникъ.

И дому, и супругу твоему
Вѣсть добрую принесъ, жена.

Іокаста.

Какую жъ?
И отъ кого пришелъ?

Вѣстникъ.

Я изъ Коринѳа.
А что скажу, тебѣ пріятно будетъ,
А можетъ быть, и огорчитъ тебя.

Іокаста.

Чтожъ это, мнѣ скажи, и отчего
Двойную силу вѣсть твоя имѣетъ?

Вѣстникъ.

Тамъ говорили, что его царемъ
Земли Исѳмійской(*) жители поставятъ.

Іокаста.

Старикъ Полибъ не царствуетъ ужъ больше?

Вѣстникъ.

Нѣтъ, имъ уже во гробѣ смерть владѣетъ.

Іокаста.

Что ты сказалъ, старикъ? Полибъ ужъ умеръ?

Вѣстникъ.

Пусть я умру, когда сказалъ неправду.

Іокаста.

Что жъ ты, раба, скорѣе господину
Нейдешь сказать? Пророчество боговъ,
Что вы теперь! Боясь его убить,
Эдипъ съ нимъ встрѣчи избѣгалъ. А онъ
Не отъ него, а отъ судьбы погибъ.

Эдипъ.

О милая моя жена, Іокаста,
Зачѣмъ меня сюда призвала ты?

Іокаста.

Послушай вотъ его, и ты увидишь,
Почтенныя пророчества боговъ
Къ чему пришли.

Эдипъ.

Кто жъ онъ? Что скажетъ мнѣ?

Іокаста.

Онъ изъ Коринѳа и пришелъ съ извѣстьемъ,
Что твой отецъ, Полибъ, не существуетъ.

---

*) Исѳмійская земля, или Коринѳская, на Исѳмійскомъ перешейкѣ, соединяющемъ Елладу съ Пелопонесомъ.

Эдипъ.

Что ты сказалъ? Самъ мнѣ еще скажи.

Вѣстникъ.

Да, знай, что умеръ онъ, когда сперва(*)
Я долженъ ясно это объявить.

Эдипъ.

Отъ злаго умысла иль отъ болѣзни?

Вѣстникъ.

И легкій вѣдь ударъ довольно силенъ,
Чтобъ тѣло ветхое свалить.

Эдипъ.

Несчастный!
Онъ умеръ отъ болѣзни, стало быть.

Вѣстникъ.

Прошелъ немалое онъ жизни поле.

Эдипъ.

Увы! и кто жъ теперь, жена, посмотритъ
На жертвенникъ пиѳійскій иль на птицъ,
Кричавшихъ въ высотѣ? Вотъ я былъ должен̄ъ,
По предвѣщанью ихъ, убить отца:
Его ужъ мертваго земля покрыла,
А я вотъ здѣсь, не тронувши меча.
Такъ развѣ скорбь по мнѣ его убила;
Лишь такъ причиной смерти могъ я быть.
Лежитъ Полибъ въ землѣ и взялъ съ собой
Пророчества ничтожныя, пустыя.

Іокаста.

Не говорила ль я тебѣ и прежде?

Эдипъ.

Такъ, такъ! Но страхъ меня совсѣмъ сбилъ съ толку.

Іокаста.

Теперь не думай больше ты объ этомъ.

Эдипъ.

Но ложа матери какъ не бояться?

Іокаста.

Какая польза въ страхѣ человѣку,
Когда судьба сильнѣй всего надъ нимъ,
Когда ума предвѣдѣнье неясно?
На счастье лучше жить, какъ можетъ кто...
И съ матерью не бойся ты союза:
Не разъ такіе браки снились людямъ;
Но тотъ лишь жизнь легко несетъ свою,
Кому видѣнья ничего не значатъ...

*) Древніе боялись начинать свои извѣстія съ пріятнаго.

Эдипъ.

Прекрасно было бъ все, что ты сказала,
Когда бъ ужъ не было въ живыхъ родившей;
Теперь, хоть ты прекрасно говоришь,
Нельзя безъ страха быть, когда жива.

Іокаста.

Но смерть отца большой вѣдь свѣтъ тебѣ.

Эдипъ.

Большой, согласенъ я; но мать жива:
Отъ страха мнѣ нельзя свободнымъ быть.

Вѣстникъ.

Какая женщина вамъ страхъ внушаетъ?

Эдипъ.

Меропа та, съ которой жилъ Полибъ.

Вѣстникъ.

Какой же можетъ быть вамъ страхъ отъ ней?

Эдипъ.

Есть страшное пророчество отъ бога.

Вѣстникъ.

Его мнѣ можно ль знать, или нельзя?

Эдипъ.

И очень. Локсій(*)мнѣ сказалъ когда-то,
Что мнѣ судьба—отца роднаго кровь
Пролить моей рукой, что мать моя
Со мной раздѣлитъ ложе. Изъ Коринѳа
Далеко я бѣжалъ по сей причинѣ.
То къ счастью было мнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ
Родившихъ очи зрѣть — большая сладость.

Вѣстникъ.

Такъ, этого страшась, ты жилъ въ чужбинѣ?

Эдипъ.

Чтобъ мнѣ не быть, старикъ, отцеубійцей.

Вѣстникъ.

Что жъ медлю я отъ страха, царь, тебя
Освободить, когда пришелъ я другомъ?

Эдипъ.

Ты благодарность отъ меня получишь.

Вѣстникъ.

Затѣмъ я и пришелъ, чтобъ быть счастливымъ,
Когда домой къ себѣ ты возвратишься.

*) Аполлонъ Дельфійскій.

Эдипъ.

Но я къ родителямъ не возвращуся.

Вѣстникъ.

Дитя, я вижу ясно, ты не знаешь,
Что дѣлаешь.

Эдипъ.

Какъ такъ, старикъ? скажи.

Вѣстникъ.

Когда домой не хочешь возвратиться
По той причинѣ ты.

Эдипъ.

Но я боюсь,
Чтобъ слово Феба истиннымъ не вышло.

Вѣстникъ.

Чтобъ ложа съ матерью не раздѣлить?

Эдипъ.

Вотъ это самое, старикъ, всегда
Меня приводитъ въ страхъ.

Вѣстникъ.

Не знаешь ты,
Что страху твоему нѣтъ основанья.

Эдипъ.

Какъ нѣтъ, когда отъ нихъ родился я?

Вѣстникъ.

Въ родствѣ съ тобой Полибъ нисколько не былъ.

Эдипъ.

Что ты сказалъ? Такъ я не сынъ Полиба?

Вѣстникъ.

Не болѣе, но столько же, какъ мой.

Эдипъ.

Но какъ родившій равенъ можетъ быть
Тому, который не родилъ?

Вѣстникъ.

Да такъ!
Такой же онъ тебѣ отецъ, какъ я.

Эдипъ.

Зачѣмъ же звалъ меня всегда онъ сыномъ?

Вѣстникъ.

Такъ знай, что принялъ онъ тебя въ подарокъ
Изъ рукъ моихъ.

Эдипъ.

Но могъ ли бъ такъ любить,
Когда бъ изъ рукъ чужихъ меня онъ принялъ?

Вѣстникъ.

Причиною была его бездѣтность.

Эдипъ.

А ты купилъ меня или нашелъ?

Вѣстникъ.

Нашелъ въ лѣсныхъ долинахъ Киѳерона.

Эдипъ.

Зачѣмъ пришелъ ты въ тѣ мѣста?

Вѣстникъ.

Надзоръ имѣлъ я тамъ въ горахъ за стадомъ.

Эдипъ.

Такъ пастухомъ ты тамъ наемнымъ былъ?

Вѣстникъ.

Я твой, дитя, спаситель былъ тогда.

Эдипъ.

Въ какомъ же ты меня нашелъ страданьи?

Вѣстникъ.

Суставы ногъ твоихъ могли бъ сказать.

Эдипъ.

Зло старое зачѣмъ напоминать?

Вѣстникъ.

Проколоты твои вѣдь были ноги;
Я развязалъ тебя.

Эдипъ.

Я страшный знакъ
Пеленокъ этихъ сохранилъ доселѣ.

Вѣстникъ.

И имя ты отъ этого имѣешь,
Которымъ названъ (*).

Эдипъ.

О, молю тебя,
Скажи, отецъ иль мать назвала такъ?

Вѣстникъ.

Не знаю я. Тебя кто отдалъ мнѣ,
Тотъ лучше долженъ знать, чѣмъ я.

Эдипъ.

Такъ развѣ ты меня взялъ отъ другаго,
Не самъ нашелъ?

Вѣстникъ.

Другой пастухъ мнѣ далъ.

Эдипъ.

Кто жъ онъ? не можешь ли назвать его?

Вѣстникъ.

Рабомъ онъ Лая называлъ себя.

Эдипъ.

Царя ли прежняго земли сей самой?

Вѣстникъ.

Да, именно; его онъ былъ пастухъ.

---

*) Эдипъ значитъ человѣкъ съ распухшими, больными ногами.

Эдипъ.

Но живъ ли онъ еще, чтобъ видѣть мнѣ?

Вѣстникъ.

Вамъ лучше это можно знать, туземцамъ.

Эдипъ.

Не знаетъ ли изъ васъ кто пастуха,
О комъ онъ говоритъ? Изъ предстоящихъ
Не видѣлъ ли его въ поляхъ иль здѣсь?
Скажите, время ужъ всему открыться.

Хоръ (говоритъ корифей)

Тотъ самый, мнится мнѣ, никто другой,
Котораго искалъ ты видѣть прежде.
Іокаста, впрочемъ, лучше всѣхъ то знаетъ.

Эдипъ.

Скажи, жена, не думаешь ли ты,
Что вѣстникъ намъ о томъ и говоритъ,
За кѣмъ послали мы, чтобъ онъ пришелъ?

Іокаста.

Кто говоритъ? о комъ? Не безпокойся,
Забудь, что сказано напрасно было.

Эдипъ.

Того не будетъ, чтобы я свой родъ
Найти не могъ по признакамъ такимъ.

Іокаста.

Молю тебя, оставь ты розыскъ этотъ,
Когда своей ты жизнью дорожишь!
Довольно и того, что я страдаю.

Эдипъ.

Не бойся ты. Когда тройнымъ рабомъ
Отъ третьей матери я окажусь,
Достоинство твое все будетъ то же.

Іокаста.

Но я прошу, послушайся меня,
Не дѣлай этого.

Эдипъ.

Я не могу;
Я долженъ это ясно все узнать.

Іокаста.

Я говорю тебѣ, что лучше будетъ.

Эдипъ.

Но лучшее давно меня ужъ мучитъ.

Іокаста.

О, еслибъ ты не могъ узнать, кто ты!

Эдипъ.

Пусть приведутъ сюда мнѣ пастуха.
Ее оставьте утѣшать себя
Своимъ богатымъ родомъ.

Іокаста.

О несчастный!
Лишь такъ тебя могу теперь я звать,
Другаго имени тебѣ не будетъ.

(Уходитъ).

Хоръ (говоритъ корифей).

Что значитъ, что жена ушла, Эдипъ,
Въ столь страшномъ горѣ? Я боюсь теперь,
Чтобъ изъ ея молчанья бѣдъ не вышло.

Эдипъ.

Пусть будутъ бѣды изъ того, но я
Хочу узнать свое происхожденье,
Какъ ни было бъ оно ничтожно, низко.
Какъ женщина, она высокомѣрна;
Мой низкій родъ ее приводитъ въ стыдъ.
А я себя Судьбы считаю сыномъ!
Пока она со мной, не буду презрѣнъ.
Судьба мнѣ мать, а мѣсяцы родные(*)
Величія черту и униженья
Мнѣ провели. Таковъ родился я,
И никогда не выйду я другимъ,
Чтобъ мнѣ не знать свое происхожденье.

Хоръ (поетъ).

Когда пророкъ искусный я,
О Киѳеронъ, клянусь Олимпомъ,
Что завтра полная луна
Не озаритъ еще небесъ,
Какъ мы тебя роднымъ найдемъ
Эдипу и отцемъ-кормильцемъ;
И пѣсню въ честь твою споемъ:
Моимъ царямъ несешь ты радость.
Цѣлитель Фебъ! Надежда наша
Да будетъ и тебѣ угодна!

Дитя мое! кто твой отецъ?
Изъ вѣчныхъ кто далъ жизнь тебѣ?
Сошлась ли съ Паномъ горнымъ Нимфа,
Иль съ Локсіемъ сошлася гдѣ?
Ему всѣ горъ вершины—милы.
Киллены ль царь(**), иль Вакхъ то былъ,
На высяхъ горъ живущій богъ?
Отъ Нимфы-ль онъ тебя родилъ,

*) Эдипъ называетъ тѣ мѣсяцы родными себѣ, которые онъ прожилъ.

**) Киллена, гора въ Аркадіи, на которой Майя родила Зевсу Гермія, который называется здѣсь царемъ Киллены.

Изъ Геликонскихъ Нимфъ одной,
Съ которыми играетъ часто?

Эдипъ.

Мнѣ кажется, я вижу пастуха,
Котораго давно мы ищемъ, старцы,
Когда возможно, не видавши прежде,
Догадываться мнѣ. Онъ къ вѣстнику
Такъ старостью глубокою подходитъ,
А въ тѣхъ, которые ведутъ его,
Я узнаю служителей своихъ.
Но ты узнать, однакожъ, можешь лучше,
Когда видалъ ты прежде пастуха.

Хоръ (говоритъ корифей).

Узналъ. Рабомъ онъ вѣрнымъ Лаю былъ,
Какъ можетъ рабъ-пастухъ быть вѣрнымъ.

(Пастухъ показывается съ правой отъ зрителей стороны).

Эдипъ.

Тебя, коринѳскій гость, спрошу всѣхъ прежде,
О немъ ли ты намъ говорилъ?

Вѣстникъ.

О немъ.

Эдипъ (къ пастуху).

Такъ ты, старикъ, въ лице смотри мнѣ прямо
И отвѣчай на то, о чемъ спрошу.
Ты Лаевъ былъ?

Пастухъ.

Его я былъ рабомъ;
Родился въ домѣ я, не купленъ былъ.

Эдипъ.

Что дѣлалъ ты? Какая жизнь была?

Пастухъ.

Ходилъ за стадомъ я по большей части.

Эдипъ.

Въ какихъ мѣстахъ ты больше обращался?

Пастухъ.

У Киѳерона и въ мѣстахъ окружныхъ.

Эдипъ (указывая на вѣстника).

Ты не знакомъ ли съ этимъ какъ-нибудь?

Пастухъ.

О комъ ты говоришь? и что за дѣло?

Эдипъ.

Объ этомъ вотъ, что здѣсь. Встрѣчалъ его?

Пастухъ.

Я въ скорости припомнить не могу.

Вѣстникъ.

Тутъ чуда нѣтъ, о царь, что онъ забылъ,
Но я сейчасъ ему напомню ясно.
Навѣрно знаю я, что помнитъ онъ,
Какъ мы у Киѳерона, я съ однимъ,
Съ двумя стадами онъ, три цѣлыхъ лѣта
Тамъ отъ весны и до арктура (*) вплоть
Сходились вмѣстѣ мы. Къ зимѣ я гналъ
Свои стада домой, а онъ свои
На скотный Лаевъ дворъ. Вѣдь было такъ,
Какъ говорю, иль нѣтъ?

Пастухъ.

Все правда это,
Хоть много времени прошло съ тѣхъ поръ.

Вѣстникъ.

Скажи теперь, ты помнишь ли, что тамъ
Ты далъ дитя на воспитанье мнѣ?

Пастухъ.

Что тамъ? Къ чему объ этомъ говорить?

Вѣстникъ (указывая на Эдипа).

Вотъ тотъ, который былъ тогда ребенкомъ.

Пастухъ.

Чтобъ ты пропалъ! Не будешь ты молчать?

Эдипъ.

Нѣтъ, не брани, старикъ, его; не онъ,
Твои слова достойны больше брани.

Пастухъ.

Чѣмъ я грѣшу, о лучшій изъ царей?

Эдипъ.

О мальчикѣ не говоришь ни слова,
Что спрашиваетъ онъ.

Пастухъ.

Не знаетъ онъ,
Что говоритъ, хлопочетъ понапрасну.

Эдипъ.

Когда изъ ласки ты сказать не хочешь,
Такъ съ плачемъ скажешь.

---

*) До арктура, т. е. до восхожденія арктура осенью. Арктуръ звѣзда—въ созвѣздіи Боота.

Пастухъ.

Нѣтъ, прошу тебя,
Ты зла не дѣлай старику, оставь.

Эдипъ.

Но что жъ ему назадъ не вяжутъ руки?

Пастухъ.

Несчастный я! За что? Что хочешь знать?

Эдипъ.

Ты далъ ему дитя, какъ онъ сказалъ?

Пастухъ.

Да, далъ. О еслибъ умеръ я въ тотъ день!

Эдипъ.

Но къ этому придешь, когда неправду
Ты будешь говорить.

Пастухъ.

Еще скорѣй
Погибну я, когда скажу всю правду.

Эдипъ.

Какъ кажется, онъ ищетъ проволочки.

Пастухъ.

О нѣтъ, вѣдь я сказалъ давно, что далъ.

Эдипъ.

Откуда взялъ? Твое или чужое?

Пастухъ.

Нѣтъ, не мое; я отъ другаго взялъ.

Эдипъ.

Изъ гражданъ отъ кого, и въ чьемъ же домѣ?

Пастухъ.

Молю тебя, не спрашивай, царь, больше.

Эдипъ.

Бѣда тебѣ, когда еще спрошу.

Пастухъ.

Изъ дома Лаева онъ былъ.

Эдипъ.

Но рабъ,
Иль Лаевой семьѣ онъ былъ родной?

Пастухъ.

О горе мнѣ! Я долженъ то сказать,
Что мнѣ всего страшнѣй.

Эдипъ.

Мнѣ слышать страшно,
Но все жъ я долженъ слышать.

Пастухъ.

Мальчикъ тотъ
Считался сыномъ Лая. Правда ль это,
Твоя жена могла бъ сказать всѣхъ лучше.

Эдипъ.

Она дала тебѣ дитя?

Пастухъ.

Она.

Эдипъ.

Зачѣмъ?

Пастухъ.

Убить.

Эдипъ.

О мать несчастная!

Пастухъ.

Отъ страха бѣдъ, предсказанныхъ богами.

Эдипъ.

Какихъ же бѣдъ?

Пастухъ.

Отъ Бога былъ оракулъ,
Что онъ убьетъ родителей своихъ.

Эдипъ.

Зачѣмъ же отдалъ ты ему ребенка?

Пастухъ.

Я пожалѣлъ, о царь, и далъ я съ тѣмъ,
Чтобъ онъ унесъ его въ чужую землю,
Откуда самъ онъ былъ. Онъ спасъ ребенка
Для страшныхъ бѣдъ. И если ты тотъ самый,
Какъ онъ сказалъ: несчастнымъ ты родился!

Эдипъ.

Увы, увы! выходитъ все наружу!
О свѣтъ, въ послѣдній разъ тебя я вижу!
Вотъ оказалося, что я родился
Отъ тѣхъ, родиться отъ которыхъ мнѣ
Не должно бъ было, съ тѣми жилъ, съ кѣмъ жить
Не могъ, и тѣхъ убилъ, кого бъ не смѣлъ.

(Уходитъ съ воплемъ. Вѣстникъ и пастухъ также уходятъ).

Хоръ.

Увы! Смертныхъ родъ людей!
Какъ вашу я жизнь не высоко цѣню!
И кто тотъ человѣкъ, и гдѣ онъ,
Кто бы болѣе счастливымъ былъ,
Чѣмъ на столько, чтобъ счастьемъ блеснуть
И, блеснувши, упасть съ высоты?
Твой когда передъ глазами примѣръ,
Твою видя судьбу, о злосчастный Эдипъ,

Никого изъ людей не сочту я счастливымъ.

О Зевсъ! Въ цѣль удачно попалъ
И достигъ онъ блаженства вполнѣ,
Когда пѣвчую дѣву сгубилъ,
Что съ кривыми когтями была̀,
И стѣной намъ отъ смерти онъ сталъ.
Съ той поры, царь великихъ Ѳивъ,
Ты всѣхъ большую почесть имѣлъ.

А послушать теперь, кто несчастнѣй?
Кто въ трудахъ, кто въ бѣдахъ столь ужасныхъ?
И ему также жизнь измѣнила.
Увы! о славный нашъ Эдипъ,
Одни тебя, одни
Объятья обширныя
Держали сына и супруга!
Какъ это, какъ отцовское ложе, несчастный, тебя,
Не сказавшись, терпѣло такъ долго?

И безъ воли твоей тебя время открыло,
Отъ котораго скрыться не можетъ ничто,
И тотъ бракъ не признаетъ ужъ Правда,
По которому вышелъ рожденный родившимъ.
Увы! несчастный Лаевъ сынъ!
О лучше бъ, лучше бы
Совсѣмъ мнѣ не знать тебя!
Теперь же громкій плачъ и вопль
Съ устъ все бѣжитъ. Но правду сказать, чрезъ тебя я вздохнулъ;
Черезъ тебя мои очи сомкнулися сномъ.

Слуга (выходитъ изъ боковой двери дворца Эдипова).

О вы, которыхъ въ сей землѣ всегда
Всѣхъ больше чтутъ, ужасныя дѣла
Вамъ предстоитъ услышать и увидѣть.
Какая скорбь васъ ждетъ, когда сердечно
Вы преданы еще Лабдака дому!
Тѣхъ золъ, которыя скрываетъ онъ,
Не смоетъ, думаю, ни Истръ, ни Фазисъ (*);
И скоро выдетъ все наружу зло,
Которое свободно, не невольно:
А бѣдствія приносятъ больше горя,
Когда причиной ихъ бываемъ сами.

Хоръ (говоритъ корифей).

Довольно слезъ и въ томъ, что знали прежде;
Ты что еще намъ новаго принесъ?

Слуга.

Сказать и выслушать скорѣй что можно,
Скажу: погибла голова Іокасты.

Хоръ.

Несчастная! но отъ какой причины?

Слуга.

Своей рукой себя она убила.
Избавленъ ты отъ скорби самой страшной,
Не бывъ свидѣтелемъ того, что было.
Но, сколько памяти во мнѣ достанетъ,
Услышишь ты страданія несчастной.
Съ отчаяньемъ прошла она лишь сѣни,
Къ постели брачной прямо подошла,
Терзая волосы себѣ руками.
Вошла и, двери за собой заперши,
Звала давно умершаго ужъ Лая.
Рожденье прежнее воспоминала,
Отъ коего онъ самъ погибъ, и мать
Оставилъ сыну, чтобъ дѣтей злосчастно
Родила съ нимъ. И плакала она
Надъ ложемъ тѣмъ, отъ мужа мужа гдѣ
И отъ дѣтей дѣтей опять родила.
За тѣмъ не знаю, какъ она погибла.
Эдипъ вбѣжалъ тутъ съ крикомъ, и за нимъ
Нельзя ужъ было видѣть смерть ея;
Смотрѣли мы теперь, какъ онъ метался,
Вбѣжалъ и требовалъ отъ насъ копья,
И гдѣ найти жену, что не жена,
И чрево матери, что дало плодъ
Двойной: его и отъ него дѣтей.
Никто изъ насъ, которые тутъ были,
Не молвилъ слова; видно, духъ какой
Въ неистовствѣ его ему открылъ.
Какъ будто кто его увлекъ, онъ вскрикнулъ,
Къ двойнымъ дверямъ онъ подскочилъ, сорвалъ
Запоръ и быстро въ горницу вбѣжалъ.
Тутъ видимъ мы висящую жену;
Опутала себя снуркомъ плетенымъ.
Ее увидѣвъ такъ, ужасный крикъ
Несчастный испустилъ и развязалъ

*) Истръ — Дунай и Фазисъ—въ Колхидѣ—нынѣ Ріонъ, раздѣляющій Мингрелію и Имеретію.

Снурокъ висящій; и когда она
Ужъ на полу лежала, страшно было
Намъ видѣть то, что было съ нимъ потомъ.
Сорвалъ онъ съ платья пряжки золотыя,
Которыми украшена была,
Схватилъ и билъ глаза свои онъ ими,
Такъ говоря: за то, что не видали
Ни что терпѣлъ, ни что онъ сдѣлалъ зла,
Чтобы впередъ во мракѣ тѣхъ смотрѣли,
Кого не должно было видѣть имъ,
Не узнавали бъ тѣхъ, кого желали бъ.
Такъ причитая много разъ, не разъ
Глаза онъ билъ свои, поднявши вѣки.
Кровавые зрачки мочили щеки,
И кровь не каплями, ручьемъ лилась.
Причиной бѣдствій были оба вмѣстѣ,
На мужа и жену страданье пало.
И счастье прежнее—то было счастье —
Теперь проклятье, стонъ, и смерть, и стыдъ,
И всѣ, какія есть названья золъ.

Хоръ.

Теперь въ какой порѣ несчастной зла?

Слуга.

Кричитъ, чтобъ двери дома отворили,
Чтобъ кто-нибудь потомкамъ Кадма всѣмъ
Отцеубійцу показалъ, который...
Онъ слово нечестивое сказалъ,
Которое не смѣю повторить.
Себя онъ гонитъ изъ земли, и въ домѣ,
Проклявши самъ себя, не остается.
Вожакъ ему теперь и помощь нужны;
Не можетъ онъ одинъ нести страданье.
Но скоро самъ увидишь ты его;
Вотъ отпираются дверей запоры,
И зрѣлище такое ты увидишь,
Что врагъ почувствовалъ бы состраданье.

Хоръ (поетъ).

Страшныя муки взору людскому,
Всѣхъ что страшнѣе видѣнныхъ мною!
Что безумье тобой овладѣло,
Бѣдный страдалецъ? Злобный какой духъ
Новыя бѣды къ долѣ злосчастной
Придалъ твоей? Увы, несчастливецъ!
Много спросить бы, многое слышать,
Многое видѣть мнѣ бы хотѣлось;
Но на тебя взглянуть я не смѣю:
Ты мнѣ внушаешь трепетъ и ужасъ.

Эдипъ (поетъ).

Увы, увы! Несчастный я!
Въ какой землѣ я нахожусь?
Куда стремится голосъ мой?
Судьба, судьба, къ чему вела?

Хоръ (говоритъ корифей).

Къ ужасному несчастью привела.
И видѣть то, и слышать страшно будетъ.

Эдипъ (поетъ).

О страшный мракъ,
Ужасный мой мракъ, несказанный мракъ,
Неизбѣжный мракъ, безконечный мракъ!
О горе мнѣ! вторично горе мнѣ!
Какъ жало боли той вошло въ меня
И вмѣстѣ съ нимъ ужасныхъ память золъ!

Хоръ (говоритъ корифей).

Тутъ чуда нѣтъ, когда въ такихъ несчастьяхъ
Вдвойнѣ страдаешь ты, вдвойнѣ несешь.

Эдипъ (поетъ).

О другъ! Увы!
Одинъ вѣрный другъ мнѣ остался ты,
Слѣпаго меня ты не бросилъ, другъ.
Увы, увы, ты отъ меня не скрылся.
Хоть въ мракѣ я, но голосъ твой
Все жъ ясно узнаю.

Хоръ (корифей говоритъ).

Какъ могъ свои ты очи погасить?
Какое божество тебя подвигло?

Эдипъ (поетъ).

Аполлонъ то былъ! Аполлонъ, друзья,
Страданій моихъ строитель и бѣдъ.
Глаза жъ мои я самъ, несчастный, билъ...
И что было смотрѣть,
Когда ничто не сладко было видѣть?

Хоръ (корифей говоритъ).

Такъ точно было такъ, какъ ты сказалъ.

Эдипъ (поетъ).

Что мнѣ видѣть еще, что любить, друзья?
Съ кѣмъ говорить, кого слушать мнѣ?
Скорѣе меня, изъ мѣстъ скорѣй
Гоните, друзья, великое зло,
Проклятаго прочь гоните, друзья:
Всѣхъ людей богамъ ненавистнѣй онъ.

Хоръ (говоритъ корифей).
Равно несчастенъ ты своей судьбой
И жалокъ тѣмъ, что есть въ тебѣ сознанье!
О, какъ бы я желалъ не знать тебя!

Эдипъ (поетъ).
Проклятье тому, кто изъ страшныхъ путъ
Развязалъ меня и отъ смерти спасъ!
Отъ смерти спасъ меня, но не къ добру.
Еслибъ умеръ я тамъ,
Не пали бъ на меня такія бѣды,
Друзья мои не знали бъ страшной скорби.

Хоръ (говоритъ корифей).
И я бъ былъ радъ, когда бы такъ случилось.

Эдипъ (поетъ).
И убійцей отца не пришелъ бы я,
И женихомъ не звали бъ меня
Родной матери; а нынѣ вотъ я
Безбожный и самъ и преступныхъ сынъ;
Я дѣтей имѣлъ, ахъ! отъ матери.
Что есть въ мірѣ зла, все Эдипъ ужъ взялъ.

Хоръ (говоритъ корифей).
Какъ мнѣ сказать о томъ, что сдѣлалъ ты?
Ужъ лучше бы не жить, чѣмъ жить слѣпымъ.

Эдипъ (говоритъ).
Не говорите мнѣ совѣтъ не въ пору,
Что я недоброе съ собою сдѣлалъ.
Сошедши въ адъ, какими бы глазами
Увидѣлъ я отца и мать свою,
Которымъ сдѣлалъ я дѣла такія,
Что петлею загладить ихъ нельзя!
И видъ дѣтей мнѣ могъ ли быть желаннымъ,
Дѣтей родившихся, какъ родились?
Моимъ глазамъ, конечно, никогда
Ни башни города не видѣть мнѣ,
Не видѣть и боговъ святыхъ кумировъ!
Я самъ, несчастный, самъ лишилъ себя
Всего одинъ изъ всѣхъ вскормленныхъ въ Ѳивахъ,
Я самъ себя всѣмъ отгонять велѣлъ
Безбожнаго, котораго явили
Убійцею и сыномъ Лая боги.
Какъ могъ бы прямо вамъ въ глаза смотрѣть,
Пятно такое на себѣ открывши?
Нѣтъ, нѣтъ! Когда бъ я могъ найти плотину,
Чтобъ уши мнѣ отъ звука оградить,
Презрѣнное не усумнился бъ я
Все тѣло запереть, чтобъ быть слѣпымъ
И ничего не слышать мнѣ. Пріятно
Отъ ощущенья золъ себя избавить...
О Киѳеронъ! Зачѣмъ меня принялъ?
Зачѣмъ не погубилъ меня тотчасъ,
Чтобъ людямъ родъ свой я не могъ открыть?
Погибъ, Коринѳъ, и ты, о древній домъ,
Который я считалъ отцовскимъ домомъ;
Какой красивой плодъ во мнѣ вскормили,
Который страшный ядъ въ себѣ скрывалъ?
О, три дороги тѣ и долъ сокрытый,
И лѣсъ, и трехъ дорогъ проходъ стѣсненный!
Вы кровь, пролитую рукой моей,
Отца кровь пили моего когда-то.
Вы помните ль, что сдѣлалъ я у васъ,
И что потомъ, сюда пришедши, сдѣлалъ?
О бракъ, меня родившій и потомъ
Принявшій тоже сѣмя и смѣшавшій
Отцевъ, дѣтей и братьевъ кровь одну,
Невѣстъ и женъ, и матерей, и все,
Что есть позорнаго между людей!..
И говорить о томъ ужъ неприлично,
Что дѣлать непристойно и позорно.
Скорѣй меня, скорѣй сокройте гдѣ нибудь,
Молю богами васъ, или убейте,
Иль въ море бросьте, чтобъ не видѣть больше.
Идите же, не погнушайтесь вы
Несчастнаго коснуться человѣка;
Послушайтесь, не бойтесь, зло мое
Изъ смертныхъ не раздѣлитъ ни одинъ.

Хоръ (говоритъ корифей).
Чтобы обдумать и устроить то
О чемъ ты просишь, вотъ Креонтъ здѣсь кстати;
Вѣдь онъ одинъ земли остался стражемъ.

Эдипъ.

О горѣ мнѣ! Что мнѣ сказать ему?
Надѣяться имѣю ль право я,
Когда съ нимъ прежде я былъ такъ неправъ!

Креонтъ.

Не съ тѣмъ, чтобъ посмѣяться, я пришелъ,
И не бранить за то, что прежде было.
Но если вамъ передъ людьми не стыдно,
Почтите вы хоть царственное солнце,
Которое все грѣетъ и питаетъ,
И на показъ не выставляйте всѣмъ
Такую страсть, какую ни земля,
Ни свѣтъ не стерпитъ, ни святая влага.
Но поскорѣй его введите въ домъ:
Несчастья близкихъ намъ смотрѣть и слушать
Всего приличнѣе однимъ роднымъ.

Эдипъ.

Когда мой страхъ ты обманулъ, Креонтъ,
Участьемъ благороднымъ въ человѣкѣ
Негоднѣйшемъ изъ всѣхъ, молю тебя,
Послушайся меня; то, что скажу,
Я для тебя скажу, не для себя.

Креонтъ.

Что хочешь ты? О чемъ меня ты просишь?

Эдипъ.

Изъ сей земли меня скорѣе выкинь,
Гдѣ общества людей бѣжать я долженъ.

Креонтъ.

Скажу тебѣ, давно бъ я сдѣлалъ это,
Когда бы не хотѣлъ узнать отъ бога,
Что дѣлать мнѣ велитъ своимъ онъ словомъ.

Эдипъ.

Но вѣдь его давно извѣстно слово;
Погибнуть мнѣ, отцеубійцѣ, должно.

Креонтъ.

Такъ онъ сказалъ; но въ нашемъ положеньи,
Что дѣлать намъ, сросить все жъ лучше будетъ.

Эдипъ.

Ты будешь спрашивать о *мнѣ* несчастномъ?

Креонтъ.

Но ты теперь даешь намъ вѣру въ бога.

Эдипъ.

А я прошу тебя и заклинаю,
Какъ хочешь, той, которая тамъ въ домѣ,
Устрой ты погребенье (для своихъ
Тебѣ прилично вѣдь устроить все);
Меня жь пусть городъ мой родной достойнымъ
Не признаетъ, чтобъ жилъ я въ немъ живой,
Но жить меня пусти въ горахъ туда,
Гдѣ Киѳеронъ, тотъ самый Киѳеронъ,
Который мать съ отцемъ живому мнѣ
Могилой собственной опредѣлили,
Чтобъ умеръ я согласно съ волей тѣхъ,
Которые меня хотѣли погубить.
И знаю я, что отъ болѣзни не умру,
Ни отъ другой естественной причины.
Когда бъ для страшныхъ бѣдъ не назначался,
То не былъ бы спасенъ я умиравшій.
Но пусть мой рокъ идетъ, куда идетъ;
Хочу тебѣ сказать, Креонтъ, о дѣтяхъ.
О сыновьяхъ не прилагай заботы:
Они мужчины и лишеній въ жизни
Не будутъ знать, гдѣ бъ ни были они.
О дочеряхъ моихъ несчастныхъ, жалкихъ,
Ты позаботься мнѣ; имъ никогда
Не ставили обѣда безъ меня,
Но что ѣлъ самъ, все то дѣлилъ я съ ними....
Позволь ты мнѣ коснуться ихъ руками,
Поплакать вмѣстѣ съ ними о несчастьяхъ.
Иди, о царь,
Иди, потомокъ благородной крови!
Когда коснусь руками дочерей,
Казаться будетъ мнѣ, что ихъ держу,
Какъ прежде было то, когда я видѣлъ.
(Антигона и Исмена входятъ).
Что говорю?
Не слышу ль я, богами васъ молю,
Слезами плачущихъ моихъ любезныхъ?
Не ты ль изъ жалости прислалъ, Креонтъ,
Тѣхъ, что милѣе мнѣ изъ всѣхъ дѣтей?
Не правда ли?

Креонтъ.

Да, правда. Я тебѣ устроилъ это.

Я зналъ ужъ напередъ, какъ радъ ты
будешь.

Эдипъ.

Будь счастливъ и за этотъ шагъ одинъ;
Пусть богъ хранитъ тебя, не какъ меня!
О дѣти, гдѣ вы, гдѣ? Сюда ко мнѣ,
Къ рукамъ моимъ, какъ брата, подойдите!
Родившаго отца взоръ, прежде свѣтлый,
Вотъ какъ онѣ вамъ нынѣ дали видѣть!
Отца, который васъ родилъ, не зная,
Отъ той, которою былъ самъ рожденъ!
Не вижу васъ, но плачу я о васъ,
Когда подумаю, какъ вамъ придется
Прожить съ людьми остатокъ горькой
жизни.
Въ какое общество пойдете гражданъ?
На праздники какіе вы пойдете,
Чтобъ съ праздникомъ, не съ плачемъ
въ домъ вернуться?
Когда жъ достигнете вы лѣтъ замужства,
Найдется ль, дѣти, человѣкъ такой,
Который бы сталъ выше предразсудка
И принялъ бы сей пагубный позоръ,
Приросшій къ тѣмъ, которые меня,
И къ тѣмъ, которые родили васъ?
Какого зла не достаетъ еще?
Отца убилъ отецъ вашъ и потомъ
Онъ съ матерью своей прижилъ дѣтей.
Упреки въ томъ придется слушать вамъ.
И кто жъ возьметъ васъ за себя? Никто.
Безъ брака, безъ дѣтей умрете вы.
О Менекея сынъ! когда мы оба,
Которые родили ихъ, погибли,
И ты одинъ отецъ имъ остаешься,
Не брось ты ихъ—онѣ тебѣ родныя—
Безъ мужа въ бѣдности чтобъ не ски-
тались,
И не сравняй съ моей и ихъ судьбу,
Но пожалѣй, въ такихъ ихъ видя лѣтахъ,
Всего лишенныхъ, лишь въ тебѣ одномъ
Имѣющихъ надежду всю. О дѣти!
Когда бъ имѣли вы и смыслъ и разумъ,
Я много бъ вамъ сказалъ. Теперь одно
Мнѣ остается пожелать, чтобъ вамъ
Досталась лучше жизнь, чѣмъ жизнь
отца.

Креонтъ.

Довольно слезъ. Иди теперь въ свой домъ.

Эдипъ.

Я повинуюсь, хоть не сладко мнѣ.

Креонтъ.

Все въ пору хорошо.

Эдипъ.

Но знай же ты,
Съ чѣмъ я пойду.

Креонтъ.

Скажи, я буду знать.

Эдипъ.

Съ тѣмъ, чтобъ меня ты выслалъ изъ
земли.

Креонтъ.

Ты требуешь того, что въ волѣ бога.

Эдипъ.

Вѣдь ненавистенъ я богамъ, то видно.

Креонтъ.

Такъ тѣмъ скорѣй исполнится желанье.

Эдипъ.

Ты думаешь?

Креонтъ.

Чего не думаю,
Я не люблю напрасно говорить.

Эдипъ.

Такъ уведи меня отсюда.

Креонтъ.

Иди, но отпусти дѣтей.

Эдипъ.

Молю,
Не отнимай ихъ у меня.

Креонтъ.

Нельзя.
Всего не требуй ты. И то, чѣмъ ты
Уже владѣлъ, не вѣкъ съ тобой оста-
лось (*Всѣ уходятъ*).

Хоръ (поетъ, обращаясь къ зрителямъ и удаляясь изъ оркестра).

О сограждане Ѳивяне, вы смотрите,
какъ Эдипъ
Унесенъ потокомъ бурнымъ страшной,
бѣдственной волны!
А умѣлъ рѣшать загадки, былъ онъ
высшій изъ людей,
И на счастье гражданъ нашихъ онъ
безъ ревности смотрѣлъ.
Потому, когда помыслишь ты о томъ по-
слѣднемъ днѣ,
То не прежде звать счастливымъ смерт-
наго рѣшишься ты.

Какъ пройдешь границу жизни, не изв҃давъ скорбныхъ бѣдъ.
(Занавѣсъ поднимается).

---

276. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

Хоръ.

Строфа.

Кто желаетъ прожить на вѣку своемъ дольше другихъ,
Позабывъ объ умѣренной долѣ,
Тотъ, по-моему, явно умомъ помраченъ.
Долголѣтье различнымъ путемъ
Все приводитъ нас ближе къ печали,
А утѣхи нигдѣ ни найдетъ
Тотъ, кому довелось получить
Вождедѣнную большую долю.
А помощница въ бѣдствіи, равная всѣмъ,
Безъ лиры, безъ хоровъ, безъ свадебныхъ пѣсенъ,
Появляется Мойра Аида,
Смерть наконецъ!

Антистрофа.

Самый счастливый жребій—совсѣмъ не родиться.
Послѣ этого лучшая доля:
Появиться на свѣтъ — и опять умереть сейчасъ.
А придетъ безразсудная юность
Съ легкомысліемъ своимъ, то какія
Многотрудныя муки ей чужды!
Тутъ убійства и распри съ враждою, и битвы, и зависть!
Подъ конецъ же, досадная всѣмъ, безъ друзей
И безъ силъ настигаетъ тебя
Нелюдимая старость, гдѣ собраны всѣ,
Что ни есть только бѣдствій на свѣтѣ.

Эподъ.

Въ ней и этотъ несчастный, какъ я,
Отовсюду крушимъ, будто сѣверный берегъ
Подъ ударами вѣтра и волнъ.
Такъ его сокрушили совсѣмъ
Злыя бѣдствія, вѣчные спутники,
Набѣгая, подобно волнамъ,
Отъ заката однѣ, а другія съ востока,
Отъ полуденныхъ солнца лучей,
Отъ Рипеевъ полночныхъ!

Антигона.

Вотъ, кажется, идетъ къ намъ чужеземецъ;
Съ нимъ никого, отецъ—и слезы льются
Изъ глазъ его ручьемъ.

Эдипъ.

Кто жъ это?

Антигона.

Тотъ,
О комъ ужъ прежде говорили мы:
Здѣсь Полиникъ стоитъ передъ тобою.

Полиникъ.

Увы, что дѣлать? Горести мои
Оплакать прежде, сестры, иль несчастье,
Въ какомъ я вижу старика-отца?
Здѣсь на чужбинѣ онъ заброшенъ съ вами
Въ такой одеждѣ, на которой слипся
Кусками старый прахъ и старцу тѣло
Сурово колетъ; а на головѣ,
Лишенной зрѣнья, развѣваетъ вѣтеръ
Нетронутые гребнемъ волоса.
Какъ видно, ужъ такой же точно хлѣбъ
Вымаливаетъ, бѣдный.. Ахъ! пропалъ я;
Объ этомъ слишкомъ поздно узнаю.
Да, самымъ злымъ, свидѣтельствую самъ,
Твоимъ кормильцемъ сыномъ оказался;
А что со мной, узнаешь отъ меня же.
Во всѣхъ дѣлахъ съ Зевесомъ предсѣдаетъ
На тронѣ Милость, и тебѣ, отецъ,
Пусть предстоитъ она. Въ чемъ погрѣшилъ,
Загладить можно: погрѣшить же больше
Ужъ не возможно... Что жъ безмолвенъ ты?
Отецъ! промолви слово... не отринь...
Не отвѣчаешь ничего? Съ презрѣньемъ,
Безъ рѣчи отошлешь меня, и гнѣва
Не высказавъ? О сестры, дѣти
Его родныя! вы хоть испытайте
Отца неговорливый и упорный
Языкъ подвинуть, чтобы такъ съ безчестьемъ
Меня, пришедшаго подъ кровомъ бога,
Не отпускалъ, и слова не отвѣтивъ!

Антигона.

Скажи, несчастный, самъ зачѣмъ пришелъ?
Въ обильной рѣчи можно приласкать,
Иль прогнѣвить, иль тронуть чѣмъ-нибудь,
Такъ, что дается голосъ и безгласнымъ.

Полиникъ.

Скажу я все: прекрасенъ твой совѣтъ.
Но прежде призову себѣ на помощь
Того же бога, чью святыню мнѣ
Велѣлъ оставить царь земли, дозволивъ,
При безопасномъ выходѣ, и слушать
И говорить. Желаю получить
Того же, чужеземцы, и отъ васъ,
И отъ моихъ сестеръ, и отъ отца.
Скажу теперь, отецъ, зачѣмъ пришелъ.
Я изгнанъ изъ отеческой земли
За то, что на своемъ престолѣ царскомъ
Хотѣлъ по нраву сѣсть, какъ старшій въ родѣ.
Рожденьемъ младшій, Этеоклъ, за это
Изгналъ меня, не побѣдивъ умомъ,
Ни испытавъ на дѣлѣ силъ; а гражданъ
Онъ убѣдилъ—и болѣе всего
Тому виной твоихъ Ериній ставлю,
Какъ и отъ вѣщихъ послѣ я узналъ.
Когда жъ пришелъ въ Дорическій Аргосъ,
То, зятемъ ставъ Адрасту, пріобрѣлъ я
Союзниковъ себѣ изъ самыхъ первыхъ
И самыхъ храбрыхъ на землѣ Апійской,
Чтобъ, противъ Ѳивъ семиотрядный полкъ
Собравши съ ними, честно умереть,
Иль изъ земли изгнать зачавшихъ дѣло.
Такъ было. А зачѣмъ теперь я здѣсь?
Къ тебѣ, отецъ, я съ униженной просьбой
Самъ за себя и за моихъ друзей.
Семь строевъ ихъ, семь копій окружили
Теперь со всѣхъ сторонъ равнину Ѳивъ.
Амфіарай, копьеметатель, первый,
Какъ мужествомъ, такъ вѣщимъ знаньемъ птицъ;
Второй Этолъ, Энея сынъ, Тидей,
А третій Этеоклъ, аргивецъ родомъ,
Четвертаго послалъ Гиппомедонта
Отецъ Талай, а пятый Капаней
Подрыть весь городъ хвалится и сжечь.
Шестой Парѳенопей Аркасъ,
Сынъ вѣрный Аталанты. Я же, твой—
Когда жъ не твой, то злымъ рожденный рокомъ,
Но именуемый твоимъ—веду
Безстрашное аргивянъ войско къ Ѳивамъ.
Тебя, отецъ, мы этими дѣтьми,
Твои душею всѣ усердно молимъ:
Оставь свой гнѣвъ тяжелый на меня;
Спѣшу я брату отомстить, который
Изгналъ меня и родины лишилъ.
Чью сторону ты примешь, если вѣрить
Боговъ реченью, съ тѣмъ и сила будетъ.
Отечества ручьями и богами
Теперь я умоляю: мнѣ послѣдуй;
Склонись... мы нищіе, мы на чужбинѣ;
Въ чужой землѣ и ты: тебѣ и мнѣ
Досталось жить изъ милости другихъ—
Одна и таже доля; а надъ нами
Обоими, о горе мнѣ! въ дому,
Смѣяся, величается властитель.
Его, когда со мной въ согласьи будешь,
Я мигомъ уничтожу безъ труда.
Такъ, возвративъ тебя, въ дому твоемъ
Я утвержу и утвержуся самъ,
Его низвергнувъ силой. Этимъ хвастать
Могу, когда одно со мной желаешь;
Но безъ тебя я и спастись не въ силахъ.

Хоръ.

Пославшему въ угоду отпусти
Ты человѣка этого, Эдипъ,
Сказавъ ему, что слѣдуетъ сказать.

Эдипъ.

Граждане! еслибъ не послалъ ко мнѣ
Его Ѳезей, страны правитель вашей,
Вмѣняя въ долгъ, чтобъ я ему отвѣтилъ,
Ему не знать бы вѣщихъ словъ моихъ.
Теперь же удостоенъ—и уйдетъ,
Такое слышавъ отъ меня, что въ жизни
Ужъ вѣрно не порадуетъ его.
Негодный! самъ, имѣя скиптръ и тронъ,
Все, что твой братъ теперь имѣетъ въ Ѳивахъ,
Меня ты, своего отца, изгналъ,
И былъ виной, что я лишенъ отчизны
И что ношу одежду, видъ которой
Теперь тебя ужъ трогаетъ до слезъ,

Какъ самъ попалъ въ одну бѣду со мною.
Не плакать, а сносить мнѣ это должно,
Какъ ни жилъ бы, тебя убійцу помня:
Ты ввергъ меня въ несчастья эти, ты
Изгналъ меня... черезъ тебя, скитаясь,
Насущнаго выпрашиваю хлѣба.
Когда бы не дала судьба мнѣ этихъ
Кормилицъ-дочерей, ужъ мнѣ бы вѣрно
Пришлось, на долю отъ тебя, погибнуть.
Теперь онѣ отъ бѣдъ меня спасаютъ,
Онѣ мои кормилицы, онѣ
Страдать со мной—не женщины, мужчины.
А вы родились, вѣрно, отъ другаго,
Не отъ меня... Вотъ почему и демонъ,
Хотя не такъ, какъ это скоро будетъ,
А на тебя взираетъ, если только
Отряды эти двинулись на Өивы.
Вамъ не разрушить города во-вѣки.
Скорѣй, запятнанъ кровью, ты падешь,
И братъ твой вмѣстѣ. Произнесъ и прежде
Я противъ васъ такія же проклятья,
И нынѣ ихъ зову къ себѣ на помощь,
Чтобъ знали вы, какъ должно чтить родившихъ
И чтобъ себѣ не ставили въ безчестье,
Что у такихъ у васъ отецъ слѣпой...
Вѣдь этого не сдѣлали онѣ,
А потому убѣжище твое
И тронъ твой подъ проклятьемъ, если только
Издревле міру явленная Правда
Законамъ древнимъ Зевса предсѣдитъ.
Сгинь съ глазъ моихъ, презрѣнный негодяй!
Я не отецъ тебѣ; неси проклятья,
Какія призвалъ на главу твою,
Чтобъ ни отчизны не взялъ ты копьемъ,
Ни возвратился въ Аргосъ междугорный,
Но умеръ отъ родной руки, убивъ
Того, кѣмъ изгнанъ. Такъ я проклинаю
И ненавистный мракъ зову отцовскій,
Мракъ Тартара тебя увлечь; зову
И этихъ я богинь; зову Ареса,
Возжегшаго межъ вами злую распрю.
Ты слышалъ все... Иди и возвѣсти
Твоимъ друзьямъ въ бою и всѣмъ Кадмейцамъ,
Что дѣтямъ въ даръ опредѣлилъ Эдипъ.

Хоръ.

Не радуюсь съ тобою, Полиникъ,
Что путь предпринялъ этотъ: уходи же
Скорѣе прочь.

Полиникъ.

О неудачный путь!
Друзья, несчастье! Этого ль конца,
Изъ Аргоса въ дорогу снаряжаясь,
Мы ждали, что ни спутникамъ сказать,
Ни отступить нельзя; но ужъ безмолвно
На встрѣчу рока долженъ я идти.
Родныя сестры! васъ молю—отца
Вы слышали жестокія проклятья—
Богами заклинаю васъ, ужъ если
Все сбудется реченное отцемъ
И кто изъ васъ на родину вернется,
О нѣтъ! тогда не презрите меня:
Въ могилѣ скройте и обрядъ свершите.
И къ нынѣшней хвалѣ, что вы отцу
Въ бѣдахъ подпорой, за услугу мнѣ
Еще хвала не меньшая вамъ будетъ.

Антигона.

Меня послушай, Полиникъ, молю.

Полиникъ.

Въ чемъ, Антигона милая! скажи.

Антигона.

Скорѣе съ войскомъ въ Аргосъ воротись:
И самого себя, и городъ сгубишь.

Полиникъ.

Ужъ поздно. Какъ же вдругъ вернуть бы могъ
И это войско, струсивъ безъ причины?

Антигона.

Что снова, другъ, даешь ты волю гнѣву?
Что пользы родину тебѣ разрушить?

Полиникъ.

Бѣжать постыдно. Старшій въ родѣ, брату
Посмѣшищемъ я буду.

Антигона.

Видишь самъ,
Какъ прорицанья прямо въ цѣль стремятся,
Грозя вамъ смерть взаимную обоимъ!

Полиникъ.

Пускай ихъ. Намъ же отступать нельзя.

Антигона.

О горе! Кто жъ дерзнулъ бы за тобою
Идти во слѣдъ, узнавъ, что предсказалъ онъ?

Полиникъ.

Печальнаго не скажемъ: добрый вождь
Не страхъ вселять, а ободрять обязанъ.

Антигона.

Братъ! и на это ты совсѣмъ рѣшился?

Полиникъ.

Меня ужъ не удерживай. Иду,
Хоть знаю, горекъ, гибеленъ мой путь
Отца рѣшеньемъ и его Ериній.
А вамъ пускай всѣхъ благъ даруетъ
Зевсъ,
Когда добро умершему свершите;
Живой же съ вами я въ послѣдній разъ,
Довольно ужъ. Прощайте. Больше намъ
Очами въ очи не взглянуть.

Антигона.

О горе!

Полиникъ.

Не плачь о мнѣ.

Антигона.

Какъ о тебѣ не плакать,
Когда на гибель явную стремишься,
Мой милый братъ!

Полиникъ.

Коль суждено, умру.

Антигона.

О нѣтъ! меня послушай.

Полиникъ.

Въ чемъ не должно,
Не убѣждай.

Антигона.

На-вѣкъ несчастной буду,
Тебя лишившись.

Полиникъ.

Въ волѣ бога все:
Такъ иль иначе будетъ. Но молю
Боговъ, чтобъ васъ несчастье не кос-
нулось;
Всѣ скажутъ: вы того не заслужили.
(Уходитъ).

Водовозовъ.

---

277. ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ, ЭВРИПИДА.

Хоръ Дѣвъ.

Спокойные, свѣтло-лазоревы,
Проливы, заливы, поморія
Эвксина, бурь грозныхъ питателя!
Вы, кои Зевесу любимицу
Несли изъ Европы въ край Азіи!
Повѣдайте, кто сіи странники?
Съ береговъ ли они многоводнаго
Еврота, осокой вѣнчаннаго?
Отъ скалъ ли Дирцеи священныя
Стремилися къ острову варваровъ,
Гдѣ дѣвы десница невольная
Невинною кровію странниковъ
Питаетъ алтарь и кропитъ столпы
Чертога богини разгнѣванной?
Алканье ли духа испытнаго,
Благія ль познанія васъ вели?
Иль слава отваги военныя
Вѣтрилами вашими правила?
Иль бездны погоды коварныя
Ловитвой васъ смерти влекли сюда?
Не ты ли, о врагъ человѣчества,
О жажда богатства несытая,
Отъ крововъ родимыхъ ихъ вызвала
Въ сраженье съ волнами свирѣпыми?
О льстецъ вѣроломный и гибельный!
Изъ моря ты въ море, изъ града въ градъ,
Съ востока на западъ влечешь слѣпцовъ;
Но чтожъ? муки вѣка—мгновенью дань!
Безстрашные! какъ протекали вы
Межъ двухъ острововъ сочетавшихся,
Близь брега крутаго, утеснаго
Финея, пловцовъ-злоблюстителя?
Какъ плыли равнинами влажными,
Гдѣ, въ слѣдъ Амфитридѣ гуляющей
Поютъ пятьдесятъ сладкогласныхъ дѣвъ,
Прелестныя дщери Нереевы?
Онѣ тихо-нѣжными пѣснями
Манятъ къ кораблю вѣтры кроткіе,
Вздуваютъ вѣтрила дыханіемъ,
Когда на кормѣ златокованной
Безсмертный правитель ведетъ его
Ко острову сына ей милаго!
О если бы, внявъ Ифигеніи,
Рокъ мстящій Елену привелъ въ сей
храмъ!
О если бы Леды дщерь красная,
Власы распустивъ злато-шелковы,
Омылась здѣсь влагою жертвенной!
Когда бы виновница общихъ бѣдъ, —
Возмездье любви беззаконныя, —
Пріяла смерть дланію дѣвственной!
Но болѣ веселья и радостей
Услышать намъ вѣстника родины...

Хотя бы во снѣ намъ привидѣлась
Земля праотцевъ благодатная!
Хотя бы во снѣ пѣсней древнею
Брега оглашать возвращенные!

Ифигенія.

Прервите пѣніе! влачащія оковы
Ведутся отъ бреговъ богинѣ жертвы новы.
Два грека, пастырь рекъ.—Злосчастная чета!
Уже приблизились, вступаютъ во врата.

Корифей.

Первопочтенная! когда народа сила
Священнодѣйства долгъ тебѣ свершать судила,
Прими и освяти посланны жертвы намъ,
Да не касаются нечисты къ алтарямъ.

Ифигенія.

Приступимъ... первый долгъ мой, первое раченье—
Обрядовъ точное и вѣрно соблюденье.
Снимите цѣпи съ нихъ; богинѣ присвоенъ
Не долженъ въ узахъ быть: свободенъ и священъ.
О дѣвы, въ тайные притворы отъидите!
И все потребное обычно учредите!

(Къ Оресту и Пиладу).

Иноплеменники! приближьтесь вы ко мнѣ.
Кто мать, кто вашъ отецъ, въ какой живутъ странѣ?
Имѣете ль сестру?... Ахъ, ждетъ ее утрата!...
Какого, бѣдная, она лишится брата?..
Не вѣдаете вы еще судьбы своей...
Кому грядущее открыто изъ людей?
Почіютъ въ вѣчной мглѣ всевышнихъ силъ совѣты,
И неожиданны намъ блага и навѣты!
Вѣщайте, странники; отколѣ притекли?
Какія вы моря преплыли къ сей земли?
Какъ съ вами родина прощалася любезна?
Разлука ваша съ ней—долга и многослезна!...

Орестъ.

Невѣдомая намъ, вѣщай, отколь сіе
Къ несчастьямъ странниковъ участіе твое?..,
Ты слезы льешь! почто, почто ты насъ смущаешь
Грозой грядущихъ бѣдъ, которы предвѣщаешь!
Страхъ неизбѣжнаго и близкаго конца
Слезами упреждать—не дѣло мудреца.
Кто плачетъ о судьбѣ на гибель обреченныхъ,
Изъ одного тотъ зла двойное зло творитъ;
Скорби иль не скорби, а смерть равно разитъ.
Оставь въ покоѣ насъ; давно уже извѣстны
Законы сей страны и жребій нашъ нелестный...

Ифигенія.

Но вѣдать я хочу, котораго назвать
Пиладомъ?

Орестъ.

Вотъ Пиладъ, когда угодно знать.

Ифигенія.

Какого гражданинъ онъ греческаго града?

Орестъ.

Какая изъ сего тебѣ и намъ отрада?

Ифигенія.

Одноутробные ль вы братья и сыны?

Орестъ.

Не кровью, дружбою мы братья,—сроднены.

Ифигенія.

А имя какъ твое?...

Орестъ.

Мнѣ имя есть—несчастный.

Ифигенія.

Мы всѣ равно судьбѣ таинственной подвластны.
Вопросъ мой не о томъ.

Орестъ.

Безвѣстнымъ пусть умру,
Да посмѣянія на прахъ не соберу.

Ифигенія.

Къ чему тебѣ сіи заботы горделивы!
Исчезнуть въ мигъ одинъ мечты твои кичливы...

Орестъ.

Не имя ты мое, но тѣло поразишь.

Ифигенія.

И родины своей ты мнѣ не возвѣстишь?

Орестъ.

Что пользы называть ее въ минуту смерти?
Изъ памяти своей хотѣлъ бы имя стерти.

Ифигенія.

Упорный бѣдствій сынъ! немногаго прошу:
Я властна требовать...

Орестъ.

Невольный, все свершу:
Аргосъ отчизна мнѣ.

Ифигенія.

Аргосъ... ты рекъ смущенный...
Аргосъ?—не правда ли?...

Орестъ.

Микены, градъ священный,
Счастливый прежде градъ, мое рожденье зрѣлъ.

Ифигенія.

Но какъ отеческій покинулъ ты предѣлъ,
Изгнанникъ?... трепещу...

Орестъ.

То странствіе невольно,
И вмѣстѣ произволъ страдальца... но довольно...

Ифигенія.

Ахъ! продолжай, молю... вся кровь кипитъ моя!
Все, все повѣдай мнѣ...

Орестъ.

Скажу, какъ въ силахъ я,
О жрица! бѣдствіе всегда малорѣчиво.

Ифигенія.

Когда бъ ты могъ читать въ душѣ нетерпѣливой,
Сколь вожделѣнъ мнѣ твой изъ Аргоса приходъ!

Орестъ.

Тебѣ любезенъ онъ, а насъ во гробъ ведетъ!

Ифигенія.

О Троѣ ты слыхалъ? молва объ ней всемѣстна.

Орестъ.

Ахъ, еслибъ никогда была мнѣ неизвѣстна!
Желалъ бы не видать ужасной и во снѣ.

Ифигенія.

Слухъ идетъ: въ гибельной погибъ сей градъ войнѣ.

Орестъ.

Слухъ правъ: разрушенъ онъ.

Ифигенія.

А славная Елена?

Орестъ.

Супругу отдана! Корысть не вожделѣнна!
Коль многихъ стоилъ золъ сей роковой возвратъ
Единому изъ насъ!

Ифигенія (въ сторону).

Мнѣ болѣе стократъ!...
Но гдѣ теперь она?

Орестъ.

Въ чертогахъ Менелая,
Супруга перваго.

Ифигенія.

О гибель рода злая!
Всея Еллады срамъ! вина моихъ всѣхъ бѣдъ!

Орестъ.

И мнѣ злосчастный бракъ принесъ великій вредъ.

Ифигенія.

Правдивы ль вѣсти намъ, что десять лѣтъ томимый,
Народъ сей, наконецъ, узрѣлъ свой край родимый?

Орестъ.

Но, жрица, дивно мнѣ! что значитъ и къ чему
Сія испытливость? Вопросовъ разныхъ тьму...

Ифигенія.

Ты долженъ разрѣшить, пока въ тебѣ дыханье...

Орестъ (съ горестію).

О дѣва! тяжкое душѣ моей сказанье...

Ифигенія.

Пророкъ строптивый сей, притекъ ли въ домъ Калхасъ?

Орестъ.

Вѣщаютъ, что на-вѣкъ сей голосъ золъ угасъ.

Ифигенія.

О боги мстители! А сынъ Лаерта, хладный

Строитель козней?...

Орестъ.

Живъ, коль вѣренъ слухъ досадный;
Онъ живъ, но не достигъ до Итаки своей.

Ифигенія.

Да гибнетъ! и на-вѣкъ да не коснется къ ней!

Орестъ.

Злодѣй терзается! на все тирана племя
Рукою налегло карающее время.

Ифигенія.

Но... отрасль юная Өетиды? Сей герой...

Орестъ.

Вотще въ Авлидѣ бракъ — онъ съ царственной красой.

Ифигенія.

Увы! то былъ обманъ... такъ мыслятъ, кои знаютъ...

Орестъ.

Но кто же ты? Чего у насъ не постигаютъ,
То болѣе тебѣ открыто здѣсь, повѣрь.

Ифигенія.

Пришелецъ!, знай, ты зришь своей отчизны дщерь.
Погибшая жива, лишась роднаго краю.

Орестъ.

Теперь участіе твое къ намъ постигаю.

Ифигенія.

Гдѣ тотъ, повѣдай мнѣ, могучій средь вождей...

Орестъ.

О комъ желаешь знать?

Ифигенія.

Кого глаголъ людей
Счастливѣйшимъ нарекъ...

Орестъ.

Я тамъ не зрѣлъ счастливыхъ!

Ифигенія.

Атридъ, Агамемнонъ—

Орестъ.

О немъ вѣстей правдивыхъ
Не знаю... пощади, оставь вопросъ ты сей...

Ифигенія.

Для имени боговъ утѣшь меня скорѣй!

Орестъ.

Погибъ, и погубилъ онъ ближняго съ собою!

Ифигенія.

Онъ умеръ? какъ? когда? Куда я слезы скрою?

Орестъ.

Вздыхаешь, стонешь ты! Иль сродникъ царь тебѣ?

Ифигенія.

Стеню о тягостной величія судьбѣ.

Орестъ.

Достойна слезъ она. Атридъ женой развратной
Свирѣпо умерщвленъ...

Ифигенія.

Женой?—О вѣстникъ хладной...
Кто лютая змѣя? сей извергъ? говори!

Орестъ.

Престань меня терзать! конецъ мой ускори!

Ифигенія.

Еще одно: жива ль вдовица та несчастна,
Любившая его, толико къ чадамъ страстна?

Орестъ.

Нѣтъ, сынъ, единственный сынъ мать свою убилъ!

Ифигенія.

Ужасно! какъ дерзнулъ!

Орестъ.

За смерть отца онъ мстилъ.

Ифигенія.

Несчастный домъ! Небесъ карающа строптивость!
Сынъ бѣдный, сколь твоя свирѣпа справедливость!

Орестъ.

Что въ правотѣ земной! всѣ боги на него
Враждуютъ, чужды всѣ...

Ифигенія.

Уже ли никого
Нѣтъ болѣе въ живыхъ отъ племени царева?

Орестъ.

Электра, дщерь его, единственная дѣва.

Ифигенія.

Но развѣ слуха нѣтъ о младшей той сестрѣ,
Что въ жертву предана въ Авлидѣ...

Орестъ.

На зарѣ
Прелестнѣйшей весны невинная увяла;
Рука, рука отца кровь дщери пролiяла.
Наказанъ строго онъ! отмстила мать за дочь....

Ифигенія.

Но сынъ царя? вѣщай, уже ли вѣчна ночь
Пожрала и его въ сей безднѣ преступленій?

Орестъ (въ смущеніи).

Онъ живъ... незнаемый... изгнанникъ, призракъ тѣни,
Повсюду и нигдѣ...

Ифигенія (радостно).

Онъ живъ! скажи еще!...
Онъ живъ...(*въ сторону*) Простите, сны обманчивы! Вотще
Вы сердце робкое, отверстое печали,
Мечтами страшными доселѣ возмущали!
Вы, прорицатели, въ васъ тьма и спесь одна!
Толковники судебъ, вы также чада сна!
Уже ль оракулавъ постыдно оправданье
Велите утверждать: Орестъ не живъ... мечтанье!
Оракулъ мой во мнѣ: онъ ясно говоритъ,
Онъ видитъ, чувствуетъ, мнѣ близкое твердитъ
И, мнится, изъ груди исторгнуться желаетъ.

Орестъ.

А насъ, увы! никто, ничто не утѣшаетъ:
Родные, живы ль вы? или закрыли взоръ!

Ифигенія (съ важностію).

Внемлите, странники! мой съ вами разговоръ
Длявасъ и для меня во благо обратился.
Успѣхъ не измѣнитъ: потребно лишь рѣшиться.
(*Оресту*) Къ тебѣ склоняю рѣчь, испытанный здѣсь мной!
Ты не умрешь, когда завѣтъ исполнишь мой.
Въ Арголиду теки и отнеси посланье
Къ немногимъ тѣмъдрузьямъ, которыхъ состраданье
И страхъ боговъ еще несчастной сберегли.
Одинъ изъ плѣнниковъ сей варварской земли,
Подвигнутъ жалостью къ судьбѣ моей жестокой,
Его мнѣ начерталъ подъ тайною глубокой.
Несчастный, онъ не зналъ, кому благотворилъ!
Ахъ, вскорѣ освященъ сей дланью въ жертву былъ!
Письмо мое досель подъ спудомъ я хранила
Затѣмъ, что вѣрнаго посла не находила;
Въ тебѣ я зрю его: ты добръ, несчастенъ самъ,
Микены знаешь ты и знаешь ближнихъ намъ.
Ступай и памятуй: услуги сей святыя,
Столь легкойдля тебя,награда—жизнь, родные!
(*Пиладу*) А ты... располагать я жребіемъ твоимъ
Не властна; укрѣпись—законъ неумолимъ,
Умри... пусть дружба здѣсь вновь памятникъ воздвигнетъ!

Орестъ.

Свершится твой завѣтъ—и братъ мой не погибнетъ.
Какъ? Онъ чтобы меня собою замѣнилъ?
Чтобъ смертію его я жизнь себѣ купилъ?
Сіе презрительно и даже межъ врагами.
Кто разлучилъ его съ любовью и друзьями,
Похитилъ отъ семьи, извлекъ изъ милыхъ странъ
И бросилъ въ яростный несчастій океанъ?
Я правилъ кораблемъ, отверженнымъ отъ неба,
Волнуемымъ средь скалъ подъ бурями Эреба:
Онъ дружбой вдохновенъ, онъ доблестью ведомъ

Повсюду за слѣпымъ послѣдовалъ пловцомъ;
Онъ въ тысячахъ смертей меня не отрекался
И въ цѣломъ свѣтѣ мной единый не гнушался:
И я, служа тебѣ, могу разстаться съ нимъ!
Я погублю его спасеніемъ своимъ!
Нѣтъ, жрица, правота, и долгъ, и боги сами,
И состраданіе къ истерзаннымъ бѣдами,
Все требуетъ: свое рѣшенье премѣни.
Пусть въ Аргосъ онъ течетъ: мои окончи дни.
Пусть онъ одинъ свершитъ твое препорученье,
Но дружбы чистыя не тронетъ посрамленье;
Она превыше благъ, честей и золъ — всего...
Дороже жизни мнѣ жизнь друга моего!

Ифигенія.

О чувства милыя! о чувства возвышенны!
Сколь славенъ долженъ быть источникъ тотъ почтенный,
Изъ коего они въ тебѣ проистекли!
Прекраснѣй и святѣй нѣтъ дружбы на земли!
Ахъ, еслибы мой братъ, отъ предковъ знаменитыхъ
Послѣдня отрасль, цвѣтъ надеждъ моихъ сокрытыхъ —
Ахъ, еслибъ онъ во всемъ подобенъ былъ тебѣ!
И онъ, какъ ты, страдалъ, покорный рабъ судьбѣ...
Онъ живъ, узнала я, но ахъ, его не вижу...
Высокія души стремленій не увижу;
Дивлюсь, скорблю и чту рѣшительность твою.
Согласна: пусть Пиладъ свершитъ мольбу мою!
Теки, куда тебя рокъ строгій призываетъ!
(Ахъ, тайная тоска мнѣ сердце раздираетъ!)

Орестъ.

Кто жрецъ? кто хладною, свирѣпою рукой
Несчастнаго сразитъ?

Ифигенія.

Сей долгъ священный мой:
Діаны жрица я.

Орестъ.

Долгъ тягостный, ужасный
Пріятенъ ли душѣ, столь кроткой и прекрасной?

Ифигенія.

Судили боги такъ: покорствовать должна!

Орестъ.

Терзаетъ грудь мужей столь нѣжная жена!

Ифигенія.

Нѣтъ, токмо влагою священной омываю
Главы притекшихъ жертвъ.

Орестъ.

Но вѣдать я желаю,
Гдѣ предназначенный убійца, грозный мнѣ?

Ифигенія.

Служитель алтарей ждетъ храма въ глубинѣ.

Орестъ.

Какая мертваго возьметъ меня могила?

Ифигенія.

Огня священнаго чистительная сила.
Въ сѣнистой грота мглѣ почіетъ пепелъ твой.

Орестъ (въ сторону).

Хотябъ я милою оплаканъ былъ сестрой!

Ифигенія.

Желаньетщетное, о юноша злосчастной!
Не притечетъ сестра на островъ сей ужасной,
Умреть, объ участи не вѣдая твоей!
Но кто бы ни былъ ты, сынъ родины моей,
Готова быть тебѣ нѣжнѣйшею сестрою,
И все, какъ возмогу, какъдолгъ велитъ, устрою;
Моя рука цвѣты на гробъ твой принесетъ
И тѣло пеленой чистѣйшей обовьетъ;

Я на костеръ, изъ древъ сложенный ароматныхъ,
Млеко и сладкій сокъ, отъ злаковъ благодатныхъ
Пчелою золотой исторгнутый, пролью.
Не обвиняй меня: вини судьбу мою;
Я вамъ не врагъ: ахъ, нѣтъ! я чувствую къ вамъ болѣ,
Чѣмъ жалость. (*Къ хору*). Дайте вы свободу краткой волѣ,
Оставьте ихъ теперь: сей дорогъ часъ друзьямъ.
(*Къ нимъ*). Я скоро возвращусь съ письмомъ готовымъ къ вамъ.
(*Въ сторону*). О братъ! мнѣ кажется, я зрю твое смущенье!
Отъ той, которой зрѣлъ ты смерть и погребенье,
Надъ коей, восхолмясь, возсталъ зеленый долъ,
Отъ мертвой сей сестры—нечаянный посолъ!
Какія радости, восторги, ликованья!
Благослови, Зевесъ, невинны начинанья!

Орестъ.

Мой другъ, мы здѣсь одни. Что мыслить мнѣ, Пиладъ?
Безвѣстны чувствія смятенный духъ тягчатъ!

Пиладъ.

Какія? раздѣлимъ души и сердца раны...

Орестъ.

Кто дивная сія служебница Діаны?
Съ какимъ она огнемъ во словѣ и въ очахъ
Распрашивала насъ о гибельныхъ бояхъ,
О бѣдственномъ вождей ахейскихъ возвращеньи!
Калхасъ, Ахиллъ живутъ въ ея воображеньи;
Я слезы зрѣлъ ея, смущенье, слышалъ стонъ,
Когда изрекъ, что жить престалъ Агамемнонъ;
Съ какою горестной досадою взирала,
Когда о матери и чадахъ знать желала!
Ей родина Аргосъ, и я увѣренъ въ томъ;
Иначе для чего съ опасностью, трудомъ
Письмо ей отправлять въ страны далеки, чужды?
Почто испытывать ахейцевъ скорби, нужды,
Какъ близкія къ душѣ, какъ собственны свои?

Пиладъ.

Я видѣлъ все сіе: тѣ жъ мысли и мои.
Быть можетъ чувствъ ея вина обыкновенна.
Въ премѣнахъ царствъ, царей участвуетъ вселенна,
Къ ихъ благамъ, къ ихъ бѣдамъ, къ нимъ взоры всѣхъ летятъ.
Другое слово мнѣ въ грудь врѣзалось, какъ ядъ.

Орестъ.

Вѣщай: излей печаль ты въ дружескомъ совѣтѣ.

Пиладъ.

Когда погибнешь ты, мнѣ стыдно жить на свѣтѣ.
Мы вмѣстѣ плавали сей жизни по морямъ;
Едина смерть пускай предѣломъ будетъ намъ.
Куда я безъ тебя явлю чело смятенно,
Позора робости клеймомъ запечатлѣнно?
Что въ Аргосѣ скажу друзьямъ твоимъ въ отвѣтъ?
Какъ родина моя объятья мнѣ простретъ,
Бѣжавшему твоихъ объятій въ часъ закланья?
Фокидскіе лѣса, дубравы предвѣщанья!
Дерзну ли я вступить въ священну вашу сѣнь,
Гдѣ я съ тобой встрѣчалъ и провожалъ мой день!
Возстанутъ на меня и добрые, и злые!
Возстанутъ, можетъ быть, свидѣтели, такіе,
Которые рекутъ, что я, предатель твой,
Коварно здѣсь купилъ кровавой жизнь цѣной;
Что я убійца самъ, ты жертва мной стрегома,
Чтобъ на развалинахъ царевна древня дома

Воздвигнуть свой престолъ, присвоить твой народъ,
Какъ брака моего съ твоей сестрою плодъ!
Нѣтъ, нѣтъ, я не снесу столь страшны укоризны!
Онѣ отравятъ мнѣ дыханіе отчизны,
Разрушатъ мой покой, тревожа въ мрачномъ снѣ,
И подданныхъ сердца охолодятъ ко мнѣ...
И самая любовь и самая супруга...
Бояться буду ихъ, какъ мстителей за друга.
Нѣтъ, нѣтъ, пусть мечъ одинъ дни наши пресѣчетъ,
Пускай единый огнь тѣла друзей пожретъ,
Едина урна пусть нашъ пепелъ сохраняетъ:
Такъ братство, дружба, честь велитъ и ожидаетъ.

Орестъ.

Пиладъ! возлюбленный! Будь справедливъ, молюсь.
Я казнь навлекъ судьбы—достоинъ, и казнюсь!
Но сильный смерть пріять, даруему богами,
Не въ силахъ многими терзаться я смертями.
Напрасно чуждый ты присвоиваешь срамъ
И страхъ отвѣтственный землѣ и небесамъ:
Вся лютость укоризнъ, презрѣніе подвластныхъ
И всѣ страданія преступниковъ несчастныхъ —
Они мои, и всѣ на сей главѣ лежатъ,
Какъ горы пламенны—и жгутъ, и тяготятъ.
Ты хочешь, чтобъ твоей я смертію жестокой,
Невинный, вѣрный другъ, несчастій въ ровъ глубокой
Низверженный моей желѣзною рукой,
Страдалецъ, на кого всѣ зла стекали мной,
Который, все терпя, былъ вмѣстѣ мой хранитель,
Чистѣйша часть меня, мой геній утѣшитель—
Ты хочешь, чтобъ свою я множилъ казнь стократъ,
Иль паче весь въ себя переселилъ бы адъ!
Нѣтъ! боги праведны и въ милостяхъ велики:
Они вели меня въ сіи предѣлы дики;
Болѣзнуя о мнѣ, сей указали храмъ
Въ конецъ мученіямъ, въ конецъ моимъ враждамъ.
Карающую длань, Пиладъ, благословляю;
Какъ жилъ, какъ дѣйствовалъ, достойное вкушаю...
Ты долженъ, другъ мой, жить. Тебѣ не отцвѣла
Привѣтственная жизнь, далекая отъ зла.
Тебя семейственна улыбкой манитъ радость,
Божественной любви неотравленна сладость.
Твой домъ позора чуждъ и свыше покровенъ;
Мой домъ отеческій — несчастенъ, оскверненъ,
И миръ, небесный миръ на кровь его не сходитъ!
Сонмъ фурій вкругъ него отчаяніе водитъ!
Ступай и, промысломъ избавленный святымъ,
Ты освяти его присутствіемъ своимъ!
Раздоры изжени, возстави власть закона;
Совокупи въ одинъ два родственные трона;
Люби сестру мою, которую пріялъ
Изъ рукъ моихъ, когда намъ славы свѣтъ сіялъ:
Въ ней обрѣтешь себѣ нѣжнѣйшаго ты друга.
Тѣнь — среди вашего носиться буду круга;
Ореста имя въ васъ и въ чадахъ оживетъ,
И родъ Атридовъ весь для грековъ не умретъ.

Но, возвратясь въ Аргосъ, гордящійся конями,
(Обязываю въ томъ и дружбой, и богами)—
Ты гробъ воздвигни мнѣ и памятникъ надъ нимъ
Поставь — въ урокъ сынамъ ничтожества слѣпымъ.
Пусть онъ имъ власть боговъ всемощную укажетъ!
Да во слезахъ ему Электра не откажетъ,
И брату кудрями пожертвуетъ власовъ!
Скажи, что убіенъ на скатѣ сихъ бреговъ
Аргивскія жены я жертвенной рукою.
Еще, еще молю послѣднею мольбою:
Главою дома ставъ, не оскорби родства
И брака не нарушь священныя права:
Супругѣ вѣренъ будь, чтобъ смерть лишь развязала
Нѣжнѣйшій вашъ союзъ. Ахъ! и она страдала!
Прости, прости, мой другъ, примѣръ и честь друзей,
Всезамѣняющій даръ неба въ жизни сей,
Товарищъ младости, товарищъ звѣроловецъ,
Свирѣпыхъ опытовъ и бѣдствій сопитомецъ!
Прости! свершилось все! такъ, Фебъ насъ обольстилъ:
Онъ не отчизну мнѣ, но смерть благовѣстилъ.
Чего не сдѣлалъ я, рабъ слишкомъ легковѣрной!
Убійца матери—жду смерти равномѣрной.

Пиладъ.

Спокойся! укрѣпись! противъ боговъ роптать
Ужасно, и не намъ судьбы ихъ разбирать:
Повергнувъ въ бездну золъ, внезапно исторгаютъ,
И смерти въ челюстяхъ намъ жизнь утаеваютъ.
(*Значительно*). Повѣрь, послѣдняя и крайняя бѣда
Рождаетъ оборотъ чудесный иногда.

Орестъ.

Все тщетно! слышишь ли? Идутъ, прости, безцѣнной!
Се дѣва шествуетъ за жертвой обреченной.

Ифигенія (къ стражамъ).

Служители боговъ, грядите къ алтарямъ;
Священнодѣйства часъ насталъ желанный намъ!
Да благосклонная низыдетъ на закланье!
(*уходятъ*).
Се, странники, мое въ Арголиду посланье;
Но прежде чѣмъ вручу тебѣ его, Пиладъ,
Внемли, признаюсь я: сомнѣнья грудь тѣснятъ.
Кто вѣренъ узникомъ—не вѣренъ свобожденный.
Чѣмъ убѣдишь, что ты посолъ мнѣ неизмѣнный,
Что ввѣренну печаль не презришь, сохранишь,
Когда отъ пагубныхъ бреговъ сихъ убѣжишь?

Орестъ.

Оставь прискорбное, о жрица, подозрѣнье;
Скажи, что сдѣлать намъ тебѣ во увѣренье?

Ифигенія.

Я клятвы требую письмо мое отдать.

Орестъ.

Взаимной клятвой ты себя должна связать.

Ифигенія.

Въ чемъ мой обѣтъ?

Орестъ.

Спасти отъ гибели Пилада
И въ Аргосъ отпустить.

Ифигенія.

Въ томъ польза, въ томъ награда
Пролитыхъ мною слезъ. Увѣренъ, странникъ, будь.

Орестъ.

Пускай все нужное ты въ сей устроишь путь;
Но дастъ ли твой тиранъ на то соизволенье?

Ифигенія.

Друзья, все на мое оставьте попеченье!
Благопоспѣшно я полуночной порой
Пилада изведу сама своей рукой.
Довольно!... (*Къ Пиладу*). Ты клянись, да будетъ клятва строга,
Въ залогъ твой предъ лицемъ спасающаго бога!

Пиладъ (въ смущеньи).

Какой обѣтъ?

Ифигенія.

Вручить посланье милымъ мнѣ.

Пиладъ.

Такъ, я отдамъ его въ ихъ отческой странѣ.

Ифигенія.

Я здравымъ проведу тебя средь скалъ Ціаны.

Пиладъ.

Какія божества въ свидѣтели избраны?

Ифигенія.

Клянусь Діаною, которой жрица я.

Пиладъ.

Зевесъ свидѣтель мнѣ: надежда въ немъ моя.

Ифигенія

Но если измѣнишь коварно ты, какая
Тебя постигнетъ казнь?

Пиладъ.

О родина святая,
Да не узрю тебя въ теченье грустныхъ дней!

Ифигенія.

А я—да не узрю Арголиды моей!

Пиладъ.

Не все сказали мы.

Ифигенія.

Но что еще потребно?

Пиладъ.

Одно условіе... когда Эолъ враждебной
Корабль мой среди волнъ кипящихъ поразитъ,
И все мое съ письмомъ пучина поглотитъ,
И я спасусь одинъ чудесно потопленья —
Надѣюсь ли тогда отъ клятвы разрѣшенья?

Ифигенія.

Предупредимъ злой рокъ. Есть средство: на словахъ
Скажу тебѣ все то, что скрыла въ сихъ строкахъ.
Когда избѣгнешь ты погибели грозящей,
Твой гласъ органомъ будь души моей горящей.

Пиладъ.

Прекрасенъ вымыслъ твой: симъ средствомъ сохранимъ
И пользу мы свою и страхъ къ богамъ благимъ.
Вѣщай, къ кому твое и что гласитъ посланье?

Ифигенія.

«Орестъ — Атрида сынъ»... (*обратясь къ нимъ*) сіе къ нему писанье!

(Орестъ и Пиладъ другъ на друга взглядываютъ и содрогаются. Читаетъ).

«Та, коя нѣкогда Авлиды на брегахъ
«Убита жертвою всей Греціи въ очахъ,
«Та Ифигенія сіе Оресту пишетъ;
«Она жива... но ахъ, не для любезныхъ дышитъ»...

Орестъ.

Какъ? Ифигенія? Она поражена!
Иль мертвые встаютъ? Кто видѣлъ? гдѣ она?

Ифигенія.

Она передъ тобой! не прерывай, о странникъ:
«Когда несчастный ты отчизны не изгнанникъ,
«Владыка славнаго наслѣдія отцовъ,
«О братъ возлюбленный! для имени боговъ,
«Ты извлеки меня изъ тягостнаго плѣна,
«Да узритъ дщерь свою любезная Мицена;
«Избавь отъ варваровъ, отъ дикой сей земли,
«Доколѣ дни мои въ печаляхъ не прешли;
«Представь мой тяжкій долгъ, мой санъ между врагами:
«Единоплеменныхъ лью кровь предъ алтарями!

Орестъ.

Что слышу, о Пиладъ!

Ифигенія.

«Спаси, спаси сестру!
«Убойся ты боговъ!» (*къ Пиладу*) Орестъ!
Орестъ!... нарочно
Я имя повторю, да неизмѣнно, точно
Оно изрѣжется на вѣкъ въ умѣ твоемъ.
О боги, что съ тобой? и что въ названьи семъ
Чудеснаго? Орестъ тебѣ знакомъ.

Орестъ.

Ни мало...
Смятенье нѣкое, внезапное объяло
Мой духъ... о если бы!...

Ифигенія.

Оресту объяви,
Что, милосердствуя къ дѣвической крови,
Діана юну лань въ мой образъ облачила:
Рука отца не дщерь, но звѣря поразила;
Что я отъ сихъ временъ богинею благой
Преселена сюда, живу моей тоской,
Надежда на него!

Пиладъ.

О сладко извѣщенье!
О мнѣ безцѣнное, безтрудно порученье!
Царевна! клятву я свершу мою скорѣй,
Чѣмъ думалъ я, и ты, и другъ души моей.
Въ сей мигъ исполнится обѣтъ мой вожделѣнной:
Орестъ! прими письмо сестры твоей почтенной...

Ифигенія.

Какъ, не мечта ли?

Орестъ.

Нѣтъ! я твой несчастный братъ:
То сердце слышало, твердило мнѣ стократъ!
Я братъ твой! я Орестъ! Даръ благости небесной,
О Ифигенія!... и такъ въ сей жизни слезной
Еще мнѣ радость есть; могу тебя обнять...
Но ты безмолствуешь... ты отступаешь вспять,
Трепещешь... ахъ, познай гонимаго судьбою
По испытаніямъ, мнѣ сдѣланнымъ тобою,
По пылкости души, по чувствамъ сроднымъ намъ,
По гнѣвнымъ, весь нашъ домъ карающимъ судьбамъ,
По множеству чудесъ въ ихъ благахъ, наказаньи,
Познай ты сердца гласъ въ семъ нѣжномъ трепетаньи!..

Ифигенія (въ изнеможеніи).

Орестъ! Орестъ... лишь мигъ и жертвенный мой мечъ...
Всѣ міра радости—сама могла пресѣчь!
(Упадаетъ въ его объятія).

Орестъ.

Спокойся! укрѣпись: богамъ благодаренье!
Непостижимо ихъ надъ смертнымъ провидѣнье!
О свѣтозарный Фебъ, не пріими во зло
Словесъ, которыя отчаянье рекло!...
Какъ прежде будь мой щитъ, правь слабаго стезями,
Да храмъ мы твой почтимъ отчизны надъ брегами!

Мерзляковъ.

---

278. **ГАМЛЕТЪ, ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА.**

дѣйствіе I, сцена 4.

Терраса.—Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло.

Гамлетъ.

Морозъ ужасный, вѣтеръ такъ и рѣжетъ!

Гораціо.

Да, холодъ проникаетъ до костей.

Гамлетъ.

Который часъ?

Гораціо.

Двѣнадцатый въ исходѣ.

Марцелло.

Нѣтъ, полночь ужъ пробило.

Гораціо.

Въ самомъ дѣлѣ?
Я не слыхалъ; такъ близко уже время,

Когда блуждаетъ духъ.

(Звукъ трубъ и пушечные выстрѣлы за сценой).

Что это значитъ, принцъ?

Гамлетъ.

Король всю ночь гуляетъ напролетъ,
Шумитъ и пьетъ, и мчится въ быстромъ вальсѣ.
Едва осушитъ онъ стаканъ рейнвейна,
Какъ слышенъ громъ и пушекъ и литавръ,
Гремящихъ въ честь побѣды надъ виномъ.

Горацiо.

Обычай это.

Гамлетъ.

Да, конечно.
И я къ нему, какъ здѣшній уроженецъ,
Хоть и привыкъ, однако же по мнѣ
Забыть его гораздо благороднѣй,
Чѣмъ сохранять. Похмѣлье и пирушки
Мараютъ насъ въ понятіи народовъ;
За нихъ зовутъ насъ Бахуса жрецами
И съ нашимъ именемъ соединяютъ
Прозванье черное. Сказать по правдѣ,
Всю славу дѣлъ великихъ и прекрасныхъ
Смываетъ съ насъ вино. Такую участь
Несетъ несчастный человѣкъ; его,
Когда онъ очерненъ пятномъ природы,
Какъ, напримѣръ, не въ мѣру пылкой кровью,
Берущей верхъ надъ силою ума
(Въ чемъ и невиновенъ онъ: его рожденье
Есть случай безразумной воли),
Или привычкою, которая, какъ ржа,
Съѣдаетъ блескъ поступковъ благородныхъ,—
Его, я говорю, людское мнѣнье
Лишитъ достоинства; его осудятъ
За то, что въ немъ одно пятно порока,
Хоть будь одно клеймо слѣпой природы
И самъ онъ будь такъ чистъ, какъ добродѣтель
Съ безмѣрно благородною душой.
Пылинка зла уничтожаетъ благо.

(Входитъ духъ).

Горацiо.

Смотрите, принцъ,—идетъ!

Гамлетъ.

Спасите насъ, о неба серафимы!
Блаженный духъ или проклятый демонъ,
Облекся ль ты въ благоуханье неба,
Иль въ ада дымъ, со зломъ или съ любовью
Приходишь ты,—твой образъ такъ заманчивъ,
Я говорю съ тобой! Тебя зову я
Гамлетомъ, королемъ-отцомъ, монархомъ!
Не дай въ незнаніи погибнуть мнѣ!
Скажи: зачѣмъ твои святыя кости
Расторгли саванъ свой? Зачѣмъ гробница,
Куда тебя мы съ миромъ опустили,
Разверзла мраморный, тяжелый зѣвъ,
И вновь извергнула тебя? Зачѣмъ
Ты мертвый, трупъ, въ воинственномъ доспѣхѣ
Опять идешь въ сіяніи луны,
Во тьму ночей вселяя грозный ужасъ,
И насъ, слѣпцовъ среди природы, мучишь
Для нашихъ душъ непостоянной мыслью?
Скажи, зачѣмъ? зачѣмъ? Что дѣлать намъ?

Горацiо.

Онъ манитъ васъ, чтобъ вы пошли за нимъ,
Какъ будто хочетъ сообщить вамъ что-то
Наединѣ.

Марцелло.

Смотрите! съ ласковой улыбкой
Указываетъ онъ въ другое мѣсто.
Но не ходите съ нимъ.

Горацiо.

Нѣтъ ни зачто.

Гамлетъ.

Но онъ молчитъ; такъ я за нимъ иду.

Горацiо.

Нѣтъ, не ходите, принцъ.

Гамлетъ.

Чего бояться?
Мнѣ жизнь моя ничтожнѣе булавки;
Моей душѣ—что можетъ сдѣлать онъ
Моей душѣ безсмертной, какъ онъ самъ?
Онъ манитъ вновь, я слѣдую за нимъ!

Горацiо.

Что, если насъ онъ къ морю заманитъ.

Иль на скалы безплодную вершину,
Что тамъ, склонясь, глядится въ океанъ?
Что, если тамъ, принявъ ужасный образъ,
Онъ васъ лишитъ владычества разсудка?
Подумайте! одна пустыня мѣста,
Сама собой, готова довести
Къ отчаянью, когда посмотришь въ бездну
И слышишь въ ней далекій плескъ волны.

Гамлетъ.

Онъ все манитъ... иди! Я за тобою!

Марцелло.

Вы не должны идти, мой принцъ!

Гамлетъ.

Прочь руку!

Горацio.

Послушайтесь и не ходите, принцъ.

Гамлетъ.

Судьба меня зоветъ!
Въ малѣйшій нервъ она вдохнула крѣпость
Льва африканскаго! Онъ все манитъ,—
Пустите! Или, я клянусь вамъ небомъ,
Тотъ будетъ самъ видѣньемъ, кто посмѣетъ
Держать меня!—Впередъ! Я за тобою!

(Духъ и Гамлетъ уходятъ).

Горацio.

Его разстроило воображенье.

Марцелло.

За нимъ! Мы не должны повиноваться.

Горацio.

Пойдемъ, пойдемъ! Чѣмъ кончится все это?

Марцелло.

Нечисто что-то въ Датскомъ королевствѣ.

Горацio.

Господь устроитъ все.

Марцелло.

Идемъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Отдаленная часть террасы. Духъ и Гамлетъ входятъ.

Гамлетъ.

Куда ведешь ты? Стой! Я далѣе нейду.

Духъ.

Внимай!

Гамлетъ.

Я слушаю.

Духъ.

Ужъ близокъ часъ,
Когда я долженъ возвратиться въ нѣдра
Мучительнаго, сѣрнаго огня.

Гамлетъ.

О бѣдный духъ!

Духъ.

Не сожалѣй, но слушай
Внимательно, что я тебѣ скажу.

Гамлетъ.

О, говори! мой долгъ тебѣ внимать.

Духъ.

И отомстить, когда услышишь...

Гамлетъ.

Что?

Духъ.

Я твоего отца безсмертный духъ,
Во тьмѣ ночей скитаться осужденный,
А днемъ въ огнѣ обязанный постить,
Пока мои земныя прегрѣшенья
Не выгорятъ среди моихъ страданій.
Когда бъ мнѣ не было запрещено
Открыть тебѣ моей темницы тайну,
Я началъ бы разсказъ, который душу
Твою легчайшимъ раздавилъ бы словомъ,
Охолодилъ бы молодую кровь,
Глаза изъ сферъ ихъ вырвалъ бы, какъ звѣзды,
И каждый волосъ вьющихся кудрей
Поставилъ бы на головѣ отдѣльно,
Какъ иглы на сердитомъ дикобразѣ.
Но слухъ изъ крови и костей не можетъ
Постигнуть откровенья вѣчныхъ тайнъ.
Внимай! Внимай! Внимай!
Когда любилъ ты своего отца...

Гамлетъ.

О небо!

Духъ.

Отмсти за гнусное его убійство.

Гамлетъ.

Убійство?

Духъ.

Подлое, какъ всѣ убійства.
Но твой отецъ убитъ безчеловѣчно,
Неслыханно.

Гамлетъ.

Скажи скорѣй! На крыльяхъ,
Какъ мысль любви, какъ вдохновенье быстрыхъ,
Я къ мести полечу!

Духъ.

Я вижу, ты готовъ.
И будь ты вялъ, какъ сонная трава,
Что мирно спитъ на Леты берегахъ,—
Проснуться долженъ ты при этой вѣсти!
Внимай же, Гамлетъ: говорятъ, что я
Уснулъ въ саду и былъ змѣей ужаленъ.
Народа слухъ безстыдно обманули
Такою выдумкой моей кончины;
Но знай, мой благородный Гамлетъ: змѣй,
Смертельный ядъ въ мое излившій тѣло,
Теперь въ моемъ вѣнцѣ.

Гамлетъ.

О ты, пророчество моей души!
Мой дядя?

Духъ.

Да. Онъ, звѣрь кровосмѣситель,
Чарами хитрости и даромъ лжи
(Презрѣнный даръ, способный обольщать!)
Успѣлъ склонить къ грѣховнымъ наслажденьямъ
Лжедобродѣтельной Гертруды волю.
Что за измѣна то была, о Гамлетъ!
Меня съ моей любовью неизмѣнной,
Какъ клятва, данная при алтарѣ,
Меня забыть и пасть въ его объятья,
Его, который прахъ передо мною...
Постой!
Я слышу, утренній зефиръ повѣялъ;
Разсказъ я сокращу.—Когда я спалъ въ саду,
Какъ и всегда, окончивши обѣдъ,
Подкрался дядя твой со стклянкой сока
Проклятой бѣлены и влилъ мнѣ въ ухо ядъ,
Людской природѣ столько ненавистный,
Что онъ, какъ ртуть, бѣжитъ въ каналахъ тѣла,
Внезапной силой растворяя кровь.
И этотъ ядъ покрылъ меня мгновенно,
Какъ Лазаря, корой нечистыхъ струпьевъ.
Такъ я во снѣ убитъ рукою брата,
Убитъ въ веснѣ грѣховъ, безъ покаянья,
Безъ исповѣди и безъ таинъ святыхъ.
Не кончивъ счетъ, я былъ на судъ отозванъ
Со всею тяжестью земныхъ грѣховъ.
Ужасно! О, ужасно! О, ужасно!
Не потерпи, когда въ тебѣ природа есть,
Не потерпи, чтобъ Даніи престолъ
Кроватью былъ для гнуснаго разврата.
Но какъ бы ты ни вздумалъ отомстить,
Не запятнай души: да не коснется
Отмщенья мысль до матери твоей!
Оставь ее Творцу и острымъ тернамъ,
Въ ея груди уже пустившимъ корни.
Прощай! Прощай! Свѣтящійся червякъ
Мнѣ говоритъ, что близко уже утро:
Безсильный свѣтъ его уже блѣднѣетъ.
Прощай, прощай! и помни обо мнѣ!
(Уходитъ).

Гамлетъ.

Господь земли и неба! Что еще?
Не вызвать ли и адъ? Нѣтъ, тише, тише,
Моя душа! О, не старѣйте нервы!
Держите перстъ возвышенно и прямо! —
Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ,
Пока есть память въ черепѣ моемъ,
Мнѣ помнить. Да, съ страницъ воспоминанья
Всѣ пошлые разсказы я сотру,
Всѣ изреченья книгъ, всѣ впечатлѣнья,
Минувшаго слѣды, плоды разсудка
И наблюденій юности моей.
Твои слова, родитель мой, одни
Пусть въ книгѣ сердца моего живутъ
Безъ примѣси другихъ, ничтожныхъ словъ,
Клянусь въ томъ небесами!—
О женщина преступная! Злодѣй,
Злодѣй! Смѣющійся, проклятый извергъ!
Гдѣ мой бумажникъ? Запишу, что можно
Съ улыбкой вѣчною злодѣемъ быть;
По крайней мѣрѣ въ Даніи возможно.
(Пишетъ).
Здѣсь, дядюшка. Теперь пароль и отзывъ:
«Прощай, прощай и помни обо мнѣ!»—
Я поклялся...

Горацiо (за сценой).

Принцъ! Принцъ!

Марцелло (за сценой).

Богъ да защититъ васъ!

Гамлетъ.

Аминь!

Марцелло (за сценой).

Ге! Гдѣ вы, принцъ?

Гамлетъ.

Сюда мой соколъ!

(Входятъ Горацiо и Марцелло).

Марцелло.

Что съ вами, принцъ?

Горацiо.

Ну, что узнали вы?

Гамлетъ.

О, удивительно!

Горацiо.

Скажите, принцъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ, вы разскажете.

Горацiо.

Я? нѣтъ, мой принцъ;
Клянусь вамъ небомъ!

Марцелло.

Я не разскажу.

Гамлетъ.

Вотъ видите.. и кто бы могъ подумать!..
Ну чуръ молчать.

Горацiо и Марцелло.

Клянусь вамъ небомъ, принцъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ въ Данiи ни одного злодѣя,
Который не былъ бы негодный плутъ.

Горацiо.

Чтобъ это намъ сказать, не стоитъ
Вставать изъ гроба мертвецу.

Гамлетъ.

Вы правы, да;
И потому, безъ дальнихъ объясненiй,
Я думаю, простимся и пойдемъ.
Вы по дѣламъ или желаньямъ вашимъ
(У всѣхъ свои желанья и дѣла);
А бѣдный Гамлетъ, — онъ пойдетъ молиться.

Горацiо.

О, это, принцъ, безсвязныя слова.

Гамлетъ.

Мнѣ очень жаль, что вамъ они обидны;
Душевно жаль.

Горацiо.

Тутъ нѣтъ обиды, принцъ.

Гамлетъ.

Горацiо, есть! Клянусь святымъ Патрикомъ,
Обида страшная! Что до видѣнья,
Онъ честный духъ, повѣрьте мнѣ, друзья.
Желанье-жъ знать, что было между нами,
Одолѣвай какъ можетъ кто. Теперь,
Когда вы мнѣ товарищи, друзья,
Когда солдаты вы, прошу исполнить,
О чемъ я попрошу.

Горацiо.

Охотно; что же?

Гамлетъ.

Не говорить, что видѣли вы ночью.

Горацiо и Марцелло.

Не скажемъ, принцъ.

Гамлетъ.

Однако жъ поклянитесь.

Горацiо.

Клянусь вамъ честью, принцъ, не разглашать.

Марцелло.

Я также.

Гамлетъ.

Нѣтъ! клянитесь на мечѣ!

Марцелло.

Мы поклялись уже.

Гамлетъ.

На мечъ, на мечъ мой!

Духъ (подъ землею.)

Клянитесь!

Гамлетъ.

А! право, другъ? ты здѣсь, товарищъ вѣрный?
Что жъ, господа,—вы слышите, прiятель
Не спитъ въ гробу,—угодно вамъ поклясться?

Горацiо.

Скажите, въ чемъ.

Гамлетъ.

Чтобъ никогда
О томъ, что видѣли, не говорить.
Клянитесь на моемъ мечѣ!

Духъ (подъ землею).

Клянитесь!

*

Гамлетъ.

Hic et ubique? Перемѣнимъ мѣсто.—
Сюда, друзья. Сложите снова руки
На мечъ мой и клянитесь, никогда
О томъ, что видѣли, не говорить.

Духъ.

Клянитесь на мечѣ!

Гамлетъ.

А, браво, старый кротъ!
Такъ быстро роешься ты подъ землей!
Отличный рудокопъ! Еще разъ дальше!

Горацiо.

Непостижимо, странно!

Гамлетъ.

Эту странность,
Какъ странника, укрой въ твоемъ жилищѣ.
Есть многое на небѣ и землѣ,
Что и во снѣ, Горацiо, не снилось
Твоей учености. Однако, дальше!
Здѣсь, какъ и тамъ, клянитесь мнѣ блаженствомъ,
Что, какъ бы странно я себя ни велъ
(Я можетъ быть сочту необходимымъ
Явиться чудакомъ), что вы тогда
Не станете руками дѣлать знаковъ,
Ни головой качать, ни говорить
Въ словахъ двусмысленныхъ, какъ напримѣръ:
«Да, да, знаемъ»,—или: «мы могли бы, если бы хотѣли»,—или: «если бы мы смѣли сказать»,—или: «есть люди, которые могли бы»,—
Или другимъ неявственнымъ намекомъ
Не скажете, что дѣло вамъ извѣстно.
Вотъ въ чемъ клянитесь мнѣ, клянитесь Богомъ
И въ смертный часъ его святой защитой.

Духъ (подъ землею).

Клянитесь!

Гамлетъ.

Спокойся, бѣдный духъ! Ну, господа,
Прошу любить и жаловать меня,
И сколько бѣдный человѣкъ, какъ Гамлетъ,
Вамъ можетъ оказать любви и дружбы,
Онъ вамъ окажетъ ихъ, Богъ дастъ. Пойдемте!
Но пальцы на уста.—Распалась связь временъ!
Зачѣмъ же я связать ее рожденъ!
Пойдемте вмѣстѣ.

(Уходятъ).

Кронебергъ.

ДѢЙСТВIЕ III, ЯВЛЕНIЕ I.

Гамлетъ.

Быть, иль не быть—таковъ вопросъ! что лучше,
Что благороднѣй для души: сносить ли
Удары стрѣлъ враждующей фортуны,
Иль возстать противу моря бѣдствiй
И ихъ окончить? Умереть—уснуть,
Не болѣ, сномъ всегдашнимъ прекратить
Всѣ скорби сердца, тысячи мученiй,
Наслѣдье праха—вотъ конецъ достойный
Желанiй жаркихъ! Умереть—уснуть!
Уснуть?—Но сновидѣнья?—Вотъ препона!
Какiя будутъ въ смертномъ снѣ мечты,
Когда мятежную мы свергнемъ бренность,
О томъ помыслить должно. Вотъ источникъ
Столь долгой жизни бѣдствiй и печалей!
И кто бъ снесъ бичъ и поношенье свѣта,
Обиды гордыхъ, притѣсненья сильныхъ,
Законовъ слабость, знатныхъ своевольство,
Осмѣянной любови муки, злое
Презрѣнныхъ душъ презрѣнiе къ заслугамъ,
Когда кинжала лишь одинъ ударъ —
И онъ свободенъ? Кто въ ярмѣ ходилъ бы,
Стеналъ подъ игомъ жизни и томился,
Когда бы страхъ грядущаго по смерти—
Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
Сюда возврата—не тревожилъ воли,
Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
Чѣмъ убѣгать отъ ней къ бѣдамъ безвѣстнымъ?
Такъ робкими творитъ всегда насъ совѣсть;
Такъ яркiй въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнiю тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,

Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ.

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ I.

(*Кладбище.* **Два Гробокопателя** *съ заступами и лопатами*).

1 Гробокопатель.

Развѣ ее будутъ хоронить по-христіански? Она самовольно искала спасенія.

2 Гробокопатель.

По-христіански, говорятъ тебѣ; надобно поскорѣе рыть могилу. Было наряжено слѣдствіе, и ее присудили къ христіанскому погребенію.

1 Гробокопатель.

Да какъ же это? Развѣ она утопилась для своей обороны?

2 Гробокопатель.

Ну, да! такъ, братъ, оказалось.

1 Гробокопатель.

Нѣтъ, вѣрно se offendendo: иначе быть не можетъ. Вотъ въ чемъ дѣло: если я топлюсь нарочно, то я и исполняю дѣйствіе; а дѣйствіе состоитъ изъ трехъ частей: изъ дѣйствованія, поступленія и исполненія—слѣдственно она утопилась нарочно.

2 Гробокопатель.

Но послушай-ка, братъ...

1 Гробокопатель.

Погоди! здѣсь вода—хорошо; здѣсь человѣкъ—хорошо; если человѣкъ идетъ къ водѣ и топится въ ней, это значитъ что онъ идетъ—хотя или не хотя; если же вода идетъ къ человѣку и топитъ его, это не значитъ, что онъ топится: слѣдственно, кто не причиняетъ себѣ смерти, тотъ не сокращаетъ своей жизни.

2 Гробокопатель.

И такъ стоитъ въ законахъ?

1 Гробокопатель.

Точно такъ, въ уголовныхъ законахъ.

2 Гробокопатель.

А знаешь ли, какъ это въ самомъ дѣлѣ? Не будь она дворянкой, ее бы не похоронили по-христіански.

1 Гробокопатель.

Дѣло, братъ, говоришь ты; и жаль, что бояре имѣютъ большее право топиться и вѣшаться, нежели мы, такой же крещеный народъ. Ну, за заступъ! — Нѣтъ стариннѣе дворянъ въ свѣтѣ, какъ садовники, канальщики и гробокопатели; они живутъ Адамовымъ ремесломъ.

2 Гробокопатель.

А Адамъ развѣ дворянинъ былъ?

1 Гробокопатель.

Да, ему придается титло благородія.

2 Гробокопатель.

И, полно, братъ!

1 Гробокопатель.

Да ты развѣ невѣрный или не понимаешь Библіи? Адама породилъ изъ глины самъ Богъ, а Богъ, ты знаешь, благъ; слѣдственно Адамъ благородный. Я у тебя спрошу еще о чемъ-то, и если ты не съумѣешь отвѣчать мнѣ, признайся, что ты...

2 Гробокопатель.

Ну, ну!

1 Гробокопатель.

Кто строитъ прочнѣе: каменщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

2 Гробокопатель.

Прочнѣе всѣхъ висѣльщикъ: висѣлица переживаетъ тысячи своихъ жителей.

1 Гробокопатель.

Э, да ты уменъ, право уменъ! Однако подумай-ка, да отвѣчай.

2 Гробокопатель.

Кто строитъ прочнѣе: каменщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

1 Гробокопатель.

Да, отвѣчай, и шабашъ тебѣ.

2 Гробокопатель.

А право же я знаю!

1 Гробокопатель.

Ну, говори!

2 Гробокопатель.

Нѣтъ, братъ, не знаю.

(**Гамлетъ и Горацiо входятъ**).

1 Гробокопатель.

Не ломай напрасно башки: оселъ не пустится въ рысь, хоть изломай на немъ дубину; а если тебя кто спроситъ о

томъ же, отвѣчай—могильщикъ: домы его работы простоятъ до суднаго дня. Поди-ка въ питейный, принеси рюмку водки (*2 Гробокопатель уходитъ.*)

1 Гробокопатель.

(Копаетъ и поетъ).

Бывъ парнемъ, я любилъ, любилъ,
Веселый зналъ часокъ!
Я думалъ, вѣкъ мнѣ будетъ пиръ—
Анъ тутъ-то и крючекъ!

(Гамлетъ и Горацiо приближаются).

Гамлетъ.

Или негодяй не чувствуетъ, чѣмъ онъ занятъ: поетъ, копая могилу!

Горацiо.

Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ сему занятiю.

Гамлетъ.

Именно! чѣмъ менѣе работы рукамъ, тѣмъ живѣе чувства.

1 Гробокопатель (продолжаетъ пѣть).

Колдунья-старость шагъ да шагъ—
Пришла Яга съ клюкой,
И сѣлъ я, какъ на сушѣ ракъ:
Хоть бабка рѣпку пой!

(Вытаскиваетъ черепъ).

Гамлетъ.

Въ семъ черепѣ также былъ языкъ; онъ также пѣлъ нѣкогда! и сей бездѣльникъ стучитъ имъ объ землю, какъ будто онъ челюсть Каина первоубiйцы! Можетъ быть, это голова политика, мыслившаго обмануть самого Бога, а теперь имъ ворочаетъ оселъ сей! Неправда ли?

Горацiо.

Статься можетъ, принцъ.

Гамлетъ.

Или придворнаго, который восклицалъ: здравствуйте, почтеннѣйшiй! здоровы ль вы, мой милостивецъ? или господина такого-то, который выхвалялъ у господина такого-то лошадь, выпросить ее у него желая! Неправда ли, Горацiо?

Горацiо.

О, правда, принцъ!

Гамлетъ.

И теперь она собственность господина червя и, истлѣвшая, потерявшая челюсть, получаетъ пощечины отъ могильщикова заступа. Прекрасное превращенiе, еслибъ мы могли его видѣть! Уже ль воспитанiе и жизнь сихъ костей стоили такъ мало, что они годятся только для игры въ кегли? При мысли сей ноютъ и мои кости!

1 Гробокопатель (поетъ).

Носилки, гробъ да заступъ, заступъ,
Да черное сукно,
Да три шага земли, земли
Намъ нужны всѣмъ равно.

(Вытаскиваетъ другой черепъ).

Гамлетъ.

Еще черепъ! почему не могъ онъ принадлежать правовѣдцу? Гдѣ теперь всѣ его крючки и хитрости? его ябеды, уловки, подобранные законы? Зачѣмъ столь хладнокровно сноситъ онъ теперь такiя обиды! сей грубiянъ бьетъ его по щекамъ грязною лопаткою и онъ не грозитъ ему раздѣлкою по формѣ суда? А этотъ человѣкъ провелъ, можетъ быть, всю жизнь свою въ оборотахъ, покупкѣ и продажѣ имѣнiй: гдѣ же теперь его крѣпости, заемныя письма, обязательства, купчiя и обезпеченiя? Крѣпкая голова его крѣпко набита теперь пескомъ—и это ли только укрѣпилъ онъ себѣ своими крѣпостями, и это ли обезпечилъ всѣми обезпеченiями? Уже ли совершенiемъ столь многихъ купчихъ не купилъ онъ себѣ ничего постояннаго, кромѣ сего куска земли, столь малаго, что пара-другая самыхъ купчихъ можетъ покрыть его? въ семъ ящикѣ едва помѣстились бы всѣ бумаги, укрѣплявшiя за нимъ его земли, и долженъ ли самъ владѣлецъ не имѣть ничего болѣе? ничего болѣе?

Горацiо.

Такъ, принцъ! ничего болѣе.

Гамлетъ.

Крѣпости пишутся на пергаментѣ, а пергаментъ дѣлается изъ бараньей кожи—не такъ ли?

Горацiо.

И изъ телячьей также, принцъ.

Гамлетъ.

Право, тѣ не лучше телятъ и барановъ, которые думаютъ, что онъ ихъ

во всемъ обезпечиваетъ. Я хочу поговорить съ могильщикомъ.—Чья это могила, пріятель?

1 Гробокопатель.

Моя, баринъ! (*Поетъ*).

Вѣдь три шага земли, земли
Намъ нужны всѣмъ равно.

Гамлетъ.

Не потому ли, что ты сидишь въ ней?—Но кто здѣсь ляжетъ? Для кого это ложе?

1 Гробокопатель.

Это ни для кого не ложь, не во гнѣвъ вамъ, баринъ! Я могилу копаю, такъ она моя; вы ее не копаете, такъ она не ваша—стало это не ложь.

Гамлетъ.

Ты говоришь ложь, говоря, что это не ложе: это ложе мертвыхъ, хотя и не ложе живыхъ.

1 Гробокопатель.

Да мертвые не лгутъ, баринъ! И если это не ложь живыхъ, то вы сами живую ложь сказать изволили.

Гамлетъ.

Но полно! Какой бѣдняжка будетъ погребенъ въ ней?

1 Гробокопатель.

Никакой, баринъ.

Гамлетъ.

Ну, такъ какая?

1 Гробокопатель.

И никакая также.

Гамлетъ.

Кто же, наконецъ, или что?

1 Гробокопатель.

То, что было женщиною, а теперь сдѣлалось трупомъ, упокой Господи ея душу!

Гамлетъ.

Какъ привязывается къ словамъ негодяй сей! Надобно говорить очень ясно, или двусмысленность надѣлаетъ бѣдъ намъ. Право, Гораціо, въ послѣдніе три года все въ свѣтѣ, какъ замѣтилъ я, заострилось: носокъ крестьянскаго сапога такъ сблизился съ пяткою придворнаго, что натираетъ на ней мозоли. Давно ли ты гробокопателемъ?

1 Гробокопатель.

Изъ всѣхъ дней въ году я сдѣлался имъ въ тотъ самый день, когда покойный король нашъ разбилъ Фортинбраса.

Гамлетъ.

Давно ли было это?

1 Гробокопатель.

Будто вы не знаете? Всякій дуракъ понимаетъ это. Въ тотъ же день родился молодой Гамлетъ, тотъ, что теперь сумасшедшій и посланъ въ Англію.

Гамлетъ.

А за чѣмъ онъ посланъ въ Англію?

1 Гробокопатель.

Ну, затѣмъ, что онъ сумасшедшій: тамъ, говорятъ, онъ опять найдетъ умъ свой; а если и не найдетъ, то не большая бѣда.

Гамлетъ.

Почему такъ?

1 Гробокопатель.

Тамъ это будетъ незамѣтно: тамъ всѣ таковы.

Гамлетъ.

А отъ чего онъ сдѣлался сумасшедшимъ?

1 Гробокопатель.

Говорятъ, отъ чего-то дивнаго и чуднаго.

Гамлетъ.

Отъ чего же?

1 Гробокопатель.

Да отъ того, что сошелъ съ ума, помѣшался.

Гамлетъ.

А на чемъ именно помѣшался онъ?

1 Гробокопатель.

Да Богъ вѣсть! На чемъ именно—не знаю: чай на постели, если онъ спалъ тогда; на стулѣ, если сидѣлъ, и такъ далѣе; знаю только, что это было здѣсь, въ Даніи. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я могильщикомъ здѣсь.

Гамлетъ.

Долго ли пролежитъ человѣкъ въ землѣ не сгнивши!

1 Гробокопатель.

Если онъ не сгнилъ еще прежде смерти, какъ мы видимъ многихъ, едва могущихъ въ цѣлости дождаться смертнаго

часа, то онъ можетъ выдержать восемь и даже девять лѣтъ; кожевникъ вѣрно выдержитъ девять.

Гамлетъ.

Почему жъ особенно кожевникъ?

1 Гробокопатель.

Онъ, выдѣлывая чужія кожи, и свою выдѣлаетъ такъ, что она долго не пропускаетъ воды; а вода наибольшій врагъ симъ мерзавцамъ-трупамъ. Вотъ черепъ, пролежавшій въ землѣ двадцать три года.

Гамлетъ.

Чей былъ онъ?

1 Гробокопатель.

Однако негодяя и сумасброда. Чей бы вы думали?

Гамлетъ.

Я, право, не знаю.

1 Гробокопатель.

Провалъ бы его побралъ, проклятаго мошенника! Онъ вылилъ мнѣ однажды на голову стаканъ рейнскаго. Этотъ черепъ сидѣлъ на шеѣ Йорика, королевскаго шута.

Гамлетъ.

Этотъ? (*Поднимаетъ черепъ*).

1 Гробокопатель.

Этотъ самый.

Гамлетъ.

Увы, бѣдный Йорикъ. Я зналъ его, Горацiо! Какую остроту ума имѣлъ онъ, какія неподражаемыя выдумки! Сколько разъ носилъ онъ на плечахъ меня! А теперь—видъ отвратительный, ужасный! У меня поворачивается вся внутренность! Здѣсь были уста, которыя столь часто цѣловалъ я! Гдѣ теперь шутки твои? твои прыжки? твои пѣсни! твои остроты, возбуждавшія за столомъ неумолкаемый хохотъ? Ни одной не осталось! Ни одной, посмѣяться надъ собственнымъ твоимъ безобразіемъ! Иди теперь въ уборную красавицы; скажи, что пусть она хоть на палецъ толщиною наложитъ румянъ на щеки, ее ждетъ такое же превращеніе: заставь ее смѣяться притомъ. Горацiо! Скажи мнѣ одно, прошу я тебя?

Горацiо.

Что такое, принцъ?

Гамлетъ.

Думаешь ли ты, что великій македонскій герой, Александръ, таковъ же сдѣлался въ могилѣ?

Горацiо.

Точно таковъ, принцъ.

Гамлетъ.

И съ такою же вонью? Фуй! (*Бросаетъ черепъ*).

Горацiо.

Съ такой же, принцъ.

Гамлетъ.

Какое низкое употребленіе можетъ ожидать насъ, Горацiо! Почему нельзя слѣдовать мыслію за благороднымъ прахомъ Александра, пока онъ пойдетъ—на замазку воронки въ пивной бочкѣ?

Горацiо.

Странно было бы такое слѣдованіе, принцъ.

Гамлетъ.

Нимало: оно натурально и правдоподобно. Помысли: Александръ умеръ; Александръ погребенъ; Александръ обратился въ прахъ; прахъ—земля; изъ земли дѣлается глина,—и почему же та глина, въ которую онъ превратился, не можетъ, какъ и всякая, служить замазкой?
Могучій Цезарь, обратившись въ прахъ,
Наполнилъ въ ветхихъ скважины стѣнахъ,
И тотъ, кто міръ собою устрашалъ,
Отъ бурь защитой селянину сталъ.

М. Врончeнко.

---

279. МАКБЕТЪ, ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА.

Дѣйствіе I, явленіе 3.

(*Степь. Гроза. Три вѣдьмы сходятся*).

Первая вѣдьма.

Гдѣ была, сестра?

Вторая вѣдьма.

Свиней душила.

Третья вѣдьма.

Ну, а ты?

Первая вѣдьма.

Я по селу бродила;
Глядь: купчиха у воротъ
Щелкаетъ орѣхи.
Щелкъ да щелкъ—и полонъ ротъ!
«Дай», сказала я старухѣ.
А проклятая въ отвѣтъ:
—Для тебя орѣховъ нѣтъ!—
Ну, постой-же! Мы сочтемся,
Съ муженькомъ твоимъ сойдемся.
Онъ поплылъ съ товаромъ въ море,—
Не за злато жъ, не купцамъ,
Онъ отдастъ его за горе
Жаднымъ бѣшенымъ волнамъ.
Я лечу за нимъ на мщенье!
Сѣрой крысой обернусь,
Изъ-за вѣтра дуновеньемъ
Въ рѣшетѣ за нимъ помчусь.

Вторая вѣдьма.

Слушай! Я тебѣ дарю
Вѣтеръ мой.

Первая вѣдьма.

Благодарю.
Остальные мнѣ подвластны.
Погоди жъ, пловецъ несчастный!
Ты не можешь утонуть:
Но ужасенъ будетъ путь!
Въ черной пасти бурныхъ волнъ,
Ожиданья смерти полнъ,
Лютыхъ семью семь седмицъ
Не сомкнешь своихъ рѣсницъ!
Будешь чахнуть, не исчахнешь,
Будешь сохнуть, не изсохнешь,
День рожденья проклянешь,
Окаяннымъ пропадешь!—
Посмотрите, что нашла я.

Вторая вѣдьма.

Что тамъ?

Первая вѣдьма.

Палецъ моряка.
Плылъ морякъ издалека,
Видѣлъ домъ, дѣтей, жену,
Да у берега пошелъ ко дну.

(Слышны звуки барабана).

Третья вѣдьма.

Чу! барабанъ тамъ бьетъ!
Макбетъ, Макбетъ идетъ!

(Всѣ три пляшутъ и поютъ).

Мы, вѣщія сестры, урочной порою
Несемся надъ моремъ, летимъ надъ землею.
Сомкнувшись въ кружокъ очарованный, вмѣстѣ
Мы трижды обходимъ заклятое мѣсто.
Кругъ первый для первой, второй для второй,
И третій для третьей. Довольно, постой!
Заклятье готово, погибнетъ герой.

(Входятъ Макбетъ и Банко)

Макбетъ.

Какъ страненъ день: гроза безъ тучъ,
На небесахъ играетъ лучъ.

Банко.

До. Фореса далеко ль!—Это кто
Худыя, дикія, изсохшія какъ тѣни?
Какъ не похожи на жильцовъ земли!
Однакожъ здѣсь онѣ.—Живете ль вы?
И можно ль къ вамъ съ вопросомъ обратиться?
Конечно вамъ слова мои понятны:
Я вижу—каждая свой палецъ костяной
Къ губамъ, давно поблекшимъ, поднесла.
Вы женщины, но бороды густыя
Совсѣмъ другое говорятъ объ васъ.

Макбетъ.

Когда вы можете, скажите: кто вы?

Первая вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, гламисскій танъ!

Вторая вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, кавдорскій танъ!

Третья вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, король въ грядущемъ!

Банко.

Ты изумленъ! ты будто испугался
Ихъ сладкихъ словъ?—Во имя чистой правды,
Вы призраки иль существа живыя?
Макбета вы почтили предсказаньемъ
Высокой почести, одушевили
Надеждою на царскую корону.
Внимая вамъ, онъ упоенъ восторгомъ.
Мнѣ ничего не говорите вы...
Когда вашъ взоръ въ посѣвъ временъ проникнуть
И плодъ отъ смерти можетъ отличить,
То слово вѣщее скажите мнѣ.

Я вашей дружбы не ищу,
И не боюсь вражды.

Первая вѣдьма.

Ура!

Вторая вѣдьма.

Ура!

Третья вѣдьма.

Ура!

Первая вѣдьма

Ниже и выше Макбета.

Вторая вѣдьма.

Нестолько счастливъ, но счастливѣе его.

Третья вѣдьма.

Царей родоначальникъ, но не царь.
Да здравствуетъ Макбетъ и Банко!

Первая вѣдьма.

Да здравствуетъ Банко и Макбетъ!

Макбетъ.

Постойте, вѣстницы! Загадки прочь!
Скажите больше мнѣ! Я танъ гламисскій
Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ Синель.
Но танъ кавдорскій живъ и въ цвѣтѣ лѣтъ;
И быть царемъ, какъ быть кавдорскимъ таномъ,
Не изъ числа возможныхъ дѣлъ. Откуда
Чудесное исходитъ ваше знанье?
Зачѣмъ вы насъ пророческимъ привѣтомъ
Здѣсь на степи глухой остановили?
Я заклинаю васъ, скажите! (*Вѣдьмы исчезаютъ*).

Банко.

Земля, какъ и вода, содержитъ газы,
И это были пузыри земли.
Куда они исчезли?

Макбетъ.

Въ воздухъ. Вѣтеръ
Разнесъ ихъ мнимыя тѣла какъ вздохъ.
Какъ жаль, что не остались!

Банко.

Полно такъ ли?
Не о мечтѣ ль мы говоримъ? Не обаялъ ли
Насъ запахъ травъ, лишающихъ разсудка?

Макбетъ.

Твоимъ потомкамъ суждена корона.

Банко.

Ты будешь самъ король.

Макбетъ.

И танъ кавдорскій—
Не такъ ли?

Банко.

Слово въ слово. Это кто?

(Входятъ Россе и Ангусъ).

Россе (Макбету).

Король обрадованъ счастливой вѣстью
Твоихъ побѣдъ; когда узналъ онъ, Макбетъ,
Что ты съ измѣнникомъ сразился лично,
Онъ и хвалить тебя немогъ, умолкнулъ,
Дивяся подвигамъ твоимъ. Вездѣ,
Куда въ тотъ день ни обращалъ онъ взоры,
Вездѣ тебя въ толпѣ враговъ встрѣчалъ онъ,
Вездѣ былъ ты, безтрепетный и смѣлый,
Средь вызванныхъ тобой явленій смерти.
За вѣстью вѣсть, какъ въ сказкѣ прилетала;
Что ни гонецъ, то новую побѣду
Слагалъ Макбетъ къ Дункановымъ стопамъ.

Ангусъ.

Мы присланы отъ имени монарха
Благодарить и звать къ нему; награды
Мы для тебя не принесли.

Россе.

А только
Въ залогъ другихъ, почетнѣйшихъ даровъ,
Онъ танство Кавдора тебѣ даетъ.
Будь счастливъ, танъ! Будь счастливъ въ новомъ санѣ!

Банко.

Какъ! Дьяволъ правду можетъ говорить?

Макбетъ.

Но танъ кавдорскій живъ; такъ для чего же
Чужой одеждой украшать меня?

Ангусъ.

Онъ живъ еще, но онъ уже не танъ.
Остатокъ дней подавленъ приговоромъ,
И онъ умретъ. Что сдѣлалъ онъ—не знаю:
Мятежнымъ тайную ли подалъ помощь,

Иль явно сталъ въ Свепоновыхъ рядахъ;
Но онъ въ измѣнѣ уличенъ и палъ.

Макбетъ.

Гламисъ и Кавдоръ, — впереди престолъ. —
Благодарю за трудъ. — Что скажешь, Банко?
Не вправду ль царствовать твоимъ сынамъ?
Мнѣ новый санъ, а имъ престолъ обѣщанъ.

Банко.

Да, ввѣрься имъ,—онѣ тебя заставятъ
Всѣ таинства въ мірѣ позабыть
И руку протянуть къ коронѣ. Странно!
Какъ часто, чтобъ вѣрнѣе погубить,
Созданья мрака говорятъ намъ правду,
Манятъ къ себѣ невинною бездѣлкой,
А тамъ—обманываютъ и влекутъ
Въ пучину ужасающихъ послѣдствій.

(Россе и Ангусу).

Друзья, на пару словъ.

(Отходитъ въ сторону).

Макбетъ.

Два изреченія сбылись: прологъ разыгранъ,
И драма царская растетъ.
Благодарю васъ, господа.
Ихъ сверхъестественный и темный вызовъ
Ни золъ, ни добръ; когда онъ зло, къ чему бы
Давать залогъ вѣрнѣйшаго успѣха,
Начавши истиной? Я танъ кавдорскій.
Когда онъ добръ, зачѣмъ я такъ невольно
Прильнулъ къ мечтѣ, ужасной искушеньемъ!...
Гляжу—и чувствую, какъ бьется сердце
И волосъ всталъ,—что прежде не бывало.
Но ужасъ истинный не такъ великъ,
Какъ ложный страхъ, дитя воображенья.
Убійство—мысль; оно еще въ умѣ:
Но эта мысль встревожила всю душу!
Вся сила органовъ подавлена,
Исчезла истина, и міръ видѣній
Меня объялъ.

Банко.

Смотри, какимъ восторгомъ
Онъ упоенъ!

Макбетъ.

Когда судьбѣ угодно
Меня вѣнчать, такъ пусть меня вѣнчаетъ;
Я ей не помогу.

Банко.

Что намъ одежда,
То почесть Макбету: пока нова,
Все какъ-то въ ней неловко.

Макбетъ.

Будь что будетъ!
Ненастный день промчится какъ и ясный.

Банко.

Мы ждемъ тебя, мой благородный танъ.

Макбетъ.

Ахъ, виноватъ... забылся... вспоминалъ
Кой-что забытое.

(Россе и Ангусу, указывая на сердце).

Вашъ трудъ записанъ
Сюда, друзья; а въ этой книгѣ Макбетъ
Привыкъ читать. Пойдемте къ королю.—

(Банко).

Что было, не забудь. Въ другое время,
Когда пройдетъ вліяніе минуты,
Откроемъ мысль другъ другу откровенно.

Банко.

Я очень радъ.

Макбетъ.

Теперь довольно. Въ путь! (*Уходитъ*).

Дѣйствіе III, явленіе 4.

Торжественная зала во дворцѣ. Накрытъ столъ. Входятъ: Макбетъ, леди Макбетъ, Россе, Ленoксъ, лорды и свита.).

Макбетъ.

Вы знаете свои мѣста,—садитесь.
Душевно рады всѣмъ.

Лорды.

Благодаримъ.

Макбетъ.

Мы будемъ съ вами наравнѣ; хозяинъ
Самъ долженъ угощать своихъ гостей.
Хозяйка сѣла ужъ на тронъ; мы просимъ
Намъ слово ласковое подарить.

Леди Макбетъ.

Скажите вы его; душевно рада

Привѣтствовать друзей.
(Первый убійца появляется въ дверяхъ).
Макбетъ.
Тебѣ на встрѣчу
Летятъ ихъ благородныя сердца.—
Столъ занятъ весь: мы сядемъ по срединѣ.
Ну, веселѣй! осушимъ круговую!
(Убійцѣ) Лице твое въ крови.
Убійца.
Она изъ Банко.
Макбетъ.
Ей лучше на тебѣ, чѣмъ въ немъ. Совсѣмъ?
Убійца.
Покончёнъ. Горло по-поламъ. Моя работа.
Макбетъ.
Ты лучшій изо всѣхъ головорѣзовъ. Но
Хорошъ и тотъ, кто разсчитался съ Флинсомъ;
И если это ты, такъ ты единственъ.
Убійца.
Флинсъ спасся бѣгствомъ, государь.
Макбетъ.
И такъ
Я боленъ вновь. Я былъ уже здоровъ,
Какъ мраморъ твердъ, и крѣпокъ какъ скала,
Какъ воздухъ свѣжъ, и невредимъ, и воленъ!
Теперь опять я связанъ и стѣсненъ,
И блѣдный страхъ опять ко мнѣ прикованъ.
Но Банко вѣдь навѣрно?
Убійца.
Не проснется,—
Уснулъ во рву. На головѣ зіяютъ
Пятнадцать ранъ — слабѣйшая смертельна.
Макбетъ.
Благодарю. Такъ старый змій задавленъ,
А червь ушелъ и будетъ ядовитъ—
Какъ зубы выростутъ.—Теперь ступай.
Доскажешь завтра *(Убійца уходитъ).*
Леди Макбетъ.
Вы гостей забыли.
Безъ добрыхъ словъ хозяина имъ скучно,
И пиръ похожъ на купленный обѣдъ.
Чтобъ ѣсть — покойнѣй оставаться дома;
Въ гостяхъ мы ждемъ радушную бесѣду
И ласковость; безъ нихъ не вкусенъ столъ.
Макбетъ.
Да, правда, милый другъ! Прошу васъ кушать;
Желаю веселиться на здоровье.
Ленoксъ.
Угодно сѣсть вамъ, государь?
(Духъ Банко является на Макбетовомъ мѣстѣ).
Макбетъ.
Будь съ нами здѣсь, нашъ благородный Банко,
Здѣсь былъ бы собранъ королевства цвѣтъ.
Дай Богъ, чтобъ съ нимъ чего бы не случилось;
Пусть лучше пожуримъ его за лѣность.
Ленoксъ.
Онъ слово данное забылъ. Угодно ль
Вамъ сдѣлать честь—присѣсть къ намъ, государь?
Макбетъ.
Столъ полонъ!
Ленoксъ.
Вотъ еще есть мѣсто.
Макбетъ.
Гдѣ?
Ленoксъ.
Здѣсь государь. Что съ вами?
Макбетъ.
Кто это сдѣлалъ, лорды?
Лорды.
Что такое?
Макбетъ.
Меня ты въ этомъ уличить не можешь,
Къ чему кивать мнѣ головой кровавой?
Россе.
Король нашъ боленъ; встанемъ, господа.
Леди Макбетъ.
Сидите, добрые друзья. Съ нимъ это часто,
И съ дѣтскихъ лѣтъ. Прошу васъ, не вставайте,
Припадокъ мимолетенъ,—двѣ минуты

И онъ прошелъ. Оставьте, не смотрите!
Онъ только пуще раздраженъ отъ взглядовъ.
Не обращайте на него вниманья
И кушайте.—И ты мужчина?

Макбетъ.

Да,
И смѣлый: я могу смотрѣть на то,
Предъ чѣмъ самъ дьяволъ поблѣднѣлъ бы.

Леди Макбетъ.

Такъ!
Вотъ признаки ребяческаго страха,
Тотъ тѣнь-кинжалъ, что велъ тебя къ Дункану!
Признаться надо, эта дрожь и взгляды,
Пародія на истинный испугъ,
Прекрасны были бы у камелька,
Подъ говоръ сказки, на лицѣ старухъ.
Стыдись! какъ искажаешь ты лице!
И изъ чего? Что испугало?—Стулъ!

Макбетъ.

Но посмотри! туда! туда! Что скажешь?—
Что мнѣ до этого? Когда ты можешь
Кивать мнѣ головой, такъ говори!
Земля отвергла мертвецовъ; могилы
Ихъ шлютъ назадъ,—такъ пусть орловъ утробы
Гробами будутъ для людей!

Леди Макбетъ.

Возможно ль
Такъ оробѣть? (*Духъ исчезаетъ*).

Макбетъ.

Онъ былъ передо мною,
Клянусь тебѣ!

Леди Макбетъ.

Стыдись!

Макбетъ.

Кровь проливали
Уже давно, когда еще законъ
Не охранялъ общественнаго мира;
Да и потомъ убійства совершались,—
Объ нихъ и слышать тяжело. Но встарь,
Когда изъ черепа былъ выбитъ мозгъ,
Со смертью смертнаго кончалось все.
Теперь встаютъ они, хоть двадцать ранъ
Разсѣкли голову, и занимаютъ
Мѣста живыхъ. Вотъ что непостижимо!
Непостижимѣе цареубійства!

Леди Макбетъ.

Васъ гости ждутъ.

Макбетъ.

Ахъ, виноватъ, забылся.
Не удивляйтесь мнѣ, друзья: я боленъ;
Припадки странные, но это вздоръ.—
Домашніе давно къ нему привыкли.
Что жъ, выпьемъ за всеобщее здоровье!
Потомъ я сяду. Эй! вина!

(Слугѣ, который наливаетъ вино).

Полнѣе!
Я пью за здравіе всего стола.

(Духъ является на томъ же мѣстѣ).

И Банко, друга моего! Какъ жаль
Что съ нами нѣтъ его! Его здоровье
И всѣхъ любезныхъ намъ гостей!

Лорды.

Вамъ то же.

Макбетъ.

Исчезни! Прочь! Пусть гробъ тебя укроетъ!
Твой черепъ пусть и кровь охолодѣла!
Въ твоихъ сверкающихъ глазахъ нѣтъ зрѣнья!

Леди Макбетъ.

Не удивляйтесь: это съ нимъ нерѣдко.
Мнѣ только жаль, что вечеръ нашъ разстроенъ.

Макбетъ.

На все, что можетъ человѣкъ, готовъ я.
Явись мнѣ грознымъ, разъяреннымъ львомъ,
Гирканскимъ тигромъ, сѣвернымъ медвѣдемъ,
Явись чѣмъ хочешь ты—и я не дрогну.
Воскресни вновь и вызови въ пустыню
На смертный бой меня—не откажусь,
И если въ страхѣ отступлю на шагъ,
Зови меня игрушкою дѣвчонки!
Прочь, тѣнь ужасная! Прочь, ложный призракъ!

(Духъ исчезаетъ).

Исчезъ. Я снова мужъ... Не безпокойтесь!

Леди Макбетъ.

Ты все веселье разогналъ; нашъ праздникъ
Нарушенъ недугомъ твоимъ. Ты страненъ.

Макбетъ.

Но эта тѣнь не тѣнь отъ лѣтней тучки,
И какъ ей странностью не поразить?
Не знаю, вѣрить ли своимъ глазамъ.
Ты смотришь на подобное видѣнье,
И кровь играетъ на твоемъ лицѣ,
Тогда какъ я—отъ ужаса блѣднѣю.

Россе.

Что за видѣнье, государь?

Леди Макбетъ.

Молчите;
Вы видите, ему отъ часу хуже,
Онъ вдвое горячится отъ вопросовъ.
Разстанемся; прощайте, доброй ночи.

Ленокоъ.

Покойной ночи! Лучшаго здоровья
Его величеству!

Леди Макбетъ.

Прощайте, лорды.

Макбетъ.

(Лорды и свита уходятъ).

Онъ хочетъ крови: кровь за кровь.—
Случалось,
Что камни двигались и излетало
Живое слово изъ деревъ; гадатель
Не разъ отгадывалъ посредствомъ птицъ
Убійцъ непроницаемыя тайны.—
Который часъ?

Леди Макбетъ.

Почти уже свѣтаетъ.

Макбетъ.

И Макдуфъ, говоришь ты, отказался
Придти на праздникъ нашъ?

Леди Макбетъ.

Ты звалъ его?

Макбетъ.

Отвѣтъ его узналъ я стороною.
Пошлю еще. У всѣхъ безъ исключенья
Я содержу шпіоновъ на мой счетъ.
Съ разсвѣтомъ я пойду къ волшебнымъ
сестрамъ:
Пусть погадаютъ мнѣ еще; я все
Хочу узнать, не разбирая средствъ,
И всѣмъ пожертвую для нашихъ пользъ.
Я такъ глубоко погрузился въ кровь,
Что все равно, не стоитъ возвращаться,—
Плыву впередъ... Я кое-что задумалъ
И быстро надо нанести ударъ;
Тутъ думать нечего.

Леди Макбетъ.

Ты сна лишенъ,
Отрады всѣхъ существъ.

Макбетъ.

Пойдемъ же спать.
Мое тревожное себязабвенье—
Страхъ новичка. Душа еще не свыклась.
Для этихъ дѣлъ мы просто еще дѣти.

(Уходятъ)

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ I.

Дунсинанъ. Комната въ замкѣ. Докторъ и Придворная.

Докторъ.

Двѣ ночи уже не спимъ мы, а еще не оправдалось то, что выговорили. Давно ли она такъ ходитъ?

Придворная.

Съ самаго начала войны. Обыкновенно она встаетъ, накидываетъ спальное платье, отпираетъ столъ, достаетъ листъ бумаги, пишетъ, читаетъ написанное и потомъ запечатываетъ, и потомъ опять ложится въ постелю—и все это въ глубокомъ снѣ.

Докторъ.

Большая несообразность въ природѣ—вкушать пріятность сна и въ то же время заниматься дѣлами, какъ на яву! Можетъ быть въ такомъ сонномъ бдѣніи она не только ходитъ и пишетъ, но и говоритъ; не слыхали-ль вы чего?

Придворная.

Слышала, но пересказывать не стану.

Докторъ.

Со мною вы можете и даже должны быть откровенны.

Придворная.

Ни съ вами и ни съ кѣмъ другимъ не буду, затѣмъ что нѣтъ свидѣтелей, которые бы подтвердили слова мои.

(Входитъ Леди Макбетъ со свѣчою).

Но вотъ, смотрите, она идетъ: точно также, какъ и прежде, и божусь, что сонная. Будьте примѣчательны.

Докторъ.

Откуда она взяла свѣчу?

Придворная.

Въ спальнѣ, на столѣ. Свѣча должна тамъ горѣть всю ночь—такъ она приказываетъ.

Докторъ.

Глаза ея открыты?

Придворная.

Да; но зрѣніе закрыто въ нихъ.

Докторъ.

Что это она дѣлаетъ? Смотрите, какъ третъ руку!

Придворная.

Это ея обыкновенное занятіе—все,кажется, будто умываетъ руки: иногда такъ проходитъ четверть часа и болѣе.

Леди Макбетъ.

Здѣсь опять пятно.

Докторъ.

Она говоритъ. Я стану для памяти записывать все, что мы ни услышимъ.

Леди Макбетъ.

Прочь, проклятое пятно! прочь говорю я! одно, два!—Ну что же, теперьпора!—Адъ страшенъ? Право? Стыдись, другъ мой: боишься, а еще воинъ! — что нужды, если узнаютъ: на судъ никто не позоветъ насъ.—Однако кто же могъ думать, что въ старикѣ такъ много крови.

Докторъ.

Слышите!

Леди Макбетъ.

У Фейфскаго тана была жена; гдѣона теперь?... Ужели никогда не будутъ чисты мои руки? Но полно, другъ мой, ты испортишь все подобными причудами.

Докторъ.

Довольно, довольно! Мы услышали то, чего не должны были слышать.

Придворная.

По крайней мѣрѣ она сказала то, чего говорить не должна была. Богу только извѣстно, что на душѣ у ней.

Леди Макбетъ.

А здѣсь все пахнетъ кровью! Всѣ благовонія Аравіи не очистятъ рукъ моихъ! Ахъ, ахъ!

Докторъ.

Какіе вздохи! Видно тяжело ея сердцу!

Придворная.

Я не хотѣла бы имѣть въ груди такое сердце за все царское величіе!

Докторъ.

Да, да, хорошо.

Придворная.

Дай Богъ, чтобы все хорошо было!

Докторъ.

Отъ такой болѣзни у меня нѣтъ лѣкарства.—Бывали, однако, люди, которые ходили во снѣ и потомъ умерли мирно, христіанскою смертью.

Леди Макбетъ.

Вымой руки и надѣнь халатъ, но не будь такъ блѣденъ. Еще разъ говорю тебѣ, что Банко зарытъ въ землю и не можетъ выйти изъ могилы.

Докторъ.

Да? такъ-то?

Леди Макбетъ.

Пойдемъ, ляжемъ въ постель: кто-то стучится въ ворота. Пойдемъ, дай мнѣ руку. Что сдѣлано, того не перемѣнишь. Пойдемъ, пойдемъ.

(Уходитъ).

Докторъ.

Теперь она ляжетъ въ постель?

Придворная.

Непремѣнно.

Докторъ.

Не даромъ слухи носятся въ народѣ!
Зло зломъ и отдается! Духъ недужный
Нѣмымъ стѣнамъ ввѣряетъ тайну.
Ей духовникъ,не докторъ нуженъ. Боже,
Помилуй всѣхъ насъ! — Приберите дальше
Все, чѣмъ себѣ она вредить могла бы,
И не спускайте глазъ съ ней. Доброй ночи!
Я изумленъ, испуганъ: мыслю много,
Но говорить не смѣю.

Придворная.

Доброй ночи!

(Уходитъ).

А. Кронебергъ.

---

280. КОРІОЛАНЪ, ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА.

ДѢЙСТВІЕ V, СЦЕНА I.

(Римъ. Народная площадь).
Входятъ: Мененій, Коминій, Сициній, Брутъ и другіе.

Мененій (трибунамъ).

Нѣтъ, не пойду. Вы слышали, что Марцій
Сказалъ тому, кто былъ его вождемъ,
Тому, кѣмъ онъ любимъ былъ свыше мѣры!
Когда-то и меня отцемъ онъ звалъ.
Да что жъ въ томъ проку? Нѣтъ, идите вы,
Его изгнавшіе,—передъ шатромъ
За милю упадите на колѣни,
И, лежа въ прахѣ, попытайте счастья.
Когда Коминія не сталъ онъ слушать,
Мнѣ дѣлать нечего.

Коминій.

Не захотѣлъ онъ
Узнать меня.

Мененій (трибунамъ).

Вы слышите?

Коминій.

Однако
По имени меня онъ назвалъ разъ.
Ему напомнилъ я про дружбу нашу,
Про то, какъ кровь мы вмѣстѣ проливали.
Не отвѣчалъ онъ мнѣ, не отозвался
На имя прежнее Коріолана,
И лишь сказалъ, что для него именъ
Нѣтъ никакихъ, пока въ горящемъ Римѣ
Не выкуетъ онъ новаго прозванья.

Мененій.

Хвала вамъ ввѣкъ, товарищи-трибуны!
Васъ долго будутъ помнить! въ цѣломъ Римѣ
Подешевѣютъ уголья теперь!

Коминій.

Я представлялъ ему, какъ благородно
Прощать того, кто даже о прощеньи
Молить не смѣетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ,
Что римлянамъ смѣшно просить пощады
У римскаго изгнанника.

Мененій.

И могъ ли
Иначе отвѣчать онъ?

Коминій.

Я старался
Въ немъ жалость пробудить къ его друзьямъ.
Онъ отвѣчалъ, что некогда ему
Ихъ выбрать изъ гнилой, мякинной кучи,
Что куча та сгоритъ, и что не стоитъ
Ее щадить изъ-за лежащихъ въ ней
Двухъ или трехъ несчастныхъ хлѣбныхъ зеренъ.

Мененій.

Двухъ или трехъ? Одно зерно—я самъ,
Жена и мать его, младенецъ,
Да этотъ храбрый воинъ—вотъ и зерна,
А вы—мякина смрадная: за васъ
Мы всѣ сгоримъ.

Сициній.

Не гнѣвайся же. Если
Не хочешь ты помочь намъ въ тяжкій часъ,
То не кори насъ нашею бѣдою.
Такъ, вѣримъ мы, что еслибъ ты взялся
За родину просить Коріолана,
Языкъ твой ловкій больше намъ помогъ бы,
Чѣмъ всѣ дружины наши.

Мененій.

Въ это дѣло
Я не хочу мѣшаться.

Сициній.

Молимъ мы:
Иди къ нему!

Мененій.

Зачѣмъ, съ какою цѣлью?

Брутъ.

Хоть испытай, что можетъ дружба ваша
Для Рима сдѣлать.

Мененій.

Для того ль, чтобъ мнѣ
Вернуться, какъ Коминій возвратился—
Неузнаннымъ, невыслушаннымъ даже?
Чтобъ я пришелъ къ вамъ, тяжкооскорбленный
Холодностію друга? такъ ли?

Сициній.

Все же
И за попытку добрую весь Римъ
Тебѣ спасибо скажетъ.

Мененій.

Попытаюсь!
Мнѣ кажется, меня онъ станетъ слушать,
Хоть страшно и подумать про суро-
вость,
Съ какой онъ на Коминія глядѣлъ.
Быть можетъ — часъ не добрый былъ
для встрѣчи;
Онъ не обѣдалъ—натощакъ мы всѣ
Угрюмы, злы на утреннее солнце,
Кровь наша холодна, несклонны мы
Ни къ щедрости, ни къ кротости. Ког-
да же
Наполнимъ мы себя виномъ и пищей,
Другая кровь у насъ, нѣжнѣе сердце,
Чѣмъ прежде, въ часъ угрюмаго поста.
Такъ, сытаго себѣ я выжду часа,
И ласково мою онъ просьбу приметъ.

Брутъ.

Ты знаешь вѣрный путь къ его душѣ
И не свернешь съ него.

Мененій.

Рѣшаюсь я.
Пусть будетъ то, что будетъ. И недолго
Придется ждать мнѣ.

Коминій.

Не захочетъ Марцій
Его и слушать.

Сициній.

Почему же нѣтъ?

Коминій.

Я говорю тебѣ—какъ гнѣвный богъ,
Сидитъ онъ и глаза его сверкаютъ
Для Рима сокрушительнымъ огнемъ.
Обиды память держитъ въ немъ подъ
стражей
Всѣ помыслы о жалости. Колѣни
Предъ нимъ склонилъ я. «Встань»,
шепнулъ онъ мнѣ
И удалиться подалъ знакъ рукою.
Условіе онъ писанное выслалъ
Во слѣдъ за мной, и значилась тамъ
клятва,
Какой себя связалъ онъ противъ насъ.
Надежды нѣтъ для насъ. Я слышалъ
только,
Что будто мать его съ женой рѣши-
лась
Его молить за родину. Намъ должно
Теперь же къ нимъ идти и ихъ просить,
Чтобы онѣ съ своей спѣшили просьбой.
(Уходитъ).

Сцена II.

Вольскій лагерь передъ Римомъ.
*Часовые на своихъ мѣстахъ. Къ нимъ подхо-
дитъ Мененій.*

1-й Часовой.

Стой! ты откуда?

2-й Часовой.

Стой! ступай назадъ.

Мененій.

Вы честно стражу держите—хвалю васъ;
Но я сановникъ и имѣю дѣло
Къ Коріолану.

1-й Часовой.

Да откуда ты?

Мененій.

Изъ Рима я.

1-й Часовой.

Нельзя пройти—назадъ!
Не хочетъ вождь имѣть сношеній съ
Римомъ.

2-й Часовой.

Твой Римъ сгоритъ скорѣй, чѣмъ ты
успѣешь
Съ Коріоланомъ говорить.

Мененій.

Друзья,
Случалось вамъ, конечно, отъ вождя
Слыхать про Римъ и про людей, что
въ Римѣ
Его друзьями были? Я ручаюсь,
Что про меня онъ говорилъ. Зовусь я
Мененіемъ

1-й Часовой.

И все-таки—назадъ!
Здѣсь съ именемъ твоимъ не пробе-
решься.

Мененій.

Пріятель, я скажу тебѣ—твой вождь
Меня всегда любилъ. Его заслугъ
Я былъ живою книгой, въ книгѣ этой
Читали люди о великой славѣ,
По-дружески ту славу я вознесъ
Превыше всякихъ мѣръ, а иногда
И выше правды. Я таковъ съ друзьями.
Онъ первый другъ мой,—для чего не
разъ
Я въ похвалахъ переступалъ границы

И слишкомъ заносился вдаль, какъ шаръ,
Когда его толкнутъ съ крутаго спуска.
Поэтому пусти меня, мой другъ.

1-й Часовой.

Увѣряю тебя, когда бъ ты налгалъ въ его похвалу столько же, сколько наговорилъ словъ въ свою пользу, и тогда я тебя не пропустилъ бы. Назадъ!

Мененій.

Да пойми же, пріятель, что меня зовутъ Мененіемъ, что я всю жизнь былъ на сторонѣ твоего начальника.

1-й Часовой.

То есть, ты лгалъ на него, какъ самъ признался; я служу у него и говорю правду. Пройти нельзя — ступай назадъ.

Мененій.

Можешь ты мнѣ сказать, обѣдалъ онъ или нѣтъ? Я бы не хотѣлъ толковать съ нимъ до обѣда.

1-й Часовой.

Да ты римлянинъ, что ли?

Мененій.

Римлянинъ, какъ и твой начальникъ.

1-й Часовой.

Такъ тебѣ надо ненавидѣть Римъ, какъ онъ его ненавидитъ! Неужели жъ вы думаете въ Римѣ, что, бросивши врагу свой собственный щитъ, изъ-за народнаго безумія, что, изгнавши защитника вашего, вы еще будете въ силахъ устоять передъ его местью? Чѣмъ вы ее встрѣтите? стонами старухъ, сложенными руками дѣвушекъ, просьбами выжившаго изъ лѣтъ болтуна, въ твоемъ родѣ? Ты самъ едва дышишь, а еще собираешься задуть пламя, которое охватило твой городъ! Вы всѣ ошиблись, а потому ступай себѣ въ Римъ готовиться къ общей казни. Всѣ осуждены—начальникъ поклялся, что никому не будетъ пощады.

Мененій.

Не забывайся! будь твой начальникъ здѣсь, онъ бы принялъ меня ласково.

2-й Часовой.

Полно болтать! онъ тебя и не знаетъ вовсе.

Мененій.

Я говорю о вашемъ полководцѣ.

2-й Часовой.

Очень нашъ полководецъ о тебѣ думаетъ! Назадъ!—долго ли мнѣ говорить? Вонъ! или придется тебѣ проститься съ остатками крови! Пошелъ назадъ.

Мененій.

Да выслушай, выслушай, пріятель.

(Входятъ Коріоланъ и Авфидій).

Коріоланъ.

Что тутъ случилось?

Мененій (Часовому).

Ну, пріятель, теперь мы съ тобой сочтемся какъ должно. Ты увидишь, знаютъ ли меня здѣсь; я тебѣ покажу, что какому-нибудь часовому не отогнать меня отъ Коріолана, отъ моего сына! Ты теперь на волосъ отъ петли, а, пожалуй, отъ чего нибудь и похуже. Гляди же сюда, да повались безъ чувствъ отъ страха! (*Коріолану*) Великіе боги каждый часъ держатъ совѣтъ о твоемъ благоденствіи; они любитъ тебя столько же, сколько любитъ тебя твой старый отецъ Мененій! Сынъ мой! сынъ мой! ты готовишь для насъ пожаръ,—вотъ слезы, которыя зальютъ это пламя. Меня едва упросили идти къ тебѣ, и не пошелъ бы я, еслибъ не зналъ того, что одинъ я могу тебя тронуть. Слезы и вздохи провожали меня за ворота Рима. Прости же ему, прости твоихъ умоляющихъ согражданъ. Пусть благіе боги умягчатъ твое сердце, пусть направятъ они остатки твоего гнѣва вотъ на этого негодяя, который, какъ чурбанъ, загородилъ мнѣ къ тебѣ дорогу.

Коріоланъ.

Прочь!

Мененій.

Какъ прочь?

Коріоланъ.

Ни матери, ни сына, ни жены
Не знаю я. Во мнѣ одно лишь мщенье.
Дѣла мои и право на пощаду
Я отдалъ Вольскамъ. Память дружбы нашей
Меня не склонитъ къ милости: скорѣе

Я дружбу ту забвеньемъ отравлю!
Иди же прочь,—мой слухъ для словъ мольбы
Надежнѣй замкнутъ, чѣмъ ворота Рима
Отъ войскъ моихъ. Возьми бумагу эту.
(Даетъ ему свитокъ).
Ты былъ мнѣ милъ когда-то. Для тебя
Я написалъ ее и самъ послалъ бы
Ее къ тебѣ. Затѣмъ, Мененій, словъ
Передо мной не трать. Авфидій, въ Римѣ
Его любилъ я, но теперь, ты видишь...

Авфидій.

Да, вѣренъ ты себѣ.

(Уходятъ Коріоланъ и Авфидій).

1-й Часовой.

Ну, достойный мужъ,— какъ твое имя? Мененій!

2-й Часовой.

Ты видишь, какъ много въ немъ могущества! Я думаю, ты знаешь дорогу домой?

1-й Часовой.

А хорошо насъ отдѣлали за то, что мы осмѣлились не пропустить такого великаго мужа?

2-й Часовой.

Отчего же это мнѣ было повалиться безъ чувствъ отъ страха?

Мененій.

Нѣтъ мнѣ дѣла ни до вашего вождя, ни до всего свѣта; о такой же дряни, какъ вы, и думать не стоитъ. — Кто самъ готовъ поднять на себя руку, тотъ не побоится убійцы. Пусть полководецъ вашъ злодѣйствуетъ въ волю. А вы оставайтесь тѣмъ, что вы теперь; только съ годами дѣлайтесь еще ничтожнѣе! Говорю вамъ то же, что мнѣ сказали: прочь отъ меня вы оба!

1-й Часовой.

Нечего сказать, славный человѣкъ!

2-й Часовой.

Славный человѣкъ нашъ начальникъ! Будто скала или дубъ, съ которымъ вѣтру не справиться!

Сцена III.

Палатка Коріолана. Входятъ Коріоланъ, Авфидій и проч.

Коріоланъ.

Такъ завтра мы поставимъ наше войско
Подъ римскими стѣнами. Мой товарищъ,
Ты можешь разсказать въ своемъ сенатѣ,
Исполненъ ли мой долгъ.

Авфидій.

Какъ честный воинъ
За насъ ты бился, ты моленьямъ Рима
Не уступилъ, не выслушалъ ни разу
И робкой просьбы отъ друзей своихъ,
Увѣренныхъ въ тебѣ.

Коріоланъ

Да. Тотъ старикъ,
Котораго сейчасъ съ разбитымъ сердцемъ
Прогналъ я въ Римъ, боготворилъ меня,
Любилъ меня отцовскою любовью!
Послѣднею надеждой было Риму
Посольство то. Изъ жалости къ нему
(Хоть онъ сурово принятъ былъ), я далъ
Ему одно условіе для мира—
Условіе отвергнутое разъ.
Его они не примутъ, и теперь
Свободенъ я отъ всѣхъ посольствъ и просьбъ
Изъ Рима и отъ близкихъ мнѣ.

(Слышны голоса).

Что это?
Неужели опять ко мнѣ идутъ
Склонять меня, чтобъ я обѣтъ нарушилъ,
Сейчасъ лишь данный? Этого не будетъ!

(Входятъ, въ печальной одеждѣ, Виргилія, Волумнія, маленькій Марцій, Валерія и свита).

Жена моя идетъ сюда! за нею
Та женщина, которая меня
Родила въ свѣтъ, и за руку она
Ведетъ младенца-внука! Прочь любовь!
Разсыпьтесь въ прахъ святой природы связи!
Моя въ упорствѣ сила! Боги, боги,
Вы сами бъ вашимъ клятвамъ измѣнили
За этотъ взглядъ голубки! Не сильнѣе

Другихъ людей на свѣтъ я сотворенъ!
Склонилась предо мною мать моя,—
Олимпъ согнулся предъ холмомъ ничтожнымъ
И мнѣ твердитъ съ природой: *«сжалься, сжалься!»*
Нѣтъ, я не сжалюсь. Пусть пройдетъ по Риму
Соха враговъ, пусть взборонятъ они
Италію,—я не поддамся сердцу,
Не сдѣлаюсь безсильнымъ я птенцомъ,
Я буду твердъ, какъ долженъ твердъ остаться
Мужъ безъ родни и родины.

Виргилія.

Супругъ мой
И повелитель!

Коріоланъ.

Мы съ тобой не въ Римѣ,
Я на тебя гляжу не прежнимъ взглядомъ.

Виргилія.

Отъ горя измѣнились мы—не можешь
Ты не узнать насъ.

Коріоланъ.

Какъ актеръ негодный,
Я роль забылъ свою, и ждетъ меня
Позоръ великій. Милая подруга,
Прости меня. Не говори мнѣ только:
(Цѣлуетъ жену)
Прощенье римлянамъ! О, слаще мести
Мнѣ поцѣлуй твой, долгій какъ изгнанье!
Клянусь ревнивою царицей ночи,
Хранилъ я свято на губахъ моихъ
Твой поцѣлуй прощальный. Боги, боги!
Болтаю я и позабылъ поклономъ
Явстрѣтить мать, почтеннѣйшую въ мірѣ!
(Становится на колѣни).
Во прахъ, мои колѣни! и въ пыли
Оставьте слѣдъ, какого не оставилъ
Еще никто изъ сыновей!

Волумнія.

Мой сынъ,
Встань, я тебя благословляю. Должно
Мнѣ предъ тобой упасть, на жесткій камень
Мнѣ преклонить колѣни, хоть предъ сыномъ
(Становится на колѣни)
Мать не должна склоняться.

Коріоланъ.

Что я вижу?
Ты на колѣни стала? передъ сыномъ,
Котораго наказывала ты?
Такъ пусть каменья съ береговъ безплодныхъ
Ударятъ вверхъ по звѣздамъ, вѣтеръ буйный
Захлещетъ пусть вѣтвями гордыхъ кедровъ
По огненному солнцу. Что жъ на свѣтѣ
Зовется невозможностью?

Волумнія.

Ты сынъ мой,
Ты воинъ мой. Ты спутницу мою
(Указываетъ на Валерію).
Узналъ ли?

Коріоланъ.

Непорочную луну
Мнѣ не узнать? Достойная сестра
Великаго Валерія, душою
Такъ чистая, какъ чистъ бѣлѣйшій снѣгъ
На высотѣ Діаниннаго храма.
Привѣтъ тебѣ, Валерія!

Волумнія (подводитъ къ нему маленькаго Марція).

И этотъ
Младенецъ бѣдный станетъ, можетъ быть,
Со временемъ таковъ, какъ ты.

Коріоланъ.

Пусть боги
Великіе, Зевесъ—метатель молній—
И Марсъ—воитель, наградятъ тебя
Душой возвышенной, чтобъ тѣнь упрека
Во-вѣки не коснулась дѣлъ твоихъ!
Пусть, какъ маякъ великій въ темномъ морѣ,
Сіяешь ты, въ бояхъ несокрушимый,
Для всѣхъ друзей спасеніемъ.

Волумнія (ребенку).

Скорѣй
Склони колѣни.

Коріоланъ.

Славный мой мальчишка!

Волумнія.

Я, онъ, Валерія, жена твоя—
Мы здѣсь просители.

Коріоланъ.

Молчи! Молчи!
Иль передъ просьбой вспомни, что я клялся
Не уступать въ одномъ. Не говори,
Чтобъ распустилъ я воиновъ моихъ,
Чтобъ примирился съ гнусной чернью Рима.
Не называй меня жестокосердымъ
И, голосомъ холоднаго разсудка,
Моей вражды и мщенья не пытайся
Обуздывать.

Волумнія.

Довольно, о довольно!
Мы именно пришли просить того,
Въ чемъ отказать ты хочешь раньше просьбы;
Но все равно: ты выслушаешь ихъ,
Хотя бъ затѣмъ, чтобъ твой отказъ суровый
Обрушился на самого тебя.
Готовъ ты слушать?

Коріоланъ.

Подойдите, вольски!
Авфидій—слушай. Не таимъ мы нашихъ
Сношеній съ Римомъ. (*Волумніи*) Говори: въ чемъ дѣло?

Волумнія.

И безъ рѣчей—по нашимъ блѣднымъ лицамъ,
По платьямъ нашимъ—можешь угадать,
Какъ жили мы съ тѣхъ поръ, какъ ты въ изгнанье
Пошелъ отъ насъ. Подумай самъ, — найдешь ли
На свѣтѣ женщинъ ты несчастнѣй насъ,
Насъ, для которыхъ этотъ часъ свиданья,
На мѣсто радостей и слезъ восторга,
И ужасъ и печаль съ собой несетъ!
Супруга, мать, твой сынъ, — должны мы видѣть,
Какъ ты, отецъ, супругъ и сынъ, терзаешь
Родной свой край. И бѣднымъ намъ то горе
Еще больнѣй—черезъ тебя лишились
Послѣдней мы и общей всѣмъ отрады:
Ты насъ лишилъ молитвы! Долгъ велитъ
Молить боговъ за родину: но какъ же
Мы за тебя богамъ молиться можемъ,
Какъ долгъ велитъ? Отторгнуться должны мы
Отъ родины—кормилицы безцѣнной,
Иль отъ тебя—одной утѣхи нашей!
Ты побѣдишь иль нѣтъ—намъ все равно,
Намъ всюду гибель. Иль увидимъ мы,
Какъ повлекутъ тебя въ цѣпяхъ по Риму
На казнь измѣнниковъ, иль въ торжествѣ
Ты ступишь на развалины родныя
И примешь побѣдителя вѣнокъ,
Проливши кровь родной жены и сына!
Что до меня, мой сынъ, я не дождусь,
Чѣмъ кончится война; коль я не въ силахъ
Склонить тебя на миръ великодушный,
То вѣрь мнѣ — прежде чѣмъ идти на Римъ,
Черезъ мой трупъ перешагнуть ты долженъ.
Ступи жъ на грудь, которая вскормила
(Падаетъ ницъ предъ Коріоланомъ).
Коріолана.

Виргилія (тоже падаетъ на землю).

И на эту грудь,
Вскормившую несчастнаго младенца
Изъ рода Марціевъ.

Маленькій Марцій (вырываясь отъ матери).

Нѣтъ, я не дамся,
Онъ на меня не ступитъ — убѣгу я—
И выросту, и самъ сражаться буду.

Коріоланъ.

Когда не хочешь женщиною стать,
То не гляди на женъ и ребятишекъ.
(Встаетъ).
Я слишкомъ долго слушалъ.

Волумнія.

Нѣтъ, не можешь
Ты такъ оставить насъ. Когда бы мы
Тебя молили римлянъ пощадить
На гибель вольсковъ, что идутъ съ тобою,
Ты могъ бы видѣть вѣчное безчестье
Въ мольбѣ такой. Но мы пришли не съ тѣмъ:
Мы мира просимъ, мы хотимъ, чтобъ вольски
Могли сказать: «даримъ пощаду Риму»,

А римляне: «мы приняли пощаду»!
И пусть тогда сойдутся два народа
Благословлять тебя за данный миръ!
Ты знаешь, сынъ, успѣхъ измѣнчивъ бранный,
Но вѣрно то, что, овладѣвши Римомъ,
Ты тѣмъ создашь безславіе себѣ
Да имя нераздѣльное съ проклятьемъ!
И скажутъ про тебя изъ рода въ родъ:
«Онъ былъ великъ — но съ родиною вмѣстѣ
Онъ погубилъ свою на-вѣки славу,
И перешло прозваніе его
Въ вѣка на посрамленье». Что жъ молчишь ты?
Не ты ль всегда стремился честнымъ быть,
По милости богамъ уподобляться,
Что громомъ потрясаютъ сводъ небесный,
Но молніей одни дубы громятъ?
Чтожъ ты молчишь? Иль честно мужу славы
Обиды помнить? Дочь, на слезы онъ
(Виргиліи)
Не смотритъ — говори же съ нимъ!
(*Внуку*) Малютка,
Моли и ты: быть можетъ, дѣтскій лепетъ
Подѣйствуетъ сильнѣе нашихъ словъ.
Не болѣе ли всѣхъ людей на свѣтѣ
Онъ матери обязанъ, а предъ нимъ
Болтаю я—и нѣту мнѣ отвѣтовъ!
Ты къ матери всегда неласковъ былъ;
Для ней же, для насѣдки одинокой,
Въ тебѣ вся жизнь была: она тебя,
Кудахтая, взростила для войны,
И радостно встрѣчала изъ походовъ,
Гдѣ славу добывалъ ты. Чтожъ? гони
Меня домой, съ отказомъ на моленья;
Но если справедливы тѣ мольбы,
То чести нѣтъ въ тебѣ, и гнѣвъ боговъ
За матери права тебѣ отплатитъ.
Онъ отвернулся—припадемте жъ всѣ
Къ его ногамъ и пристыдимъ его.
(Всѣ падаютъ къ ногамъ Коріолана).
Коріоланомъ прозванъ онъ,—но гордость,
Не жалость, съ этимъ именемъ сроднилась.
Въ *послѣдній разъ* падемте на колѣни,
Откажетъ онъ,—уйдемте и умремъ
Среди сосѣдей, дома. Погляди
Хоть на малютку ты; онъ самъ не знаетъ
О чемъ проситъ, но на колѣняхъ съ нами
Къ тебѣ простеръ рученки... неужели
Ты и теперь отвергнешь насъ! (*Помолчавъ*)
Довольно,
Пойдемъ отсюда. Этотъ человѣкъ
Отъ вольской матери на свѣтъ родился.
Жена его въ Коріоли—онъ только
Лицемъ похожъ на нашего младенца.
Что жъ ты не гонишь насъ? Молчать я стану,
Пока вашъ Римъ пожаромъ не зальется,
А тамъ—еще поговорю я.

Коріоланъ (въ молчаніи беретъ Волумнію за руку).
Мать!
О мать моя, что сдѣлала ты съ нами!
Взгляни, разверзлось небо, сами боги
На эту небывалую картину
Глядятъ съ великимъ смѣхомъ! О, родная,
Для счастья Рима побѣдила ты;
Для сына же—повѣрь мнѣ, о, повѣрь мнѣ,
Ужасна та побѣда: можетъ быть,
Въ ней скрыта смерть! Пусть будетъ то, что будетъ!
Авфидій, если не способенъ я
Вести войну какъ слѣдуетъ, то въ силахъ
Миръ выгодный давать. Авфидій добрый,
Скажи мнѣ самъ, будь ты на мѣстѣ этомъ:
Ужели предъ мольбою материнской
Не уступилъ бы ты!

Авфидій.
Я самъ былъ тронутъ.

Коріоланъ.
Ты тронутъ былъ—и я: клянусь тебѣ,
Изъ глазъ моихъ исторгнуть трудно слезы.
Ну, добрый другъ, совѣтуй мнѣ теперь,
Какъ заключать условія. Не въ Римъ
Теперь пойду я. Въ Акціумъ за вами
Я возвращусь, и потому прошу
Теперь помочь мнѣ. Мать! жена моя!

Авфидій (въ сторону).
Я очень радъ, что честь и состраданье

Въ тебѣ столкнулись—этимъ я себѣ
Вновь ворочу удачу дней бывалыхъ.
(Женщины хотятъ прощаться съ Коріоланомъ).

Коріоланъ.

Не торопитесь. Вмѣстѣ выпьемъ мы
Теперь вина, а тамъ вы понесете
Съ собой свидѣтельство надежнѣй словъ:
Нашъ договоръ заподписаньемъ нашимъ.
Идемте же. За женскій подвигъ въ Римѣ
Вамъ храмъ соорудятъ: безъ васъ вся сила
Италіи и ей сосѣднихъ странъ
Не привела бы насъ къ такому миру.

А. Дружининъ.

---

281. КОРОЛЬ ЛИРЪ, ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА.

Дѣйствіе 1, сцена 1.

(*Тронная зала во дворцѣ короля Лира*). *Лиръ, Герцогъ Корнвальскій, герцогъ Албанскій, Гонерилья, Регана, Корделія, Кентъ, Глостеръ и свита*).

Лиръ.

Король французскій и бургундскій герцогъ!
Принять ихъ, Глостеръ!

(Глостеръ уходитъ).

Мы же, между тѣмъ,
Передадимъ нашъ замыселъ давнишній.
Подайте карту королевства. Знайте

(приносятъ карту).

Всѣ, здѣсь стоящіе, что на три части
Мы раздѣлили наше государство
И твердо вознамѣрились: сложивши
Съ себя заботы трудной царской власти,
Безъ ноши на плечахъ, плестись ко гробу.
Пора дать мѣсто юношамъ.
Приблизься,
Нашъ милый зять и сынъ, корнвальскій герцогъ,
И ты, Альбани, столько жъ намъ любезный.

(Герцогъ и ихъ жены подходятъ)

Пора вамъ знать, какое мы даемъ
Приданое за дочерьми, и чѣмъ
Предупреждаемъ будущіе споры.
Король французскій и бургундскій герцогъ,
Въ меньшую дочь влюбившіеся нашу,
Соперники и гости дорогіе,
Теперь отвѣтъ получатъ. Дѣти наши,
Скажите намъ (какъ уже мы теперь
Сдаемъ и власть и выгоды отъ власти),
Которая изъ трехъ насъ больше любитъ,
Чтобъ мы могли за большую любовь
Воздать теперь же большею наградой.
За Гонерильей, какъ за старшей въ родѣ,
Рѣчь первая.

Гонерилья.

Сэръ! васъ люблю я больше,
Чѣмъ выразить то можно слабымъ словомъ,
Чѣмъ свѣтъ очей, пространство и свободу,
Чѣмъ красоту, богатство, честь и жизнь.
Слова безсильны предъ такой любовью,
И голосъ мой слабѣе словъ моихъ.

Корделія (въ сторону).

Что жъ дѣлать мнѣ? любить, молчать—и только!

Лиръ (указывая на картѣ, Гонерильѣ).

Весь здѣшній край—отъ той черты до этой,
Съ тѣнистымъ лѣсомъ, пышными лугами,
Съ богатствами полей и рѣкъ обильныхъ,
Мы отдаемъ тебѣ съ твоимъ потомствомъ
Въ владѣнье вѣчное. Теперь, что скажетъ
Дражайшая, вторая наша дочь,
Регана корнваллійская?

Регана.

Съ сестрою
Одной породы и цѣны мы обѣ.
На всѣ слова ея горячимъ сердцемъ
Даю я полное мое согласье,
Съ однимъ лишь добавленьемъ. Я считаю
Себя врагомъ всѣхъ радостей земныхъ
И счастіе всей жизни вижу только
Въ моей любви къ высокому отцу.

Корделія (въ сторону).

О, какъ бѣдна Корделія! но все же

Ея любовь сильнѣе словъ такихъ!

Лиръ (указывая карту, Реганѣ).

Изъ рода въ родъ, тебѣ съ дѣтьми твоими
Даемъ мы эту треть владѣній нашихъ.
Не меньше въ ней обилія, довольства,
Чѣмъ въ долѣ первой. Ну, мое дитя,
(Корделіи).
Меньшое, не послѣднее, предметъ
Любви и спора двухъ владыкъ могучихъ,
Что скажешь ты, чтобъ заслужить отъ насъ
Часть лучшую, чѣмъ сестры? Говори!

Корделія.

Государь, ничего.

Лиръ.

Ничего?

Корделія.

Ничего.

Лиръ.

Изъ ничего не выйдетъ ничего.
Подумай и скажи.

Корделія.

Я такъ несчастна,—
Моя любовь не скажется словами.
Я, государь, люблю васъ такъ, какъ мнѣ
Мой долгъ велитъ,—ни больше и ни-меньше.

Лиръ.

Какъ? какъ? Корделія? Исправь немного
Ты рѣчь свою, чтобъ не было бѣды.

Корделія.

Сэръ! вы мнѣ дали жизнь и воспитанье,
Любили вы меня, и я, какъ должно,
За то плачу любовію моей,
И преданностью, и повиновеньемъ.
Зачѣмъ же сестры, васъ однихъ любя,
Живутъ съ мужьями? Если мнѣ придется
Отдать мужчинѣ руку, съ нею вмѣстѣ
Возьметъ онъ часть любви, заботъ и долга.
Когда бъ я одного отца любила,
То замужъ бы не вышла никогда.

Лиръ.

Отъ сердца рѣчь твоя?

Корделія.

Да, государь.

Лиръ.

Такъ молода—и такъ черства ты сердцемъ!

Корделія.

Я молода, но не боюсь я правды.

Лиръ.

Пусть будетъ такъ. Пускай же эта правда
Тебѣ приданымъ служитъ. Здѣсь клянусь я
Святымъ сіяньемъ солнца, темной ночью,
Движеньемъ сферъ, дающимъ жизнь и смерть,
Что отрекаюсь отъ заботъ отцовскихъ,
Отъ кровной связи, отъ любви всегдашней
И отчуждаюсь отъ родства съ тобою
Отнынѣ и навѣки. Дикій скиѳъ
И людоѣдъ, свою семью сожравшій,
Для сердца моего милѣе будутъ,
Чѣмъ ты, когда-то наша дочь.

Кентъ.

Король...

Лиръ.

Кентъ, молчать!
Не подходи къ разгнѣванному змѣю!
Ее любилъ я, ей хотѣлъ подъ старость
Я ввѣрить свой покой. Прочь съ глазъ моихъ!
(Корделіи)
Вѣрнѣе смерти, то, что отвергаю
Тебя отъ сердца моего. Скорѣй
Зовите короля! Чтожъ? Кто идетъ?
Позвать бургундца! Вы, мои зятья
И дочери, къ приданому прибавьте
Всю третью часть, отнятую у ней.
Пусть гордость ей одна приданымъ служитъ!
Сдаю я вамъ всѣ царскія права,
И власть мою, и первенство по сану.
Изъ свиты всей себѣ я отдѣляю
Сто рыцарей, и съ ними, каждый мѣсяцъ,
Я стану жить у дочерей моихъ
Поочередно. Королевскій титулъ
И честь, съ нимъ сопряженная, за мной
Останутся одни,—все жъ остальное:
Доходы всѣ, расправа и владѣнье,
За вами, дѣти милыя, и вотъ
Корона вамъ моя. (*Отдаетъ корону*).

Кентъ.

Великій Лиръ!
Тебя всегда любилъ я, какъ отца,
Чтилъ какъ царя, какъ властелина слушалъ,
Въ молитвахъ имя Лира поминая...

Лиръ.

Натянутъ лукъ—не стой передъ стрѣлою!

Кентъ.

Спускай же тетиву: пускай стрѣла
Пробьетъ мнѣ сердце. Кентъ льстецомъ не будетъ,
Когда король безумствуетъ. Старикъ!
Ты думаешь, что честный рабъ смолчитъ
Тамъ, гдѣ подлецъ гнетъ шею? Если Лиръ
Себя унизилъ, Кентъ молчать не станетъ!
Опомнись! отмѣни свое рѣшенье!
Одумайся! скорѣй останови
Въ себѣ порывы злобы безобразной!
Я головой ручаюсь, дочь меньшая
Не меньше старшихъ предана тебѣ.
Вѣрь, не безъ сердца тотъ, чья рѣчь тиха,
Безъ словъ пустыхъ.

Лиръ.

Молчи, коль жизнь ты цѣнишь!

Кентъ.

Я жизнь всегда готовъ нести на бой
Съ твоимъ врагомъ, и если этотъ врагъ
Ты самъ...

Лиръ.

Вонъ! съ глазъ моихъ долой!

Кентъ.

Протри глаза, взгляни ты яснымъ взглядомъ
Вокругъ себя!

Лиръ.

Клянусь я Аполлономъ!...

Кентъ.

И я клянусь имъ въ томъ, что ты напрасно
Клянешься, государь!

Лиръ (хватая мечъ).

О рабъ! измѣнникъ!

Альбани и Корнваль.

Сэръ, удержитесь!

Кентъ.

Что жъ? Убей меня,
Убей врача и мерзкій свой недугъ
Считай здоровьемъ. Отмѣни рѣшенье,
Опомнися! Пока дышать могу я,
Все стану я твердить: ты сдѣлалъ худо!

Лиръ.

Такъ слушай же въ послѣдній разъ, крамольникъ!
За то, что ты посмѣлъ—съ своей гордыней
Стать между нами и рѣшеньемъ нашимъ
(Чего нашъ нравъ и санъ снести не могутъ),
За то, что ты склонялъ насъ — нашъ обѣтъ,
Вовѣки нерушимый, сдѣлать ложнымъ,
Достойное ты примешь наказанье.
Пять дней тебѣ даримъ мы: въ эти дни
Ты долженъ изготовиться къ изгнанью,
Но послѣ нихъ обязанъ ты убраться
Изъ царства прочь. И если въ день десятый
Тебя найдутъ среди владѣній нашихъ,
Простишься ты тотчасъ съ презрѣнной жизнью.
Прочь съ глазъ моихъ! Юпитеромъ клянусь,
Не измѣнимъ рѣшенья мы.

Кентъ.

Прощай,
Прощай, король! Ты показалъ вполнѣ,
Что близь тебя нѣтъ правды и свободы.

(Корделіи).

Пусть небеса хранятъ тебя съ любовью,
Дитя, прекрасное въ рѣчахъ и мысляхъ...

(Реганѣ и Гонерильѣ).

А вамъ желаю я, чтобъ вы на дѣлѣ
Всю правду пышной рѣчи доказали.
Прощайте, сильные земли! Вашъ старый Кентъ
И въ новомъ краѣ будетъ прежнимъ Кентомъ.

(Уходитъ).

Входятъ Глостеръ, Король французскій, Герцогъ бургундскій и свита.

Глостеръ.

Мой государь, король и герцогъ здѣсь.

Лиръ.

Ихъ намъ и надо. Къ вамъ, бургундскій герцогъ,
Мы прежде обратимся. Съ королемъ
Вы спорите за нашу дочь меньшую.
Скажите жъ намъ: за ней, по меньшей мѣрѣ,
Приданаго хотите сколько вы?

Герцогъ.

Не больше и не меньше, государь,
Чѣмъ обѣщали вы.

Лиръ.

Да, было время,
Когда мы сами, благородный герцогъ,
Недешево цѣнили нашу дочь.
Теперь цѣна ея упала. Если въ этомъ
(Указываетъ на Корделію)
Презрѣнномъ, но красивенькомъ созданьи
Приходится вамъ что-нибудь по вкусу,
То можете вы взять его себѣ
Съ приданымъ гнѣва нашего.

Герцогъ.

Смущенъ я...

Лиръ.

Сэръ,
Хотите ль вы ее, съ ея порокомъ,
Намъ чуждую, отвергнутую нами,
Съ приданымъ вѣчной ненависти нашей,
Себѣ взять въ жены?

Герцогъ.

Государь, простите:
Бракъ невозможенъ послѣ словъ такихъ!

Лиръ.

Такъ бросьте же ее. Клянуся небомъ,
Вамъ описалъ я всѣ ея богатства.
(Королю французскому).
Вамъ, государь, не смѣлъ бы я воздать
За вашу дружбу столь постыднымъ бракомъ
И потому прошу васъ—взять въ подруги
Достойнѣйшую васъ,—не эту тварь,
Намъ ненавистную, позоръ самой природы.

Король.

Рѣчь странную я слышу! Какъ, она,
До сей поры любимѣйшая дочь,
Предметъ похвалъ и старости подпора,
Изъ всѣхъ дражайшая, могла мгновенно
Любви отца лишиться? Сэръ! конечно,
Чудовищна вина, любовь такую
За-разъ сломившая.—Но не могу
Безъ чуда я такой винѣ повѣрить.
Въ Корделіи не допускаетъ разумъ
Чудовищныхъ пороковъ!

Корделія (отцу).

Государь!
Хоть нѣтъ во мнѣ умѣнья говорить
О томъ, чего нѣтъ въ сердцѣ, хоть всю жизнь
Безъ гибкихъ словъ я дѣйствовать умѣла,
Но все жъ прошу я васъ извѣстнымъ сдѣлать,
Что не порокъ, убійство или низость,
Худое дѣло иль безчестный шагъ
Отцовской милости меня лишили.
Я знаю, въ чемъ вина моя. Я знаю,
Нѣтъ у меня просящихъ вѣчно взглядовъ,
Нѣтъ льстивой рѣчи, и хоть я лишаюсь
Любви отца чрезъ то, но не жалѣю
Отомъ, что нѣтъ ихъ.

Лиръ.

Лучше бъ не родиться
Тебѣ на свѣтъ, чѣмъ мнѣ не угодить!

Король.

И въ этомъ все? Природная стыдливость,
Застѣнчивость, которая такъ часто
Не въ силахъ мѣтко изъясняться? Герцогъ,
Что скажете принцессѣ вы? Когда
Любовь у васъ съ разсчетомъ неразлучна,
То, не любовь она. Хотите взять
Вы женщину, которая сама
Дороже чѣмъ приданое?

Герцогъ бургундскій.

Когда
Вѣнчанный Лиръ лишь только согласится
Дать дочери обѣщанную часть,
Я за руку Корделію возьму,
Какъ герцогиню и жену.

Лиръ.

Я клялся,
Я въ клятвѣ твердъ—не дамъ я ничего.

Герцогъ (Корделіи).

Мнѣ жаль васъ: такъ отвергнулъ васъ отецъ,
Что вы лишитесь мужа.

Корделія.

Не трудитесь
О томъ жалѣть: я не хочу любви
Съ разсчетомъ на приданое.

Король французскій.

Принцесса!
Какъ ты богата въ нищетѣ своей,
Какъ ты мила—въ немилости отцовской!
Я радостно беру тебя,—съ богатствомъ
Души твоей, отвергнутую всѣми.
Я брошенное поднялъ, и законна
Моя добыча, и любовь моя
Отъ общаго презрѣнья разгорѣлась.
Король! твоя отверженная дочь
Теперь царица Франціи прекрасной.
Подвластны ей я самъ и мой народъ,
И герцогамъ Бургони многоводной
Ужъ не купить красавицы-дѣвицы,
Которой не умѣютъ здѣсь цѣнить!
(Корделіи).
Корделія! простись съ родней суровой,
И безъ нея свою нашла ты долю!

Лиръ.

Бери жъ ее, она твоя, король!
Нѣтъ дочери такой у насъ... скорѣе!..
Мы видѣть не хотимъ ея лица...
Скорѣе въ путь! Отъ насъ вы не дождетесь
Благословенія и ласкъ прощальныхъ.
Пойдемте, герцогъ мой!
(Лиръ и Герцогъ бургундскій уходятъ).

Король французскій.

Простись съ сестрами.

Корделія.

Сокровища родителя, въ слезахъ
Я покидаю васъ. На злое слово
Я не могу рѣшиться, хоть и знаю,
Въ чемъ слабы вы. Заботьтесь объ отцѣ:
Его ввѣряю вамъ я. Оправдайте
Все, что сказали вы; но еслибъ онъ
Меня любилъ, ему бы я нашла
Пріютъ, быть можетъ, лучшій... До свиданья.

Гонерилья.

Нельзя ль безъ наставленій?

Регана.

Поучись-ка
Ты лучше, какъ бы мужу угождать,
Что взялъ тебя изъ милости. Покорность
Не по тебѣ, какъ видно, и за то
Достойное снесла ты наказанье.

Корделія.

Кто виноватъ и правъ, покажетъ время.
Прощайте, сестры!

Король.

Милая, пойдемъ.
(Французскій король и Корделія уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ III, СЦЕНА 2.

(*Дикая степь. Буря, дождь, громъ и молнія*)
Входятъ Лиръ и Шутъ.

Лиръ.

Злись, вѣтеръ! дуй, пока не лопнутъ щеки!
Вы, хляби водъ стремитесь ураганомъ!
Залейте башни, флюгера на башняхъ!
Вы, сѣрные и быстрые огни,
Предвѣстники громовыхъ тяжкихъ стрѣлъ,
Дубовъ крушители, летите прямо
На голову мою сѣдую! Громъ небесный,
Все потрясающій, разбей природу всю,
Расплюсни разомъ толстый шаръ земли
И разбросай по вѣтру сѣмена,
Родящія людей неблагодарныхъ!

Шутъ.

Что, куманекъ, подъ кровлей-то сидѣть получше, я думаю, чѣмъ здѣсь, подъ дождемъ шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше съ дочерьми. Въ такую ночь и умнику и дураку—обоимъ плохо!

Лиръ.

Реви всѣмъ животомъ! дуй, лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ,
И громъ и дождь—не дочери мои!
Въ жестокости я васъ не укоряю:
Я царства вамъ не отдавалъ при жизни,
Дѣтьми моими васъ не называлъ.
Вы не подвластны мнѣ, такъ тѣшьтесь смѣло
Вы надо мной, стоящимъ въ вашей власти,
Презрѣннымъ, хилымъ, бѣднымъ старикомъ!
Такъ, тѣшьтесь въ волю, подлые рабы,
Угодники двухъ дочерей преступныхъ,

Когда не стыдно вамъ идти войною
Противу головы сѣдой и старой,
Какъ эта голова. О, о! позоръ!

Шутъ.

Умный тотъ человѣкъ, у кого теперь есть домъ съ крышкой.

Входитъ Кентъ.

Лиръ.

Я буду терпѣть молча. Я не скажу ни слова болѣе.

Кентъ.

Кто тутъ?

Шутъ.

Король и колпакъ, мудрецъ и дуракъ.

Кентъ.

Мой государь! какъ! здѣсь вы? изъ людей
Никто не видѣлъ ночи больше страшной!
Отъ гнѣвныхъ тучъ ночные звѣри даже
Пугаются въ горахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ помнить
Себя я сталъ, такихъ огня потоковъ
И взрывовъ оглушительнаго грома,
И стоновъ вѣтра съ ливнемъ никогда
Не видѣлъ и не слышалъ я! Нѣтъ силъ
Все это человѣку снесть!

Лиръ.

Пусть боги
Великіе, что громъ надъ нами держатъ,
Теперь творятъ расправу. Трепещи,
Злодѣй, себя укрывшій отъ закона!
Убійца ближняго съ рукой кровавой,
Клятвопреступникъ и прелюбодѣй,
Отъ всѣхъ сокрытый! Злобный лицемѣръ,
Исподтишка злодѣйства замышлявшій,
Дрожи теперь жестокой смертной дрожью!
Откройте скрытые свои грѣхи,
Развейте тайные изгибы сердца
И съ плачемъ умоляйте громъ небесный
Васъ пощадить. Я человѣкъ, который
Зла терпитъ болѣе, чѣмъ сдѣлалъ самъ.

Кентъ.

Съ открытой головой онъ... горе! горе!
Мой добрый государь! здѣсь есть шалашъ:
Тамъ вы укройтесь; я жъ опять пойду
Къ жестокосердымъ людямъ, въ домъ проклятый,
Куда сейчасъ стучался я напрасно,
Про васъ освѣдомляясь; тамъ я силой
Всѣхъ подниму.

Лиръ.

Мѣшается мой умъ.
Пойдемъ, мой другъ! Что, холодно тебѣ?
Я самъ озябъ. Товарищъ, гдѣ жъ солома?
Нужда—вещь чудная: пустой предметъ
Безцѣннымъ дѣлаетъ она. Ну, что же?
Гдѣ твой шалашъ? Иди, дуракъ мой бѣдный,
Иди за мной. Я чувствую, что въ сердцѣ
Моемъ есть жалость. Я тебя жалѣю.

СЦЕНА 4.

(*Часть дикой степи съ шалашомъ*).
Входятъ Лиръ, Кентъ и Шутъ.

Кентъ (у шалаша).

Вотъ здѣсь. Войдите, добрый государь:
Въ такую ночь, и подъ открытымъ небомъ,
Не слѣдуетъ ходить.

Лиръ.

Оставь меня.

Кентъ.

Войдите, государь.

Лиръ.

Ты хочешь сердце
Мнѣ разорвать?

Кентъ.

Мое пусть рвется прежде.
Мой добрый государь, войдите.

Лиръ.

Ты думаешь, промокнуть до костей —
Бѣда большая. Ты и правъ отчасти;
Но тамъ, гдѣ насъ грызетъ недугъ великій,
Мы меньшаго не слышимъ. Отъ медвѣдя
Ты побѣжишь, но, встрѣтивъ на пути
Бушующее море, къ пасти звѣря
Пойдешь назадъ. Когда спокоенъ разумъ,
Чувствительно и тѣло,—буря въ сердцѣ
Моемъ всѣ боли тѣла заглушаетъ,

(Указываетъ на сердце).

И боль одну я знаю. Эту боль —
Дѣтей неблагодарность. Что же это?
Не то же ль, что уста терзаютъ руку,
Что пищу имъ даетъ! Нѣтъ, нѣтъ! я плакать

Не стану больше. Отплачу я страшно!
Въ такую ночь не дать мнѣ крова! Лей!
Снесу я все! Регана, Гонерилья!
Въ такую ночь! Сѣдаго старика,
Отца, отдавшаго вамъ все на свѣтѣ
Изъ доброты своей... нѣтъ, замолчу,
Чтобъ разумъ не померкнулъ.

Кентъ.

Государь,
Войдите!

Лиръ.

Самъ войди, прошу тебя,
И успокойся самъ; меня же буря
Отъ тяжкихъ размышленій отвлекаетъ.
Иду, иду! Ступай впередъ, бѣдняга,
(Шуту)
Голякъ бездомный, ну, ступай подъ кровлю;
Я жъ помолюсь и лягу спать ужъ послѣ.
(Шутъ уходитъ).
Вы, бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ бъ эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую,
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?
Кто пріютитъ васъ, бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я! Учись, богачъ,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
Имъ отдавай, чтобъ оправдать тѣмъ Небо!

Голосъ Эдгара (въ шалашѣ).

Сажень, сажень съ половиной! бѣдный Томъ!

Шутъ (выбѣгаетъ изъ шалаша).

Не ходи туда, кумъ: тамъ злые духи! Ай, страшно!

Кентъ.

Дай руку! Кто тутъ?

Шутъ.

Злой духъ, злой духъ, его зовутъ Томомъ!

Кентъ.

Кто тамъ рычитъ въ соломѣ? Выходи!
(Выходитъ Эдгаръ въ видѣ сумасшедшаго).

Эдгаръ.

Прочь! за мной бѣжитъ дьяволъ! Холодный вѣтеръ дуетъ сквозь колючій терновникъ! Иди грѣться въ холодную постель.

Лиръ.

Ты отдалъ все двумъ дочерямъ своимъ и до того дошелъ?

Эдгаръ.

Дайте что нибудь бѣдному Тому. Злой духъ гонялъ его по огню и пламени, по бродамъ и пучинамъ, по болоту и ямамъ, клалъ ему ножи вмѣсто подушки, кормилъ мышьякомъ. Будьте здоровы, добрые люди! Тому очень холодно. Дайте милостыню бѣдному Тому; бѣднаго Тома бѣсъ мучитъ!

(Буря продолжается).

Лиръ.

Какъ? все ты роздалъ дочерямъ своимъ?
Ты что себѣ сберегъ? ты все имъ отдалъ?

Шутъ.

Все, кромѣ лохмотьевъ, чтобъ стыдно не было.

Лиръ.

Пусть всѣ недуги, что тлетворный воздухъ
Таитъ въ себѣ для казни смертныхъ злобныхъ,
Теперь падутъ на дочерей твоихъ!

Кентъ.

У него нѣтъ дочерей, государь!

Лиръ.

Лжешь, рабъ! Однѣ лишь дочери-злодѣйки
До бѣдствій могутъ довести такихъ.
Иль нынче выгоняютъ всѣ отцовъ?
Иль надо, чтобъ они страдали больше?
Казнь дѣльная—они на свѣтъ родили
Чудовищъ-дочерей.

Эдгаръ.

Пилликокъ, пилликокъ! у! у! у!

Шутъ.

Всѣ мы, видно, одурѣемъ за эту холодную ночь.

Эдгаръ.

Берегись злаго духа, родителей слушайся, свято держи слово, носа не подымай, вина не пей, отъ женщинъ бѣгай. Сквозь терновникъ дуетъ холодный вѣтеръ. Бѣдный Томъ озябъ.

(Буря продолжается).

Лиръ

Лучше бы тебѣ лежать подъ землей,

нежели нагишомъ бродить подъ бурею. Неужели этотъ человѣкъ—человѣкъ и ничего больше? Смотри на него хорошенько: на немъ нѣтъ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелку отъ червя. А, мы трое не люди,—мы поддѣланы? Вотъ человѣкъ, какъ онъ есть,—бѣдное, голое, двуногое животное. Прочь съ меня все чужое! (*Шуту*) Эй! разстегни здѣсь. (*Рветъ съ себя платье*).

Шутъ.

Что ты, кумъ, затѣялъ? не раздѣвайся: здѣсь негдѣ плавать. Эхъ! хоть бы какой огонекъ въ чистомъ полѣ, хоть бы одна теплая искра въ этой стужѣ! Глядите-ка, вонъ къ намъ идетъ огонекъ.

(Показывается Глостеръ съ факеломъ).

Эдгаръ.

Это злой духъ, что до первыхъ пѣтуховъ бродитъ. Я его знаю: онъ бѣды людямъ дѣлаетъ. Сгинь, окаянный!

Кентъ.

Что съ вами, государь?

(Входитъ Глостеръ съ факеломъ).

Лиръ.

Это кто такой?

Кентъ.

Кто тутъ? чего ты ищешь?

Глостеръ.

Что тутъ за люди, какъ зовутъ васъ?

Эдгаръ.

Бѣдный Томъ, что ѣстъ змѣй и ящерицъ, пьетъ стоячую воду, глотаетъ крысъ. Бѣднаго Тома бѣсы сѣкутъ на пустомъ полѣ, сажаютъ въ темницы и мучатъ ночью. Берегитесь злаго духа. Здѣсь злые духи. Тише, тише!

Глостеръ.

Какъ, мой государь, вы здѣсь съ этимъ безумцемъ?

Эдгаръ.

Всѣ бѣсы—джентльмены.

Глостеръ.

Настало время тяжкое,—и дѣти
Противъ своихъ родителей пошли!

Эдгаръ.

Озябъ бѣднята Томъ.

Глостеръ.

Мой государь,
Со мной пойдемте. Я не въ силахъ больше
Повиноваться вашимъ дочерямъ.
Пускай мнѣ велѣно замкнуть ворота
И бросить васъ на жертву ночи бурной,—
Я не могу ихъ слушаться. Готовы
Для васъ пріютъ, огонь и ужинъ.

Лиръ.

Прежде
Поговорю съ философомъ я этимъ
(Эдгару).
Скажи-ка мнѣ, что за причина грома?

Кентъ.

Мой добрый государь, идите жъ съ нимъ
Скорѣй подъ кровлю.

Лиръ.

Стой! скажу я слово
Вотъ съ этимъ ѳиванскимъ мудрецомъ.
Скажи,
Наука въ чемъ твоя?

Эдгаръ.

Какъ бѣса гнать,
Бить разныхъ гадовъ.

Лиръ.

Надо мнѣ тихонько
Спросить тебя.

Кентъ (Глостеру).

Просите жъ государя
Идти съ собой: мѣшается въ немъ разумъ.

Глостеръ.

О, виноватъ ли онъ? Его кончины
Желаютъ дочери. Ахъ, добрый Кентъ!
Гдѣ онъ теперь! Все предсказалъ онъ вѣрно.
Ты говоришь, что умъ у короля
Колеблется? Мой другъ, скажу тебѣ:
Я самъ къ тому же близокъ. Сынъ родной
Искалъ моей погибели. Мой другъ,
Его любилъ я нѣжно, какъ лишь можетъ
(Буря продолжается).
Отецъ любить дитя свое. Отъ горя
Къ безумію я близокъ. Что за ночь!
Пойдемте, государь...

Лиръ (Эдгару).

А, виноватъ!
Философъ благородный! просимъ съ нами.

Эдгаръ.

Томъ озябъ.

Глостеръ.

Иди въ шалашъ, бѣднякъ, и грѣйся тамъ.

Лиръ.

Всѣ, всѣ за нимъ!

Кентъ.

Нѣтъ, государь, вы съ нами.

Лиръ.

Нѣтъ, съ нимъ. Я съ мудрецомъ моимъ останусь.

Кентъ (Глостеру).

Мой добрый лордъ, утѣшьте государя,
Возьмите нищаго съ собой (*Эдгару*).
Пойдемъ же,
Пріятель, съ нами вмѣстѣ.

Лиръ.

Ну, пойдемъ же,
Аѳинянинъ мой добрый!

Глостеръ.

Тише, тише!

Эдгаръ.

Фу! фу! фу! пахнетъ британскою кровью.
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ IV, СЦЕНА 7.

(Палатка во французскомъ лагерѣ. Лиръ спитъ въ постели; Врачъ, Джентльменъ и проч. стоятъ вокругъ).

Входятъ Корделія и Кентъ.

Корделія.

Мой добрый Кентъ, Скажи, какой цѣной
Я заплачу за всѣ твои заслуги?
Жизнь коротка моя и средства малы.

Кентъ.

Я оцѣненъ царицей, и съ избыткомъ
Я награжденъ за все. Въ словахъ моихъ
Я былъ правдивъ и скроменъ.

Корделія.

Дни печали
Мнѣ твой нарядъ напомнилъ: скинь его,
Одѣнься, какъ велитъ твой санъ.

Кентъ.

Прошу я
У вашего величества прощенья.
Меня узнать здѣсь могутъ. И покуда
Я умоляю, для сокрытой цѣли,
Чтобъ вы меня не узнавали даже.

Корделія.

Пусть будетъ такъ, мой добрый лордъ!
(Врачу).
Скажи мнѣ,
Каковъ король?

Врачъ.

Еще онъ не проснулся.

Корделія.

О небеса благія!
Пошлите исцѣленье тяжкимъ ранамъ,
Возстановите силы, защитите
Отца, отъ горя ставшаго младенцемъ!

Врачъ.

Онъ долго спалъ, и если королевѣ
Угодно то, разбудимъ мы больнаго.

Корделія.

Не мнѣ рѣшать; какъ приказалъ твой разумъ,
Такъ поступай теперь. Одѣтъ король?

Джентльменъ.

Да, государыня; во время сна
Его переодѣли.

Врачъ.

Королевѣ
При немъ быть надобно. Увѣренъ я,
Что онъ спокоенъ будетъ.

Корделія.

Хорошо.

Врачъ.

(Музыкантамъ, которые вошли и стали въ палаткѣ).

Поближе, государыня! играйте,
Сильнѣй, сильнѣй!

Корделія.

Отецъ! отецъ мой милый!
Пускай уста мои передадутъ
Тебѣ здоровье съ поцѣлуемъ этимъ;
Пускай они залечатъ злую скорбь,
Что сестры нанесли тебѣ подъ старость!

Кентъ.

О милая и кроткая царица!

Корделія.

Когда бъ ты не былъ ихъ отцемъ, на жалость
Твои сѣдины вызвать ихъ могли!
Неужли эта голова встрѣчала
И буйный вѣтеръ, и удары грома?
Неужели надъ нею, беззащитной,
Змѣились молній стрѣлы, и всю ночь
Безъ крова оставался старецъ бѣдный?
Собака моего врага,—собака,
Кусавшая меня, въ такую ночь
Стояла бы у моего огня. А ты,
Отецъ мой бѣдный, въ эту ночь былъ долженъ

Искать убѣжища въ соломѣ смятой,
Въ норѣ, съ плутами, свиньями. О боги,
Какъ жизнь его съ умомъ не отлетѣла!
(Лиръ просыпается, Корделія дрожитъ и робѣетъ).
(Врачу).
Проснулся онъ. Заговори съ нимъ.

Врачъ.

Должно
Вамъ, государыня, съ нимъ говорить.

Корделія (Лиру).

Здоровъ ли мой великій повелитель?
Какъ чувствуетъ себя король?

Лиръ.

Зачѣмъ меня
Изъ гроба вынули? Ты ангелъ свѣтлый.
Но я прикованъ къ огненному кругу,
И плачу я, и эти слезы жгутся
Такъ, какъ свинецъ расплавленный.

Корделія.

Узнали
Меня вы, государь?

Лиръ.

Тебя я знаю:
Ты свѣтлый духъ. Давно ты умерла?

Корделія.

О горе! бредитъ онъ.

Врачъ.

Еще проснуться
Онъ не успѣлъ вполнѣ.

Лиръ.

Гдѣ былъ я? гдѣ я?
Какъ ясенъ день! Обманываюсь я?
Мнѣ тяжко было бъ видѣть человѣка
Такимъ, какъ я. Чтò говорить—не знаю.
Вотъ это руки, кажется, мои;
Я чувствую, что колется булавка—
И все не вѣрю.

Корделія.

Государь, взгляните
Вы на меня! Соедините руки
Съ благословеньемъ надо мною. Нѣтъ—
(Лиръ падаетъ передъ ней на колѣни).
Зачѣмъ хотите вы склонить колѣни?

Лиръ.

Прошу тебя: не смѣйся надо мною.
Я беззащитный, глупый старичишка;
За восемьдесятъ лѣтъ мнѣ, и едва ли
Я въ полномъ разумѣ, сказать по правдѣ.
Тебя я будто знаю, и его
(Указываетъ на Кента).
Я тоже знаю. Думается мнѣ
О томъ, гдѣ я. И платье это также
Взялось откуда? Гдѣ я спалъ всю ночь—
Опять не знаю. Все-таки не смѣйтесь.
Мнѣ кажется, какъ будто эта леди —
Дитя мое, Корделія!

Корделія.

Я, я!

Лиръ.

Дай мнѣ коснуться глазъ твоихъ. То слезы.
Они мокры. Прошу тебя, не плачь.
Дай яду мнѣ, коли онъ здѣсь. Я выпью.
Не любишь ты меня. Я безъ причины
Твоими сестрами былъ оскорбленъ;
Но у тебя причина есть.

Корделія.

Нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, нѣтъ причины!

Лиръ.

Гдѣ же я, скажите?
Во Франціи?

Кентъ.

Нѣтъ, въ вашемъ государствѣ.

Лиръ.

Не обижайте же меня.

Врачъ.

Утѣшьтесь,
О кроткая царица! Изступленье,
Какъ видите, прошло; но есть опасность
Въ воспоминаніяхъ о прошломъ горѣ.
Возьмите короля съ собой и дайте
Ему опомниться.

Корделія.

Мой государь,
Угодно вамъ пройтись?

Лиръ.

Да, да, съ тобою.
Прости и прошлое забудь. Я старъ и глупъ.

(Лиръ, Корделія, Врачъ и свита уходятъ).

Входитъ Король Лиръ съ мертвой Корделіей въ объятіяхъ. За Лиромъ Эдгаръ, офицеры, воины и толпа народа.

Лиръ.

О, войте! войте! вы изъ камня,
Изъ камня, люди! Если бъ я имѣлъ
И столько глазъ и столько языковъ,
Отъ слезъ моихъ и стоновъ сводъ небесный
Распался бы! Она на-вѣкъ заснула!
Я жизнь отъ смерти различать умѣю.
Она мертва, какъ комъ земли. Подайте
Мнѣ зеркало: когда ея дыханье
Стекла поверхность затемнитъ, скажу я,
Скажу я, что жива она!

Кентъ.

Насталъ
Послѣдній день для міра!

Эдгаръ.

Страшно, страшно!

Лиръ (держитъ перо у губъ Корделіи).

Тс... Перо зашевелилось!
Она жива! О, если это такъ,
То разомъ награжденъ я за страданья,
Какія въ жизни зналъ я!

Кентъ (бросаясь къ ногамъ Лира).

Государь!
Мой добрый государь!

Лиръ.

Прошу тебя,
Прочь, прочь!

Эдгаръ.

То другъ вашъ, честный Кентъ.

Лиръ.

Чума на васъ, измѣнники! убійцы!
Я бъ могъ спасти ее; теперь навѣки
Она ушла отъ насъ. Постой еще,
Корделія! Корделія! помедли
Хотя немного! А? что ты сказала?
У ней былъ нѣжный, милый, тихій голосъ,—
Большая прелесть въ женщинѣ. Убилъ я
Раба, который вѣшалъ дочь мою!

Офицеръ.

Такъ, онъ убилъ его.

Лиръ.

Убилъ, не такъ ли?
Когда-то было время, могъ бы я
Моею острой саблей ихъ заставить
Попрыгать всѣхъ; теперь я старъ. Отъ горя
Я ослабѣлъ. Здѣсь такъ темно. Глаза
Мои не зорки. Плохо вижу я;
Ты будто Кентъ?

Кентъ.

Я Кентъ, слуга вашъ вѣрный.
Гдѣ Кайюсъ, что служилъ вамъ?

Лиръ.

Умеръ онъ
И сгнилъ. Онъ, помнится, былъ честный малый;
Умѣлъ онъ храбро биться.

Кентъ.

Государь!
Не умеръ онъ, онъ здѣсь—я самъ...

Лиръ.

Увидимъ.

Кентъ.

Съ начала самаго страданій вашихъ
Я шелъ за вами слѣдомъ.

Лиръ.

Очень радъ
Тебя я видѣть здѣсь.

Кентъ.

Не можетъ быть
Здѣсь радости — все горько и печально!
Ужасной смертію погибли ваши
Двѣ дочери.

Лиръ.

Мнѣ кажется, что такъ.

Альбани.

Не знаетъ онъ, что говоритъ. Напрасно
Къ нему мы обращаемся.

Эдгаръ.

Такъ точно.

(**Входитъ офицеръ**).

Офицеръ.

Эдмундъ скончался.

Альбани.

Намъ не до Эдмунда.
Вы лорды и друзья мои, узнайте
Намѣренія наши. Чѣмъ лишь можемъ
Утѣшить мы великаго страдальца,
Все будетъ сдѣлано. Всю нашу власть
Мы старцу королю предоставляемъ:

Пусть царствуетъ до гроба. (*Эдгару и Кенту*).
Вамъ обоимъ
Права мы возвращаемъ и еще
Васъ наградимъ. За вѣрность и добро
Почетъ друзьямъ; враги же пусть осушатъ
Всю чашу золъ. Глядите! о, глядите!
(Указываетъ на Лира).

Лиръ (около трупа Корделіи).

Повѣшена моя малютка! нѣтъ, нѣтъ жизни!
Зачѣмъ живутъ собака, лошадь, крыса,
Въ тебѣ жъ дыханья нѣтъ? О, никогда
Ты не придешь, ты не вернешься къ намъ!
Никогда! никогда! никогда! никогда!
(Офицеру).
Пожалуйста, вотъ пуговицу эту
Мнѣ отстегните. Сэръ, благодарю васъ,
Вы видите ли это? Поглядите
Вы на нее. Уста ея... взгляните,
Взгляните... о, взгляните!...
(Умираетъ).

Эдгаръ.

Онъ въ обморокѣ! Государь!

Кентъ.

О сердце,
Когда ты разорвешься!

Эдгаръ.

Поглядите!...

Кентъ.

Не оскорбляй души его: пускай
Она отходитъ съ миромъ; только врагъ
Его вернуть захочетъ къ пыткамъ жизни.

Эдгаръ.

Такъ умеръ онъ?

Кентъ.

Какъ могъ еще страдалецъ
Такъ долго жить и мучиться такъ долго?

Альбани.

Несите мертвыхъ. Намъ одно осталось:
Великій плачъ. Вамъ, вѣрные друзья,
(Кенту и Эдгару)
Сдаю я власть надъ царствомъ и заботы
Объ участи его.

Кентъ.

Нѣтъ, герцогъ, надо
Мнѣ въ путь идти—меня король зоветъ!

Альбани.

Смиримся же предъ тяжкою годиной;
Безъ ропота дадимъ мы волю сердцу.
Всѣхъ больше вынесъ старецъ, намъ же всѣмъ
Не видѣть стольких лѣтъ и столько горя.
(Уходитъ при звукахъ погребальной музыки).

А. Дружининъ.

---

282. ГОРАЦІИ, ТРАГЕДІЯ КОРНЕЛЯ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 1.

Старый Горацій, Камилла.

Ст. Горацій.

Не смѣй оправдывать измѣнника вины,
Чтобъ онъ бѣжалъ отца, какъ братіевъ жены;
Какъ жизнь любезную сберечь онъ ни старался,
Весь трудъ его погибъ, лишь мнѣ бы повстрѣчался.
Будь онъ Сабинѣ менѣ милъ, но я клянусь вновь
Богами вѣчными, что нечестивца кровь...

Камилла.

Родитель, выслушай мое за брата слово:
И Римъ о немъ судить не можетъ столь сурово,
Но развѣ сѣтовать, виня судьбу свою,
О доблести, числомъ осиленной въ бою.

Ст. Горацій.

Судъ Рима здѣсь ничто и не покровъ злодѣю.
Камилла, я отецъ и власть свою имѣю,
Мнѣ доблесть истая извѣстна издавна;
Предъ множествомъ враговъ не малится она,
Но, мужествомъ крѣпясь противъ числа и силы,
Стоитъ, упорствуетъ и бьется до могилы.
Умолкни... но зачѣмъ Валерія я зрю?

ЯВЛЕНІЕ 2.

Старый Горацій, Камилла, Валерій.

Валерій.

Къ утѣхѣ скорбнаго родителя, царю
Угодно, чтобы я...

Ст. Горацій.

Валерій! утѣшенье
Словами—слабое мнѣ въ скорби облегченье.
Я радъ, что былъ отцемъ хотя двоимъ сынамъ,
Въ сраженьи смерть себѣ нашедшимъ, а не срамъ;
Какъ мужи честные, они безъ укоризны
Жизнь предали въ бою къ спасенію отчизны.

Валерій.

Теперь тебѣ всѣ три замѣнятся однимъ.

Ст. Горацій.

Пусть имя навсегда и родъ мой гибнетъ съ нимъ!

Валерій.

Одинъ ты можешь ли винить его напрасно?

Ст. Горацій.

Одинъ и накажу злодѣйствіе ужасно.

Валерій.

Похвалъ достоинъ онъ, и ты его отецъ!.

Ст. Горацій.

Какую похвалу могъ заслужить бѣглецъ?

Валерій.

Въ семъ случаѣ побѣгъ—путь славы и спасенья.

Ст. Горацій.

Не множь, Валерій, мнѣ позора и смущенья.
Я жилъ довольно лѣтъ, но не слыхалъ въ мой вѣкъ,
Чтобъ бѣгствомъ проложилъ путь къ славѣ человѣкъ.

Валерій.

Ни въ чемъ не зрю тебѣ смущенья, ни позора.
Прославилъ онъ, и спасъ, и возвеличилъ Римъ,
И счастливый отецъ гордиться долженъ имъ.

Ст. Горацій.

Но гдѣ жъ спасеніе, величіе и слава?
Подвластны мы, на насъ Альбійская держава.

Валерій.

О чемъ вѣщаешь ты! какая Альбы власть?
Или событія ты знаешь только часть?

Ст. Горацій.

Я знаю то, что въ бѣгъ измѣнникъ обратился.

Валерій.

Но споръ о первенствѣ концемъ инымъ рѣшился;
Узрѣли вскорѣ всѣ, что сей побѣгъ есть ковъ,
Бойцемъ замышленный на пагубу враговъ.

Ст. Горацій.

Какъ! Римъ нашъ въ торжествѣ!

Валерій.

Познай, о мужъ почтенный,
Какъ сынъ прославился, тобою осужденный.
Одинъ противникомъ оставшися троимъ,
Но трое ранены, одинъ же невредимъ,
И слабъ противу всѣхъ, но каждаго сильнѣе,
Онъ вымыслъ изобрѣлъ, да побѣдить вѣрнѣе:
Притворствуя бѣжитъ и, хитростью такой
Трехъ братій разлучивъ, ихъ манитъ за собой;
Они во слѣдъ ему, не усмотрѣвъ обмана,
Спѣшатъ, сколь каждому его дозволитъ рана;
Стремленье ихъ равно, но язвы не равны,
И другъ отъ друга тѣмъ они отдалены.
Горацій, видя то, лицемъ къ нимъ обратился
И вѣрною тогда побѣдою польстился;
Ждетъ перваго къ себѣ, и первый былъ твой зять.
Тотъ, изумясь, что врагъ смѣлъ обратиться вспять,
Вотще, напавъ тотчасъ, безстрашіе являетъ,
Кровь язвы прежнія въ немъ силы убавляетъ,
И Альба, битвы ихъ страшась въ свою чреду,
Гласитъ второму вслѣдъ, да упредитъ бѣду;
Спѣшитъ онъ, крови всей ничто ему утрата,

Прибѣгъ; но поздно все: уже не стало брата.

Камилла.

Увы!

Валерій.

Усталость, трудъ не страшны для него,
И мѣсто заступилъ онъ брата своего;
Но храбрость тщетная въ немъ обманула силу:
За брата мнилъ отмстить и съ нимъ нашелъ могилу.
Весь воздухъ всколебалъ двухъ воинствъ шумный кликъ;
На Альбу ужасъ палъ, Римъ радостью возникъ.
Но, близкій зря конецъ счастливаго сраженья,
Герой воззвалъ гордясь въ слухъ вражья ополченья:
«Въ честь братниныхъ тѣней я поразилъ двоихъ;
Послѣдняго жъ изъ трехъ противниковъ моихъ
Отчизны выгодамъ я обрекаю въ жертву».
Сказалъ и бросился къ альбійцу полумертву.
Побѣда вѣрная ждала съ такимъ врагомъ:
Покрытый язвами, онъ двигался съ трудомъ;
И какъ телецъ, во храмъ влекомый на закланье,
Подъ ножъ склоняется. Такъ, испустивъ стенанье,
Во грудь ударенный, несчастный воинъ сей
Власть Рима утвердилъ кончиною своей.

Ст. Горацій.

О сынъ мой! кровь моя! мнѣ старцу утѣшенье!
Отчизны гибнущей опора и спасенье!
Честь рода и земли, прославленныхъ тобой!
Прямой Горацій ты и римлянинъ прямой.
Въ объятіяхъ твоихъ когда же съ восхищеньемъ
Забуду, что тебя обидѣлъ подозрѣньемъ?
О если бъ оросить ужъ небо мнѣ дало
Слезами радости побѣдное чело!

Валерій.

Ты можешь вскорѣ съ нимъ свиданьемъ насладиться,
И вскорѣ отъ царя онъ долженъ возвратиться;
Теперь же шествуетъ Гостилію вослѣдъ,
Да въ мзду, достойную дарованныхъ побѣдъ,
Свершатъ усердья долгъ предъ щедрыми богами
И пѣснями торжествъ и теплыми мольбами.
А завтра, только свѣтъ появится зари,
Для принесенья жертвъ украсятъ алтари:
Такъ повелѣлъ самъ царь; мнѣ жъ далъ онъ порученье
Сказать тебѣ его и радость и жалѣнье.
Исполнивъ сей приказъ, иду отсель къ нему,
Счастливъ, что вкупѣ могъ я сердцу твоему
Веселье возвратить, принести вѣсть благую.

Ст. Горацій.

Да боги наградятъ теба за вѣсть такую!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Старый Горацій, Камилла.

Ст. Горацій.

Утѣшься, дочь моя! теперь не слезъ чреда;
Сегодня начались счастливые года.
Утраты собственны должны намъ быть любезны,
Когда онѣ всему отечеству полезны.
Римъ Альбу побѣдилъ: чего еще желать?
Все благо, не о чемъ тужить, ни вспоминать.
Потеря жениха ужель невозвратима?
Повѣрь мнѣ, дочь моя, что всѣ граждане Рима
Отнынѣ честію поставятъ для себя,
Когда кому изъ нихъ въ супруги дамъ тебя.

Теперь спѣшу отсель къ несчастливой Сабинѣ—
Утѣшить коль могу во злой ея судбинѣ;
Трехъ братіевъ лишась супруга отъ руки,
Ей можно истинно восплакатьотътоски;
Но душу сильную сестры твоей я знаю,
И первой горести давъ волю, уповаю,
Что вскорѣ разумъ власть надъ ней восприметъ вновь
И укрѣпитъ еще супружнюю любовь.
Хотя сокрой печаль: она душъ слабыхъ свойство;
Твой братъ придетъ—почти въ немъ доблесть и геройство;
Сестрой ему явись, чтобы въ семьѣ своей
Еще я видѣть могъ хотя двоихъ дѣтей.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Камилла (одна).

Увидишь нынѣ же, отецъ немилосердый,
Что смерть слаба прервать союзъ любови твердый,
И что не внемлетъ страсть злодѣевъ тѣхъ словамъ,
Кого враждебный рокъ роднымиизбралъ намъ.
Ты страсть сію винишь и слабостью считаешь:
Она мнѣ тѣмъ милѣй, что ею ты страдаешь.
Отецъ безжалостный! хочу, чтобы она
Была, какъ жребій мой,ужаснаисильна.
И кто, подобно мнѣ, всю власть извѣдалъ рока?
Къ кому была его премѣна столь жестока?
Чьи радости живѣй? чьи горше токи слезъ?
И кто удары всѣ до смертнаго понесъ?
Чей духъ въ единый день такъ волновался прежде
Въ весельи, въ горести, и въ страхѣ, и въ надеждѣ,
И чувства чьи, премѣнъ неслыханныхъ рабы,
Бывали столькоразъигралищемъсудьбы?
Оракулъ утѣшалъ — страшило сновидѣнье;
Миръ успокоилъ вновь: отсрочено сраженье;
Мой бракъ готовится—и въ тотъ же самый мигъ
Сражаться избраны мой братъ и мой женихъ.
Всѣ противъ выбора злодѣйскаго возстали,
Хотѣли ихъ развесть—и боги въ бой призвали.
Римъ побѣжденъ сперва, и Куріацій мой
Меча не обагрилъ въ крови моей родной.
О боги! мало ли тогда ужъ я страдала,
Когда о Римѣ вдругъ и братіяхъ рыдала?
Иль на себя вашъ гнѣвъ тѣмъ болѣ навлекла,
Что я еще любить и уповать могла?
Вы смертію его достойно мнѣ воздали;
Вы все устроили для вящшей мнѣ печали;
Соперникъ поспѣшилъ въ глазахъ моихъ принесть
Несчастной смерти сей убійственную вѣсть,
И радость полную послали вы злодѣю,
Не Рима торжествомъ, но скорбію моею;
Успѣха ждетъ себѣ онъ бѣдствіемъ чужимъ,
И такъ же, какъ мой братъ, возносится надъ нимъ.
Но все сіе ничто; велятъ мнѣвеселиться,
Достойною сестрой Горацієвъ явиться,
Побѣду праздновать имъ радостнаго дня,
И руку лобызать пронзившую меня...
О чемъ же плакать? гдѣ жъ бѣда и огорченье?
Стенаніе имъ стыдъ, а ропотъ—преступленье;
Побѣда Рима все замѣнитъ мнѣ одна,
И я примѣру ихъ послѣдовать должна.
Что дѣлать? постыдимъ мужей великодушныхъ,
Безстрашныхъ, должности и чести лишь послушныхъ;

Пусть слабой назовутъ: честна и слабость тамъ,
Гдѣ добродѣтель вся — безчувственность къ бѣдамъ.
Явись, оскорбь моя, и не скрывайся долѣ!
Когда погибло все, чего страшиться болѣ?
Ты побѣдителя свирѣпаго не чти,
Не убѣгай предъ нимъ, но паче возрасти,
Побѣду оскорби, на гнѣвъ его подвигни,
Въ немъ душу уязвить всей силою достигни,
И насладись, когда его услышишь стонъ.
Я внемлю шумъ, идутъ: о небеса! вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Камилла. Молодой Горацій. Воинъ, несущій три меча.

М. Горацій.

Сестра, вотъ та рука, которой нынѣ сила
За нашихъ братій смерть противникамъ отмстила,
Низвергла Альбу, Римъ избавила стыда,
И двухъ градовъ судьбу рѣшила навсегда.
Зри знаки почестей, трудовъ моихъ награду,
И радостью своей умножь мою отраду.

Камилла.

Ты самъ зри плачъ сестры и веселися имъ.

М. Горацій.

Чуждъ скорби долженъ быть побѣдоносный Римъ;
И наши братія, убитые врагами,
Отмщенны кровію, не дорожатъ слезами:
Утрата жизни имъ въ семъ счастіи мила.

Камилла.

Коль кровь пролитая утѣшить ихъ могла,
Я предъ тобою ихъ оплакивать не буду,
И братій смерть, тобой отмщенную, забуду;
Но кто за жениха любезнаго отмститъ?
Кто мнѣ забыть о немъ въ единый мигъ велитъ?

М. Горацій.

Что ты, несчастная!

Камилла.

О Куріацій милой!

М. Горацій.

Сестра! едва стерпѣть не оскудѣлъ я силой.
Когда врага римлянъ я сокрушилъ мечемъ,
Ты смѣешь сѣтовать и мнѣ твердить о немъ!
Душа твоя, горя неистовой любовью,
За жениха моей упиться жаждетъ кровью!
Смириться повели и сердцу и устамъ;
Безумный плачъ сестры, какъ братъ, я чту за срамъ.
Онъ мертвъ: забудь его; ищи иной бесѣды:
Честь рода нашего и честь моей побѣды
Отнынѣ заглушить должны любовь твою.

Камилла.

Такъ дай же, о злодѣй, ты душу мнѣ свою!
Моя, познай ее, не измѣнитъ во-вѣки;
Его мнѣ возврати, или терпи упреки.
Въ одномъ былъ весь мой свѣтъ и радость вся моя:
Живой, онъ былъ мнѣ богъ; о мертвомъ плачу я.
Ты не ищи во мнѣ сестры своей несчастной:
Внемли любовницѣ отчаянной и страстной;
Она, какъ фурія, носясь тебѣ во слѣдъ,
Смутитъ проклятьемъ слухъ, надменный отъ побѣдъ.
О кровопійца злой, скучающій слезами!
Ты мнѣ велишь вознесть убійство похвалами,
Съ весельемъ зрѣть его дымящуюся кровь
И жениха самой убить по смерти вновь!
Дай богъ отнынѣ золъ такихъ тебѣ достигнуть,
Чтобъ жребій мой тебя на зависть могъ подвигнуть,
И чтобъ ты, честь свою злодѣйствомъ оскверня,
Былъ въ ненависть для всѣхъ, какъ нынѣ для меня!

М. Горацій.

О небо! нѣтъ конца, ни мѣры изступленью.
Иль мыслишь ты, что я безчувственъ къ оскорбленью,
Что попущу сестрѣ безчестить весь нашъ родъ?
Чти благомъ смерть, благой принесшую намъ плодъ,
Забудь, что влюблена была ты и любима;
Отчизну вспомяни, и честь, и пользу Рима.

Камилла.

Римъ, гнѣва моего единственный предметъ!
Римъ, жертвой чьей погибъ женихъ мой въ цвѣтѣ лѣтъ!
Римъ, гдѣ родился ты, твою гдѣ славу вижу!
Римъ, наравнѣ съ тобой который ненавижу!
Да сила сложная сосѣднихъ всѣхъ племенъ
Сотретъ сей новый градъ до основанья стѣнъ;
И коль Италія слаба воспрянуть къ бою,
Да западъ и востокъ подвигнутся войною;
Да всѣ концы земли, враждой къ нему горя,
Прейдутъ на зло ему и горы и моря;
Да самъ онъ, на себя свои обрушивъ стѣны,
Руками раздеретъ трепещущіе члены;
Небесный гнѣвъ, возженъ молитвою моей,
Да одождитъ его потоками огней!
О если бъ здѣсь могла я зрѣть падущи громы,
Вѣнецъ во прахѣ твой, римлянъ горящи домы,
Послѣдняго изъ нихъ послѣдній вздохъ узрѣть,
И, бывъ всему виной, въ восторгѣ умереть!

М. Горацій (закалывая ее).

Терпѣнья болѣ нѣтъ, теряю умъ и силу.
Иди любезнаго оплакивать въ могилу!

Камилла.

Ахъ! извергъ!

М. Горацій.

Кто жалѣть врага отчизны смѣлъ,
Тому да будетъ ввѣкъ казнь смѣртная удѣлъ.

П. Катенинъ.

---

283. ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА, ТРАГЕДІЯ ШИЛЛЕРА.

прологъ.

Іоанна (долго стоитъ въ задумчивости).

Простите вы, холмы, поля родныя!
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости!
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться;
На-вѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья—луга, древа—мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать!
Ты, сладостный долины голосъ—эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечной,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно!

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены!
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыря бродить вы суждены!
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье,
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя,
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь ко мнѣ вѣщалъ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя...
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;

Не быть тебѣ душой семьи родныя,
Цвѣтущаго младенца не ласкать!...
Но въ битвахъ я главу твою прославлю,
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ —
Возьмешь Мою ты орифламу въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ,
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь надѣть корону».

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье...
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь, его прикосновенье;
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ...
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Себитвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

—

Дѣйствіе I, явленіе 10.

Іоанна, за нею чиновники орлеанскіе и множество рыцарей, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ иосматриваетъ предстоящихъ одною за другимъ.

Дюнуа (съ важностью).

Ты ль, дивная...

Іоанна (прерываетъ его величественно).

Ты Бога испытуешь!
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.

(Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены).

Король.

Мое лице ты видишь въ первый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

Іоанна.

Я видѣла тебя... но только тамъ,
Гдѣ ты ни кѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.

(Приближается и говоритъ таинственно).

Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда какъ все кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ—не ты ль, покинувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ выйти... Я твою молитву
Тебѣ скажу.

Король.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну—
Тогда твое признаю назначенье.

Іоанна.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы,
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній—
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ,
Иль незагламенной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ, и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война—
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

Король (отступая съ трепетомъ).

Но кто же ты, чудесная!... Откуда?...

(Всѣ въ изумленіи).

Іоанна.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона
И все отнять, чѣмъ праотцы твои,
Вѣнчанные, владѣли въ сей землѣ—
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.

(Король закрываетъ лице и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна, помолчавъ, продолжаетъ).

Скажу ль твою послѣднюю молитву?

Король.

Довольно! вѣрую: сего не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

Архіепископъ.

Откройся жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

Іоанна.

Святой отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ...
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близь села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы;
Къ нему толпой приходятъ богомольцы;
И близь него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце—
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропавшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой, и сказала:
«Узнай Меня, возстань, иди отъ стада;
Господь тебя къ иному призываетъ.
Возьми сіе святое знамя, мечъ
Сей опояшь и имъ неустрашимо
Рази враговъ народа Моего,
И проведи помазанника въ Реймсъ,
И увѣнчай его вѣнцемъ наслѣднымъ».
Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ сей погибельный дерзать?
«Дерзай — Она рекла мнѣ — чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ».
Тогда моихъ очей Она коснулась...
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ крылатыхъ серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: «Встань,
Господь тебя къ иному призываетъ».
Но въ третью ночь Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
«Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
Въ страданіи земное очищенье:
Смиренный здѣсь—возвышенъ будетъ тамъ».
И съ словомъ симъ Она съ Себя одежду
Пастушки сбросила и въ дивномъ блескѣ,
Явилась мнѣ царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла!

(Всѣ тронуты. Агнеса, въ слезахъ, закрываетъ лице руками).

Архіепископъ (по долгомъ молчаніи).

Должно молчать передъ глаголомъ неба
Сомнѣніе премудрости земной:
Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель,
Единый Богъ подобное творитъ.

Король.

Достоинъ ли я милости такой?...
Всевидящій, Необольстимый, Ты,
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь.

Іоанна.

Покорности всегда Господь доступенъ:
Смирился ты—тебя Онъ возвеличитъ.

Король.

И такъ съ врагомъ могу еще бороться?

Іоанна.

Я Францію во власть твою предамъ.

Король.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

Іоанна.

Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

Король.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

Іоанна.

По трупамъ ихъ тебя въ него введу.

Дюнуа.

Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ: слѣпо
За дивною мы бросимся во слѣдъ.
Намъ вождь—ея пророческое око;
А вѣрный ей защитникъ—этотъ мечъ.

Ла Гиръ.

Будь міръ на насъ; будь врагъ въ союзѣ съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди;
Мы рады въ бой. Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ.

Король.

Такъ, я тебѣ свое ввѣряю войско,
Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы,
Покинутый строптивымъ полководцемъ..
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

Іоанна.

Постой, дофинъ!
Орудіе могущества земнаго
Не совершитъ побѣды. Мечъ другой,
Предъизбранный сразить врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ мнѣ этотъ мечъ указанъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ.

Король.

Гдѣ?

Іоанна.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружій—
Военная добыча древнихъ лѣтъ;
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ: три лилеи золотыя
Изсѣчены на лезвеѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и побѣда.

Король.

Немедленно исполнить, Дю-Шатель!

Іоанна.

И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ Святую Дѣву
Съ Спасителемъ-Младенцемъ на рукахъ,
И подъ Ея стопами шаръ земной.
Въ ея рукѣ такое было знамя.

Король.

Исполню все.

Іоанна (къ Архіепископу).

Святой Архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.

(становится на колѣни).

Архіепископъ.

Не намъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье... Съ Богомъ
Гряди, а мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы.

Пажъ.

Герольдъ отъ графа Салисбури.

Іоанна.

Введи; Господь приводитъ къ намъ его.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Герольдъ.

Король.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою вѣстью?

Герольдъ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

Дюнуа.

Презрительный ругатель, какъ дерзаешь
Ты короля законнаго французовъ
Здѣсь, на его землѣ не признавать?
Твой санъ тебѣ защита; безъ того...

Герольдъ.

Одинъ король законный у французовъ;
Но онъ теперь живетъ въ британскомъ станѣ.

Король (къ Дюнуа).

Спокойся другъ... доканчивай, герольдъ!

Герольдъ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,
Которая пролита и прольется,

Свой грозный мечъ въ ножнахъ остановилъ;
И, гибнувшій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

Король.

Въ какой?

Іоанна.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ герольду.

Король.

Говори:
Тебѣ рѣшить судьбу войны иль мира.

Іоанна.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоемъ лицѣ?

Герольдъ.

Графъ Салисбури, вождь британцевъ.

Іоанна.

Лжешь,
Герольдъ; одни живые говорятъ:
И такъ твой вождь здѣсь говорить не можетъ.

Герольдъ.

Но вождь мой живъ — и здравіемъ и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

Іоанна.

Вчера былъ живъ — а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,
Когда стоялъ на башнѣ Латурнель.
Смѣешься ты моей чудесной вѣсти;
Но вѣрь не мнѣ—своимъ глазамъ, герольдъ.
Ты, въ лагерь свой вступая, будешь встрѣченъ
Печальными его похоронами.
Теперь скажи, въ чемъ ваше предложенье.

Герольдъ.

Когда тебѣ все тайное открыто—
Его сама ты знаешь безъ меня.

Іоанна.

Но знать его не нужно мнѣ теперь.
Внимай, герольдъ, внимай и повтори
Мои слова британскимъ полководцамъ:
Ты, англійскій король, ты, гордый Глостеръ,
И ты, Бэтфортъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго, божественнаго права.
Отъ Господа предъизбранная дѣва
Несетъ вамъ миръ иль гибель—выбирайте.
Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщалъ
Святую Францію—но моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога избранъ;
И вступитъ онъ въ столицу съ торжествомъ,
Любовію народа окруженный...
Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождямъ;
Но знай, когда съ сей вѣстію до стана
Достигнешь ты—ужъ дѣва будетъ тамъ,
Съ кровавою свободой Орлеана.

(**Уходитъ, всѣ за нею**).

Дѣйствіе IV, явленіе I.

(*Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены*).

Іоанна, (**стоитъ въ задумчивости, слушаетъ, потомъ говоритъ**).

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ;
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы;
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ;
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ;
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна;
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что розпила война;
Гордится Франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона,
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой:
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,

Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой.
Британскій станъ любви моей обитель;
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.
Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!
(Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую нѣжную мелодію).
Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ!
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ!

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте строй на строй!
Битва! дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.
(Помолчавъ, съ большею живостью).
Могла ли я его сразить? О! какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?... Какъ?... Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младый Валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье.
Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?
Несчастная, сей взоръ—твоя погибель;
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила тѣнь.
(Задумывается, вслушивается въ музыку, потомъ говоритъ).
Ахъ, почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была!
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица,
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты!...
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ...
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, нежелающихъ,
Нескорбящихъ, нетеряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшать судьбу царей?...
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Въ бурну жизнь меня умчала Ты...
Въ домъ владыки привела;
Но... лишь гибель указала Ты...
Я ль сей жребій избрала?

Жуковскій.

---

284. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

сцена 5.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ, 1603 г. Отецъ Пименъ; Григорій спящій).

Пименъ (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною!
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!...
Но близокъ день—лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ, и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ! и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ?

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови Господь
Тебя и днесь и присно и во-вѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся:
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ.
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ, если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи...
Мой старый сонъ не тихъ и небезгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!

Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный: тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ,
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Θеодоръ? на престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Θеодоръ
И называть великимъ патріархомъ,
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя!
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И въ мигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ:
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И, чудо! вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи: ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій (*Уходитъ*).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ;
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца:
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

сцена 7.

Царскія палаты. Два стольника.

Первый.

Гдѣ государь?

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи,
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй.

Вонъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый.

Какъ онъ угрюмъ! (*Уходятъ*).

Царь (входитъ).

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ, скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной:
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ.
Предчувствую небесный громъ и горе,

Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ:
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду:
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ — я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

———

СЦѢНА 10.

Царевичъ чертитъ географическую карту. Царевна. Мамка царевны.

Ксенія (цѣлуетъ портретъ).

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка.

И, Царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

Ксенія.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ).

Царь.

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ.

Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

Царь.

А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?

Ѳеодоръ.

Это Волга.

Царь.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.

Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семенъ Годуновъ).

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(*Ксеніи*) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходятъ).

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

Семенъ Годуновъ.

Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь-Василья
И Пушкина слуги пришли съ доносомъ.

Царь.

Ну.

Семенъ Годуновъ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь.

Гонца схватить.

Семенъ Годуновъ.

Ужъ послано въ догоню.

Царь.

О Шуйскомъ что?

Семенъ Годуновъ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семенъ Годуновъ.

Государь!
Онъ здѣсь уже.

Царь.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ).

Царь.

Сношенія съ Литвою! это что?...
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

(Входитъ Шуйскій).

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо, указывая на Ѳеодора)

Но, Государь....

Царь.

Царевичъ можетъ знать,
Что̀ вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

Царь.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ.

Шуйскій.

Все знаетъ онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь.

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.

Царь.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій.

Не вѣдаю.

Царь.

Но.... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, Царь, сильна твоя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

Царь.

Димитрія!... какъ? этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ, удались!

Шуйскій.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

Θеодоръ.

Государь,
Дозволишь ли?...

Царь.

Нельзя, мой сынъ, поди.
(Θеодоръ уходитъ).
Димитрія!...

Шуйскій.

Онъ ничего не зналъ.

Царь.

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ;
чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

Шуйскій.

Иду.

Царь.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?

Шуйскій.

Я, Государь?...

Царь.

Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

Шуйскій.

Клянусь тебѣ....

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильевичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запеклася язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

Царь.

Довольно, удались! (*Шуйскій уходитъ*).
Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицѣ
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась....

Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю,
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

СЦЕНА 21.

Москва. Царскія палаты.

Борисъ, Басмановъ.

Царь.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ:
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ.

Ахъ, государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь!

Царь.

День этотъ недалекъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Басмановъ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды,
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ;
Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.
(Входитъ бояринъ).
Что?

Бояринъ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить (*Уходитъ*).

Басмановъ.

Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась:
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому?
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый...
И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?
(Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).

Одинъ.

За лѣкаремъ!

Другой.

Скорѣе къ патріарху!

Третій.

Царевича, царевича зоветъ!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ.

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, царь умираетъ.

Басмановъ.

Боже!

Пятый.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулѣ; все царское семейство, всѣ бояре).

Царь.

Подите всѣ — оставьте одного
Царевича со мною. (*Всѣ удаляются*).
Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ; сейчасъ
Ты царствовать начнешь... О Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ надлежало бъ;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ.
Ты царствовать теперь по праву станешь.
Я, я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала.
Но ты, младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... слушай:
Совѣтника, во-первыхъ, избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ—а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по-пустому:
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ:
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость.
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь. Люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранителемъ остался.

Ѳеодоръ (*на колѣняхъ*).

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь.

Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...

(Входитъ Патріархъ, святители, за ними всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки, царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?
А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ, въ монахи царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.

Повремени, владыка патріархъ!
Я царь еще. Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору... Басмановъ,
Друзья мои!... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ.
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи,
И вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ пострижения. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

А. Пушкинъ.

II. КОМЕДІЯ.

285. ОБЛАКА, КОМЕДІЯ АРИСТОФАНА.

Стрепсіадъ.

Ба! да это что за человѣкъ тамъ виситъ въ корзинкѣ? (*Примѣчаетъ Сократа, внѣ дома висящаго въ корзинѣ*).

Ученикъ.

Это онъ самъ.

Стрепсіадъ.

Кто онъ самъ?

Ученикъ.

Сократъ.

Стрепсіадъ.

Сократъ!—Подойди же ты къ нему, покличь его погромче.

Ученикъ.

Самъ зови его; мнѣ недосугъ.

Стрепсіадъ.

Сократъ! Сократушка!

Сократъ.

Чего ты требуешь отъ меня, тварь пресмыкающаяся?

Стрепсіадъ.

Во-первыхъ скажи мнѣ пожалуй, что ты тамъ дѣлаешь.

Сократъ.

Парю по воздуху и наблюдаю солнце.

Стрепсіадъ.

Такъ ты боговъ-то презираешь, вися въ корзинѣ своей, а не на землѣ! Ежели бы...

Сократъ.

Никогда бы я не могъ постичь выспренняго, еслибы не возвышалъ мыслей моихъ отъ земли къ небу, еслибы не соединялъ утонченныхъ понятій моихъ со сродною имъ стихіею. Когда бы я наблюдалъ, стоя на землѣ, съ низу въ верхъ, то, конечно, ничего бы не открылъ: ибо земля, по свойству своему, втягивала бы въ себя тонкія испаренія ума моего, точно такъ, какъ рѣжуха всасываетъ въ себя земную влагу.

Стрепсіадъ.

Что ты это говоришь?—Умъ втягиваетъ испаренія въ рѣжуху: не такъ ли?—Сойди же ко мнѣ, сойди, Сократушка! Выучи меня тому, чему я пришелъ учиться.

Сократъ.

Чему же? (*Опускается на полъ и выходитъ изъ корзины*).

Стрепсіадъ.

Я хочу выучиться красно говорить. Отъ процентовъ, отъ проклятыхъ долговъ моихъ я пропадаю, погибаю: все имущество мое описывается.

Сократъ.

Какъ же ты могъ забыться до того, что по уши въ долги вошелъ!

Стрепсіадъ.

Меня разорила страсть къ лошадямъ: онѣ съѣли меня! Но ты, сдѣлай милость, выучи меня этой-то—другой-то наукѣ, способомъ которой не платятъ долговъ своихъ; а я за то дамъ тебѣ такую цѣну, какую ты самъ положишь, и въ томъ поклянусь тебѣ богами.

Сократъ.

Какими богами? Надобно тебѣ, во первыхъ, знать, что здѣшніе боги у насъ не ходячая монета.

Стрепсіадъ.

Такъ чѣмъ же клясться? Неужели, какъ византійцы, желѣзною монетою?

Сократъ.

Послушай, хочешь ли ты имѣть точное, истинное понятіе о божествѣ?

Стрепсіадъ.

Очень хочу. Клянусь тебѣ въ этомъ Зевсомъ, буде есть Зевсъ.

Сократъ.

И желаешь ли бесѣдовать съ Облаками, съ нашими богами?

Стрепсіадъ.

Безмѣрно желаю.

Сократъ.

Садись же на эту освященную койку.

Стрепсіадъ.

Сижу.

Сократъ.

Прими этотъ вѣнецъ.

Стрепсіадъ.

На что вѣнецъ? Ахъ, Сократъ, не готовите ли вы меня на жертву, какъ Атамаса?

Сократъ.

Нѣтъ! мы все это употребляемъ съ тѣми, коихъ пріобщаемъ къ нашимъ тайнамъ.

Стрепсіадъ.

Какая же мнѣ будетъ польза изъ того?

Сократъ.

Научишься говорить острокакъ шило, велерѣчиво какъ трещетка, тонко какъ просѣянная мука. Не опасайся только ничего.

Стрепсіадъ.

Смотри же, не обмани меня; а то я и вподлинну боюсь, чтобы ты не посыпалъ мнѣ муки на лобъ.

Сократъ.

Благоговѣй, старецъ, и моленія внемли!—Вседержитель царь, неизмѣримый, землю объемлющій, воздухъ! Эѳиръ пресвѣтлый! И вы, Облака, великіе боги, громъ пораждающіе, подымайтеся, являйтеся, о владыки, предъ воздушнымъ наблюдателемъ!

Стрепсіадъ.

Постой, постой! подожди! дай мнѣ закутатьсяхорошенько, чтобыдождемъменя не замочило. Экой я несчастный, что и шапки-то не взялъ изъ дома съ собою!

Сократъ.

Грядите во знаменіе сему, о многопочитаемыя Облака! Собирайтеся отовсюду! Вы, сидящія на священныхъ высотахъ многоснѣжнаго Олимпа, и вы, водящія хоры Нимфъ въ вертоградахъ отца вашего Океана, и вы, что златыми ковшами черпаете воду изъ устьевъ Нила, и вы, обитающіе на озерѣ Меотійскомъ или на снѣжной скалѣ Мимаса—внемлите моленію нашему и жертву примите благосклонно!

Хоръ (слышенъ издали).

Облака безсмертныя, росяныя, блестящія изъ нѣдръ отца нашего Океана шумящаго, взойдемъ на вершины лѣсистыхъ горъ. Оттоль воззримъ на скалы отдаленныя, на поля тучныя, ручьями орошенныя, на рѣки божественныя, по лугамъ журчащія, и на Понтъ бурный, многошумный. Око небесное неусыпно свѣтитъ лучами блестящими; мы же, облекшися въ виды безсмертные, отженемъ далеко прочь тучи грозныя, и окомъ дальновидящимъ обозримъ землю пространную.

Сократъ.

О препочтенныя облака! Явно вняли вы мнѣ, васъ призывающему! Слышишь ли гласъ ихъ божественный, вкупѣ съ громами раздающійся?

Стрепсіадъ.

Поклоняюсь вамъ, многопочитаемыя! И на громъ вашъ хочу отвѣчать вамъ своимъ громомъ, потому что я такъ на-

пуганъ и настращенъ вами, что мнѣ уже не до благопристойности.

Сократъ.

Перестань кощунствовать; не подражай гаерамъ, но благоговѣй! Соборъ боговъ сихъ хвалою веселится.

Хоръ (приближается, но еще не виденъ).

О юноши дожденосцы! Пойдемъ на землю славную, Кекропсову, вожделѣнную, гдѣ святыня чтится неизреченная; чертогъ пріобщенныхъ къ священнымъ таинствамъ; богамъ небеснымъ приношенія; храмы огромные; кумиры высокіе; торжества безсмертнымъ великолѣпныя; жертвы богамъ увѣнчанныя; трапезы повседневныя; съ весною же наступающею, торжество Вромія славное, со сладкозвучнымъ хоровъ пѣніемъ и громкимъ на трубахъ играніемъ.

Стрепсіадъ.

Ради самихъ боговъ, Сократъ, скажи мнѣ, чьи рѣчи я слышу столь важныя? Не ирои ли то разговариваютъ?

Сократъ.

Нимало: то Облака небесныя, великія, тунеядцевъ боги. Они одаряютъ насъ умомъ способнымъ къ словопренію, къ велерѣчію, къ силлогизмамъ, къ паралогизмамъ, къ парадоксамъ и, однимъ словомъ, ко всѣмъ ухваткамъ софистики.

Стрепсіадъ.

Отъ того-то, услышавъ рѣчи ихъ, и во мнѣ душа взволновалася отъ нетерпѣнія самому начать умствовать, остро пустословить и, заключеніе заключеніемъ подкрѣпляя, противорѣчить всякой истинѣ. Въ такомъ будучи расположеніи, я желаю ихъ видѣть въявѣ.

Сократъ.

Смотри же прямо на Парнасъ гору. Вотъ! я уже вижу, какъ они тихо спускаются.

Стрепсіадъ.

Гдѣ? гдѣ? Укажи мнѣ!

Сократъ.

Вонъ, тамъ очень много ихъ бродитъ по чащамъ и рытвинамъ.

Стрепсіадъ.

Что за диво, я ихъ не вижу!

Сократъ.

Противъ самаго входа.

Стрепсіадъ.

И теперь мнѣ чуть мерещится.

Сократъ.

Или ты теперь видишь ихъ, или у тебя бѣльмы на глазахъ.

(Здѣсь появляются Облака и наполняютъ театръ).

Стрепсіадъ.

Какъ теперь не видѣть ихъ! Они окружили насъ со всѣхъ сторонъ.

Сократъ.

Итакъ ты до сихъ поръ ничего не вѣдалъ о богахъ сихъ и не поклонялся имъ?

Стрепсіадъ.

Нимало: я почиталъ ихъ туманомъ, росою, тѣнью.

Сократъ.

О нѣтъ! Они-то самые тѣ боги, которые даютъ пищу софистамъ, гадателямъ, врачамъ, щеголямъ, глупымъ сочинителямъ круговыхъ хоровъ; однимъ словомъ, обманщикамъ, тунеядцамъ, которые пишутъ въ честь ихъ стихи.

Стрепсіадъ.

Такіе, конечно, въ которыхъ: влажныхъ Облаковъ солнце, затмевающее необузданное стремленіе; или: власы стоглаваго Тифона, бури раздувающіе; или: влажныя, воздушныя, хищныя, по эѳиру плавающія птицы; или: росяныхъ тучъ дожди водяные.—И за такіе-то стихи имъ достается глотать большіе куски вкусныхъ рыбъ и жирныхъ дроздовъ.

Сократъ.

Развѣ они того не заслуживаютъ?

Стрепсіадъ.

Скажи мнѣ, пожалуй, почему же, будучи поистинѣ Облака, они похожи на женщинъ? Обыкновенныя облака не таковы.

Сократъ.

А ты думаешь, чтó они такое?

Стрепсіадъ.

Точно сказать не умѣю; они какъ-то похожи на летучую волну, а на людей

мало: у нихъ какіе-то необыкновенные носы.

Сократъ.

Отвѣчай же мнѣ на вопросы мои.

Стрепсіадъ.

Что хочешь спрашивай, не мѣшкай.

Сократъ.

Не случалось ли тебѣ когда-нибудь, смотря на облака, находить въ нихъ сходства или съ кентаврами, или съ леопардами, или съ волками, или съ быками?

Стрепсіадъ.

Истинно такъ, Зевесъ тебѣ свидѣтель!

Сократъ.

Они принимаютъ на себя видъ, какой имъ заблагоразсудится. Напримѣръ: увидятъ ли они кого-либо изъ этихъ долговолосыхъ, мохнатыхъ, каковъ Ксенофоновъ сынъ, то, чтобы поругаться надъ неистовымъ вкусомъ его, тотчасъ превращаются въ кентавровъ.

Стрепсіадъ.

Вотъ такъ-то! Чѣмъ же они становятся, когда увидятъ грабителя народной казны, Симона?

Сократъ.

Изображая свойство его, тотчасъ дѣлаются волками.

Стрепсіадъ.

Такъ, такъ точно! Вотъ почему вчера, видѣвъ труса Клеонима, оросившаго щитъ свой, они представилися оленями.

Сократъ.

Такъ ты и самъ догадываешься теперь, почему, увидѣвъ Клистена, они приняли на себя видъ женщинъ.

Стрепсіадъ.

Радуйтеся, владыки! Если вы когда благоволите вѣщать къ смертнымъ, то удостойте и меня, о цари! услышать гласъ вашъ.

Хоръ.

Радуйся, ловецъ мудрости, старецъ многолѣтній! И ты радуйся, учитель пустяковъ утонченнѣйшихъ! Скажи, чего требуешь отъ насъ? Нынѣ мы не внемлемъ болѣе никому изъ метеорософистовъ, кромѣ Продика, по великой мудрости и по знаніямъ его, и тебѣ за то, что ты по здѣшнимъ улицамъ, натружая босыя ноги свои, пышно расхаживаешь и, гордясь нашимъ покровительствомъ, на всѣхъ другихъ глядишь съ надменностію.

Стрепсіадъ.

О боги! какія рѣчи слышу я! сколь онѣ важны, священны, чудесны!

Сократъ (указывая на облака).

Они одни наши боги; другіе все вздоръ.

И. Муравьевъ-Апостолъ.

---

286. НЕДОРОСЛЬ.

Дѣйствіе I, явленіе 1.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова (осматривая кафтанъ на Митрофанѣ).

Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна! введи сюда мошенника Тришку. (*Еремѣевна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой! я чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца.

(Митрофанъ отходитъ).

Явленіе 2.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова (Тришкѣ).

А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка.

Давѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ; ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова.

Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка.

Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова.

Еще онъ же и споритъ! Портной учился

у другаго, другой у третьяго: да первый-то портной у кого же учился? Говори, скотъ!

Тришка.

Да вѣдь первый-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (вбѣгаетъ).

Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова.

Такъ поди же, вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ.

Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова.

Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору! Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (отъ робости запинаясь).

Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова.

Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ.

Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова.

А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ.

При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова.

Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ.

Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ, и вѣрю.

Г-жа Простакова.

Такъ вѣрь же и тому, что я холопамъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ.

Кого? За что? Въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова.

Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка! подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ.

Нѣтъ.

Простаковъ.

Да я и самъ ужъ вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ.

Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова (Тришкѣ).

Выйди вонъ, скотъ! (*Еремѣевнѣ*). Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители придутъ.

Еремѣевна.

Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова.

Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе, изволь смотрѣть!

Еремѣевна.

Да во здравіе, матушка! Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича; протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова.

Ахъ, Мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ.

Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ.

А я, дядюшка, вовсе почти не ужиналъ.

Простаковъ.

Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ.

Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна.

Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ.

И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова.

Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова.

Какъ же это?

Митрофанъ.

Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ (въ сторону).

Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ (разнѣжась).

Такъ мнѣ и жаль стало!

Г-жа Простакова (съ досадою).

Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова.

Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ, сынокъ, одно мое утѣшеніе!

Скотининъ.

Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ.

По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ; иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ.

Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова.

Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, матушка! Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова.

Такъ авось-либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка!

(Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ.

Что же я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа Простакова.

Успѣемъ, братецъ! Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница, а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ (Скотинину).

Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась одна младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова (показывая, будто креститъ сердце).

Съ нами сила крестная.

Простаковъ.

Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталася одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова.

Что, что ты сегодня разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ.

Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ придвинуть не можно.

Скотининъ.

А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ: Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ, а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ крестьянъ, такъ и концы въ воду.

Простаковъ.

То правда, братецъ; весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова.

Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ-батюшка, а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ.

Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Простакова.

Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скотининъ.

Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ.

Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ.

И не деревеньки, а то, что въ деревенькахъ-то ея водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова.

До чего же, братецъ?

Скотининъ.

Люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на заднія ноги, не была бы выше насъ каждаго цѣлою головою.

Простаковъ.

Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю. И онъ до свиней съ измала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ, бывало, увидя свинку, задрожитъ съ радости.

Скотининъ.

Это подлинно диковинка! Ну пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое-нибудь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ-то такъ сильно пристрастился?

Простаковъ.

И тутъ есть какое-нибудь сходство, я такъ разсуждаю.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и Софья.

(Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ).

Г-жа Прстакова (Софьѣ).

Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья.

Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа Простакова (испугавшись, съ злобой).

Какъ! Стародумъ, твой дядюшка, живъ! И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Софья.

Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Простакова.

Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю: дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ.

Сестра! ну, до коли не умиралъ.

Простаковъ.

Избави Боже, коли еще не умиралъ!

Г-жа Простакова (къ мужу).

Какъ не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили? (*Къ Софьѣ*). Письмецо-то мнѣ пожалуй. (*Почти вырываетъ*). Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное, и догадываюсь отъ кого. Это отъ офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за которого ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья.

Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Простакова.

Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать всегда велю другому. (*Къ мужу*). Читай.

Простаковъ (долго смотря).

Мудрено!

Г-жа Простакова.

И тебя, мой батюшка, видно воспитывали какъ красную дѣвицу. Братецъ! прочти, потрудись.

Скотининъ.

Я? Я отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ отъ скуки.

Софья.

Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Простакова.

О, матушка! знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ. Ему велю.

Скотининъ.

А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Простакова.

Ахъ, батюшка, братецъ! ужъ года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ, Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою, бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно — лошадь, за столомъ стаканъ вина, на ночь сальная свѣча и парикъ направляетъ нашъ же Ѳомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка-братецъ: онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, потѣ его и понѣжить, а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ! Изъ нашейже фамиліи Простаковыхъ, смотрика, на боку лежа летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! Да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же и Правдинъ.

Г-жа Простакова.

Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогаго гостя нашего, господина Правдина, а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ.

Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство.

Скотининъ

Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? я не дослышалъ.

Правдинъ.

Я называюсь Правдинъ, чтобы вы дослышали.

Скотининъ.

Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки!

Правдинъ.

Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ.

А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отечества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Простакова.

Полно, братецъ, о свинкахъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. (*Къ Правдину*). Вотъ, батюшка, Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ, къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Правдинъ.

Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья.

Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ одолжите.

Правдинъ.

Если вы приказываете. (*Читаетъ*): «Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ «разлукѣ съ моими ближними; а даль«ность лишила меня удовольствія имѣть «о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, «проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. «Я могу служить примѣромъ, что тру«дами и честностью состояніе свое сдѣ«лать можно. Сими средствами съ по«мощью счастья нажилъ я десять тысячъ «рублей доходу...

Скотининъ и оба Простаковы.

Десять тысячъ!

Правдинъ (читаетъ).

«...которымъ тебя, моя любезная племянница, дѣлаю наслѣдницею...»

Г-жа Простакова.

Тебя наслѣдницею!

Простаковъ.

Софью наслѣдницею!

Скотининъ.

Ее наслѣдницею!

} *Вмѣстѣ.*

Г-жа Простакова (бросаясь обнимать Софью).

Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя отъ радости! Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ (протянувъ руку).

Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова (тихо Скотинину).

Постой, братецъ, сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выйти.

Скотининъ.

Какъ! что за вопросъ? неужто ты ей докладывать станешь?

Правдинъ.

Позволите ли письмо дочитать?

Скотининъ.

А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Простакова.

Софьюшка, душа моя, пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобой поговорить.

(Увела Софью).

Скотининъ.

Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 7.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова.

Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ.

Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова.

А тамъ и женишься.

Митрофанъ.

Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь, только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова.

Придетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ.

Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ.

(Цыфиркинъ очиняетъ грифель).

Г-жа Простакова.

А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой. Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ.

Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ.

Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (работая).

Ахъ, Господи Боже мой! ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ.

За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ—вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ.

Задавай же зады, поворачивайся!

Цыфиркинъ.

Все зады, ваше благородіе, вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова.

Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ.

Задача: изволилъ ты, на приклад, идти по дорогѣ со мною, ну хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (пишетъ).

Трое.

Цыфиркинъ.

На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ.

Триста.

Цыфиркинъ.

Дошло дѣло до дѣлежа. Смекнитко, по чему на брата?

Митрофанъ (вычисляя шепчетъ).

Единожды три—три; единожды нуль—нуль; единожды нуль—нуль.

Г-жа Простакова.

Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ.

Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова.

Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ.

Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ.

Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ.

Десять.

Цыфиркинъ.

Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ. (пишетъ).

Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ.

Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ. (вычисляя шепчетъ).

Нуль да нуль-нуль; одинъ да-одинъ...

(задумался).

Г-жа Простакова.

Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье, а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ—что

считать? деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ.

Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ.

Не бось, братъ, матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ. (Открываетъ Часословъ. Митрофанъ беретъ указку).

Начнемъ, благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ.

Азъ есмь червь.

Кутейкинъ.

Червь, сирѣчь, животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ.

Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ. (учебнымъ голосомъ).

А не человѣкъ.

Митрофанъ. (также).

А не человѣкъ.

Кутейкинъ.

Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ.

Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ.

И уни...

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 7.

Стародумъ, Софья, Правдинъ, Милонъ, Скотининъ, Г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова (входя).

Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ.

Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова (Стародуму).

Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всё въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить, не смѣли въ дверь заглянуть: послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка.

Стародумъ.

О, сударыня! мнѣ очень было бы досадно, ежелибъ вы сюда пожаловали ранѣ.

Скотининъ.

Ты, сестра, какъ на смѣхъ: все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова.

А я такъ за своею. (*Стародуму*). Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*) Кланяйтесь.

Стародумъ.

Какою, сударыня?

Г-жа Простакова.

Во первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка: за молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить) даровалъ намъ господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, что-бъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ.

О, сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ, и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*КъПравдину*). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-то его выучилъ.

Г-жа Простакова.

Всѣмъ наукамъ, батюшка!

Простаковъ.

Всѣму, мой отецъ!

Митрофанъ.

Всему, чему изволишь.

(*Вмѣстѣ.*)

Правдинъ (Митрофану).

Чему жъ бы, напримѣръ?

Митрофанъ (подаетъ ему книгу).

Вотъ, Грамматикѣ.

Правдинъ (взявъ книгу).

Вижу, что Грамматика. Чтожъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ.

Много. Существительное да прилагательное...

Правдинъ.

Дверь, напримѣръ, какое имя? Существительное или прилагательное?

Митрофанъ.

Дверь! Котора дверь?

Правдинъ.

Котора дверь! вотъ эта.

Митрофанъ.

Эта? прилагательная.

Правдинъ.

Почему жъ?

Митрофанъ.

Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена, такъ та покамѣсть существительна.

Правдинъ.

Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку.

Митрофанъ.

И вѣдомо.

Г-жа Простакова.

Что? Каково, мой батюшка?

Простаковъ.

Каково, мой отецъ?

Правдинъ.

Нельзя лучше. Въ Грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ.

Я думаю, не меньше и въ Исторіи.

Г-жа Простакова.

То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ.

Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ, откуда что берется!

Г-жа Простакова.

Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ (Митрофану).

А далеко ли вы въ Исторіи?

Митрофанъ.

Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ.

А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ... Имя что-то знакомое.

Митрофанъ.

Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова.

Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ.

Да не у ней ли оба вы учились и Географіи?

Г-жа Простакова (сыну).

Слышишь, другъ мой сердечный? Это что за наука?

Митрофанъ (тихо матери).

А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова (тихо Митрофану).

Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (тихо матери).

Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова (Правдину).

Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ.

Географія.

Г-жа Простакова.

Слышишь, еографія!

Митрофанъ.

Да что такое! Господи, Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова.

И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая это наука-то, онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ.

Описаніе земли.

Г-жа Простакова.

А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ.

На первый случай годилось бы и къ

тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь куда ѣдешь.

Г-жа Простакова.

Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на что жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда — свезутъ куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ.

О, конечно, сударыня! Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова.

Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго, сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ.

Препохвально! Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ.

Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалеича. О грамотѣ никто отъ него не слышалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ.

Что жъ такое?

Скотининъ.

Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки, забылъ наклониться—какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился? А дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ.

Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ, однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ.

Объ закладъ не бейся, другъ мой! Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова.

Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ.

А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Фонъ-Физинъ.

---

287. ГОРЕ ОТЪ УМА.

дѣйствіе I, явленіе 7.

Софья, Лиза, Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).
Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? говорите!
Что жъ, рады? нѣтъ? Въ лице мнѣ посмотрите:
Удивлены—и только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера вдвоемъ,
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души
Я въ сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,

Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря,—
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!

Софья.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно: кто радуется этакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей зноба,
Я только тѣшилъ самъ себя!

Лиза.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-Богу! нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами.

Софья.

Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека.
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, извчужа, издалека,
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ.

Чацкій.

Положимте, что такъ!
Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ! у васъ! Да какъ же васъ узнать?
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ!...
Или: вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ?
Вы помните? вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь—
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно:
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы—полноте смущаться.

Софья.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте, не вамъ, чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣ жъ стихи въ альбомахъ.

Софья.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ!
Ну, что вашъ батюшка? Все англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ — какъ его—онъ турокъ или грекъ?
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься—тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся?
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: *театръ* и *маскарадъ*;
Домъ зеленью раскрашенъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ

За ширмами, въ одной изъ комнатъ по-
секретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ со-
ловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней?
А тотъ чахоточный, родня вашъ, кни-
гамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не
учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, а въ комъ не
сыщешь пятенъ?
Когда жъ постранствуешь, воротишься
домой—
*И дымъ отечества намъ сладокъ и прі-
ятенъ!*

Софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

Чацкій.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! Къ воспитанью перейдемъ.
Что, нынче, такъ же какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей пол-
ки,
Числомъ поболѣе, цѣною поде-
шевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штра-
фомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ менторъ, помните колпакъ его,
халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки
ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣ-
рить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ
спасенья!
А Гильоме французъ, подбитый
вѣтеркомъ,
Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ.

Софья.

Танцмейстеръ? можно ли!

Чацкій.

Что жъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ
быть и въ чинѣ;
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ
каковъ?
На съѣздахъ на большихъ, по праздни-
камъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье язы-
ковъ
Французскаго съ нижегородскимъ!

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ—безъ этого нельзя жъ.

Лиза.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить,
какъ вашъ!

Чацкій.

По крайней мѣрѣ, не надутой.
Вотъ новости! Я пользуюсь ми-
нутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ; а развѣ нѣтъ вре-
менъ,
Что я Молчалина глупѣе? — Гдѣ онъ,
кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тет-
радь
Увидитъ—пристаетъ: «Пожалуйте спи-
сать!»
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней
извѣстныхъ:
Вѣдь нынче любятъ безсловес-
ныхъ.

Софья (въ сторону).

Не человѣкъ—змѣя! (*Громко*) Хочу
у васъ спросить:
Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или
въ печали,
Ошибкою добро о комъ-нибудь сказали,
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ
быть...

Чацкій.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,—
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю,—
Лице святѣйшей богомолки!...
А все-таки я васъ безъ памяти люблю.
(*Минутное молчанье*).
Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу:
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.

Софья.

Да, хорошо—сгорите... если жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

Софья.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку! (*Уходитъ съ Лизой*).

Фамусовъ (ей въ слѣдъ, въ полголоса).

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Фамусовъ, Чацкій (*смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла*).

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ—
И грянулъ вдругъ, какъ съ облаковъ.
(*Обнимаются*).
Здорово, другъ, здорово, братъ, здорово!
Разсказывай: чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей!
Садись-ка, объяви скорѣй (*садятся*).

Чацкій (*разсѣянно*).

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ!

Фамусовъ.

«Сонъ въ руку!»—мнѣ она изволила шепнуть...
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій.

Я? ничуть.

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ.

Не вѣрь ей: все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ:
Вѣкъ не встрѣчалъ, подписку дамъ,
Что было бъ ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался сколько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ
И не объѣхалъ сотой доли. (*Встаетъ поспѣшно*).
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду;
Вамъ первымъ — вы потомъ разсказывайте всюду.
(*Въ дверяхъ*) Какъ хороша! (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 10.

Фамусовъ (одинъ).

Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ, какого жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полымя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Объявленъ мотомъ, сорванцомъ!
Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ! (*Уходитъ*).

—

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Фамусовъ и Слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же! На листкѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъвскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, и въ три дня не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ-же день... нѣтъ, нѣтъ,
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ, — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный каммергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ—и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался — всѣ о немъ съ прискорбьемъ поминаютъ:
Максимъ Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовы, у докторши, крестить.
Она не родила, но по разсчету
По моему должна родить.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Фамусовъ, слуга и Чацкій.

Фамусовъ.

А, Александръ Андреичъ! просимъ,
Садись-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ (слугѣ).

Поди (*слуга уходитъ*).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.

Чацкій.

Вы что-то невеселы стали?
Скажите, отъ чего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку!
Не веселъ я!... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
О Софьѣ Павловнѣ; быть можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!

То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ искони
Отцемъ не даромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я: вопервыхъ, не блажи!
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно;
А главное—поди-ка, послужи.

Чацкій.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

Фамусовъ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ.. или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе!
А дядя—что твой князь! что графъ!
Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался вперегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ—да такъ, что чуть затылка не пришибъ...
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой:
Изволили смѣяться... Что же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядь—ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій такъ же точно!
А? какъ по вашему? По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!!... Да!... Вы, нынѣшніе,—нутка!

Чацкій.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ не жалѣя!
Кому нужда — тѣмъ спесь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше—лесть какъ кружево плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха—
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичекъ

Иной, глядя на тотъ скачекъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ!

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышитъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ...

Фамусовъ.

Что говоритъ! — и говоритъ какъ пишетъ.

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться, помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно.
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу;
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу: разврата не терплю!

Чацкій.

Я досказалъ.

Фамусовъ.

Добро, заткнулъ я уши!

Чацкій.

На что жъ? я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ (скороговоркою).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье.

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Слуга.

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ (ничего не видитъ и не слышитъ).

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ, какъ пить дадутъ!

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на-домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю: подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ...

Фамусовъ.

Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!

Чацкій.

Да обернитесь, васъ зовутъ.

Фамусовъ (оборачивается).

А! бунтъ! Ну такъ и жду содома!

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ. — Прикажете принять?

Фамусовъ (встаетъ).

Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись! (*Слуга уходитъ*).
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись;
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно, братъ!...
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ. Пустое!
Онъ можетъ быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать, ни завтра ни сегодня:
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ, власть Господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось
И завиральныя идеи эти брось.
Однако, нѣтъ его! какую бы причину?...
А! знать, пошелъ ко мнѣ въ другую половину. (*Поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Чацкій (одинъ).

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья?... Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужаго?
Какъ здѣсь бы ей не быть?..
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ;
А можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ
Прошу покорно,—здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...

Скалозубъ (густымъ басомъ).

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?... Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!

Фамусовъ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой...

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

(Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль).

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить...
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю—съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки:
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку ли, къ мѣстечку,—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!

Однако братецъ вашъ—мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличились съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ-пятомъ.

Фамусовъ.

Да, счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею...
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ! и посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему,—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!... читать... а послѣ хвать!...
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Вакансіи какъ-разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь ли за полкомъ!
Зато, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться!

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ-девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите! Дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ,—а тамъ
Зачѣмъ откладывать бы дальше?
Рѣчь завести о генеральшѣ...

Скалозубъ.

Жениться? я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода:
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ: у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,—

Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но ктобъ тогда за всѣми не увлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ (про себя).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду. *(Громко)*.
Сергѣй Сергѣичъ! я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *(Уходитъ)*.

явленіе 6.

Скалозубъ и Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ:
Ихъ золоту, шитью — дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ приглажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски!

—

дѣйствіе III, явленіе 22.

Софья (Чацкому).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча.
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ, будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція; посмотришь — вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.—
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска и оханье и стонъ:
Ахъ, Франція! нѣтъ лучше въ мірѣ края!
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княжонъ!
Я одаль возсылалъ желанья,
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья,
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня ославятъ старовѣромъ,—
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во стократъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду—на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки..
Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,—

Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ!
— «Какъ европейское поставить въ параллель
«Съ національнымъ,—странно что-то!
«Ну какъ перевести: мадамъ, мадмуазель?
«Ужель: сударыня!» — забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ:
«Сударыня! ха-ха! ха-ха! прекрасно!
«Сударыня! ха-ха! ха-ха! ужасно..»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною, — онъ не новый:
Москва и Петербургъ по всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ — имѣетъ счастье
Во всѣхъ княжонъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей по несчастью головѣ
Пять шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,
Глядь...

(Оглядывается: всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ; старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

---

288. РЕВИЗОРЪ.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ домѣ городничаго. Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій.

Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Какъ! ревизоръ?

Артемій Филипповичъ.

Какъ! ревизоръ?

Городничій.

Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито, и еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ.

Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ.

Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ.

Городничій.

Я какъ—будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*)... «и увѣдомить тебя». А, вотъ: «спѣшу, между прочимъ, и увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицемъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...»

(*остановясь*) ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито...Вчерашняго дня...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Өедоровичъ.

Да, обстоятельство такое необыкновенное, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ.

Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій (испуская вздохъ).

Зачѣмъ! такъ уже видно судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбиралисськъ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Өедоровичъ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну; и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій.

Экъ куда хватилъ! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Өедоровичъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій.

Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ; совѣтую и вамъ, особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему.

Артемій Филипповичъ.

Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій.

Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по латыни, или на другомъ какомъ языкѣ.. это ужъ по вашей части, ХристіанъИвановичъ,—всякуюболѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, еслибы ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Артемій Филиповичъ.

О! на счетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше; лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой! если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бы съ нимъ изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ (издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву *и*, и нѣсколько на *е*).

Городничій.

Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Өедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ, въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему же сторожу и не завесть его? только знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично...

Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Өедоровичъ.

А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій.

Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ (издаетъ тотъ же звукъ).

Аммосъ Өедоровичъ.

Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій.

Да я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Өедоровичъ.

Чтожъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки; но чѣмъ взятки? борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ—все взятки.

Аммосъ Өедоровичъ.

Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій.

Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? за то вы въ Бога не вѣруете, вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Өедоровичъ.

Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій.

Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно на счетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, вошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу: вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть оно тамъ и нужно такъ—объ э[illegible]
могу судить; но вы посудите

онъ сдѣлаетъ посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто, можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лукичъ.

Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? я ужъ нѣсколько разъ говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ—то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій.

То же долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ—еще ничего,а какъдобрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ—ей-Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ.

Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.

Городничій.

Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ.

Не приведи Богъ служить по ученой части! всего боишься, всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій.

Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ; а, вы здѣсь голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? Ляпкинъ-Тяпкинъ. А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника. А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!

явленіе 2.

Тѣже и Почтмейстеръ.

Почтмейстеръ.

Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій.

А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ.

Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго: онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій.

Ну что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ.

А что думаю? война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Въ одно слово! я самъ тоже думалъ.

Городничій.

Да, оба пальцемъ въ небо попали.

Почтмейстеръ.

Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій.

Какая война съ турками! просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ.

А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій.

Ну, что же,какъ вы,Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ.

Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій.

Да что я? страху-то нѣтъ, а такъ, немножко. Купечество да гражданство меня смущаютъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся, а я—вотъ ей-Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли

на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее... знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать, не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ.

Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства; смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая! лучше чѣмъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ!

Городничій.

Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ; а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ, есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «жизнь моя, милый другъ, течетъ» — говоритъ — «въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій.

Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ; если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это!

Почтмейстеръ.

Ахъ, батюшки!

Городничій.

Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да, не хорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы поподчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Верховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другаго.

Городничій.

Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь и—шасть...

Гоголь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. ИЛІАДА (стр. 3). (*).

Предметъ Иліады—гнѣвъ Ахиллеса («Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына») и борьба грековъ съ троянами. Дѣйствіе продолжается около двухъ мѣсяцевъ въ послѣдній (десятый) годъ Троянской войны.—Хризъ, Аполлоновъ жрецъ, приходитъ въ греческій станъ выкупить дочь свою Хризеиду, взятую въ плѣнъ при разореніи Өивъ и доставшуюся Агамемнону. Агамемнонъ отвергаетъ его просьбу, за что Аполлонъ насылаетъ на греческое войско язву. Собирается совѣтъ для отысканія средствъ къ отвращенію бѣдствія. Калхасъ, верховный жрецъ, объявляетъ, что язва прекратится только выдачею Хризеиды и принесеніемъ жертвъ раздраженному Аполлону. Агамемнонъ требуетъ за Хризеиду возмездія. Начинается распря между нимъ и Ахиллесомъ, укоряющимъ предводителя греческаго войска въ корыстолюбіи. Оскорбленный Ахиллесъ объявляетъ, что онъ съ своимъ войскомъ (мирмидонянами) не будетъ принимать участія въ брани. Удалившись въ ставку, онъ молитъ мать свою (богиню Өетиду) объ отмщеніи за обиду. По просьбѣ Өетиды, Зевсъ даетъ обѣтъ, что трояне будутъ побѣдителями въ брани до тѣхъ поръ, пока Ахиллесъ не получитъ удовлетворенія отъ Агамемнона и грековъ. Обѣтъ верховнаго бога исполняется: трояне постоянно одерживаютъ верхъ надъ своимъ врагомъ; они врывались уже за стѣну, окружавшую его станъ, и едва было не сожгли его флотъ. Въ страхѣ отъ успѣховъ троянъ, Агамемнонъ посылаетъ къ Ахиллесу просить о примиреніи и помощи. Ахиллесъ отвергаетъ его предложеніе, но дозволяетъ своему другу Патроклу вооружиться его оружіемъ и вывесть мирмидонянъ на подмогу грекамъ. Гекторъ, сынъ троянскаго царя Пріама и Гекубы, убиваетъ Патрокла. Ахиллесъ предается изступленной горести. Өетида выходитъ изъ моря съ сонмомъ Нереидъ, чтобы утѣшить сына. Она обѣщаетъ принесть ему новое оружіе, спѣшитъ на Олимпъ къ Гефесту (Вулкану), который изготовляетъ великолѣпно украшенный щитъ. Ахиллесъ мирится съ Агамемнономъ и требуетъ битвы безъ отлагательства. Вооружась новыми доспѣхами, онъ садится на колесницу, обращается съ рѣчью къ своимъ конямъ, слышитъ отъ одного изъ нихъ предсказаніе скорой смерти и, не щадя своей жизни, устремляется въ бой. Трояне терпятъ пораженіе; счастіе войны измѣняетъ имъ. Ахиллесъ встрѣчаетъ, наконецъ, Гектора и убиваетъ его. Въ гнѣвѣ за смерть Патрокла, онъ обнажаетъ убитаго, предаетъ его на поруганіе воинамъ и потомъ, привязавъ къ колесницѣ, увлекаетъ въ станъ. Пріамъ является къ нему просить тѣла своего сына. Тронутый мольбами старца, Ахиллесъ принимаетъ выкупъ и отдаетъ тѣло, которое Пріамъ сожигаетъ на кострѣ, по возвращеніи въ Трою.

«Прощаніе Гектора съ Андромахой»

(*) Страницы указываютъ на статьи, къ которымъ относятся примѣчанія.

Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но ктобъ тогда за всѣми не увлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ (про себя).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду. *(Громко).*
Сергѣй Сергѣичъ! я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *(Уходитъ).*

явленіе 6.

Скалозубъ и Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ:
Ихъ золоту, шитью — дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски!

—

дѣйствіе III, явленіе 22.

Софья (Чацкому).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча.
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ, будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція; посмотришь — вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.—
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска и оханье и стонъ:
Ахъ, Франція! нѣтъ лучше въ мірѣ края!
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княжонъ!
Я одаль возсылалъ желанья,
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья,
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня ославятъ старовѣромъ,—
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во стократъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду—на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки..
Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,—

Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько
занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ!
— «Какъ европейское поставить въ параллель
«Съ національнымъ,—странно что-то!
«Ну какъ перевести: мадамъ, мадмуазель?
«Ужель: сударыня!» — забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ:
«Сударыня! ха-ха! ха-ха! прекрасно!
«Сударыня! ха-ха! ха-ха! ужасно..»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною, — онъ не новый:
Москва и Петербургъ по всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ — имѣетъ счастье
Во всѣхъ княжонъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей по несчастью головѣ
Пять шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,
Глядь...

(Оглядывается: всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ; старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

---

288. РЕВИЗОРЪ.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ домѣ городничаго. Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій.

Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Какъ! ревизоръ?

Артемій Филипповичъ.

Какъ! ревизоръ?

Городничій.

Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито, и еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ.

Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ.

Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ.

Городничій.

Я какъ—будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*)... «и увѣдомить тебя». А, вотъ: «спѣшу, между прочимъ, и увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицемъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...»

(*остановясь*) ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито...Вчерашняго дня...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да, обстоятельство такое необыкновенное, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ.

Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій (испуская вздохъ).

Зачѣмъ! такъ уже видно судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбиралиськъдругимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну; и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій.

Экъ куда хватилъ! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій.

Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ; совѣтую и вамъ, особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему.

Артемій Филипповичъ.

Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій.

Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по латыни, или на другомъ какомъ языкѣ.. это ужъ по вашей части, ХристіанъИвановичъ,—всякуюболѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, еслибы ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Артемій Филиповичъ.

О! на счетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше; лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой! если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бы съ нимъ изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ (издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву *и*, и нѣсколько на *е*).

Городничій.

Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ, въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему же сторожу и не завесть его? только знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично...

Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій.

Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ (*издаетъ тотъ же звукъ*).

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій.

Да я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Чтожъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки; но чѣмъ взятки? борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ—все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій.

Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? за то вы въ Бога не вѣруете, вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій.

Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно на счетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, вошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу: вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть оно тамъ и нужно такъ—объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, ес

онъ сдѣлаетъ посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто, можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лукичъ.

Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? я ужъ нѣсколько разъ говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ—то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій.

То же долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ—ей-Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ.

Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.

Городничій.

Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ.

Не приведи Богъ служить по ученой части! всего боишься, всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій.

Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ; а, вы здѣсь голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? Ляпкинъ-Тяпкинъ. А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника. А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣже и Почтмейстеръ.

Почтмейстеръ.

Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій.

А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ.

Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго: онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій.

Ну что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ.

А что думаю? война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Въ одно слово! я самъ тоже думалъ.

Городничій.

Да, оба пальцемъ въ небо попали.

Почтмейстеръ.

Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій.

Какая война съ турками! просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ.

А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій.

Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ.

Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій.

Да что я? страху-то нѣтъ, а такъ, немножко. Купечество да гражданство меня смущаютъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся, а я—вотъ ей-Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли

на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее... знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать, не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ.

Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства; смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая! лучше чѣмъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ!

Городничій.

Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ.

Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ; а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ, есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «жизнь моя, милый другъ, течетъ» — говоритъ — «въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій.

Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ; если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это!

Почтмейстеръ.

Ахъ, батюшки!

Городничій.

Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да, не хорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы поподчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Верховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другаго.

Городничій.

Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь и—шасть...

Гоголь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. **ИЛІАДА** (стр. 3). (*).

Предметъ Иліады—гнѣвъ Ахиллеса («Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына») и борьба грековъ съ троянами. Дѣйствіе продолжается около двухъ мѣсяцевъ въ послѣдній (десятый) годъ Троянской войны.—Хризъ, Аполлоновъ жрецъ, приходитъ въ греческій станъ выкупить дочь свою Хризеиду, взятую въ плѣнъ при разореніи Ѳивъ и доставшуюся Агамемнону. Агамемнонъ отвергаетъ его просьбу, за что Аполлонъ насылаетъ на греческое войско язву. Собирается совѣтъ для отысканія средствъ къ отвращенію бѣдствія. Калхасъ, верховный жрецъ, объявляетъ, что язва прекратится только выдачею Хризеиды и принесеніемъ жертвъ раздраженному Аполлону. Агамемнонъ требуетъ за Хризеиду возмездія. Начинается распря между нимъ и Ахиллесомъ, укоряющимъ предводителя греческаго войска въ корыстолюбіи. Оскорбленный Ахиллесъ объявляетъ, что онъ съ своимъ войскомъ (мирмидонянами) не будетъ принимать участія въ брани. Удалившись въ ставку, онъ молитъ мать свою (богиню Ѳетиду) объ отмщеніи за обиду. По просьбѣ Ѳетиды, Зевсъ даетъ обѣтъ, что трояне будутъ побѣдителями въ брани до тѣхъ поръ, пока Ахиллесъ не получитъ удовлетворенія отъ Агамемнона и грековъ. Обѣтъ верховнаго бога исполняется: трояне постоянно одерживаютъ верхъ надъ своимъ врагомъ; они врывались уже за стѣну, окружавшую его станъ, и едва было не сожгли его флотъ. Въ страхѣ отъ успѣховъ троянъ, Агамемнонъ посылаетъ къ Ахиллесу просить о примиреніи и помощи. Ахиллесъ отвергаетъ его предложеніе, но дозволяетъ своему другу Патроклу вооружиться его оружіемъ и вывесть мирмидонянъ на подмогу грекамъ. Гекторъ, сынъ троянскаго царя Пріама и Гекубы, убиваетъ Патрокла. Ахиллесъ предается изступленной горести. Ѳетида выходитъ изъ моря съ сонмомъ Нереидъ, чтобы утѣшить сына. Она обѣщаетъ принесть ему новое оружіе, спѣшитъ на Олимпъ къ Гефесту(Вулкану),который изготовляетъ великолѣпно украшенный щитъ. Ахиллесъ мирится съ Агамемнономъ и требуетъ битвы безъ отлагательства. Вооружась новыми доспѣхами, онъ садится на колесницу, обращается съ рѣчью къ своимъ конямъ, слышитъ отъ одного изъ нихъ предсказаніе скорой смерти и, не щадя своей жизни, устремляется въ бой. Трояне терпятъ пораженіе; счастіе войны измѣняетъ имъ. Ахиллесъ встрѣчаетъ, наконецъ, Гектора и убиваетъ его. Въ гнѣвѣ за смерть Патрокла, онъ обнажаетъ убитаго, предаетъ его на поруганіе воинамъ и потомъ, привязавъ къ колесницѣ, увлекаетъ въ станъ. Пріамъ является къ нему просить тѣла своего сына. Тронутый мольбами старца, Ахиллесъ принимаетъ выкупъ и отдаетъ тѣло, которое Пріамъ сожигаетъ на кострѣ, по возвращеніи въ Трою.

«Прощаніе Гектора съ Андромахой»

(*) Страницы указываютъ на статьи, къ которымъ относятся примѣчанія.

взято изъ 6-й пѣсни; «Единоборство Гектора и Ахиллеса» составляетъ предметъ 22-й пѣсни; «Пріамъ въ ставкѣ Ахиллеса» изъ 24-й.

2. ОДИССЕЯ (стр. 17).

Предметъ Одиссеи — возвращеніе Одиссея (Улисса), царя итакскаго, въ свое отечество Итаку, послѣ десятилѣтнихъ странствій съ того времени, какъ была разрушена Троя:

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ который
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ...

Поэма состоитъ изъ 24 пѣсенъ: первыя 12 изображаютъ странствованія Одиссея, остальныя 12 — приключенія его по возвращеніи въ отечество. Она открывается собраніемъ олимпійскихъ боговъ, за исключеніемъ Посидона, который преслѣдуетъ Одиссея за то, что онъ ослѣпилъ сына его Полифема, и который въ то время находился у эѳіоповъ. Совѣтъ опредѣлилъ, что Одиссей, противъ воли удерживаемый нимфою Калипсо на островѣ Огигіи, долженъ, наконецъ, воротиться на родину. Аѳина подъ видомъ Ментора является Одиссееву сыну, Телемаку, и даетъ ему совѣтъ посѣтить Пилосъ и Спарту для собранія свѣдѣній объ отцѣ и выгнать жениховъ Пенелопы, которые, пользуясь отсутствіемъ итакскаго царя и считая его погибшимъ, поселились въ его домѣ, замышляютъ смерть Телемака и хотятъ принудить Пенелопу, супругу Одиссея, выбрать себѣ другаго мужа. Отсюда первая половина поэмы дѣлится на двѣ части: описаніе плаванія Телемака (пѣсни I—IV) и описаніе возврата Одиссея (V—XII). Вмѣстѣ съ Аѳиной, принявшей видъ Ментора, Телемакъ отплываетъ въ море. Въ Пилосѣ онъ посѣтилъ старѣйшаго изъ греческихъ царей, Нестора, который разсказалъ ему о томъ, что̀ случилось съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими вождями по разрушеніи Трои. По совѣту его, Телемакъ отправился въ Лакедемонъ, къ Менелаю и Еленѣ, которые разсказываютъ ему о подвигахъ Одиссея. Между тѣмъ Калипсо, исполняя волю боговъ, возвѣщенную ей Эрміемъ, снарядила плотъ, на которомъ Одиссей пустился въ путь. Семнадцать дней плаваніе продолжалось благополучно; на осьмнадцатый, Посидонъ, возвращаясь отъ эѳіоповъ, узналъ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту; онъ посылаетъ бурю, отъ которой Одиссей спасается покрываломъ, даннымъ ему Кадмовой дочерью Левкотеею. Цѣлые три дня носили его бурныя волны, а ввечеру третьяго дня вышелъ онъ на берегъ феакійскаго острова Схеріи. Здѣсь находитъ его Навзикая, дочь царя Алкиноя. Одиссей разсказываетъ Алкиною все съ нимъ случившееся со времени отплытія отъ береговъ троянскихъ. Главнѣйшіе предметы этого разсказа, занимающаго четыре пѣсни (IX—XII): разрушеніе Измара, города Киконовъ, и гибель многихъ спутниковъ Одиссея; посѣщеніе Лотофаговъ (людей, питающихся лотосомъ); приключеніе въ области Циклоповъ; приключеніе съ вѣтрами, заключенными въ мѣху, который Одиссею вручилъ Эолъ, истребленіе одиннадцати кораблей Одиссеевыхъ великанами Лестригонами, пребываніе на островѣ волшебницы Цирцеи; сошествіе въ адъ; плаваніе между утесовъ Харибды и Сциллы; убіеніе Одиссеевыми спутниками быковъ бога Геліоса. Раздраженный святотатственнымъ дѣломъ, Геліосъ требуетъ, чтобы Зевесъ наказалъ преступниковъ. Его требованіе было исполнено: корабль разбитъ громомъ, всѣ погибли, кромѣ Одиссея, выброшеннаго на берегъ Калипсина острова.—Вторая часть Одиссеи (приключенія Одиссея въ отчизнѣ) можетъ быть также раздѣлена на два отдѣла: Одиссей въ домѣ свинопаса Эвмея (XIII—XVI), гдѣ онъ свидѣлся съ Телемакомъ, возвратившимся изъ Лакедемона, и гдѣ они вмѣстѣ обдумываютъ, какъ умертвить жениховъ,

и Одиссей въ своемъ дворцѣ (XVII—XXIV), гдѣ замыселъ ихъ приводится въ исполненіе.

Первый отрывокъ: «Навзикая» взятъ изъ 6-й пѣсни, содержаніе которой слѣдующее: Аѳина въ сновидѣніи побуждаетъ Навзикаю, дочь феакійскаго царя Алкиноя, идти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платье въ потокѣ. Онѣ собираются близъ того мѣста, гдѣ находится Одиссей, погруженный въ глубокій сонъ. Ихъ голоса пробуждаютъ Одиссея. Онъ приближается къ Навзикаѣ и проситъ ее дать ему одежду и убѣжище; царевна приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужныя наставленія.

Содержаніе втораго отрывка (Пиръ у Алкиноя, изъ 8-й пѣсни): Алкиной, предложивъ собравшимся на площади гражданамъ устроить отправленіе Одиссея въ его отечество, приглашаетъ вельможъ и людей корабельныхъ къ себѣ на обѣдъ. Пѣніе Демодока во время пира. Потомъ игры: бѣгъ, бросаніе диска, борьба, кулачный бой. Одиссей, оскорбленный Эвріаломъ, бросаетъ камень и всѣхъ изумляетъ своею силою.

3. НАЛЬ и ДАМАЯНТИ (стр. 23).

Наль и Дамаянти — эпизодъ индійской героической поэмы Магабгараты, имѣющей предметомъ великую войну между двумя родственными племенами: Куру и Панду, происходившую въ героическій періодъ индійской исторіи. Поэма составлена изъ разныхъ сказаній отшельникомъ Вьясою. Форма ея — слока, или двустишіе; въ каждомъ стихѣ по 16 слоговъ. Главное содержаніе поэмы съ теченіемъ времени распространялось эпизодами, изъ которыхъ иные заключаютъ въ себѣ по нѣскольку пѣсенъ и могутъ быть названы цѣлыми отдѣльными поэмами; таковы, кромѣ Наля и Дамаянти, переданнаго Жуковскимъ съ нѣмецкаго Рюккертова перевода, Багавадъ-Гита (божественная пѣснь), Сундъ и Упасундъ, переведенный Н. Бергомъ (Москвитянинъ. 1851, № 14), и др.

Содержаніе повѣсти о Налѣ и Дамаянти: Наль, сынъ Вирадсены, обладателя Нишадскаго царства, въ Индіи, полюбилъ прекрасную Дамаянти, дочь Бима, царя Видарбинскаго. Взаимная любовь ихъ увѣнчалась супружествомъ, которымъ они шесть лѣтъ наслаждались безмятежно. Но адскій богъ Кали, завидуя счастію Наля, вложилъ въ него страсть къ игрѣ въ кости. Наль проигралъ все царство своему сводному брату Пушкарѣ. Вѣрная Дамаянти послѣдовала за бѣднымъ, изгнаннымъ супругомъ. Кали внушилъ Налю преступную мысль—покинуть на произволъ судьбы Дамаянти: онъ бѣжалъ отъ нея въ то время, какъ она уснула подлѣ него спокойнымъ сномъ. Послѣ многихъ страданій, которыя оба они претерпѣли, боги сжалились надъ ними, возвратили Наля его супругѣ, а Налю проигранное, царство, и они стали попрежнему счастливы. Повѣсть эта, говоритъ А. Шлегель, есть самая любимая въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое самоотверженіе Дамаянти такъ же извѣстны всѣмъ и каждому, какъ у насъ постоянство Пенелопы.

4. ШАХЪ-НАМЕ (стр. 28).

Шахъ-Наме (царственная книга) есть миѳико-историческая поэма, состоящая изъ 60,000 двустишій. Творецъ ея Абдулъ—Касимъ—Мансуръ, прозванный Фирдуси, т. е. райскимъ († 1030). Онъ связалъ во-едино дѣйствительную исторію Персіи до низверженія Сассанидовъ арабами съ сказаніями о первобытной старинѣ, которыя преданіе сохранило въ восточныхъ странахъ Ирана. Въ твореніи его воспѣвается не отдѣльная война и какой-либо герой, а цѣлый народъ, судьбы котораго изображены рядомъ важнѣйшихъ событій. Каждому событію посвящена особая часть поэмы, что нисколько не вредитъ ея художественной полнотѣ и единству. Глав-

ныхъ отдѣловъ два: герой перваго, миѳико-героическаго — Рустемъ; герой втораго, болѣе историческаго—Искандеръ (Александръ Великій). Все связано одною религіозною идеею — борьбы свѣта съ тьмою, добра со зломъ, Ирана съ Тураномъ.

Повѣсть «Рустемъ и Зорабъ» состоитъ изъ 10 пѣсенъ. Содержаніе ея слѣдующее: Кейкавузъ, шахъ иранскій, ведетъ войну съ Афразіабомъ, властителемъ Турана. Рустемъ, князь Сабулистана, женился на Теминѣ, дочери Семенгамскаго царя, который попеременно держалъ сторону персіянъ или турковъ. Бракъ былъ совершенъ тайно: царь страшился, что Афразіабъ сокрушитъ его столицу Семенгамъ, въ гнѣвѣ на Рустема. Прощаясь съ женою, Рустемъ отдалъ ей золотую повязку съ руки, сказавъ: если небо дастъ намъ сына, пусть онъ носитъ эту повязку на рукѣ, какъ я носилъ ее; когда жъ онъ возмужаетъ, пришли его ко мнѣ въ Сабулистанъ, но знай, что онъ можетъ явиться не иначе, какъ уже прославясь богатырскими подвигами. У Темины родился сынъ. Его назвали Зорабомъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ уже выказывалъ удивительную храбрость. Узнавъ, кто отецъ его, онъ спѣшитъ прославить себя геройствомъ — пойти войною на Иранъ и подарить иранскій престолъ Рустему, а потомъ завладѣть Тураномъ и сдѣлать въ немъ Темину царицею. Когда собрались къ нему храбрѣйшіе воины, онъ выступилъ въ походъ и взялъ крѣпость Бѣлый Замокъ на самомъ рубежѣ Ирана. Повязку, данную ему матерью, онъ носилъ не на рукѣ, а на груди. Афразіабъ, страшась и Рустема и Зораба, отправилъ къ послѣднему войско, подъ начальствомъ Барумана, которому приказалъ не допускать сына видѣться съ отцемъ. Онъ надѣялся, что тотъ или другой погибнетъ въ единоборствѣ. Кейкавузъ призвалъ на помощь Рустема и вскорѣ иранская рать приступила къ Бѣлому Замку. Напрасно *Зорабъ, обозрѣвая* съ башни замка станъ непріятельскій, распрашивалъ плѣнника Хеджира, гдѣ шатеръ Рустемовъ: Хеджиръ, боясь, что Зорабъ не пойдетъ въ бой съ Рустемомъ, когда узнаетъ въ немъ отца своего, не далъ отвѣта. Тогда Зорабъ выѣзжаетъ противъ иранцевъ. Послѣ двукратнаго единоборства между сыномъ и отцемъ, послѣдній, видя, что ему не одолѣть юнаго витязя, отправился въ утесистую дебрь, къ горному духу, которому нѣкогда отдалъ излишекъ своей безмѣрной силы. Духъ возвращаетъ Рустему то, что получилъ отъ него на сбереженіе, и тогда третій бой рѣшаетъ участь Зораба. Пораженный смертельно, Зорабъ объявляетъ, чей онъ сынъ. Послѣдняя пѣснь изображаетъ отчаяніе Рустема: онъ отправляетъ мертвое тѣло въ Сабулистанъ для погребенія, а самъ удаляется въ пустыню совершить послѣдній, самый трудный подвигъ—убить грызущее его душу горе. Жуковскій передалъ повѣсть на русскій языкъ въ вольномъ подражаніи Рюккерту.

5. РОМАНСЫ О СИДѢ (стр. 30).

Главный предметъ испанской народной поэзіи—донъ Родригъ Діацъ (†1099), прозванный Сидомъ (господиномъ) и Кампеадоромъ (воителемъ). Въ 153-хъ романсахъ испанцы воспѣваютъ всю исторію своего героя, отъ начала его подвиговъ до его смерти. Художественная поэзія овладѣла потомъ народнымъ сюжетомъ, украшая дѣйствительность вымыслами. Явились цѣлыя поэмы о Сидѣ, который дѣйствовалъ при Фердинандѣ I и его сыновьяхъ: Санхо II и Альфонсѣ VI, и былъ женатъ на близкой родственницѣ послѣдняго—Хименѣ, дочери графа овіедскаго. Около 1081 г. Альфонсъ, неизвѣстно по какой причинѣ, изгналъ Сида изъ своихъ владѣній. Съ этого времени начинается та часть его жизни, въ теченіе которой онъ сдѣлался любимцемъ испанскаго народа. Различіе между дѣйстви-

тельной исторіей Сида, мало заботившагося о соблюденіи рыцарской чести, и его поэтическимъ образомъ, какъ представителемъ средневѣковаго рыцарства, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, см. въ ст. Грановскаго: «Испанскій эпосъ» (Соч. Гран., т. II). Гюльомъ де Кастро и Корнель изобразили Сида, въ трагедіяхъ, убившимъ на поединкѣ графа Гормаса, который оскорбилъ его отца Діего, и потомъ женившимся на дочери убитаго, Хименѣ. Жуковскій сдѣлалъ извлеченіе изъ романсовъ о Сидѣ по нѣмецкому переводу Гердера.

6. ЛЮБУШИНЪ СУДЪ (стр. 33) и

7. КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ (стр. 85).

Краледвроскую рукопись — собраніе древнихъ чешскихъ пѣсенъ — открылъ Ганка, 1317 г., въ городѣ Кралеведворъ (Königinhof). Она есть небольшой отрывокъ изъ цѣлой поэмы, появившейся между 1290 и 1310 гг., какъ думаетъ Добровскій, или между 1280 и 1290, какъ полагаетъ Палацкій. Стихотворенія ея трехъ родовъ: эпическія, лироэпическія и чисто-лирическія. Въ эпическихъ стихотвореніяхъ воспѣваются общенародныя событія — историческія, или основанныя на преданіяхъ. Въ лироэпическихъ разсказываются событія частныя, хотя тоже, вѣроятно, историческія. Лирическія суть пѣсни младенчествующаго народа, записанныя въ послѣдствіи со словъ какого-нибудь пѣвца.

Эпическія пѣсни:

1) «Забой и Славой» — самый замѣчательный отрывокъ, исполненный огня и силы и содержащій въ себѣ разсказъ о пораженіи чехами какого-то чужеземнаго короля. Одни думаютъ, что-то былъ Людвигъ нѣмецкій, предпринявшій, 849 г., походъ въ Регенсбургъ; другіе разумѣютъ битву Сама съ франками, пришедшими подъ предводительствомъ Дагоберта Великаго (628—638); третьи полагаютъ, что содержаніе пѣсни — чистый вымыселъ, зародышъ котораго лежитъ въ преданіяхъ о борьбѣ христіанства съ язычествомъ.

2) «Честміръ и Влаславъ» — разсказъ о разбитіи Честміромъ, или Чтиміромъ, измѣнника Круяоя и луцкаго (жатецкаго) князя Власлава. Событіе относится къ 1-й половинѣ XI в.

3) «Людиша и Люборъ» — описаніе съѣзда бояръ къ одному залабскому князю и потомъ боя между ними, или турнира того времени.

4) «Ярославъ» — разсказъ о пораженіи татаръ, подъ начальствомъ ихъ хана Кублая, чехами и моравцами при Оломуцѣ, 1241 г.

5) «Бенешъ Германычъ» — разсказъ о разбитіи саксоновъ Бенешемъ, сыномъ Германа, въ первыхъ годахъ XIII в.

6) «Ольдрихъ и Болеславъ» — разсказъ объ освобожденіи чеховъ отъ власти поляцъ, т. е. поляковъ, въ 1004 г.

Лиро-эпическія стихотворенія:

1) Збигонь» — разсказъ объ освобожденіи однимъ молодымъ героемъ своей любезной, которую похитилъ Збигонь.

2) «Олень» — разсказъ объ убіеніи коварнымъ врагомъ одного доблестнаго юноши, который былъ силенъ и красивъ, какъ молодой олень.

Лирическія стихотворенія: Вѣнокъ, Ягоды, Роза, Кукушка, Сиротка и Жаворонокъ.

Древнѣйшее сказаніе чеховъ — Любушинъ Судъ, относящійся, по мнѣнію Шафарика, къ концу IX в. (а по мнѣнію другихъ къ XI). Содержаніе его: двое богатыхъ владѣтелей, Хрудошъ и Стяглавъ, поссорились при дѣлежѣ отчины и были вызваны княжною Любушею на судъ, гдѣ, послѣ народнаго приговора, недовольный Хрудошъ возстаетъ противъ княжны, и оскорбленная Любуша, отказываясь отъ права обладать наслѣдственными землями, проситъ собравшихся къ ней кметовъ, леховъ и владыкъ (см. ниже въ замѣткахъ) выбрать изъ среды своей правителя. Тогда выходитъ защитникъ правъ

Любуши въ лицѣ Ратибора, указываетъ на святой законъ предковъ, но рѣчь его не кончена.

Отдѣльныя замѣтки къ «Забою и Славою»:

«Побѣжалъоленемъ» — обыкновенная форма выраженія, употребленная въ Словѣ о полку Игоревомъ и другихъ памятникахъ.

«Варито» (варыто)—музыкальный инструментъ со струнами, въ родѣ малорусской козбы.

Вамъ пою въ глубокой я долинѣ».— Пѣвцы того времени становились или садились во время пѣнія обыкновенно ниже тѣхъ, кому пѣли.

«И подругъ своихъ покинулъ».—Отсюда видно, что въ Чехіи нѣкогда было многоженство.

«На пути съ Весны и до Мораны».— «Весна»—богиня весны (jara) и молодости, а потомъ и самая весна и молодость. «Морана»—богиня зимы, смерти, а также и самая зима и смерть.

«Люміръ»—древній пророкъ, пѣвецъ.

«Вышеградъ и всѣ его предѣлы».— Построеніе этого города приписывается Любушѣ, но скорѣе можно думать, что онъ при ней возобновленъ.

«Жило-было двоебратьевъ».—Кажется, здѣсь Забой говоритъ про себя и про Славоя. Въ послѣдствіи Забой нѣсколько разъ называетъ Славоя своимъ братомъ.

«Что надъ всѣмъ поднялась краемъ». —Нельзя опредѣлить, какая это была гора. На правомъ берегу Ламы могла быть Бездѣсь (Pösig), на лѣвомъ Громоланъ (Donnersberg) близь Милешова.

Замѣтки къ «Любушину Суду»:

«Черезъ три рѣки съ полками Чеха». —Нѣкоторые полагаютъ, что то были Драва, Рабъ и Дунай; другіе же, считая чеховъ пришельцами изъ Бѣлой Хорватіи (отъ Карпатскихъ горъ), видятъ въ этихъ трехъ рѣкахъ—Вислу, Одру и Лабу, а также Гронъ, Вагъ и Мораву.

«Любица»—близь Подѣбрадъ.

«*Доброславскій* Холмъ».—Можно думать, что на этомъ мѣстѣ находится теперь Königgrätz.

«Керконоши». — Исполиновы горы. Сказаніе о Трутѣ, побѣдившемъ дракона, и до сихъ поръ живетъ въ народѣ. Въ гербѣ города Труднова сохраняется изображеніе дракона.

«Каменный мостъ».—Гдѣ онъ былъ, опредѣлить невозможно. О немъ упоминаетъ грамота кн. Спитигнѣва, данная Лютомѣрицкому собору въ 1057 г.

«Сазава». — Рѣка, вытекающая изъ южной Чехіи и близь Праги впадающая въ Влетаву.

«Кметъ» имѣетъ разныя значенія: селянина, ближняго человѣка къ князю, его совѣтника, начальника извѣстнаго округа въ родѣ польскаго старосты.

«Лехъ». Богатый владѣтель, правитель. Отъ Леховъ въ послѣдствіи произошли магнаты. Слово «лехъ» слышится теперь только въ производномъ «шляхта», шляхтичъ».

«Владыка»—Владѣтель небольшаго участка, мелкій дворянинъ. Изъ владыкъ образовались рыцарство и среднее дворянство. (Краледворская рукопись. Собраніе древнихъ и чешскихъ эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ. Переводъ Н. Берга. Изданіе Вячеслава Ганки. Прага. 1851 г.).

8. БАНОВИЧЪ СТРАХИНЬЯ (стр. 87).

Бановичъ Страхинья — одинъ изъ главныхъ героевъ Косовской битвы, происходившей на Косовомъ полѣ 1389 г. и рѣшившей участь Сербскаго царства. Онъ самъ и тесть его Югъ-Богданъ съ сыновьями пали въ этой битвѣ. Косово поле—въ Европейской Турціи, лежитъ между Сербіей, Босніей, Болгаріей, Македоніей, Албаніей, Черной горой и Герцеговиной.

«Съ бабой Шумадійской»—съ Сербіянкой изъ Шумади: такъ называется средняя, лѣсистая часть Сербіи, отъ «шума»—лѣсъ.

«Челенка»—золотой или серебряный султанъ на чалмѣ.

«Каукъ»—шапка, преимущественно бархатная, колпакомъ, кверху шире. На каукъ наматывалась чалма. (Пѣсни разныхъ народовъ, переводъ Н. Берга, 1854).

9. МАРКО КРАЛЕВИЧЪ (стр. 39).

Краль Марко, у сербовъ Марко Кралевичъ—любимый герой южныхъ славянъ, ихъ Илья Муромецъ, собственно же герой болгаръ, родомъ изъ города Прилипа, неподалеку отъ котораго находится и понынѣ Кула (башня, теремъ) Марка Кралевича, называемая въ народѣ «Маркова Кула». Онъ былъ сынъ одного изъ трехъ братьевъ Марлявчевичей, короля Вукашина, погибшаго съ братьями въ Косовской битвѣ. Его жизнь есть рядъ богатырскихъ подвиговъ и побоищъ въ Болгаріи, Сербіи, Турціи и у мадьяръ (Пѣсни раз. нар.).

10. РУССКІЙ ЭПОСЪ.

Богатыри старшіе.

а) Святогоръ (стр. 40).

Русскій народный эпосъ различаетъ двѣ эпохи въ образованіи богатырскихъ типовъ: эпоху богатырей старшихъ и эпоху богатырей младшихъ. Въ богатыряхъ старшихъ, или титаническихъ, говоритъ К. Аксаковъ, сверхъестественная сила, получая начертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, стихійною. Это — богатыри-стихіи. Названіе старшихъ дано имъ по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, которымъ они предшествуютъ, отъ которыхъ отличаются громадной величиной и неимовѣрной силой, и которые поэтому суть богатыри младшіе или человѣкоподобные.

Имя Святогора указываетъ на его связь съ горою: онъ живетъ на святыхъ горахъ; «святыми» называются онѣ здѣсь не въ христіанскомъ смыслѣ, точно такъ же, какъ и Русь получила свой эпитетъ «святая» первоначально безъ всякаго отношенія къ святости православія. Въ одной былинѣ, калики перехожіе заказываютъ Ильѣ Муромцу выходить драться со Святогоромъ богатыремъ, говоря, что «его и земля на себѣ черезъ силу носитъ». Святогоръ хотѣлъ поднять тягу земную, но его силы на то не хватило. Съ натуги онъ погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое.

Объ этомъ богатырѣ К. Аксаковъ передалъ еще слѣдующій слышанный имъ разсказъ:

Илья Муромецъ, послѣ многихъ совершенныхъ имъ богатырскихъ подвиговъ, не найдя себѣ равнаго силою, заслышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать гору и лежитъ на ней.—Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣриться. Пошелъ онъ искать этого богатыря и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился за сучекъ», говоритъ богатырь. Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и сказалъ ему: «А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ: нашелъ себѣ гору и лежу на ней».

б) Волхъ Всеславичъ (стр. 41).

Въ богатырской личности Волха Сеславича или Всеславича, говоритъ г. Буслаевъ, воплотилось сказаніе о происхожденіи рѣки Волхова, имѣющее всѣ признаки древняго миѳа. Какъ существо титанической, древней породы, Волхъ былъ сыномъ змія; своимъ рожденьемъ онъ производитъ великій переворотъ по всей землѣ; премудрость его состояла въ томъ, что онъ обертывался соколомъ, волкомъ, туромъ-зо-

лотые рога, горностаемъ, мурашкою, щукою, такъ что вся природа подчинялась его вѣщей силѣ; посредствомъ превращеній онъ былъ повсюду въ своей сферѣ—и въ лѣсу между звѣрями, въ воздухѣ между птицами, и въ водѣ между рыбами. Одно письменное сказаніе повѣствуетъ, что Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; съ бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы, и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ.

в) Вольга Святославичъ (стр. 43).

Титаническій характеръ Волха, или Вольга, въ послѣдствіи получилъ историческое значеніе князя. Такимъ онъ является въ этой былинѣ, которая, кромѣ того, изображаетъ миѳическаго пахаря, Микулу Селяниновича: его сохи не въ силахъ поднять совокупныя силы всей русской дружины, тогда какъ онъ самъ поднимаетъ ее одной рукой.— По другому эпизоду Микула Селяниновичъ есть хранитель тяги земной, которую онъ держитъ въ переметной сумочкѣ, т. е. тяги всей великой силы земли. Онъ сильнѣе не только Вольги Святославича, но и самаго Святогора. Вотъ этотъ разсказъ:

«Поѣхалъ Святогоръ путемъ-дорогою широкою, и по пути встрѣлся ему прохожій. Припустилъ богатырь своего добра коня къ тому прохожему, никакъ не можетъ догнать его: поѣдетъ во всю рысь, прохожій идетъ впереди; ступою ѣдетъ, прохожій идетъ впереди. «Ай же ты, прохожій человѣкъ, приостановись не со множечко, не могу тебя догнать на добромъ конѣ». Пріостановился прохожій, снималъ съ плечъ сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говоритъ Святогоръ богатырь: «Что у тебя въ сумочкѣ?—А вотъ *подыми съ земли,* такъ увидишь.—Сошелъ Святогоръ съ добра коня, захватилъ сумочку рукою—не могъ и пошевелить; сталъ здымать обѣма руками— только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрязъ. Говоритъ богатырь таковы слова: «Что это у тебя въ сумочку накладено? Силы мнѣ не занимать стать, а я и сдвинуть сумочку не могу». Въ сумочкѣ у меня тяга земная.—«Да кто жъ ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, звеличаютъ какъ по изотчинѣ?»—Я есть Микулушка Селяниновичъ.»

Вѣщій пахарь Микула Селяниновичъ становится на ряду съ Святогоромъ, Самсономъ и Вольгою. Запрещая Ильѣ Муромцу выходить на бой съ Святогоромъ, калики перехожія то же самое запрещаютъ ему и въ отношеніи къ Самсону, у котораго въ головѣ семь волосъ ангельскихъ, и къ Микулѣ, котораго любитъ мать сыра земля, и къ Вольгѣ, который не возьметъ силою, такъ возьметъ хитростію, мудростію.

«Кобыла у ратая соловая»—имя ей «обнеси-голова» (т. е. подними голова), потому что, какъ поется въ былинѣ, вздынула (т. е. подняла) она голову подъ облака.

«Шалыга»—то же, что шелепуга, плеть съ обвязанной пулей, кистень.

«Повыстенулъ»—Повыстегнулъ.

Богатыри Младшіе.

а) Илья Муромецъ.

аа) Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ (стр. 45).

Содержаніе былины—борьба Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ и пріѣздъ въ Кіевъ.

«Волчья сыть»—чѣмъ волкъ сытъ, волчій кормъ.

бб) Борьба Ильи съ Жидовиномъ (*стр.* 47).

Въ этой былинѣ выступаетъ сословное различіе богатырей. Каждое сословіе опредѣляется удачными, характеристичными примѣтами. Великанъ Жидо-

винъ есть подмѣна древняго исполина, о борьбѣ съ которымъ, вѣроятно, существовало преданіе. Позднѣйшая обстановка разсказа доказывается также иронической его приправой.

«Застава»—сторожевая рать.

«Ископоть»—ископыть, т. е. комъ, вылетѣвшій изъ-подъ копытъ.

«Чернизина»—черное пятно.

«Не удробился»—не испугался.

ее) Илья Муромецъ и Поганый Идолище. (стр. 49).

Поганый Идолище изображается и другими пѣснями. Въ борьбѣ съ Ильею онъ является врагомъ христіанства, образомъ язычества. У него есть своя «земля идольская», свое «царство идольское». Какъ врагъ христіанства, онъ помѣщается то въ коренной странѣ христіанства—Ерусалимѣ, то въ странѣ, откуда пришло къ намъ христіанство—въ Царьградѣ, то, наконецъ, въ Кіевѣ, гдѣ Русь приняла христіанство. Господство его представляется ужаснымъ насиліемъ; онъ громадный, безобразный, страшный; онъ ѣстъ и пьетъ чудовищными пріемами, требуетъ жертвъ и пожираетъ ихъ; не допускаетъ четья-пѣтья церковнаго, звону колокольнаго, прошенія милостыни Христовымъ именемъ; князь по неволѣ ему подчиняется, народъ перепуганъ, въ ужасѣ. Для борьбы съ нимъ Илья занимаетъ у калики перехожаго платье и клюку.

(Замѣтка г. Безсонова въ 4-мъ выпускѣ пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ).

б) Добрыня Никитичъ (стр. 50).

Былина содержитъ въ себѣ разсказъ о выѣздѣ Добрыни изъ родительскаго дома на богатырскіе подвиги. Во время этого выѣзда жена его вышла замужъ за Алешу Поповича.

Лѣтописи называютъ Добрыню дядею Владиміра; народныя пѣсни, наоборотъ, дѣлаютъ его племянникомъ великому князю. Эпосъ характеризуетъ его почетнымъ образомъ, означая его благородство по происхожденію, мягкость въ отношеніяхъ, изящество въ пріемахъ, какое-то рыцарство въ подвигахъ — «вѣжствомъ» или «вѣжествомъ», вѣжливостью, знаніемъ какъ съ кѣмъ обходиться, учтивостью, внушающею почесть и умѣющею почтить: «у Добрыни вѣжество рожденное и ученое, по природѣ и по воспитанію, по сложившемуся въ жизни навыку». (Замѣтка г. Безсонова, во 2-мъ выпускѣ пѣсенъ, собран. Кирѣевскимъ).

в) Изъ былины: Алеша Поповичъ. (стр. 52).

Былина приписываетъ Алешѣ Поповичу такіе же баснословные подвиги въ борьбѣ съ змѣемъ, какъ и Добрынѣ. Личныя черты этого богатыря слѣдующія: онъ сынъ попа ростовскаго; вѣжство у него не рожденное: въ подвигѣ беретъ смѣлостью, почему и дается ему прозвище «смѣлый»; на дѣлѣ смѣлость его доходитъ до дерзости и наглости; онъ «захлыщевой», забубенный; у него «глаза завидущія, руки загребущія»; при встрѣчѣ съ врагомъ не надѣется на свою крѣпость и не брезгаетъ средствами плохими: обманомъ, ударомъ изподтишка: онъ «женскій пересмѣшничекъ», «судейскій перелестничекъ»; короче, это совершенно оборотная сторона качествъ Добрыни (ib).

г) Потокъ Михайло Ивановичъ. (стр. 54).

«Нѣ въ кое время»—въ нѣкое время.

«И скоро онъ поѣхалъ»—какъ скоро, когда онъ поѣхалъ.

«Перво его въ свой домъ» — прежде его.

«Мудрости искала надъ мужемъ своимъ»—хотѣла его перехитрить, опутать чарами.

«Тотчасъ на саняхъ перевезти»—древнѣйшій обычай класть умирающихъ на саняхъ, извѣстный изъ Поученія Владиміра Мономаха. По другимъ варіан-

тамъ былины, вѣщая женщина Авдотьюшка Лиховидьевна родомъ изъ Подолья Лиходѣева, и называется Марья Подоленка Лиходѣева. Когда она обмерла, Потокъ воскресилъ ее въ могилѣ живою водою, которую принесъ подземельный змѣй. Наѣзжало сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей съ требованіемъ богатырской молодой жены неслыханной красоты; князь Владиміръ велитъ Потоку выдать ее безъ бою, безъ драки, чтобы избавить царство отъ погибели. Потокъ всѣхъ ихъ избиваетъ. Но, воротясь домой, онъ уже не нашелъ своей жены: ее похитилъ въ волынскую землю какой-то царь Вахрамей Вахрамеевичъ, соотвѣтствующій Змію Горынычу или Идолищу Поганому другихъ былинъ. Демоническая натура жены Потока выразилась связью съ этимъ миѳическимъ существомъ, на которое она промѣняла своего мужа, превративъ его въ камень. Камень этотъ былъ такъ тяжелъ, что никто изъ богатырей не могъ поднять его: только нѣкоторый Старчище поднялъ его на плечи и превратилъ его въ Михайлу Потока. Послѣ разныхъ приключеній Потокъ отомстилъ за себя, убивъ царя Вахрамея и свою преступную жену.

Потокъ, или Потыкъ, прозвище богатыря, показываетъ, по мнѣнію г. Безсонова, что онъ есть представитель движенія, броженія, кочевья. Это—богатырь-бродяга. (Замѣтка къ 4-му вып. пѣсенъ, собран. Кирѣевскимъ).

д) Изъ былины: Соловей Будиміровичъ (стр. 56).

Въ былинахъ, доселѣ намъ извѣстныхъ, говоритъ г. Буслаевъ, мало слѣдовъ древнѣйшаго варяжскаго обычая совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Можетъ быть былина о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранила нѣкоторые отголоски этой ранней поры. Хотя онъ называется гостемъ, т. е. торговымъ человѣкомъ, но, какъ норманскій *пиратъ*, имѣлъ онъ подъ рукою цѣлую дружину. Подробное описаніе корабля отзывается тою далекою эпохою, когда творческая фантазія находила себѣ пищу въ быту воинственныхъ корабельщиковъ.

Соловей Будиміровичъ, замѣчаетъ г. Безсоновъ, есть образъ удалаго морскаго наѣздника съ какого-то отдаленнаго «острова», подъѣзжавшаго на кораблѣ подъ самыя поселенія древней Руси, удивившаго русскихъ богатою добычей и плѣнявшаго невѣстъ заморскими диковинами, а между русскихъ ни съ кѣмъ не сроднаго. Это—прибалтійскій удалецъ, кто бы онъ ни былъ — отважный ли норманъ, или одинъ изъ поморянъ, изъ западныхъ славянъ—во всякомъ случаѣ изъ той доисторической эпохи, когда русскіе жили близко къ Балтійскому морю и вели по немъ торговыя сношенія. Хотя этотъ образъ и введенъ былевымъ творчествомъ, но онъ рѣзко выдѣляется, и возвышенное начало былины, посвященной Соловью, показалось для позднѣйшей Руси натянутымъ, породивши перелицовку:

Высота ли высота—потолочная;
Глубота ли глубота—подпольная;
А и широко раздолье—подъ печью шестокъ;
Чистое поле—по подлавечью;
А синее море—въ лохани вода.

«Глухоморья»—лукоморья (луки, или облучины моря, извилистаго морскаго побережья).

«Бурнастыя»—бурыя.

«Муравленъ»—муравою, травами, разводами (т. е. расписной, пестрый).

«Купавъ» иногда «упавъ» (въ женскомъ купава, упава, отсюда Запава) — красавецъ, красавица.

«Золота казна»—то же, что дорогая, хотя бы и не было въ ней золота для подарковъ.

«Замыслы Соловья Будиміровича»— т. е. искусство сдѣланныхъ узоровъ было заграничное, а придуманы они Соловьемъ.

«На златѣ на серебрѣ — не погнѣваться» — злата-серебра можно князю

и не дарить: у гостей-купцовъ не деньги, а товаръ.

«Какъ бы на пяту» — отворить на пяту значитъ отворить настежь. Въ крестьянской избѣ дверь ходитъ на «пятѣ», которая вставлена въ гнѣздо порога, а «головка» двери въ гнѣздо притолки.

«Заимуй»—занимай подъ постой.

«На то тебѣ съ княгинею подумаю»—объ томъ подумаю.

в) Василій Буслаевичъ (стр. 58).

Былины о Васильѣ Буслаевѣ рисуютъ древній новгородскій бытъ. Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новгорода, раздѣляемыхъ рѣкою. Волховымъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ которой стоялъ Буслаевъ. Старчище пилигримище — олицетвореніе непомѣрной силы новгородской старины.

«Малототъ идетъ, мало новой идетъ», мало (вскорѣ), новой (другой).

«Не крянется»—не тронется.

«Въ большой уголъ» или большо-уголъ—гдѣ поставлены иконы; верхно-уголъ—ближе къ дверямъ; печно-уголъ или пестный уголъ — противъ устья печки.

ж) Садко богатый гость (стр. 62).

Эта былина содержитъ въ себѣ миѳическія сказанія о богатомъ новгородскомъ гостѣ, какъ онъ женился на той изъ дочерей морскаго царя, которая была хуже всѣхъ.

Кромѣ миѳической основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое содержаніе.

«Ярышки»—работники, батраки.

«Валжены»—тяжелые, вѣскіе.

«Тавлеи»—шашки.

з) Отъ чего перевелись витязи на святой Руси (стр 64).

Эта былина составляетъ важный моментъ въ исторіи русскаго эпоса. Здѣсь смѣшиваются двѣ эпохи: первобытная—низверженіе великановъ древней хаотической эпохи подъ ударами богатырей и божествъ эпохи новой, и позднѣйшая — гибель новыхъ божествъ и младшихъ богатырей, вытѣсняемыхъ изъ народнаго сознанія новѣйшими, историческими переворотами.

«Годенко»—Годенъ, Горденъ, Гордей.

«Потнички»—подстилки подъ сѣдло.

«Урзамецкое» — мурзавецкое, мурзинское.

«Чингалище» — кинжалище, кинжалъ.

«Выходы мечетъ» — то же, что и хобаты (участки) мечетъ—выметывать изъ-подъ себя, перемахивать, перескакивать пространства въ цѣлую версту.

«Выскоки»—то же что ископыть.

«Ваши роды» — т. е. богатыри вашего разбора, кіевскіе, а можетъ быть и намекъ на поповскій родъ Алеши.

11. ЭНЕИДА (стр. 69).

Эней, троянскій царь, сынъ Анхиза и Венеры, женатый на Пріамовой дочери Креузѣ, отправился, по разрушеніи Трои, со многими одноплеменниками въ Италію, гдѣ онъ, согласно волѣ судьбы, долженъ былъ основать новую державу. Шесть лѣтъ скитался онъ по морямъ. На седьмой годъ отплываетъ онъ отъ Дрепанума (въ Сициліи) къ устью Тибра, который, по словамъ оракула, долженъ быть предѣломъ его странствій. Отсюда начинается поэма, имѣющая предметомъ—новыя препятствія, которыя Юнона, пылая гнѣвомъ на троянскій родъ еще со времени Парисова суда, воздвигаетъ на пути Энея и надъ которыми онъ подъ конецъ торжествуетъ. Дѣйствіе, разсказанное въ поэмѣ, состоящей изъ 12 пѣсенъ, продолжается около года, считая съ отплытія Энея отъ береговъ Сициліи, въ іюлѣ седьмаго года его похожденій, до смерти его противника, царя рутульскаго Турна, въ томъ же мѣсяцѣ слѣдующаго года.

Въ предѣлахъ избраннаго предмета Виргилій († 19 г. до Р. Х.) мастерски умѣлъ помѣстить, съ одной стороны, посредствомъ эпизодическихъ разсказовъ, событія, предшествовавшія главному дѣйствію поэмы, а съ другой, посредствомъ предсказанія и ловкихъ примѣненій, важнѣйшія событія римской исторіи, слѣдовавшія за главнымъ дѣйствіемъ. Народность Энеиды заключается въ томъ, что всѣ ея сказанія отнесены къ Риму и родъ Цезарей ведется отъ Юла (Асканія), Энеева сына. Такова и была собственно задача Виргилія—прославить благочестиваго (pius) троянскаго царя, какъ родоначальника римскаго народа. Но какъ въ эпоху Августа органическая связь образованія съ народной миѳологіей и древними преданіями была уже порвана, безъ чего истинный эпосъ невозможенъ, то поэма вышла искусственнымъ произведеніемъ, а не плодомъ самобытнаго, естественнаго творчества. Не смотря на изящный стихъ и многія прекрасныя частности, въ цѣломъ она скорѣе ученое, чѣмъ свободно-поэтическое твореніе, почему и пользовалась долгое время безусловнымъ почетомъ ученой критики до болѣе общаго и близкаго знакомства съ Гомеромъ.

Содержаніе. Эней отплываетъ отъ береговъ Сициліи. Юнона обращается къ Эолу, богу вѣтровъ, съ просьбой потопить троянскій флотъ. Эолъ выпускаетъ на волю вѣтры. Страшную бурю усмиряетъ Нептунъ, послѣ чего трояне пристаютъ къ берегамъ Ливіи (Африки). По просьбѣ Венеры, Юпитеръ посылаетъ Меркурія къ берегамъ Карѳагена, чтобы приготовить царицу Дидону къ благосклонному пріему троянъ. Эней съ Ахатомъ входятъ въ Карѳагенъ, гдѣ встрѣчаютъ Дидону и потерянныхъ товарищей. Царица устраиваетъ пиръ. Амуръ, принявъ образъ Асканія, воспламеняетъ въ ней любовь къ Энею. Предметъ второй и третьей пѣсенъ—разсказъ Энея о разореніи Трои и о потерѣ имъ въ ночной темнотѣ супруги своей, Креузы. Отчаясь взять городъ открытою силою, греки прибѣгли къ хитрости: они показали видъ, что снимаютъ осаду и хотятъ возвратиться на родину, но въ самомъ дѣлѣ только отплыли за островъ Тенедосъ, оставивъ въ полѣ деревяннаго огромнаго коня, во внутренности котораго были скрыты храбрѣйшіе воины. Трояне, не подозрѣвая обмана, прибѣжали толпами и съ удивленіемъ разсматривали колоссъ. Напрасно Лаокоонъ, Нептуновъ жрецъ, предостерегалъ ихъ. За то, что онъ бросилъ копье въ коня, его постигло страшное наказаніе: онъ и дѣти его были задушены змѣями. Это заставило троянъ исполнить хитрый совѣтъ грека, нарочно оставленнаго Улиссомъ—везти коня въ городъ. Въ 4-й, наилучшей, пѣснѣ поэмы, Дидона открывается сестрѣ своей Аннѣ въ любви къ Энею. Анна совѣтуетъ ей вступить съ нимъ въ бракъ. Этимъ совѣтомъ пользуется Юнона, желающая отклонить мысли Энея отъ Италіи. Бракъ совершился въ пещерѣ, куда Эней и Дидона удалились во время бури, застигшей ихъ на охотѣ. Молва объ этомъ доходитъ до мавританскаго царя Ярба, сына Юпитера-Аммона. Тронутый его мольбами, Юпитеръ посылаетъ Меркурія къ Энею съ повелѣніемъ оставить Карѳагенъ и плыть въ Италію. Эней повинуется: напрасны были просьбы, упреки, слезы, даже угрозы царицы. По отплытіи его, она рѣшилась умереть: устроила костеръ подъ предлогомъ жертвоприношенія, взошла на него и поразила себя мечемъ. Между тѣмъ буря заставила Энея пристать къ Дрепануму, гдѣ онъ за годъ передъ этимъ лишился отца. Въ годовщину его смерти онъ учреждаетъ игры. Анхизъ, явясь во снѣ сыну, совѣтуетъ ему отправиться къ кумской сивиллѣ и узнать отъ нея дальнѣйшую судьбу свою. Эней исполнилъ совѣтъ: вмѣстѣ съ сивиллой посѣтилъ адъ, гдѣ видѣлъ Анхиза въ Елисейскихъ поляхъ; тамъ же явились ему на берегахъ Леты тѣни его потомковъ. Изъ Кумъ Эней достигаетъ устья Тибра

и входитъ въ страну, управляемую царемъ Латиномъ. Царь предлагаетъ ему не только миръ, но и руку дочери своей, Лавиніи, которую мать ея (Амата) уже обѣщала Турну. Юнона возжигаетъ раздоръ въ царскомъ семействѣ и между троянами и латинами. Эней получаетъ отъ Венеры оружіе, изготовленное Вулканомъ; на щитѣ изображены важнѣйшія событія римской исторіи до битвы при Акціумѣ. Послѣднія четыре пѣсни (8—12) заняты описаніемъ битвъ. Амата, въ отчаяніи, лишаетъ себя жизни. Эней на единоборствѣ убиваетъ Турна.

Русскіе переводы Энеиды: В. Петрова (1781—86) и г. Шершеневича («Современникъ»,1852 и 1853).Жуковскій перевелъ 2-ю пѣснь, Мерзляковъ 4-ю и эпизодъ изъ 9-й (Низъ и Эвріалъ).

12. БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ.

(стр. 73).

«Божественная комедія» Данте Алигьери († 1321), написанная терцинами, заключаетъ въ себѣ 100 пѣсенъ и дѣлится на три части: Адъ, Чистилище и Рай. Въ каждой части 33 пѣсни; первая пѣснь служитъ вступленіемъ. Вся эпоха, современная Данте, нашла въ поэмѣ свое полное выраженіе. Предъ читателемъ въ полныхъ и яркихъ картинахъ развертываются и жизнь поэта, и политическія событія его времени, и все богатство средневѣковой науки. Будучи эпосомъ по преимуществу католическимъ, Божественная комедія въ то же время можетъ быть названа колоссальной аллегоріей: эти аллегоріи и намеки на современныя понятія и происшествія были причиною, что ее нельзя читать безъ толкованій, которыми занимались многіе ученые.

Содержаніе первой пѣсни Ада. Уклонившись въ глубокомъ снѣ съ прямой дороги. Данте пробуждается въ темномъ лѣсу, при слабомъ мерцаніи мѣсяца идетъ далѣе, и предъ дневнымъ разсвѣтомъ достигаетъ подошвы холма, котораго вершина освѣщена восходящимъ солнцемъ. Отдохнувъ отъ усталости, поэтъ восходитъ на холмъ, но три чудовища—Барсъ съ пестрою шкурою, голодный Левъ и тощая Волчица—преграждаютъ ему дорогу. Послѣдняя до того устрашаетъ Данте, что онъ готовъ уже возвратиться въ лѣсъ, какъ внезапно является ему тѣнь Виргилія. Данте умоляетъ его о помощи. Виргилій, въ утѣшеніе ему, предсказываетъ, что Волчица, такъ его испугавшая, скоро погибнетъ отъ Пса, и для выведенія его изъ темнаго лѣса предлагаетъ ему себя въ вожатые въ странствіи его черезъ Адъ и Чистилище, прибавляя, что если онъ пожелаетъ взойти потомъ на Небо, то найдетъ себѣ вожатую, стократъ его достойнѣйшую. Данте принимаетъ его предложеніе и слѣдуетъ за нимъ.

Отдѣльныя примѣчанія къ 1-й пѣсни:

«Въ срединѣ жизненной дороги».— На 35 году жизни, — возрастъ, который Данте называетъ вершиною человѣческой жизни.

«Темный лѣсъ».—Человѣческая жизнь вообще, а въ отношеніи къ поэту — его собственная жизнь, исполненная заблужденій и страстей.

«Лютый лѣсъ».—Лѣсъ имѣетъ здѣсь мистическій смыслъ и означаетъ, по однимъ, жизнь человѣческую, по другимъ— Флоренцію, волнуемую раздорами партій.

«Мой страхъ возобновилъ».—Жизнь Данте была такъ ужасна, что воспоминаніе о ней снова рождаетъ въ немъ ужасъ.

«Въ сонъ я погрузился».—Сонъ означаетъ, съ одной стороны, усыпленіе духа; съ другой—переходъ къ духовному міру.

«Холмъ» означаетъ или добродѣтель, или восхожденіе къ высшему благу.

«Юдоль»—земное поприще.

«Планета». — Солнце, принадлежащее, по системѣ Птоломея, къ планетамъ и означающее здѣсь не только матеріальное свѣтило, но. въ противоположность мѣсяцу (философіи), божественное вдохновеніе.

«Барсъ». — По толкованію од

Барсъ означаетъ сладострастіе, Левъ— гордость или властолюбіе, Волчица — корысть и скупость; другіе видятъ въ Барсѣ Флоренцію и Гвельфовъ, во Львѣ — Францію и въ особенности Карла Валуа, въ Волчицѣ—Папу.

«Отъ любви Божественной». — Эта любовь, по мнѣнію, Данте, есть причина движенія тѣлъ небесныхъ.

«Безгласный». — Намекъ на равнодушіе современниковъ Данте къ изученію твореній Виргилія.

«Sub Julio» (при Юліи Цезарѣ). — Одно изъ тѣхъ латинскихъ выраженій, которыхъ такъ много встрѣчается въ поэмѣ Данте, по общему обыкновенію не только поэтовъ, но и прозаиковъ того времени.

«О дивный свѣтъ, о честь другихъ пѣвцовъ!»—Виргилій въ средніе вѣка былъ въ большомъ уваженіи. Онъ же у Данте есть символъ человѣческой мудрости, знанія, философіи, въ противоположность Беатриче, олицетворяющей мудрость божественную — богословіе.

«Но близокъ Песъ».—Подъ именемъ пса большая часть комментаторовъ разумѣютъ Кана Гранде (Великаго) делла Скала, властителя Вероны, оплотъ Гибеллиновъ и въ послѣдствіи представителя императоровъ въ Италіи.

«Не мѣдь въ пищу обратится». — Мѣдь вмѣсто металла вообще. Смыслъ тотъ: онъ не прельстится пріобрѣтеніемъ владѣній (земли) и богатствъ.

«Межъ Фельтро и межъ Фельтро.»— Здѣсь опредѣляются владѣнія Кана Гранде: вся Марка Тривиджіана, гдѣ находится городъ Фельтре, и вся Романья, гдѣ гора Фельтре.

«Сонмъ древнихъ душъ».—Души великихъ мужей древности, не спасенныя крещеніемъ, содержались, по понятіямъ католической церкви, въ преддверіи Ада.

«Узришь и тѣхъ, которые въ огнѣ».— Души въ чистилищѣ.

«Тамъ есть душа достойнѣе».—Намекъ на Беатриче.

«Зане Монархъ».—Небесный Судія. «Мнѣ нынѣ воспрещаетъ». — Богъ не хочетъ, чтобы разумомъ человѣческимъ (Виргиліемъ) достигнули небеснаго блаженства, которое есть даръ свыше.

«Онъ царь вездѣ, но тамъ онъ управляетъ». — По представленію Данте, престолъ Бога въ высшемъ небѣ (эмпиреѣ), въ которомъ другіе девять круговъ вращаются около земли.

«Горшихъ бѣдъ».—Ада.

«Къ вратамъ Петра святымъ».—Врата, описанныя въ 1-й части Чистилища.

Содержаніе отрывка изъ 33-й пѣсни. Поднявъ голову и отеревъ уста о волосы изгрызенной головы, грѣшникъ повѣствуетъ Данту, что онъ, графъ Уголино, вмѣстѣ съ дѣтьми и внуками, предательски былъ схваченъ архіепископомъ Руджіери, голову котораго онъ теперь грызетъ; посаженъ въ тюрьму и въ ней уморенъ голодомъ.

Партіи Гибеллиновъ и Гвельфовъ въ Пизѣ носили названія партій Конти и Висконти. Въ концѣ XIII в. во главѣ Гибеллиновъ стоялъ Уголино делла Герардеска, выбранный, 1285 г., на десять лѣтъ подестой. Онъ сблизился съ Гвельфами тѣмъ, что выдалъ сестру свою за одного изъ Висконти. Отношеніе, въ которомъ Уголино находился къ враждующимъ сторонамъ, придавало его политическимъ дѣйствіямъ характеръ нерѣшительности и порождало къ нему недовѣріе обѣихъ партій. Между ссорившимися ихъ предводителями возникла третья партія, партія старыхъ, истыхъ Гибеллиновъ, подъ начальствомъ архіепископа Руджіери. Деспотическія дѣйствія Уголино и двусмысленное политическое его поведеніе были причиною народнаго возстанія. Онъ и сыновья его были взяты въ плѣнъ во дворцѣ народа (Palazzo del Popolo) и заключены въ башню Гваланди, гдѣ ихъ потомъ уморили съ голода, отъ чего башня и получила свое прозваніе.

«Семь разъ луны»... Уголино оставался въ башнѣ съ августа 1288 по мартъ 1289.

«Приснилось мнѣ»... Сонъ Уголино есть предзнаменованіе близкой его смерти. Руджіери представленъ какъ вождь и глава охоты; Сисмонди, Гваландп и Ланфранки, другіе предводители Гибеллиновъ, суть ловчіе, управляющіе псицами—чернью; волкъ съ волчатами — Уголино съ дѣтьми.

«Ансельмій». — Одинъ изъ внуковъ Уголино.

«Гаддо».—Одинъ изъ сыновей Уголино («Адъ» переведенъ Д. Миномъ 1855. Отсюда заимствованы примѣчанія).

13. **НЕИСТОВЫЙ ОРЛАНДЪ** (стр. 77).

Романтическая поэма Аріосто (†1533): «Неистовый Орландъ, или Роландъ», состоитъ изъ 46 пѣсенъ, поэтически передающихъ сказанія о Карлѣ Великомъ и его рыцаряхъ, между которыми первенствуетъ Роландъ. Она служитъ продолженіемъ поэмы Боардо (1494): «Влюбленный Роландъ». Содержаніе ея выражено въ началѣ 1-й пѣсни: «Пою дамъ, рыцарей, любовь, битвы и смѣлые подвиги того времени, когда мавры приплыли изъ Африки, предводимые царемъ ихъ Аграмантомъ, и причинили столько бѣдъ Франціи. Въ то же время я разскажу и объ Роландѣ, какъ герой, дотолѣ обладавшій умомъ, лишился его и сдѣлался неистовымъ». Аріосто обработывалъ выбранный предметъ не съ истиннымъ одушевленіемъ, подобно своему предшественнику (Боярдо), но съ ироніей и юморомъ, съ лукавымъ скептицизмомъ, который такъ нравится italіянцамъ по природному свойству ихъ характера. Повѣствованіе его чуждо наивности и вѣрованія, равно какъ рыцарство, имъ изображаемое, чуждо истинной религіи и любви. Лучшія мѣста поэмы: описанія битвъ (пѣсни 1, 2, 9, 14, 17 и 36), отчаяніе Олимпіи, покинутой своимъ супругомъ на островѣ (пѣснь 10), открытіе Роландомъ невѣрности Ангелики и начало его неистовства (п. 23), смерть Цербина (п. 24), разсказъ о вѣрности Изабеллы (п. 29), путешествіе Астольфа на луну (п. 34). Цѣлому творенію не достаетъ руководящей идеи и слѣд. эпическаго единства: отсюда быстрые переходы отъ однихъ приключеній къ другимъ, одинъ эпизодъ даетъ поводъ къ появленію другихъ эпизодическихъ разсказовъ.

Содержаніе отрывка, взятаго изъ 4-й пѣсни: появленіе Атланта, на крылатомъ конѣ; Брюнель провожаетъ Брадаманту, которая отнимаетъ у него очарованное кольцо, сражается съ Атлантомъ и беретъ его въ плѣнъ. Разрушеніе замка. Рожеръ улетаетъ на гиппогрифѣ. Брадаманта оставляетъ это мѣсто.

14. **ОСВОБОЖДЕННЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ** (стр. 81).

Поэма состоитъ изъ 20 пѣсенъ. Авторъ ея Торквато Тассо († 1595). Онъ выбралъ предметомъ освобожденіе Іерусалима изъ-подъ власти невѣрныхъ въ первый крестовый походъ: «Пою священную брань полководца (Годфреда), освободившаго гробъ Христовъ»— такъ начинается первая пѣснь. Образы и характеры, даже разговоры и рѣчи дѣйствующихъ лицъ можно назвать точными копіями съ Иліады и Энеиды: Ринальдъ, главный герой, соотвѣтствуетъ Ахиллу, Танкредъ — Гектору, Годфредъ—Агамемнону и Энею, Армида—Дидонѣ, бесѣда Аладина съ Эрминіей на башнѣ—бесѣдѣ Елены съ Пріамомъ, плачъ Армиды, оставленной Ринальдомъ—скорби Дидоны, по отплытіи Энея, битвы крестоносцевъ съ магометанами—битвамъ грековъ съ троянами и пр. Содержаніе отрывка изъ 13-й пѣсни: волшебникъ Исменъ очаровываетъ лѣсъ, желая воспретить входъ въ него христіанамъ, строившимъ изъ деревъ стѣнобитныя орудія.

15. ЛУЗІАДА (стр. 98).

Лузіада (отъ Лузитаніи, древняго названія Португаліи и ея жителей—Лузитанъ или Лузовъ)состоитъ изъ 10 пѣсенъ; сочинена Камоэнсомъ († 1569) и имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ—открытіе Васко де Гамою морскаго пути въ Индію. Къ этому событію присоединены всѣ важнѣйшія явленія исторіи португальскаго народа, почему поэма и получила значеніе народнаго эпоса.

Содержаніе: Въ то время, какъ Васко и его спутники находились уже въ Индійскомъ морѣ, недалеко отъ Мадагаскара, боги держатъ на Олимпѣ совѣтъ о предпріятіи отважнаго плавателя. Юпитеръ, Марсъ и Венера становятся на сторону португальцевъ; Вакхъ, напротивъ, старается вредить имъ, боясь, что они своими подвигами затмятъ славу его дѣлъ, совершенныхъ въ Индіи. Португальцы достигаютъ Мозамбика, вступаютъ въ бой съ маврами и обращаютъ ихъ въ бѣгство. Затѣмъ они прибываютъ къ зангвебарскому городу Момбацѣ, котораго царь коварно принимаетъ мореходцевъ. Венера и Нереиды спасаютъ ихъ флотъ отъ гибели, послѣ чего богиня восходитъ на Олимпъ, гдѣ Юпитеръ открываетъ ей будущую судьбу португальцевъ въ Остъ-Индіи. Меркурій приводитъ Васко де Гаму въ Мелинду, главный городъ Зангвебара. Здѣсь отважный мореходецъ радушно принятъ царемъ, которому, какъ Эней Дидонѣ, разсказываетъ (пѣсни 3, 4 и 5) свои похожденія и вмѣстѣ славнѣйшія событія португальской исторіи. Самые интересные разсказы изображаютъ судьбу несчастной Инесы де-Кастро и явленіе исполина Адамастора на мысѣ Доброй Надежды. По выходѣ Гамы снова въ море, Нептунъ, исполняя просьбу Вакха, воздвигаетъ бурю. Венера и Нимфы спасаютъ португальскій флотъ, который пристаетъ къ Индіи. Малабарскій царь сначала *дружественно принимаетъ* чужеземцевъ, но потомъ, по внушенію Вакха, становится врагомъ ихъ. Венера уничтожаетъ ковы Вакха и на возвратномъ пути португальцевъ въ отчизну воздвигаетъ, съ помощію своего сына Амура, прелестный островъ, на которомъ Гама и спутники предаются удовольствіямъ. Во время пиршества Сирена поетъ пророческую пѣснь о славныхъ подвигахъ португальцевъ въ Индіи. За тѣмъ Ѳемида ведетъ Гаму на высокую гору, объясняетъ ему строеніе вселенной и описываетъ разныя страны земли и живущіе въ нихъ народы. Наконецъ португальцы отправляются въ путь и благополучно достигаютъ отечества.

16. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ (стр. 89).

«Потерянный рай» Мильтона (†1674) изображаетъ, въ 12 пѣсняхъ, грѣхопаденіе первыхъ людей. Основная идея поэмы—исполненная трагизма борьба между небомъ и сатаной. Лучшія мѣста въ ней: картина невинности и блаженства Адама и Евы, грозно- величавый образъ сатаны, противоположный средневѣковому его представленію, описаніе милосердія и могущества Верховнаго Судіи и Его единороднаго Сына. Кромѣ эпическаго элемента, въ твореніи Мильтона выступаетъ элементъ дидактическій—вопросъ о происхожденіи зла, сильно занимавшій умы современныхъ богослововъ и философовъ. Поэтъ имѣлъ своею задачею оправдать пути Провидѣнія въ исторіи человѣчества, примирить взгляды Арминіанъ и Кальвинистовъ, такъ что на его поэму должно смотрѣть какъ на религіозный эпосъ и вмѣстѣ какъ на поэтическую Ѳеодицею (Богооправданіе). Въ другой формѣ рѣшаетъ онъ туже тэму, которою занимался Лейбницъ въ своей Ѳеодицеѣ.

17. ГЕНРІАДА(стр. 93).

Генріада Вольтера (†1778) состоитъ изъ 10 пѣсенъ. Она обнимаетъ время отъ союза, заключеннаго между Генри-

хомъ III и Генрихомъ IV для подавленія Лиги, до вступленія послѣдняго въ Парижъ. Главное дѣйствіе—осада Парижа, главное дѣйствующее лице—Генрихъ IV. Важнѣйшія мѣста: изображеніе англійскаго величія при Елизаветѣ, картина Варѳоломеевской ночи, бой при Иври, убіеніе Колиньи. Рядомъ съ дѣйствительными событіями идетъ чудесное, состоящее въ вымыслахъ и въ аллегоріяхъ. Къ первому роду чудеснаго относятся: предсказаніе о переходѣ Генриха IV въ католичество, явленіе св. Лудовика и покровительство, оказанное имъ королю; ко второму роду: олицетворенія Раздора, Политики, Фанатизма, разныхъ страстей и пороковъ, Храмъ Любви и пр. Цѣль поэмы—прославить вѣротерпимость. Авторъ ея не былъ поэтъ; онъ писалъ не по влеченію своей природы, а имѣя въ виду потребности современной эпохи. Онъ хотѣлъ дать французской литературѣ то, чего она еще не имѣла: первый опытъ героическаго эпоса. Генріада удовлетворяетъ прозаическому, разсудочному духу французовъ—и только. Въ ней нѣтъ поэтическаго воспроизведенія избраннаго событія, но есть заявленіе мыслей великаго таланта. Она по справедливости занимаетъ мѣсто между блистательными литературными памятниками, выражающими чувство настоящаго, но не характеръ прошедшаго. Это—дидактическій эпосъ, который долженъ быть вмѣненъ въ заслугу стихотвору какъ историческое его дѣло, а не какъ художественное произведеніе.

18. МЕССІАДА (стр. 94).

«Мессіада» Клопштока († 1803) заключаетъ въ себѣ 20 пѣсенъ. Главное лице ея—Искупитель міра. Вся поэма можетъ быть названа скорѣе элегически настроеннымъ гимномъ, нежели героическимъ эпосомъ. По формѣ Клопштокъ подражалъ Гомеру, выбравъ гекзаметръ, вмѣсто александрійскихъ стиховъ, по духу—Оссіановой поэзіи.

Аббадона, падшій и кающійся ангелъ, есть слабый отблескъ Мильтонова Сатаны. Содержаніе этого отрывка слѣдующее: «Сатана, собравъ подвластныя ему силы, замышляетъ съ ними погибель Мессіи. Аббадона вооружается противъ ненавистнаго замысла, но Адрамелехъ, одинъ изъ князей тьмы, заставляетъ его умолкнуть и отправляется съ Сатаной на землю. Аббадона также оставляетъ адъ. Терзаемый угрызеніями совѣсти и волнуемый мыслью, что онъ никогда не обрѣтетъ помилованія у Бога, онъ напрасно домогается смерти. Жуковскій перевелъ одинъ эпизодъ поэмы: Аббадона.

19. ФРИТІОФЪ (стр. 97).

Героическіе разсказы или, какъ они собственно называются, «саги», чрезвычайно размножились и процвѣли въ Исландіи. Началомъ многихъ изъ нихъ послужило поэтическое преданіе, древняя пѣснь, которую замысловатый разсказщикъ развивалъ и украшалъ по-своему. Каждая сага носитъ имя того героя, котораго дѣла она прославляетъ. Между ними есть одна, подъ заглавіемъ: «Сага Фритіофа Смѣлаго». Время жизни Фритіофа можно отнести къ 9-му вѣку; на этой сагѣ, въ Даніи и Швеціи, не разъ старались основать художественное произведеніе, но Тегнеръ, шведскій поэтъ, создавъ изъ нея поэму, заставилъ забыть всѣ прочія попытки. Поэма его, поэтически изображающая геройскую жизнь древняго сѣвера, переведена на русскій языкъ Я. Гротомъ. Содержаніе поэмы слѣдующее: Фритіофъ, сынъ Торстена Викингсона, бонда (владѣльца земли, вассала) и, по оружію, брата конунга (вождя, государя) Бела, воспитывается у Гильдинга, стараго бонда, вмѣстѣ съ Ингеборгою, дочерью конунга Бела. Оба они любятъ другъ друга съ самой нѣжной юности. Белъ, по обычаю скандинавскому, запрещающему героямъ умирать естественною смертію на посте-

ли, рѣшается, вмѣстѣ съ другомъ и сподвижникомъ своимъ, Торстеномъ Викингсономъ, умереть отъ меча. Владѣніе Бела достается сыновьямъ его Гелгу и Гальфдану, а Фритіофъ наслѣдуетъ отцу своему. Фритіофъ сватается за Ингеборгу, но Гелгъ, братъ ея, съ презрѣніемъ отказываетъ. Рингъ, престарѣлый владѣтель Нордландіи (Норвегіи), хочетъ жениться на Ингеборгѣ; Гелгъ отказываетъ и Рингу, который идетъ на него войною. Братья просятъ помощи у Фритіофа, но не получаютъ ее. Ингеборга заключена въ храмѣ Бальдера (богъ «добра и свѣта», видимый въ лучезарномъ солнцѣ, столь же прекрасный тѣломъ, какъ и духомъ); Фритіофъ видится тайно съ нею. Гелгъ, узнавъ о томъ, народнымъ судомъ изгоняетъ изъ отечества Фритіофа, возлагая на него подвигъ—взять дань съ ярла (ярлы—графы, которые, по знатности рода, слѣдовали за конунгами и сами бывали иногда главами областей) Ангантира, владѣтеля Оркадскихъ островов, который всегда платилъ дань Белу, но по смерти его пересталъ. Коварный Гелгъ вызываетъ изъ моря злыхъ духовъ; море волнуется, но Фритіофъ побѣждаетъ чудовищъ и бурю, пристаетъ къ берегу и угощается Ангантиромъ, который, изъ уваженія къ своему гостю, обѣщаетъ платить дань. По возращеніи на родину, Фритіофъ узнаетъ, что Ингеборга — жена Ринга, который добылъ ее огнемъ и мечемъ, и Гелгъ, увидѣвъ на рукѣ сестры своей запястье, подаренное Фритіофомъ, снялъ его и надѣлъ на кумиръ Бальдера. Фритіофъ исполняется дикимъ негодованіемъ и сжигаетъ храмъ Бальдера. Послѣ сего онъ снова изгнанникъ: онъ прощается съ родиною, пускается въ океанъ и тутъ начинается его кочевая жизнь—жизнь викинга (такъ назывались младшіе сыновья конунговъ, долженствовавшіе оружіемъ снискивать себѣ счастіе). То сражается онъ съ другими викингами, то дѣлаетъ высадки на берегъ, то грабитъ сильныя племена и опустошаетъ цѣлыя страны. Но грусть одолѣваетъ Фритіофа. Онъ хочетъ еще разъ видѣть Ингеборгу и рѣшается ѣхать къ Рингу—но не врагомъ, а мирнымъ гостемъ, чтобъ проститься съ Ингеборгою. У Ринга былъ пиръ, когда вошелъ въ чертогъ человѣкъ, покрытый съ темени до ногъ медвѣжьею шкурою, и который, какъ ни нагибался надъ нищенской клюкою, но все былъ выше всѣхъ другихъ. Онъ сѣлъ у дверей: одинъ изъ придворныхъ вздумалъ надъ нимъ посмѣяться, и пришлецъ могучею рукою поставилъ его вверхъ ногами. Конунгъ, довольный его смѣлымъ отвѣтомъ, проситъ сбросить личину — врага веселія: тогда явился глазамъ всѣхъ богато одѣтый юноша Фритіофъ, скрывшій, однакожъ, свое имя. Онъ гоститъ у Ринга, который наконецъ умираетъ: народъ, избравъ Фритіофа опекуномъ его сына и правителемъ страны, требуетъ, чтобы онъ женился на Ингеборгѣ. Но Фритіофъ возвращается на родину, воздвигаетъ новый, великолѣпный храмъ Бальдеру, узнаетъ о смерти Гелга, мирится съ Гальфданомъ и тогда уже соединяется съ Ингеборгой.

Въ моей поэмѣ, говоритъ Тегнеръ, я хотѣлъ создать поэтическую картину геройской жизни древняго сѣвера. Не Фритіофа самого по себѣ хотѣлъ я изобразить, но тотъ вѣкъ, представителемъ котораго онъ можетъ быть названъ. Въ характерѣ Фритіофа соединены особенности жителей сѣвера: отвага и дерзость съ одной стороны, расположеніе къ унынію и задумчивости съ другой,—къ унынію, которое свойственно всякому глубокому характеру, не убиваетъ жизненной веселости и свѣжести въ характерѣ, но только придаетъ ему болѣе внутренней силы: это «печаль на аломъ полѣ».

Вотъ мнѣніе Гете о поэмѣ Тегнера: «Здѣсь древняя, могучая, исполински-дикая поэзія очаровательно является намъ въ новомъ, мечтательно-нѣжномъ и, однакожъ, вовсе не искаженномъ видѣ».

20. АГАСВЕРЪ (стр. 100).

Заимствуемъ изъ предисловія къ поэмѣ Жуковскаго объясненіе ея основной идеи.

Всѣмъ извѣстна легенда о странствующемъ вѣчномъ жидѣ. Вѣроятно, что вначалѣ онъ служилъ символомъ народа іудейскаго, разсѣяннаго по всѣмъ странамъ свѣта, часто гонимаго, повидимому обреченнаго на истребленіе, но не исчезающаго и сохраняющаго упорно свои особенныя свойства, характеръ, вѣрованія и самый внѣшній образъ. Мало по малу аллегорическое значеніе легенды потерялось: она обратилась въ обыкновенную сказку, и принесенная въ Европу, переходя изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, была безпрестанно дополняема новыми сказаніями. Въ близкія къ намъ времена и въ наше время странствующій жидъ былъ также предметомъ многихъ повѣстей, романовъ и драматическихъ сочиненій. Каждый авторъ изображалъ его согласно съ своими видами, но большею частію черты таинственнаго лица сохраняются одинаково. Странствующій жидъ не только не умираетъ, но какъ будто и не измѣняется, оставаясь, вопреки теченію вѣковъ, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ минуту своего преступленія, со всѣми прежними заблужденіями, ненавистью, злобою. Жуковскій представлялъ его совсѣмъ инымъ, преображеннымъ благодатію существомъ. Цѣлію поэта было сдѣлать родъ апоѳеоза страданій и несчастія, показавъ, какъ оно благотворно дѣйствуетъ на душу, довольно твердую, чтобъ не упасть подъ бременемъ золъ, и особливо незараженную неизлечимымъ чувствомъ гордости. Агасверъ (такъ по преданію звали жида) нашелъ блаженство въ страданіяхъ, продолжающихся почти два тысящелѣтія. Долго волнуемый самыми буйными страстями, лишенный всего драгоцѣннаго въ жизни, тщетно искавшій смерти, онъ былъ, наконецъ, во глубинѣ отчаянія озаренъ божественнымъ свѣтомъ вѣры. Взглядъ любви одного изъ святыхъ мучениковъ, предъ нимъ умиравшихъ, сдѣлалъ его христіаниномъ. Утвержденный въ вѣрѣ Іоанномъ Богословомъ, заточеннымъ на островѣ Патмосѣ, онъ позналъ, что произнесенный надъ нимъ грозный приговоръ есть дѣйствіе непостижимаго милосердія. Онъ уже не ненавидитъ, а любитъ міръ и людей. Въ такомъ душевномъ состояніи является онъ предъ Наполеономъ I, когда сентъ-еленскій узникъ готовъ былъ положить конецъ тоскѣ вмѣстѣ съ жизнію. Агасверъ, какъ должно полагать (поэма не кончена), удержалъ его отъ самоубійства повѣствованіемъ о судьбѣ своей, — объясненіемъ загадки нашихъ земныхъ странствій и обязанности продолжать ихъ, обязанности жить.

21. ПОЛТАВА (стр. 102).

Полтава, историческая поэма въ 3-хъ пѣсняхъ, воспроизводитъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ нашего отечества. Содержаніе ея: Мазепа, малороссійскій гетманъ, сватается за Марію, дочь Кочубея, свою крестницу. Такое сватовство раздражаетъ отца и мать: они отказываютъ. Марія, любившая Мазепу, бѣжитъ изъ родительскаго дома. Кочубей поклялся отмстить гетману. Во время дружескихъ сношеній, Мазепа не разъ намекалъ Кочубею о своихъ преступныхъ намѣреніяхъ отложиться отъ Россіи, измѣнить своему законному государю. Кочубей вмѣстѣ съ Искрою написали доносъ, который отправили къ Петру съ неизвѣстнымъ казакомъ, втайнѣ любившимъ Марію. Но Царь, увѣренный въ вѣрности Мазепы, принимаетъ доносъ за клевету и предоставляетъ гетману наказать клеветника. Мазепа осуждаетъ Кочубея на казнь. Марія, остававшаяся въ невѣдѣніи, узнаетъ отъ матери объ участи, ожидающей отца; она прибѣгаетъ, но ужъ поздно, на мѣсто казни. Между тѣмъ Мазепа продолжаетъ сношенія съ Карломъ XII, притворяясь больнымъ, чтобы отвести

подозрѣнія. Съ приближеніемъ же шведовъ, измѣнникъ сбросилъ съ себя личину и присоединилъ полки свои къ войску шведскаго короля. Сраженіе при Полтавѣ разрушило преступные замыслы обоихъ. Мазепа долженъ былъ раздѣлить съ раненымъ королемъ жалкое бѣгство. Вблизи Днѣпра, для краткаго отдыха, дѣлаютъ они привалъ на чистомъ воздухѣ, у одного хутора, въ которомъ Мазепа узналъ прежнее жилище Кочубея и Маріи; она сама, ночью, является предъ нимъ съ словами безумія и любви. Но должно бѣжать, король зоветъ — и Мазепа скрывается съ нимъ, навсегда покидая родину.

22. ПЕРИ И АНГЕЛЪ (стр. 104).

(*Изъ поэмы: Лалла-Рукъ*).

Лалла-Рукъ есть произведеніе англійскаго поэта Мура († 1852). Планъ различныхъ повѣстей, соединенныхъ подъ однимъ названіемъ, слѣдующій:

Индійскій царь просваталъ свою дочь за сына Абдалы, царя малой Татаріи, происходящаго по прямой линіи отъ Чингисхана. Принцесса Лалла-Рукъ (т. е. имѣющая рубиновыя щеки) отправляется изъ Дели съ блистательной свитой. Ее сопровождаетъ Фадладинъ, придворный чиновникъ, который пользовался огромнымъ вліяніемъ при дворѣ и въ городѣ. Лалла-Рукъ, утомленная присутствіемъ Фадладина, зрѣлищемъ окрестныхъ мѣстъ по дорогѣ, разсказами невольницъ и танцами баядерокъ, замѣчаетъ молодаго поэта, Фераморца, присланнаго ея женихомъ изъ Кашемира, чтобы разсказами развлекать ее и сокращать скуку долгаго пути. Фераморцъ, зная столько же исторій, сколько знала ихъ Шехеразада, разсказываетъ на каждомъ привалѣ какую нибудь легенду. Между тѣмъ, какъ принцесса восхищается ученостью и неистощимымъ воображеніемъ поэта, Фадладинъ принимаетъ на себя обязанность критика и переводитъ на обыкновенный языкъ поэтическіе восторги Фераморца. Эти прозаическія вставки слѣдуютъ за каждой пѣсней и подобны отдыхамъ путника, проходящаго восхитительной страной. Наконецъ Лалла-Рукъ приближается къ мѣсту своего назначенія; но Кашемирская долина кажется ей не столь прекрасною, каковою она являлась въ волшебныхъ описаніяхъ поэта, который внезапно скрылся. Очарованная невѣста предпочитаетъ дѣйствительности міръ фантастическихъ призраковъ и гармоническихъ стиховъ. Она тоскуетъ о пѣвцѣ; но какъ только приблизилась къ трону, гдѣ ожидалъ ее женихъ, то узнаетъ этого пѣвца въ лицѣ своего жениха.

Четыре поэмы или четыре разсказа Фераморца суть слѣдующіе: «Закрытый Пророкъ Хорасана», «Ангелъ и Пери» (переведенный Жуковскимъ), «Поклонники огня» (прозаическій переводъ помѣщенъ въ журналѣ: Соревнователь) и «Свѣтъ Харема». Англичане называютъ ихъ четырьмя алмазами на драгоцѣнной жемчужной ниткѣ.

23. ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ (стр. 106).

Замокъ Шильонъ, въ которомъ съ 1530—37 заключенъ былъ Бониваръ, женевскій гражданинъ, находится между Кларановъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ Женевскаго озера. Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, снѣжныя Валисскія горы, а съ другой множество деревень и замковъ; передъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 890 французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды; ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончается поверхность озера, тамъ начинаются стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ Бониваръ, до половины выдолблена въ

гранитномъ утесѣ; своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бонивара, а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Неподалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, находится небольшой островокъ, единственный на Леманѣ: его можно различать изъ оконъ замка.

25. МЦЫРИ (стр. 112).

Мцыри—на грузинскомъ языкѣ значитъ «неслужащій монахъ», почти въ родѣ «послушника». Содержаніе повѣсти слѣдующее: Плѣнный мальчикъ черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ и хотѣлъ уже изречь монашескій обѣтъ, какъ вдругъ однажды, во время страшной бури, скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ степи и принесенъ снова въ обитель, слабый, больной, умирающій. Вся поэма заключается въ разсказѣ о томъ, что было съ нимъ въ эти три дня. Изъ разсказа видно, что Мцыри, желая пробраться на родину, воспоминаніе о которой смутно жило въ его душѣ, сбился съ пути. Блуждая въ лѣсу, гдѣ выдержалъ борьбу съ барсомъ, онъ увидѣлъ, что опять воротился къ монастырю.

27. РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ (стр. 123).

Авторъ этой поэмы—Генрихъ фонъ-Алькмаеръ, учитель и гофмейстеръ при дворѣ герцога лотарингскаго. Она впервые явилась въ Любекѣ, въ 1498 г., на нижне-германскомъ нарѣчіи. Въ предисловіи сказано, что она переведена съ французскаго. Но духъ народный и мѣстный колоритъ служатъ порукою, что она скорѣе созданіе самостоятельное чѣмъ переводное. Дѣйствіе происходитъ частію во Фландріи, частію въ смежной съ нею Германіи. Изъ Ахена, Гента, Люттиха и всей Фландріи читатель переносится въ Юлихъ, въ Арденскій лѣсъ. Коронованіе королей происходитъ въ Ахенѣ, а не въ Парижѣ или Реймсѣ. Все это позволяетъ заключать, что авторъ — уроженецъ нидерландскій. Въ 1522 г. саксонецъ Николай Бауманъ перепечаталъ поэму, снабдивъ ее отъ себя политическими и моральными тенденціями, почему онъ съ этого времени ошибочно почитался настоящимъ ея авторомъ. Въ 1794 г. Гете перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, раздѣливъ ее на 12 пѣсенъ.

Содержаніе поэмы сатирическое. Сатира ея, устремленная на всѣ сословія, въ особенности нападаетъ на пороки сильныхъ. Всѣ сословія изображены подъ видомъ животныхъ. Первое сословіе—крестьяне, служащіе, мастеровые (лошадь, оселъ, лошакъ, волъ и пр.); второе—мѣщане и купцы (бѣлка, заяцъ, кроликъ); третье и четвертое—независимые владѣльцы и сильные міра (волкъ, медвѣдь, леопардъ). Господа, стоящіе на низшей степени по сану, какъ напр. ленные владѣльцы и вообще вассалы, сравниваются съ лисицей, обезьяной, собакой; слуги же ихъ, рейтары и щитоносцы — съ маленькими кусающимися звѣрками: съ куницей, горностаемъ и т. д.

Королю и всѣмъ его приспѣшникамъ, также нѣкоторымъ лицамъ изъ простаго народа даны въ поэмѣ еще особыя придаточныя названія. Такъ льва-короля авторъ называетъ Нобелемъ; ближняго къ нему по сану герцога, князя или барона, медвѣдя—Брауномъ; волка—Изегримомъ; лиса, леннаго владѣльца—Рейнеке, лисицу Армелиною, барсука—Гримбартомъ, дикую кошку Альзою, козу Метке, барана Беллиномъ, зайца Вампе, осла Больдевиномъ, собаку крупной породы Риномъ, маленькую собачку Вакерлосомъ (труспкомъ), бобра Бокертомъ, пѣтуха—Курогономъ (Henning).

На первомъ планѣ поэмы поставленъ герой ея, Рейнеке-Лисъ. Король созываетъ дворъ; всѣ вассалы явились: не явился одинъ Рейнеке-Лисъ, отстранявшійся отъ двора въ слѣдствіе разныхъ своихъ продѣлокъ, буянствъ и безчинствъ. Всѣ имѣли какую-нибудь на него жалобу. Король, выслушавъ жалобы, отправляетъ къ Рейнеке медвѣдя-Брауна, который долженъ привести его съ собой (предисловіе М. Достоевскаго къ переводу поэмы Гете, 1861).

28. РУССКІЯ СКАЗКИ О ЗВѢРЯХЪ.
(стр. 128—183).
а) Лиса и заяцъ.

Въ Архангельской губерніи есть побасенка:

Идетъ пѣтухъ на пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,
Хочетъ лису посѣчи
По самыя плечи.
Вонъ лиса, вонъ кума!
—Вотъ я тебя, пѣтушища,
По колѣнамъ-то полѣномъ.

Для сличенія съ сказкою: «Лиса и Заяцъ», помѣщается сходственная съ нею «Сказка о Козѣ лупленой»:

Коза рухлена, половина бока луплена!... Слушай, послушивай! Жилъ-былъ мужикъ, у него былъ зайчикъ. Вотъ и пошелъ мужикъ на поле; тутъ увидалъ онъ: лежитъ коза, половина бока луплена, а половина нѣтъ. Мужикъ сжалился надъ нею, взялъ ее, принесъ домой и положилъ подъ сарай. Пообѣдавъ и отдохнувъ немножко, вышелъ онъ на огородъ, и зайчикъ съ нимъ. Тутъ коза изъ подъ сарая въ избу пробралась и тамъ крючкомъ заперлась.

Вотъ зайчикъ захотѣлъ поѣсть и прибѣжалъ къ дверямъ избы, хвать лапкой—дверь заперта. «Кто тамъ? спрашиваетъ зайчикъ. Коза отвѣчаетъ: «я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду—всѣ бока повыбью!» Зайчикъ съ горемъ отошелъ отъ двери, вышелъ на улицу и плачетъ. На встрѣчу ему бирюкъ. «Что ты плачешь?» спросилъ бирюкъ.—«У насъ въ избѣ кто-то», сказалъ сквозь слезы зайчикъ. А бирюкъ: «иди со мною, я выгоню!» Пришли къ дверямъ. «Кто здѣсь?» спросилъ бирюкъ. Коза затопала ногами и сказала: «я—коза рухлена, половина бока луплена; выду — всѣ бока повыбью!» Вотъ они и ушли отъ двери. Зайчикъ опять заплакалъ и вышелъ на улицу, а бирюкъ убѣжалъ въ лѣсъ.

На встрѣчу зайцу идетъ кочетъ: «что ты плачешь?» Зайчикъ ему сказалъ. Вотъ кочетъ и говоритъ: «иди со мною, я выгоню!» Подходя къ двери, зайчикъ, чтобы устрашить козу, кричитъ: «идетъ кочетъ на пятахъ, несетъ саблю на плечахъ, идетъ душу губить—козѣ голову рубить!» Вотъ подошли; кочетъ и спрашиваетъ: «кто тамъ?» А коза по прежнему: я—коза рухлена, половина бока луплена; выду — всѣ бока повыбью!» Зайчикъ опять со слезами ушелъ на улицу. Тутъ подлетѣла къ нему пчелка, суетится и спрашиваетъ: «кто тебя? о чемъ ты плачешь?» Зайчикъ сказалъ ей, и пчелка полетѣла къ избѣ. Тутъ она спросила: «кто тамъ?» Коза отвѣчала по прежнему. Пчелка разсердилась, начала летать кругъ стѣнокъ; вотъ жужжала-жужжала и нашла дырочку, влѣзла туда да за голый бокъ и жальнула козу рухлену и сдѣлала на боку пухлину. Коза со всего маху въ дверь и была такова! Тутъ зайчикъ вбѣгъ въ избу, наѣлся-напился и спать повалился. Когда зайчикъ проснется, тогда и сказка начнется.

Сказки о лисѣ, волкѣ, козѣ и другихъ звѣряхъ (Thiermärchen) составляютъ отрывки старипнаго животнаго эпоса. И въ другихъ народныхъ сказкахъ, повѣствующихъ намъ чудесныя похожденія и подвиги богатырей, являются дѣйствующими лицами звѣри, которымъ присвояются умъ, чувство, даръ слова и разныя сверхъестественныя свойства; но тамъ болѣе или менѣе являются они для услугъ человѣка, поставляемаго на первомъ планѣ, хотя нерѣдко превосходятъ его догадливостью и смѣлостью. Напротивъ въ мелкихъ басняхъ, на которыя раздробился жи-

вотный эпосъ, главный интересъ сосредоточивается на звѣряхъ: въ этихъ басняхъ являются они не только дѣйствующими лицами, но героями—каждый съ своимъ особеннымъ характеромъ. Вообще въ народныхъ памятникахъ вся природа представляется исполненною разумной жизни, надѣленною умомъ, чувствомъ и даромъ слова; у ней свои радости и страданія, которыя она нерѣдко раздѣляетъ съ человѣкомъ. Такой поэтически живой взглядъ на природу условливается характеромъ доисторическаго развитія народовъ; ибо въ основу этого развитія легло обожаніе таинственныхъ силъ природы и наивное преклоненіе предъ ея грозными и торжественными явленіями. По народнымъ преданіямъ, сохранившимся донынѣ, звѣри, птицы и растенія нѣкогда разговаривали какъ люди; поселяне вѣрятъ, что наканунѣ новаго года домашній скотъ получаетъ способность разговаривать между собою по-человѣчески, что пчелы во всякое время могутъ разговаривать съ маткою и другъ съ другомъ, что дятелъ стучитъ въ дерево съ отчаянья, и т. п. Въ пѣсняхъ и сказкахъ цвѣты, деревья, насѣкомыя, птицы и звѣри ведутъ между собою разговоры, предлагаютъ человѣку вопросы и даютъ ему отвѣты. Въ шумѣ древесныхъ листьевъ, свистѣ вѣтра, плескѣ волнъ, жужжаніи насѣкомыхъ, крикѣ и пѣніи птицъ, ревѣ и мычаньи животныхъ—въ каждомъ звукѣ, раждающемся въ природѣ, поселяне думаютъ слышать таинственный разговоръ, доступный только чародѣйному вѣдѣнію колдуна.

Народныя басни о *лисѣ*, въ теперешнемъ ихъ видѣ, представляютъ разрозненныя части одного древняго эпическаго сказанія, въ которомъ въ забавныхъ сценахъ показывается перевѣсъ хитрости, ловкости и ума, даже при недостаткѣ физическихъ силъ, надъ тупостью и слабоуміемъ, хотя бы эти послѣднія качества восполнялись огромною силою и крѣпостью тѣла. Сказаніе о лисѣ извѣстно почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и есть общее ихъ наслѣдіе, доставшееся имъ отъ эпохи доисторической. Переработанное въ средніе вѣка, оно дошло до насъ въ нѣмецкомъ и латинскомъ спискахъ XII вѣка; другіе списки относятся въ XIII вѣку (на франкскомъ и нидерландскомъ нарѣчіяхъ) и къ XV (на нижнесаксонскомъ). Во всѣхъ редакціяхъ поэма эта содержитъ въ себѣ много изреченій и подробностей, напоминающихъ наши народныя сказки (*Русскія народныя сказки, изд. А. Аѳанасьева*).

б) Мужикъ, Медвѣдь и Лиса.

Ситникъ—булка изъ пшеничной муки.

в) Котъ, Пѣтухъ и Лиса.

Варіанты пѣсни Лисы:

1. Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
   Золотой гребешокъ,
   Масляная головка,
   Сметанный лобокъ!
   Выгляни въ окошко,
   Дамъ тебѣ кашки
   На красной ложкѣ.
2. Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
   Золотой гребешокъ,
   Чесаная головушка,
   Масляная бородушка!
   Выгляни въ окошечко:
   Бары ѣдутъ,
   Кольцами звенятъ,
   Деньгами дарятъ!

Сказка эта оканчивается и такъ: Не найдя дома своего товарища, унесеннаго злодѣйкой-лисою, котъ погоревалъ, погоревалъ и пошелъ выручать его изъ бѣды. Онъ нарядился гусляромъ, пришелъ къ лисицыной избѣ, и поетъ: «Трень-трень (или: стрень-брень) гусельки, золотыя струнушки! Дома ли Лисафья, со своими со дѣтками: одинъ сынъ Терентьюшко, другой Мелентьюшко, третій Алешка—парнечокъ, одна дочь Чучелка, другая Пачучелка, третья Подмети-шестокъ, четвертая Подай-челнокъ!» Лиса посылаетъ своихъ дѣтей посмотрѣть, кто тамъ поетъ. А котъ всѣхъ ихъ и зарубилъ саблею. Подождала, подождала лиса; гусляръ пере-

сталъ пѣть, а дѣтки нейдутъ въ избу. Говоритъ пѣтушку: «поди, позови ихъ!» Вышелъ пѣтушокъ; какъ увидалъ кота—чуть было не закричалъ отъ радости: кукуреку! «Бѣги скорѣе домой!» говоритъ ему котъ. Пѣтушокъ побѣжалъ, а котъ къ лисѣ идетъ да поетъ:

Идетъ котъ на ногахъ,
Въ красныхъ сапогахъ,
Несетъ саблю на плечѣ,
А палочку при бедрѣ,
Хочетъ лису порубить,
Ея душу загубить!

Пришелъ, да какъ хватитъ лису саблей—изъ нея и духъ вонъ!

86. ИДИЛЛІИ ТЕОКРИТА.

в) Сиракузянки (стр. 264).

Теокритъ, греческій идилликъ, жилъ въ III в. до Р. Х. Адонисъ—красивый юноша, плѣнившій Афродиту. Въ Александріи и другихъ городахъ совершали ему великолѣпныя празднества, которыя продолжались два дня сряду: первый день былъ посвященъ трауру, второй—торжеству. Содержаніе идилліи: Сиракузянки, пріѣхавшія съ своими семействами въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздникъ, идутъ во дворецъ Птоломея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество.

«О Сладчайшая».—Эпитетъ Прозерпины, при которой Адонисъ проводилъ одну половину года; другую онъ пребывалъ на землѣ, по волѣ Зевеса, котораго просила о томъ Афродита.

87. ТИТИРЪ И МЕЛИБЕЙ (стр. 267).

Содержаніе: Пастухъ Мелибей, изгнанный изъ отеческаго достоянія, вмѣстѣ съ бѣднымъ стадомъ своимъ идетъ пріискивать другую пажить. На дорогѣ встрѣчаетъ онъ Титира, который, къ его удивленію, наслаждался совершенною свободою и безопасностію.—По мнѣнію древнихъ грамматиковъ, эклога эта приноровлена къ собственнымъ обстоятельствамъ Виргилія. Она сочинена въ то время, когда, послѣ примиренія тріумвировъ, Октавіанъ раздѣлилъ поля между своими ветеранами. Въ числѣ земель, имъ назначенныхъ, находилась Кремона, которая держалась стороны Брута и Кассія. Когда оказалось, что Кремонскихъ земель было очень недостаточно для множества пришельцевъ, то къ нимъ присоединена была и Мантуа, къ жителямъ которой принадлежалъ Виргилій. Онъ вмѣстѣ съ прочими долженъ былъ лишиться своего владѣнія; но, по совѣту Азинія Полліона, отправившись въ Римъ, выпросилъ обратно свои земли и жилъ въ тишинѣ и спокойствіи. Слѣд. Титиръ представляетъ Виргилія.

«О Мелибей, есть богъ»... Здѣсь разумѣется цезарь Октавіанъ, которому римляне начали воздавать божескія почести послѣ побѣды, одержанной надъ Помпеемъ.

«Похожъ на нашъ родной». — На Мантуу.

«Здѣсь не было боговъ страдальцу въ утѣшенье», т. е. не было покровителей, которые могли бы доставить мнѣ свободу.

«Но въ Римѣ видѣлъ я того»—Октавія Августа.

«Пьетъ Германъ Тигровы, а Пароъ—Арарскія воды»—Тигръ составляетъ границу пароянъ; другая рѣка впадаетъ въ Рону.

88. ГЕЗІОДЪ И ОМИРЪ (стр. 270.)

Мильвуа († 1816) — замѣчательный талантъ между французскими стихотворцами, наиболѣе извѣстный своими трогательными элегіями, каковы: «Паденіе листьевъ» (La chute des feuilles) и «Умирающій поэтъ» (Poëte mourant). Послѣдняя есть какъ бы голосъ предчувствія ранней смерти Мильвуа (онъ умеръ 34-хъ лѣтъ).

Въ примѣчаніи къ «Гезіоду и Омиру» Батюшковъ говоритъ: «Многіе писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были

современники; нѣкоторые сомнѣваются, а иные и совершенно оспаривают это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ поэмы «Труды и дни», жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона: тамъ родился Гезіодъ. Музы, говоритъ онъ въ началѣ Ѳеогоніи, нашли его на Геликонѣ и обрекли себѣ. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣніи. Архидамій, царь евбейскій, умирая, завѣщалъ, чтобы въ день смерти его ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполняли завѣщаніе родителя, и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи.—Плутархъ, въ сочиненіи своемъ: «Пиръ семи мудрецовъ», заставляетъ разсказывать Періандра о состязаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ и, въ знакъ благодарности Музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный въ награду. — Жрица дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили его на берегахъ Евбеи, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

90. УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА (стр 274).

«Гебель—говоритъ Гете объ авторѣ «Аллеманскихъ стихотвореній», — изображая свѣжими, яркими красками неодушевленную природу, умѣетъ оживотворять ее милыми аллегоріями. Древніе поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли ее существами идеальными: Нимфы, Дріады, Ореады жили въ утесахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гебель, напротивъ, видитъ во всѣхъ сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ, поселянъ, и всѣ его стихотворные вымыслы самымъ пріятнымъ образомъ напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха. Онъ выбралъ для мирной своей Музы прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое направленіе, обращается къ сѣверу. Ясность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей и милая простота нарѣчія, избраннаго поэтомъ, весьма благопріятны его прекрасному, оригинальному таланту. Во всемъ, и на землѣ и на небесахъ, онъ видитъ своего сельскаго жителя; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственныя радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ дня и года; онъ даетъ душу растеніямъ, привлекательно изображаетъ все чистое, нравственное и радуетъ сердце картинами ясно-беззаботной жизни. Но также просто и разительно изображаетъ онъ и ужасное и нерѣдко съ тою же любезною простотою говоритъ о предметахъ болѣе высокихъ: о смерти, о тлѣнности земнаго, о неизмѣняемости небеснаго, о жизни за гробомъ—и языкъ его, не переставая ни на минуту быть неискусственнымъ языкомъ поселянина, безъ всякаго усилія возвышается вмѣстѣ съ предметами, выражая равно и важное, и высокое, и меланхолическое. Нарѣчіе, избранное Гебелемъ, есть такъ называемое аллеманское, употребляемое въ окрестностяхъ Базеля».

104. ОДЫ ГОРАЦІЯ.

къ мецѳнату (стр. 297).

«Меценатъ»—К. Цилній Меценатъ, другъ римскаго императора Августа, покровитель искусствъ, подарившій Горацію виллу въ Сабиніи.

«Олимпійскій прахъ». Во время Горація († 8 г. до Р. Х.) знатные римляне посѣщали олимпійскія игры, стараясь пріобрѣсть на нихъ вѣнецъ побѣды.

«Поляхъ Ливійскихъ». Ливія, часть Африки между Еѳіопіей и Атлантическимъ океаномъ, употреблена вмѣсто цѣлой Африки.

«Пергамскихъ богачей».—Аттала, завѣщавшаго Риму несмѣтныя сокровища.

«Противный матерямъ»—непонимающимъ опасностей, которымъ сыновья подвергаются на войнѣ.

б) къ Аполлону (стр. 297).

Въ воспоминаніе Акціумской битвы Августъ посвятилъ на горѣ Палатинской храмъ Аполлону. При этомъ случаѣ каждый, при жертвоприношеніи, клалъ къ подножію божества табличку, на которой были начертаны его желанія. Горацій также изъявилъ и свои, но не проситъ богатства.

«Сардиніи златой» — Словомъ «златая» означено ея плодородіе.

«Не стадъ Калабріи». — Калабрія и Апулія славились въ Италіи стадами.

«Не костей, что породилъ востокъ».—Слоновая кость.

«Лирисъ» — на границѣ Лаціума и Кампаніи.

«Каленскимъ ножемъ». —Каленскія, или фалернскія розы славились виномъ. Горацій говоритъ «Каленскимъ ножемъ» вмѣсто того, чтобы сказать «Каленскія лозы».

«Сынъ Латоны»—Аполлонъ.

в) къ Деллію (стр. 298).

К. Деллій сначала принадлежалъ къ партіи народнаго трибуна Доллабелы, потомъ перешелъ къ Кассію, но вскорѣ оставилъ и его, приставъ къ партіи Антонія. Онъ убѣдилъ Клеопатру соединиться съ Антоніемъ, но, не дождавшись Акціумской битвы, перешелъ на сторону Октавіана. Зная легкомысліе своего друга, Горацій совѣтуетъ ему быть болѣе ровнымъ среди превратностей судьбы.

«Тибръ желтѣетъ». — Воды Тибра, отъ глинистой почвы, имѣютъ желтоватый цвѣтъ.

«Инахъ»—выходецъ изъ Египта, поселился въ Пелопонесѣ и былъ первымъ *царемъ аргивскимъ.* На берегахъ р. Инаха онъ построилъ замокъ Лариссу. Римскіе всадники должны были имѣть не менѣе 400,000 сестерцій и потому Горацій предполагаетъ, что богатый долженъ происходить отъ знатнаго рода, въ противоположность послѣднему изъ свободныхъ гражданъ.

«Оркъ»—жилище тѣней.

«Изъ урны выскочитъ»—по понятію Горація, богиня судьбы держитъ въ рукѣ урну, наполненную людскими именами. Потрясая урной, она выбрасываетъ жребій: тѣ, на которыхъ пали жребіи, должны умереть.

г) къ Лицинію Мурнѣ (стр. 298).

Лициній Мурена—сынъ Л. Мурены, котораго защищалъ Цицеронъ, и братъ Теренціи, супруги Мецената. Во время междоусобныхъ войнъ онъ лишился наслѣдственнаго состоянія, но снова получилъ имѣніе отъ брата своего Прокулея; за одержанную побѣду былъ сдѣланъ консуломъ, но, замѣшанный въ заговорѣ противъ Августа, не смотря на заступничество сестры и зятя, былъ казненъ. Горацій совѣтуетъ Лицинію не слишкомъ гордиться своимъ саномъ, указывая на златую посредственность (средину).

д) къ Меценату (стр. 299).

Ода отличается характеромъ эпилога, написаннаго, вѣроятно, въ то время, когда Горацій поднесъ Меценату двѣ первыя книги одъ (всѣхъ книгъ четыре). Въ 1-ой одѣ 1-й книги (къ Меценату, стр. 297) выраженія надежды исполненной.

«Дедалова Икара». — Дедалъ, сынъ аѳинянина Эвполема, улетѣлъ съ сыномъ своимъ Икаромъ съ острова Крита; но Икаръ, слишкомъ приблизясь къ солнцу, отъ чего восковыя его крылья растаяли, упалъ въ Эгейское море, получившее съ тѣхъ поръ названіе Икарскаго.

«Босфоръ»—здѣсь надобно разумѣть Константинопольскій проливъ.

«Гетульскіе сирты»—Гетулія въ Африкѣ; сирты—сыпучіе пески на морскомъ берегу.

Колхидецъ и Гелонъ».—Колхида—нынѣ Мингрелія; Гелоны — скиѳское племя на берегу Днѣпра.

«Дакъ и Марзы».—Даки жили въ нынѣшней Венгріи; Марзы—итальянское племя, служившее подъ знаменами Рима и снабжавшее, вмѣстѣ съ апулійцами, римское войско лучшими воинами.

«Иберецъ»—испанцы, отъ р. Ибера (Эбро).

«Роданъ» — нынѣшнюю Рону пили Галлы.

«Рыданьями безславить» — Римляне на похоронахъ заставляли женщинъ голосить подъ флейту.

Державинъ переложилъ эту оду на рус. яз., подъ названіемъ: «Лебедь», примѣняя сказанное Горaціемъ къ своему лицу.

е) къ ключу Бандузію (299).

Ключь въ шести миляхъ отъ Венузіи, на родинѣ Горація.

ж) къ мельпоменѣ (299).

Ода эта заключаетъ, въ видѣ эпилога, три первыя книги, посвященныя Меценату. Здѣсь еще яснѣй, чѣмъ въ одѣ къ Меценату (20-я книги 2-й), поэтъ говоритъ о важности своей заслуги и своемъ безсмертіи. Этой одѣ подражали многіе поэты, начиная съ Проперція. Подражанія Державина и Пушкина названы: Памятникъ.

«Доколѣ... ходитъ жрецъ», т. е. доколѣ будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру Капитолійскому, слѣд., по понятію римлянъ, вѣчно.

«Ауфида»—нынѣ Офанто, р. въ Апуліи, впадающая въ Адріатическое море. Берега этой рѣки—родина Горація.

«Давнъ»—первый царь Апуліи.

«Голосъ Эолійскій.—Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать Эолійскимъ пѣвцамъ.

(Оды Квинта Горація Флакка, перев. Фета).

з) эподъ 2 (300).

Восьмнадцать стихотвореній Горація названы «эподами», вѣроятно, въ смыслѣ «посмертныхъ одъ» или дополненій къ онымъ.

112. ФЕЛИЦА (стр. 308).

Въ 1781 г. была напечатана сочиненная Екатериною II для внука ея, великаго князя Александра Павловича, «Сказка о царевичѣ Хлорѣ». Хлоръ былъ сынъ князя, или царя, кіевскаго, во время отсутствія отца похищенный киргизскимъ ханомъ. Желая повѣрить молву о способностяхъ мальчика, ханъ приказалъ ему отыскать *розу безъ шиповъ*. Царевичъ отправился съ этимъ порученіемъ. Дорогой попалась ему на встрѣчу дочь хана, *Фелица*. Она хотѣла идти провожать царевича, но ей помѣшалъ въ томъ суровый мужъ ея, султанъ *Брюзга*, и тогда она выслала къ ребенку своего сына, *Разсудокъ*. Продолжая путь, Хлоръ подвергся разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ его зазвалъ въ избу свою мурза *Лѣнтяй*, который соблазнами роскоши старался отклонить царевича отъ труднаго предпріятія. Но *Разсудокъ* насильно увлекъ его далѣе. Наконецъ они увидѣли предъ собой крутую каменистую гору, на которой растетъ роза безъ шиповъ, т. е. добродѣтель. Съ трудомъ взобравшись на гору, царевичъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ и поспѣшилъ къ хану. Ханъ отослалъ его вмѣстѣ съ розой къ кіевскому князю, который такъ обрадовался пріѣзду царевича, что забылъ свою тоску и печаль.

Эта сказка подала Державину мысль написать оду къ Фелицѣ (богинѣ блаженства, по его объясненію этого имени). Онъ назвалъ Екатерину киргизъ-кайсацкою царевною еще и потому, что у него были деревни въ тогдашней

оренбургской области, по сосѣдству съ киргизскою ордою, подвластною императрицѣ. Представляя себя однимъ изъ мурзъ или приближенныхъ киргизской царевны, онъ предполагаетъ въ своемъ лицѣ соединеніе разныхъ недостатковъ, подмѣченныхъ имъ въ тогдашнихъ вельможахъ. Впрочемъ онъ и въ другихъ случаяхъ любилъ называть себя мурзою, въ знакъ своего происхожденія отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ Россію въ XIV в., при Василіи Темномъ. Такъ какъ императрица любила забавные шутки, то ода и была написана во вкусѣ ея, на счетъ ея приближенныхъ.

Блаженство смертнымъ проливаешь. — Около того времени императрица занималась сочиненіемъ разныхъ законовъ, какъ то: Дворянской грамоты, устава Благочинія и другихъ положеній.

Какъ я, отъ утра до утра.—Карты составляли при русскомъ дворѣ XVIII-го столѣтія ежедневное занятіе.

Коня парнасска не сѣдлаешь.—Екатерина не умѣла сочинять стиховъ. Куплеты и аріи для ея драматическихъ сочиненій писались, по ея порученію, И. П. Елагинымъ, А. В. Храповицкимъ и другими.

Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь. — Императрица не жаловала масоновъ и въ ложи къ нимъ не ѣзжала, какъ дѣлали многіе знатные. И. В. Лопухинъ, самъ принадлежавшій къ сектѣ масоновъ, говоритъ въ своихъ «Запискахъ»: «Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ существованію духовъ».

Не ходишь съ трона на Востокъ.— Вѣроятно, Державинъ разумѣлъ этотъ стихъ такъ: «ты не мечтаешь о несбыточномъ завоеваніи Индіи и Персіи», что входило въ планы Потемкина.

Скачу къ портному по кафтанъ.— Относится, какъ и слѣдующая строфа къ прихотливому нраву князя Потемкина.

Пловъ, или пилавъ—извѣстное восточное кушанье.

Или великолѣпнымъ цугомъ.—Графъ Сегюръ говоритъ въ своихъ запискахъ: «Всякій, кто имѣлъ чинъ выше полковничьяго, долженъ былъ ѣздить въ каретѣ, запряженной четверкой или шестеркой лошадей, съ бородатымъ кучеромъ въ кафтанѣ и двумя форейторами».

Съ собакой, шутомъ или другомъ.— Тотъ же Сегюръ говоритъ: «въ Россіи были еще вельможи, которые, по старому обычаю, содержали при себѣ шутовъ-любимцевъ». Такихъ шутовъ имѣли Потемкинъ и гр. Орловъ-Чесменскій.

Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.—Вся эта строфа относится къ Потемкину же, но болѣе къ гр. Алексѣю Григорьевичу Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ.

Или кулачными бойцами.—Тотъ же гр. Орловъ любилъ русскія пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество.

Ѣзжу на охоту и забавляюсь лаемъ псовъ.—Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ любилъ псовую охоту.

И греблей удалыхъ гребцовъ.—Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, бывшій тогда оберъ-егермейстеромъ, первый завелъ роговую музыку.

То ею въ головѣ ищуся.—Въ этомъ и предъидущихъ стихахъ упоминаются вообще старинные обычаи и забавы русскихъ.

За библіей, зѣвая, сплю.—Князь Вяземскій былъ охотникъ до романовъ, и Державинъ, поступивъ къ нему на службу, часто читалъ ему вслухъ подобныя книги. Случалось, что за ними и чтецъ и слушатель дремали.

Между лѣнтяемъ и брюзгой.—Въ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ являются между другими лицами мурза *Лѣнтяй* и султанъ *Брюзга*. Первый живетъ въ нѣгѣ и роскоши, а второй никогда не смѣется и сердится на другихъ за улыбку. Императрица разумѣла подъ Лѣнтягомъ Потемкина, а подъ Брюзгою— Вяземскаго.

Что отреклась и мудрой слыть. — Намекъ на то, что Екатерина отказалась отъ наименованій Великой, Премудрой, Матери отечества, которыя въ 1767 г. были поднесены ей сенатомъ и депутатами, созванными для составленія проекта новаго уложенія.

И быль? и небыль говорить. — Императрица была очень снисходительна къ людямъ, злорѣчиво отзывавшимся о ея слабостяхъ.

За здравіе царей не пить. — При императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою шепчутся, то они подозрѣвались во зломъ умыслѣ и по чьему-либо доносу попадали въ тайную канцелярію. То же бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала крѣпкаго вина, подносимаго за здравіе государыни, и потому принимались за ея недоброжелателей.

Въ строкѣ описку поскоблить.—Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ что-нибудь было подскоблено или поправлено. Только со времени Екатерины II стали позволять себѣ переносить этотъ титулъ изъ одной строки въ другую; а до тѣхъ поръ писцы, замѣченные въ этомъ, нерѣдко наказывались плетьми.

Или портретъ неосторожно ея на землю уронить.—Горе было также тому, кто хотя ненарочно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ императрицы; клеветнику стоило только донести, что такой-то бросилъ изображеніе лица ея. По одному крику: «Я знаю за собой слово и дѣло государево», тотъ, на кого это было сказано, былъ забираемъ подъ крѣпкую стражу и отводимъ къ тайному розыску; домъ же его весь кругомъ запечатывался.

Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ. —Относится къ бывшей при Аннѣ Іоанновнѣ шутовской свадьбѣ князя Голицына, для которой на Невѣ построенъ былъ особый ледяной домъ съ ледяною баней.

Князья насѣдками не клохчутъ.— Императрица Анна любила окружать себя шутами, которыхъ въ ея царствованіе было много. Когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, эти шуты садились въ лукошки въ комнатѣ, чрезъ которую ей надобно было проходить изъ церкви во внутренніе свои покои и кудахтали какъ насѣдки, что, разумѣется, производило общій хохотъ.

Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.— Подобное поученіе есть дѣйствительно въ азбукѣ, составленной Екатериною для внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина (*Россійская азбука для обученія юношества чтенію*). Вторая половина ея, названная «Гражданское начальное ученіе», состоитъ изъ краткихъ наставленій, между которыми одно заключается въ слѣдующемъ разсказѣ: «У Діогена нѣкто спросилъ: какъ отмстить тому, кто его злословилъ? Діогенъ въ отвѣтъ сказалъ: Не твори худо—*злословника лжецомъ сотворишь*».

Велитъ любить торги, науки. — Какъ эта строфа, такъ и предъидущая относятся къ разнымъ учрежденіямъ, возникшимъ въ тогдашнее мирное время. Между прочимъ Екатерина подтвердила данную дворянству Петромъ III свободу путешествовать по чужимъ краямъ; издала указъ о правѣ землевладѣльцевъ разработывать въ собственную пользу золото и серебро въ своихъ участкахъ; дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли; распространила право собственности владѣльцевъ на лѣса, въ дачахъ ихъ растущіе; разрѣшила свободное занятіе мануфактурами и торговлею и проч.

Бешметъ, или *башметъ*—татарское стеганое полукафтанье.

(Примѣчанія эти заимствованы изъ Академическаго изданія сочиненій Державина.)

113. ВИДѢНІЕ МУРЗЫ (стр. 311).

Эта ода написана для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводили на автора за *Фелицу*, оскорбившую самолюбіе многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудившую противъ него зависть.

Что нѣжная его Плѣнира. — Такъ называлъ Державинъ первую жену свою.

Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ и серебророзовыхъ свѣтлицъ. — Въ Царскосельскомъ дворцѣ находится донынѣ одна комната, вся убранная янтаремъ; другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбою.

И въ досканцахъ червонцы шлютъ.— Намекъ на золотую табакерку съ 500 червонцевъ, пожалованную Державину вскорѣ послѣ появленія оды *къ Фелицѣ*. Въ старину, когда въ Россіи табаку еще не нюхали и табакерокъ не знали, употреблялись ящички другаго рода или досканцы, въ которыхъ сохраняли мушки, булавки и тому подобныя мелкія принадлежности женскаго туалета.

Одежда бѣлая струилась... держалъ, какъ будто-бы уснувъ.—Эти двадцать стиховъ содержатъ описаніе портрета, сдѣланнаго извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ и нынѣ находящагося въ Императорской публичной библіотекѣ.

Градская на главѣ корона.—«Градская» вмѣсто «гражданская».

Изъ черноогненна виссона. — «Виссонъ» —тонкая драгоцѣнная ткань у древнихъ, особенно въ Египтѣ.

Висѣлъ на лѣвую бедру. — Лента владимірскаго ордена, который Императрица, по написанію ею Учрежденія о губерніяхъ, возложила на себя какъ награду за труды свои.

Богиня на меня воззрѣла. — Державинъ вспоминаетъ, какъ онъ былъ представленъ государынѣ за оду «Къ Фелицѣ». Государыня, остановясь поодаль отъ него, нѣсколько разъ окинула его быстрымъ взоромъ съ ногъ до головы и наконецъ подала ему руку.

Вострепещи, мурза несчастный. — Императрица, какъ бы не догадываясь, что похвалы въ «Фелицѣ» относятся къ ней, показывала видъ, будто она удивляется смѣлости, съ какою эта ода написана.

Въ вредъ добродѣтели не строй. — Т. е. не пой, какъ сирены, во вредъ добродѣтели.

Что онъ насѣдкой не сидитъ.—См. примѣчанія къ Фелицѣ.

А тотъ соленыхъ огурцовъ.—Намекъ на Потемкина, который только тогда и былъ доволенъ, когда чего дожидался, а какъ скоро получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ по имперіи нарочныхъ за арбузами, огурцами и т. п.

(Акад. изд. Сочиненій Державина, т. I, стр. 157—169).

115. ПАМЯТНИКЪ (стр. 314).

Подражаніе одѣ Горація: «Къ Мельпоменѣ» (см. въ Христ. стр. 299—300), съ которой и надобно сличить его, равно какъ съ «Памятникомъ» Пушкина (стр. 320), написаннымъ въ подражаніе Державину. Каждый изъ этихъ поэтовъ выражаетъ сознаніе того, чѣмъ онъ заслужилъ безсмертіе. Заслуга Горація: онъ первый свелъ пѣснь Италіи на голосъ эолійскій. Заслуга Державина: онъ первый въ забавномъ русскомъ слогѣ возглашалъ о добродѣтеляхъ Фелицы и говорилъ правду царямъ съ улыбкою (въ Видѣніи Мурзы: «и въ шуткахъ правду возвѣщу»). Заслуга Пушкина: онъ пробуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ (между прочимъ, напр., въ стихотвореніи «Стансы»: *Въ надеждѣ славы и добра*, и проч.)

Доколь славяновъ родъ вселенна будетъ чтить. — Неправильную форму «славяновъ» дозволилъ себѣ и Пушкинъ въ «Бородинской годовщинѣ»: *Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь.*

126. ПРОРОКЪ (стр. 321).

Содержаніе: посвященіе въ пророки, сообщеніе даровъ пророчества. — Раздѣленіе: въ піесѣ три части—вступленіе, главная часть и заключеніе. Вступленіе (первые четыре стиха) изображаетъ состояніе, предшествовавшее посвященію: избранникъ томился духовной жаждой, скитался въ мрачной пустынѣ. Главная часть подраздѣляется на четыре отдѣла, соотвѣтствующіе четыремъ дѣйствіямъ серафима, который сообщаетъ избраннику четыре дара: острое, орлиное зрѣніе; чуткій слухъ, уловляющій неуловимое обыкновенными смертными; даръ краснорѣчія; мудрый глаголъ (изображенный въ видѣ змѣинаго жала) и любовь къ ближнимъ, ревность къ вѣщанію воли небесной (изображенныя въ видѣ угля, пылающаго огнемъ): ибо безъ любви и ревности всѣ слова подобны кимвалу бряцающему. Заключеніе содержитъ въ себѣ велѣніе Бога, укрѣпляющее всѣ дѣйствія серафима: «виждь» (просвѣтлѣніе зрѣнія), «и внемли» (просвѣтлѣніе слуха), «глаголомъ» (даръ убѣдительнаго слова), «жги» (пламень любви и ревности). Стихотвореніе принадлежитъ къ высоко-художественнымъ произведеніямъ; въ немъ все полно, окончено; нѣтъ ни одного лишняго слова, равно какъ нечего къ нему и прибавлять.

131. ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ (стр. 323).

Есть священное преданіе въ нашей Церкви, что во время страшнаго землетрясенія, колебавшаго Византію, когда царь, сенатъ, синклитъ и народъ молились предъ алтаремъ объ избавленіи, невидимая сила подняла отрока къ небесамъ и онъ услышалъ горнюю пѣснь: «святъ, святъ, святъ!» и принесъ ее на землю, и ею спасена была Византія. Языковъ передалъ стихами это преданіе. Піеса его вызвала два письма Гоголя, помѣщенныя въ Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями, подъ названіемъ: «Предметы для лирическаго поэта въ наше время».

133. ПРОРОКЪ (стр. 324).

Стихотвореніе Лермонтова есть какъ бы продолженіе стихотворенія Пушкина (Пророкъ). У Пушкина посвященный въ пророки выходитъ на дѣланіе; у Лермонтова, онъ, по совершеніи возложеннаго на него дѣла, встрѣчаетъ гоненіе: люди не увѣровали слову истины и изгнали глашатая ея изъ среды своей.

135. ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА (стр. 325).

Сличи съ стихотвореніемъ: Размышленіе по случаю грома (стр. 315).

183. ПѢСНИ АНАКРЕОНА (стр. 341).

Анакреонъ род. въ 532 г. до Р. Х. въ іонійскомъ городѣ Теосѣ. Первую половину своей жизни провелъ внѣ своей отчизны при дворахъ Поликрата, Гиппарха и въ странствованіяхъ по разнымъ городамъ Эллинскаго материка и острововъ. Въ Теосъ возвратился уже на 45-мъ г.; но вскорѣ принужденъ былъ снова оставить родной городъ и удалиться, вмѣстѣ со многими изъ своихъ согражданъ, во ѳракійскій городъ Абдеру. Ум. на 84-мъ г.

а) къ лирѣ.

Эта пѣснь не безъ умысла ставится во всѣхъ изданіяхъ Анакреона на первомъ мѣстѣ. Она служитъ прекраснымъ вступленіемъ. Анакреонъ отказывается въ ней отъ всѣхъ остальныхъ родовъ поэтическихъ произведеній и хочетъ быть по преимуществу пѣвцомъ любви. Лира была любимымъ его инструментомъ; она состояла изъ роговаго, обыкновенно черепаховаго, вогнутаго станка, на которомъ были натянуты семь струнъ. Кромѣ того, Анакреонъ употреблялъ еще цитру (тоже родъ семиструнной лиры, но меньшаго размѣра) и барбитонъ или пектиду (родъ арфы о двѣнадцати струнахъ).

«Хочу я пѣть Атридовъ». Подъ Атри-

дами разумѣется здѣсь не только Агамемнонъ и Менелай, но цѣлый родъ Атрея, котораго герои и героини выбирались по большой части въ дѣйствующія лица трагедій.

«Недавно перестроилъ... хотѣлъ повѣдать міру».—Т. е. замѣнилъ лирическій родъ эпическимъ. Поэтъ прощается съ героями и вмѣстѣ съ эпосомъ.

У насъ этой пѣснѣ подражали Ломоносовъ и Державинъ.

б) Эротъ.

«Какъ Медвѣдица... Волопаса». — Положеніе этихъ двухъ созвѣздій (Медвѣдицы и Волопаса) указывало на полночь. Древніе считали часы по положенію звѣздъ отъ захожденія солнца.

«Натянувши—въ печень».—Древніе полагали престолъ любви въ печени, а не въ сердцѣ. Такъ Өеокритъ, въ 11-й идилліи, говоритъ: «Венера вонзила стрѣлу въ печень Полифема», и въ 13-й, гдѣ разсказывается объ Ираклѣ! «жестокій богъ (Эротъ) разодралъ его печень».

Этой пѣснѣ подражали также Ломоносовъ и Державинъ.

в) Весна.

Изъ царства растительнаго Анакреонъ говоритъ только о смоковницѣ, оливковомъ деревѣ и виноградномъ кустѣ, потому что плоды ихъ чаще всего употреблялись на пирахъ.

д) Умѣренность.

Кіафомъ назывался родъ глубокаго ковша, которымъ черпали вино.

Эта пѣснь переложена А. Пушкинымъ:

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно:
Нѣтъ! за чашею пою,
Иль бесѣдую невинно.

204. ПОСЛАНІЕ СЪ ПОНТА (стр. 351).

Причина заточенія Овидія Назона († 17 г. Р. Х.) въ Томи (Томисваръ), у береговъ Чернаго Моря, между южнымъ устьемъ Дуная и Варной, до сихъ поръ остается загадкой. Внѣшнимъ къ нему поводомъ была та нескромность, которую поэтъ допустилъ въ своемъ «Искусствѣ любви». Истинную же тому причину одни изслѣдователи видятъ въ преступныхъ или по крайней мѣрѣ неумѣстныхъ отношеніяхъ Овидія къ Юліи, внукѣ Августа, другіе въ заговорѣ въ пользу Агриппы Постума и въ мстительности Ливіи и Тиберія. Тоску свою по родинѣ поэтъ излилъ въ элегіяхъ: «Жалобы Овидія» и «Письма съ Понта» (Epistolae ex Ponto). (См. въ IV книгѣ Пропилей: «Фасты Овидія», П. Безсонова, и «Древности Томи», П. Беккера). Судьба римскаго поэта внушила Пушкину одно изъ лучшихъ его посланій: «Къ Овидію».

209. ТѢНЬ ДРУГА (стр. 357).

Это стихотвореніе посвящено памяти Петина (полковника гвардейскаго егерскаго полка), убитаго въ лейпцигскомъ сраженіи на 26-мъ году жизни. Вотъ что говоритъ о немъ Батюшковъ: «Пріятель мой уснулъ геройскимъ сномъ на кровавыхъ поляхъ Лейпцига. Время изгладило его изъ памяти холодныхъ товарищей, но дружество и благодарность запечатлѣли его образъ въ душѣ моей. Я ношу сей образъ въ душѣ, какъ залогъ священный, онъ будетъ путеводителемъ къ добру; съ нимъ неразлучный, я не стану блѣднѣть подъ ядрами, не измѣню чести, не оставлю ея знамени. Мы увидимся въ лучшемъ мірѣ; здѣсь мнѣ осталось одно воспоминаніе о другѣ: воспоминаніе, прелестный цвѣтъ, посреди пустыней, могилъ и развалинъ жизни».—«При одномъ имени сего любезнаго человѣка, всѣ раны сердца моего растворяются, ибо тѣсно была связана его жизнь съ моею...Души

наши были сродны. Одни пристрастія, однѣ наклонности, та же пылкость и та же безпечность, которыя составляли мой характеръ въ первомъ періодѣ молодости, плѣняли меня въ моемъ товарищѣ. Привычка быть вмѣстѣ, переносить труды и безпокойства воинскія, раздѣлять опасности и удовольствія, стѣснила нашъ союзъ. Часто кошелекъ, и шалашъ, и мысли, и надежды были у насъ общія.—Тысячи прелестныхъ качествъ составляли сію прекрасную душу, которая вся блистала въ глазахъ молодаго Петина. Счастливое лице, зеркало доброты и откровенности, улыбка безпечности, которая исчезаетъ съ лѣтами и съ печальнымъ познаніемъ людей, всѣ плѣнительныя качества наружности и внутренняго человѣка достались въ удѣлъ моему другу. Умъ его былъ украшенъ познаніями и способенъ къ наукѣ и разсужденію: умъ зрѣлаго человѣка и сердце счастливаго ребенка—вотъ, въ двухъ словахъ, его изображеніе».

231. САТИРА ГОРАЦІЯ (стр. 867).

ПРОТИВЪ ЛЮБОСТЯЖАНІЯ.

Примѣчанія принадлежатъ переводчику ихъ на русскій языкъ, М. А. Дмитріеву (Сатиры Горація. Съ латинскаго переводъ въ стихахъ М. Дмитріева. 1858).

«Фабій болтунъ».—Кто былъ онъ, достовѣрно неизвѣстно. По болѣе правдоподобному мнѣнію, здѣсь упоминается Фабій Нарбонскій, приверженецъ Помпея, написавшій нѣсколько книгъ о стоической сектѣ.

«Водолей опечалитъ».—Знакъ зодіака, въ который вступаетъ солнце въ январѣ. Такъ какъ январь сопровождается въ Италіи дождями, то и приписывали ихъ Водолею.

«Авфидъ».—Рѣка въ Апуліи, впадающая въ Адріатическое море.

«Танталъ».—Сынъ Юпитера и нимфы Плуто, низверженный въ тартаръ и осужденный, стоя въ одной адской рѣкѣ, страдать жаждою за то, что подалъ богамъ за ужиномъ члены своего сына Пелопса.

«Тиндариды». Внуки Тиндара, Клитемнестра и Елена, убившія своихъ супруговъ—первая Агамемнона, вторая Деифоба. Подъ именемъ Тиндаридъ разумѣются всѣ женщины, имъ подобныя по рѣшительности, силѣ и преступленію.

«Меній и Номентанъ».—Извѣстные расточители.

«Межъ Танаиса и тестя Визельева есть середина». Смыслъ тотъ, что между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ страдалъ недостаткомъ, а другой излишествомъ, должна быть середина.

«Криспинъ».—Жалкій стихотворецъ, ставившій себѣ въ достоинство, что скоро куетъ стихи.

232. КЪ УМУ СВОЕМУ (стр. 870).

Сочинена въ 1729 году—послѣднемъ царствованія Петра II, когда сила верховнаго тайнаго совѣта упрочилась, а съ нею вмѣстѣ и торжество старой партіи, непріязненно смотрѣвшей на преобразованія Петра I и на положенное имъ въ Россіи начало европейскаго просвѣщенія. Сторонники Петровыхъ дѣлъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ, Кантемиръ и другіе) съ горестью видѣли, какъ люди противнаго образа мыслей (князья Долгорукіе, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, архіепископъ ростовскій Георгій Дашковъ) взяли перевѣсъ и замышляли объ уничтоженіи многаго, совершеннаго преобразователемъ. И потому нѣкоторые стихи сатиры, изображающіе униженіе науки людьми, для которыхъ научные интересы не имѣли никакого значенія, проникнуты элегическимъ чувствомъ; напр.:

Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита

. . . .

Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

Къ тяжелому общественному поло-

сталъ пѣть, а дѣтки нейдутъ въ избу. Говоритъ пѣтушку: «поди, позови ихъ!» Вышелъ пѣтушокъ; какъ увидалъ кота—чуть было не закричалъ отъ радости: кукуреку! «Бѣги скорѣе домой!» говоритъ ему котъ. Пѣтушокъ побѣжалъ, а котъ къ лисѣ идетъ да поетъ:

Идетъ котъ на ногахъ,
Въ красныхъ сапогахъ,
Несетъ саблю на плечѣ,
А палочку при бедрѣ,
Хочетъ лису порубить,
Ея душу загубить!

Пришелъ, да какъ хватитъ лису саблей—изъ нея и духъ вонъ!

86. ИДИЛЛІИ ТЕОКРИТА.

в) Сиракузянки (стр. 264).

Теокритъ, греческій идилликъ, жилъ въ III в. до Р. Х. Адонисъ—красивый юноша, плѣнившій Афродиту. Въ Александріи и другихъ городахъ совершали ему великолѣпныя празднества, которыя продолжались два дня сряду: первый день былъ посвященъ трауру, второй—торжеству. Содержаніе идилліи: Сиракузянки, пріѣхавшія съ своими семействами въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздникъ, идутъ во дворецъ Птоломея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество.

«О Сладчайшая».—Эпитетъ Прозерпины, при которой Адонисъ проводилъ одну половину года; другую онъ пребывалъ на землѣ, по волѣ Зевеса, котораго просила о томъ Афродита.

87. ТИТИРЪ И МЕЛИБЕЙ (стр. 267).

Содержаніе: Пастухъ Мелибей, изгнанный изъ отеческаго достоянія, вмѣстѣ съ бѣднымъ стадомъ своимъ идетъ пріискивать другую пажить. На дорогѣ встрѣчаетъ онъ Титира, который, къ его удивленію, наслаждался совершенною свободою и безопасностію.—По мнѣнію древнихъ грамматиковъ, эклога эта приноровлена къ собственнымъ обстоятельствамъ Виргилія. Она сочинена въ то время, когда, послѣ примиренія тріумвировъ, Октавіанъ раздѣлилъ поля между своими ветеранами. Въ числѣ земель, имъ назначенныхъ, находилась Кремона, которая держалась стороны Брута и Кассія. Когда оказалось, что Кремонскихъ земель было очень недостаточно для множества пришельцевъ, то къ нимъ присоединена была и Мантуа, къ жителямъ которой принадлежалъ Виргилій. Онъ вмѣстѣ съ прочими долженъ былъ лишиться своего владѣнія; но, по совѣту Азинія Полліона, отправившись въ Римъ, выпросилъ обратно свои земли и жилъ въ тишинѣ и спокойствіи. Слѣд. Титиръ представляетъ Виргилія.

«О Мелибей, есть богъ»... Здѣсь разумѣется цезарь Октавіанъ, которому римляне начали воздавать божескія почести послѣ побѣды, одержанной надъ Помпеемъ.

«Похожъ на нашъ родной». — На Мантуу.

«Здѣсь не было боговъ страдальцу въ утѣшенье», т. е. не было покровителей, которые могли бы доставить мнѣ свободу.

«Но въ Римѣ видѣлъ я того»—Октавія Августа.

«Пьетъ Германъ Тигровы, а Пароъ—Арарски воды»—Тигръ составляетъ границу пароянъ; другая рѣка впадаетъ въ Рону.

88. ГЕЗІОДЪ И ОМИРЪ (стр. 270.)

Мильвуа († 1816) — замѣчательный талантъ между французскими стихотворцами, наиболѣе извѣстный своими трогательными элегіями, каковы: «Паденіе листьевъ» (La chute des feuilles) и «Умирающій поэтъ» (Poëte mourant). Послѣдняя есть какъ бы голосъ предчувствія ранней смерти Мильвуа (онъ умеръ 34-хъ лѣтъ).

Въ примѣчаніи къ «Гезіоду и Омиру» Батюшковъ говоритъ: «Многіе писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были

современники; нѣкоторые сомнѣваются, а иные и совершенно оспариваютъ это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ поэмы «Труды и дни», жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона: тамъ родился Гезіодъ. Музы, говоритъ онъ въ началѣ Ѳеогоніи, нашли его на Геликонѣ и обрекли себѣ. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣніи. Архидамій, царь евбейскій, умирая, завѣщалъ, чтобы въ день смерти его ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполняли завѣщаніе родителя, и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи.—Плутархъ, въ сочиненіи своемъ: «Пиръ семи мудрецовъ», заставляетъ разсказывать Періандра о состязаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ и, въ знакъ благодарности Музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный въ награду. — Жрица дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили его на берегахъ Евбеи, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

90. УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА (стр 274).

«Гебель—говоритъ Гете объ авторѣ «Аллеманскихъ стихотвореній», — изображая свѣжими, яркими красками неодушевленную природу, умѣетъ оживотворять ее милыми аллегоріями. Древніе поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли ее существами идеальными: Нимфы, Дріады, Ореады жили въ утесахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гебель, напротивъ, видитъ во всѣхъ сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ, поселянъ, и всѣ его стихотворные вымыслы самымъ пріятнымъ образомъ напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха. Онъ выбралъ для мирной своей Музы прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое направленіе, обращается къ сѣверу. Ясность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей и милая простота нарѣчія, избраннаго поэтомъ, весьма благопріятны его прекрасному, оригинальному таланту. Во всемъ, и на землѣ и на небесахъ, онъ видитъ своего сельскаго жителя; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственныя радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ дня и года; онъ даетъ душу растеніямъ, привлекательно изображаетъ все чистое, нравственное и радуетъ сердце картинами ясно-беззаботной жизни. Но также просто и разительно изображаетъ онъ и ужасное и нерѣдко съ тою же любезною простотою говоритъ о предметахъ болѣе высокихъ: о смерти, о тлѣнности земнаго, о неизмѣняемости небеснаго, о жизни за гробомъ—и языкъ его, не переставая ни на минуту быть неискусственнымъ языкомъ поселянина, безъ всякаго усилія возвышается вмѣстѣ съ предметами, выражая равно и важное, и высокое, и меланхолическое. Нарѣчіе, избранное Гебелемъ, есть такъ называемое аллеманское, употребляемое въ окрестностяхъ Базеля».

104. ОДЫ ГОРАЦІЯ.

КЪ МЕЦЕНАТУ (стр. 297).

«Меценатъ»—К. Цилій Меценатъ, другъ римскаго императора Августа, покровитель искусствъ, подарившій Горацію виллу въ Сабиніи.

«Олимпійскій прахъ». Во время Горація († 8 г. до Р. Х.) знатные римляне посѣщали олимпійскія игры, стараясь пріобрѣсть на нихъ вѣнецъ побѣды.

«Поляхъ Ливійскихъ». Ливія, часть Африки между Ѳеіопіей и Атлантическимъ океаномъ, употреблена вмѣсто цѣлой Африки.

«Пергамскихъ богачей».—Аттала, завѣщавшаго Риму несмѣтныя сокровища.

«Противный матерямъ»—неионимающимъ опасностей, которымъ сыновья подвергаются на войнѣ.

б) къ аполлону (стр. 297).

Въ воспоминаніе Акціумской битвы Августъ посвятилъ на горѣ Палатинской храмъ Аполлону. При этомъ случаѣ каждый, при жертвоприношеніи, клалъ къ подножію божества табличку, на которой были начертаны его желанія. Горацій также изъявилъ и свои, но не проситъ богатства.

«Сардиніи златой» — Словомъ «златая» означено ея плодородіе.

«Не стадъ Калабріи». — Калабрія и Апулія славились въ Италіи стадами.

«Не костей, что породилъ востокъ».— Слоновая кость.

«Лирисъ» — на границѣ Лаціума и Кампаніи.

«Каленскимъ ножемъ». —Каленскія, или фалернскія розы славились виномъ. Горацій говоритъ «Каленскимъ ножемъ» вмѣсто того, чтобы сказать «Каленскія лозы».

«Сынъ Латоны»—Аполлонъ.

в) къ деллію (стр. 298).

К. Деллій сначала принадлежалъ къ партіи народнаго трибуна Доллабелы, потомъ перешелъ къ Кассію, но вскорѣ оставилъ и его, приставъ къ партіи Антонія. Онъ убѣдилъ Клеопатру соединиться съ Антоніемъ, но, не дождавшись Акціумской битвы, перешелъ на сторону Октавіана. Зная легкомысліе своего друга, Горацій совѣтуетъ ему быть болѣе ровнымъ среди превратностей судьбы.

«Тибръ желтѣетъ». — Воды Тибра, отъ глинистой почвы, имѣютъ желтоватый цвѣтъ.

«Инахъ»—выходецъ изъ Египта, поселился въ Пелопонесѣ и былъ первымъ *царемъ аргивскимъ.* На берегахъ р. Инаха онъ построилъ замокъ Лариссу. Римскіе всадники должны были имѣть не менѣе 400,000 сестерцій и потому Горацій предполагаетъ, что богатый долженъ происходить отъ знатнаго рода, въ противоположность послѣднему изъ свободныхъ гражданъ.

«Оркъ»—жилище тѣней.

«Изъ урны выскочитъ»—по понятію Горація, богиня судьбы держитъ въ рукѣ урну, наполненную людскими именами. Потрясая урной, она выбрасываетъ жребій: тѣ, на которыхъ пали жребіи, должны умереть.

г) къ лицинію муренѣ (стр. 298).

Лициній Мурена—сынъ Л. Мурены, котораго защищалъ Цицеронъ, и братъ Теренціи, супруги Мецената. Во время междоусобныхъ войнъ онъ лишился наслѣдственнаго состоянія, но снова получилъ имѣніе отъ брата своего Прокулея; за одержанную побѣду былъ сдѣланъ консуломъ, но, замѣшанный въ заговорѣ противъ Августа, не смотря на заступничество сестры и зятя, былъ казненъ. Горацій совѣтуетъ Лицинію не слишкомъ гордиться своимъ саномъ, указывая на златую посредственность (средину).

д) къ меценату (стр. 299).

Ода отличается характеромъ эпилога, написаннаго, вѣроятно, въ то время, когда Горацій поднесъ Меценату двѣ первыя книги одъ (всѣхъ книгъ четыре). Въ 1-ой одѣ 1-й книги (къ Меценату, стр. 297) выраженія надежды исполненной.

«Дедалова Икара». — Дедалъ, сынъ аѳинянина Эвполема, улетѣлъ съ сыномъ своимъ Икаромъ съ острова Крита; но Икаръ, слишкомъ приблизясь къ солнцу, отъ чего восковыя его крылья растаяли, упалъ въ Эгейское море, получившее съ тѣхъ поръ названіе Икарскаго.

«Босфоръ»—здѣсь надобно разумѣть Константинопольскій проливъ.

«Гетульскіе сирты»—Гетулія въ Африкѣ; сирты—сыпучіе пески на морскомъ берегу.

Колхидецъ и Гелонъ».—Колхида—нынѣ Мингрелія; Гелоны — скиѳское племя на берегу Днѣпра.

«Дакъ и Марзы».—Даки жили въ нынѣшней Венгріи; Марзы—итальянское племя, служившее подъ знаменами Рима и снабжавшее, вмѣстѣ съ апулійцами, римское войско лучшими воинами.

«Иберецъ»—испанцы, отъ р. Ибера (Эбро).

«Роданъ» — нынѣшнюю Рону пили Галлы.

«Рыданьями безславить» — Римляне на похоронахъ заставляли женщинъ голосить подъ флейту.

Державинъ переложилъ эту оду на рус. яз., подъ названіемъ: «Лебедь», примѣняя сказанное Гораціемъ къ своему лицу.

е) къ ключу Бандузію (299).

Ключь въ шести миляхъ отъ Венузіи, на родинѣ Горація.

ж) къ мельпоменѣ (299).

Ода эта заключаетъ, въ видѣ эпилога, три первыя книги, посвященныя Меценату. Здѣсь еще яснѣй, чѣмъ въ одѣ къ Меценату (20-я книги 2-й), поэтъ говоритъ о важности своей заслуги и своемъ безсмертіи. Этой одѣ подражали многіе поэты, начиная съ Проперція. Подражанія Державина и Пушкина названы: Памятникъ.

«Доколѣ... ходитъ жрецъ», т. е. доколѣ будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру Капитолійскому, слѣд., по понятію римлянъ, вѣчно.

«Ауфида»—нынѣ Офанто, р. въ Апуліи, впадающая въ Адріатическое море. Берега этой рѣки—родина Горація.

«Давнъ»—первый парь Апуліи.

«Голосъ Эолійскій.—Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать Эолійскимъ пѣвцамъ.

(Оды Квинта Горація Флакка, перев. Фета).

з) эподъ 2 (300).

Восьмнадцать стихотвореній Горація названы «эподами», вѣроятно, въ смыслѣ «посмертныхъ одъ» или дополненій къ онымъ.

112. **ФЕЛИЦА** (стр. 303).

Въ 1781 г. была напечатана сочиненная Екатериною II для внука ея, великаго князя Александра Павловича, «Сказка о царевичѣ Хлорѣ». Хлоръ былъ сынъ князя, или царя, кіевскаго, во время отсутствія отца похищенный киргизскимъ ханомъ. Желая повѣрить молву о способностяхъ мальчика, ханъ приказалъ ему отыскать *розу безъ шиповъ*. Царевичъ отправился съ этимъ порученіемъ. Дорогой попалась ему на встрѣчу дочь хана, *Фелица*. Она хотѣла идти провожать царевича, но ей помѣшалъ въ томъ суровый мужъ ея, султанъ *Брюзга*, и тогда она выслала къ ребенку своего сына, *Разсудокъ*. Продолжая путь, Хлоръ подвергся разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ его зазвалъ въ избу свою мурза *Лѣнтяй*, который соблазнами роскоши старался отклонить царевича отъ труднаго предпріятія. Но *Разсудокъ* насильно увлекъ его далѣе. Наконецъ они увидѣли предъ собой крутую каменистую гору, на которой растетъ роза безъ шиповъ, т. е. добродѣтель. Съ трудомъ взобравшись на гору, царевичъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ и поспѣшилъ къ хану. Ханъ отослалъ его вмѣстѣ съ розой къ кіевскому князю, который такъ обрадовался пріѣзду царевича, что забылъ свою тоску и печаль.

Эта сказка подала Державину мысль написать оду къ Фелицѣ (богинѣ блаженства, по его объясненію этого имени). Онъ назвалъ Екатерину киргизъ-кайсацкою царевною еще и потому, что у него были деревни въ тогдашней

оренбургской области, по сосѣдству съ киргизскою ордою, подвластною императрицѣ. Представляя себя однимъ изъ мурзъ или приближенныхъ киргизской царевны, онъ предполагаетъ въ своемъ лицѣ соединеніе разныхъ недостатковъ, подмѣченныхъ имъ въ тогдашнихъ вельможахъ. Впрочемъ онъ и въ другихъ случаяхъ любилъ называть себя мурзою, въ знакъ своего происхожденія отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ Россію въ XIV в., при Василіи Темномъ. Такъ какъ императрица любила забавные шутки, то ода и была написана во вкусѣ ея, на счетъ ея приближенныхъ.

Блаженство смертнымъ проливаешь. — Около того времени императрица занималась сочиненіемъ разныхъ законовъ, какъ то: Дворянской грамоты, устава Благочинія и другихъ положеній.

Какъ я, отъ утра до утра.—Карты составляли при русскомъ дворѣ XVIII-го столѣтія ежедневное занятіе.

Коня парнасска не сѣдлаешь.—Екатерина не умѣла сочинять стиховъ. Куплеты и аріи для ея драматическихъ сочиненій писались, по ея порученію, И. П. Елагинымъ, А. В. Храповицкимъ и другими.

Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь. — Императрица не жаловала масоновъ и въ ложи къ нимъ не ѣзжала, какъ дѣлали многіе знатные. И. В. Лопухинъ, самъ принадлежавшій къ сектѣ масоновъ, говоритъ въ своихъ «Запискахъ»: «Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ существованію духовъ».

Не ходишь съ трона на Востокъ.—Вѣроятно, Державинъ разумѣлъ этотъ стихъ такъ: «ты не мечтаешь о несбыточномъ завоеваніи Индіи и Персіи», что входило въ планы Потемкина.

Скачу къ портному по кафтанъ.—Относится, какъ и слѣдующая строфа къ прихотливому нраву князя Потемкина.

Пловъ, или пилавъ—извѣстное восточное кушанье.

Или великолѣпнымъ цугомъ.—Графъ Сегюръ говоритъ въ своихъ запискахъ: «Всякій, кто имѣлъ чинъ выше полковничьяго, долженъ былъ ѣздить въ каретѣ, запряженной четверкой или шестеркой лошадей, съ бородатымъ кучеромъ въ кафтанѣ и двумя форейторами».

Съ собакой, шутомъ или другомъ.—Тотъ же Сегюръ говоритъ: «въ Россіи были еще вельможи, которые, по старому обычаю, содержали при себѣ шутовъ-любимцевъ». Такихъ шутовъ имѣли Потемкинъ и гр. Орловъ-Чесменскій.

Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.—Вся эта строфа относится къ Потемкину же, но болѣе къ гр. Алексѣю Григорьевичу Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ.

Или кулачными бойцами.—Тотъ же гр. Орловъ любилъ русскія пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество.

Ѣзжу на охоту и забавляюсь лаемъ псовъ.—Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ любилъ псовую охоту.

И греблей удалыхъ гребцовъ.—Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, бывшій тогда оберъ-егермейстеромъ, первый завелъ роговую музыку.

То ею въ головѣ ищуся.—Въ этомъ и предъидущихъ стихахъ упоминаются вообще старинные обычаи и забавы русскихъ.

За библіей, зѣвая, сплю.—Князь Вяземскій былъ охотникъ до романовъ, и Державинъ, поступивъ къ нему на службу, часто читалъ ему вслухъ подобныя книги. Случалось, что за ними и чтецъ и слушатель дремали.

Между лѣнтяемъ и брюзгой.—Въ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ являются между другими лицами мурза *Лѣнтяй* и султанъ *Брюзга*. Первый живетъ въ нѣгѣ и роскоши, а второй никогда не смѣется и сердится на другихъ за улыбку. Императрица разумѣла подъ Лѣнтяемъ Потемкина, а подъ Брюзгою—Вяземскаго.

Что отреклась и мудрой слыть. — Намекъ на то, что Екатерина отказалась отъ наименованій Великой, Премудрой, Матери отечества, которыя въ 1767 г. были поднесены ей сенатомъ и депутатами, созванными для составленія проекта новаго уложенія.

И быль? и небыль говорить. — Императрица была очень снисходительна къ людямъ, злорѣчиво отзывавшимся о ея слабостяхъ.

За здравіе царей не пить. — При императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою шепчутся, то они подозрѣвались во зломъ умыслѣ и по чьему-либо доносу попадали въ тайную канцелярію. То же бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала крѣпкаго вина, подносимаго за здравіе государыни, и потому принимались за ея недоброжелателей.

Въ строкѣ описку поскоблить.—Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ что-нибудь было подскоблено или поправлено. Только со времени Екатерины II стали позволять себѣ переносить этотъ титулъ изъ одной строки въ другую; а до тѣхъ поръ писцы, замѣченные въ этомъ, нерѣдко наказывались плетьми.

Или портретъ неосторожно ея на землю уронить.—Горе было также тому, кто хотя ненарочно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ императрицы; клеветнику стоило только донести, что такой-то бросилъ изображеніе лица ея. По одному крику: «Я знаю за собой слово и дѣло государево», тотъ, на кого это было сказано, былъ забираемъ подъ крѣпкую стражу и отводимъ къ тайному розыску; домъ же его весь кругомъ запечатывался.

Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарять. —Относится къ бывшей при Аннѣ Іоанновнѣ шутовской свадьбѣ князя Голицына, для которой на Невѣ построенъ былъ особый ледяной домъ съ ледяною баней.

Князья насѣдками не клохчутъ.— Императрица Анна любила окружать себя шутами, которыхъ въ ея царствованіе было много. Когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, эти шуты садились въ лукошки въ комнатѣ, чрезъ которую ей надобно было проходить изъ церкви во внутренніе свои покои и кудахтали какъ насѣдки, что, разумѣется, производило общій хохотъ.

Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.— Подобное поученіе есть дѣйствительно въ азбукѣ, составленной Екатериною для внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина (*Россійская азбука для обученія юношества чтенію*). Вторая половина ея, названная «Гражданское начальное ученіе», состоитъ изъ краткихъ наставленій, между которыми одно заключается въ слѣдующемъ разсказѣ: «У Діогена нѣкто спросилъ: какъ отмстить тому, кто его злословилъ? Діогенъ въ отвѣтъ сказалъ: Не твори худо—*злословника лжецомъ сотворишь*».

Велитъ любить торги, науки. — Какъ эта строфа, такъ и предъидущая относятся къ разнымъ учрежденіямъ, возникшимъ въ тогдашнее мирное время. Между прочимъ Екатерина подтвердила данную дворянству Петромъ III свободу путешествовать по чужимъ краямъ; издала указъ о правѣ землевладѣльцевъ разработывать въ собственную пользу золото и серебро въ своихъ участкахъ; дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли; распространила право собственности владѣльцевъ на лѣса, въ дачахъ ихъ растущіе; разрѣшила свободное занятіе мануфактурами и торговлею и проч.

Бешметъ, или *башметъ*—татарское стеганое полукафтанье.

(Примѣчанія эти заимствованы изъ Академическаго изданія сочиненій Державина.)

113. ВИДѢНІЕ МУРЗЫ (стр. 311).

Эта ода написана для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводили на автора за *Фелицу*, оскорбившую самолюбіе многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудившую противъ него зависть.

Что нѣжная его Плѣнира. — Такъ называлъ Державинъ первую жену свою.

Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ и серебророзовыхъ свѣтлицъ. — Въ Царскосельскомъ дворцѣ находится донынѣ одна комната, вся убранная янтаремъ; другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбою.

И въ досканцахъ червонцы шлютъ.— Намекъ на золотую табакерку съ 500 червонцевъ, пожалованную Державину вскорѣ послѣ появленія оды *къ Фелицѣ*. Въ старину, когда въ Россіи табаку еще не нюхали и табакерокъ не знали, употреблялись ящички другаго рода или досканцы, въ которыхъ сохраняли мушки, булавки и тому подобныя мелкія принадлежности женскаго туалета.

Одежда бѣлая струилась... держалъ, какъ будто-бы уснувъ.—Эти двадцать стиховъ содержатъ описаніе портрета, сдѣланнаго извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ и нынѣ находящагося въ Императорской публичной библіотекѣ.

Градская на главѣ корона.—«Градская» вмѣсто «гражданская».

Изъ черноогненна виссона. — «Виссонъ» —тонкая драгоцѣнная ткань у древнихъ, особенно въ Египтѣ.

Висѣлъ на лѣвую бедру. — Лента владимірскаго ордена, который Императрица, по написанію ею Учрежденія о губерніяхъ, возложила на себя какъ награду за труды свои.

Богиня на меня воззрѣла. — Державинъ вспоминаетъ, какъ онъ былъ представленъ государынѣ за оду «Къ Фелицѣ». Государыня, остановясь поодаль отъ него, нѣсколько разъ окинула его быстрымъ взоромъ съ ногъ до головы и наконецъ подала ему руку.

Вострепещи, мурза несчастный. — Императрица, какъ бы не догадываясь, что похвалы въ «Фелицѣ» относятся къ ней, показывала видъ, будто она удивляется смѣлости, съ какою эта ода написана.

Въ вредъ добродѣтели не строй. — Т. е. не пой, какъ сирены, во вредъ добродѣтели.

Что онъ насѣдкой не сидитъ.—См. примѣчанія къ Фелицѣ.

А тотъ соленыхъ огурцовъ.—Намекъ на Потемкина, который только тогда и былъ доволенъ, когда чего дожидался, а какъ скоро получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ по имперіи нарочныхъ за арбузами, огурцами и т. п.

(Акад. изд. Сочиненій Державина, т. I, стр. 157—169).

115. ПАМЯТНИКЪ (стр. 314).

Подражаніе одѣ Горація: «Къ Мельпоменѣ» (см. въ Хрпст. стр. 299—300), съ которой и надобно сличить его, равно какъ съ «Памятникомъ» Пушкина (стр. 320), написаннымъ въ подражаніе Державину. Каждый изъ этихъ поэтовъ выражаетъ сознаніе того, чѣмъ онъ заслужилъ безсмертіе. Заслуга Горація: онъ первый свелъ пѣснь Италіи на голосъ эолійскій. Заслуга Державина: онъ первый въ забавномъ русскомъ слогѣ возглашалъ о добродѣтеляхъ Фелицы и говорилъ правду царямъ съ улыбкою (въ Видѣніи Мурзы: «и въ шуткахъ правду возвѣщу»). Заслуга Пушкина: онъ пробуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ (между прочимъ, напр., въ стихотвореніи «Стансы»: *Въ надеждѣ славы и добра*, и проч.)

Доколь славяновъ родъ вселенна будетъ чтить. — Неправильную форму «славяновъ» дозволилъ себѣ и Пушкинъ въ «Бородинской годовщинѣ»: *Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь.*

126. ПРОРОКЪ (стр. 321).

Содержаніе: посвященіе въ пророки, сообщеніе даровъ пророчества. — Раздѣленіе: въ піесѣ три части—вступленіе, главная часть и заключеніе. Вступленіе (первые четыре стиха) изображаетъ состояніе, предшествовавшее посвященію: избранникъ томился духовной жаждой, скитался въ мрачной пустынѣ. Главная часть подраздѣляется на четыре отдѣла, соотвѣтствующіе четыремъ дѣйствіямъ серафима, который сообщаетъ избраннику четыре дара: острое, орлиное зрѣніе; чуткій слухъ, уловляющій неуловимое обыкновенными смертными; даръ краснорѣчія; мудрый глаголъ (изображенный въ видѣ змѣинаго жала) и любовь къ ближнимъ, ревность къ вѣщанію воли небесной (изображенныя въ видѣ угля, пылающаго огнемъ): ибо безъ любви и ревности всѣ слова подобны кимвалу бряцающему. Заключеніе содержитъ въ себѣ велѣніе Бога, укрѣпляющее всѣ дѣйствія серафима: «виждь» (просвѣтлѣніе зрѣнія), «и внемли» (просвѣтлѣніе слуха), «глаголомъ» (даръ убѣдительнаго слова), «жги» (пламень любви и ревности). Стихотвореніе принадлежитъ къ высоко-художественнымъ произведеніямъ; въ немъ все полно, окончено; нѣтъ ни одного лишняго слова, равно какъ нечего къ нему и прибавлять.

131. ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ (стр. 323).

Есть священное преданіе въ нашей Церкви, что во время страшнаго землетрясенія, колебавшаго Византію, когда царь, сенатъ, синклитъ и народъ молились предъ алтаремъ объ избавленіи, невидимая сила подняла отрока къ небесамъ и онъ услышалъ горнюю пѣсню: «святъ, святъ, святъ!» и принесъ ее на землю, и ею спасена была Византія. Языковъ передалъ стихами это преданіе. Піеса его вызвала два письма Гоголя, помѣщенныя въ Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями, подъ названіемъ: «Предметы для лирическаго поэта въ наше время».

133. ПРОРОКЪ (стр. 324).

Стихотвореніе Лермонтова есть какъ бы продолженіе стихотворенія Пушкина (Пророкъ). У Пушкина посвященный въ пророки выходитъ на дѣланіе; у Лермонтова, онъ, по совершеніи возложеннаго на него дѣла, встрѣчаетъ гоненіе: люди не увѣровали слову истины и изгнали глашатая ея изъ среды своей.

135. ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА (стр. 325).

Сличи съ стихотвореніемъ: Размышленіе по случаю грома (стр. 315).

183. ПѢСНИ АНАКРЕОНА (стр. 341).

Анакреонъ род. въ 532 г. до Р. Х. въ іонійскомъ городѣ Теосѣ. Первую половину своей жизни провелъ внѣ своей отчизны при дворахъ Поликрата, Гиппарха и въ странствованіяхъ по разнымъ городамъ Эллинскаго материка и острововъ. Въ Теосъ возвратился уже на 45-мъ г.; но вскорѣ принужденъ былъ снова оставить родной городъ и удалиться, вмѣстѣ со многими изъ своихъ согражданъ, во ѳракійскій городъ Абдеру. Ум. на 84-мъ г.

а) къ лирѣ.

Эта пѣснь не безъ умысла ставится во всѣхъ изданіяхъ Анакреона на первомъ мѣстѣ. Она служитъ прекраснымъ вступленіемъ. Анакреонъ отказывается въ ней отъ всѣхъ остальныхъ родовъ поэтическихъ произведеній и хочетъ быть по преимуществу пѣвцомъ любви. Лира была любимымъ его инструментомъ; она состояла изъ роговаго, обыкновенно черепаховаго, вогнутаго станка, на которомъ были натянуты семь струнъ. Кромѣ того, Анакреонъ употреблялъ еще цитру (тоже родъ семиструнной лиры, но меньшаго размѣра) и барбитонъ или пектиду (родъ арфы о двѣнадцати струнахъ).

«Хочу я пѣть Атридовъ». Подъ Атри-

дами разумѣется здѣсь не только Агамемнонъ и Менелай, но цѣлый родъ Атрея, котораго герои и героини выбирались по большой части въ дѣйствующія лица трагедій.

«Недавно перестроилъ... хотѣлъ повѣдать міру».—Т. е. замѣнилъ лирическій родъ эпическимъ. Поэтъ прощается съ героями и вмѣстѣ съ эпосомъ.

У насъ этой пѣснѣ подражали Ломоносовъ и Державинъ.

б) эротъ.

«Какъ Медвѣдица... Волопаса». — Положеніе этихъ двухъ созвѣздій (Медвѣдицы и Волопаса) указывало на полночь. Древніе считали часы по положенію звѣздъ отъ захожденія солнца.

«Натянувши—въ печень».—Древніе полагали престолъ любви въ печени, а не въ сердцѣ. Такъ Ѳеокритъ, въ 11-й идилліи, говоритъ: «Венера вонзила стрѣлу въ печень Полифема», и въ 13-й, гдѣ разсказывается объ Ираклѣ! «жестокій богъ (Эротъ) разодралъ его печень».

Этой пѣснѣ подражали также Ломоносовъ и Державинъ.

в) весна.

Изъ царства растительнаго Анакреонъ говоритъ только о смоковницѣ, оливковомъ деревѣ и виноградномъ кустѣ, потому что плоды ихъ чаще всего употреблялись на пирахъ.

д) умѣренность.

Кіафомъ назывался родъ глубокаго ковша, которымъ черпали вино.

Эта пѣснь переложена А. Пушкинымъ:

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно:
Пѣть! за чашею пою,
Иль бесѣдую невинно.

204. ПОСЛАНІЕ СЪ ПОНТА (стр. 351).

Причина заточенія Овидія Назона († 17 г. Р. Х.) въ Томи (Томисваръ), у береговъ Чернаго Моря, между южнымъ устьемъ Дуная и Варной, до сихъ поръ остается загадкой. Внѣшнимъ къ нему поводомъ была та нескромность, которую поэтъ допустилъ въ своемъ «Искусствѣ любви». Истинную же тому причину одни изслѣдователи видятъ въ преступныхъ или по крайней мѣрѣ неумѣстныхъ отношеніяхъ Овидія къ Юліи, внукѣ Августа, другіе въ заговорѣ въ пользу Агриппы Постума и въ мстительности Ливіи и Тиберія. Тоску свою по родинѣ поэтъ излилъ въ элегіяхъ: «Жалобы Овидія» и «Письма съ Понта» (Epistolae ex Ponto). (См. въ IV книгѣ Пропилей: «Фасты Овидія», П. Безсонова, и «Древности Томи», П. Беккера). Судьба римскаго поэта внушила Пушкину одно изъ лучшихъ его посланій: «Къ Овидію».

209. ТѢНЬ ДРУГА (стр. 357).

Это стихотвореніе посвящено памяти Петина (полковника гвардейскаго егерскаго полка), убитаго въ лейпцигскомъ сраженіи на 26-мъ году жизни. Вотъ что говоритъ о немъ Батюшковъ: «Пріятель мой уснулъ геройскимъ сномъ на кровавыхъ поляхъ Лейпцига. Время изгладило его изъ памяти холодныхъ товарищей, но дружество и благодарность запечатлѣли его образъ въ душѣ моей. Я ношу сей образъ въ душѣ, какъ залогъ священный, онъ будетъ путеводителемъ къ добру; съ нимъ неразлучный, я не стану блѣднѣть подъ ядрами, не измѣню чести, не оставлю ея знамени. Мы увидимся въ лучшемъ мірѣ; здѣсь мнѣ осталось одно воспоминаніе о другѣ: воспоминаніе, прелестный цвѣтъ, посреди пустыней, могилъ и развалинъ жизни».—«При одномъ имени сего любезнаго человѣка, всѣ раны сердца моего растворяются, ибо тѣсно была связана его жизнь съ моею...Души

наши были сродны. Одни пристрастія, однѣ наклонности, та же пылкость и та же безпечность, которыя составляли мой характеръ въ первомъ періодѣ молодости, плѣняли меня въ моемъ товарищѣ. Привычка быть вмѣстѣ, переносить труды и безпокойства воинскія, раздѣлять опасности и удовольствія, стѣснила нашъ союзъ. Часто кошелекъ, и шалашъ, и мысли, и надежды были у насъ общія.—Тысячи прелестныхъ качествъ составляли сію прекрасную душу, которая вся блистала въ глазахъ молодаго Петина. Счастливое лице, зеркало доброты и откровенности, улыбка безпечности, которая исчезаетъ съ лѣтами и съ печальнымъ познаніемъ людей, всѣ плѣнительныя качества наружности и внутренняго человѣка достались въ удѣлъ моему другу. Умъ его былъ украшенъ познаніями и способенъ къ наукѣ и разсужденію: умъ зрѣлаго человѣка и сердце счастливаго ребенка—вотъ, въ двухъ словахъ, его изображеніе».

231. САТИРА ГОРАЦІЯ (стр. 867).

ПРОТИВЪ ЛЮБОСТЯЖАНІЯ.

Примѣчанія принадлежатъ переводчику ихъ на русскій языкъ, М. А. Дмитріеву (Сатиры Горація. Съ латинскаго переводъ въ стихахъ М. Дмитріева. 1858).

«Фабій болтунъ».—Кто былъ онъ, достовѣрно неизвѣстно. По болѣе правдоподобному мнѣнію, здѣсь упоминается Фабій Нарбонскій, приверженецъ Помпея, написавшій нѣсколько книгъ о стоической сектѣ.

«Водолей опечалитъ».—Знакъ зодіака, въ который вступаетъ солнце въ январѣ. Такъ какъ январь сопровождается въ Италіи дождями, то и приписывали ихъ Водолею.

«Авфидъ».—Рѣка въ Апуліи, впадающая въ Адріатическое море.

«Танталъ».—Сынъ Юпитера и нимфы Плуто, низверженный въ тартаръ и осужденный, стоя въ одной адской рѣкѣ, страдать жаждою за то, что подалъ богамъ за ужиномъ члены своего сына Пелопса.

«Тиндариды». Внуки Тиндара, Клитемнестра и Елена, убившія своихъ супруговъ—первая Агамемнона, вторая Деифоба. Подъ именемъ Тиндаридъ разумѣются всѣ женщины, имъ подобныя по рѣшительности, силѣ и преступленію.

«Меній и Номентанъ».—Извѣстные расточители.

«Межъ Танаиса и тестя Визельева есть середина». Смыслъ тотъ, что между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ страдалъ недостаткомъ, а другой излишествомъ, должна быть середина.

«Криспинъ».—Жалкій стихотворецъ, ставившій себѣ въ достоинство, что скоро куетъ стихи.

232. КЪ УМУ СВОЕМУ (стр. 870).

Сочинена въ 1729 году—послѣднемъ царствованія Петра II, когда сила верховнаго тайнаго совѣта упрочилась, а съ нею вмѣстѣ и торжество старой партіи, непріязненно смотрѣвшей на преобразованія Петра I и на положенное имъ въ Россіи начало европейскаго просвѣщенія. Сторонники Петровыхъ дѣлъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ, Кантемиръ и другіе) съ горестью видѣли, какъ люди противнаго образа мыслей (князья Долгорукіе, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, архіепископъ ростовскій Георгій Дашковъ) взяли перевѣсъ и замышляли объ уничтоженіи многаго, совершеннаго преобразователемъ. И потому нѣкоторые стихи сатиры, изображающіе униженіе науки людьми, для которыхъ научные интересы не имѣли никакого значенія, проникнуты элегическимъ чувствомъ; напр.:

Наука ободрана, въ лоскуткахъ обшита
. . . .
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

Къ тяжелому общественному поло-

женію присоединились и печальныя личныя обстоятельства. Отцовское имѣніе (болѣе десяти тысячъ душъ крестьянъ), по рѣшенію верховнаго тайнаго совѣта, однимъ изъ сильнѣйшихъ членовъ котораго былъ кн. Д. М. Голицынъ, перешло къ Константину Кантемиру, зятю Голицына. Антіохъ Кантемиръ остался безъ всего и находился въ положеніи довольно затруднительномъ. Несправедливо лишенный наслѣдства, онъ тѣмъ болѣе не могъ чувствовать расположенія къ той партіи, къ которой принадлежалъ кн. Голицынъ. (*Князь Антіохъ Кантемиръ, В. Стоюнина, въ Сочиненіяхъ Кантемира, изданныхъ подъ редакціей П. Ефремова* 1867, т. I).

Босы(бѣдныя)*проклали девятьсестеръ* (Музы).

Молодомъ монархъ — Петръ II, которому тогда было 14 лѣтъ.

Аполлинъ—Аполлонъ.

Чтяща свою свиту, т. е. монарха, почитающаго свиту Аполлона (Музъ).

Критонъ съ четками. Именемъ Критона означенъ невѣжда и суевѣръ,предпочитающій наружность закона существу его.

Помѣстья и вотчины весьма не пристали.—Намекъ на важный въ то время вопросъ, затронутый еще до Петра I и разрѣшенный Екатериною II: объ отобраніи помѣстій у духовенства.

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ. — Подъ именемъ Сильвана выведенъ старинный скупой дворянинъ, который радѣетъ только о своемъ помѣстьѣ и охуждаетъ все то, что не служитъ къ умноженію его доходовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ доказываетъ безполезность слѣдующихъ наукъ: грамматики, логики, метафизики, металлургіи, медицины, астрономіи, геометріи и алгебры.

Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину.—Чинъ—порядокъ (у Ломоносова въ подражаніи Іову: гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ *чинѣ* устроилъ сей прекрасный свѣтъ?).

Подлыхъ то есть дѣло.—Подлыхъ—не благородныхъ, не дворянъ.

Знатнымъ полно подтверждать. — Полно—довольно, достаточно.

Сильванъ одно знаніе слично.—Слично—прилично.

Румяный,трожды рыгнувъ,Лука подпѣваетъ. — Трожды— трижды. Лука вооружается противъ занятій наукою потому, что онѣ мѣшаютъ сообществу людскому, подъ которымъ онъ разумѣетъ веселье и пиры.

Для мертвыхъ друзей.—Для книгъ.

Вино даръ Божественный. — Этотъ и слѣдующіе пять стиховъ—подражаніе Горацію (въ 5-мъ посланіи 1-ой книги).

Когда по небу сохой бразды водить станутъ. — Этотъ и слѣдующіе три стиха—подражаніе Овидію(7-ая элегія).

Медоръ — щеголь, представитель внѣшняго европеизма. «Ставъ на сторону науки, Кантемиръ одинаково отнесся какъ къ идеаламъ старой жизни, такъ и къ новымъ, вылѣпленнымъ хотя и съ европейскаго оригинала, но не оживленнымъ европейскимъ духомъ. Наука не дала содержанія ихъ жизни, и потому они оказались пустыми, мишурными. Хотя по внѣшности они рѣзко противорѣчили старымъ, но междуними была точка соприкосновенія. И тѣ и другіе не понимали науки, и потому непріязненно и насмѣшливо смотрѣли на нее: невѣжество однихъ равнялось невѣжеству другихъ. (Стоюнинъ въ вышеуказанной статьѣ).

Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры. — Во время Кантемира была мода пудрить себѣ волосы.

Передъ Егоромъ. — Сапожникъ въ Москвѣ.

Рексу.—Портной въ Москвѣ.

Клуши—Клуша (польское слово) — галка.

Пиво пить не въ три пуда хмѣлю — пиво заваренное на трехъ пудахъ хмѣлю, такъ какъ купцы любили крѣпкое пиво.

Краткости радѣя.—Краткости ради.

Райскихъ вратъ ключари святые.— Церковные пастыри, епископы.

И имъ же Өемисъ вѣски ввѣрила златые.—Судьи.

Епископомъ хочешь быть? Къ этому и слѣдующимъ восьми стихамъ Кантемиръ сдѣлалъ замѣтку: «Характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣлъ съ Д..., который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтелями наставлять паство свое, презиралъ». — Дашковъ Георгій, архіепископъ ростовскій, при Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1731 г., лишенъ сана и посланъ въ заточеніе въ вологодскій Спасо-Каменскій монастырь.

Иной, пиша проповѣдь выпись позабудетъ. — Вынись — выписка какойлибо статьи, выдаваемая изъ судебнаго мѣста.

Хочешь ли судьею стать? вздѣнь перукъ съ узлами.—Перукъ (perruque)—парикъ. Въ такихъ парикахъ изстари ходили судьи во Франціи, откуда и къ намъ зашелъ этотъ обычай.

Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,—т. е. пусть твердое сердце презираетъ слезы бѣдныхъ.

Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ. — Дьякъ—тоже что теперь письмоводитель или секретарь. — Выписка — извлеченіе (экстрактъ) изъ дѣла.

Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы.—Т. е. обязанность подъячихъ (приказныхъ служителей) перебирать и просматривать множество дѣлъ, а судьѣ достаточно только подписывать рѣшенія дѣлъ.

Гордость, лѣность, богатство мудрость одолѣло,—т. е. гордость, лѣность, богатство одолѣли мудрость.

Науку невѣжество мѣстомъ ужъ попсѣло, — т. е. невѣжество сѣло выше науки, взявъ надъ нею верхъ.

Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ. — *То* (невѣжество) вмѣсто *оно*; шитое платье—придворное платье.

Коли карты кто мѣшать—тасовать карты или, вообще, играть въ карты.

Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ. — Дудочка—флейта, бывшая тогда въ большой модѣ, такъ что всѣ молодые люди учились на ней играть.

Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты (цвѣта). — Такъ, напримѣръ,по мнѣнію тогдашнихъ щеголей, нельзя было носить въ городѣ кафтанъ зеленаго цвѣта, потому что зеленый цвѣтъ—полевой и приличенъ только въ деревнѣ.

Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ, т. е. что еще не командуетъ полкомъ.

Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ, т. е. что онъ еще не судья.

275. ЭДИПЪ ЦАРЬ, СОФОКЛА (стр. 391).

Въ этой трагедіи преданіе объ Эдипѣ передается слѣдующимъ образомъ: Царю өивскому Лаю, сыну Лабдака, женатому на Іокастѣ, дочери Менекея, сестрѣ Креонта, было предсказано оракуломъ, что ему опредѣлено судьбою умереть отъ сына, который родится отъ Іокасты. Когда родился этотъ сынъ, Лай связалъ ему ноги и велѣлъ его забросить. Іокаста отдала ребенка пастуху, который пасъ стада Лаевы въ окрестностяхъ Киөерона, съ тѣмъ чтобы онъ бросилъ его въ пустынѣ. Но пастухъ сжалился надъ невиннымъ ребенкомъ и отдалъ его другому пастуху, пасшему тамъ же стада коринөскаго царя, Полиба. Коринөскій пастухъ отнесъ ребенка къ своему царю, который, не имѣя дѣтей, усыновилъ его. Найденышъ названъ Эдипомъ. Онъ выросъ въ той увѣренности, что онъ сынъ Полиба; но разъ какой-то пьяный напиру попрекнулъ ему тѣмъ, что онъ найденышъ. Напрасно старались успокоить его Полибъ съ женой своей Меропой.

Эдипъ ушелъ безъ ихъ вѣдома къ Дельфійскому оракулу спросить о своемъ происхожденіи. Но оракулъ не далъ ему прямаго отвѣта и предсказалъ, что онъ, убивъ отца своего, будетъ мужемъ матери и приживетъ съ нею дѣтей. Все еще считая своимъ отцемъ Полиба, Эдипъ боится, послѣ этого предсказанія, воротиться въ Коринѳъ и отправляется странствовать. Разъ на дорогѣ встрѣчаетъ онъ ѣдущаго на колесницѣ старика въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабовъ. Этотъ старикъ былъ Лай. Завязалась ссора, и Эдипъ убилъ и Лая, и всѣхъ рабовъ, кромѣ одного, того самаго пастуха, которому онъ былъ отданъ когда-то своею матерью и который спасъ его отъ смерти. Пастухъ возвращается въ Ѳивы и доноситъ о смерти Лая. Въ это время поселяется близь Ѳивъ на скалѣ чудовищный Сфинксъ. Это чудовище — крылатое, съ головой и руками женщины, съ туловищемъ собаки, съ хвостомъ дракона, съ когтями львиными, съ голосомъ человѣческимъ. Оно предлагаетъ ѳивянамъ загадки и терзаетъ тѣхъ, которые не умѣютъ рѣшить ихъ. Стономъ и плачемъ наполнились Ѳивы. И вотъ является туда Эдипъ, рѣшаетъ предложенную ему Сфинксомъ загадку и освобождаетъ Ѳивы отъ страшнаго врага. Сфинксъ бросается въ море. Эдипъ въ награду получаетъ руку Іокасты и съ нею царство. Уже нѣсколько лѣтъ живетъ онъ, какъ мужъ, съ матерью, уже прижилъ онъ съ ней четырехъ дѣтей; но не забыли боги страшнаго преступленія. Никому неизвѣстно оно, но хотятъ боги, чтобы оно было открыто, и вотъ насылаютъ они на Ѳивскую землю страшный моръ. Отсюда начинается трагедія. Въ Христоматію взяты послѣднія сцены, содержащія въ себѣ катастрофу.

Смотри въ 1-ой ч. статью П. Кудрявцева о значеніи этой трагедіи Софокла.

276. Эдипъ въ Колонѣ (стр. 402).

Мыслью Софокла († 405 г. до Р. Х.) въ этой трагедіи было представить примиреніе съ богами человѣка, искупившаго невольный грѣхъ свой тяжкими страданіями. Эринніи (фуріи), преслѣдующія зло изъ рода въ родъ, являются Евменидами, благодушными богинями. Самое проклятіе, тяготѣющее надъ сыновьями героя, есть скорѣе слѣдствіе справедливаго отцовскаго гнѣва, чѣмъ предреченная богами кара. Въ заключеніи трагедіи всѣмъ добрымъ обѣщана добрая доля. Отсюда видно, что дѣйствіе драмы развивается совершенно свободно отъ идеи судьбы.

Трагедія Софокла: «Эдипъ Царь», оканчивается тѣмъ, что герой, лишивъ себя зрѣнія, призываетъ дѣтей и вручаетъ какъ ихъ, такъ и царство, попеченію Креонта. Въ промежуткѣ между этимъ событіемъ и прибытіемъ Эдипа въ Колонъ, Софоклъ предположилъ слѣдующія обстоятельства:

Креонтъ царствуетъ. Эдипъ, желавшій сначала быть изгнаннымъ согласно изреченію оракула: «изгнать или умертвить убійцу Лая», спокойно остается въ дому, пока не выростаютъ его дѣти. Между тѣмъ Креонтъ, сначала благородный мужъ, уважавшій несчастіе Эдипа, подъ конецъ становится самовластнымъ. Присутствіе прежняго царя кажется ему помѣхой въ честолюбивыхъ его замыслахъ. Въ согласіи съ сыновьями царя, онъ изгоняетъ его изъ царства, не спросивъ вновь оракула въ такомъ важномъ дѣлѣ. Безпомощнаго старца сопровождаетъ въ изгнаніе одна только дочь Антигона; Исмена, также вѣрная отцу, остается въ дому, чтобы наблюдать дѣла и, тайкомъ отъ Кадмейцевъ, извѣщать Эдипа обо всемъ, до него касающемся. Вскорѣ обнаружилась воля боговъ. Этеоклъ и Полиникъ начали междоусобіе. Креонтъ, державшій сторону Этеокла, вопросивъ оракула, неожиданно узнаетъ, что судьба Кадмейцевъ зависитъ отъ изгнаннаго

ями Эдипа: тому побѣда и сила, чью сторону онъ приметъ. Такимъ образомъ обѣ стороны желаютъ изъ личныхъ выгодъ привлечь къ себѣ несчастнаго слѣпца. Эдипъ, еще ничего не знавшій о предсказаніи оракула, но уже увѣренный въ помощи боговъ, приходитъ съ Антигоною въ Колонъ. Отсюда начинается трагедія, главные моменты которой слѣдующіе:

а) Эдипъ молитъ у жителей Колона пристанища и дозволенія остаться близь рощи Евменидъ.

б) Онъ узнаетъ отъ Исмены о новой милости къ нему боговъ, проклинаетъ изгнавшихъ его сыновей и совершаетъ очистительную жертву Евменидамъ.

в) Вторично оправдываетъ себя передъ хоромъ въ проступкахъ и въ сценѣ съ Өезеемъ предсказываетъ аѳинянамъ побѣду надъ врагами, если окажутъ ему защиту.

г) Уличаетъ во лжи Креонта, пришедшаго съ цѣлію захватить его и дочерей, и предсказываетъ бѣдствія Өивамъ.

д) Новыя оправданія Эдипа предъ лицемъ Креонта и Өезея.

е) Благодарность Эдипа Өезею за возвращеніе дочерей; извѣстіе о появленіи Полиника.

ж) Сцена съ Полиникомъ (помѣщенная въ Христоматіи); Эдипъ проклинаетъ сына, предсказывая гибель ему и его брату.

з) Эдипъ, извѣщенный о своей близкой кончинѣ, вновь предсказываетъ счастливую долю Өезею и Аѳинамъ.

и) Разсказъ о чудесной смерти Эдипа; плачъ Антигоны и Исмены.

(Эдипъ въ Колонѣ, переводъ В. Водовозова, въ журналѣ Минист. Народ. Просв. 1759, № 1).

277. ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.
(стр. 405).

Ифигенія въ Тавридѣ, трагедія Еврипида († 406 г. до Р. Х.), имѣетъ предметомъ свиданіе ея съ Орестомъ, послѣ долгой разлуки, и бѣгство съ нимъ на родину. Ифигенія была перенесена Артемидой въ Тавриду. Здѣсь царствовалъ Өоасъ, который назначилъ царевну жрицей въ храмѣ, посвященномъ Артемидѣ. Обязанность ея — приносить въ жертву каждаго, приходящаго изъ Эллады. Она видитъ ужасающій сонъ, который толкуетъ какъ знаменіе братниной смерти, и хочетъ почтить ее жертвоприношеніемъ. Орестъ и Пиладъ прибываютъ въ страну Өоаса. Орестъ, по повелѣнію Аполлона, долженъ похитить статую Артемиды, упавшую, какъ гласило преданіе, съ неба въ ея таврическій храмъ, и перенести въ Аѳины. Друзья хотѣли скрываться въ пещерѣ до наступленія ночи, а ночью проникнуть въ святилище и совершить свое намѣреніе. Когда Ифигенія и хоръ греческихъ дѣвъ оплакивали смерть Ореста, пастухъ извѣстилъ ее о прибытіи двухъ грековъ. Отсюда начинаются помѣщенныя въ Христоматіи сцены.—За тѣмъ выходитъ Өоасъ и спрашиваетъ, принесена ли жертва. Нѣтъ еще, отвѣчаетъ Ифигенія: чужестранцы, повинные въ матереубійствѣ, должны прежде очистить свои преступленія въ волнахъ морскихъ и потомъ коснуться статуи богини. Царь отпускаетъ Ореста и Пилада съ жрицей на кораблѣ, а самъ дожидается въ храмѣ ихъ возврата. Вскорѣ вѣстникъ объявляетъ ему о бѣгствѣ чужеземцевъ. Өоасъ хочетъ отправиться за ними въ погоню, но является Аѳина и удерживаетъ его отъ преслѣдованія, ибо Орестъ поступилъ согласно волѣ Аполлона; статуя богини нужна ему для того, чтобы освободиться отъ мученій, которыя терпѣлъ онъ отъ Эринній.

278. ГАМЛЕТЪ (стр. 415).

Гамлетъ, сынъ датскаго короля того же имени и жены его Гертруды, обучавшійся въ виртембергскомъ университетѣ, возвратился ко двору въ то время, когда отецъ его умеръ скороно-

стижно. Клавдій, братъ покойнаго, вступилъ на престолъ и женился на вдовѣ королевѣ, своей невѣсткѣ, когда еще не прошло и двухъ мѣсяцевъ ея вдовству. Этотъ поспѣшный бракъ глубоко оскорбилъ Гамлета, который начинаетъ подозрѣвать истинную его причину, равно какъ и причину внезапной смерти отца. Подозрѣнія его оправдываются тѣнью покойнаго короля. Отъ нея принцъ узнаетъ, что отецъ его отравленъ Клавдіемъ; и такъ какъ онъ умеръ, не очистивъ грѣховъ покаяніемъ, то и осужденъ днемъ горѣть въ адскомъ огнѣ, а ночью блуждать по землѣ, пока убійца не будетъ наказанъ. Долгъ мщенія возложенъ на Гамлета, природа котораго совершенно неспособна къ такой обязанности, и въ этомъ-то противорѣчіи между характеромъ главнаго лица и неизбѣжнымъ совершеніемъ мести заключается трагизмъ піесы. Чтобы увѣриться, справедливы ли слова тѣни и не есть ли сама она — адскій призракъ, напрасно смущающій человѣка, Гамлетъ рѣшился притвориться сумасшедшимъ. Отклонивъ отъ себя такимъ образомъ подозрительный надзоръ матери и Клавдія, онъ съ своей стороны могъ тѣмъ удобнѣе наблюдать за ихъ дѣйствіями. О помѣшательствѣ его прежде всѣхъ узнала Офелія, дочь министра Полонія, любившая Гамлета и сама страстно имъ любимая. Выискивая способы открыть виновниковъ смерти отца, Гамлетъ обрадовался пріѣзду странствующихъ музыкантовъ: онъ уговорилъ ихъ сыграть сочиненную имъ сцену, въ которой изображено убійство. На представленіи были королева и Клавдій; послѣдній смутился и вышелъ изъ театра, когда актеръ, согласно разсказу тѣни, влилъ въ ухо ядъ другому актеру, спавшему въ саду. Гертруда выговариваетъ сыну неприличное его обращеніе съ дядей, но сынъ разоблачаетъ передъ ней всю гнусность ея поступка. При разговорѣ его съ матерью, Полоній спрятался въ комнатѣ, чтобы донесть *Клавдію обо всемъ* слышанномъ. Гамлетъ убиваетъ его, обличившаго свое присутствіе невольнымъ крикомъ, думая, что то былъ самъ король. Офелія, потрясенная смертью отца, лишилась разсудка. Король отправляетъ Гамлета въ Англію съ двумя придворными, которые должны были погубить его. Но Гамлетъ узналъ ихъ замыселъ и воротился въ Данію. Въ то же время воротился изъ Парижа и Лаертъ, сынъ Полонія, извѣщенный о смерти своего отца. По навѣтамъ короля, онъ хочетъ мстить за нее Гамлету, въ которомъ видитъ также виновника сумасшествія Офеліи. Гамлетъ принимаетъ вызовъ. Король велѣлъ намазать шпагу Лаерта смертельнымъ ядомъ и, кромѣ того, влилъ яду въ кубокъ съ виномъ, приготовленный для Гамлета, чтобы, въ случаѣ неудачи одной смерти, воспользоваться другимъ средствомъ. Начинается поединокъ. Гамлетъ даетъ ударъ Лаерту. Королева пьетъ за здоровье сына изъ отравленнаго кубка. За тѣмъ Лаертъ наноситъ ударъ Гамлету, который въ то же время выбиваетъ его рапиру и бросаетъ свою. Разгорячась, они незамѣтно мѣняются рапирами. Королева лишается чувствъ: ядъ подѣйствовалъ и она умираетъ. Раненый Лаертъ открываетъ все Гамлету, который закалываетъ короля. Послѣ того умираютъ Лаертъ и Гамлетъ.

279. МАКБЕТЪ (стр. 424).

Предлагаемъ сокращенное изложеніе исторіи Макбета по разсказу Вальтеръ-Скотта въ его Исторіи Шотландіи (русскій переводъ, въ 3 ч., нап. 1831).

Вскорѣ послѣ того, какъ скотты и пикты составили одинъ народъ, въ Шотландіи царствовалъ Дунканъ, имѣвшій двухъ малолѣтнихъ сыновей: Малькольма и Дональдбана. Когда датскій флотъ высадилъ войско на шотландскій берегъ, Дунканъ ввѣрилъ начальство надъ своей арміей гламисскому тану Макбету, при которомъ находился также родственникъ его Банко. Раз-

бивъ непріятеля и заставивъ его бѣжать на суда, Макбетъ и Банко направили свой путь къ Форесу, городу сѣверной Шотландіи. На дорогѣ встрѣтили они вѣдьмъ, какъ представлено въ сценѣ, напеч. въ Христ. Часть предсказаній ихъ исполнилась, и Макбетъ началъ помышлять о королевскомъ санѣ. Честолюбивая жена его предлагала ему единственный къ тому способъ—убіеніе Дункана, на что Макбетъ долго не рѣшался. Но потомъ вѣроломныя увѣщанія одержали верхъ. Дунканъ былъ убитъ въ то время, какъ посѣтилъ замокъ Макбета: убійца сложилъ всю вину на двухъ воиновъ, которые всю ночь оставались при особѣ короля вооруженными, но которыхъ леди Макбетъ напоила одуряющимъ питьемъ. Макбетъ въ притворномъ бѣшенствѣ закололъ ихъ, чтобъ они въ послѣдствіи не могли служить какою-нибудь уликой цареубійцѣ. Сыновья Дункана оставили Шотландію; одинъ изъ нихъ, Малькольмъ, бѣжалъ къ англійскому королю, Эдуарду-Исповѣднику. Боясь соперничества, Макбетъ подкупилъ злодѣевъ умертвить Банко и сына его Флинса: первый былъ убитъ, но послѣдній спасся и бѣжалъ въ Валлисъ. Терзаемый совѣстью и страхомъ, Макбетъ совѣтуется съ вѣдьмами: отъ нихъ узналъ онъ, что онъ до тѣхъ поръ сохранитъ корону, пока Бирнамскій лѣсъ не двинется къ его замку, выстроенному на высокой горѣ. Хотя лѣсъ отстоялъ отъ замка на 12 миль, но Макбетъ рѣшился еще болѣе укрѣпить свое жилище: шотландскіе таны обязаны были доставлять ему строительные матеріалы. Изъ всѣхъ вельможъ, Макдуфъ былъ наиболѣе опасенъ убійцѣ Дункана, почему Макбетъ питалъ къ нему скрытую ненависть. Макдуфъ зналъ это хорошо: онъ рѣже являлся ко двору, считая себя безопаснымъ только въ своемъ замкѣ, лежащемъ близь Фортскаго залива. Однажды, на пиршествѣ у Макбета, переданы были Макдуфу угрожающія слова короля-похитителя; Макдуфъ поспѣшилъ въ свой замокъ, а оттуда на кораблѣ отплылъ въ Англію. Убѣжденный его совѣтами, Эдуардъ Исповѣдникъ отправилъ противъ Макбета войско подъ начальствомъ Сиварда, графа нортумберландскаго. При извѣстіи о томъ, таны шотландскіе оставили Макбета и соединились съ Малькольмомъ. Макбетъ заперся въ своемъ замкѣ. Малькольмъ и Макдуфъ достигли Бирнамскаго лѣса и расположились при немъ лагеремъ. На другой день, когда надлежало имъ перейти долину для нападенія на замокъ, Макдуфъ велѣлъ каждому воину взять по древесной вѣтки, чтобъ Макбетъ не могъ знать числа непріятельскаго войска. Стража, стоявшая на стѣнахъ, извѣстила короля, что Бирнамскій лѣсъ идетъ къ замку. Сподвижники Макбета, видя, что онъ лишился всякой надежды, оставили замокъ. Между тѣмъ Макбетъ ободрился и бросился на врага, предводительствуя небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ. Онъ сразился съ Макдуфомъ среди самой жаркой свалки, и былъ убитъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Малькольмъ вступилъ на престолъ.

281. КОРОЛЬ ЛИРЪ (стр. 439).

«Король Лиръ», главное и величественнѣйшее изъ лицъ всей драмы, есть истинный король древней Британіи, король патріархъ, «король отъ головы до ногъ», какъ онъ самъ говоритъ про себя слѣпому Глостеру. Лиръ прожилъ на свѣтѣ болѣе восьмидесяти лѣтъ; но могучая великанская природа стараго властителя не утратила съ годами ни силы, ни страстности, ни самовластія. Передъ кѣмъ изъ образованныхъ людей, благодаря Шекспиру, при имени короля Лира не рисуется эта почтенная, грозная фигура царственнаго старца, съ длинной сѣдой бородою, въ широкомъ королевскомъ облаченіи, съ печатью безпредѣльной власти во всякомъ движеніи, съ отраженіемъ маститой патріархальности во взглядѣ? Въ

самыхъ недостаткахъ Лира все властно и царственно. Въ первыхъ сценахъ драмы, являясь разрушителемъ своего счастія, неразумнымъ гонителемъ лучшей своей дочери, несправедливымъ властелиномъ относительно преданнѣйшаго изъ слугъ своихъ, Лиръ все-таки исполненъ истиннаго величія. Онъ упоенъ своимъ могуществомъ, онъ испорченъ общимъ поклоненіемъ, онъ отвыкъ отъ правды и выраженій истинной преданности; но онъ все-таки остается первымъ между первыми, грозою своихъ недруговъ, патріархомъ своего королевства. Люди не въ силахъ бороться съ нимъ даже тогда, когда онъ самъ накликаетъ на себя бѣды, выставляетъ наружу всѣ свои слабости. Смирить его можетъ только перстъ Божій, неотразимая воля небесъ, имъ самимъ вызванная. Всѣ страданія Лира не что иное, какъ одинъ великій урокъ, данный мудрымъ Промысломъ человѣку, сильнѣйшему между всѣми смертными. Дивно прекрасенъ и божественно мудръ выходитъ этотъ урокъ, проявленіе высшаго правосудія, не только сокрушившаго всю человѣческую гордыню въ наказуемомъ, но, сверхъ того, поставившаго само наказуемое лице, посредствомъ великихъ страданій, на высшую ступень между грѣшниками, истинно просвѣтленными чрезъ ихъ наказаніе.

По природѣ своей, король Лиръ полонъ любви, правосудія, мудрости; но качества эти, затемненныя его безграничной гордостью, забытыя вслѣдствіе постоянныхъ удачъ и общаго раболѣпства, могутъ только выказаться подъ тяжелымъ гнетомъ наказующаго Промысла, посреди бѣдствій нечеловѣческихъ. Бѣдствія обыкновенныя не могли бы надломить душу самовластнаго старца, пробудить все добро, въ ней заключающееся: для того-то жизнь его кончается посреди страданій, какъ бы размѣренныхъ по силамъ полубога, нравственнаго Алкида между смертными. Читатель Шекспира, проливая слезы *надъ старымъ* королемъ, проливаетъ ихъ не изъ одной жалости. Безъ ужасовъ, которымъ подвергался Лиръ отъ своей собственной семьи, Лиръ никогда не свершилъ бы всего своего назначенія, никогда не развился бы всѣми сторонами своего царственнаго духа, никогда не достигъ бы того торжественнаго просвѣтленія, о которомъ мы сейчасъ говорили. Въ ту минуту, когда старецъ король падаетъ безъ дыханія на трупъ обожаемый своей Корделіи, всякій человѣкъ, способный слушаться голоса поэтической мудрости, *преисполняется возвышеннымъ пониманіемъ святости человѣческаго страданія, законности самыхъ тяжкихъ испытаній.*

Прослѣдимъ же, придерживаясь этой послѣдней мысли, за главными дѣйствіями нашего короля-патріарха. Въ первой сценѣ мы видимъ его во всемъ блескѣ величія и гордости. Нѣтъ предѣловъ силѣ и счастію Лира: онъ почти богъ для своихъ подданныхъ; его домъ цвѣтетъ дочерьми-красавицами; двѣ дочери нашли уже себѣ мужей, благоговѣйно повинующихся старому королю; изъ-за третьей, лучшаго перла въ его вѣнцѣ, спорятъ двое могучихъ владыкъ, повелители Бургонія и Франціи. Долгіе годы почета и спокойствія ожидаютъ старика впереди, ибо, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, Лиръ еще имѣетъ много жизни передъ собою. Короли, подобные Лиру, живутъ до ста лѣтъ, сохраняя свѣжесть всѣхъ своихъ способностей, можетъ быть дѣлаясь съ годами жестче и властолюбивѣе, но никакъ не кротче душою.

И вотъ, посреди такихъ условій, старецъ-король начинаетъ ощущать потребность полнаго спокойствія. Онъ утомленъ дѣятельностію правителя, утомленъ пирами и раболѣпствомъ; онъ рѣшается «дать мѣсто юношамъ» и сложить съ себя заботы трудной власти королевской. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что желаніе спокойствія въ Лирѣ есть не что иное, какъ капризъ, общій ему съ Карломъ V и Діоклитіаномъ; но капризъ такихъ полновластныхъ причуд-

никовъ слишкомъ часто приводится въ исполненіе на горе самимъ властителямъ.

И такъ при началѣ пьесы, открывающейся сообразно древнимъ величавымъ легендамъ, нашъ старецъ-король, при собраніи цѣлаго двора, объявляетъ о раздѣлѣ царства на три части. Лучшая изъ частей должна поступить той дочери, которая его больше любитъ; каждая изъ дочерей должна высказать свои родственныя чувства при всемъ многочисленномъ собраніи чиновъ королевства. Эта странная прихоть, эта величавость и торжественность семейственнаго процесса ясно указываетъ намъ, что Лиръ, собираясь «безъ ноши на плечахъ плестись ко гробу», не разстался ни съ одной изъ особенностей своего самовластія. На покой желаетъ онъ удалиться торжественно, сердечныя изліянія дочерей должны быть выражены пышной рѣчью. И когда, послѣ напыщенныхъ, льстивыхъ тирадъ Реганы и Гонерильи, стыдливая Корделія не находитъ въ себѣ силы на пышныя фразы, старый король, раздраженный ея прямотою, осыпаетъ укоризнами любимое свое дитя, лишаетъ наслѣдства ту дочь, которая столько лѣтъ была драгоцѣннѣйшей подпорою его старости.

Разъ показавъ въ себѣ, на зло своимъ тихимъ замысламъ, короля отъ головы до ногъ, Лиръ уже не останавливается въ своемъ гнѣвномъ неразуміи. Оскорбивъ лучшую изъ дочерей своихъ, онъ оскорбляетъ лучшаго изъ своихъ подданныхъ. Левъ, пожелавшій на минуту сдѣлаться ягненкомъ, пробудился и сталъ рыкать по львиному. Честный Кентъ изгнанъ, едва избѣгнувъ смерти за свою правдивость. Корделія опозорена, унижена передъ ея женихами; король французскій, оставшійся вѣрнымъ бѣдной принцессѣ, осыпанъ недружескими словами. Наслѣдство меньшой дочери раздѣлено между дочерьми старшими, корона отдана зятьямъ, король самъ производитъ себя въ нахлѣбники Реганы и Гонерильи, Корделія отпущена безъ благословенія, герцоги и вельможи, собранные въ тронной залѣ, по всей вѣроятности, расходятся въ большомъ ужасѣ.

Такъ кончаетъ Лиръ со своимъ золотымъ королевскимъ вѣнцомъ; но праведная судьба готовитъ для сѣдой головы его другой великій вѣнецъ — страданія, вѣнецъ искупленія прежнихъ долгихъ заблужденій. Въ послѣдней сценѣ перваго дѣйствія горькій плодъ уже взросъ изъ горькихъ сѣмянъ, только что посѣянныхъ старцемъ. Старшая дочь его, Гонерилья Альбанская, видимо тяготится своимъ родителемъ. Ея недавнія льстивыя рѣчи истекали изъ злаго сердца. Она ненавидитъ Лира, ненавидитъ его самовластныя привычки, ненавидитъ его свиту, конечно, не очень привлекательную по образу ея жизни. Большое благодѣяніе забыто,— мелкія непріятности стоятъ на первомъ планѣ. Гонерилья самовольно распускаетъ половину Лировой свиты и, придравшись къ первому случаю, осмѣливается кинуть въ лицо своему отцу-благодѣтелю самые дерзкіе, самые язвительные упреки.

Нельзя не остановиться съ благоговѣніемъ надъ тѣмъ геніальнымъ мастерствомъ, съ какимъ Шекспиръ развиваетъ дѣйствіе дѣтской неблагодарности на могучую душу короля Лира. Со старикомъ давно уже худо обходятся во дворцѣ Гонерильи; но онъ еще не понимаетъ этого дурнаго обхожденія, неспособенъ даже *подумать* о небрежности со стороны дочери. Въ Лирѣ много прямоты и честности; онъ способенъ понять открытую вражду, вспыльчивую ссору (подобную его ссорѣ съ Корделіею), но преднамѣренной злобы онъ не въ силахъ распознать, пока она сама не выльется предъ нимъ во всемъ своемъ адскомъ безобразіи. Оттого его поведеніе при дерзостяхъ, наконецъ сказанныхъ ему Гонерильею, не можетъ не потрясти души читателя. Истинный актеръ долженъ думать объ этой сце-

нѣ съ особеннымъ вниманіемъ. Вся пылкость, вся необузданная ярость, на какую только способна повелительная, страстная природа, должны вполнѣ высказаться съ той минуты, когда всѣ сомнѣнія его разсѣялись. *Въ первый разъ*, въ теченіе всей своей жизни, король-патріархъ встрѣчаетъ открытое оскорбленіе,—и отъ кого же? Гнѣвъ его долженъ доходить до крайнихъ предѣловъ гнѣва человѣческаго: отъ проклятій его сами боги должны содрогаться! Онъ еще новъ въ страданіи, онъ еще не присмотрѣлся къ дѣтской неблагодарности. Его воспоминаніе о Корделіи (*я ее обидѣлъ*!), его задумчивыя слова шуту, слѣдующія за жгучими воплями уязвленнаго отцовскаго сердца, должно понимать, какъ краткіе интервалы между пароксизмами, какъ вздохи организма, замученнаго порывами безпредѣльнаго гнѣва. — Лиръ разстается съ Гонерильею и ѣдетъ къ Реганѣ.

Регана Корнвальская еще злѣе и неблагодарнѣе, чѣмъ Гонерилья. Лиръ отчасти приготовленъ къ пріему, его ожидающему: онъ много думалъ дорогою; на дворѣ замка онъ увидѣлъ своего гонца, преданнаго постыдному наказанію. Регана и мужъ ея медлятъ выйти къ своему гостю. Но, догадываясь и подозрѣвая, Лиръ, съ отчаяніемъ утопающаго, крѣпко держится за послѣднюю соломенку. Онъ не довѣряетъ своимъ подозрѣніямъ, сдерживаетъ въ себѣ порывъ гнѣва, силится объяснить всѣ дурные признаки въ хорошую сторону; *онъ винитъ себя за свой крутой нравъ и подозрительность*, — онъ, король отъ головы до ногъ, недавній повелитель Британіи! Оттого, при тяжкомъ своемъ объясненіи съ Реганой, старикъ тихъ, долготерпѣливъ и даже почти угодливъ. Онъ разражается въ проклятіяхъ на одну Гонерилью; онъ не даетъ воли своему сердцу даже тогда, когда вторая дочь, змѣя имъ вскормленная, открыто беретъ сторону старшей злодѣйки. Если сцена съ первой *дочерью* потрясаетъ зрителя, сцена съ Реганой вызываетъ на глаза его горячія слезы. Пріѣздъ Гонерильи, дерзость обѣихъ дочерей дѣлаютъ наконецъ всякую иллюзію невозможною. Лиръ одинъ въ цѣломъ мірѣ; все для него погибло. У него нѣтъ ни дочерей, ни крова. Въ бурную ночь покидаетъ онъ замокъ Реганы, и ворота замка запираются за оскорбленнымъ родителемъ.

Здѣсь, въ безотрадной степи, подъ проливнымъ дождемъ и змѣистыми молніями, выплакавъ всѣ свои слезы и высказавъ всѣ проклятія, въ его душѣ накопившіяся, Лиръ является несомнѣнно болѣе великимъ, нежели былъ на своемъ прародительскомъ тронѣ, посреди трепещущихъ подданныхъ, въ кругу покорнаго семейства. Періодъ просвѣтленія начинается; великая казнящая рука, тяготѣя надъ душой старца, извлекаетъ наружу всѣ доблести, въ ней заключенныя. Разсудокъ короля, до самаго дна взволнованный страданіемъ, выбрасываетъ наружу дивныя слова и дивныя мысли, подобно бурному морю, выкидывающему на берегъ изъ своей глубины многоцѣнные перлы и кораллы. Поверхностные блюстители сценическихъ законовъ пытались утверждать, что въ положеніи несчастнаго старца, выгнаннаго подъ бурю своими дочерьми, некогда говорить высокими мыслями и поэтическимъ образомъ: такая рѣчь пуста, чтобъ не сказать болѣе. Въ простой мѣщанской драмѣ оскорбленный отецъ находитъ великія слова въ своемъ несчастіи, а въ драмѣ Шекспира передъ нами не только отецъ, но престарѣлый король, патріархъ-титанъ, пораженный огнемъ небеснымъ.

Оттого-то всѣ рѣчи Лира въ степи кажутся намъ не только высокими и поэтическими, но истинными и вѣрными въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Упорный металлъ расплавленъ страшнымъ огнемъ, упорная душа смягчена неслыханными ударами судьбы. Передъ нами уже не тотъ вспыльчивый старикъ, который, въ упоеніи самовластія, кидался съ мечемъ на вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ,

не тотъ отецъ, который отказывалъ меньшой своей дочери въ прощальныхъ ласкахъ: въ страдальцѣ-королѣ является намъ человѣкъ, исполненный человѣческихъ стремленій. Не взирая на тоску, его гнетущую, онъ находитъ время пожалѣть о бѣдномъ шутѣ, промоченномъ до костей; онъ вспоминаетъ о страждущихъ нагихъ несчастливцахъ, принужденныхъ перенести такую ночь.

И всѣ слова Лира, въ промежуткахъ его сѣтованія до поврежденія разсудка, и даже послѣ его поврежденія, согласуются съ сейчасъ нами приведенными. Онъ проситъ Кента войти въ шалашъ и успокоиться; онъ принимаетъ участіе въ бѣдномъ Томѣ; и когда Глостеръ хочетъ увести несчастнаго короля изъ шалаша на ферму, Лиръ никакъ не желаетъ бросить юродиваго нищаго, уже кажущагося ему «ученымъ аѳиняниномъ» и философомъ, исполненнымъ премудрости.

Около Довера, вблизи отъ Корделіи, поспѣшившей съ французскимъ войскомъ на помощь къ родителю, мы снова встрѣчаемъ короля Лира, одного, въ полномъ помѣшательствѣ. Подобно тому, какъ человѣкъ подъ вліяніемъ вина разсказываетъ сокровенныя тайны души своей, несчастный старецъ высказываетъ намъ и въ помѣшательствѣ великія стороны своего царственнаго духа. Не взирая на бредъ, сплетающійся съ чистою правдой его рѣчей, на этомъ мѣстѣ нельзя не повторить словъ самого Лира: «король отъ головы до ногъ». Мудрымъ, правосуднымъ, истиннымъ королемъ произноситъ Лиръ свои разбросанныя сужденія о правдѣ, законѣ и добродѣтели. Люди, сами пораженные горемъ, внимаютъ ему благоговѣйно, потому что въ словахъ помѣшаннаго старика просвѣчивается душа, имъ хорошо знакомая. Призраки разстроеннаго воображенія родятъ въ Лирѣ благой помыселъ за благимъ помысломъ; личность его, отрѣшенная отъ гордыни и властныхъ увлеченій, свѣтлѣетъ съ каждымъ словомъ.

Нужно ли говорить о томъ, что всѣ сцены, сейчасъ нами набросанныя, давно уже примирили читателя съ Лиромъ? Уже въ концѣ перваго дѣйствія читатель, только что видѣвшій старца-короля достойнымъ божескаго наказанія, начинаетъ переходить на сторону грѣшника, всей душой своей стоять за родителя, такъ жестоко караемаго за свои ошибки, такъ тяжко оскорбленнаго во всѣхъ своихъ привязанностяхъ. Полное примиреніе съ Лиромъ происходитъ во время сценъ въ степи и помѣшательства; но этимъ дѣло еще не кончается. И читатель и зритель должны жить жизнью Лира, плакать его слезами, восхищаться его радостями. Король приходитъ въ себя послѣ долгаго сна, въ палаткѣ у Корделіи. Ясный солнечный лучъ на время разрѣзалъ черныя тучи, висѣвшія надъ страдальцемъ, и какъ радуемся мы этому лучу, какъ привѣтствуемъ мы его появленіе! Постель короля окружена лицами преданныхъ ему слугъ; всюду встрѣчаетъ онъ умиленно-благоговѣйные взгляды. Надъ его изголовьемъ рыдаетъ его меньшая дочь или небесный ангелъ, на нее похожій. Старикъ Лиръ приходитъ въ себя и тихо опускается на колѣни передъ существомъ, когда-то имъ непонятымъ. Хвалить мастерство, съ какимъ поэтъ выполнилъ всю эту нѣжную сцену, придалъ исцѣленію Лира колоритъ вѣрный и трогательный, наконецъ говорить о томъ искусствѣ, съ какимъ окружилъ онъ небеснымъ свѣтомъ свое любимое созданіе, принцессу Корделію—мы считаемъ не только лишнимъ, но смѣшнымъ даже. Пробужденіе Лира въ палаткѣ есть картина, воспоминаніе о которой возноситъ человѣка, понимающаго поэзію, въ міръ неземной, въ область духовъ свѣта.

Если Корделія явилась достойною дочерью въ отношеніи къ бѣдному своему родителю, то какъ и платитъ ей король Лиръ за ея преданность, какъ заглаживаетъ онъ самый слѣдъ своей прежней ошибки! Натура старца, необуздан-

ная въ гнѣвѣ, не знаетъ предѣловъ въ дѣлѣ любви. Все ею выстраданное, ею перенесенное за послѣднее время, только могло увеличить эту способность къ отцовской привязанности, эту потребность любви, доходящую до изступленія. Никогда, ни одинъ изъ отцовъ цѣлаго міра не любилъ своей дочери такъ, какъ Лиръ любилъ Корделію. Любовь Гамлета къ Офеліи — стоющая любви сорока тысячъ братьевъ — меркнетъ передъ такой страстью. Отцовскіе восторги Лира доходятъ до ребячества, до безпредѣльнаго старческаго эгоизма, невыразимаго словомъ. Когда войска Корделіи побиты Эдмундомъ, когда король Лиръ и дочь его попались въ руки злѣйшему своему гонителю, любящій отецъ, сопровождаемый стражами, лишенный свободы, не можетъ думать ни о свободѣ, ни о царствѣ, ни о своемъ проигранномъ дѣлѣ. Онъ забылъ даже о старшихъ дочеряхъ и о ихъ злобѣ; при напоминаніи о нихъ онъ только говоритъ съ отвращеніемъ, но безъ гнѣва:

> Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Скорѣй уйдемъ въ темницу:
> Мы будемъ пѣть въ ней, будто птицы въ клѣткѣ!

Для него темница вдвоемъ съ Корделіей стоитъ рая. Въ своей трогательной слѣпотѣ онъ даже не горюетъ за Корделію. Быть возлѣ нея, стоять передъ ней на колѣняхъ, благословлять ее, сказывать ей старыя сказки, смѣяться надъ всѣмъ свѣтомъ, лишеннымъ такого блаженства: — вотъ всѣ стремленія отца, живаго въ одной только своей отцовской любви. Онъ не можетъ наглядѣться на Корделію, не можетъ придумать для нея достаточно ласковыхъ названій, онъ даетъ волю своему страстному сердцу; потому онъ великъ и въ неволѣ, и въ цѣпяхъ, и передъ лицемъ своего побѣдителя. Эдмундъ, желѣзный Эдмундъ, опьяненный славой и черными помыслами, не можетъ глядѣть хладнокровно на эти радостныя слезы, на эти поцѣлуи, на эти восторги, на эти высокія безумства родительской нѣжности. *Взять ихъ скорѣй!* говоритъ онъ воинамъ. Что значатъ эти короткія слова: *взять ихъ скорѣй!* Шекспиръ скупъ на поясненія ролей. Намъ кажется, что самъ Эдмундъ, собираясь умертвить Лира и Корделію, не можетъ видѣть ихъ ласкъ безъ какого-то непонятнаго ему чувства.

О послѣдней сценѣ драмы, въ которой Лиръ является съ мертвой Корделіей въ своихъ объятіяхъ, мы многаго сказать не въ силахъ; передъ подобными моментами едва ли не безсильны всѣ восторги цѣнителей. Съ поразительной физіологической вѣрностью идутъ одинъ за другимъ всѣ признаки окончанія Лировыхъ страданій. Зрѣніе великаго мученика померкаетъ; онъ не узнаетъ вида и голоса своихъ друзей; на трупы Реганы и Гонерильи смотритъ онъ беззаботными глазами. Связь его съ землей разорвана; одна мысль и одна любовь, какъ послѣднее звено, еще держатся въ его сердцѣ. Онъ не отходитъ отъ трупа Корделіи и умираетъ, глядя на остатки того, что было ему всего драгоцѣннѣе въ цѣломъ свѣтѣ. Примирительная жертва совершилась. Воля небесъ исполнилась вполнѣ, и, на мѣсто прежняго несправедливаго короля Лира, міру остался идеалъ великаго страдальца, на вѣчныя времена просвѣтленнаго чрезъ свои страданія. (*Дружининъ, во вступленіи къ переводу Лира*).

283. ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА (стр. 455).

Въ этой романтической трагедіи, состоящей изъ пролога и пяти дѣйствій, Шиллеръ († 1803) отступилъ отъ исторіи: Іоанна умираетъ отъ ранъ, въ полнотѣ божественнаго одушевленія, при яркомъ сіяніи солнца. Шиллеръ представилъ освобожденіе Франціи отъ враговъ какъ религіозный подвигъ; трагизмъ героини состоитъ въ борьбѣ ея человѣческихъ влеченій (любви къ врагу отчизны, англійскому вождю Ліонелю)

съ ея таинственнымъ предназначеніемъ; борьба разрѣшается нравственнымъ самоосвобожденіемъ: Орлеанская Дѣва выходитъ изъ нея побѣдительницей, собственною силою пріобрѣтая снова то самое, что прежде было даромъ свыше:

. . . . Чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли.

284. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ (стр. 461).

Нѣкоторыя статьи, письма и замѣтки Пушкина знакомятъ насъ съ его понятіями о драмѣ вообще, а равно съ образцами и источниками его работы при созданіи Бориса Годунова.

Въ статьѣ о драмѣ *) и во французскихъ письмахъ по поводу Бориса Годунова **) Пушкинъ особенно останавливается на вопросѣ о *правдоподобіи*, которое, по его мнѣнію, исключается самою сущностью драмы, хотя и считается главнымъ ея условіемъ и основаніемъ. Онъ разсуждаетъ такъ: «Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыться и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ: но можетъ ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна наполнена зрителями, а другая лицами, которыя стараются показать, что не замѣчаютъ первыхъ?— Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ наблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели часто не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ альдермановъ; у Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку; у Расина полускиѳъ Ипполитъ ее подымаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза; Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ швейцарская гвардія; римляне Корнеля суть если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Совсѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изумленій и восторговъ». Не говоря уже о единствѣ времени и мѣста, въ самомъ языкѣ дѣйствующихъ лицъ Пушкинъ также находитъ причину невозможности соблюдать правдоподобіе въ драмѣ: «напримѣръ, Филоктетъ у Лагарпа *чистымъ французскимъ* языкомъ отвѣчаетъ Пирру, выслушавъ его тираду: «увы! я слышу сладкіе звуки *эллинской* рѣчи!» Все это только условное неправдоподобіе.

«Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? *Истина страстей*, *правдоподобіе положеній въ предполагаемыхъ* обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя».—И въ другомъ мѣстѣ: «истинные геніи трагедіи старались достигнуть только *правдоподобія характеровъ и положеній*».

Мнѣніе Пушкина направлено противъ французской теоріи, по которой необходимо въ драмѣ соблюдать единство времени и мѣста для произведенія полнаго очарованія въ зрителяхъ. Но очарованіе въ томъ смыслѣ, какъ понимала его французская піитика, то есть въ смыслѣ обмана, заставляющаго публику принять поэтическое воспроизведеніе дѣйствительности за самую дѣйствительность, невозможно ни по устройству новаго театра, которое не дозволяетъ публикѣ ни на одну минуту забыться до того, чтобы она не знала, гдѣ она находится, ни по языку дѣйствующихъ лицъ (греки, напримѣръ,

*) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. 6.
**) Ib. т. I. стр. 442—445 и 130—150.

ная въ гнѣвѣ, не знаетъ предѣловъ въ дѣлѣ любви. Все ею выстраданное, ею перенесенное за послѣднее время, только могло увеличить эту способность къ отцовской привязанности, эту потребность любви, доходящую до изступленія. Никогда, ни одинъ изъ отцовъ цѣлаго міра не любилъ своей дочери такъ, какъ Лиръ любилъ Корделію. Любовь Гамлета къ Офеліи — стоющая любви сорока тысячъ братьевъ — меркнетъ передъ такой страстью. Отцовскіе восторги Лира доходятъ до ребячества, до безпредѣльнаго старческаго эгоизма, невыразимаго словомъ. Когда войска Корделіи побиты Эдмундомъ, когда король Лиръ и дочь его попались въ руки злѣйшему своему гонителю, любящій отецъ, сопровождаемый стражами, лишенный свободы, не можетъ думать ни о свободѣ, ни о царствѣ, ни о своемъ проигранномъ дѣлѣ. Онъ забылъ даже о старшихъ дочеряхъ и о нихъ злобѣ; при напоминаніи о нихъ онъ только говоритъ съ отвращеніемъ, но безъ гнѣва:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Скорѣй уйдемъ въ темницу:
Мы будемъ пѣть въ ней, будто птицы въ клѣткѣ!

Для него темница вдвоемъ съ Корделіей стоитъ рая. Въ своей трогательной слѣпотѣ онъ даже не горюетъ за Корделію. Быть возлѣ нея, стоять передъ ней на колѣнахъ, благословлять ее, сказывать ей старыя сказки, смѣяться надъ всѣмъ свѣтомъ, лишеннымъ такого блаженства: — вотъ всѣ стремленія отца, живаго въ одной только своей отцовской любви. Онъ не можетъ наглядѣться на Корделію, не можетъ придумать для нея достаточно ласковыхъ названій, онъ даетъ волю своему страстному сердцу; потому онъ великъ и въ неволѣ, и въ цѣпяхъ, и передъ лицемъ своего побѣдителя. Эдмундъ, желѣзный Эдмундъ, опьяненный славой и черными помыслами, не можетъ глядѣть хладнокровно на эти радостныя слезы, на эти поцѣлуи, на эти восторги, на эти высокія безумства родительской нѣжности. *Взять ихъ скорѣй!* говоритъ онъ воинамъ. Что значатъ эти короткія слова: *взять ихъ скорѣй!* Шекспиръ скупъ на поясненія ролей. Намъ кажется, что самъ Эдмундъ, собираясь умертвить Лира и Корделію, не можетъ видѣть ихъ ласкъ безъ какого-то непонятнаго ему чувства.

О послѣдней сценѣ драмы, въ которой Лиръ является съ мертвой Корделіей въ своихъ объятіяхъ, мы многаго сказать не въ силахъ; передъ подобными моментами едва ли не безсильны всѣ восторги цѣнителей. Съ поразительной физіологической вѣрностью идутъ одинъ за другимъ всѣ признаки окончанія Лировыхъ страданій. Зрѣніе великаго мученика померкаетъ; онъ не узнаетъ вида и голоса своихъ друзей; на трупы Реганы и Гонерильи смотритъ онъ беззаботными глазами. Связь его съ землей разорвана; одна мысль и одна любовь, какъ послѣднее звено, еще держатся въ его сердцѣ. Онъ не отходитъ отъ трупа Корделіи и умираетъ, глядя на остатки того, что было ему всего драгоцѣннѣе въ цѣломъ свѣтѣ. Примирительная жертва совершилась. Воля небесъ исполнилась вполнѣ, и, на мѣсто прежняго несправедливаго короля Лира, міру остался идеалъ великаго страдальца, на вѣчныя времена просвѣтленнаго чрезъ свои страданія. (*Дружининъ, во вступленіи къ переводу Лира*).

283. ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА (стр. 455).

Въ этой романтической трагедіи, состоящей изъ пролога и пяти дѣйствій, Шиллеръ († 1803) отступилъ отъ исторіи: Іоанна умираетъ отъ ранъ, въ полнотѣ божественнаго одушевленія, при яркомъ сіяніи солнца. Шиллеръ представилъ освобожденіе Франціи отъ враговъ какъ религіозный подвигъ; трагизмъ героини состоитъ въ борьбѣ ея человѣческихъ влеченій (любви къ врагу отчизны, англійскому вождю Ліонелю)

съ ея таинственнымъ предназначеніемъ; борьба разрѣшается нравственнымъ самоосвобожденіемъ: Орлеанская Дѣва выходитъ изъ нея побѣдительницей, собственною силою пріобрѣтая снова то самое, что прежде было даромъ свыше:

. . . . Чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли.

284. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ (стр. 461).

Нѣкоторыя статьи, письма и замѣтки Пушкина знакомятъ насъ съ его понятіями о драмѣ вообще, а равно съ образцами и источниками его работы при созданіи Бориса Годунова.

Въ статьѣ о драмѣ *) и во французскихъ письмахъ по поводу Бориса Годунова **) Пушкинъ особенно останавливается на вопросѣ о *правдоподобіи*, которое, по его мнѣнію, исключается самою сущностью драмы, хотя и считается главнымъ ея условіемъ и основаніемъ. Онъ разсуждаетъ такъ: «Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыться и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ: но можетъ ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна наполнена зрителями, а другая лицами, которыя стараются показать, что не замѣчаютъ первыхъ?— Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ наблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели часто не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ альдермановъ; у Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку; у Расина полускиѳъ Ипполитъ ее подымаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза; Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ швейцарская гвардія; римляне Корнеля суть если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Совсѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изумленій и восторговъ». Не говоря уже о единствѣ времени и мѣста, въ самомъ языкѣ дѣйствующихъ лицъ Пушкинъ также находитъ причину невозможности соблюдать правдоподобіе въ драмѣ: «напримѣръ, Филоктетъ у Лагарпа *чистымъ французскимъ* языкомъ отвѣчаетъ Пирру, выслушавъ его тираду: «увы! *я слышу сладкіе звуки эллинской* рѣчи!» Все это только условное неправдоподобіе.

«Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? *Истина страстей*, *правдоподобіе положеній въ предполагаемыхъ* обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя».—И въ другомъ мѣстѣ: «истинные геніи трагедіи старались достигнуть только *правдоподобія характеровъ и положеній*».

Мнѣніе Пушкина направлено противъ французской теоріи, по которой необходимо въ драмѣ соблюдать единство времени и мѣста для произведенія полнаго очарованія въ зрителяхъ. Но очарованіе въ томъ смыслѣ, какъ понимала его французская піитика, то есть въ смыслѣ обмана, заставляющаго публику принять поэтическое воспроизведеніе дѣйствительности за самую дѣйствительность, невозможно ни по устройству новаго театра, которое не дозволяетъ публикѣ ни на одну минуту забыться до того, чтобы она не знала, гдѣ она находится, ни по языку дѣйствующихъ лицъ (греки, напримѣръ,

*) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. 6.
**) Ib. т. I. стр. 442—445 и 130—150.

говорятъ по-французски на французскомъ театрѣ, по-русски на русскомъ и т. д.), ни по самой формѣ рѣчи (такъ какъ большая часть трагедій написана стихами). Истинно поэтическое очарованіе, единственно возможное въ драмѣ, заключается въ томъ, чтобы дѣйствіе, ею представляемое, производило на зрителей именно то впечатлѣніе, какое оно должно производить по своему характеру и какое имѣлъ въ виду авторъ. Такого рода очарованіе достигается *правдоподобіемъ характеровъ и положеній*, истиною страстей и разговора, составляющими, какъ выразился Пушкинъ, настоящіе законы трагедіи.

Источники и образцы Бориса Годунова указаны самимъ авторомъ: «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ развитіи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

А) Что̀ разумѣлъ Пушкинъ подъ вольнымъ и широкимъ развитіемъ характеровъ у Шекспира, ясно видно изъ его записокъ и сказанныхъ французскихъ писемъ, въ которыхъ онъ Шекспировской манерѣ творчества противопоставляетъ манеру Мольера и Байрона: «Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шейлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря: принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною гордостію, но справедливо: онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!» Разбирая затѣмъ характеръ Фальстафа, Пушкинъ указываетъ главную черту его — сластолюбіе. Но кромѣ этого преобладающаго качества, Фальстафъ имѣетъ и другія: онъ трусъ, прикрывающій свою трусость уклончивой и насмѣшливой дерзостью; онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету; онъ не глупъ; онъ слабъ какъ баба; правилъ у него нѣтъ никакихъ. Всѣ эти второстепенныя черты вмѣстѣ съ главною и образуютъ то многообразіе характера, которое свойственно человѣку и которымъ одарены лица, созданныя Шекспиромъ.

«Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу, но что за человѣкъ Шекспиръ! Я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ предъ нимъ Байронъ—трагикъ, Байронъ, во всю свою жизнь понявшій только одинъ характеръ — именно свой собственный. И вотъ Байронъ одному лицу далъ свою гордость, другому ненависть, третьему меланхолическую настроенность: такимъ образомъ изъ одного полнаго, мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія? — Существуетъ и еще заблужденіе. Придумавъ разъ какой-нибудь характеръ, писатель старается высказать его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, на подобіе моряковъ и педантовъ въ старыхъ романахъ Фальдинга.

Злодѣй говоритъ: *дайте мнѣ пить*, какъ злодѣй, — а это смѣшно. Это однообразіе, этотъ придуманный лаконизмъ и безпрерывная ярость — все это далеко отъ природы. Отсюда неловкость разговора и бѣдность его. Но разверните Шекспира. Никогда не выдаетъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Онъ говоритъ у него со всею беззаботностію жизни, потому что въ данную минуту, въ настоящее время, поэтъ уже знаетъ, какъ заставить его говорить, сообразно характеру, имъ выражаемому».

Слѣдуя Шекспировской манерѣ въ созданіи характеровъ, Пушкинъ представилъ дѣйствующія лица своей драмы, какъ главныя такъ и второстепенныя, во всей полнотѣ и разнообразіи ихъ качествъ. Первое лице — Борисъ Годуновъ — находится постоянно подъ гнетомъ совѣсти. Это наиболѣе рѣзкая черта въ его душевномъ настроеніи. Отсюда постоянное безпокойство и тревога. Онъ самъ говоритъ, что жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста. Сознавая свой тяжкій грѣхъ и боясь крамолъ и покушеній на власть и жизнь свою, онъ сдѣлался подозрителенъ, недовѣрчивъ и жестокосердъ: заточилъ или постригъ людей знатнѣйшаго рода, устроилъ шпіонство въ домахъ между прислугой, самъ распрашивалъ доносчиковъ, хотѣлъ все знать. Подозрительность и страхъ заставили его прибѣгать къ кудесникамъ и гадателямъ. Въ сценѣ съ партіархомъ и боярами, молившими его принять вѣнецъ, высказались притворство и лицемѣріе. Но съ другой стороны, Борисъ Годуновъ— высокій державный умъ, по словамъ Басманова. Онъ сознаетъ вредъ мѣстничества, которое намѣренъ уничтожить, и посылаетъ Басманова начальствовать надъ войскомъ, ставя въ воеводы умъ, а не родъ. Онъ сознаетъ сладкій плодъ ученья и совѣтуетъ сыну учиться, такъ какъ наука даетъ возможность легче и яснѣе постигать державный трудъ. Наконецъ онъ добрый и попечительный отецъ семейства: онъ искренно жалѣетъ, что судьба не судила ему быть виновникомъ счастія дочери.

Самозванецъ, въ разговорѣ съ Пименомъ, сѣтуетъ на то, что съ отроческихъ лѣтъ скитается бѣднымъ инокомъ, а не тѣшится въ бояхъ, не пируетъ за царской трапезой: такое сѣтованіе уже даетъ знать о его природной наклонности къ тревожной и разгульной жизни. Въ восьмой сценѣ (Корчма на литовской границѣ) онъ сначала хотѣлъ избавиться отъ приставовъ плутней, а когда это не удалось, онъ избѣжалъ неволи дерзкою отвагою. Эта отвага и смѣлость развились еще болѣе въ школѣ у Запорожцевъ. Какъ служанка Марины передаетъ своей госпожѣ слухъ, что онъ былъ дьячекъ, извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ, такъ и русскій плѣнникъ, на вопросъ самого самозванца: какъ обо мнѣ судятъ въ вашемъ станѣ? отвѣчаетъ: говорятъ, что ты - дескать и воръ, а молодецъ. Московскихъ бѣглецовъ, къ нему явившихся, онъ обворожилъ умомъ, привѣтливостью и ловкостью. Одинъ изъ монологовъ самозванца открываетъ намъ, что онъ рожденъ небоязливымъ и предпріимчивымъ, что онъ не смущался въ опасныхъ обстоятельствахъ и не содрогался духомъ даже когда была близка къ нему смерть. Храбрость его засвидѣтельствована и отзывомъ Маржерета: «Ce diable de Samosvanetz est un qrave à trois poils». Онъ любитъ поэзію и уважаетъ поэтовъ; ему даже знакомъ голосъ латинской музы. Онъ легкомысленъ: ухаживая за Мариной и пируя въ замкѣ Мнишка, онъ забылъ и войну и московскій тронъ. Въ любви Марины онъ видитъ единственное свое блаженство, ставитъ эту любовь выше царственной власти и тутъ же сознается ей въ самозванствѣ. Упрекъ Марины ты самъ съ такою простотой, такъ «вѣтрено» позоръ свой обличаешь, ука-

зываетъ на вѣтреность, какъ на особую черту его характера. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и гордъ, какъ видно по его отвѣту на упрекъ:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я...
Погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною.

Обуянный гордыней, обманывая и Бога и царей, этотъ, по выраженію Карамзина, проходимецъ не былъ чуждъ любви къ отчизнѣ; при восторгахъ Курбскаго, какъ будетъ ниже сказано, онъ впалъ въ печальное раздумье: ему стало жаль крови своихъ соотечественниковъ, которая вскорѣ должна была пролиться. Другая хорошая въ немъ черта — умѣнье отдавать справедливость и врагамъ: досадуя на нѣмцевъ, отразившихъ его войско, онъ, однакожъ, называетъ ихъ молодцами и намѣренъ образовать изъ нихъ почетную дружину. О безпечности самозванца свидѣтельствуетъ одинъ изъ его сторонниковъ (Пушкинъ), который, видя, какъ претендентъ на русскій престолъ спокойно уснулъ послѣ проиграннаго сраженія, говоритъ:

Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ какъ глупое дитя.

Наконецъ онъ понимаетъ свое положеніе среди поляковъ: онъ знаетъ (какъ это ясно изъ его возраженія Маринѣ, въ 14-ой сценѣ), что ни король, ни папа, ни вельможи и не думаютъ о правдѣ словъ его; что имъ нѣтъ дѣла до того — Димитрій онъ или нѣтъ; что имъ лишь нуженъ предлогъ для войны: а такъ какъ этотъ предлогъ нашли они въ немъ, то онъ и не опасается за свой обманъ, вѣруя притомъ, по легкомыслію или по духу предпріимчивости, въ свою судьбу.

По примѣру Шекспира, говоритъ Пушкинъ, я ограничился изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами, романическими вспышками и проч. Этими словами поэтъ какъ бы давалъ знать, что его Борисъ Годуновъ болѣе всего подходитъ къ такъ называемымъ историческимъ драмамъ или хроникамъ Шекспира, которыя А. Шлегель уподобляетъ отдѣльнымъ пѣснямъ величественной драматической эпопеи. Хроники эти (въ числѣ десяти) объемлютъ, съ небольшими перерывами, цѣлыя три столѣтія англійской исторіи (XIII, XIV и XV). Главный интересъ сосредоточивается на борьбѣ домовъ Ланкастерскаго и Іоркскаго (война бѣлой и алой розы), изображенной въ четырехъ піесахъ (3 части Генриха VI и Ричардъ III); другія пять піесъ (Ричардъ II, двѣ части Генриха IV, Генрихъ V и король Іоаннъ) дополняютъ или поясняютъ первыя двѣ; остальная (Генрихъ VIII, со вступленіемъ котораго на престолъ кончился циклъ возмущеній, раздоровъ и войнъ внѣшнихъ и междоусобныхъ) стоитъ отдѣльно. — Драма Пушкина, не раздѣленная на акты, въ двадцати четырехъ сценахъ изображаетъ важнѣйшія событія и лица въ періодъ семи лѣтъ, трехъ мѣсяцевъ и двадцати дней (съ 20 февраля 1598 г. — наканунѣ избранія Годунова въ цари — до смерти его сына Ѳедора, 10 іюня 1605 г.). Такъ какъ въ исторіи Годунова есть нѣкоторыя сходственныя обстоятельства съ исторіей Генриха IV (до вступленія на престолъ Болинброка, герцога ланкастерскаго), то естественно, что Пушкинъ, независимо отъ слѣдованія Шекспиру въ созданіи характеровъ, могъ еще подражать ему и въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такого рода подражаніе замѣтно въ предсмертныхъ наставленіяхъ Бориса своему сыну (сцена 21-ая). Болинброкъ былъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ, высланъ изъ отечества своимъ двоюроднымъ братомъ, ко-

ролемъ Ричардомъ II. Воротясь въ то время, какъ король находился въ Ирландіи, Болинброкъ съ своими приверженцами поднялъ знамя бунта, склонивъ парламентъ къ низложенію Ричарда, умершаго потомъ съ голоду въ одномъ отдаленномъ замкѣ, и къ возведенію его самого на престолъ, хотя законнымъ наслѣдникомъ былъ Эдуардъ Мортимеръ. Беззаконныя дѣйствія не остались безъ послѣдствій. Генрихъ IV провелъ почти все время своего царствованія въ заботахъ объ удержаніи престола. Окружавшія его лица знали, какимъ путемъ достигъ онъ власти, и своими возстаніями напоминали ему о его прежнемъ положеніи. Умирая, Генрихъ IV даетъ наставленіе своему сыну, какъ наслѣднику престола. Приводимъ ихъ для сличенія съ наставленіями Годунова:

... Подойди
Теперь ко мнѣ, и выслушай мои,
Какъ думаю, послѣдніе совѣты.
Богъ вѣдаетъ, мой сынъ, какимъ путемъ
Достигнулъ я вѣнца, и самъ я знаю,
Какъ зыбко, какъ невѣрно онъ держался
На головѣ моей. Къ тебѣ теперь
Онъ переходитъ тверже и законнѣй:
Весь черный путь, которымъ онъ достигнутъ,
Сойдетъ со мной въ могилу. Онъ на мнѣ
Казался почестью, неправо взятой;
Я видѣлъ постоянно предъ глазами
Людей, которыхъ помощью успѣлъ
Его достигнуть; это порождало
Раздоры и крамолы въ государствѣ,
Которые я долженъ былъ смирять
Нерѣдко самъ съ опасностію жизни.
Вся жизнь моя была печальной драмой
Такого содержанья; но теперь
Моя кончина все перемѣняетъ.
Похищенное мною переходитъ
Къ тебѣ путемъ законнымъ по наслѣдству.
Не довѣряй, однако, слишкомъ много
Такому положенью дѣлъ; обиды
Еще свѣжи; мои друзья, которыхъ
Ты долженъ привязать къ себѣ, лишились
Своихъ зубовъ и жалъ еще недавно.
Вознесенный ими, я всегда былъ долженъ
Бояться, чтобъ они не захотѣли
Меня низвергнуть вновь, и потому,
Сразивъ однихъ, я думалъ съ остальными
Идти въ Святую Землю, чтобы праздность
Не побудила ихъ взглянуть поглубже
Въ мои права. Поставь себѣ, мой сынъ,
За правило—стараться занимать
Умы войной, чтобъ тѣмъ скорѣй и легче
Изглаживалась память прошлыхъ дней.
Но надо кончить! голосъ мой слабѣетъ,
И я не въ силахъ высказать всего,
Что думаю. О Боже! отпусти
Мнѣ грѣхъ, которымъ я достигъ короны,
И утверди ее за нимъ въ покоѣ.

Есть также одно мѣсто въ Борисѣ Годуновѣ (сцена 5-ая, когда князь Курбскій и Самозванецъ приблизились къ русской границѣ), имѣющая по тону нѣкоторое сходство со второю сценою 2-го дѣйствія въ неконченной трагедіи Шиллера: «Димитрій Самозванецъ». У Пушкина, молодой князь прискакалъ первый и съ восторгомъ привѣтствуетъ отечество; Самозванецъ, напротивъ, ѣдетъ тихо, съ поникшей головой:

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
Забывъ отцемъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна,
Готовишься законнаго царя
Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курбскій.

Ужель и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, Царевичъ!
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванецъ.

Кровь русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ: я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!...
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!

У Шиллера, самозванецъ съ однимъ изъ польскихъ военачальниковъ, Одовальскимъ, и казакомъ Разинымъ подъѣзжаютъ къ пограничному столбу, отдѣляющему владѣнія польскія отъ русскихъ. Сцена представляетъ пригорокъ, осѣненный деревьями; съ него открывается веселая окрестность: широкая рѣка, зеленыя нивы, церковные куполы

нѣсколькихъ городовъ. Димитрій приходитъ въ раздумье.

Рaзинъ.

... Посмотри, нашъ царь
Задумался надъ чѣмъ-то.

Димитрій.

И вотъ эти
Поля, доселѣ мирныя, я долженъ
Наслѣдовать оружіемъ, какъ врагъ.

Одовальскій.

Такъ, государь, и слѣдуетъ.

Димитрій.

Послушай,
Вѣдь ты полякъ, а я москвичъ природный,
Вѣдь это все—все родина моя.
Прости меня, прости, земля родная!
Прости меня и ты, столбъ пограничный
Съ наслѣдственнымъ родительскимъ орломъ!
Простите, что съ оружіемъ враждебнымъ
Я въ мирный храмъ насильственно вхожу,
Чтобъ возвратить законное по праву:
И достоянье отчее, и имя! *)

Б) Карамзину Пушкинъ слѣдовалъ и въ основномъ воззрѣніи на Бориса Годунова, и въ представленіи многихъ фактовъ его царствованія. Годуновъ драмы, какъ Годуновъ исторіи,—убійца царевича Димитрія, мучимый совѣстью, чуждый спокойствія и счастія, наказываемый печальными событіями семейными и государственными. Монологъ въ 7-й сценѣ (Достигъ я высшей власти), выражающій это внутреннее состояніе цареубійцы, соотвѣтствуетъ взгляду историка, воспроизводя то, что сказано послѣднимъ въ его исторіи **).

Для сличенія, послѣ словъ Годунова въ этомъ монологѣ, указываю соотвѣтствующія мѣста въ Исторіи Карамзина***).

*) Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, томъ VI-ой, стр. 54—56.

**) Исторія Государства Россійскаго, изданіе Эйнерлинга, книга Ш, томъ XI, стр. 55—57. Смотри въ 1-мъ томѣ Христоматіи, на стр. 47, статью 37.

***) Указанія сдѣланы по XI-тому, въ 3-й книгѣ Эйнерлингова изданія.

Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ, и дал.

(Стр. 33 и примѣчаніе 70).

Богъ посылалъ на землю нашу гладъ.

(Стр. 65—67).

Вотъ еще нѣсколько подобныхъ указаній и къ другимъ сценамъ драмы:

Сцена 1, слова Воротынскаго: «Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга» и пр. (книга Ш, т. X, стр. 132).

Сцена 2, слова Щелкалова: «Соборомъ положили», и пр. (ib. стр. 134).

Сцена 3, слова бабы съ ребенкомъ: «Ну чтожъ? какъ надо плакать», и далѣе до конца сцены (ib. стр. 134 и примѣчаніе 397).

Сцена 9, молитва, читаемая мальчикомъ (ib., т. XI, стр. 56—57; см. статью 37 въ 1 т. Христоматіи стр. 47).

Въ той же сценѣ, слова Пушкина, отъ стиха: «что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ»... до стиха: «котораго захочешь наказать» (ib. стр. 57, 63—64, отъ словъ: «не было торжественныхъ казней»...)

Сцена 23, слова Пушкина къ народу съ амвона (ib. стр. 114—116, параграфъ: «измѣна москвитянъ»).

В) Что касается до лѣтописей, то самъ Пушкинъ свидѣтельствуетъ, что онѣ, кромѣ указанія образа мыслей и языка эпохи, представленной въ драмѣ, дали ему матеріалъ для превосходнаго изображенія древнерусскаго монаха: «Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собраны черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти Царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышитъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ мирной жизни безмятежныхъ иноковъ».

Для характеристики Григорія, въ его разговорѣ съ Пименомъ, см. также Исторію Карамзина, книга III, т. XI, стр. 73 и 74.

Представляемъ мнѣніе И. Кирѣевскаго о Борисѣ Годуновѣ.

Трагедія Пушкина есть трагедія «историческая»: главный предметъ ея не страсть, не характеръ, не лицо, а цѣлое время, вѣкъ. Она представляетъ картину извѣстной эпохи. Но эта эпоха развита только въ одномъ отношеніи — «въ отношеніи къ послѣдствіямъ цареубійства». Содержаніе драмы составляетъ очищеніе преступленія, наложеннаго на совѣсть Бориса убійствомъ царственнаго отрока. И Борисъ и Самозванецъ, и Россія и Польша, и монашеская келья и государственный совѣтъ, всѣ лица и всѣ сцены поставлены для выраженія той основной идеи, что злодѣяніе, подобное Борисову, сопровождается личными, семейственными и государственными несчастіями *). Тѣнь умерщвленнаго Димитрія царствуетъ въ трагедіи отъ начала до конца, управляетъ ходомъ всѣхъ событій, служитъ связью всѣмъ лицамъ и сценамъ, разставляетъ въ одну перспективу всѣ отдѣльныя группы, и различнымъ краскамъ даетъ одинъ общій тонъ, одинъ кровавый оттѣнокъ.

Если убіеніе Димитрія съ его государственными послѣдствіями составляетъ главную нить и главный узелъ созданія Пушкина, то несправедливо искать средоточія этой піесы въ Борисѣ, или Самозванцѣ, или въ жизни народа; несправедливо также думать, что въ ней нѣтъ единства, потому будто, что лице Бориса заслонено второстепеннымъ лицемъ Самозванца. Авторъ имѣлъ цѣлію показать фактическія послѣдствія цареубійства, и эта цѣль достигнута вполнѣ. Твореніе его, съ этой точки зрѣнія разсматриваемое, удивительно гармоніею своихъ частей и интересомъ каждой части.—Кромѣ «фактическихъ» послѣдствій злодѣянія, какъ главной идеи драмы, представлено и «психологическое вліяніе его на убійцу», такъ что если, съ одной стороны, монахъ въ темной кельѣ произноситъ надъ Годуновымъ приговоръ судьбы и потомства, то, съ другой стороны, самъ Годуновъ выражаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ піесы угрызенія своей совѣсти.

Большая часть трагедій, особенно новѣйшихъ, имѣетъ предметомъ дѣло совершающееся, или долженствующее совершиться. Трагедія Пушкина развиваетъ послѣдствія дѣла уже совершеннаго, и преступленіе Бориса является не какъ «дѣйствіе», но какъ сила, какъ мысль, которая обнаруживается мало по малу то въ шопотѣ царедворца, то въ тихихъ воспоминаніяхъ отшельника, то въ одинокихъ мечтахъ Григорія, то въ силѣ и успѣхахъ Самозванца, то въ ропотѣ придворномъ, то въ волненіяхъ народа, то въ угрызеніяхъ совѣсти Бориса, то, наконецъ, въ громкомъ ниспроверженіи неправедно царствовавшаго дома. Это постоянное возрастаніе коренной мысли въ событіяхъ разнородныхъ, но связанныхъ между собою однимъ источникомъ, даетъ ей характеръ сильно трагическій и такимъ образомъ позволяетъ ей заступить мѣсто господствующаго лица, или страсти, или поступка.—Такое трагическое воплощеніе мысли болѣе свойственно древнимъ, чѣмъ новѣйшимъ. Оно находится въ Эсхиловомъ Прометеѣ, гдѣ еще менѣе ощутительной связи между сценами; оно находится и въ нѣкоторыхъ новыхъ произведеніяхъ, наприм. въ Мессинской невѣстѣ (Шиллера), въ Фаустѣ (Гете), въ Манфредѣ (Байрона).

*) Эта основная идея высказывается самимъ Годуновымъ въ монологѣ: «Достигъ я высшей власти».

285. ОБЛАКА (стр. 469).

Кромѣ Стрепсіада и Сократа въ этой комедіи Аристофана, жившаго въ V в.

до Р. Х., дѣйствуютъ слѣдующія лица: Филиппидъ (сынъ Стрепсіада), Правосудъ и Кривосудъ (логики), Пансій и Аминій (ростовщики). Главная мысль ея—превратное образованіе юношества, современнаго комику. Въ Правосудѣ и Кривосудѣ противопоставлены двѣ системы воспитанія: прежняя, доставившая отечеству мараѳонскихъ героевъ, внушавшая молодому поколѣнію чувства вѣры, правоты и скромности, и новая, поселяющая въ юношахъ невѣріе, развратъ и любовь къ словопренію, научающая ихъ умничать и гордиться умничаньемъ, доставляющая способы говорить съ равнымъ искусствомъ въ пользу и противъ одного и того же предмета. Сократъ выведенъ какъ представитель софистическаго духа, который разрушительно дѣйствовалъ на народныя вѣрованія и строгость прежнихъ нравовъ.

Конецъ втораго и послѣдняго тома.

Stanford University Libraries
3 6105 019 708 283

